

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1981

Издательство «Наука»
Москва
1982

Настоящий выпуск ежегодника содержит сравнительно-исторические и этимологические исследования в области языков и культур балто-славянского и смежных с ним ареалов, а также исследования по индоевропейской акцентологии и морфонологии.

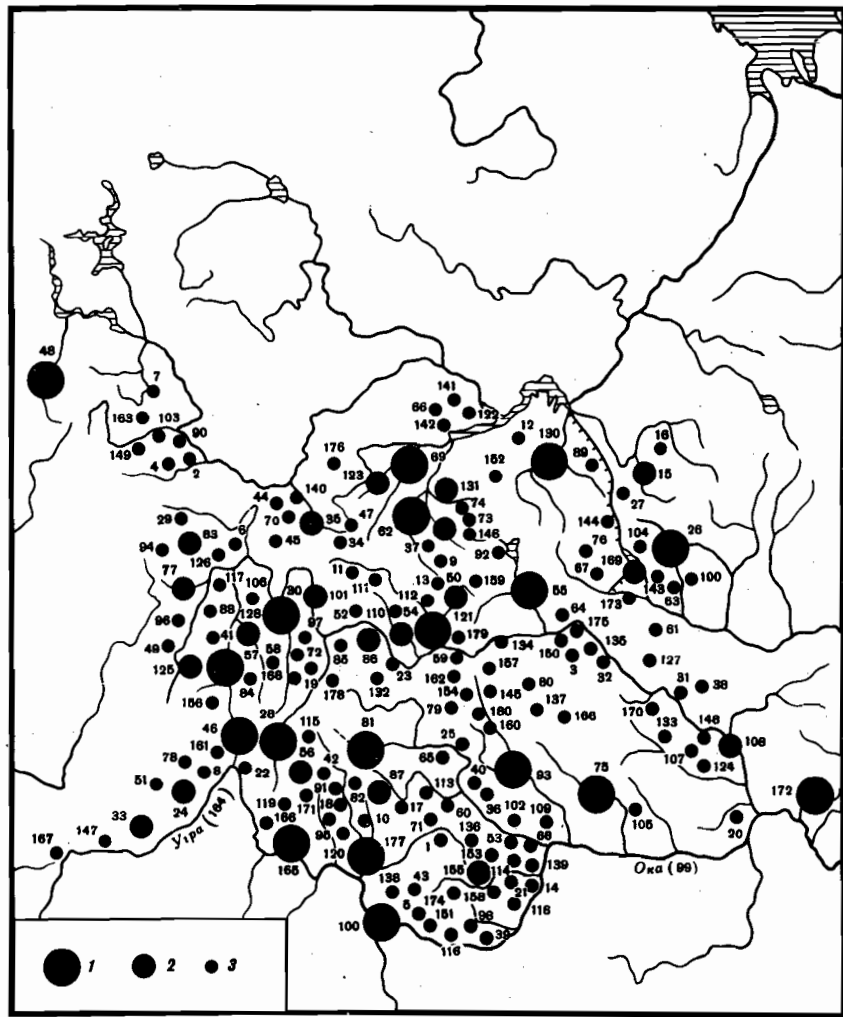
Редакционная коллегия:
Вяч.Вс. Иванов (отв. редактор),
К.П. Корсакас, В.П. Мажюлис, Л.Г. Невская,
М.К. Рудзите, Т. М. Судник (отв. секретарь),
А.Е. Супрун, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев

В.Н. ТОПОРОВ

ДРЕВНЯЯ МОСКВА В БАЛТИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Возможность постановки этой темы¹ в самой значительной степени обусловлена успехами в определении в о с т о ч н ы х границ распространения гидронимии балтийского типа. Если говорить о Подмоскowie, то в полосе, определяемой примерно 55-56° северной широты, восточная граница балтийского гидронимического ареала устанавливается на сегодняшний день следующим образом: в с е в е р н о й части Подмоскowie она близка к линии, соединяющей западную оконечность Волжского (Иваньковского) водохранилища, Истринское водохранилище и Москву (сам город или районы, примыкающие к нему непосредственно с востока)²; в ю ж н о й части Подмоскowie эта граница идет на юго-восток, практически по течению р. Москвы вплоть до ее впадения в Оку³ (см. карту 1). Этот вариант восточной границы гидронимии балтийского типа надежен в двух отношениях: во-первых, в ареале к западу от этой границы решительно преобладают среди слоя старой гидронимии балтийские водные названия и, во-вторых, в нем отмечены лишь

- ¹ Подступы к ней намечены в ряде статей автора. Ср.: "Baltica" Подмоскowie. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 217-280; О балтийском элементе в Подмоскowie. - Baltistica, I priedas. Vilnius, 1972, p. 185-224; Galindai - Galindite - Голядь (балт. *Galind- в этно-лингвистической и ареальной перспективе). - В кн.: Древняя история балтийских народов. Рига, 1980, с. 24-36; Балтийский горизонт древней Москвы. - In: Acta Baltico-Slavica, 1981; Голядский фон ранней Москвы (о балтийском элементе в Подмоскowie). - В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс, 1981, с. 112-117, и др.
- ² Исключения немногочисленны и не очень выразительны. Известное количество гидронимических балтизмов отмечено и к востоку от этой линии (ср. некоторые речные названия в басс. Б. Сестры или Клязьмы), но они выступают как не более чем случайные вкрапления в безусловно небалтийском (финноязычном) контексте.
- ³ Однако самая восточная часть угла, образуемого впадением Москвы в Оку (к востоку от устья Пахры и устья Лопасни) обнаруживает резкое возрастание финноязычных водных названий.

Карта 1. Карта гидронимов балтского происхождения на Волго-Окском междуречье.

а - балтские гидронимы (размеры значков зависят от величины реки, озера)
Из кн.: Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971, с. 101, рис. 1.

очень немногие и к тому же изолированные финноязычные названия. К востоку от указанной границы положение резко и кардинально меняется: здесь уже основным и почти всегда надежным компонентом гидронимии является финноязычный, тогда как балтийские следы немногочисленны, разрозненны и нередко вообще вызывают сомнение в их надежности. В более ранних работах автора этих строк (статьи 1972 г.),

как и у В.В. Седова⁴, при определении наиболее восточных балтизм не все факты достаточно надежны. Наряду с некоторыми ошибочными объяснениями и отдельными неточностями, ряд гидронимов квалифицируются как балтийские, хотя осторожнее было бы истолковывать их как двусмысленные или по крайней мере, не исключающие их интерпретации как балтийских, но в то же время допускающие и иные объяснения. Тем не менее такой "перехлест" в первых попытках установления этноязыковой границы не только естествен, но, пожалуй, и оправдан: реальная граница устанавливается лишь в результате своего рода "пост-коррекции", опирающейся на сопоставление данных относительно территории по обе стороны от действительной границы⁵. Кроме того, при установлении такой точной границы распространения гидронимии данного типа необходимо считаться со своеобразной лингвистической диффракцией, объясняющей наличие ряда сходных явлений по обе стороны от границы, хотя реально соответствующий этноязыковой комплекс находился лишь по одну сторону от границы. В этом смысле одиночные балтизмы из числа наиболее продвинутых на восток гидронимов не могут использоваться для доказательства присутствия балтийского этнического элемента именно в этом месте. Тем не менее, разумеется, и такие балтизмы или даже псевдобалтизмы подлежат учету. Дело в том, что они в определенном смысле могут рассматриваться как своеобразная мимикрия данного комплекса в условиях вторжения на его территорию чужого элемента, находящегося в соседнем локусе. Речь идет о формировании некоей защитной прослойки, где выкристаллизовываются элементы, которые в данную эпоху и в разных культурно-исторических и этнолингвистических контекстах могут интерпретироваться "в обе стороны" (и как балтийские, и как финноязычные, если говорить об определенном районе Подмоскowie - к востоку

⁴ См.: Седов В.В. Балтская гидронимика Волго-Окского Междуречья. - В кн.: Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971, с. 99-113 (ср. карты 1-3); *Он же*. Гидронимия голяди. - В кн.: Питання гідроніміки. Київ, 1971, с. 131-137 (ср. карты 2, 5). В первой из указанных работ восточная граница расселения балтов по данным гидронимии определяется следующим образом: "... начинаясь приблизительно близко впадения р. Сестры в Волгу, она опускается вдоль северо-западных окраин Дмитровского района Московской обл. до реки Вори, левого притока Клязьмы. Пересекая затем Клязьму где-то близ устья Вори, граница эта идет вдоль р. Пехорки до ее впадения в р. Москву. Ниже она изменяет направление на юго-восток, проходя вдоль течения р. Москвы до ее устья" (с. 108).

⁵ Такая "посткоррекция" почти неизбежна в тех лингвистических исследованиях, где, как в топонимических работах, оперируют массовыми (и притом не всегда однородными) примерами с разной степенью их вероятности относительно некоего единого критерия.

от Москвы, в узком меридиональном поясе от устья Цны на юге до Сергиева Посада на севере⁶).

Какой бы из вариантов восточной границы балтийской гидронимии ни был избран, территория Москвы оказывается в н у т р и балтийского ареала (даже если она граничит с начинающимся к востоку другим ареалом). Именно поэтому домосковское и раннемосковское прошлое Подмосковья неотделимо от истории балтийского элемента на этой же территории. Если учесть, что в районе Москвы столкнулись два основных славянских колонизационных потока, синтез которых во многом предопределил лицо будущей северо-восточной Руси XI-XIII вв. (кривичи с северо-запада и вятичи с юго-запада⁷), и на своем пути каждый из этих потоков (особенно, конечно, вятичский) не только сталкивался с балтийским населением, но и проходил сквозь балтийские территории, — то окажется, что в районе Москвы пришли в соприкосновение друг с другом два крупных восточнославянских племени, которые не впервые встретились с балтийскими племенами в Подмосковье, а уже прошли предварительную стадию контактов с балтийским элементом в верховьях Западной Двины и Волги и в северной части верхнего Поднепровья (кривичи), и в Поочье и Подесенье (вятичи). Это обстоятельство увеличивает значение темы балтийского фона древнего Подмосковья, внося в нее многослойную историческую перспективу.

Внутри того клина, которым вдается в Подмосковье ареал балтийской гидронимии, находится не менее 300 названий балтоязычного типа, а если расширить несколько эту территорию за счет примыкающих к Подмосковью уездов Калужской, Смоленской и Тверской губ., то количество названий увеличится до 400. Среди них: Алтинист, Алчанка; Батинка, Белейка, Бесенка, Бессулинка, Болва, Боринка, Брукель, Бунятка, Бутень, Бутинка; Важаночка, Вазуза, Веля, Велья, Велеса, Верзинка, Вилейка, Вилия, Волшня, Ворванка, Воржинка, Ворсинка, Ворча, Восьма, Вываня; Гжатъ, Гжелка, Гозбуже, Голедянка, Гряда; Дарченка, Дерельня, Держа, Дерзна, Деркулька, Дидейка, Дрезна, Дрогоча, Дуба, Дугна; Ендова; Жежмянка, Желанейка, Желема, Жетанка, Жижала, Жисмель, Житойка, Жукопа; Заденка, Заменка, Зерия; Издетель, Ильятенка, Иночь, Иснушка, Иснншка, Исня, Истонка, Истоя, Истра; Каденка, Калятинский, Карженка, Настинка, Катинка, Келенка, Кзелка, Кледейка, Клеткина, Колоча, Комеча, Кремична, Криста, Кубрь, Курица; Лама, Ланка, Лашутка, Летовка, Литинка, Лобь, Лосьмина, Лоша, Лусенка, Лусанка, Лушица; Макулка, Марвинка, Матренка, Меденка, Мединка, Мезинка, Мемеиша, Мерегель, Метиша, Можайка, Мошонка; На-

гатина, Нара, Непрета, Нетинка, Нудаль, Нудиль; Ока, Оканица, Ольсафка, Осенка, Осень, Осьмина, Отра; Поля, Понар, Понора, Протва; Ража, Репенка, Руза, Рукапа, Руть; Салита, Сарповка, Селеня, Селитенка, Сетка, Сетовка, Сетунь, Силинка, Скоба, Скобра, Сколба, Скородайка, Смедва, Сморгинка, Солка, Сомина, Спировка, Стебелька, Стеблянка, Стербинка, Субита; Тара, Таруса, Титель, Толжа, Турейка, Турсна, Тяжинка; Угра, Ужена, Ула, Улупинка, Усия, Уча, Ушанка, Ушибца, Ушна; Цидель; Чачинка, Чежень, Челеянка, Челвянка, Чермянка, Чертолино, Чечера, Чечора, Чисьмена, Чичата, Чичатка; Шана, Шанка, Шанкинка, Шипуленка, Шуть, Шутинка; Якоть и др.⁸ На этой же территории, естественно, находятся и многочисленные славянские названия, но они по своему происхождению относятся к позднему слою и связаны, как правило, с заведомо менее значительными речками, концентрирующимися в бассейне более заметной реки с балтийским типом названия. Здесь уместно сделать методологическое замечание, касающееся одной существенной особенности в распределении этнолингвистических элементов подмосковной гидронимии: если граница между гидронимией балтийского и финноязычного типа вполне реальна⁹, то между балтийской и славянской гидронимией Подмосковья никакой границы установить не удается. Эта особенность сигнализирует о такой ситуации, которая характеризуется, во-первых, сосуществованием на данной территории в определенный период двух разных этноязыковых комплексов (балтийского и славянского) и, во-вторых, хронологическими различиями между этими комплексами (балтийский элемент предшествовал здесь славянскому, который внедрялся в уже готовую гидронимическую номенклатуру, занимая свободные ячейки и частично трансформируя, "осваивая" уже имевшийся инвентарь названий). Эта ситуация (прежде всего последняя ее особенность) объясняет как отсутствие реальной границы между балтийской и славянской гидронимией Подмосковья (в других ареалах такая граница достаточно хорошо прослеживается), так и замену ее соотношением следующего типа: балтийские названия могут закрепляться как за крупными (разумеется, в масштабе Подмосковья), так и за мелкими (маленькими) реками, тогда как славянские названия — только за мелкими. Это соотношение выступает как ключевое при объяснении специфики соотношения балтийского и славянского элемента во времени и в пространстве, в данном случае — в Подмосковье, начиная со второй половины I тысячелетия н.э.

Вслед за лингвистическим открытием балтийского гидронимического ареала в Подмосковье (в известной степени он

⁶ Именно в этой полосе размещаются крайние восточные балтизмы В.В. Седовым.

⁷ Указывают, что именно в районе Москвы поселения вятичей переходили р. Москву, как правило, служившую межплеменной границей, вторгаясь в пределы кривичской территории. "Московский уезд, за исключением небольшого куса на севере, был весь вятичским", — пишет А.В. Арциховский, см. его книгу: Курганы вятичей. М., 1930.

⁸ Основной источник по гидронимии Подмосковья: Здановский И.А. Каталог рек и озер Московской губернии. М., 1926.

⁹ Это, разумеется, не означает, что в ареале балтийской гидронимии нет финноязычных вкраплений. Напротив, такие вкрапления хорошо известны и в западной ("балтийской") части Подмосковья, и в Тульской, Калужской или даже Смоленской губерниях.

отражен и в ряде лексических балтизмов в русских говорах Московской, Калужской, Смоленской губ.) существенно меняется оценка этнокультурных особенностей этого ареала и в свете археологии¹⁰. Единство старого взгляда археологов и историков, согласно которому все Волго-Окское междуречье до появления здесь славян, было заселено финноязычными племенами¹¹, начинает постепенно разрушаться. Симптомы этого разрушения и, главное, становление новой точки зрения в интерпретации археологических данных этого ареала можно видеть в предложении П.Н. Третьякова, объяснявшего значительные изменения в финно-угорской по происхождению культуре дьяковских городищ в первые века нашей эры инфильтрацией в Волго-Окское междуречье этнического элемента днепровско-балтийского происхождения, а также славянского элемента, носителя зарубинецкой культуры¹²; в мнениях М. Гимбутас, Х.А. Моора, В.В. Седова и некоторых других археологов о наличии в западной части Волго-Окского междуречья до прихода славян устойчивого балтийского элемента¹³; наконец, в замечательном

¹⁰ Характерно, что и в других ареалах, где лингвистически обнаруживались следы балтов, археологические подтверждения следовали за языковедческими (ср. Белоруссию, Смоленщину (верховья Днепра), территорию между верховьями Десны и Оки и т.п.).

¹¹ Ср., напр.: *Спицин А.А.* Медный век в Верхнем Поволжье. - В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского географического общества, т. V. СПб., 1903; *Он же.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. - Там же, т. VII. СПб., 1905; *Он же.* Археологические заметки. - В кн.: Труды секции археологии, вып. IV. М., 1928; *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916; *Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, т. 1. Л., 1925; *Он же.* Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. М., 1929; *Он же.* Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930 и др. (ср. также работы А. Тальгрена по фатьяновской культуре в Центральной России). Фактически та же точка зрения разделяется и в относительно недавнем исследовании, где дьяковская культура соотносится с финно-угорскими племенами, а древнее население Подмосковья считается мерянским. См.: *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.

¹² См.: *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. - В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Международная конференция славистов. Доклады. М., 1963; ср.: *Он же.* К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. - СА, 1957, № 2, с. 64-77; *Моора Х.А.* О древней территории расселения балтских племен. - СА, 1958, № 2, с. 23 и др.

¹³ См.: *Gimbutas M.* The Balts. London, 1963, p. 27, 82, 109 и др. Ср. также: *Седов В.В.* Балты и славяне в древности (по данным археологии). - В кн.: Из древнейшей

открытии Троицкого городища на правом берегу р. Москвы в 17 км выше Можайска, относящегося к москворецкой группе балтов и возникшего, видимо, в IV-III вв. до н.э. в связи с проникновением групп населения из верховьев Днепра (само городище просуществовало до V - начала VI в. н.э.)¹⁴. Данные археологического исследования Троицкого городища ценны не только тем, что они были первым наиболее развернутым и надежным свидетельством о "москворецких" балтах, но и в силу тех хронологических отношений, которые в них отражены. Дело в том, что нижний археологический слой городища еще удерживает старые финно-угорские особенности, тогда как позже они полностью перекрываются балтийскими чертами. С этой ситуацией соотносится очень основательное вытеснение финноязычной гидронимии в западном Подмосковье балтийской и позже славянской. Но особое значение в связи с темой этой статьи имеет реконструкция этнической картины Подмосковья по археологическим данным на рубеже I и II тысячелетия н.э., т.е. непосредственно перед основанием Москвы (отрезок примерно в 200 лет). В недавней статье Р.Л. Розенфельдта¹⁵, посвященной вопросу появления первых городов в Подмосковье, балтийский фон не только признается, но и выступает как та этнокультурная реальность, с которой столкнулись проникающие сюда славянские племена (вятичи). Более того, на основании данных, относящихся к погребальному обряду (автор датирует курганы с трупосожжением в Подмосковье временем до введения христианства, т.е. до 988 г., считая вместе с тем, что этот тип погребения не мог сколько-нибудь продолжительное время сохраняться даже в глухих уголках вятичской и кривичской территорий) и к керамике (речь идет о так называемой круговой керамике, которая стала распространяться у восточных славян преимущественно в 50-е годы X в.), предлагается довольно точная датировка древнейших славянских поселений в Подмосковье. Так, отмечается исключительно важный факт датировки первых курганов с трупосожжением в Под-

истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980, с. 19, рис. 3 - Д.А. Крайнов трактует дьяковскую культуру как финно-угорскую, но с большим включением балтийских элементов на Верхней Волге и индо-иранских на Оке. См.: *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972, с. 271; *Он же.* Фатьяновская культура и этногенез балтов. - В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980, с. 36-46; ср.: *Римантене Р.К.* К вопросу об образовании балтов. - В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977.

¹⁴ См.: Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970-1971.

¹⁵ См.: *Розенфельдт Р.Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам). - В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976, с. 5-16.

московье: до 988 г. такие курганы отмечены, как правило, только в самых южных районах области, на правобережье Оки, в Каширском, Зарайском и Серебрянопрудском районах (впрочем, и здесь количество этих курганов невелико)¹⁶. Эта особенность в размещении раннеславянских курганов с трупосожжением в Подмоскowie очень характерна, особенно если учесть важную роль Оки в этом месте как границы между двумя регионами (к северу и югу от нее). Оказывается, что ареал этих курганов находится в восточной части территории, ограничиваемой с севера Окой, текущей между Серпуховом и Озерами в строго широтном направлении, т.е. как раз там, где балтийская гидронимия представлена несравненно слабее, чем в западной части той же территории, и, наоборот, финноязычная гидронимия в отличие от более западной зоны очевидна (ср. *Мордовес* и т.д.)¹⁷.

Таким образом, восточное положение ранних славянских курганов в подмосковном Заочье соотносится с известной точкой зрения о начале освоения вятичских земель с восточка (ср. рост рязанских городов в XI-XII вв.; Рязань, правда, упоминается впервые в летописи только в 1096 г., Пронск - в 1186 г.)¹⁸. Описываемый здесь ареал (восточная часть правобережья Оки) достаточно четко противостоит ареалу, охватывающему Тульскую обл. и еще более южные районы, в котором курганов с трупосожжениями и поселений с лепной керамикой роменско-боршевского типа существенно больше (предполагается, что этот ареал начал осваиваться предками вятичей и радимичей уже с начала IX в. или даже конца VIII в.). "Из всего сказанного следует, что славянские поселения, как селища, так и городища (прообразы городов), могли появиться на правобережье Оки в пределах Московской области незадолго до 988 г., а на левобережье Оки - основной территории Московской области - только после 988 г. На этой территории пока не встречена славянская лепная керамика и не известно ни одного славянского кургана с трупосожжением, который следовало бы отнести ко времени до 988 г. Из этого следует заключить, что вятичи и кривичи пришли на левобережье Оки в основном после 988 г. Среди нескольких тысяч курганов, раскопанных археологами, только единичные можно датировать до 988 г., да и то с известными

¹⁶ Ср., впрочем, современное курганам поселение с лепной керамикой на левобережье Оки, у села Прилуки, на границе Серпуховского и Ступинского районов. Такого рода славянские поселения известны теперь и в Зарайском и Каширском районах, т.е. в ареале курганов с трупосожжением.

¹⁷ Против этой "восточной" части к северу от Оки находится острие Москво-Окского угла, где также очевидны финноязычные следы при том, что здесь известны и балтизмы.

¹⁸ К рязанско-голядской теме ср. о Святославе Ольговиче: онъ же шедъ взя град Голеди, и прочая власти повоева и возвратися в Резань. - ПСРЛ IX, с. 172.

оговорками"¹⁹. В Подмоскowie к северу от Оки, особенно в западных и южных районах, вплоть до прихода сюда славян (видимо, в самом конце X в.) главной формой поселения были укрепленные родовые поселки-городища, принадлежавшие в этих местах балтам и имевшие за собой длительную более чем тысячелетнюю традицию²⁰. В XI в., когда началась постепенная славизация Подмоскowie к северу от Оки, появляются смешанные славяно-балтские поселения на территории городищ железного века с "круговой" керамикой; их число, видимо, не превышало 200-300 (речь идет о селищах с несомненными славянскими чертами)²¹. Уже 20 лет назад отмечалось, что балто-славянское сосуществование в Верхнем Поднепровье носило мирный и длительный характер²². Балтийское население не отступило из Подмоскowie после прихода славян и осталось на своих местах. Резкой смены традиции не произошло, и это позволило балтийскому этническому элементу сохранить основные черты своей культуры и, главное, язык по меньшей мере до начала II тысячелетия н.э. Без этого условия сохранение огромной массы балтийских гидронимов (в частности, относящихся и к очень незначительным объектам) было бы совершенно невозможно²³. Такая же ситуация в неменьшей степени (а скорее, в большей) характеризовала балтов Подмоскowie. Дикость, запущенность, труднодоступность²⁴ и изо-

¹⁹ См.: Розенфельдт Р.Л. Указ. соч., с. 6-7.

²⁰ Тот же автор (с. 8) указывает, что ранние модификации таких городищ возникают на этой территории еще в VII-VI вв. до н.э.

²¹ Розенфельдт Р.Л. Указ. соч., с. 10-12.

²² См.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 236.

²³ Обращает на себя внимание очень малое количество известных нам славянских калек с балтоязычных гидронимов, что также должно рассматриваться как важный критерий степени близости двух взаимодействующих этносов, соответственно языков.

²⁴ Следует помнить, что путешествие "сквозь вятич" Владимира Мономаха еще в XII в. было геройством. Недаром Илья Муромец отваживается на такой путь: Как из славного города из Муромы... Наряжался Илья Муромец Иванович | Но стольному городу ко Киеву, | Он той дорожкой прямо езджу, | Котора залегла ровно тридцать лет, | Чрез те леса брянские, | Чрез черни грязи с моленские... ("Первая поездка Ильи Муромца в Киев" - Кирша Данилов № 49). Обычный путь в это время шел через Верхнюю Волгу и Смоленщину в обход вятичской земли. Характерно, что культурные инновации достигали вятичей позже, чем других славянских племен (так, курганы с труположением были усвоены ими позже других и сохранялись также дольше, чем у их соседей). Показательно особое положение вятичей среди других восточнославянских племен для составителей летописи. Распад племенной системы, как он отражен летописными данными, позже всего коснулся вяти-

лированность этой территории создавала особо выгодные условия для сохранения здесь (прежде всего в глухих поселениях по маленьким речкам) балтийской речи. Исследователи указывают, что при раскопках поселений местного населения в Подмосковье не обнаруживаются следов пожаров или разгрома, сопровождающих немирную смену старого населения. Точно так же на городищах конца IX-X вв. отсутствуют клады, обычно зарываемые в землю в условиях вторжения неприятеля. Особенно ярко культурно-хозяйственная преемственность проявляется в ряде городищ, где дяковский слой постепенно эволюционирует к славянскому слою (вятичскому) уже летописного времени²⁵.

В этих условиях "естественного" сосуществования двух этносов и двух языков москворецко-балтийская речь в том или ином виде могла сохраняться довольно значительное время, хотя стадия балто-русского двуязычия для балтов Подмосковья, надо полагать, была достигнута вскоре же после колонизации этих мест славянами. Уместно высказать предположение, что существует возможность и более точного определения времени, до которого балтийская речь звучала в Подмосковье. Для этого может оказаться полезным и обращение к некоторым реальным данным (сообщения летописи от 1058 г. и 1147 г. о голяди на Протве, против которой организуются военные походы, предполагают известную самостоятельность, в частности - и языковую, этой группы населения в относительно доступном районе юго-западного Подмосковья; в более глухих северо-восточных частях балтийского Подмосковья, где обитали "мирные" балты, балтийская речь, естественно, сохранялась позже чем середина XII в.) и к некоторым константным отношениям, формулируемым демографией. Обращение к последним должно предполагать следующие рамки: на территории Московской области (включая в нее и "не-балтийское" Подмосковье) ко времени монгольского нашествия, т.е. примерно к середине XIII в., насчитывалось 1000 - 1200 славянских поселений; в XI в., на два века раньше, их было

чей. Они упомянуты под своим именем еще в 1197 г., тогда как последние упоминания полян относятся к 944 г., древлян - к 990 г., новгородских словен - к 1018 г., кривичей - к 1127 г., дреговичей - к 1149 г., радимичей - к 1169 г., северян - к 1183 г. См.: *Арциховский А.В.* Указ. соч., с. 160 и след. Убийство вятичами киево-печерского монаха Кукши в начале XII в. также свидетельствует об устойчивости языческой традиции (по крайней мере, в глухих местах). Эти особенности вятичей приобретают особый интерес в свете последующего развития и усиления Московского княжества в XIII в.

²⁵ См.: *История Москвы*, т. 1. М., 1952, с. 13; *Розенфельдт Р.Л.* Указ. соч., с. 11. - На Смоленщине, однако, приход в IX в. нового населения сопровождался исчезновением городищ-святилищ в результате пожаров. См.: *Третьяков П.Н., Шmidt Е.А.* Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963, с. 27-37.

200-300 (данные Р.Л. Розенфельдта), причем для XI в. понятие "славянского" поселения едва ли противоречит наличию в нем и балтийского элемента. Следовательно, за 200 лет население Подмосковья в среднем увеличилось в 4-5 раз. Естественно, что в основном этот прирост был достигнут за счет внешнего притока славянского населения, а затем и за счет внутреннего роста населения по мере увеличения материальных ресурсов, связанных с началом подсечно-огневого земледелия. Количество же населения Подмосковья, которое могло существовать за счет скота, пасшегося на довольно ограниченной площади имевшихся пойменных лугов, и за счет охоты, рыбной ловли и собирательства, определяется применительно к V-VIII вв. н.э. в раз- мере 10-20 тыс. человек²⁶. Едва ли эти цифры сильно изменились ко времени, предшествовавшему инфильтрации славян в Подмосковье; при этом существенно подчеркнуть, что балты, занимавшие большую часть Подмосковья и при этом наиболее благоприятную в хозяйственном отношении, составляли, несомненно, больше половины подмосковного населения. Пользуясь этими приблизительными данными, демограф- историк, вероятно, сможет сделать некоторые заключения и о времени, до которого могла сохраняться москворецко- балтийская этно-языковая группа. Во всяком случае, едва ли стоит рассматривать как чрезмерные два предположения - о том, что количество балтийского населения в Подмосковье на рубеже X-XI вв. исчислялось в 10-15 тыс. человек и что оно могло сохранять свои этно-лингвистические особенности в течение 200-300 лет по меньшей мере, т.е. до середины или даже до конца XIII в., а может быть (во всяком случае, этот вариант не должен исключаться полностью), и до начала "литовщины", которая в этом случае обретает еще один стимул (присоединение соплеменного населения и их территорий, уже ставших к этому времени "историческими").

Уже названные гидронимические и археологические балтизмы Подмосковья оправдывают постановку темы ранней истории Москвы и ее балтийского фона. Но в настоящее время есть еще один круг идей, который придает этой теме особую историческую конкретность и достоверность. Речь идет о голядском элементе в Подмосковье. Разумеется, он был известен и раньше, как и его соотнесение в конечном счете с птолемеевскими *Galvadae* (III, 5), локализуемыми в южной части Восточной Пруссии. Новое состоит в том, что в настоящее время можно (хотя и в общих чертах) проследить разные этапы в истории этого уникального балтийского племени от начала нашей эры до начала II тысячелетия н.э. и от Пруссии до Подмосковья²⁷. Поскольку в других

²⁶ См.: *Розенфельдт Р.Л.* Указ. соч., с. 9.

²⁷ См. работы: *Вилинбахов В.Б., Энгватов Н.В.* Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди. - *Slavia Occidentalis*, 1963, t. 23; *Седов В.В.* Гидронимия голяди; см. также указанные выше статьи автора, относящиеся к теме галиндов-голяди. Ср. также: *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы. 1. Сла-

работах соответствующие данные рассмотрены подробно, здесь достаточно обозначить некоторые пространственно-временные вехи, последовательность которых помогает уяснить путь галиндов-голяди в Подмосковье. Исходный докус - юго-восточная Прибалтика (ср. Γαλλίνδαи καὶ Σουδίνουί у Птолема; *Galindia, in qua Galindite* у Дюсбурга. SRP I, 51; ср. также *Galindo* 1231, *Galanda* 1254, *Galendia* 1267 и в названиях урочищ - *Galynde* 1331, *Galindien* 1345 и др.)²⁸. Движение к югу фиксируется, возможно, названием страны *Golanda*, упоминаемым Павлом Диаконом в "Historia Langobardorum" (VIII в.), которая включает в себя позже утраченное сказание о переселении лангобардов ("Origo gentis Langobardorum", середина VII в.), и локализуемым к югу от страны *Mauringa*, где-то в районе польско-чешского пограничья²⁹. К этой же зоне относятся и другие свидетельства о галиндах - ср. *Golensizi* Географа Баварского (ок. 870 г.: *Golensizi civitates* V), перекликающихся с ним *Gradice Golensiczeshe* Вроцлавской буллы 1155 г., польск. *Golendzin* (около Радома), *Golądkowo* (около Пултуска), многочисленные топонимы типа чеш. *Holeděš* (**Goled-ъсв-ъв > Holeděšv [dvūr]*), *Holeděšek*, нем. *Holeditz*, *Groß-Holetitz* и т.п.³⁰ Поворот галиндского потока к востоку (к югу от Припяти) обнаруживается рядом топонимов, разбросанных непосредственно перед северной границей Волини (ср. *Голядин*, Любомльский р-н Волинской обл.; *Голяда*, Сарненский р-н Ровенской обл.)³¹. Из бассейна Припяти дальнейшее движение на северо-восток в левобережье Верхнего Днепра и в бассейн Верхней Оки может быть прослежено, видимо, и по археологическим данным. Во всяком случае, этот путь, отраженный и в густой цепи балтийской гидронимии, засвидетельствован более поздними филиациями зарубинецкой культуры, возникшей в Припятском Полесье и смежных районах Среднего и Верхнего Поднепровья в кон-

вяне и Карпаты. - В кн.: Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, с. 58, и еще раньше: *Turnwald K. Die Balten der vorgeschichtlichen Mitteleuropas. - In: Arheolog'ija un etnogrāfija, VIII. Rīgā, 1968, l. 135-145. Турнвальд считает возможным говорить о присутствии балтийского элемента в пределах современной Чехословакии, в Среднем Подунавье и южнее (вплоть до Адриатики).*

²⁸ Ср. титул императора Волузиана (252-253 гг. н.э.) на римских монетах, в состав которого входит и Γαλλίνδικος. У Симона Грунау отмечено личное имя *Galindo*.

²⁹ Какая-то часть галиндов могла с готским потоком увлечься еще дальше на юг и юго-запад. Так, в записи 835-861 гг. упоминается имя одного из составителей Бертинских анналов - *Prudentius Galindo*, в котором видят испанского автора вестготского происхождения.

³⁰ Ср. и старопольские пом. propr. типа *Golandin*, 1065 (= *Goleđzin*), *Golanda*, 1458, *Iohannes de Goleđzynowo...* *Iohannes Goleđzynowszky*, 1449 и др.

³¹ См.: *Непокупный А.П.* Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976, с. 103 и др.

це II в до н.э. и, несомненно, имевшей в своем составе (как минимум) мощный западнобалтийский компонент (о следах гидронимии этого типа на указанной территории писалось еще в конце 50-х годов - мнение, принятое теперь и рядом других исследователей). Как предполагают, на рубеже I-II вв. н.э. зарубинецкая культура прекращает свое существование, а ее носители продвигаются к северо-востоку, где складываются почепская и мощинская культуры, совпадающие с ареалом гидронимии западнобалтийского типа³². Отсюда до исторической голяди на Протве и во времени и в пространстве по сути дела один шаг³³.

³² См.: *Седов В.В.* Гидронимия голяди; *Он же.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 76-78 и др. Ср.: *Амброз А.К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. - СА, 1964, № 1, с. 56-71; *Митрофанов А.Г.* Древности восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VII в. до н.э. - VIII в. н.э.). - В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978, с. 102-104.

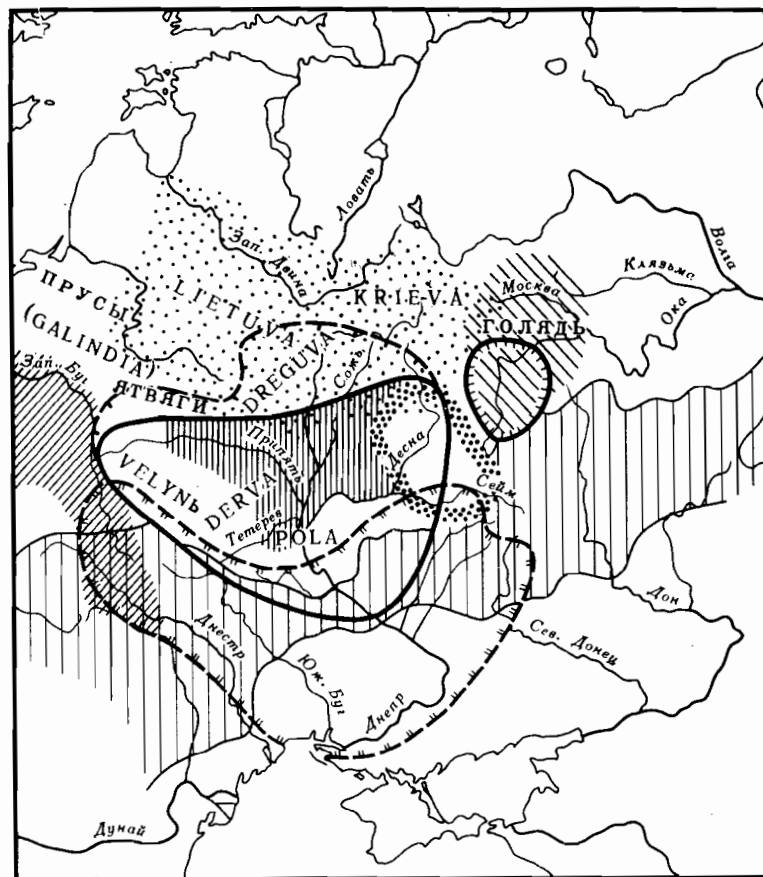
³³ Уже С.М. Соловьев проникательно указывал, что голядь могла увлечься в эти районы в потоке радимичей и вятичей, прибывших с запада, из ляхской страны. В данном случае существенно определение направления этого потока. Во всяком случае, два обстоятельства не могут быть случайными: первое - отсылка генеалогической легенды о радимичах и вятичах к Ляхам (от рода Ляховь), т.е. к тому же западному ареалу, откуда вышли и галинды - голядь, и указание тех же самых промежуточных областей - Сож, Ока (ср.: Бяста бо два брата въ Лясахъ - Радимь, а други Вятько. И прищдны съдома Радимь на Сожо, и прозвашася радимичи; а Вятько съде съ родомь своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи; ср. также: *Соловьева Г.Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь. - В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 352-356) и второе - связь этнонимов на -ичи (*кривичи, дреговичи, радимичи и вятичи*; исключение - *уличи*) с ареалом раннедревнерусской славизации балтов (IX в.), см.: *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. М., 1980, с. 95-99 (правильно предположение о том, что доверие летописца к легенде в данном случае подтверждает не только этнографическое и диалектное своеобразие этих радимичей и вятичей, но и актуальность сопоставления их с другими поселенцами русско-польского пограничья, в частности ятвягами и пруссами, с.96-97); *Он же.* Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. В этом контексте особое внимание должно быть привлечено к дреговичам (туровцам), находившимся в непосредственном контакте с припятской голядью и с сидевшими к западу и северу ятвягами. Наконец, миграция этнонимов типа **Galind-* (отчасти и **Prūs-*, см. ниже) от южной Балтики через бассейн Припяти, верховья Оки вплоть до Подмосковья полностью лишает оснований

Естественная экстраполяция этого голядского движения на северо-восток приводит к убеждению, что и следующая неширокая полоса между Протвой и восточной границей балтийской гидронимии в районе Москвы (т.е. примерно в 100 км) должна была принадлежать голядской этнической волне. Тем самым замыкается огромная периферийно-балтийская дуга, на которой в разных ее местах и в разное время фиксировался галиндо-голядский элемент, - южная Пруссия, польско-чешское предкарпатское пограничье, северная граница Волынской возвышенности, бассейн Припяти, Среднее Поднепровье, Подесенье, Поочье, бассейн р. Москвы³⁴ (к положению голяди в отношении к другим этническим группам и археологическим культурам ср. карты 2-4).

При рассмотрении ранней истории Подмоскovie и возникновения Москвы историки, к сожалению, не обращали должного внимания (и не делали соответствующих выводов) на то, что первое упоминание о Москве относится к тому самому 1147 г., под которым в той же Ипатьевской летописи упоминается и голядь (Ишедь Святославъ и взя люди Голядь верхъ Поротве), впервые обозначенная здесь еще в 1058 г. (Побѣди Издславъ Голяди. Лавр.; Голядь. Новг. по Комисс. списку, Годлядь по Акад. и Толст. спискам). При исследовании проблемы концентрации славянского населения в Подмоскovie и возникновения

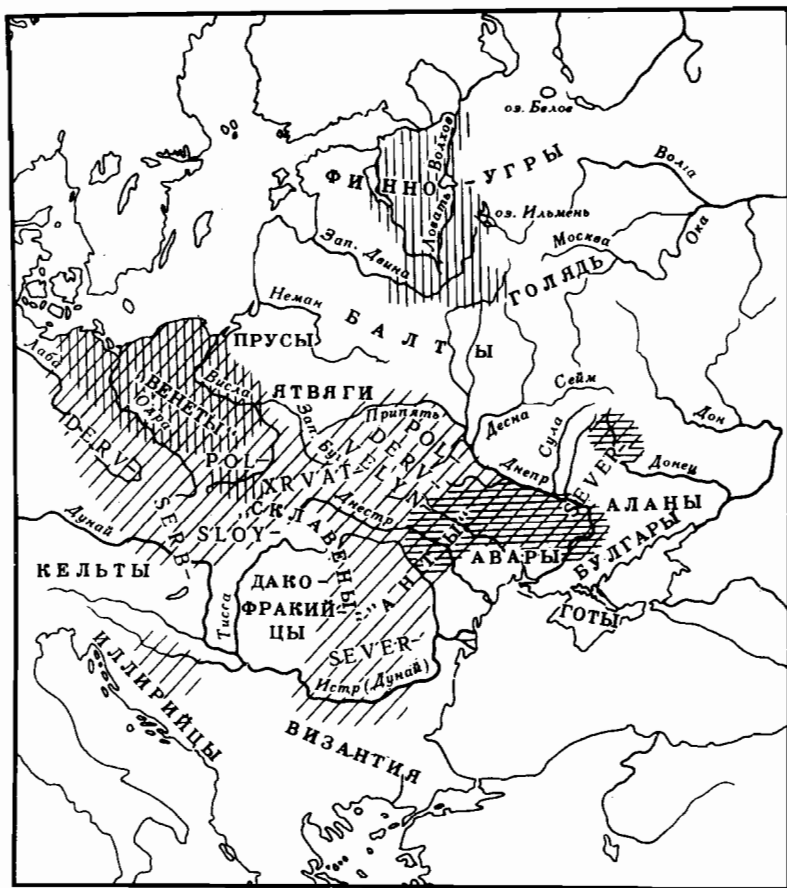
трактовку связи между балтийскими вен(е)тами-вен(е)дами и вятичами (*Vent-) как неправдоподобной. Уместно напомнить, что заключительные (по меньшей мере) этапы пути вятичей совпадали с миграцией голяди (не исключено, правда, что какой-то поток вятичей обогнул голядский ареал с юго-востока), что почти автоматически предполагает наличие в составе вятичей так или иначе представленного балтийского элемента (в виде ассимилированных балтов или увлеченных в едином потоке где-то к юго-западу от Поочья отдельных балтоязычных группировок). Значительная близость балтийской и славянской (до падения редуцированных) фономорфологической системы и словаря (вплоть до многочисленных тождественных фрагментов) делает несомненным легкое и естественное взаимопонимание речи этих двух этнических элементов в указанном ареале (Поочье, Москворечье) в VIII-XII вв.

³⁴ В этой новой перспективе в значительной степени лишаются почвы критические замечания Антоневича в адрес Вилинбахова и Энгватова по поводу связи "польской" и подмосковной голяди. См.: Antoniewicz J. Bałtowie zachodni w V w.p.n.e. - V w.n.e. Terytorium, podstawy gospodarcze i społeczne plemion prusko-jacwięskich i letto-litewskich. Pojezierze-Olsztyn-Białystok, 1979, s. 15, 24, 77. О природе "диффузии балтов на восток", которая, возможно, "происходила в исторически весьма сжатые сроки", ср.: Вангаас А.П. Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов. - В кн.: Проблема этнической истории балтов. Рига, 1977, с. 129-132.

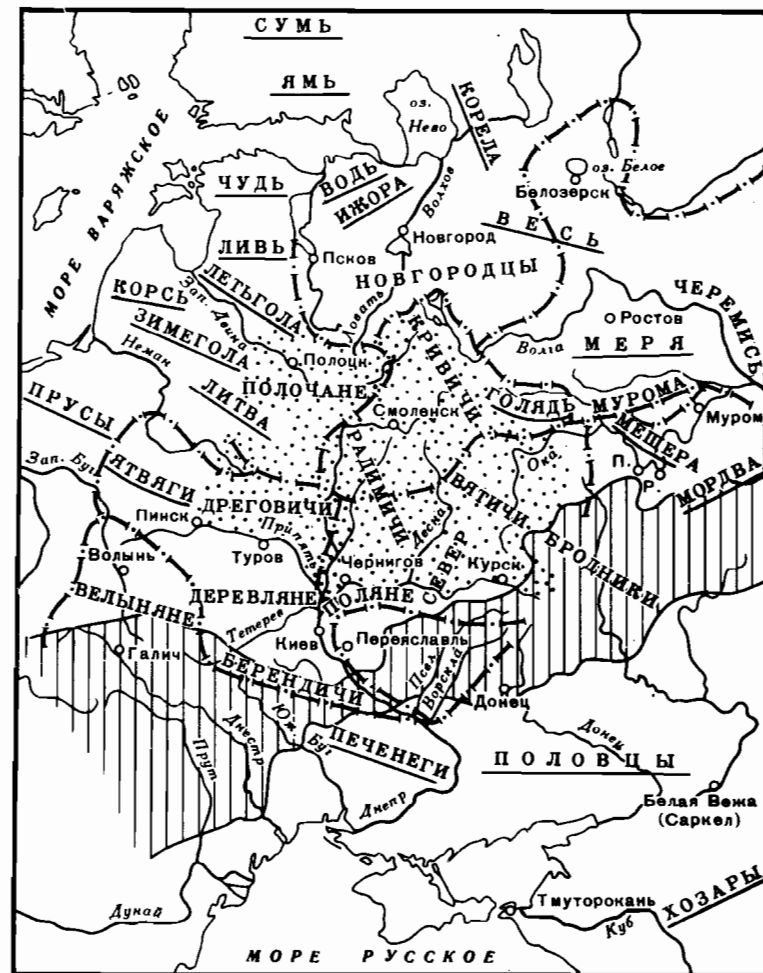

Карта 2 (Хабургаев, карта 2). Восточная Европа в "эпоху железа"

1 - зона лесостепи (по разным источникам); 2-6 - ареалы близкородственных культур I тыс. до н.э., приписываемых балтоязычным племенам: 2 - штрихованной керамики и днепродвинской (или смоленских городищ), 3 - милоградской, 4 - юхновской, 5 - верхнеокской, 6 - памятники пшеворской археологической культуры; 7 - основной ареал памятников зарубинецкой культуры II в. до н.э. - II в. н.э. (по Ю.В. Кухаренко, 1960 г.); 8 - северная граница собственно зарубинецких памятников на территории Белоруссии (по Л.Д. Поболу, 1973 г.); 9 - ареал черняховской археологической культуры II-IV в. н.э. (по Э.А. Сымоновичу); 10 - скопление памятников (поселений и могильников) мошинской культуры IV-VII вв., отражающей зарубинецкие особенности (по В.В. Седову, 1970 г.)

Карта 3 (Хабургаев, карта 4). Славянские поселения VI-VII вв. н.э. (по В.В. Седову, 1970 г., и др. авторам)
 1 - разновидности памятников пражского типа V(?) - VII вв.; 2 - "Венетские" археологические памятники на территории Польши; 3 - ареал раннеславянских памятников с керамикой типа Пеньковки; 4 - ареал новгородских сопок и длинных курганов VII в.; 5 - возможная локализация раннеславянских лингвоэтнических групп (племенных объединений), названия которых отражены в раннесредневековых источниках и славянских этнонимах и могут быть отнесены к середине I тыс н.э.

Карта 4 (Хабургаев, карта 7). Древняя Русь в IX-XI вв.
 1 - ареал раннедревнерусской славянизации балтов; 2 - зона лесостепи; 3 - славяноязычные диалектно-этнографические группы (по "Повести временных лет"); 4 - тюркоязычные кочевники, а также балто- и финноязычные племена лесной зоны, в значительной своей части входившие в состав Древней Руси; 5 - политические границы основных древнерусских феодальных земель XII в. (по А.Н. Насонову)

Москвы необходимо постоянно иметь в виду этот голядский фон. Два княжеских похода против голяди в течение 90 лет, предшествующих первому летописному упоминанию Москвы (уместно напомнить еще об одном продолжении старой традиции: через 99 лет после этого упоминания Москвы московский князь Михаил Хоробрит с нова отправляется на Протву и погибает там в битве с литовцами и³⁵), дают возможность хотя бы с приблизительностью оценить значение подмосковной голяди для раннемосковской истории.

Наличие двух бесспорных элементов в Подмосковье (славяне и голядь)³⁶ в период возникновения Москвы сопутствовало еще одно важное размежевание: Москва возникла в земле вятичей и была по происхождению вятичским городом, крайним западным форпостом ростово-суздальских князей. С юго-запада к Подмосковью примыкали владения черниговских князей, и голядская Протва была крайней северо-восточной периферией черниговских владений. Укрепленным же центром этой периферии был Лобьинск, стоящий в устье Протвы (впервые отмечен в летописи в 1146 г. (Ипат. 240), т.е. за год до первого упоминания Москвы) и фигурирующий как раз в контексте этого первого летописного свидетельства о Москве: И приславъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ брате в Москову. Святославъ же ѡха къ нему с дѣтятемъ своимъ Олгомъ в малѣ дружинѣ. поима съ собою Володимира Святославича. Олегъ же ѡха напередъ къ Гюргеви и да ему пардусъ. И приѡха по немь отць его Святославъ и тако любезно ѡблостався в днь пятокъ на похвалу святей Богородицы и тако быша весели. На утрии же днь повеле Гюрги устроити обѣдъ силенъ и сътвори чьсть велику имъ и да Святославу дары многы съ любовію и сынови его Олгови и Володимиру Святославичю и муже Святославле учреди и тако отпусти и. и обѣщася Гюрги сына пустити ему яко же и сътвори. Святославъ же оттуда возвратися къ Лобынску. Ипат. под 1147 г.

Иначе говоря, Лобьинск, о котором летопись говорит как о городе (Ипат.), оказывается как бы неким пограничным пунктом, откуда открывается путь с юго-запада на Москву. Вместе с тем Лобьинск контролирует территорию по Протве (выход к окскому водному пути вел через Лобьинск), которая в это время не только была заселена голядью, но и нуждалась в ее усмирении со стороны князя Святослава³⁷.

³⁵ Ср.: И Михаило Ярославичь московский убьень бысть от Литвы на Поротвѣ. ПСРЛ IV, 38; - Тое же зимы оубьенъ быС Михаило Ярославичь отъ поганья Литвы. Лавр. (1248 г.) - с продолжением: Тое же зимы оу Зупцева побѣдиша Литву Суждальскыи князь. Летописная "Литва" на Протве в глазах историка едва отделима от протвинской голяди.

³⁶ Общее соотношение отражено на карте 4.

³⁷ Есть некоторые основания думать, что указание *вергъ Поротве* (1147 г.) в отличие от локально не уточненно-го предыдущего сообщения о голяди (1058 г.) нужно по-

Неслучайность упоминания голяди на Протве (сейчас уже едва ли кто осмелится утверждать, что эта голядь не более чем незначительный анклав поселенных здесь голядских воинов), более того, устойчивость и известная прочность голядского слоя в этих и смежных с ними местах свидетельствуется фактами трех (по меньшей мере) родов.

Прежде всего о достойном внимании средоточие балтийских названий в бассейне самой Протвы (на это практически не обращали внимания ранее) и на смежных территориях, т.е. в самом непосредственном соседстве. Поскольку анализу протвинских балтизмов (как и - шире - балтийской гидронимии Поочья) посвящается особая работа, здесь уместно обозначить около двух десятков гидронимических балтизмов, которые, будучи положены на карту, дают диагностически важную картину. Ср. прежде всего: Чичера, Карженка, Локня, Алекса, Смерока, Журишка, Истурна, Четвержа, Восенка, Картянка, Салинка, Сити(е)нка, Нара, Наренка, Заденка, Вормишка, Серпея, Серпейка, Таруса, Ворченка, Колочь, Дугна и др. Особенно характерны довольно точные параллели между гидронимией этих мест и водными названиями исторической Галиндии, десятой области Пруссии (по Дюсбургу), о чем подробнее см. также в другом месте³⁸.

Во-вторых, решающий аргумент в пользу голядской принадлежности гидронимии Подмосковья, как и всей полосы, подходящей сюда с юго-запада, доставляют гидронимы и топонимы с "этническим" корнем *Голяд-* (характерно, что такие названия есть в районе самой Москвы и даже несколько к северу и к востоку от нее). Помимо обильной деэтнонимизированной топонимии, играющей в Подмосковье значительную роль (хотя не всегда ясен ее реальный объем, и обо многом можно только догадываться, ср. многочисленные названия типа *Голятино, Галятино, Голяжье, Голожье, Голожин, Галичи, Голицье, Голдино, Голодково, Гледково* и т.п.³⁹), по крайней мере, отчасти намекающие на более широкое распространение элемента *Голяд-* (< *Galind-), ср. хорошо сохранившиеся этнонимические топонимы и гидронимы типа: *Голяди, деревня* в Дмитровском уезде (ср. о ней в грамоте

нимать как свидетельство постепенного отеснения голяди к верховьям Протвы (или перенесения сюда их центра).

³⁸ Ср. соответственно: *Кубрь, Кубарь, Куберь - Kibra; Визинка, Визенка - Wiuse (Виза, ср. Визна); Скоробинка - Skarde; Метелка - Mete; Нидалька - Nida; Малшинка, Молшенка, Молшин - Mals- в Malsowangus; Нара, Наренка - Nar-; Лама - Lama- в Lamasila; Иночка - Inacius; Лубянка - Libano; Рус(с)а- - Russe; Радуца - Radusken* и др. Можно напомнить о ряде примеров с голядской территории, предполагающих элемент, соотносимый с прусск. *аре 'река'*, но не с вост.-балт. *ире, и*, конечно, о самом соответствии *голядь, Голяди, Голядинка* и т.п. - прусск. *Galind-*.

³⁹ Впрочем, хорошо известны и документированы примеры трансформаций типа *Голяжье + Голожье + Голожин* или *Голяжье + Галичье* и т.п.

1474-1478 гг.: А отвод той земле: ...от Г о л а ц и е
земли по межю...)⁴⁰; *Голяди*, деревня в Клинском уезде⁴¹;
Голяди, речка и урочище около Николаевского Угрешского
монастыря под Москвой (на юге теперешней Москвы)⁴²; *Го-*
лядь, *Голядянка*, *Голядинка*, *Голединыя*, речки в бассей-
не Оки и - уже - р. Москвы⁴³; *Голядини отвершки*, в Туль-
ской губ.; ср. также к югу и юго-западу от этого ареала:
Голядь, в Брянском уезде⁴⁴, *Голяжье*, в Ливенском уезде
Орловской губ. (дважды, вариант - *Галичье*)⁴⁵ и т.д. На-
конец, отмечено название *Голяди* и к северу от Москвы, в
Корчевском уезде Тверской губ.⁴⁶. Сюда же, вероятно, мож-
но присоединить и *Доголяди*, около Волоколамска⁴⁷; *Зго-*
ляжье, в Брянском уезде⁴⁸; и особенно важные в связи с

⁴⁰ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Вос-
точной Руси, 1. М., 1952, № 437. Это название впервые
было отмечено З. Ходаковским (Донесение..., с. 43-44).
Им же указано (с. 123) и одноименное селение к западу
от Кубенского озера (Вологодская губ.). Правдоподобно
мнение Вилинбахова и Энговатова (указ. соч., с. 251),
согласно которому это название могло быть занесено
крестьянами-переселенцами из окрестностей подмосков-
ного Николаевского Угрешского монастыря, около кото-
рого было урочище *Голяди*. Вологодские писцовые книги
XVII в. отмечают значительные владения этого монасты-
ря в этом крае.

⁴¹ См.: *Нистрем К.* Указатель селений и жителей уездов
Московской губ. М., 1852, с. 438-439; *Барсов Н.П.* Очер-
ки русской исторической географии. Варшава, 1873,
с. 44; *Населенные местности Московской губ.* Под ред.
Б.Н. Пенкина. М., 1913, с. 285; *Vasmer M.* Beiträge zur
historischen Völkerkunde Osteuropas, I. Die Ostgrenze
der haltischen Stämme - SBFAW, 1932, s. 662 и др.

⁴² Известно, что царь Михаил Федорович в 1623 г. на пути
в Угрешский монастырь останавливался на речке *Голядах*
(вар. - *Голядах*). См.: *Дворцовые разряды*, т. 1. СПб.,
1850, стб. 554; *Угреша. Историческое описание Нико-*
лаевского общежительного монастыря. М., 1883, с. 17.

⁴³ См.: *Списки Московской губ.* № 30-31; *Смолицкая Г.Н.*
Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976,
№ 109 (гл. 30).

⁴⁴ См.: *Барсов Н.П.* Указ. соч., с. 44; *Якобий П.И.* Вяти-
чи Орловской губ. СПб., 1907, с. 63.

⁴⁵ См.: Орловская губерния. Список населенных мест по
сведениям 1866 г. СПб., 1871, с. 137, № 2878-2879.

⁴⁶ См.: *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в
Тверской губ. Тверь, 1903, с. 282.

⁴⁷ См.: *Андреев Н.Ф.* Критико-исторические замечания и
догадки о народе Голяди. - *Тульские губернские ведом-*
ости, часть неофиц., 1856, № 27, с. 130.

⁴⁸ См.: Орловская губ., список, с. 47, № 934. В.Б. Ви-
линбахов и Н.В. Энговатов (указ. соч., с. 254) пони-
мают это название как *Весь голяжье*. Более вероятно
исходить из старого префиксального образования типа
**un-galind-*; кстати, и в названии *Доголяды*, если толь-

их местоположением *Голицыи*, *Голичичи* в Боровском уезде
(т.е. как раз по течению Протвы, где сидела голядь)⁴⁹,
видимо, из *Голядичи (> *Голичичи*) или *Голядици (> *Голи-*
чици); о них сообщалось уже в Духовной грамоте князя
Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича, ок.
1401-1402 гг.⁵⁰: А к Боровску волости: г о л и ч и
ц ы... Наряду с "голядскими" названиями здесь же в Под-
московье отмечены следы другого западнобалтийского эт-
нонима - *Пруси* (Коломенский и Московский уезды)⁵¹, ко-
торые важны в диагностическом смысле. Дело в том, что
сосуществование элементов **Galind-* и **Prūs-* отмечено не
только в крайних точках описанной выше дуги, т.е. в ис-
торической Пруссии и в Подмосковье, но и в ряде промежу-
точных мест. Ср., с одной стороны, многочисленные назва-
ния типа *Prusy* 1046, *Prusi* 1078, 1160, *Prusy* (ad viam
de P r u s 1208), *Prusice* (villaz P r u s e c z
1339), *Prusiny* (de P r u s s y n 1355), *Prusinovice*
1349, *Prusínky* 1368 и т.п. в чешско-моравско-словацком
поясе (т.е. там же, где и *Holededě* и др.)⁵², а с другой

ко это не позднейшая переделка в народно-этимологи-
ческом духе, можно было бы видеть некое префиксаль-
ное образование на основе сочетания с предлогом (напр.,
типа лит. *iki galo* 'до конца', ср. *iki galiai*, *ikgal*),
в котором первая часть подвергалась русскому перево-
ду - *До-голяди* (при *итти до голяди*).

⁴⁹ Возможно, что таким формам обязаны своим происхожде-
нием нередкие подмосковные *Галичи*, в частности, в го-
лядских районах.

⁵⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных кня-
зей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950, № 17, с. 46. Ср.: *Го(a)-*
лачевское(?), селище в Звенигородском уезде (1504 г.,
с. 384; здесь же деревни *Старые Меры*, *Малая Мерка*,
болотце Мерьское как указание на другой (мерянский)
этнический элемент - при ряде несомненных балтизмов,
ср. *Олшутка* при лит. *Alsà*, *Alsūné*, лтш. *Aīsi*, верхне-
днепр. *Ольса* и т.п.).

⁵¹ Несколько особое положение у двух "пруссских" назва-
ний, зафиксированных на удалении приблизительно в
150 км к северо-востоку от Москвы. Речь идет об из-
вестной *Прусковой горе* на Колокше, у которой произош-
ла битва 1177 г., и о близлежащем (у с. Турина) *Прус-*
совом поле. «Нет ничего невероятного в том, что наз-
вание "Прусы" ведет свое начало от поселения купцов,
торговавших с Прибалтикой (с Пруссией)», см.: *Тихоми-*
ров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 380 (2-е
изд.), ср. также с. 412. Заслуживает внимания то об-
стоятельство, что около Пруссова поля протекает речка
Колочка: если ее название не связано с Колокшей, в ко-
торую она впадает, то ближайшей параллелью могла бы
оказаться знаменитая *Колоць* на Бородинском поле с бал-
тийской генеалогией.

⁵² См.: *Bielatowicz J.* Kilka uwag o czeskich i polskich
nazwach miejscowych *Prusy* itp. - *Slavia Occidentalis*,
1933, t. 11; *Profous A.* Mistní jména v Čechách, III,

стороны, обильные примеры с корнем *Прус-* (кстати, и *Ят-вяг-/Ятвез-*) на северо-западе Украины, прежде всего на Львовщине⁵³, не говоря уже о территории к северу и северо-западу, обследованной в этом отношении Е. Антоновичем (правда, в несколько ином аспекте). О совместной встречаемости элементов **Galind-* и **Sud(in-, ov-)* писалось раньше. С определенной точки зрения заслуживает внимания и "голядская" антропонимия, которая в своих истоках может соотноситься, в частности, с территорией подмосковной голяди и особенно с соответствующими топонимами. Наряду с отмечавшимися уже выше случаями использования элемента **Galind-* в именах людей у пруссов и поляков, уместно привести и несколько русских примеров. Ср.: *Голядов* Кузьма Андреев (1570, Москва/!/) ⁵⁴, *Голядко*, 1651⁵⁵, *Голядкин*, герой "Двойника" (ср. и другие балтийские фамилии и имена у Достоевского, всегда с четкой исторической параллелью: *Свидригайлов*, ср. *Софью Витовтовну* и др.)⁵⁶. Другие фамилии, иногда рассматриваемые в этой связи (напр., *Голятин*), допускают разные толкования и, естественно, не обладают той доказательностью, что ранее приведенные фамилии (см. Приложение).

В - т р е т ь е х, существует и такой аргумент в пользу голядской принадлежности Подмосковья, как п р е д а н и е, сохранявшееся дольше всего - до начала XX в. - именно там, где размещалась голядь русской летописи, еще сохранявшая свое этническое единство. По сообщению В.М. Кашкарова⁵⁷, память о голяди продолжала жить в Ме-

s. vv.; *Hosak L. Přehled historického mistopisu Moravy a Slezska. Ostrava, 1967, s. 315 и др.*; *Непокупный А.П.* Указ. соч., с. 96-98. Из имен собственных ср. др.-чеш. *Prusek*, см.: *Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, s. 195.*

⁵³ *Непокупный А.П.* Указ. соч., с. 100-103, 108-111; к пом. ргорг. ср. *Прусин* (Ипат., 1281 г.), дружинник Владимиро-Волынского князя Владимира.

⁵⁴ См.: *Веселовский С.В.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 84.

⁵⁵ См.: *Селищев А.М.* Из старой и новой топонимии. - В кн.: Сборник статей по языковедению Московского гос. пед. ин-та истории, философии и литературы, т. V. М., 1939, с. 139 (от *голяда* 'бедняк'). В.Б. Вилинбахов и Н.В. Энгватов (указ. соч., с. 260-261) настаивают на происхождении этого имени от этнонима *голядь*. Впрочем, обе эти точки зрения в своих истоках не только не исключают друг друга, но и фактически совпадают: *голяда* 'бедняк' и *голядь* в определенной точке развития, видимо, образывали единую лексему.

⁵⁶ Эта фамилия отмечена реально в "Адресной книге жителей Санкт-Петербурга" (СПб., 1915).

⁵⁷ См.: *Кашкаров В.М.* К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии. - В кн.: Калужская старина. Год первый. Т. 1, кн. 2. Калуга, 1901, с. 1-13 (особой пагинации). - Автор относит к голядским элементам Калужской губ. такие водные названия, как *Таруса*, *Выса*,

шовском уезде в его время. Так, недалеко от деревни Чертовой находилась г о р а, на которой, "по преданиям, в очень стародавние времена жил разбойник *Голяга*, по другим - *Голяда*. Обладал он силой непомерною, на 30 верст бросал свой т о п о р" ⁵⁸. В том же Мещовском уездеazole селений Свинуховой и Сабельниковой указывали две г о р ы - *Улитову* и *Мордасову*⁵⁹, на которых некогда жили два брата-разбойника *Голяги*, перебрасывавшиеся друг с другом за тридцать верст т о п о р о м (при этом сообщается, что теперь в этих местах *голяда* обозначает бродягу, нищего). Мифопозитический мотив Г о л я д ы, живущего на г о р е, отсылает к прусским реалиям: около Нидборка известна *Góra Galindzka*, связанная, по версии Симона Грунау (начало XVI в.), с *Galindo* (*Galindus*'ом), сыном Видевута. Мотив же бросания топора близко напоминает хорошо сохранившиеся литовские, латышские, белорусские предания о богатырях, перебрасывавшихся камнями (иногда и каменными топорами) и в ряде случаев превратившихся в камни или каменные горы (очень вероятно предположение, что гора *Голяда* не что иное, как окаменевший Голяда)⁶⁰. Вообще данные местной традиции (даже в сильно

Реса, *Каража* и др., а также некоторые местные названия: *Желовиж*, *Черная Локонь*, *Локонское*. Ср.: *Филевич И.П.* История древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава, 1896, и др. Само название Угры обычно расценивается как балтийское (ср. лит. *Ungurūpė*, лтш. *Uogre* или даже прусск. *Wangrape*, к лит. *vingris* и под., см. Фасмер IV, 147). Ср., однако, идентичное в звуковом отношении лит. *Ugra* (река, ок. Обяляй) или лтш. *Ugrāja*, *Ugrīņur*, которые сопоставляются с ф.-угор. *Угра* и рассматриваются как финноязычные элементы балтийской гидронимии. См.: *Ванагас А.П.* Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов, с. 122.

⁵⁸ *Кашкаров В.М.* Указ. соч., с. 12.

⁵⁹ К другим финноязычным остаткам в этих местах ср. "мерянские" гидронимы типа *Мериновка* или топонимы типа *Мериново*, *Меринищи* в Малоярославском уезде. В "Книге Большому Чертежу" содержится ценная информация и о самом Мещовске: А вь рѣчку Серену пала рѣчка М е р ѣ а я (М ъ р е я), а на М е р е ъ стоит М е щ о в с к ъ (В.М. Кашкаров и название городка объясняет из **Мерческ*, **Мерецк*). Впрочем, название *Мерея* (как и *Серена*) легко объясняется из балтийского источника. См. о *Мерее*, л.п. Днепра: *Вйга К.* - ТЗ, 1923, 1, р. 30; *Топоров В.Н.*, *Трубачев О.Н.* Указ. соч., с. 195. Ср. также: *Симсон П.Ф.* Калужский уезд во времена царя Михаила Федоровича - Изв. Калужской ученой архивной Комиссии, 1894, № 3.

⁶⁰ Ср.: *Топоров В.Н.* Русск. *Святогор*: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов). - Славянское и балканское языкознание. М., 1982. - Есть основание думать и еще об одном косвенном и неожиданном отражении образа Голяды. Речь идет об известных в определенном

трансформированном виде) иногда оказывают неоценимую помощь, демонстрируя совершенно исключительную (можно сказать — неправдоподобную) устойчивость во времени. Так, современный исследователь вслед за А.И. Куприным ("Мелюзга") сообщает, что жителей села Курша (ср. балт. *kurš- в этнонимическом употреблении) в бассейне р. Пра, в Рязанской Мещере (Касимовский у.), где, кстати, отмечен компактный анклав балтийской гидронимии, местное население называет *Куршей-головатю* и *Литвою-нехрещеною* (!). Здесь же сообщается, что в говоре с. Курша отмечены балтизмы (ср. также балтийские аналогии в одежде) и высказывается предположение о появлении здесь балтийского (литовского) элемента в XIII-XV вв., в период тесных контактов Московского княжества с Литовским⁶¹. В этом контексте, может быть, отчасти получают свое объяснение традиционно литовские симпатии рязанских князей, что, впрочем, не зачеркивает значения геополитической мотивировки литовско-рязанских союзов (напр., в XIV в.).

Все эти аргументы подтверждают предположение о густом голядском слое в Подмоскowie (в частности, непосредствен-

круге формах имени библейского персонажа Голиафа (богатыря, пораженого камнем, ср. легко реконструируемый мотив связи Голяда или Galindo с камнем, каменной(?) горой) — *Голяд, Голиад, Галиад*. Ср.: И выиде печенег ис полку татарскаго богатыр пред всеми мужеством своим являшеся, именем Телебеи еллинским языком, подобен есть древнему Голиаду ("Сказание о Мамаевом побоище"; характерна и описываемая здесь ситуация и условия (в частности, место и время) создания этого памятника); — *коли, нестерпев от неприятель сердечнов боле, | шол смело против страшного Галиада...* ("Декларация московскому посольству", 1646 Тимофея Акундинова, поэта-виршеписца, полонифила, авантюриста и последнего из 19 самозванцев первой половины XVII в., четвертованного в Москве в 1653 г.; незадолго до смерти он перешел в католичество (до этого он уже принял мусульманство); отношение Акундинова к Москве двояко, отсюда — страстное поношение и смиренная просьба-надежда: *О Москва, мати клятвопреступления, | много в тебе клопотов и нестроения! | И ныне ты, не оставиши, и крови жаждаеть | и на своего господина клеветный лук напрягаешь. | Кто тебе што милой отчизне послужует, | на того твоя ненависть всеу негодует... | Я естем мнимий подьячий, а истинный царевич Московский | ... тако ж и ты, Москва, не презри мене, изнемогша. См.: Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. Л., 1970 (=ББП), с. 87-88). Форма Голяд вместо закономерного Голявъ > Голиаф (или Голиат в европеизированной форме), похоже была вызвана к жизни памятью о Голяде. Ср., впрочем, Далида вм. Далила (яко Сампсона Далида) в "Повести о начале Москвы" (первый вид, с. 179).*

⁶¹ См.: Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Почежья. — Вопросы географии, 1971, сб. 94, с. 63-64.

но вокруг Москвы и в ней самой)⁶², который в XII в. имел свое документально засвидетельствованное соответствие в голядском этносе по Протве, с которым приходилось считаться как киевскому князю, так и ростово-суздальским князьям. В свете сказанного очень вероятно (и даже более чем вероятно), что балтийские древности самой Москвы должны объясняться непосредственно именно из голядского элемента, выступавшего здесь одновременно и как субстрат и как адстрат по отношению к вятичскому потоку славянской колонизации в Подмоскowie во всяком случае, а может быть, и по отношению к южным форпостам кривичей в Подмоскowie. Чрезвычайно интересно, и, несомненно, весьма показательным то обстоятельство, что на территории города Москвы и мелкие и речки носят, как правило, балтийские названия, что известным образом даже нарушает отчасти отмеченное выше соотношение между балтийским и славянским элементами в Подмоскowie. На эту особенность московской гидронимии пронизательно обратил внимание еще М.Н. Тихомиров: "Кажется, единственный вывод, который можно сделать из сопоставления этих двух рядов названий, приведенных выше, сведется к признанию того, что в районе Москвы жило древнее население, передавшее восточнославянским племенам свои или еще более древние названия значительных рек, тогда как мелкие реки и озера получили свои имена заново. Перед нами очень важное явление, указывающее на непрерывность устной традиции в передаче названий рек бассейна Москвы-реки. Древние названия наших рек могли сохраниться только при условии существования постоянных поселений на их берегах, при передаче этих названий из уст в уста, иначе эти реки остались бы безымянными или получили бы свои имена от новых пришельцев. И тут мы встречаемся с одной особенностью, характерной для московской территории. Именно на узкой московской территории мы встречаемся с мелкими речками, носящими непонятные для нас названия (разрядка наша. — В.Т.)... Это говорит нам о том, что район Москвы, возможно, был населен гуще, чем прилегающие к нему местности. Поэтому именно здесь, на старой обжитой территории, и лучше сохранилась устная традиция, которая донесла до нас древние имена ручьев и речек. Их оставил для нас народ"⁶³.

⁶² См. некоторые наблюдения М.И. Лекомцевой о "голядизмах" в современных говорах к юго-востоку от Москвы. Интересно, что некоторые балтизмы обнаруживаются и в говорах Мещеры (ср. *гóльви* 'концы пахотной полосы' при лит. *galvà*; *дегиль* 'печная труба' при лит. *dėgti*; *дунеть* 'гудеть' при лтш. *dunēt* и т.п.). См.: Ванюшечкин В.Т. О некоторых следах балтийских и финно-угорских языков в лексике мещерских говоров. — Учен. зап. Кургского пед. ин-та, 1970, т. 72, с. 258-264.

⁶³ См.: Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII-XV вв.). М., 1947, с. 7-9. Ср.: *Он же*. Средневековая Москва XIV-XV вв. М., 1957.

Оставляя в стороне подробный анализ названия *Москва*, о котором в балтийской перспективе писалось раньше, здесь можно ограничиться лишь рядом соображений⁶⁴. В гидрониме *Москва* четко выделяется формант *-ва*, который обычно сопоставлялся с таким же формально элементом в явно неиндоевропейских гидронимах к востоку и северу от Москвы (его нередко соотносили с коми *ва* 'вода') или рассматривался как результат тематизации старой славянской основы на *-ǫ*. При этом игнорировали то обстоятельство, что гидронимы с этим элементом располагаются к з а п а д у и ю г о - з а п а д у от р. Москвы⁶⁵ и практически отсутствуют к востоку от нее (речь идет, естественно, об индоевропейских по происхождению гидронимах), причем большая и наиболее достоверная часть их имеет убедительные балтийские этимологии (*Водва*, *Надва*, *Дедва*, *Болва*, *Титва*, *Дрезва* и др.)⁶⁶. В свою очередь верхнеднепровские названия на *-ва* на территории Прибалтики органично переходят в пояс гидронимов на *-uva*, *-ava*, нередко конкурирующих друг с другом в названиях одного и того же корня. Между верховьями Днепра и устьем Москвы отмечено лишь три названия на *-ва* (*Москва*, *Протва* и *Смедва*), причем относительно всех их обсуждались варианты объяснения из балтийского: **Mask-uva(-ava)/*Mazg-uva(-ava)*, **Prat-(u)va* или **Part-(u)va*, **Smed-(u)va*. При обсуждении названия *Москва*, которое в таком случае продолжает старую балтийскую модель нулевого словообразования (название населенного пункта, совпадающее с названием соответствующей реки)⁶⁷, следует исходить из дублетности *Мозг-* и *Моск-/Мощ-* (*Мозг-* имеет и вариант *Мож-*, *Мож-*), очень широко представленной в Верхнем Поднепровье и практически (на некотором уровне и теоретически) неотделимой от славянских названий на *Мозг-*, *Мож-*, *Моск-*, *Мощ-* (которое нередко оказывается вариантом *Мост-*, ср. балт. *Mast-*, также включающимся в эту группу названий)⁶⁸. В другом месте интен-

⁶⁴ К этимологии слова *Москва* см.: *Фасмер II*, 660-661; там же - литература вопроса. Ср. также: *Kálmán B. Etymologisches aus dem Gebiet der obugrischen Sprachen.* - *UAFb.*, 1959, Bd. 31, S. 144 (*Der wogulische Name der Stadt Moskau*); *Гордеев Ф.И.* К вопросу о происхождении гидронима *Москва*. - В кн.: Конференция по топонимике. Доклады и сообщения. Л., 1965, с. 98-101 (к лтш. *možki* 'нечистоты', *Москва* - 'топкая река'; недостоверно); *Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -sk-.* *Wrocław-Warszawa-Kraków*, 1969, s. 188.

⁶⁵ См.: *Топоров В.Н., Трубацев О.Н.* Указ. соч., карта 4 (16 названий к северу от 52° северной широты).

⁶⁶ Указ. соч., с. 166-168.

⁶⁷ См.: *Бальчикус И.* Названия литовских населенных пунктов, образованных от названий рек и озер. - *LPosn*, 1959, VII, p. 240-252 (ср. *Aktėnė*, река → *Aktėnė*, город).

⁶⁸ См.: *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, с. 50, 73, 83, 90, 100, 112, 114, 132, 158, 201, 216, 225 и др.; ср. "Книгу Большому Черте-

сивных балто-славянских контактов, в северной части бассейна Вислы (пруссский, в частности, и галиндский субстрат), отмечаются сходные явления, причем особенно показательны гидронимы на *Mask-*: *Mozg-*. Первостепенный интерес в связи с названием *Москва* представляет такой случай дублетности, как *Mozgawa* (в старой записи - вариант *Muscawa*), ср. также *Mozgawka*, *Mózgowskie Jez.* и его варианты *Mosgowitz*, *Mosgau See*, *Nosgowicz*; *Maskalis* и др.⁶⁹ Таким образом, речь идет об определенной балто-славянской параллели - формально близкие комплексы **mask-*, **mazg-*, **mast-*, **mak-* (они представлены и значительным количеством примеров апеллятивной лексики, ранее уже бывшей предметом анализа) обладают кругом так или иначе связанных друг с другом приблизительно одинаковых (как для балтийского, так и для славянского) значений - нечто жидкое, мокрое, топкое, слякотное, вязкое (на более глубоком уровне - неупорядоченное). Все это подводит к предположению, что источником древнейших из засвидетельствованных форм *Москва*⁷⁰, *Московь*, *Москова* могли быть балтийские формы типа **Mask-(u)va*, **Mask-ava* или **Mazg-(u)va*, **Mazg-ava*. Интересно, что еще

жу", 65, 110, 111 и др.; *Смолицкая Г.П.* Указ. соч., с. 40, 86, 97, 102, 179 и др. (*Москово*, *Московка* и т.п.). Некоторые верхнеднепровские и окские гидронимы этих типов оказываются этимологически двусмысленными. Так, *Можя*, *Можанка* (*Możanka*) могут толковаться не только как варианты балт. **Mažoja* (букв. 'малая'), но и как продолжение балт. **Mazg-en-* (> *Можанка*, откуда как *Rückbildung* и *Можя*), ср. лит. *Mazgių km.*, *Mazgeliskių km.*, лтш. *Mazgi* и под.

⁶⁹ См.: *Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym pod redakcją P. Zwolińskiego.* *Wrocław-Warszawa-Kraków*, 1965, 134-135, 753. Ср. и такие названия, как *Moskiew*, *Moskwina*, *Moskowo*, *Moskotowo*, но и: *Moskorze*, *Moskorzyn*, *Moskorzynka*, *Moskorzew* и под. (см.: *Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej*, cz. 1. *Wrocław-Warszawa*, 1951, s. 199), может быть, *Muskow*, *Muscaw*, *Muscowe* (ср. ст.-польск. *Muskowicy* при *Muscherin* и под. (см.: *Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen*, Bd. 1. *Berlin*, 1948, S. 146, 164), представляющие собой, возможно, ближайшие параллели к имени *Москва*.

⁷⁰ Собственно говоря, ожидалась бы и такая форма, как **Москѡва*, которая объясняет и форму *Московь/Москова*, и вместе с тем представляет собой закономерную трактовку **Mask-uva*. Следует отметить начальное ударение формы *Мѡсква*: оно сохранилось в ряде русских говоров (в частности, в Поволжье), в фольклорных текстах (ср.: *Бей в обску, вспоминай Мѡску*), а также предполагается, кажется, некоторыми обозначениями Москвы в других языках с нефиксированным на начале словесным ударением.

в XVIII в. (свидетельство В.К. Тредиаковского)⁷¹ московский люд называл р. Москву *Смородиной* (ср. также в песне: *Во Москве-реки Смородине* или название речки на юго-западе Москвы *Смородинка*), что выглядит как русский перевод балтийских форм *Mask-/*Mazg- или, по крайней мере, как руссифицированный вариант балт. *Smard-in-, *Smard(v)- и т.п. (ср. лит. *Smaĩdupis, Smardonė, лтш. Smārda*, прусск. *Smorde, Smordin* и русские названия с корнем *Смород-*, *Смеред-*, в частности ср. *Смередку* в бассейне Москвы). Нужно заметить, что семантика названия *Москва*, точнее - его семантическая мотивировка, могла не быть единой (многое, между прочим, зависело от того, в каком конкретном месте было дано наименование реке). Предположительно можно думать о двух таких мотивировках. Во-первых, корень *mask-/*mazg- мог актуализировать связь с топью, грязью (в частности: и зловонной, ср. *Смородина: смердеть*). В пределах древней Москвы повод для такой актуализации могли дать два места - пространство между нынешним Большим театром и остатками Китайгородской стены (т.е. по обоим низменным берегам Неглинки) и особенно пространство напротив Кремля, за Москвой-рекой, ср. *Болото, Великий луг*, заливавшийся по весне водой, которая не просыхала до середины лета во всяком случае и издавала не раз упоминаемое в источниках зловоние (ср. *Кадаши*), или *Еалчуг*, от татарского слова со значением 'топь', 'грязь'⁷². Во-вторых, тот же гидронимический корень мог пониматься и как обозначение и з в и л и с т о й, извиляющейся реки (ср. *вязкий 'топкий' и вязь 'извилистость', вязать* и т.п.). Такое понимание получило бы поддержку в реальных особенностях русла р. Москвы, которая только в пределах города (от Серебряного бора и Хорошева до Нагатина и Курьянова) делает 11 больших петель примерно на двадцатикилометровом пространстве по прямой (не менее извилиста р. Москва в своих верховьях, около Можайска, и в среднем течении, около Звенигорода), а также в предполагаемом балтийском источнике названия (так, ср. лит. *māzgas 'узел', mėgti 'вязать'*, лтш. *mėgt, но mėg'is 'узел'* и т.п. - при лит. *mazgōti 'мыть', 'обмывать'*, лтш. *mazgāt* и т.д.)⁷³.

⁷¹ Н.М. Карамзин ссылается также на изустные предания о реке Смородине, использовавшиеся московскими историками его времени. См.: *Карамзин Н.М. История государства Российского*, т. II. 4-е изд. СПб., 1833, с. 80 (особой пагинации), примеч. 268.

⁷² Если говорить о местах более удаленных от Кремля, то обозначения через элемент *Mask-/*Mazg- или *Smard-: *Смород-* заслуживал и полузатопляемый так называемый *Васильевский луг* между устьем Яузы и Китай-городом.

⁷³ В связи с меной *zg : gz(žg)*, ср. *sk : ks*, можно вспомнить о загадочном городе *М.к.с.*, упоминаемом в персидских источниках о Золотой Орде и нередко сопоставлявшемся с Москвой. Ср.: ... он (Бату. - В.Т.) подчинил и покорил сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть (земли) кипчаков, ала-

В этом случае р. *Москва* как г р я з н а я соотносилась бы с такими названиями, как *Калуга* (ср. реки *Калужка, Калужанка, Калуженка, Калуженской, Калузменка* и под.⁷⁴ при диал. *калуга 'болото', 'топь'*), а р. *Москва* как и з в и л и с т а я - с такими названиями, как *Вязьма* (река и город, ср. также гидроним *Вязьмень*), которые, впрочем, равным образом отсылают и к теме вязкости⁷⁵. Характерно, однако, что этимологически прозрачные русские названия *Калуга* и *Вязьма* соотносятся с неясным в свете данных русского языка названием *Москва*. И еще одно замечание о названии *Москва*, дающем основание для некоей гипотезы: не исключено, что реально засвидетельствованные формы имени *Москва* дают повод говорить о двух дублетных гидронимиче-

нов, асов, русов и другие страны, как-то Булҗар, *М.к.с.* и другие [вар. - *Машку(!)*]; - Оттуда [из земли Булҗар] они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее до города *М.к.с.* [вар. - *М.л.с.*], жители которого по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты б о л о т а м и и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее ("История завоевателя мира" Джувейни; окончена в 1260 г.). В "Избранной истории" Хамдамаха Казвини (составлена в 1329-1330 гг.) среди областей и народов, вверенных Туши-хану его отцом Чингис-ханом, названы аланы, асы, русские, *Микес*. В "Сборнике летописей" (1300/1301 г. - 1310/1311 г.) говорится о действиях монгольского войска в Булгарах, Руси, *М.к.с.* [Тизенгаузен читает здесь: *в Мокше*], Алании и т.д. Там же сообщается о взятии города *Макар*, отождествляемого Березиным (см.: *И.Н. Березин. Нашествие Батые на Россию. - ЖМНП, 1855, май, отд. II, с. 97, примеч. 63*) с *М о с к в о й*, и убиении там князя этого города по имени Улайтимур (Владимир). Позже (в связи с Тимуром) Москва называется *Машку, Машкав*. См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л., 1941, с. 21, 23, 34, 36, 91, 121, 180. В этих сообщениях в связи с московской темой привлекают внимание два обстоятельства: 1) случаи, когда речь идет о событиях, действительно случившихся в Москве, как, например, убиение князя Владимира во время набега на Москву Батые (к названию *Макар : Москва* ср. известный семантический параллелизм между лит. *makaruoṭi (makāras, makaras* и т.п.) и *maskatuoṭi, мозгонуть, мозжить* и т.п., о котором уже писалось в связи с этимологией имени *Москва*), и 2) случаи, которые находят параллели в русских источниках, описывающих те же события (в этом отношении поучительно сравнение текста Джувейни и русских летописей, на что обращалось внимание уже раньше).

⁷⁴ См.: *Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки*, с. 88, 96, 97, 133.

⁷⁵ См.: *Фасмер I, 375; II, 170.*

ских суффиксах, ср. *Mask-(*Mazg-)-uva: *Mask-(*Mazg-)ava (суффикс -ava, видимо, предполагается и рядом иноязычных названий Москвы), соответственно - Моск(ъ)ва: Моск(о)в(a). Учитывая большую авторитетность первой формы, вскоре вообще оказавшейся единственной, и предполагаемую ориентацию ряда иноязычных названий Москвы (к востоку от нее) на последнюю форму, т.е. на *Mask-ava, можно было бы связать эти различия соответственно с вятичской и кривичской формами названия Москвы, из которых кривичская форма была оттеснена и в качестве основной и практической единственной утвердилась вятичская форма (показателем еще ряд особенностей: граница аканья в Подмоскovie весьма близка к разделу кривичской и вятичской областей; то же можно сказать о некоторых других диалектных чертах; во всяком случае, в отношении ряда изоглосс Москва занимает совершенно исключительное по сравнению с окружающей территорией положение, см. карты 5-10). В свою очередь это различие -ва: -ова на восточнославянском языковом уровне могло бы быть транспонировано на более ранний балтийский уровень, где это различие имело бы вид -(u)va: -ava, т.е. практически совпадало бы с гидронимической дифференциацией литовского и латышско-прусского ареалов⁷⁶. Показательно, что территория кривичей действительно тянулась от северных предместий Москвы до границ теперешней Латвии, а сама Москва входила в пояс, соединяющий ее с ареалом гидронимов на -(u)va⁷⁷. Во всяком случае, соотношение Mask-(u)va: Моск(о)в(a): лтш. Maskava очень показательное, в частности, в свете других дублетов сходного типа⁷⁸.

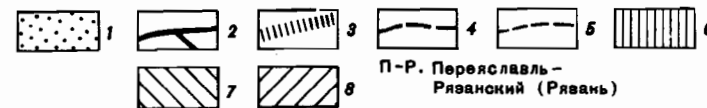
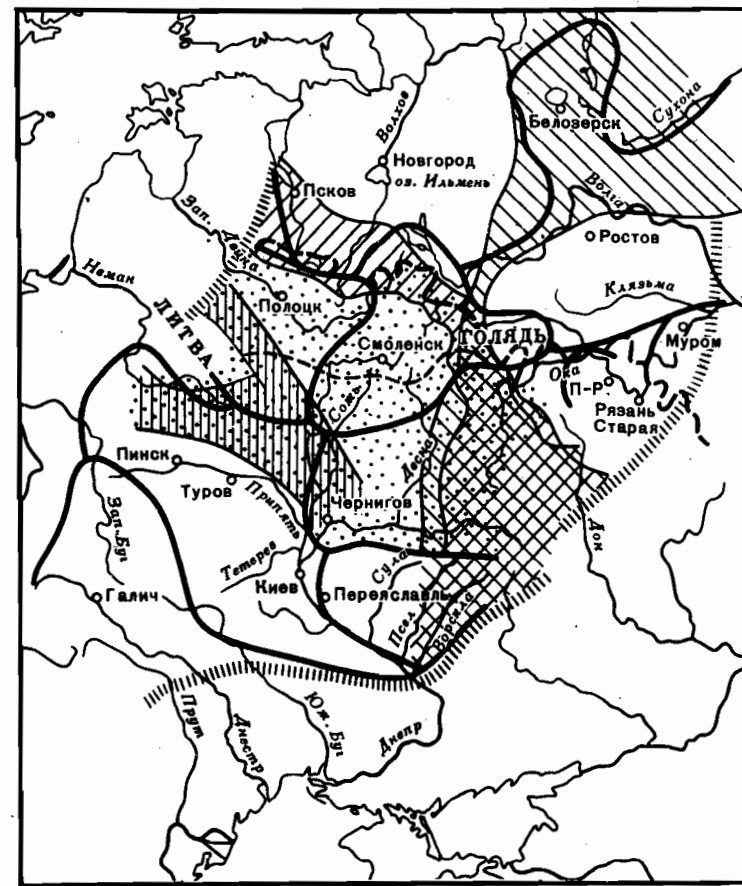
Но название города Москва, данное ему по названию реки (ср.: и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град, и прозва и званием Москва-град по имени реки, текущая под ним. "Повесть о зачале Москвы" (первый вид⁷⁹), которая в свою очередь могла получить его в другом месте, нежели Москва, оказывается поэтому

⁷⁶ См.: Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 101 и след., 211 и след.; Топоров В.Н. Из наблюдений над ареальной дифференциацией балтийской гидронимии. - В кн.: Конференция по топонимике Северо-Западной зоны. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, с. 82-83. Ср. также: Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin-Leipzig, 1922, S. 258-259 и др.

⁷⁷ В свою очередь на восток от Москвы этот пояс продолжается за счет гидронимов на -ва неиндоевропейского происхождения.

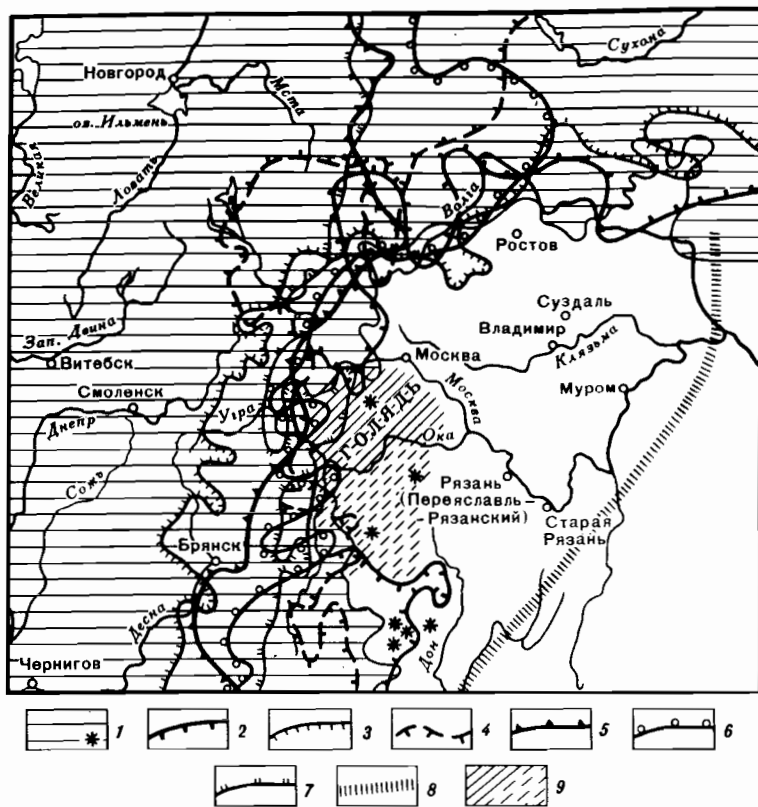
⁷⁸ Ср. лит. *Varš-ava*: польск. *Warsz-ava*, лтш. *Varš-ava*, причем само название польской столицы, кажется, правдоподобно может быть объяснено из балтийского источника (ср. прусск. *Warssen*, *Worsen*, *Warschau*, днпр. *Varsoxa* и т.п.). Вероятность балтийского происхождения названия *Warszawa* обсуждалась еще весной 1960 г. в беседе с О.Н. Трубачевым.

⁷⁹ См.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М.А. Салминой. М.-Л., 1964, с. 176.

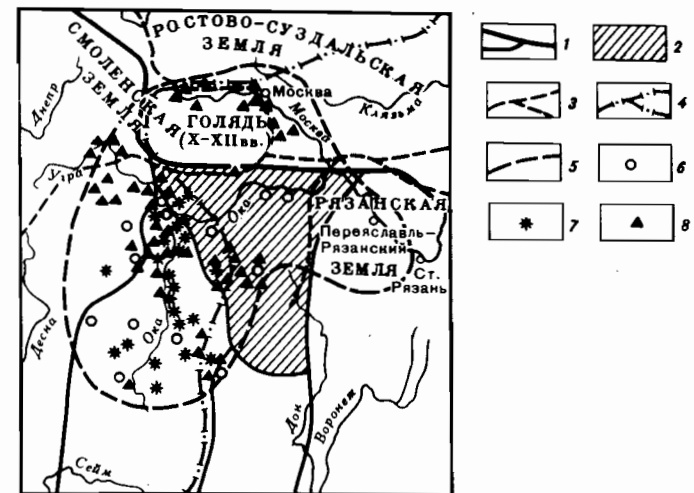
Карта 5 (Хабургаев, карта 8). Основные пучки изоглосс диалектных новообразований XII-XIV вв. (позднедревнерусские диалектные зоны)

1 - ареал раннедревнерусской славнизации балтоязычных поселений на территории Древней Руси; 2 - политические границы основных древнерусских феодальных земель (по А.Н. Насонову); 3 - примерные границы компактных древнерусских поселений (домонгольского времени); 4 - современная граница противопоставления /г/ ~ /γ/ в восточнославянских диалектах; 5 - граница соприкосновения носителей северно- и южно-восточнославянских говоров (IX-X вв.) в центральной лесной зоне (по археологическим данным); 6 - зона скопления изоглосс внутрибелорусских диалектных противопоставлений (по "Дыялекталагічнаму атласу беларускай мовы"); 7 - пучок изоглосс "явлений общезападного распространения"; 8 - пучок изоглосс русско-белорусских языковых противопоставлений

Карта 6 (Хабургаев, карта 9). Изоглоссы "явлений общезападного распространения" на территории компактных древнерусских поселений XII-XIV вв.

1 - ареал отверждения губных согласных в конце слова (включая непоследовательное употребление); 2 - восточная граница территории, на которой последовательно или в говорах лишь отдельных населенных пунктов отражена утрата [j] после согласных - с различными рефлексамии (типа сви[н'н']а или сви[н'а]); 3 - восточная граница распространения названий ягод с суффиксом -иц-а (типа брусница, земляница и под.); 4 - восточная граница распространения формы местоимений 3-го лица *јон*; 5 - восточная граница распространения форм указательного местоимения *таја* - *тоја*; 6 - восточная граница говоров с "новым перфектом" (типа *поезд ушодши/ушитци/ушовши, он женившись* и под.); 7 - восточная граница употребления окончания -и в им. падеже множ. числа местоимения 3-го лица (*они* или *ѣны, ины* и т.д.); 8 - восточная граница компактных древнерусских поселений XII-XIV вв.; 9 - район длительного сохранения (до XI-XII вв.) неславяноязычных поселений (достоверных и предположительных) внутри территории Древней Руси

Карта 7 (Хабургаев, карта 12). Древнейшие восточнославянские поселения на территории южновеликорусского наречия

1 - северная граница южновеликорусского наречия и границы южновеликорусских групп говоров по данным Атласа русских народных говоров; 2 - тульская группа говоров южновеликорусского наречия; 3 - границы основных феодальных земель XII-XIV вв. (по А.Н. Насонову); 4 - северо-восточная граница ареала славянских курганов IX-X вв. (по В.В. Седову); 5 - ареал "вятичей" XII-XIV вв. (по исследованиям А.В. Арциховского); 6 - города "Вятской земли", упоминаемые в летописных сообщениях первой половины XII в. (до 1155 г.), в обобщении В.В. Седова; 7 - вятичские погребения VIII-XI вв. (по В.В. Седову); 8 - поселения и могильники мощинской культуры IV-VII вв. (по В.В. Седову)

не самым авторитетным свидетельством балтийского ландшафта древней Москвы. Существенно надежнее в этом отношении данные о московской гидронимии, относящиеся к малым рекам, целиком или большей частью укладываемым в территорию большой Москвы⁸⁰. Поскольку соответствующие

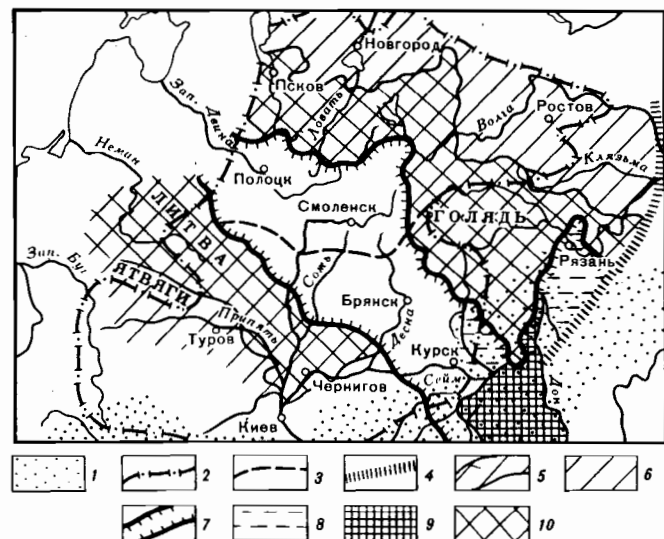
⁸⁰ Впрочем, балтийское происхождение слова *Москва* правдоподобно и при учете того, что старые города, окружающие Москву по дуге с северо-запада на юго-запад и юг, также балтийского происхождения (кстати, все они названы по рекам и, следовательно, "балтийскость" их названий вторична). Ср.: Волоколамск, ср. Лама - прусск. *Lamen, Lameunen, Lamegarben, Lamasila, Lamnoten* (APON, 81); лит. *Lomà, Lomenà* (LUEV, 94); лтш. *Lami, Lamiru, Loma-purvs* (LV, I, 2, 254, 340); курдск. *Lammato* (KF, 116); - *Руза*, ср. р. *Руза* - лтш. *Rauze*, днепр. *Рузка*, висл. *Ruz, Ruzica, Ruzies, Ruzowskie jezero* (HW, 343, 520, 645, 647); - *Можайск*, ср. Мо-

материалы с точки зрения их балтийского происхождения уже анализировались, здесь уместно назвать лишь несколько случаев из числа наиболее ярких. Ср.: *Яуза* (длина 40 км), в старых источниках *Ауза* и даже *Аузя* (есть некоторые основания думать, что "прото-Москва" или один из локальных ее вариантов могли находиться в устье Яузы⁸¹, ср. также Яуза, п.п. Гжати в Смол. губ.) - лтш. *Aūzes*, *Aūzas*, *Auzipurvs*, *Auziū-pļava*, *Auziņi*, *Auzene* и т.п. (LV I, 1, 57-58), ср. лтш. *āizājs*, *auzaine* и т.п. как обозначение стебля овса, ости, соломы (ср. по соседству с Яузой - *Стебелька*, название, пятикратно зафиксированное в басс. Москвы; ср. также *Тростня*, *Трасна* и т.п.).

Неглинная, в старых источниках *Неглимна* (ДДГ, 46, 50, 347, 371), ср. *Неглименье*, *Занеглименье*. - Возможно, из **Ne-gilt-in-* > **Ne-glim-in-* > *Неглимна. К корню ср. прусск. *Gilmen* (APON, 41), лит. *Gelmuas*, лтш. *Dzelme*, *Dzelmes-ure* и др. (LV I, 1, 251), а также апеллятивы типа лит. *giltmē* 'глубина', *gelmė*, *gilmenā*, *gilmenė*, *gilmenys* при *gilūs* 'глубокий', лтш. *dzelme*, *dzelmenis* при *dziļš* (прусс. *gillin*). В таком случае *Неглимна* тракто-

жайка - лит. *Mažoji...*, *Mažure*, *Mažulis* и т.п., *днепр. Мажа*, *Можя*, *Можайка*, п.п. *Березины*, *Можанка* и др.; - м.б., *Верея*, ср. р. *Верея* - прусск. *Wereyn* или *Wirgeiten* (= *Wirjeiten), *Wiriten*, *Weryten* (APON, 199, 203); лит. *Verūs*, *Veretā*, *Vērė*, *Verūpė*, *Vėrupis*, *Virinta*, *Vyriūs* (LUEV, 191; 192, 198 и др.); - *Нарофоминск*, ср. р. *Нара* - прусск. *Narus*, *Narussa*, *Narasow*, *Nareuten*, *Narge* (= **Nar-ji-*), *Nereu* (APON, 105, 107), лит. *Neris*, *Nerūs* и т.д., *Narūtis*, *Narūpis*, *Narōtis*, *Narūnis*, *Narasā* и т.п. (LUEV, 107, 109); лтш. *Nerīņš*, *Nerūļi*, *Nereta*, *Nariņi*, *Narica*, *Nariža* и др. (LV I, 2, 469-470, 476); *днепр. Нератовка*, *Нересна*, *Неропля*, *Нертка*, *Наровля* и др. (ЛДВП, 197, 198), *висл. Narew*, *Narewka*, *Naritze* и др. (HW, 411, 414, 540); *моск. Понар*; - *Серпухов* (*Серпоховь*, ок. 1339, ДДГ № 1, ср. № 13; *Серпихово*; *Серпбескь*. ДДГ, 330, 359, 360, 442), ср. р. *Серпейка*, *Серпея* - прусск. *Serpo*, *Sirpenicken*, *Zurpin* (APON, 158); лит. *Sirputis* и др.

⁸¹ Есть сведения, что еще в XVII в. в Москве существовало предание о том, что первоначальный "градец малый", приписываемый легендарному Мосоку, находился на устье Яузы, "идеже и дньсѣ стоит на горѣ оной церковь каменная святаго и великаго мученика Никиты". См.: *Гилларов Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1877, с. 27; *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва, с. 15-16 и др. Это место в древности было ключевым на пути из бассейна Клязьмы к Москве (ср. *Митищи Яузские* в верховьях, неподалеку от Клязьмы, из духовной Адриана Ярлыка, XV в.). Лежащий к западу Васильевский луг еще в XV в. именовался Пристанischem (ср. тут же будущую Солянку как продолжение *Варьской* улицы (солеварни), будущей *Варварки*), а высокий холм справа от устья Яузы (с церковью *Никола* в *Воробине*) назывался *Гостиним* (*Гостиная гора*).

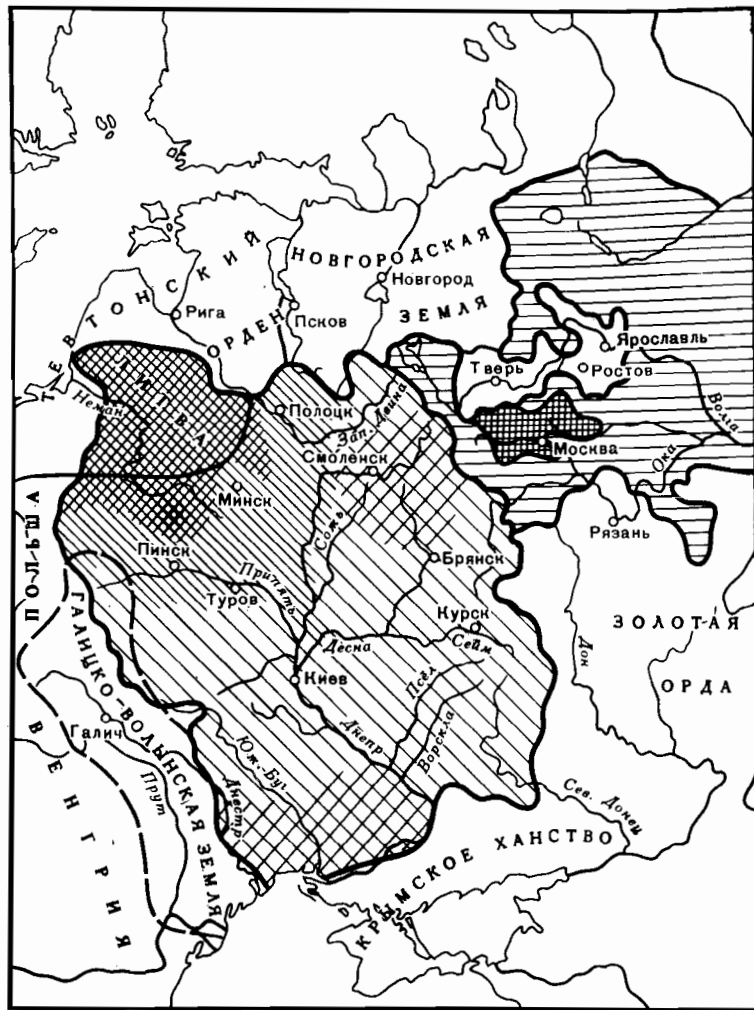

Карта 8 (Хабургаев, карта 15). Изоглоссы основных типов аканья-яканья в восточнославянских диалектах

1 - зона лесостепи в Восточной Европе; 2 - ареал восточнее славянских курганов IX-X вв. (по В.В. Седову); 3 - границы соприкосновения носителей северно- и южно-восточнославянских диалектов на территории центральной лесной полосы (археологически - южная граница кривичских длинных и удлинённых курганов); 4 - восточная граница компактных древнерусских поселений XII-XIV вв.; 5 - границы аканья в восточнославянских языках; 6 - окающие говоры с различными типами "неразличения" гласных первого предупредного слога после мягких согласных; изоглоссы разновидностей аканья-яканья: 7 - ареал разновидностей аканья-яканья, "связанных с диссимильностью", 8 - основные районы распространения разновидностей ассимилятивно-диссимильтивного яканья, 9 - основной район распространения диссимильтивного яканья архаического типа, 10 - разновидности недиссимильтивного аканья и (на большей части ареала) яканья

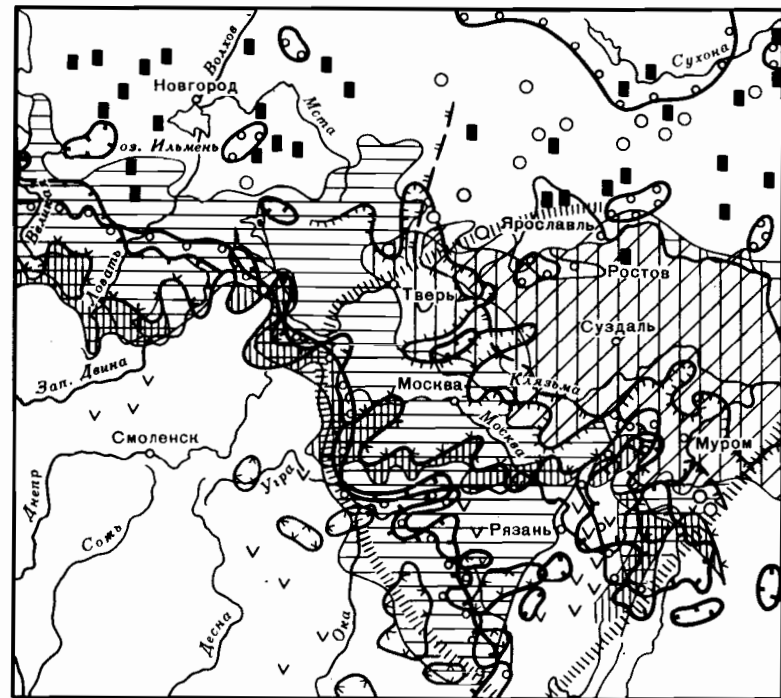
валась бы как 'неглубокая' (мелкость реки и ее исключительно медленное течение, образующее по ходу целый ряд застойных заводей, топей, болот (ср. *Неглинецкие пруды*), не раз отмечались в старой литературе); ср. *Неглинка*, *Неглинской*, также в басс. Оки (ГБО, 62, 193, 216). К тому же балтийскому источнику восходит и более славизированная форма *Желема*, 1439, в басс. Москвы, а также *Желомма*, *Желомка*, *Желомля*. Менее вероятный источник - балт. **Ne-glim-in-* (?), к корню см. прусск. *Glumen* (APON, 43), лтш. *Glūta*, *Glūtji*, *Glūtā-duobe*, *Glūtīkēne pļ.* (LV I, 1, 310).

Чермянка, п.п. *Яузы* - прусск. *Kirmys*, *Kirmithen* (APON 63), лтш. *ķirmeņu-purvs*, *ķirmīņu-purvs*, *ķirmeņu-laīka*,

Карта 9 (Хабургаев, карта 17). Великое княжество Московское и Литовско-Русское государство в XIII-XV вв.

1 - границы Литвы, Галицко-Волынской земли и Московского княжества в середине XIII в.; 2 - первоначальная территория Московского княжества; 3 - границы Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского к 1462 г.; Рост Великого княжества Литовского в XIII-XV вв.: 4 - при Миндовге (до 1263 г.); 5 - при Витене (1293 - 1316 гг.) и Гедимине (1316-1341 гг.); 6 - при Ольгерде (1345-1377 гг.); 7 - при Витовте (1392-1430 гг.)

Карта 10 (Хабургаев, карта 18). Изоглоссы явлений южно-го происхождения в Волго-Окском междуречье

1 - примерные границы позднерусской северо-восточной диалектной зоны и среднеокских говоров; 2 - современная граница противопоставления /г~/γ/ (основной вариант); 3 - районы сосуществования /г/ и /γ/; 4 - ареал оглушения *z* в *k* и отдельные говоры с этим явлением (за пределами основного ареала); 5 - ареалы произношения неслогового *y* (или [w]) в конце слога и слова и отдельные говоры с этим явлением за пределами основных ареалов; 6 - ареал произношения [x ~ x'] и [xv ~ xv'] в соответствии с [ф ~ ф'] и отдельные говоры с этой особенностью за пределами основного ареала; 7 - основная территория распространения говоров с недиссимилятивным аканьем - с различными типами яканья или иканьем; 8 - ареал "окающих" говоров с возможным "неразличением" гласных во 2-м предударном и заударных слогах; 9 - основной ареал ёканья; Пучки и зоглоссы, представленные северными границами распространения; 10 - форм инфинитива от основ на согласные типа *нести*, *весть* и под. (и ряда других явлений); 11 - форм род. падежа ед. числа существительных женск. рода типа *у жён*, *у корд[в'и]* (и ряда других явлений)

ķirmis, ķīrmas, ķirmēļi (LV I, 2, 226-227), лит. *ķirmiņš, ķīrmas, ķirmēļi, ķirmēļi* (LUEV, 75), ср. в басс. Вислы *Szermianka*, окск. Черменка, Чермянка и др. (ГБО, 41, 108, 204). - при лит. *ķirmis* 'червь', также *ķirmiš* (*ķirmen-*), *ķīrminas, ķermenāi*, лтш. *cērme, cirmis, cirmiš, cirmen(i)s*, прусск. *girmis(-kirmis)*. Следовательно, реконструируется балт. **ķirm-en-*: слав. *Сьрт-ен-ька.

Пресня, л.п. Москвы - прусск. *Perses, Persink, Perset, Perselen* (APON, 120; ср. *Persante*, к западу от Вислы), лит. *Pešsas*, лтш. *Pērserupe*, днепр. *Пересна* (**Per-sn-*). См. ЛАВП, 201. Ср. Пресня, в басс. Оки (ГБО, 108).

Нагатино, Ногатинское, Ногатинская заводь (ДДГ, 8, 9, 46, 48, 72, 196) на юго-востоке Москвы - прусск. *Nogothin* (APON, 108); лтш. *Negātne* (LV I, 2, 475), ср. в басс. Вислы *Nogat, Nogata* (HW, 763, 788, 789, 795, 797), днепр. *Нагать, Негать* и др.; окск. *Нагатинской* (ГБО, 107) - **Nag-at-in-*.

Сетунь, п.п. Москвы (есть еще одна река с тем же названием к востоку от Москвы, сюда же *Сетунька*, возможно, и *Сетовка, Сатовка, Сетка* в басс. Москвы) - прусск. *Satho, Satheken, Sattenioken* (APON, 152); лит. *Sata, Samuņa* (Спрогис, 287); лтш. *Satiķi, Satiķu ež., Sātupe* и др. (Plāķis, 80, 121); куршск. *Saten, Sathen, Saterpurwe* (KF, 153-154); днепр. *Сатунь*, в басс. Сожи (ЛАВП, 206); окск. *Сетунь, Сетунька, Сетунка, Сетунской, Сетуха, Сетухов, Сетуха, Сетница* и т.д. (ГБО, 20, 24, 28, 35, 42, 55, 57, 59, 113, 114, 119, 120). - **Set-un-*: **Sat-un-*.

Химка (19 км), л.п. Москвы, вар. - *Хинка* (ср. *Химка*, п.п. Химки) - лит. *Kimėnai, Kimeniškė, Kimiņņė* (LATSŽ, 134); лтш. *ķimenis, ķimten, ķimenes-pļava, ķimene, ķimija, ķimas, ķimi* и т.п. (LV I, 2, 221-222; ср. также *Ķimēni, Ķimāni, Ķimeļupe* и др.); ср. ятв.-прусск. *Кутепов, По-кима* (RR II, 102; III, 136, 144, 152), а также белорусские балтизмы *Химия, Химейка, Химяни, Хемяни* и т.п. - наряду с вариантами *Химия, Химейка, Химяни* и т.п.; ср. еще *Химы, Химец, Химкі, Хім* "нізкі лес...; нетры... тое ж хіміна" (Яшкин, 199 и др.) при лит. *kiminas* 'мох', *kimėnai, kimiņņė* и др. Наряду с *Химка* выступает и *Мошонка* (в басс. Рузы), название которой может рассматриваться как русский перевод балтизма *Химка* (**kim-*). Ср. гидроним *Химкинской* по Протве (ГБО, 92; кстати, в ближайшем соседстве - *Литвиновка, Литвиновской*). - **Kim-* > **Kim-ьк-* > *Химка*.

Чура, п.п. Москвы - м.б., к лит. *Kiāur-upė, Kiāurasai ežerėlis* (LUEV, 74), от *kiāuras* 'узкий'. - Ср. *Чурка* и т.п. в басс. Оки (ГБО, 189).

Чертаново (Чертановское село. ДДГ 198 и др.) - помимо возможности трактовать это слово как исконное, ср. прусск. *Kertene* лес, место, *Kirtieynen* (APON, 61, 64); лит. *Kertenys*, топонимы на *kirt-* (LATSŽ, 131, 135); лтш. *Cērtene* (LV I, 1, 164) - при лит. *kiŗsti* 'рубить', лтш. *cirst*, прусск. *kyrteis* (ср. *kirtis*), русск. *чертить, черта* и т.п. Ср. *Чертановка, Чертанка* в басс. Оки (ГБО, 114, 219).

Варгуниха, урочище на горе, на правом берегу р. Москвы (можно думать, что таково было название Протоки, п.п. Москвы) - прусск. *Wargungkaum, Wargun, Wargee, Wergin, Wargeniken, Wargiscus, Wargelitekaume* (APON, 196, 199); лит. *Vargupys, Vargutis, Vargulių km.* (LUEV, 185; LATSŽ, 336); куршск. *Wargatyten* - при балт. **varg-*: **verg-* (лит. *vaŗgti* 'бедствовать', 'мучиться', *vergti* и под.) ср. в Поочье *Варга, Варгуша, Воргуша, Воргуза* (?) (ГБО, 207, 212, 219, 235). - **Varg-un-*.

Кудрино, деревня в местности, богатой болотами, топями (позже - прудами) - лит. *Kudrėnų km., Kūdrių km., Kudrių km., Kūdrà, Kūdriai, Kūdrėlė* и др. (LATSŽ, 144, LUEV, 81); лтш. *Kūdras-purvs, Kūdrēji, Kudraši* и др. (LV, I, 2, 185); ср. лит. *kūdra* 'лес на болоте', блр. *кудра* и т.п., ср. *Кудрин, Кудрина* в Поочье (ГБО, 44, 47). - **Kudr-in-*.

Бубна, п. Пресни - прусск. *Bubain, Bubeinen* (APON, 23); лит. *Būbinas, Bubainys, Bubinālis, Bubà* и др. (LUEV, 22); лтш. *Bubene, Bubas* (LV I, 138), ср. *Бубна*, басс. Оки (ГБО, 108). - **Bub-in-*, **Буб-ьн-*, от звукообразительного корня, ср. лит. *bubėnti* 'грохотать', 'громыхать', *būbyti*, русск. *бубнить* и т.п. (*Бубна* была шумным ручьем, под большим уклоном стекавшим с холма).

Чечера, п.п. Язуы - лит. *Čičirė, Čičirys, Čičirių upėlis, Čičiraitis, Čičirių km., Čičirių vk.* (LUEV, 25; LATSŽ, 49); лтш. *Čičēre* (LV I, 1, 170), ср. также *Чечера* в басс. Сожи, Десны, Волги (RR II, 22; ЛАВП, 212) и, может быть, названия типа *Kiczera, Kiczora* в басс. Вислы (?) (HW, 172, 176, 191, 192, 193, 214). - Весьма интересно, что Чечера протекает в Москве через местность, истари называемую *Гороховое поле*. Учитывая, что и.-е. **k'iker-* (Рок., 598) обозначает 'горох' и т.п. (ср. прусск. *kekars* 'горох'), правдоподобно предположение, согласно которому *Горох-* в указанном московском названии не что иное, как русская калька балтийского названия, уцелевшего в соответствующем гидрониме (при частой кентумной трактовке **k'* или при допущении параллельной и.-е. формы **kiker-*; ср. лтш. *ķekars, sveers* и т.п.). Ср. *Чечора* (дважды) в басс. Пехорки, л.п. Москвы (вблизи исторической голяди), а также *Чичер, Чичера, Чичерка, Чичерлейка, Чичерское, Чичора, Чичурка, Чечора* в басс. Оки, в частности, по Протве - *Чичера, Чичаровка* (ГБО, 92, 109, 148, 190, 222, 250, 258), ср. *Чиченка* (ГБО, 26). - **Kiker-*: **Keker-*⁸².

⁸² Сокращения, используемые выше (по латинскому алфавиту):
 APON - Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin-Leipzig, 1922.
 ДДГ - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
 ГБО - Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
 NW - Hydronimia Wisły. Cz. I. Pod red. P. Zwołńskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965.

Перечисленные гидронимы Москвы балтийского происхождения, как и вероятное продолжение этого списка, дают наглядное и, можно сказать, достаточное для этого этапа исследований представление о балтийском ландшафте с а-м о й Москвы. Вместе с тем они, кажется, позволяют специально говорить о с и л ь н о м балтийском фоне в зоне радиусом в 10-15 км вокруг центра старого города. Не исключено, что позже, в период сильно продвинувшейся славизации Москвы и ее окрестностей, балтийский элемент проявил особую устойчивость в этой пригородной зоне. Можно представить себе такую вполне реальную ситуацию, когда в Москве звучала исключительно русская речь, а в подгородных деревнях еще сохранялась балтийская речь (на последующем этапе это соотношение должно было претерпеть изменение: вокруг Москвы только русская речь, в дальних и глухих уголках Подмосковья - балтийская речь). Как балтийские лексические заимствования в центральных говорах России, так и общие соображения о соотношении Москвы и ее подгородных сел sub specie сохранения архаизмов, позволяют думать, что дифференциация балтийских и славянских элементов на подмосковной и московской территории была именно такой или, по крайней мере, близкой к предлагаемой.

Но, конечно, балтизмы в связи с московской темой не исчерпываются названиями рек и урочищ Москвы. Не менее интересно, что оба древнейших имени, связываемых с первоначальными и основателями Москвы в сильно мифологизированной квазиисторической традиции, имеют о т ч е т л и в ы е б а л т и й с к и е ассоциации. Эта традиция представлена циклом текстов, связанных с началом Москвы и позволяющих установить два особенно важных периода в становлении указанной традиции (московские события XIII-XIV вв. и XVI-XVII вв.). В одном из текстов этого цикла - "Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епархии" - сообщается следующая версия первого жителя будущей Москвы: Посем князь великий в том же острове наехал посреде болота остров мал, а на нем поставлена хижина

- Яшкин - *Яшкин Г.А.* Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.
- KF - *Kiparsky V.* Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.
- LATSŽ - *Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinybas. II dalis.* Vilnius, 1976.
- ЛАВП - *Толочко В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- LUEV - *Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas.* Vilnius, 1963.
- LV - *Endzelīns J.* Latvijas PSR vietvārdi. 1, 1-2. Rīgā, 1956-1961.
- RR - *Būga K.* Rinktiniai raštai. I-III. Vilnius, 1958-1962.
- Спрогис - *Спрогис И.Я.* Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.

мала, а живет в ней пустынный, а имя ему Б у к а л. И потому и хижина именуема Б у к а л о в а. И ныне на том месте божим повелением царской двор... Князь же великий Данил Иванович в 6 лето на хижине Б у к а л о в е заложи град и нарекоша имя ему М о с к в а⁸³. Возможно, что память о Букале сохранялась в названии урочища, упоминаемого в 1615 г., - церковь Воскресения Христова, что н а Б у к а л о в е⁸⁴. У Н.М. Карамзина были какие-то основания ссылаться на важное топографическое указание (с отсылкой к историкам Москвы и устной традиции) о том, что церковь Спас на бору была построена на месте Букаловой хижины⁸⁵. С.К. Шамбинаго полагает, что "это урочище могло, действительно, существовать на Боровицком холме, так как Сказка предупредительно поясняет: а нынѣ на томъ мѣстѣ домъ царскій"⁸⁶. Не обращаясь сейчас к истории осмысленности реконструкции образа отшельника Букала по названию урочища (другие такие реконструкции в том же сказании явно неудачны), нужно, тем не менее, подчеркнуть лингвистическую проницательность автора "Сказания", восстановившего имя (если только, конечно, он не знал устной традиции, в которой уже существовал Букал, что представляется весьма вероятным), которое при отсутствии славянских параллелей имеет надежнейшее подтверждение в балтийской ономастической традиции. Ср. лтш. *Bukals, Bukališkas* (LV I, 1, 141), прусск. *Bukelin, Bukilin*⁸⁷, может быть, куршк. *Buk, Bucks* (KF, 269, ср. прусск. *Vix, Vixo*) и др.⁸⁸, откуда - **Buk-al-*.

⁸³ См.: Повести о начале Москвы (далее - ПМ), с. 246-247 (первый вид), с. 249 (второй вид).

⁸⁴ Ср.: Того же дни [31 маи] по государеву цареву... указу и по приказу казначея... по подписной челобитной... дано государева жалованья Воскресения Христова, что н а Б у к о л о в е попу Богдану... "Расходная книга товарам и вещам, отпущенным на жалованье разных чинов людям за 7123 г." (ЦГАДА, ф. Оружейной палаты № 277, л. 255-255 об.). Конъектура И.Е. Забелина (*Булгакова*) явно неудачна (см.: *Забелин И.Е.* История города Москвы, ч. 1. СПб., 1905, с. 28). Вместе с тем не исключено, что в этой связи заслуживает внимания *деревня Бухалово* (около Рузы), упоминаемая в Разъезжей грамоте вел. кн. Ивана Васильевича кн. Юрию Ивановичу 1504 г. (ДДГ, 386). Из *Букалово?

⁸⁵ См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т. II, примеч. 268. - М.А. Салмина (ПМ, 158) указывает, что справка Карамзина в конечном счете восходит к сочинению Сумарокова "О первоначалии и созидании Москвы", которое само опирается на "Сказание о зачатии Москвы" (см. ПМ, 155).

⁸⁶ См.: *Шамбинаго С.К.* Повести о начале Москвы. - ТОДРЛ III. М.-Л., 1936, с. 96.

⁸⁷ *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, S. 21.

⁸⁸ К апеллятивным параллелям ср., может быть, *buk-/buč-*. См.: *Urbutis V.* - *Baltistica*, 1969, V, p. 51.

Другое имя, еще теснее и непосредственнее, а главное, реальнее связанное с основанием Москвы, - *Кучка*, *Кучковичи*. Ср.: И прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва, оба полы Москвы-реки. Сами же селы владущу тогда болярину некоему, богату сушу, зовому К у ч к у Стефану Иванову. Той же Кучко возгордевся зело и не почти великого князя... ("Повесть о зачале Москвы"), ср. также *Кучково* как другое название Москвы (Москва, рекше *Кучково* - в летописи), *Кучково поле*⁸⁹. Хотя само имя *Кучки* вполне объяснимо и из славянских языков, в широком контексте раннемосковской (и даже домосковской) истории особенно существенно, что близкие соответствия ему отмечены и в балтийских языках. Ср. прежде всего личное имя прусса *Kutsze* (ср. также *Kuke*, *Kucaun*, *Cucuten* и др.), а также топонимы *Kuczke*, *Kuczithen* (APON, 78); может быть, лит. *Kučkų km.*, *Kučkėlių km.* (LATSŽ, 143, ср. еще: *Kučių km.*, *Kučiškės km.* и др.); ср. лтш. *Kukuti* (лит. *Kukūtis*), *Kukiši* и др. (LV I, 2, 160-161, 164-167); куршк. *Kucken*, *Kucus* KF, 297 (лтш. *Kučī*, лит. *Kučūs* и др.). Характерно, что сама форма имени *Кучки Стефан* (при более обычном *Степан*) ориентирована на западные источники (кстати, это имя нередко в такой же форме встречается и у пруссов, ср. *Steffan Cruteyne* и др.). В имени и образе *Кучки* в связи с темой раннемосковской истории существенны две особенности: имя *Кучки* относится и к обозначению у р о ч и щ а, и к историческому п е р с о н а ж у (или даже целому роду), во-первых, и образ *Кучки* одновременно фигурирует и в реальной и с т о р и и, и в м и ф о л о г и з и р о в а н н ы х квазиисторических построениях, во-вторых. Сочетанию этих особенностей мы обязаны первой топографической схемой Москвы и своего рода ее "предпейзажем", подчеркивающим тему красоты города, как бы особой его о т м е ч е н н о с т и⁹⁰.

⁸⁹ В Суздальской земле в XV в. была известна волость *Кучка*.
⁹⁰ Сам же князь великий Юрий Владимирович возходит на гору, и обзрев с нея очима своима само и овамо по обе страны Москвы-реки и за Неглинною, и возлюби села оны... ПМ., 176 (первый вид; ср.: по обе страны Москвы-реки, и за Неглинную, и Язы-реки. ПМ, 189, второй вид); - И по сем вызде на гору, иде же ныне сей царствующий град, и виде красоту места сего, по иже горе и оба полы реки Москвы бысть бор великий, и много бысть в нем зверия и всякого обилия. Се же виде место сие Кучко и распалися сердцем и рече: "Господи, даждь ми сие место, понеже изобилно всякого блага". И пребысть на месте сем 3 дни, зря красоту его, и повеле познания ради сещи и жеши той бор, и сотвори поле великое. ПМ, 193-194. Та же идея предназначенности открывает "Рассказ о начале Москвы", входящий в "Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы" и, возможно, в своем начале отражающий утраченную эпическую традицию: *И почему было Москве царством быти, (|) и кто то знал, что Москве царством сыти*. ПМ, 198 (первый вид). Метрически несколько отличная версия пред-

Эта последняя идея надолго стала ведущей в одной из самых влиятельных исторических концепций на Московской Руси. Ее официальный характер не противоречил той особой эмоциональной напряженности, с которой она воспринималась и неофициальным индивидуальным сознанием.

Если говорить о возможной ("строго исторической") трактовке предания о Стефане Кучке или - точнее - если пытаться реконструировать некую историческую реальность, которая отразилась в предании о Кучке, то наиболее надежным проводником на этом нелегком пути, кроме таких бесспорных реалий, как *Кучка*, его дети, его владения на месте будущей Москвы, его конфликт с великим князем и поражение, передавшее Москву в другие руки и определившее ее последующую судьбу, является логика соотношения элементов внутри господствующей "геополитической" схемы. Об этой схеме можно составить достаточно полное представление на основании анализа отношений Московского княжества с его соседями к востоку и особенно к з а п а д у в XIII-XV вв. Учитывая отмеченную выше ориентированность некоторых раннемосковских реалий на западные источники, можно высказать предположение, что и сам конфликт ростово-суздальского князя с боярином *Кучкой* - видимо, одним из вятичских (независимо от происхождения) старшин - мог актуализировать тему з а п а д н ы х пределов складывающегося из северо-востоке Руси ядра будущей русской государственности в одной из основных ключевых точек, какой являлась Москва. Такое предположение, кажется, заслуживает предпочтения перед обычной для древнерусской литературы мотивировкой в виде своего рода *ǃbr̃c̃s* - Той же *Кучко* в о з г о р д е в с я з е л о и не почти великого князя подобающе честью, яко же довлеет великим князем, но и поносив ему к тому (ПМ, 175-176) (с продолжением: Князь же великий Юрий не стерпя хулы его и повелевает болярина онаго ухватити и смерти предати). Разумеется, нельзя считать случайностью, что тема *Кучки* и *Кучковичей*, всплывшая в цикле текстов о начале Москвы, получила сразу же еще более очевидные "западные" мотивировки, реализовавшиеся в генеалогических легендах, как бы перебрасывающих мостик между старыми ("дописьменными") воспоминаниями о балтийском элементе Москвы и складывающейся новой реаль-

ставлена во втором виде (с. 213): *Почему было Москве царством быти, (|) и кто то знал, что Москве государством сыти*. Ср. также четвертый вид (с. 236). В третьем виде (с. 231) формула метрически искажена: *Лето 6786 Москве зачатие, кто то знал, что Москве царством быти (|) и государством сыти*; в пятом и шестом видах она вовсе отсутствует. В "Повести о зачале Москвы" эта формула дана как цитата; но в испорченном виде: *Аще бо и нещии от окрестных стран враждующе поносят ему, сие глаголюще: "Кто убо чая или слыша когда, яко Москве граду царством сыти и многими царствы и странами обладати?"* (ПМ, 174). Характерно, что для наиболее сохранных примеров можно предполагать двуступище, каждая строка которого имеет по 11-13 слогов.

ностью - ср. женитьбу Симеона Гордого (ср. выше о гордом Кучке), начавшего борьбу с Литвой, на литовской княжне Айгусте, в крещении Анастасии⁹¹; начало "литовщины", борьбу между Вильной и Москвой за возглавление Руси, за ее духовное окормление, за то, кому стать "Третьим Римом"⁹². Несколько позже, в эпоху, когда закладывались основы концепции Москвы - "Третьего Рима", возникает (или актуализируется) распространенная схема, выводящая русских от легендарного Пруса, брата Августа и отдаленного предка Рюрика (в генеалогических легендах хронистов XVI в. сам Прус мог оказаться в родственных отношениях с Галиндом - отец или брат). Связь Августа и Пруса (а далее - Пруса с Русью), засвидетельствованная "Сказанием о князьях Владимирских" (конец XV в.) и некоторыми близкими ему текстами ("Послание монаха Спиридона-Саввы", соответствующие статьи "Родословия великих князей русских", "Хронографа", "Степенной книги", поздних летописных сводов и т.д.)⁹³, отражает весьма популярную

⁹¹ Между прочим, мотив раннемосковского "enfant terrible" Симеона Гордого (Симеон Иванович, сын Ивана Калиты, "накопителя", "денежного мешка" и т.п.) и его скандального третьего брака с тверской княжной Марией мог получить косвенное отражение у Достоевского в сходном мотиве другого Семена Ивановича - Прохарчина - и его отношений с тверской золовкой, шуточно и вольно трактуемых его сожителем как предосудительные (ср. введение Софии Витовтовны в роман Достоевского).

⁹² О предпосылках сложения идеи "Третьего Рима" в результате деятельности Иоанна Кантакузина и Филофея Коккина во второй половине XIV в., т.е. почти за полтора столетия до знаменитого послания другого Филофея, старца псковского Елеазарова монастыря, Василию III, в котором была сформулирована эта идея, см.: Мейендорф И.Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. - ТОДРЛ, 1974, т. XXIX, с. 291-305; Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. - В кн.: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, и др. См. также: Schaeder H. Moskau das dritte Rom. Darmstadt, 1957.

⁹³ Ср.: Август же начал дань покладати на вселенней... постави... Пруса, сродника своего, в бреже Вислы реце во граде Марборок, и Турн, и Хвоини и пресловый Гданеск, и ины многи грады по реку, глаголему Немон, впадшую в море. И жит Прус многа времена лет и до четвертаго роду; и оттоле и до сего времени зоветься Прусская земля. И в то время некий воевода новгородьцкий именем Гостомысл скончавает свое житие и созва все владельца Новгорода и рече им: "О мужие новгородьстии, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прусскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суца от рода римскаго Августа царя... ("Сказание о князьях владимирских",

в то время и позже мифологему о связях пруссов с Римом, развивавшуюся немецкими авторами, писавшими о пруссах (правда, позже, ср. Симона Грунау, XVI в.), и зафиксированную текстом известной прусской надписи на знамени, обычно (и, видимо, не вполне обоснованно) считавшимся целым поддельным и полностью недостоверным⁹⁴. Если целесообразно с большим, чем принято, доверием отнестись к тому, что касается отношений пруссов с Римом в древности, то, вероятно, уместно уделить большее внимание и сильно мифологизированной версии связей пруссов или литовцев с русскими и Русью, позже - с Москвой как главным ее центром, облеченным особой духовно-исторической миссией. Здесь же, поскольку об этой теме уже писалось⁹⁵, достаточно напомнить о двух примечательных фактах. Во-пер-

1-я редакция). См.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.-Л., 1955, с. 174-175 (далее - СКВ), ср. с. 188-189. Этот же фрагмент содержится и в "Послании монаха Спиридона - Саввы", см. СКВ, 161-162. Помимо старой работы И.Н. Жданова "Русский былевой эпос" (СПб., 1895) тема происхождения правителей Руси и их регалий, а также тема соответствующей группы текстов рассматривается в ряде исследований. Ср.: Скрипиль М.О. Легендарно-политические сказания Древней Руси. - Докл. и сообщ. филол. фак-та ЛГУ, 1950, вып. 2; Зимин А.А. [Рец. на кн.:] Р.П. Дмитриева. Сказание... - Исторический архив, 1956, № 3; Он же. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. - В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. - ТОДРЛ, 1976, XXX; Дмитриева Р.П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха. - Там же. Ср.: Бичкова М.Е. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. - В кн.: Польша и Русь. М., 1974. К реальной истории отношений между Пруссией и Россией см.: Forstreuter K. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen, 1955; Donnert E. Russland an der Schwelle der Neuzeit. Berlin, 1972, и др.

⁹⁴ Во всяком случае, почти бесспорно, что возникающие почти одновременно три концепции о связи с Римом как своим источником - в Пруссии, Литве и на Руси - внутренне связаны друг с другом и в соответствующей ситуации (в Литве и в Московском великом княжестве) использовались как аргумент в пользу особой роли того, кто является потомком по прямой линии Августа и Римской империи. О римской теме мифологизированной литовской исторической традиции см.: Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 3-71.

⁹⁵ См.: Лихачев Н.П. "Государев Родословец" и род Адашевых. - В кн.: Летопись занятий археографической комиссии, вып. XI. СПб., 1903, с. 44-35; СКВ, 110 и след.

в ы х, речь идет о тенденции ряда знатных и древних русских родов, претендующих на княжескую или даже царскую власть, выводить свое происхождение от прусского или литовского родоначальника. В ряде случаев такая генеалогическая операция имела основание (ср. русских князей Гедиминовичей по происхождению). В других / положение оставалось неясным, спорным. В третьих - такие претензии оказывались и вовсе неоправданными. Тем не менее сама тенденция вне сомнения. Так, например, род Захарьиных, к которому принадлежала первая жена Ивана Грозного Анастасия, вел свое происхождение от Андрея Кобылы, выходца из Пруссии (в XIV в.; чисто теоретически то же на два-три века раньше могли бы сделать и предки Кучковичей - тем более, что факт миграции отдельных пруссов на восток прослеживается и для этого и для более позднего времени). По матери Иван Грозный был связан с Литвой, откуда вела свой род Елена Глинская. Сходные генеалогические корни обнаруживаются и в традиции рода Романовых. Во-в т о р ы х, нельзя не видеть определенной закономерности в том, что вслед за "Сказанием о князьях Владимирских" обычно следует "Родословие литовских князей" (ему же предшествуют "Повесть, начинающаяся с разделения Вселенной Августом" ("Начала царема римским и всем православным великим князем") и "Повести о разделении Вселенной Ноем", см. СКВ), а за основной частью "Послания" Саввы-Спиридона - раздел "А иже рече о вчинении родов литовскаго княжества" с исключительным вниманием к западной доминанте русской политики. Роль Спиридона, прибывшего из Царьграда в Литовскую землю, в ознакомлении русского читателя с прусскими и литовскими мотивами вне всякого сомнения.

В свете сказанного о настоятельной потребности в соотнесении своего, русского, м о с к о в с к о г о с чужим, прусским или литовским особенно интересна пока не нашедшая своего исследователя римская тема, увязываемая в "Повестях о начале Москвы" с образами московских первонаселенников Букала и Кучки. Здесь эта тема также не может быть рассмотрена. Однако стоит вкратце обозначить ее аспекты. Прежде всего "Повесть о начале Москвы", в которой как раз и выступает Кучка, начинается с изложения филофеевской концепции о Москве - "Третьем Риме"⁹⁶. В "Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой епископии" "римская"

⁹⁶ Вся убо христианская царства в конец приидоша и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти. Поистинне же сей град именуется третий Рим, понеже и над сим бысть в зачале то же знамение, яко же над первым и вторым; аще же и различно суть, но едино кровопролитие" (см.: ПМ, 173-174). Далее излагаются "прецеденты" пролития крови при основании Рима и Константинополя. Собственно, этими историями и вводится рассказ о Кучке, его убийстве, убийстве Андрея Боголюбского Кучковичами.

тема вводит рассказ: В лето 6714 князь великий Данил Иванович после Рюрика, короля р и м с к о г о в 14 колене, пришед из Великаго Новаграда в Суздаль (ПМ, 245), и снова появляется в кульминационном пункте, связанном с темой Крутицкой епископии: наехали горы, а в горах тех стоит хижина мала, а в той хижине человек р и м л я н и н, имя ему Подон. И возлюби князь великий место сие, и на том месте себе дом устроити восхоте. Той же муж Подон исполнен д у х а с в я т а и рече: "Князе, не подобает ти zde вселитися, то есть место д о м Б о ж и й. Созижди ту храм..." (ПМ, 246-247). Наконец, отзвуки "римской" темы следует видеть в мотиве видения "посреде того болота... зверя превелика и пречюдна, троуглава и пестра велми пестринами различна и красна зело", явившегося перед князем Данилом Ивановичем на месте будущей Москвы и объясненного ему "греченином" Василием: "Великий княже, на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие троугольное, и в нем умножатся различных орд люди, то есть прообразует зверя сего троуглавого, а различни на нем цвети - то же есть прообразует различных орд люди" (ПМ, 246). В этом же контексте должен толковаться и мотив поединка орла и змея, окончившегося поражением орла, на месте будущего "второго Рима" Царьграда⁹⁷, а также вольные и невольные усиления символической структуры (так, встреча Юрия Долгорукого с Кучкой и, следовательно, основание Москвы относятся к апокалиптически отмеченному 6666 г. (т.е. к 1158 г.), а не к 6655 г., т.е. к 1147 г., когда действительно произошло это событие; см. ПМ, 175, 188, 193) и некоторые переключки с историей основания "первого" Рима⁹⁸. "Римская" тема как мотивировка исторической (и даже сверхисторической) отмеченности Москвы имеет, конечно, и самостоятельное значение, но ее западные (литовские или литовско-польские) истоки и (в известной степени) окраска, нюансировка очевидны даже после специфически "московской" редактуры.

Таким образом, "балтийский" аспект московской (а в известном смысле и русской) истории то отчетливее, то

⁹⁷ С объяснением знамения: "О, царю благочестивый, сие место с е д м и х о л м н ы й наречется по всей вселенной паче инех градов... Орел же есть знамение христианское. Змий же знамение знаменует бусурманское, понеже змий одоле орла, является се, яко босурманство одолее христианство..." (ПМ, 197).

⁹⁸ Ср., напр., подчеркиваемую Титом Ливием тему "наполнения" Рима народом (ne vana urbis magnitudo esset) и его "распространения" (ср. *plebs*:/plēnus/ как "заполнитель" пространства города) при сходном мотиве в текстах о начале Москвы. Ср.: ... заповеда сыну своему, князю Андрею, град Москву людьми н а с е л я т и и р а с п р о с т р а н я т и (ПМ, 177) или: И от того времени прославися град Москва, н а п о л н и л с е жители (ПМ, 192).

туманнее проступал на протяжении многих веков^{98а}, беря начало в далеком балтийском прошлом Москвы и Подмосковья. Но если вначале балтийская тема была основной, центральной и, главное, своей, то к XIII в. положение изменилось. "Балтийское" заменилось литовским, а "литовское" стало пониматься как чужое и враждебное. Освобожденная от балтийских связей московская

^{98а} Иногда этот "балтийский" аспект проявляется в особой устойчивости некоторых рубежей и ареалов. В истории "большого" Подмосковья отмеченной оказывается река Угра и прилегающие к ней области (на юго-запад от Москвы), где, в частности, сидела голядь (условно - между Боровском и Юхновом). Не исключено, что длительное сохранение голяди в этом углу Подмосковья как-то соотносится с особой изолированностью этой области и позже. Достаточно напомнить, что последние дни м уделом Московского княжества, сохранявшимся к концу княжения Василия II, был Верейско-Боровский (по П р о т в е). Угра как порубежная река не раз была местом сражений: в 1147 г. (год основания Москвы и упоминания голяди) половцы "повоеваша Угры верх"; в 1168 г. великий киевский князь "иде на половци з братьею своею... пришедше на станы их на Угре реце, и взяша вежи их, а самих угониша у Чернаго леса, и избиша..."; в 1352 г. Семен Иванович Гордый, задумав идти на Смоленск, останавливается на последнем рубеже, на Угре, в ожидании послов; в 1409 г. на Угре сошлись русское и литовское войско, но и на этот раз дело кончилось миром ("и придоша обои ко Угре реце, и мало постоявше, взяша мир по старине и разошася каждо во свояси"). Не приходится говорить о "великом стоянии" на Угре Ивана III и царя Ахмата (Ахмед-хана), неожиданно обнаруживающем и свою "балтийскую" подоплеку: обе стороны считали это место ключевым, в частности, из-за того, что сюда вела прямая дорога из Литвы и здесь же близости находились подвластные Литве "верховские" княжества. Ахмат, несомненно, надеялся на помощь Литвы, Иван III, напротив, боялся прихода в это место литовского войска и, возможно, втайне надеялся на возмущение в тылу Ахмата русско-литовского населения. Есть предположение, что движение этого населения против Казимира IV в 1480 г. сыграло свою роль в уклонении Ахмата от перехода Угры. См.: *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952, с. 153-154. Ср. также: *Пресняков А.* Иван III на Угре. - В кн.: С.Ф. Платонов. СПб., 1911 и особенно: *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М., 1980, с. 83, 89, 94-96, 105-106. - Следует напомнить, что обращение братьев Ивана III Андрея Большого и Бориса с просьбой о помощи к Казимиру IV (сами братья остановились у литовского рубежа в Великих Луках) в начале 1480 г. было одним из важных поводов для похода Ахмата на Угру.

тема в резком противопоставлении соотнеслась с литовской темой, позже трансформировавшейся в польско-литовскую и - шире - в западную (ср. мифологизированную московскую идею "гнилого запада")⁹⁹. Пронизанность русской истории

⁹⁹ В определенные периоды носителями западного начала (в частности, "литовского") в глазах Москвы выступали Тверское княжество и Великий Новгород. Москва нередко обвиняла их в пролитовских симпатиях и при первой возможности принимала меры против литовского влияния. Достаточно напомнить о том, что Василий Темный, воспользовавшись преимущественным положением, вынудил тверского князя Бориса Александровича заключить с ним, по сути дела, антилитовский договор ("А быти нам, брате, на татар, и на ляхи, и на литву, и на немци и заодин на всякого нашего недруга"; не смотря на длинный список "недругов", в этот исторический момент актуальнее всего была идея политической изоляции Твери от Литвы) или о том, что происходило в Новгороде в 70-е годы XV в. (создание в условиях опасности со стороны Москвы боярской группировки во главе с Борецкими с отчетливой литовской ориентацией, договор Новгорода с литовским великим князем и польским королем Казимиром о защите города от московского великого князя, первый поход на Новгород Ивана III и тщетное ожидание "литовской" помощи, захват Новгорода, казнь Борецких и других приверженцев литовской ориентации, вынужденное силой обязательство новгородцев "за короля и великого князя литовского не отдаваться и быть неотступными от великого князя ни к кому" 1471 г., присоединение Новгорода в 1478 г. к Московской Руси, наказание главы литовской группировки Марфы Борецкой и - столетие спустя - разгром Иваном Грозным Новгорода в 1570 г. как наказание за "измену" - желание присоединиться к Великому князю Литовскому и превращение войны с Ливонией в войну с Литвой). Это, однако, не означает, что литовская тема для Москвы не имела и других воплощений (ср. регентство Софьи Витовтовны и поддержку, оказываемую Москве Витовтом и положительно влиявшую на отношения Москвы с удельными князьями). Об отношениях с Литвой при Иване III см.: *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1508. М., 1867. Но не менее характерно и то, что говорит другая сторона. Так, в середине XVI в., подводя итоги территориальным приобретениям Ивана III, Михаил Литвин пишет, что тот распространил свои владения, подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Волок и другие соседние уделы, и "отнял даже литовские области: Н о в г о р о д, П с к о в, Северск и другие, присоединив их к своей отчине" (ademit suoque adiunxit patrimonio Lituancas provincias Novohrod, Pskovv, Sievvier, & alia. Michalonis Lituani De moribus tartarorum lituanorum et moschorum. Basileae. MDCXY, p. 18; фототипическое издание - Vilnius, 1966).

и территорий к западу от Москвы в XIII-XV вв. литовским элементом была столь значительной¹⁰⁰, что метонимия Литва + Запад не должна вызвать удивления. Значительность этого элемента и дальнейшая его трансформация уже применительно к эпохе создания централизованного русского государства, возглавлявшегося Москвой, в известной степени предопределили и общую схему дальнейшего московско-(русско)-литовского (польско-литовского) противостояния

¹⁰⁰ Ср. постоянные летописные сообщения типа: *Воеваша Литва на Шелонь* (1217 г.), *Воеваша Литва около Торонца* (1223 г.), *Придоша Литва, повоеваша около Торжку бещисла* (1225 г.), *Придоша Литва и воеваше Любне и Мореву и Серегерь* (1229 г.), *Изгониша Литва Русу оли до торгу... и отступила на Клинь... князь же... постиже на Дубровнѣ на селищи во Торопьчской волости...* (1234 г.), *Воеваша Литва около Торжку и Бѣжици* (1245 г.) и т.п., если говорить только о 1-й Новгородской летописи. Показательно и свидетельство летописи от 1285 г., поскольку в нем фигурирует уже и Москва: *...воевала Литва тферьскаго владыки волость Олешню, и совкупихесе тферичи, москвичи, волочане, новогорьци, зубчане, рожевичи, и шедше биша Литву на лес в канун Спасову дни, и великого князя их Домонта убиша, а иных изымаша, а овых избиша, полон весь отьяша, а инии розбежашася.* ПСРЛ I, стлб. 526; X, 166; ср. также: *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период, т. 2. СПб., 1891. - Устойчивость "литовского" компонента в Подмосковье свидетельствуется духовными и договорными грамотами XIV-XV вв., в которых постоянны указания такого типа, как: *а от Будица поперекъ Литовского пути...* (ок. 1401-1402 г.); *...прямо на поперечный мостъ к Литовской дорозе* (1483 г.); *а поидуть на нас Литва или на смоленского на князя на великого...* (1375 г.); *а к Литвѣ князю великому Олгу целованье сложити. А будет князь великий Дмитрий Иванович... с Литвою в любви, ино и князь великий Олег с Литвою в любви* (1382 г.). См.: ДДГ № 9, 10, 17, 77 и др., а также многочисленные населенные пункты с литовскими названиями - *Айбутово, Букоктново, Гирмонка, Домантовское, Ямонтово, Нарбужье, Скирмантово, Скомонтово* и др., свидетельствующие о довольно многочисленных в это время литовских островках среди русского населения. Память об этом элементе сохранялась и позже, и здесь еще раз уместно напомнить, что для крестьян к западу от Москвы (но еще в пределах Московской обл.) обычной была ситуация локализации Литвы (естественно, с уточнением - "в старые годы") за ближайшим (к западу) лесом от данной деревни с постоянным переносом и воспроизведением этой ситуации по мере продвижения от Москвы на запад (факт, хорошо известный диалектологам и этнографам-краеоведам).

и наполняющие ее события¹⁰¹. Характерно, однако, что московская микропонимия с начала XVI в. (а возможно, и с существенно более раннего времени) хранила в себе

¹⁰¹ Ср. лишь некоторые из них: восстание в Смоленске в 1440 г. против литовского наместника, боевые действия с Литвой во время Ливонской войны, Смутное время (поляки и литовцы в Москве; ср. специально роль литовского канцлера в отыскании кандидата в московские "царевичи" или в организации интервенции (Лев Сапега) и характерный клич восставших против Лжедмитрия москвичей - "Бей Литву!"), война за Смоленск в 1632-1634 гг., война за Белоруссию и Украину (в 1655 г. русское войско оказалось в Вильне), закончившаяся Андрусовским перемирием 1667 г. (интересно, что обретение перевеса над польско-литовским элементом привело в середине XVII в. к двум, казалось бы, противоположным явлениям - расцвету русского благочестия и мессианству, с одной стороны, и кризису идеологии "Третьего Рима" и сильному культурному польско-литовскому влиянию, с другой; см.: *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. Мюнхен, 1970, с. 25 и след.) - вплоть до наполеоновского времени (Вильна в 1812 г. и польско-литовская политика Александра I). С этой же темой связаны и отдельные исторические мотивы, иногда получившие особое развитие в атмосфере, определяемой мифологизированными идеологическими принципами. Ср. тему "измены" в пользу Литвы с такими разными, но равно колоритными фигурами, как Андрей Курбский в XVI в. или Иван Хворостинин в XVII в.; склонный к "латынской" вере, он хотел "отъехать в Литву"; его отношение к Москве видно из дошедшей до нас одной вирши: *Московские люди сеют землю рожью, а живут ложью* и из его заявления о том, что "на Москве людей нет, все люд глупой" (впрочем, обличительная линия наметилась уже у ранних из известных московских юродивых - у Максима Московского, умершего в 1433 г. [ср.: божница домашня, а совесть продажна; по бороде Авраам, а по делам Хам; всяк крестится да не всяк молится и т.д. См. *Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1902, с. 215], и Василия Блаженного; вместе с тем она была усвоена и принципиальными "западниками", беглецами из Москвы, ср. у Г. Котошихина: "И искони в Российской земле лукавый дьявол всеял плевелы свои... Московских людей натура не богобоязливая, с мужеска полу и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщется того дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарезанных больше ста человек..."). Другая не менее характерная тема - самозванцы от Лжедмитрия I до Тимофея Акундинова. Большинство из них так или иначе соотносились с польско-литовским кругом. Впрочем, обе названные темы продолжали "разыгрываться" в русской истории и позже.

этот как бы нейтрализованный литовско-польский элемент¹⁰² Позже названия этого рода окончательно порывают связь с историческими реалиями и "навечно" становятся частью общемосковской микротопонимии, отсылающей, однако, к своим истокам.

Точно так же оказалась "вечной" еще одна тема, связанная с Москвой, но полнее всего реконструируемая на балтийском материале. Речь идет о мотиве измены жены своему царственному (или, во всяком случае, обладающему большим престижем, чем его соперник) мужу и ее наказании, отраженном и в той версии легенды о Кучковичах, где рассказывается, как княгиня Улита Юрьевна, жена князя Даниила, сошлась с сыновьями боярина Кучки, изменив своему мужу, как связь была раскрыта, как по наущению изменницы жены князь был убит и, наконец, как это убийство было отомщено, и в той исторически исходной версии, где дочь боярина Кучки изменяет своему мужу князю Боголюбскому¹⁰³,

К теме самозванства см.: *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. - Исторические записки, 1950, т. 31; *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. Ср. также: *Короленко В.Г.* Современная самозванщина. - Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1914.

¹⁰² Учитывая, что литовцев и поляков, селившихся в Москве, обычно называли панами, нельзя пройти мимо ряда известных фактов. В 1508 г. у Великого торгога (на Ильинке) было Панское подворье (теперешний Старопанский пер.). Одно из урочищ на Никольской ул. называлось Панье. В 1645 г. литовцы, поляки, немцы и др. (даже казаки) были размещены по слободам. С начала XVII в. существовал особый Панский приказ, ведавший пленными поляками и немцами. Ср. также урочища Старые пани, Панской ряд в Китай-городе и за Москвой-рекой, в Ямской Рогожской, Панскую слободу и Панскую улицу в Бутырках и т.п. См.: *Снегирев И.М.* Москва, с. 117-118. Литовско-польский (как и западнорусский) элемент второй половины XVII в. концентрировался в Москве, в Мещанской слободе ("кто которого города и уезду, и какой человек, и какие веры... литовские люди, католики и смяцкия веры, и жида, и мурзы, и всякие некрещенные люди, и тех пропускать к Москве" - из царского указа в июле 1654 г.), созданной несколько позже - в 1671 г. О ней см.: *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. - В кн.: *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980, с. 9 и след.

¹⁰³ См. ПМ, 178-179 ("Но сия вся неугодна была жене его, требоваше бо пригорновения и плотскаго смешения... И по некоем времени приводит я к ложу его и предает того в руке врагом, супружника своего, яко Сампсона Далида... Втекоша убо убийцы оны, окаяннии Кучковичи со оружии к нему, яко следящи пси, и обретают его... и убивают его немилостивно, имуща во устех божественная словеса, и кровь убо течаше по земли

и в известной песне о Ваньке-ключнике (XVIII в.)¹⁰⁴. Это сопоставление популярнейшей песни (своего рода "главной" песни московского простонародья в течение длительного времени) с историческим прецедентом не исчерпывается их типологическим сходством¹⁰⁵, но, возможно, предполагает и некий общий субстрат или линию генетической (хотя и едва прослеживаемой) преемственности. Так, в некоторых вариантах песни тот же locus, что и в историческом предании о Кучке. Ср.: *По Устретенской большой улице | Строились палаты белокаменны. | Что во этих во палатах жил Волконский князь... | Ключник во петельке качается; | Во палатушках княгиня кончается.* ВВП 1, № 26 (впрочем, чаще говорится о Дмитровке) - при том, что предание помещает Кучково поле в районе Сретенских ворот (а его жилище - на Чистых прудах).

Нетрудно показать, что эти варианты (как и ряд других, менее известных) восходят к схеме "основного" мифа, несколько лет назад реконструированного прежде всего на балтийском материале¹⁰⁶. Весьма интересно, что "московские" данные позволяют, видимо, говорить о более чем единичной актуализации этой схемы. Первый период в ее развитии отчасти, кажется, может быть реконструирован в связи с культурой дьяковских поселений Подмосковья (тысячелетие между VII в. до н.э. и VII в. н.э.), а возможно, и позднее до рубежа I и II тысячелетий н.э., хотя отдельные заготовки схемы начались и/или продолжались в фатьяновское время. Ядро схемы гипотетически восстанавливается при учете таких элементов, как возвышенное ("гора"), огороженное место, где, в частности, находится скот (видимо, "четыре стада" основного мифа; по материалам археологических раскопок, дьяковцы разводили свиней,

праведнаго, яко же древле Авелева... Но убо не утаися сие всевидящему оку Божию, но вскоре я, убийцы оны, суд постиже, еже явлено бысть и во всем"), с. 200-209 и др.

¹⁰⁴ Свыше двадцати текстов песни о Ваньке Ключнике приведено в кн.: *Великорусские народные песни.* Изд. проф. А.И. Соболевским. Т. 1. СПб., 1895 (= ВВП). Интересен вариант, где отец изменницы то латинский король, то литонский (литовский?) король (см. указ. соч., с. 45-47, № 22). Тема Ваньки Ключника и княгини Волконской подвигла Ф. Сологуба на сопоставление-противопоставление "русского" и "западного" ("французского") вариантов развертывания этой истории - "Ванька Ключник и Паж Жан" (1908).

¹⁰⁵ Ср.: "Таким образом предание XVI-XVII веков, рассказывавшее об обычном московском эпизоде - преступной связи боярыни-княгини с молодыми слугами ее мужа, эпизоде, увековеченном в знаменитой песне о Ваньке-ключнике, сохранило отзвук какого-то действительного события, связанного с именем Кучки" (см.: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва, с. 14).

¹⁰⁶ См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

коров, лошадей и овец или коз¹⁰⁷, что вполне соответствует аналогичному мифологическому мотиву), атрибуты Громовержца (каменные топоры, "перуновы стрелы" - белемниты) и его противника (те же белемниты как "чертовы пальцы"), частично восстанавливаемая система оберегов и защиты скота, наконец, неярко, но несомненно обнаруживающиеся мотивы женского плодородия, а может быть, и мужского соперничества из-за обладания женщиной¹⁰⁸. Между прочим, можно напомнить о смоленском диалектизме *лаума* 'ведьма', представляющим собой заимствование из балтийского, - ср. лит. *Laitė*, имя женского персонажа, входящего в основной миф как жена Громовержца (в реконструкции). Следы сходной схемы выступают позднее в Москве, когда элементы схемы даются в коде "церковных наименований". Уже для ранней московской истории восстанавливается схема двух смежных ворот Кремля, названных по соответствующим церквям, - Н и к о л ь с к и х и Ф р о л о в с к и х (И л ь и н с к и х, С п а с с к и х), ср. соответственно церкви св. Н и к о л а я, Ф л о р а и Л а в р а, св. пророка И л ь и (монастырь на Ильинском крестце, с 1519 г. тцанием Клима Мужилы здесь поставлена каменная церковь св. Ильи). Эти церкви, своими названиями образующие некую систему, отсылающую к определенному мотиву, могли некогда иметь свои исходные пункты или по меньшей мере соответствия в н у т р и Кремля (следует иметь в виду, что северо-восточная граница Кремля установилась не сразу, и он разрастался в эту сторону постепенно, миновав старый ров у будущего Большого Кремлевского дворца)¹⁰⁹, из которого они могли выводиться в о в н е - в Китай-город, позже в Белый город и далее - на соответствующие, в частности, выходящие из названных ворот, улицы (ср. Никольские церкви на Никольской и далее Мясницкой ул. (на ней же и церковь Флора и Лавра), церковь св. Ильи на Ильинской ул. и т.д.). Это соотношение церквей и ворот могло актуализировать на новых основаниях (и с некоторыми поправками) старое проти-

¹⁰⁷ Ср. анализ видового состава костных остатков Троицкого городища в кн.: Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970, с. 47-48 (свиньи - 46,40%, крупный рогатый скот - 23,12%, лошади - 18,80%, мелкий рогатый скот - 11,68%).

¹⁰⁸ Ср., напр., некоторые возможности подобного истолкования трехфигурной композиции (на грузиках), состоящей из женской и двух мужских по обеим сторонам от нее. Во всяком случае, такие (или подобные им) изображения уже соотносились с культом "великой богини-матери". См.: Древнее поселение в Подмосковье, с. 53 и др.; *Городцов В.А.* Болотное Огубское городище. - Труды Государственного Исторического музея, вып. 1. М., 1926, с. 122.

¹⁰⁹ См.: *Федоров В.И.* Новое о древней топографии и первых каменных постройках Московского Кремля. - В кн.: [Государственные музеи Московского Кремля] I. Материалы и исследования. М., 1973, с. 41-51.

востояние дохристианских "предков" соответствующих святых: св. Илья [(Флор и Лавр) - Св. Никола] как подстановка, замена, "трансформация" (разумеется, не в плане генетических изменений) Громовержца (Перуна) и покровителя скота Волоса-Велеса (в реконструкции противника Перуна)¹¹⁰. Характерно, что в соседстве с Никольскими воротами в старом Кремле, восточная граница которого не выходила за пределы линии Никитская-Ордынка, находилась церковь св. Пятницы (как было доказано раньше, св. Параскева Пятница функционально продолжает образ языческого персонажа Мокошь (балт. Лауме), в реконструкции - жена Громовержца)¹¹¹. В старых русских городах, как известно, было принято, чтобы церкви св. Пятницы выходили на торговую площадь. Характерно, что позднее церковь св. Пятницы была перенесена далее - в торговый Охотный ряд (ср. еще две пятницкие церкви в Китай-городе, а также в Замоскворечье и в других местах), и первоначальная связь трех персонажей "основного" мифа (Перун-Волос-Мокошь, соответственно: Илья-Никола-Пятница) на уровне названий церковей оказалась несколько нарушенной, что, впрочем, вызвало попытки компенсировать эти утраты¹¹². Описываемая московская ситуация не была уникальной. Так, в посаде старого Серпухова различались Ильинская, Егорьевская и Пятницкая (Фроловская) части, названные по соответствующим церквям (сходства шли и далее: главные ворота серпуховского Кремля также назывались Спасскими, перед ними, у церкви Флора и Лавра, находился торг; ср. Спасские, или Фроловские ворота в Москве). Одним словом, элементы старой схемы еще довольно хорошо просматривают-

¹¹⁰ О линии преемственности Волос → Св. Никола в русской народной традиции см.: *Успенский Б.А.* Культ Николы на Руси в историко-культурном освещении. - Труды по знаковым системам, вып. X. Тарту, 1978, с. 86 и след.

¹¹¹ Не исключено, что языческий "прототип" св. Параскевы Пятницы мог пользоваться особым почетом в Москве (ср. семантику м о к р о г о в названии *Москва* и ту же идею в имени *Мокошь*). Уместно напомнить, что пятница - памятный день в летописях московской истории: встреча князей, в связи с которой впервые упоминается Москва, произошла "в день п я т о к, на Похвалу святой Богородицы", т.е. в п я т н и ц у пятой недели поста (4-го апреля).

¹¹² Ср., напр., вторичную тему *Варварки* с церковью св. Варвары (параллельно Ильинке, против церкви св. Константина и Елены в Кремле) или *Пятницкой* в Замоскворечье (против Кремля) с церковью св. Пятницы. Само название *Варварка* (ранее - *Варьская улица*) является результатом языковой мифологемы: женский образ св. Варвары, чье имя близко названию улицы *Варьская*, преформируется и вызывается к жизни наличием двух мифологизированных персонажей (св. Илья, св. Николай), которым в сюжетной схеме не хватает соединительного звена - третьего женского образа.

ся в структуре, сформированной по новому заданию. Это явление не только часто в истории Москвы, но и вообще неотделимо от нее. Такая "резонансная" структура ранне-московской истории обусловила те многочисленные повторения архаичных схем и конфигураций, которые являются неотъемлемым элементом в жизни старой Москвы. В свою очередь наличие подобной структуры позволяет надеяться на реконструкцию многих других архаизмов, в частности и тех, которые могут уходить в балтийское прошлое Москвы или истолковываться в свете балтийской перспективы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Связь имени героя "Двойника" с "голядской" темой, к сожалению, не учитывается исследователями Достоевского. Поэтому здесь имеет смысл хотя бы обозначить абрис проблемы. Сугубая идеологичность фамилии *Голядкин*, "разыгрывающей" тему своего, бедного (ср. игру слов и смыслов: *Голядкин* - *голядка*, *ветошка*¹¹³), маленького, незащищенного, открытого обидам, но прямого, откровенного и благодарного (-Иду я, Крестьян Иванович, стал продолжать наш герой, - прямо, открыто и без окольных путей... Не стараюсь унижить тех, которые, может быть, нас с вами почище... Полуслов не люблю; мизерных двуличностей не жалую; клеветую и сплетней гнушаюсь...), подчеркивается в контексте противопоставления фамилии *Берендеева* как образу чужого ("неправославное" имя *Олсуфий*, ср. дочь Берендеева *Клару Олсуфьевну*), богатого, высокомерного, бессердечного, грубого. Стбит заметить, что Берендеев живет на периферии, далеко от центра, на дальней дуге Фонтанки. Дом-прототип следует отождествить, видимо, с реальным домом "у самого Измаиловского моста", соответствующим описанию, данному Достоевским. Этот дом (бывший дом Г.Р. Державина, ныне

¹¹³ Ср.: дурашка ты этакой, Голядка ты этакой - фамилия твоя такова!..; - ведь ты пьян сегодня, голубчик мой, Яков Петрович, подлец ты такой, Голядка ты такой, - фамилия твоя такова!!; - Но как ветошку себя затирать я не дам... Я не ветошка, я, сударь мой, не ветошка!; - Может быть, если б кто захотел... обратить в ветошку господина Голядкина, то и обратил бы... и вышла бы ветошка, а не Голядкин, - так, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка - то эта была бы не простая, ветошка эта была бы с амбицией, но ветошка - то эта была с одушевлением и чувствами... далеко в грязных складах этой ветошки и скрыты, но все-таки с чувствами... (ср. ранее как бы примеривание к себе "ветошки": Ведь и утерпеть - то не можешь ты, чтобы не провраться, как мальчишка какой-нибудь, как бесчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь...).

Фонтанка, 118)¹¹⁴ известен, в частности, тем, что в середине 40-х годов прошлого века, т.е. как раз тогда, когда писался "Двойник", в нем помещалась Римско-католическая духовная коллегия, с чем перекликалась бы навязчивая идея Голядкина о иезуитах (Потом пришло ему на память, что иезуиты поставили даже правилом своим считать все средства годящимися, лишь бы цель была достигнута. Обнадежив себя немного подобным историческим пунктом, господин Голядкин сказал сам себе, что, дескать, что иезуиты? Иезуиты все до одного были величайшие дураки, что он сам их всех заткнет за пояс... так он, несмотря на всех иезуитов, возьмет - да прямо и пройдет, сначала из буфетной в чайную, потом в ту комнату, где теперь в карты играют, а там прямо в залу, где теперь польку танцуют... Господин Голядкин, уж, разумеется, был не интриган... Так уж случилось. К тому же и иезуиты как-то подмешались...) ¹¹⁵. Тем самым выкристаллизовывается про-

¹¹⁴ Этому не противоречит однажды встречаемое указание о том, что, уйдя от Берендеева, Голядкин "пустился со двора, вышел за ворота, поворотил налево и без оглядки... пустился бежать" (ср. также: "... уже перебежал... весь свой путь по Фонтанке, перешел Аничков мост..."). Поскольку бежал Голядкин к себе домой в Шестилавочную, то поворот налево составляет думать о том, что дом Берендеева был на правом берегу Фонтанки (тогда как дом № 118 стоит на левом берегу реки). Тем не менее такой принцип монтажа характерен для Достоевского и может быть продемонстрирован на ряде других примеров (ср. поворот налево в о Сони Мармеладовой, выходящей из дома, в котором жил Раскольников; этот неожиданный поворот настолько смущал исследователей-топографов, что они готовы были скорее "переменить" дом Раскольникова, чем истолковать этот левый поворот).

¹¹⁵ Голядкин, собирающийся заткнуть за пояс всех иезуитов и развивающий эту идею, пока он стоит "в сенях, на черной лестнице квартиры Олсуфья Ивановича" (Он, господа, стоит в уголку, забившись в местечко хоть, не потеплее, но зато потемнее, закрывшись отчасти огромным шкафом и старыми ширмами..., скрываясь до времени...), конечно, соотносит хозяев дома с иезуитами (ср. Римско-католическую духовную коллегия в этом доме). Иезуиты (как и католики вообще) - тот образ чужого, который - в польско-литовских одеждах - как бы продолжает независимо от автора генетически связанную с ним тему чужого - балтийского на фоне образа своего, голядкинского, генетически - голядского. - Можно заметить, что конфликтная тема своего-чужого "разыгрывалась" в том же доме на Фонтанке на полвека раньше (ср. "Ко второму соседу" Державина: разлад с Гарновским (ныне - Фонтанка, 120), связанным, кстати, с герцогиней-

тивопоставление Голядкина Берендеева У, заставляющее вспомнить известного Достоевскому голядь и берендеев русских летописей¹¹⁶, которых он мог знать из "Истории" Карамзина. Еще интереснее (и это прямо отсылает нас к раннемосковской истории в ее балтийском аспекте), что село Кучково, будущая Москва, находилось между двумя урочищами - Голядь и Берендеево¹¹⁷. Эти два названия, приводимые вместе в известном труде И.М. Снегирева, могли быть услышаны и/или оживлены при обсуждении темы древней Москвы с отцом писателя Михаилом Андреевичем Достоевским, добрым знакомым И.М. Снегирева (кстати, жившего неподалеку от Марининской больницы, а именно у Троицы, на углу Троицкой ул. и 3-го Троицкого пер.; несколько лет назад дом разрушен), с которым не раз обсуждались темы истории Москвы. "Голядская" компонента раннемосковской истории вольно или невольно отозвалась в московском субстрате "петербургской повести" о Голядкине, о чем см. пронизательные наблюдения Г.А. Федорова. Нельзя полностью исключать того, что глубоко запрятанная "отцовская" тема связывалась Достоевским не только с семейно-московским субстратом, но и с голядским (ср. названия с корнем *Голяд-* неподалеку от Достоева, на Пинщине и на Волыни, откуда был родом отец писателя). Тема "голядского" происхождения (в двух ее аспектах - этническом и социально-имущественном) могла быть оживлена воспоминаниями детства, связанными с имением в Даровом (к югу от Каширы и юго-западу от Зарайска, около с. *Мордвес*, неподалеку от Москво-Окского угла), где будущий писатель проводил летние месяцы и где также известна соответствующая топонимия (*Голяд-*). Кульминационным моментом истории Голядкина было бегство из дома Берендеева вдоль Фонтанки, по периферийной дуге Петербурга, которая тянется с юго-запада на северо-восток города, подобно уже описанной выше голядской дуге, простирающейся в том же направлении от Волыни и Пинщины до Подмоскovie. Эта пространственная периферия отра-

авантюристикой Кингстон, - Но мой не отнимай лишь свет. | А то оставь молве правдивой | Решить: чей дом скорей крапивою | Иль плющем зарастет?).

¹¹⁶ Ср. более позднее использование этого образа - Берендеево царство, берендеи у Островского ("Снегурочка").

¹¹⁷ Ср.: "До летописного появления Москвы в XII веке, вероятно, ее населяли разные народцы, мало нам известные, занимавшие наш север в доисторические времена. Живые урочища вокруг Москвы Голядь и Голядинка, Берендеево, без сомнения, произошли от Голядов и Берендеев, между селениями которых возникло Кучково, или Москва". См.: Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Издание А. Мартынова. Текст составлен И.М. Снегиревым. Т. 1. М. 1865, с. 102. - Ср. также в Дмитровском уезде - Голяцкие земли (Голяди) и Берендеев стан по старым свидетельствам.

зилась и в экзистенциально-психологической "периферийности" гибнущего Голядкина, как бы последнего отпрыска гибнущей голяди (ср. русск. *голядь*, *голяда*, *голядка* 'бедняк', 'нищий', а также экспрессивные образования с восстановлением носового элемента - *голендай* 'оборванец', *голандия* 'голь' и т.п.), и в просвечивающем за ним образе отца - "Голядкина"¹¹⁸.

А.А. ЗАЛИЗНЯК

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА

Отсутствие второй палатализации

§ 1. Рассмотрим одну из самых ранних новгородских берестяных грамот - № 247. Стратиграфически она относится к XI в.; в грамоте представлена стандартная раннедревнерусская графическая система (если не считать употребления *e* вместо *je*). Приводим сохранившуюся часть грамоты¹ (без нескольких начальных букв):

... рѣзанами | а замѣке кѣле а двѣри кѣлѣ а господарь
въ нетяжѣ не дѣе | а продаи клеветьника того а оу сего
смърьда възь... (стоящие далее после пробела буквы *epou*, возможно, не относятся к данной строке) | ... смърьди по-
бити клеветьни[ка]...

А.В. Арциховский читает а замѣке кѣлеа двѣри кѣлѣа
'а замок кельи, двери кельи' (аналогично - Черепнин,

¹¹⁸ Такая шифровка образа отца не должна вызывать удивления. Достаточно вспомнить Макара Алексеевича Девушкина, инициалы имени и фамилии которого - М.А.Д. - отсылают и к Михаилу Андреевичу Достоевскому (ср. также: В.Д. - и Варенька Доброселова, и Варвара Достоевская, судьбой которой был так озабочен Михаил Андреевич во время своего пребывания в Петербурге).

¹ Берестяные грамоты цитируются по изданиям: Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№ 1 - 10); Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11 - 83); Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953-1954 гг.). М., 1958 (№ 84 - 136); те же авторы и название - (Из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№ 137 - 194); те же авторы и название - (Из раскопок 1956 - 1957 гг.). М., 1963 (№ 195 - 318); Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958 - 1961 гг.). М., 1963 (№ 319 - 405); Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962 - 1976 гг.). М., 1978 (№ 406 - 539; Старая Руса, № 1 - 13). - Грамоты приводятся по прорисам, данным в издании, с учетом чтения издателей; разделение на слова принадлежит нам и не везде совпадает с предлагаемым в издании. Буква *а* передается как *я*.

54). Однако такое чтение, во-первых, не дает для фразы в целом ни законченной синтаксической структуры, ни ясного смысла, во-вторых, не проходит морфологически: *кѣлеа*, *кѣлѣа* никак не может быть словоформой родительного падежа от *келлиа* (да и вообще сочетания *еа*, *ѣа* внутри словоформы при орфографии XI в. невозможны).

Все эти трудности снимаются, если признать, что перед нами слово *цѣль*, выступающее без эффекта так называемой второй палатализации (т.е. перехода *к*, *г*, *х* в *ц*, *з*, *с* перед *ѣ* или *и*, образовавшимися из дифтонга): *кѣле* есть словоформа И.ед. муж., *кѣлѣ* - И.мн. жен.

Окончание *-е* в первом случае и *-ѣ* во втором - в точности те, которые следует предполагать для живой новгородской речи XI-XII вв. Так, в берестяных грамотах этой эпохи² находим для И.ед. муж. (при твердой основе): XI - *замѣке* в самой данной грамоте; нач. XII - *дешеве ти хлебе* № 424; XII₁ - *волосе* (имя) № 458, *саме* Р. 6³; прочие XII в. - *лазѣвке* (имя) № 105, *дом[асл]аве* № 155, *лихе есте* (*есте* вместо *есть*) № 163, *жядѣке* № 235, *брѣсе* № 384 ("именительный перечисления", см. № 13), *свободне еси* (также сокращенно: *свбо|нь*, *ь* вместо *е*) № 421, *демит-ре* № 508. И.ед. муж. на *-ѣ* представлен в грамотах этой эпохи существенно реже, чем на *-е* (он встретился всего несколько раз). Для И.В.мн. жен. (при твердой основе) находим: XI - *:Г: коунѣ*, *:Г1: коунѣ* (bis) № 526, *:Г: кнь* (вместо *коунѣ*) Р. 13; XII₁ - *[г]ѣвзѣркѣ великѣѣ* Р. 8, прочие XII - *коунѣ* (вместо *коунѣ*) Р. 11, *.Г. кжнѣ* № 516. И.В.мн. жен. на *-и* не встретился в грамотах этого периода вообще.

Сочетание *въ нетяжѣ* означает, по-видимому, 'в нетрудоспособном состоянии' (М.ед. от *нетяжа; Д.М.ед. на *-ѣ* от мягких основ встречается и в других грамотах XI - XII вв.). Ср. у Даля: *нетяглый мужик* - на котором нет тягла, по молодости, старости, болезни, калечеству (аналогичные значения приводятся также для *нетяг*, *нетягуша*, *нетяглѣц*), *нетяга* (яросл.) 'слабость, недостаток сил; хилость, дряхлость'. Ср. также *нетягъ* 'праздный, ленивый, otiosus' из древнерусских церковных текстов (см. Срезн.).

Получаем перевод: '... резанами. А замок цел, а двери целы, а хозяин в немощи, не работает. Накажи же штрафом того обвинителя (клеветника), а у этого смерда возьми...' Второму куску ("... смерды избить клеветника...") могло предшествовать, например, что-то вроде "если же вздумают". Таким образом, с известной вероятностью восстано-

² Здесь и далее датировка стратиграфическая (если не оговорено иное); для грамот № 1 - 194 эта датировка скорректирована по данным последнего тома публикаций. Римская цифра сама по себе обозначает век, запись типа XII₁, XII₂ - соответственно первую и вторую половину века, типа XI/XII - рубеж двух веков.

³ Буквой Р отмечаются грамоты из Старой Русы.

⁴ Здесь и далее записями вида "х вместо у" отмечаются не описки, а особенности, вытекающие из графической системы, которой пользовался писец.

ливается примерно следующая картина. Некто обвинил кого-то из смердов в ограблении дома или склада. Автор грамоты был послан для расследования и нашел, что в действительности замок цел и двери целы, а хозяин нетрудоспособен. Поэтому обвинитель (клеветник) должен быть наказан.

§ 2. Рассмотрим еще одну "темную" берестяную грамоту - № 130 (XIV/XV; графическая система отличается от стандартной позднерусской только заменой *ь* на *о*):
у вигаря .К. локото хѣри безо локти у валита в кюла-лакши .ГД. локти | хѣри у вайваса у ваякшина .ГВ. локти водмолу и поло третиянацете ло|кти хѣри у мѣлита в куро-роль .Д. локти хѣри.

Опираясь на П. Аристея, А.В. Арциховский указывает, что перед нами прибалтийско-финские имена людей и мест; слово *водмоль* (нижненемецкого происхождения) обозначает грубую домотканую шерстяную материю. Он пишет: "Понимание грамоты зависит от понимания слова *хѣри*", - и склоняется к мысли, что это какое-то иноязычное именование ткани (аналогично - Черепнин, 297, Янин, 74).

Разгадка здесь такая же, как для *кѣле*, *кѣлѣ*: перед нами слово *сѣрь* без эффекта второй палатализации. Значение этого слова раскрывается данными Фенне: в разделе "Ткани" общего списка купеческих товаров (Фенне 130) находим *serogo sukno* [вместо *sukna*] - н.-нем. *watmahn* 'woollen cloth' (то самое слово, которое дало древненовгородское *водмоль*), ср. рядом *sermæsžnoie* (сермяжное) - *wattmahn*, *beltzena* (бѣльчено) - *wit watmahn* 'white woollen cloth'. Таким образом, *серое* было устойчивым техническим обозначением некрашеного сукна: ср. у Даля: *серое сукно* - 'некрашеное', *серѣк* (южн.) 'сермяга, серая свита'. Ср. также укр. *сиряк*, *сирячина* 'верхняя теплая одежда из толстого серого сукна'. С словообразовательной точки зрения *сѣрь* 'серая материя' стоит в том же ряду, что, например, *ткань* (ср. *тканый*), *зелень* 'овощи', *гниль* 'нечто гнилое', *рвань* и т.д. Итак, в грамоте речь идет о двух видах грубой домотканой материи (которую новгородцы либо скупали на местах у карел, либо [см. Янин, 74] взимали у них в качестве дани). Обозначив обсуждаемые ткани как *серь* и *водмол*, получаем перевод: 'у Вигаря 20 локтей сери без локтя; у Валита в Кюлолаке 14 локтей сери; у Вайваса Ваякшина 12 локтей водмола и 12 1/2 локтей сери; у Мелита в Куроле 4 локтя сери'.

§ 3. Приведем еще грамоту Р. 8 (XII₁; графическая система - такая же, как в № 247):

...з-ке под-ли на -ѣв|зѣркѣ великѣѣ жѣльтое : оже же е|си продала то вѣдаи семоу дѣтѣскамоу | ... [не продала] то оурѣ...

Словоформа *жѣльтое* 'желтое' (как видно из окончания, ед. сред., а не мн. жен., как полагают издатели) означает какой-то известный получателнице письма желтый товар, скорее всего ткань, например сукно или полотно. Этот товар предписывается поделить на большие "звездки"; возможно, это обозначение для какого-то вида фигурного разреза ткани (менее вероятно, что речь идет о разрезе по звездочкам, изображенным на самой ткани). Перевод:

'... подели желтое на большие <<звездки>>. Если же ты продала, то отдай деньги этому детскому⁵ (судебному исполнителю)..., если же не продала, то отрежь...'

В интересующей нас словоформе *-вѣздѣкъ*, которую издатели читают как *вѣздѣкъ*, от первой буквы осталась только нижняя часть: это вертикальный штрих в левой части контура буквы, не опускающийся под строку; правая часть контура пуста. Это значит, что точно подходит только буква *з*; во всяком случае, буква *з* в этой же грамоте написана совсем иначе: на строке умещается только верхний ее зигзаг, а хвост уходит далеко вниз под строку. Таким образом, почти надежно устанавливается чтение *вѣздѣкъ*. По моей просьбе это место прорисовали проверили опытные палеографы В.С. Гольшенко и О.А. Князевская; они подтвердили чтение *з*.

§ 4. Для выявленных выше древненовгородских словоформ (*кѣле*, *кѣль*, *хѣри*, *вѣздѣкъ*), по-видимому, невозможно предложить какое-либо правдоподобное объяснение, кроме простейшего: они непосредственно сохраняют праславянский облик, т.е. в них никогда не было второй палатализации.

Тем самым эти словоформы служат мощным аргументом в пользу гипотезы, выдвинутой в частичной форме Б.М. Ляпуновым, а в полной форме С.М. Глускиной, об отсутствии второй палатализации в новгородско-псковском диалекте (см. Глускина, 21-28).

С.М. Глускина собрала значительный диалектный материал, свидетельствующий о наличии в псковских и других северо-западных говорах ряда корней без эффекта второй палатализации (а именно, корней *кѣв-*, *кѣд-*, *кѣп-*, *кѣвет-*, *кѣвел-* в соответствии с общерусскими *цѣв-*, *цѣд-*, *цѣп-*, *цѣвет-*, *цѣвел-*); указаны также следы варианта *гвѣзда* - отмеченный А.А. Шахматовым пример *гвѣзда* в записанной А. Гильфердингом онежской былине и приводимый В.И. Чернышевым рассказ жителя Псковской области о том, что в старину говорили *гвѣзда*.

Выход в свет (в 1977 г.) 13-го выпуска СРНГ дает удобную возможность пополнить этот материал и более надежно установить географические границы распространения диалектных слов без эффекта второй палатализации. Приводим материал по данному словарю (с сохранением принятых там сокращений; место фиксации слова отмечается с точностью до области; значения слов переданы несколько упрощенно): *кѣвь* 'рукоятка цепа' Пск., *кѣвѣкъ* (*кѣвѣкъ*) то же Пск., *кѣвьѣ* то же (без указ. места; ср. *кѣвьѣ* [без указ. значения] Сев.-зап.), *кѣвѣц* 'било' (цепа) Пск., *кѣвка* 'шпулька' Арх., Ленингр., Пск., *кѣвца* то же КАССР, Пск., *кѣвѣчка* то же КАССР, Пск., *кѣвѣчка* то же Олон., Ленингр., КАССР, *кѣвѣц* то же Олон., КАССР, Пск., *кѣвций* то же Арх., *кѣвца* 'цевка', также 'шпулька' Олон., Север., КАССР, Ленингр., Новг.; *кѣвина* (*кѣвина*) 'рукоятка цепа' Петерб.,

Пск., 'било' Пск.; *кѣдѣть* 'цедить' Пск., *кѣдѣлка* 'цедилка' Пск., *кѣж* (муж.) 'процеженный настой ржаных высевок и т.п.' Арх., Олон., Сев.-зап. (также *кѣш* Олон., КАССР, Пск.), *кѣжь* (жен.) то же Арх., Олон., Кольск.; *кѣлѣть* 'дразнить, сердить, доводить до слез' Арх., КАССР, *кѣлѣть* 'жаловаться, неотступно просить' Волог., *кѣлѣться* 'плакать, хныкать, жаловаться' Арх., КАССР (также *кѣлѣть* -ся Арх., Онеж., Волог., Пск., Твер., Свердл.); *кѣп* 'цеп' Новг., Пск., *кѣпѣ* (*кѣпѣ*) 'нитяные петли в ткацком станке и т.п.' Север., Арх., Новг., Пск., Петерб., *кѣпѣ* то же Арх., Петерб., *кѣпѣкъ* то же Новг., Пск., *кѣпѣц* (*кѣпѣц*) 'цеп' Олон., Новг., Юго-зап., Петерб., Ленингр., *кѣпѣкъ* 'рукоятка цепа', 'било' Пск., *кѣпина* 'рукоятка цепа' Моск., *кѣпинка* то же Юго-зап.⁶ Приведенным словам очевидным образом соответствуют представленные в литературном языке или в других говорах слова с *це* (из *цѣ*): *цевѣѣ*, *цевѣка*, *цѣдѣть*, *цѣж*, *цѣп*, *цѣпѣ* и их производные; для *кѣлѣть* ср. *цѣлѣть*.

Как легко видеть, практически все приведенные диалектные слова относятся к великорусскому северо-западу, т.е. к основной территории древней Новгородской земли.

По характеру географического распространения с ними сходны также слова с корнем **гвѣрст-* 'дресва, толченый камень'. С.-хорв. (черногорск.) *звѣст* 'род мягкого камня' показывает, что хотя после **гв* здесь стояло *вр* (а не 'классическое' *ѣ*), этот корень в принципе подлежал действию второй палатализации. Материал по СРНГ: *гвѣрста* 'дресва, толченый камень, гравий, крупный песок и т.п.' Новг., Пск., Великолук., Твер., Олон., Волог., *гвѣрствѣ* то же Новг., *гвѣрстица* Новг., Пск., *гвѣрзѣ* 'галька' Пск., Петерб., *гвѣрствѣю* 'с треском' Новг., Пск. (также производные *гвѣрствѣник* Новг., *гвѣрствѣный* Пск., Новг., Твер., *гвѣрствѣный* Пск., *гвѣрствѣный* Пск., Новг., Твер. и др.); имеются также варианты с другим порядком корневых согласных (*гвѣрствѣ* и *жѣрствѣ*). Относительно следов словоформы *гвѣзда* в онежских и псковских говорах см. выше.

Шире распространены слова с *кѣ*: *кѣлѣть* 'дразнить, сердить, обижать' (также *кѣлѣть*; ср. выше *кѣлѣть*); это слово представлено во многих говорах, но особенно широко в северновеликорусских и сибирских; *кѣвѣсти*, *кѣвѣсть* 'цвести' Пск., КАССР, Олон., Смол., *кѣвет* 'цвет', 'цветок' и др. Курск., Пск., Олон., КАССР, Принеж., Моск., Южн. Урал., Сев.-зап., *кѣвѣток* 'цветок' (преимущественно северо-запад и юг) и некоторые другие производные; в названии цветка и его производных начальное *кѣ-* представлено также в белорусском и украинском (см. Шахматов, § 187).

Итак, в настоящее время в берестяных грамотах и/или в северо-западных говорах засвидетельствованы без эффекта второй палатализации праславянские корни: **кѣлѣ-*,

⁵ Написание *дѣвѣтскамоу* не связано с аканьем, ср. князю *дѣвѣтскамоу* № 222 (XII/XIII): это явно гиперкоррекция, основанная на экстраполяции правила "говоришь -ого (например, *сухого*) - пиши -аго (*сухаго*)".

⁶ Не исключено, что к рассматриваемому вопросу имеют отношение также некоторые другие диалектные слова с *ке*, отмеченные в СРНГ, но для них требуется дополнительное этимологическое исследование.

*kčd-, *kčl- 'целый', *kčl-/*kvčl- 'дразнить', *kčp-, *kvčt- (*kvbt-), *xčr-, *gvčzd-, *gvčrst-. Из общераспространенных корней до полного списка недостает только тех, которые представлены в *цена* и *седой*.

§ 5. В особом положении находятся корни с начальным *skč-, поскольку в восточнославянских языках "правильный" рефлекс *циб-* для них вообще неизвестен. Реально для этих языков речь может идти лишь о трех корнях: *skčp- 'расщеплять, щепать', *skčr- 'щерить' (зубы), *skčm- 'щемить'. Как можно видеть, во всех трех случаях в литературном русском языке находим *щ*; в остальном поведение этих корней неодинаково. Для корня *skčp- находим начальное *ск-* в укр. *скіпати* 'щепать' (лучину), *скіпа* 'щепка', белор. *скіпаць*, *скіпка*; ср. также южновеликорусск. (обоянск.) *раскєп* 'раскол и т.п.', др.-русск. *оскєпъ* 'копье', *оскєпище* 'древко копья', *проскєпъ* 'расщеп', *поскєпани* 'расколоты' (в "Слове о полку Игореве") и др., см. Шахматов, § 306. Однако ситуация осложнена тем, что имеются также корни-варианты *skčp- и *skčr-, которые, естественно, дают *щ* повсеместно, ср. др.-русск. *щепомъ* Д.мн. 'затмение (или ущерб) луны' (по-видимому, из *щип-*), *щечение лунное*, *луна щечета* (см. Срезн.), *щипи* и *щопи* 'щепки' В.мн. (Никоновская летопись, под 1237 г., см. Срезн.), *щєпи* 'щепки' В.мн. (Космография Мартина Бельского, ГБЛ, ф. 152, № 2, л. 188 об.; южновеликорусская рукопись конца XVI в. со строгим различием *е* и *ѣ* под ударением); укр. *щеп*, *щєпа* 'прививка, привитый черенок', *щєпїти* 'прививать' (см. также Фасмер, статья *щєпа*). Вдобавок *щєпати* часто смешивается со *щипати*, ср. *щипати* (лучину) Новг., *щипа* 'щепка' Новг.⁷ В этих условиях очень трудно отграничить случаи, где *щ* возникло фонетически в составе *skč-, от тех, где оно пришло из корней с *skč-, *skčr- и *skčm-.

В корне *skčr- (если его действительно можно реконструировать в таком виде) находим особый рефлекс *шк* в укр. *шкїрити* (зубы), белор. *шкєрыць* (зубы) (но также *щєрыць*); этот рефлекс в данном слове встречается также в старочешском и в словацком (Дурново, 219). Северновеликорусское *щєра* 'каменная плита', вероятно, не связано с данным корнем (см. Фасмер).

Для корня со значением 'щемить', по-видимому, следует реконструировать два варианта: *skčm- и *skčm-. Первый представлен в польск. *szczytć*, *szczytć* 'жать, сдавливать', а также в названии шмеля, ср. в особенности ст.-чешск. *štel*, псковск. *щємель* (подробнее см. Фасмер, статья *шмель*). К варианту с *ь*, вероятно, восходит и укр. *щєміти* (наряду с *щипїти*) 'щемить' (о боли); это глагол состояния на -*ѣти*, для которого нормальная исконная нулевая ступень огласовки корня. Вариант *skčm- наиболее отчетливо засвидетельствован примерами: *скčмима* В.мн. 'щемимые' (Творения Феодора Студита, л. 218, ГБЛ, ф. 242, № 134 - рукопись, писанная в 1590 г. во Пскове), *щєміть* (Травник, л. 279 об., 306 об., ГБЛ, ф. 37, № 431 - южно-

великорусская рукопись 1-й трети XVII в. со строгим различием *е* и *ѣ* под ударением). Особенно интересен первый пример, поскольку вариант *скčм-* отражен здесь псковской рукописью.

Отсутствие палатализации в *skč-, в частности в украинском и белорусском, явно связано с "защитной" ролью, которую часто играет *s* в подобных случаях (в самых разных языках), ср., например, итал. *questione* при *stazione*, *posizione* и т.п. Переход *skč > *щб* (в корнях) Н.Н. Дурново считал северновеликорусским (Дурново, 216-217). Для нас существенно, однако, что приводимый у Н.Н. Дурново материал с *щб* внутри корня является просто великорусским или северновеликорусским, но не может быть с надежностью отнесен именно к новгородско-псковской зоне. Напротив, в одном из списков I Новгородской летописи находим *проскипомъ* (Шахматов, § 306); ср. также выше псковский пример *скčмима*. Учитывая эти факты и отсутствие в древненовгородском диалекте второй палатализации в корнях с *кб*, *хб*, *кѣб*, *гѣб*, естественно предположить, что и *скб* не составляло здесь исключения; иначе говоря, если развитие *skč > *щб* действительно было фонетическим, его следует связывать с какими-то восточными великорусскими говорами, но не с северо-западными.

§ 6. В вопросе об отсутствии второй палатализации в древненовгородском приведенный выше материал является решающим. Остальной материал в сущности привносит лишь некоторые дополнительные детали. Тем не менее весьма полезно систематически представить все, что дают берестяные грамоты по вопросу о второй палатализации, поскольку только таким образом можно увидеть целостную картину в ее действительных пропорциях и с эволюцией во времени.

Для позиции в начале или в середине корня материал таков. Палатализация⁸ нет: *кѣле*, *кѣлѣ* № 247 (XI), [z] *ѣз-ѣкѣ* Р. 8 (XII₁), *хѣри* Р.ед. № 130 4 раза (XIV/XV); отметим также *серегѣри* 'на Селигере' № 526 (XI). Палатализация есть: *целои полоть* № 218 (сер. или 2-я пол. XIII), *цѣлованик* № 44 (XIV₂), *полтина да гривна и семью цѣна* № 532 (XIV₂; чтение издателей - *семь куцѣна* 'семь куцых овец' - неправдоподобно и не проходит морфологически).

От данной группы следует отделять название цепи, поскольку оно хорошо засвидетельствовано в звуковом облике *чєпъ* (а не *цѣпъ), - в древнерусских памятниках, не смешивающих ни *ц* с *ч*, ни *ѣ* с *е* (в Лаврентьевской летописи, московских грамотах XIV в. и др., см. Срезн.). В берестяных грамотах представлены: *ѣвои чєпи* № 138 (XIII/XIV), *чєпъ* № 500 (сер. XIV), *цѣпѣ* (по-видимому, Р.мн. - вместо *чєпѣ* или *чєпѣ*) № 411 (XIII/XIV). Таким образом, данные берестяных грамот согласуются здесь с показаниями других древнерусских памятников.

⁸ Здесь и в дальнейшем мы ради краткости говорим просто о словоформах с (второй) палатализацией или без нее, поскольку корректная формулировка ("с морфонологическим эффектом, исторически возникшим в результате второй палатализации") недопустимо громоздка.

⁷ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Особо стоит также слово "церковь" – как потому, что оно идет из церковного языка, так и потому, что связь начального *ц* в этом слове со второй палатализацией не вполне достоверна. В грамотах представлены: *во церковне* В.ед. (*ве* вместо *вь*) № 414 (XIV₁), *в църковь* № 275 (XIV₂).

Из приведенного материала видно, что до середины XIII в. ни одного примера с эффектом второй палатализации внутри корня в берестяных грамотах нет.

§ 7. Приведем теперь (в хронологическом порядке) материал для позиции на стыке основы и окончания. В нашем списке объединены те случаи, где окончание с *ѣ* (или с *и*) исконно, и те, где оно выступает вместо иного исконного окончания (поскольку никакой разницы в облике основы между этими случаями не обнаруживается).

Палатализации нет: XI₂ – на *лоуѣ* 'на реке Луге', на *нѣжъкъ* (имя), на *животъкъ* (имя, *тѣ* – описка) № 526; нач. XII – на *отроке* № 241, *кълътъкъ* В.мн. 'колтки' (вид серег) № 335; XII₁ – *Ѹ стороньке* Р.ед. (имя) Р. 5, [e] *вѣздохъ великъ* И.В.мн. Р. 8; прочие XII – *ѿт дрочке* Р.ед. (имя) № 87, *къ коулотъкъ* (имя) № 105, *вѣдкъ* Р.ед. № 155, *къ лоукъ* № 156, а *къзеке* (Д.ед.) *соци 'а от Кузьки требуй'* № 163, *въ братни долъгъ* (если это М. ед.) № 235, *придоу по великъ д...* 'приду после великого дня (т.е. пасхи)' № 380; XII/XIII – *ко оуике* (имя) № 114, *колобъгъ* (по-видимому, = *колобъгъ* И.мн.) № 222, *моги же, не моги же* № 227, *въ другее коробее* М.ед. (вместо *въ другѣи коробѣи*) № 438; XIII – *сапоги* И.мн., *другици* И.мн. муж. № 141, на *местятке* № 213, на *тѣске* № 218 (*туска* – род подати), *къ тѣтоке* (вместо *къ тетъкъ*) № 346, *у содликъ* Р.ед. (имя), *у засѣке* Р.ед. № 348; XIII/XIV – *ѿт маркъ* Р.ед. (*къ* вместо *къ*), *сѣхъ* Р.ед. (вместо *сохъ*; написано *сѣохъ*, но *о*, по-видимому, зачеркнуто) № 142, *могитъ* (*ь* вместо *е*) № 411; XIV – на *волоки 'на Волоке'*, *.Ѣ. бѣлоки 'две белки'* № 2, на *рики 'на реке'* № 20, *во пороуки* М.ед. № 59, на *зуике* (имя) № 92, *в пудогѣ*, в *пудоги* № 131, на *замкъ* № 179, на *кожевникъ* № 355, с *кимъ 'с кем'* № 358, *миколушкѣ* (или *колушкѣ*) № 478, *кобилкѣ* (или *кобылки*) № 500, *пристриги* № 536; XIV/XV – *по бѣлкѣ* № 1, *пшенъке* (Р.ед.?) № 22, *о ключникъ* № 94, *к невѣстѣкъ*, на *сѣньникъ*, *мукъ* Р.ед., *испеки* № 363, *секите* № 391; XV – *сѣхъ* И.мн. муж. № 19, *правицикъ* И.мн. 'следователи' (*ви* вместо *вь*), *стоики* Д.ед. (имя), на *торгѣ* № 154, *шестъники* И.мн., *перхи* Д.ед. (имя) № 161, на *терехѣ*, на *машкъ* (муж.) № 162, *смердинъский* И.мн. муж. № 313, *в коробки* М.ед. № 413, *в отъсилкъ* № 471, *во вшашкеи* (или *-кии*) *землѣ* № 519, *оу тимошкъ* Р.ед., *.Ѣ. четверотке, то-рокехъ* (*ь* вместо *ь*) № 521. В список не включены случаи, где *-ки*, *-ги*, *-хи* в принципе может объясняться также из *-кы*, *-гы*, *-хы* (например, *три денги*, *ѿт ѱрки*), а также некоторые ненадежные примеры.

Палатализация есть: а) в следующих примерах из церковных формул – *ѣи помози* № 203 (XIII₁), № 330 (сер. XIII), [*по*] *мози рабѣ сво...* № 329 (конец XIII), на *бозѣ* № 414 (XIV), *в бозѣ* № 304 (XV), *владоуѣ* Д.ед. № 244 (XV); б) в примере *послуѣ* И.мн. № 366 (грамота с почти регу-

лярной заменой *и* на *ѣ*, сер. или 2-я пол. XIV), входящем в состав стандартной юридической формулы *а на то рядоуѣ и послуѣ* (ср. § 10 о словоформе *послуси* в пергаменных грамотах); в) *возми сапозѣ* № 4 (XIV₂); пример не безупречен, так как это словоформа В.мн., а не И.мн., т.е. данный ее облик в любом случае не первоначальный. Все приведенные примеры, кроме формулы *господи помози*, отмечены лишь в XIV-XV вв.

З а м е ч а н и е. Не относятся к рассматриваемому вопросу, в частности, примеры: *.Д. кадце 'четыре кадки'* № 196 (это слово *кадъца*, а не *кадъка*, ср. *.Ѣ. кадець* № 22; ср. также в СРНГ *кадца 'кадка'* Перм., Прикам., Урал., Вят., Оренб., Костром., Волог., Арх., Тобол., Сев.-Двин., Олон., Краснояр.). *позовници, позовнициѣ* № 307 (это И.мн. от *позовница 'повестка о явке в суд'*, а не от *позовникъ*); *мълъвоутицѣхъ* (название городка) № 516, *bis* (здесь представлен суффикс *-ич-* с эффектом цоканья или *-ич-*, но не *-ик-*); в примере *у микитци* Р.ед. № 161 суффикс, вероятно, *-ц-* (а не *-к-*).

§ 8. Особый случай составляет слово 'весь'⁹. В русистике давно известны два примера с основой *вх-* (т.е. без эффекта так называемой третьей палатализации): *вхоу 'всю'* в грамоте Варлаама Хутынского (около 1192 г.) и *погорѣ ... вхе полъ 'сгорела вся половина (города)'* в Новг. лет. под 1217 г. (*х* здесь подскоблено и заменено на *с*). Еще один пример подскобленной словоформы *вхоу* отмечен В.В. Колесовым в новгородском стихираре 1157-1164 гг. (см. Мещерский, 93). Но в парадигме этого слова имеется группа словоформ, где окончание начинается с *ѣ* или *и*, следовательно, корневое *х* должно было подвергнуться второй палатализации. В берестяных грамотах эти словоформы представлены так. Палатализации нет: *къ въхемо вѣмо* (вместо *къ въхѣмъ вѣмъ*) № 87 (XII₂), *со вхим[и]* № 492 (сер. или 2-я пол. XIV), *вохи 'все'* И.мн. муж. № 497 (XIV₂, грамота с заменой *ѣ* на *и*). Вероятно, сюда же *вхихъ* № 359 (XIV/XV или нач. XV, см. Мещерский, с. 92; *хи* следует рассматривать, по-видимому, как гиперкорректную запись, заменяющую *хи*). Палатализация есть: *верши всѣ доברי* № 195 (XIII/XIV), *ѿт всих* № 273 (сер. или 2-я пол. XIV), *ѿт всѣхъ* № 279 (XIV₂), *ѿт всихъ* № 370 (XIV₂), *ѿт всихъ* № 446 (нач. XV). Таким образом, все примеры с палатализацией – не раньше рубежа XIII-XIV вв.

Для полноты картины приведем также все прочие словоформы данного слова. Без палатализации: *клепание вохо* В.ед. ср. № 439 (XII/XIII; чтение *въхо*, которое дают издатели, не соответствует прориси и противоречит графической системе грамоты: в ней ярко выражены эффекты систематической замены *ь* на *е* и *ь* на *о*); *вохо мое 'все мое'* № 390 (XIII₂; в этой и следующей грамоте словоформа *во-*

⁹ См. об этом слове разбор В.И. Борковским словоформы *въхемо* в грамоте № 87 (в издании), а также работу: Мещерский.

хо 'всѣ' не была опознана издателями); *вохо. то мнѣ* 'всѣ то мне' № 100 (XIV); ω^m | *хого десѣкѣ* 'от всего десятка' № 463 (палеографически XIV - нач. XV; грамота с рядом графических аномалий); вероятно, сюда же № 211 (XIII₂, см. Мещерский, с. 92). Наиболее ранний пример с палатализацией - *о всѣмо* 'обо всем' № 61 (сер. XIII). Все прочие примеры - из грамот 2-й пол. XIV и XV в.: *все* И.В.ед. сред. № 122, 129, 135, *за всѣь то* (*всѣь* вместо *всѣе*) № 366, *всю* № 496, *о всемо* № 257, *о всѣь томо* № 359; ср. также *всякоу* № 243, *всяка* № 128 (bis).

Итак, основа *вс-*, *вѣс-* появляется в берестяных грамотах лишь с середины XIII в. (один пример сер. XIII и один XIII/XIV в.; все прочие примеры относятся к XIV-XV вв.). Ранее этого времени отмечена только основа *вх-* (ср. также примеры XII - нач. XIII в. из пергаменных памятников).

Заметим, что действие третьей палатализации в данном слове (в каких бы то ни было славянских языках) иногда ставится под сомнение (см. об этом, в частности, Глушкина, 39), свистящий же объясняется как результат обобщения основы тех словоформ, где действовала вторая палатализация. Поведение слова "весь" в древненовгородском вполне согласуется с такой гипотезой.

§ 9. Отдельного рассмотрения требуют несколько примеров с *щ* (все это имена собственные): *оу тимоше* Р.ед. № 78 (XII₂), ω^m *тимошѣ* № 300 (XIV₁), *ѣ митрошѣ* (*ѣ* вместо *ѣ*) № 410 (XIII/XIV), *ѣ мятеши* № 2 (конец XIV); также *у тимошина* № 260 (XIV₂), ω^m *тимошина* № 261 (XIV₂). Эти примеры явно связаны с именами на *-шѣка*; в грамоте № 300 мы даже находим одновременно Р.ед. ω^m *тимошѣ* и И.ед. [*ти*]-*мошка*, причем судя по контексту это одно и то же лицо. Таким образом, создается впечатление, что сочетание *-шѣк-ѣ* факультативно переходит в *-щ-ѣ* (об обязательном переходе говорить не приходится, так как имеются также примеры *оу тимошѣ* № 521, *на машѣ* № 162, *миколошѣ* № 478); притяжательные прилагательные на *-ин-ѣ* выровнены по форме Р.ед. (см. № 12).

Может быть, *-щ-ѣ* - это след второй палатализации (которая из-за цоканья выглядит здесь как первая)? Но эта версия сразу же отпадает, поскольку рассматриваемое особое поведение *-к-ѣ* наблюдается только после [ш'], а контакт [ш'] и [к'] в имеющихся примерах наступил только после падения редуцированных, т.е. гораздо позже предполагаемого времени действия второй палатализации. Таким образом, *щ* в *тимошѣ* и т.п. не связано со второй палатализацией; оно либо отражает сравнительно поздний фонетический процесс, либо (что более вероятно) представляет собой графическое явление. Дело в том, что дублетность типа ω^m *тимошѣ* - *оу тимошѣ* разительно напоминает хорошо известную по новгородским пергаменным памятникам дублетность типа *дѣждѣ* - *дѣжѣ* (поскольку по обычным древнерусским нормам через *дж* и *щ* передавались звукосочетания, различавшиеся между собой только по звонкости). Очевидно, вопрос о звуковом значении *дж* - *жг* и *щ* - *шк* в древненовгородском диалекте должен решаться совместно. Рас-

смотренные факты из берестяных грамот, по-видимому, могут служить аргументом в пользу артикуляций с конечным взрывным элементом (типа [ш'к'], [ж'г'] или типа [ш'ћ], [ж'ћ]). Вполне вероятно, впрочем, что в древненовгородском диалекте сосуществовало несколько типов артикуляции для рассматриваемых единиц (как в современном русском). На это может указывать, в частности, наличие в берестяных грамотах не только случаев смешения *щ* и *шк*, но и случаев смешения *щ* и *ш* (известного также и в пергаменных памятниках, см. Шахматов, § 491).

§ 10. Итак, из совокупного материала берестяных грамот с полной ясностью выступает картина диалекта, где вообще не было процесса второй палатализации. Мы не просто находим здесь много примеров без соответствующего эффекта. Картина гораздо ярче: в грамотах XI-XII вв. нет просто ни одного примера с эффектом второй палатализации - ни внутри корня, ни перед окончанием (при более чем 20 примерах без этого эффекта). И лишь позднее (в основном в XIV-XV вв.) в берестяные грамоты проникает из книжного языка и из других диалектов небольшое число примеров с палатализацией (главным образом внутри корня).

Обилие примеров с палатализацией в новгородских и псковских пергаменных памятниках следует отнести за счет книжной нормы. Особенно последовательно книжная норма соблюдена для позиции внутри корня; нарушений здесь (если не считать сочетания *ск*) нами вообще не отмечено. Для стыка основы и окончания степень соблюдения книжной нормы сильно варьирует в зависимости от типа памятника.

В церковных и близких к ним текстах с палатализацией все обстоит практически так же, как в старославянском; лишь сочетания *ск* и *зг* обнаруживают тенденцию к сохранению заднеязычного перед *ѣ*, *и*, например *женѣскѣ* вместо *женѣсѣѣ* или *женѣстѣѣ* (см. Шахматов, § 306). Написания вроде *праздникѣхъ* встречаются лишь в качестве единичных недосмотров писца.

Книжные нормы обычно в основном выдерживаются также и в записях и приписках писцов. Но есть исключения: так, хорошо известные приписки Домки к служебным минеям 1095 и 1096 гг. (по-видимому, новгородским) по степени отклонения от книжных норм приближаются к берестяным грамотам (*обряче* вм. *обрящеть*, *ся боще* вм. *ся боще*, *ѣѣѣ бѣѣѣ* Д.ед. вм. *ѣѣѣ бѣѣѣ*, ср. также орфогр. *дѣмволѣ* наряду с *дѣмволѣ*). Точки, где ожидается вторая палатализация, представлены здесь так: *ѣѣ помози*, *грѣсѣхъ* (в церковных формулах), но *дѣмѣѣ* Д.ед. bis (в мирском имени писца).

Летописи мало отличаются в рассматриваемом отношении от церковных текстов. С.М. Глушкина отметила, что в новгородских и псковских летописях отсутствие палатализации (на стыке основы и окончания) чаще всего обнаруживается в личных именах и топонимах, особенно местных.

Пергаменные грамоты официального характера (договоры Новгорода с князьями или с немцами) сходны с летописью: примеров без палатализации здесь очень немного. Напротив, в частных грамотах, равно как в грамотах внутреннего управления Новгорода и в дипломатической переписке по

вопросам торговли и связанных с ней инцидентов безусловно господствуют варианты без палатализации, например: на борьке, къ рѣкъ, до рѣкъ, островкъ М.ед., участки М.ед., розбоиники И.мн., в путяхъ и много других. Варианты с палатализацией сохраняются здесь лишь в церковных и близких к ним формулах (например, богъ помози, владицъ Д.ед., по велицъ дни), а также иногда в юридической формуле а на то послужи (или а на то рядьци и послужи), где наряду с более обычным послужи в части грамот выступает послуси (например, Гр. Новг. и Пск., № 168, 172, 203, 216, 235 и др.); ср. сходную картину в берестяных грамотах (§ 7).

Наконец, еще один вид новгородских памятников составляют надписи в Новгородском Софийском соборе. Положение со второй палатализацией здесь примерно такое же, как в приписках Домки. Так, многократно встречается *ѣи помози* (но также и *ѣи помози* с *ж*, перенесенным из презенса, - Медынцева, № 132, 1050-1108 гг.); кроме того, по велицъ дне (Медынцева, № 246, XIII-XIV), облаци И.мн. в богословском тексте (№ 135, XI₂ - XII₁), лоуц[ѣ] Д.ед. (№ 186, то же время). С другой стороны, без палатализации: бор[ѣ]|къ глѣбѣж бѣль|къ (№ 81, 1050-1108 гг.), въ роугѣ (№ 146, XI₂ - XII₁).

Таким образом, данные рассмотренных новгородских памятников по сути дела не противоречат показаниям берестяных грамот, а во многих отношениях непосредственно их подкрепляют. Но, конечно, о многом из того, что в берестяных грамотах непосредственно видно, по показаниям прочих новгородских памятников можно было бы только догадываться.

§ 11. Вместе с идеей об отсутствии в новгородско-псковском диалекте второй палатализации, С.М. Глускина высказала, хотя и в более осторожной форме, идею об отсутствии в нем также и так называемой третьей палатализации (т.е. перехода *к, г, х* в *ц, з, с* после передних гласных) (Глускина, 38-40). Однако эта идея, по крайней мере в ее полной форме, мало правдоподобна (и возможно даже, что она отчасти помешала должному признанию среди славистов правильной идеи об отсутствии в данном диалекте второй палатализации). Следует учитывать, что третья палатализация ни в какой части славянского мира не происходила со стопроцентной регулярностью. Поэтому, чтобы доказать ее отсутствие в каком-либо диалекте, недостаточно указать на наличие примеров, где нет соответствующего эффекта; нужно каким-то образом убедиться в том, что в этом диалекте его не было нигде. Тем самым задача здесь много труднее, чем в случае со второй палатализацией (которая, согласно традиционному взгляду, происходила совершенно регулярно).

В действительности по данным берестяных грамот можно говорить об отсутствии третьей палатализации только для *х; практически речь о единственном слове "весь" (см. материал в § 8). Однако, как уже было отмечено в § 8, возможно, что мы имеем здесь дело с чертой, свойственной не только древненовгородскому, но и другим (может быть, даже всем) славянским диалектам.

Для *г материала мало: князю № 527 (XI), оусьрязи (ѣ вместо е) № 429 (XII₁), князь № 332 (XII/XIII или нач. XIII), князе (е вместо ѣ) № 404 (палеографически XIII₂), князя № 286 (1-я пол. или сер. XIV); ср. князьни И.ед. № 109 (XI/XII) с *г*, как во всех славянских языках. Поскольку слова "нельзя" и "польза", известные в северных говорах с *г* (ср. также *нелга* в Новг. лет. под 1128 г., *nilga* Фенне 368, 374, *nilgo* 434), в берестяных грамотах не встретились, их материал недостаточно показателен.

Наибольшее количество материала имеется для *к. Здесь берестяные грамоты обнаруживают (притом с самого раннего периода) картину, почти не отличающуюся от современного литературного русского языка. Приведем (в хронологическом порядке) материал ранних грамот: XI - *веверицъ* Р.мн. № 246; XI/XII или нач. XII - *стпаньцю* № 241, *соужьдалъци* Свинцовая грамота; нач. XII - *вѣверицами* № 335, *отъчеви* Д.ед., *граматицу* № 424; прочие XII - *отъць* № 9, *вѣверичъ* Р.мн. № 105, *съ цѣльцьм-* (вместо *съ чельцьмь*) № 429, *дѣлохъницоу* В.ед., *въ дѣлохъницѣ* М.ед. жен. № 449; XII/XIII - *лисиць* Р.мн. № 7, *вороньця* Р.ед. № 332, *головице* № 438, *свинцеце*, *полотенеца* № 439. В более поздних грамотах примеров уже несколько десятков (особо отметим на замке [имя] № 92, .ѣ. *кадець* № 22, .д. *кадце* № 196). Никаких примеров с *к*, выходящих за рамки обычного параллелизма суффиксов -*к-* и -*ц-*, не отмечено. Приведенные примеры с *ц* относятся к тому самому периоду (XI-XIII₁), когда в берестяных грамотах еще нет ни одного примера с эффектом второй палатализации. Следовательно, о заимствовании из книжного языка здесь говорить не приходится (ибо нельзя объяснить, почему заимствовалося, скажем, *вѣверица* и не заимствовалося *цѣль* или *на отъцѣ*).

Таким образом, материал берестяных грамот заставляет нас признать, что в древненовгородском по крайней мере для *к третья палатализация осуществилась (причем в объеме, достаточно близком к тому, что обнаруживается в других восточнославянских диалектах). Для *г вопрос остается не вполне ясным, для *х третьей палатализации не было.

Ясно, что в традиционной дискуссии о том, какая палатализация - вторая или третья - происходила раньше, выявленные здесь факты являются сильнейшим аргументом в пользу того, что третья палатализация старше второй.

§ 12. Отсутствие второй палатализации существенным образом отражается на синхроническом облике древненовгородской морфологии. В отличие от всех остальных древних славянских диалектов здесь почти отсутствуют чередования согласных в парадигмах склонения (а до падения редуцированных нет и чередований гласных); например, слово *рука* имеет постоянную основу *рук-*. В силу цоканья не различаются также основы в таких случаях, как *отъць-ѣ*, *отъць-е*; таким образом, слова типа *отъць* тоже имеют постоянную основу.

Особая основа (с эффектом первой палатализации) должна выступать лишь там, где *к, г, х* (а также *з* в словах

типа князь) оказывается перед окончанием *-e*; такое окончание выступает в Зв.ед. муж., а также в специфически новгородском варианте И.ед. муж. Оказывается, однако, что, если не считать слова *князь*, в древненовгородском диалекте в этих формах ожидаемое чередование отсутствует, причем, по-видимому, оно было устранено еще в доисторическую эпоху.

Для Зв.ед. прямых свидетельств этого немного (поскольку эта форма редко встречается в нецерковных памятниках): *марке* Зв.ед. № 142 (XIII/XIV, также у Фенне - *bratke* Зв.ед. 200, *druske* Зв.ед. (дружке) 217 (*druske* 363; 375, *druska* 411; двусмысленно *druschæ* 274); других относящихся к делу примеров в берестяных грамотах и у Фенне нет. Отметим еще в церковном тексте: *архистратиге* (Зв.ед.) Минея 1095 г., 34а, 34в (Шахматов, § 306).

Чрезвычайно обильны, однако, соответствующие свидетельства для И.ед. на *-e*. Так, в древнейших берестяных грамотах находим: XI - *замьке* № 247; XII - *лазьке* № 105, *лихе* № 163, *жадьке* № 235; XII/XIII - *сороке* № 7; в более поздних грамотах также *кожьке*, *положе*, *пасынке*, *золотнике*, *внуке*, *стойке*, *нестерке*, *василке* и др. Ср. еще [р]ад[в]ке, *хотьке* в надписи № 145 (XI₂ - XII₁) Новгородского Софийского собора. Очень много таких примеров представлено также в пергаменных грамотах и в других новгородских памятниках. Главное же состоит в том, что примеров И.ед. на *-e* с эффектом первой палатализации нет вообще.

Поскольку нет никаких оснований ставить под сомнение действие в древненовгородском диалекте первой палатализации, необходимо предположить весьма древний процесс морфологического выравнивания, который довел почти до идеала принцип постоянства основы в парадигмах склонения. Разумеется, сама возможность такого выравнивания, которое создало словоформы типа *замьке*, *лихе*, обеспечивалась именно существованием в древненовгородском диалекте (в отличие от других диалектов) сочетаний *к, г, х* с передними гласными (ср. Глушкина, 23).

На этой же основе осуществился и ряд других выравниваний, в частности у притяжательных прилагательных (которые у названий лиц по сути дела входят в словоизменительную парадигму, образуя в ней своего рода "согласуемый родительный падеж"). Притяжательные прилагательные с *-ин-* тесно связаны с Р.ед. имен *а*-склонения и рано заимствовали основу этой формы (а иногда отчасти и окончания). Так, в берестяных грамотах находим: *оу нъжатъкинѣ* (вместо *оу нъжатъкинѣ*) Р. 13 (XI), *хроушькин-* № 332 (XII/XIII; пример не вполне надежен), *гришкини* № 141 (XIII₂), *м-шкинѣ* № 417 (XIV₁), *лукѣнѣ* № 366 (сер. или 2-я пол. XIV; грамота с заменой *и* на *ѣ*), *у вдовкинѣхъ дѣтѣ* № 353 (конец XIV или XIV/XV), *еремкинское* № 494 (XIV/XV), *болдикине* № 521 (нач. XV), *лукина* Р.ед. № 298 (XV₁), *падиногине* № 122 (XV₁)¹⁰. Словоформе Р.ед. *timoшѣ*

¹⁰ В примере *оу вѣщина шурина* № 78 (XII₂) неясно, как выглядело исходное имя.

(см. § 9) соответствуют примеры у *timoшина* № 260 (XIV₂), *ωт timoшина* № 261 (XIV₂); ср. *василеи timoшкине* (Гр. Новг. Пск., № 323, XV) в соответствии с Р.ед. *timoшѣ*, *-и*. Большое количество примеров с *к, г, х* перед *-ин-* имеется также в новгородских пергаменных грамотах и в летописи.

Вопрос о праславянском начальном *t/

§ 13. Берестяная грамота № 169 (XIV/XV; стандартная позднерусская графическая система) гласит:
*василевѣ . софонтьѣва . | онтане . послале . овдо|ки-
му . два клеца . да . шу|ка . с василевѣ . рыби . | клець
послале . клець | стопане . четворты .*

Перевод А.В. Арциховского: 'Во дворе Василия Софонтева. Антон послал Евдокиму двое кледей. Да Щука из Васильевой Рыбы послал клеци. Степан послал четвертые клеци'. Грамота рассматривается как справка о том, что три кузнеца (один из которых именовался Щука из Васильевой Рыбы) изготовили четверо кледей. Л.П. Жуковская дает весьма близкий перевод, только у нее Щука с Василевы и Рыба предстают как разные лица: 'Василию Софонтева (или: С Софонтева) Антон послал Евдокиму двое кледей, да Щука с Василевы Рыбе клеци послал. Четвертые клеци Степан' (Жуковская, 73). Иную интерпретацию дает Л.В. Черепнин: "Автор ... сообщает Василию Софонтеву о том, что Антон послал Евдокиму двое кледей и щуку, из деревни Васильевой ему же отправили клеци и рыбу, наконец, четвертые клеци направил (очевидно, все тому же лицу) Степан" (Черепнин, 235).

Приведенные переводы вызывают, однако, ряд возражений. Во-первых, ни в современном, ни в древнем русском языке нигде не засвидетельствовано употребление единственного числа *клець в значении 'клеци'. Принадлежность слова *клеци* (инструмент) к классу *pluralia tantum* не является в русском языке какой-то грамматической случайностью: она четко обусловлена двухчастным строением самого инструмента, ср. *ножница*, *тиски*, *щипцы*, *плоскогубцы*, *плоскозубцы*, *кусачки*, *пассатижи* и т.д. Эта модель очень устойчива: не отмечено даже окказионального употребления словоформ типа *ножница, *тисок, *щипец и т.д. вместо *ножницы*, *тиски*, *щипцы* и нет никаких указаний на то, что в древнерусском положении было иным. Во-вторых, словоформы *клець* (*bis*) и *клеца* написаны в грамоте через *e*, тогда как в слове *клеци* (инструмент) в корне был *ѣ*, ср. укр. *клі́ці*, церк.-слав. *клѣца* 'застежка, пряжка', серб. *клијѣшта* (мн. сред.), *клијѣште* (мн. жен.) 'щипцы'. Между тем в грамоте нет ни одного случая смешения букв *e* и *ѣ*, притом что *e* (κ) встретилось, не считая слова *клець*, 8 раз, *ѣ* - 2 раза. В этих условиях случайная замена *ѣ* на *e* три раза подряд в одном и том же слове практически невероятна. Кроме того, в первых двух переводах настораживает то, что явный "рыбный колорит" грамоты целиком выведен в сферу собственных имен.

Все указанные трудности снимаются, если признать, что *клець* в данной грамоте имеет значение 'лещ'¹¹. Получаем следующий перевод: 'Дети Василия Софонтева [послали Овдокиму:] Онтан (Антон) послал Овдокиму два леща, да [еще] щуку; из Васильевой рыбы леща послал; леща Степан - четверто'.

Именительный (а не винительный) падеж слова *щука* не составляет препятствия для такого перевода: это то, что можно назвать "именительным присоединением", - явление, хорошо известное в древнерусских грамотах. Ср., например: *а даль на томъ сели ... двѣнадцать сороковъ бѣль да шуба пополонка* (Гр. Новг. и Пск., № 199, сер. XV); для правильного понимания синтаксиса таких конструкций существенно учитывать то, что в подобных формулах вполне может стоять и винительный падеж (*да корову пополонка, да овцу пополонка* и т.п.). К "именительному присоединению" весьма близок "именительный перечисления"; ср., например, в грамоте № 445: *всяло горончаро .Ѡ. сорока . куницю . коби-лу .Г. кожи . шапка . сани . хомути 'взял гончар ...'* (*шапка* стоит в именительном падеже). Подобные примеры неоднократно встречаются также в духовных грамотах московских князей. Эффект "именительного присоединения или перечисления" наступает особенно легко там, где у предшествующего члена перечисления винительный падеж совпадает с именительным (например: *два клеца да щука*). Частный случай "именительного перечисления" (самый простой) состоит в том, что весь список, начиная с первого члена, стоит в именительном падеже.

Окончание И.мн. муж. -ѣ в *василевѣ* - исключительно характерная черта новгородских грамот XIV и XV вв.; ср. *мысловѣ дѣти* № 136 (палеографически XIV); также *андрѣевѣ дѣти* (Гр. Новг. и Пск., № 11, 1316 г.), *игнатовѣ дѣти* и *лентѣевѣ дѣти* и *фоминѣ дѣти* и *родивоноуѣ* (Гр. Новг. и Пск., № 53, не позднее 1417 г.) и др. Варианты перевода, исходящие из другой грамматической интерпретации словоформы *василевѣ* (как Д.ед. от *василь*, как Д.ед. от *василева*), менее удачны: оборотов типа *василью игнатьева* в берестяных грамотах нет (а есть только конструкции с согласованием, например, *къ василью игнатьеву* № 135, *къ ксиву ко давидову* № 65, *смыну флареву* № 186, *навлу соболещеву* № 124, *с васильюмъ со желутковюмъ* № 25 и ряд других); что касается наименования жены по мужу, то оно в данном контексте стояло бы в членной форме (ср. *въдаи волотъковѣи* № 297, *ко [ва]силью* и *ко василевеи* № 67, *Ѡ попадек Ѡ навловек* № 212 и др.).

Таким образом, в грамоте сообщается, что дети Василия Софонтева послали некоему Овдокиму несколько рыб. По-видимому, речь идет о каком-то малом оброке или о традиционном подношении с улова, поскольку точно указано, кто сколько послал; при этом один лещ был взят из улова

¹¹ Предложение именно так интерпретировать данное слово содержится в работе: Куза А.В., Медянцева А.А. Заметки о берестяных грамотах. - Нумизматика и эпиграфика, т. 11. М., 1974, с. 222-223.

(или доли) самого Василия. Отметим, что поштучный счет рыб (при продаже, посылке) неоднократно встречается в берестяных грамотах (№ 92, 186, 258, 260 - лососи, 144 - сига, № 280 - таймени и сига).

§ 14. На существование слова *клець* 'лещ' по крайней мере в древнепсковском говоре указывает слово *клещѣница* 'трехстенная ставная сеть, для ловли на Чудском озере лещей' (Даль, с пометой "псковское"); ср. варианты этого же слова - *клещѣница*, *клещѣнец*, *клещѣнец* - в СРНГ (с пометами: "псковское", "чудское, Псковское и Ладожское озеро").

Очень интересно выражение *клець на уду* 'недоброе пожелание рыбаку' (СРНГ, свердл.). Очевидно, *клець* здесь первоначально обозначал рыбу (а не насекомое); отрицательный характер пожелания, вероятно, определяется тем, что оно нарушает обычное охотничье табу на пожелания успеха (ср. положительные пожелания типа *ни пуха ни пера*).

З а м е ч а н и е. Древнерусское название Плещеева (Переяславского) озера - *Клещѣнѣ озеро*. Между прочим, в 8 км от этого озера находится *Сомино озеро* (соединенное с ним рекой Вексой). Если *Клещѣнѣ озеро* действительно связано с *клець* 'лещ', перед нами свидетельство существования данного фонетического варианта и за пределами Новгородской земли.

Древненовгородское *клець* 'лещ' имеет очевидные соответствия в западнославянских языках: ст.-польск. *kleszcz* 'лещ' (засвидетельствовано с XIV в.), формы с начальным *kl* известны также в современных говорах (почти во всех кашубских и в некоторых других); словин. *klješč*, н.-луж. *klješč*¹². Дальнейшее соответствие - ст.-чеш. *dlešč* 'лещ' (совр. *dlešec* и *dlešt'*). Оно показывает, что мы имеем здесь дело не с праславянским *kl, а, по-видимому, с *tl. В чешском это *tl отразилось с озвончением начального элемента. Случай озвончения *t в срединном *tl известен¹³; в названии леща мы имеем дело с таким же эффектом в начальной позиции. Упрощение начального *tl в *l* представлено в русск. *лещ*, укр. *лещ*, блр. *лещ*, польск. *leszcz* (в ст.-польск. с XVI в.).

§ 15. Как известно, срединные *tl, *dl сохраняются (если не считать случаев *tl > dl*, см. выше) в западнославянских языках, а также диалектно в словенском; но в говорах северной части лехитской области они иногда переходят в *kl*, *gl* (ср. такой же переход в балтийских языках). В прочих славянских языках они упрощаются в *l*, од-

¹² Подробнее см.: Усачева В.В. Материалы для словаря славянских названий рыб. V. - В кн.: Этимология 1977. М., 1979, с. 78-79.

¹³ См. об этом: Трубачев О.Н. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах. - В кн.: Этимология. М., 1963, с. 38-40.

нако в псковских памятниках и говорах многократно отмечается отражение *tl, *dl в виде кл, гл¹⁴

Некоторое число таких примеров отмечено также в новгородских и двинских памятниках (*подъвегли, чькли* [также *чьтли*], *сочклись, сочклице, възмяклася*), ср. еще каргопольск. *нѣгла* 'лиственница' (< *jedla); см. Шахматов, § 182. По-видимому, однако, в собственно новгородских говорах данное явление было представлено существенно слабее, чем в псковских. Во всяком случае, в древняных грамотах для срединного *dl находим только: *возвело* № 531 (XII/XIII), *розвьли еств* (вместо *розвели есте*) № 510 (конец XII - XIII₁), *мйла* Р.ед., *бѣлилѣ* Р.мн. № 288 (XIV₁), не считая слова *молитва*.

Грамота № 169 может, вообще говоря, отражать и псковский говор; но вполне вероятно также, что *кл* из начального *tl было представлено (хотя бы факультативно) по всей Новгородской земле (ср. ниже о названии рыбной чешуи). Таким образом, разные отражения начального *tl в названии леща (*dl, kl, l*) распределены по диалектам приблизительно так же, как и отражения срединного *tl.

С этимологической точки зрения название леща обычно связывают со звукоподражательными глаголами со значением 'шелкать, лязгать и т.п.' (см., в частности, ЭССЯ, вып. 5, статья *dleššb*). Имеется, однако, семантически гораздо более подходящее слово, а именно, название рыбьей чешуи, сохранившееся в севернорусских говорах (приводим по СРНГ): *клѣск* Арх., Олон., Печор., Север., Сев.-вост., Беломор., КАССР, Ленингр.; *клеска* Новг., Волог.; *клѣска* Олон., Арх., Колым.; *клѣст* Ленингр.; *клетса* Новг.; *клѣс* КАССР. Как можно видеть, географическое распространение этого слова довольно точно соответствует исторической Новгородской земле. Как и в названии леща, в этом слове отражено праславянское *e (не *ě). Можно предполагать, таким образом, что славянское название леща образовано с помощью йотового суффикса от названия рыбной чешуи, как, например, *хвоць* от *хвостъ*, *хруць* от *хрусть*, *клѣць* (насекомое) от *клѣстити* 'сдавливать, зажимать'. Это не закрывает, впрочем, возможности более отдаленной связи с другими словами, содержащими начальное *tl.

Из таких слов следует прежде всего указать звукоподражательный глагол со значением 'хлопать, шелкать, лязгать и т.п.': чеш. *tleskati, dleskati*, словц. *tlieskat'*

¹⁴ Вопрос о *tl, *dl рассматривается в большом числе работ; упомянем лишь некоторые из них: Шахматов, § 178-184; Troubetzkoy N. Die Behandlung der Lautverbindungen tl, dl in den slavischen Sprachen. - Zeitschrift für slav. Phil., 1925, Bd. 2; Tesnière L. Les diphtonges tl, dl en slave. - Revue des études slaves, 1933, v. 13; Jakobson R. Дублиеты типа *сочкля/счѣл* в показаниях Т. Фенне о языке Пскова на пороге XVII века. - In: Selected writings, v. II. 's-Gravenhage, 1971; Авксентьева А.Г. Палатальная корреляция и мена tl, dl > kl, gl в славянских языках. - В кн.: История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976.

(диал. *tl'askat'*), н.-луж. *klaskaś*, в.-луж. *kleskać*, словен. *tléskati, tlesniti, klesniti*, польск. *klaskać* и *leszezeć*. В восточнославянском находим, в частности: русск. диал. *клѣскать, клѣскать* (по СРНГ - Пск., Арх., Олон., Беломор., Север., Ленингр., Твер., Сиб., Том., помимо этого только Курск.), наряду с *лѣскать* (Южн., Курск., Тамб., Зап., Твер., Петерб.), укр. *лбскати*; здесь диалектное распределение почти идеально соответствует ожидаемому. Несколько иные соотношения в варианте с огласовкой 'а: русск. диал. *кляскать* и *ляскать*, укр. *кляскати*, блр. *кляскаць*.

Начальное *tl можно предполагать также в названии дубоноса или клеста: чеш. *dlask* 'дубонос' (диал. *dlesk, dlesek*), словц. *dlask, glezg* (диал. *dlezd, glask, gl'adzog, klocok* и др.), в.-луж. *dtusk*, словен. *dlesk* (также *klesk*), с.-хорв. *длѣск*, польск. *klęsk* (в XVII-XVIII вв. *klesk*), русск. *клѣст*. Существование укр. *клетст* ставится Л.А. Булаховским под сомнение (см. Фасмер, статья *клѣст*). Впрочем возможно, таким образом, что великорусская форма *клѣст* - новгородского (в широком смысле) происхождения.

Вяч.Вс. Иванов указал мне на существование еще одного важного примера рассматриваемого соответствия, а именно второй части славянского названия оборотня: русск. диал. *волколѣк* (СРНГ, Калуж.), *волкулѣк* (СРНГ, Курск., Орл.), *волколѣк* (СРНГ, Смол.), укр. *вовкулѣк*, блр. *волколѣк, волкулѣк*, ц.-слав. (серб.) *вльколакь*, болг. *върколакъ*, с.-хорв. *вукдолак*, словен. *volkodlak*, словц. *vlkodlak, vkolak*, чеш. *vlkodlak*, польск. *wilkotak*. Второй составной элемент выступает отдельно в ц.-слав. (русск.) *длака* 'шкура, шерсть', с.-хорв. *длака*, словен. *dláka*, ст.-чеш. *tlaky* (мнж.) 'волосы'; сюда же следует присоединить и польск. *klaki* 'космы, клочья, пакля' (относится ли сюда также и русск. *клок*, ц.-слав. *клькь* и т.д., не вполне ясно). В балтийском рассматриваемому слову соответствует название медведя (т.е. "косматого") - *tlōkis¹⁵: др.-прусс. *elokis* 'медведь' (Эльбингский словарь), но *Tlo-kumpelk* 'медвежье болото', лит. *lokys*, лтш. *lācis*¹⁶. Балтийское соответствие дает здесь прочную основу для реконструкции славянского начального *tl; как можно видеть, распределение рефлексов этого начального *tl по славянским диалектам весьма сходно (за исключением лишь некоторых деталей) с тем, которое обнаруживается у других рассмотренных выше слов.

* * *

§ 16. Рассмотренные выше фонетические особенности древненовгородского (в широком смысле, включающем также псковские говоры) диалекта - отсутствие второй палатализации и особое отражение *tl, *dl, в том числе началь-

¹⁵ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста. - Славянское языкознание. Доклады советской делегации (V Международный съезд славистов). М., 1963, с. 139.

¹⁶ См.: Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. I. Warszawa, 1958, § 503.

ных, — очевидным образом указывают на более сложную картину взаимоотношений между славянскими диалектами, чем традиционная схема родословного древа. В частности, оказывается неверным традиционный тезис о почти полной монолитности восточнославянского праязыка.

Существенно также то, что разобранные особенности являются отнюдь не единственными отличиями древненовгородского диалекта от других восточнославянских: они входят в более широкий комплекс фонетических, акцентологических и морфологических черт, специфических для данного диалекта и проявляющихся в сущности с самого начала письменной эпохи. В ходе позднейшего объединения новгородского диалекта с другими диалектами в составе великорусского языка соответствующие различия сгладились или хотя бы уменьшились. При этом большинство специфических новгородских черт было полностью или частично утрачено, некоторые же, напротив (как отсутствие второй палатализации на стыке основы и окончания), стали общерусскими.

Принятые сокращения

- Баун 1980 — *Баун Л.С.* Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории (на материале мидийской исторической грамматики). — Вестник древней истории, 1980, № 2, с. 11–28.
- Бенвенист 1955 — *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. Пер. с фр. М., 1955.
- Дыбо 1980 — *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 91–150.
- Иванов 1957 — *Иванов В.В.* Древнеиндийское *asram* 'слеза, кровь' и хеттское *ešharu* 'слезы'. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на Стефан Младенов. София, 1957.
- Иванов 1965 — *Иванов В.В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1980 — *Иванов В.В.* Вино. — В кн.: Мифы народов мира, т. 1. А–К. М., 1980, с. 236–237.
- Иванов 1980а — *Иванов В.В.* Праязыки как объекты описания в издании "Языки мира". — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 181–207.
- Иванов 1980б — *Иванов В.В.* О структуре в гомеровском греческом текстов, описывающих психические состояния. — В кн.: Структура текста. М., 1980.
- Иванов 1981 — *Иванов В.В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Мсерианц 1899 — *Мсерианц Л.* Этюды по армянской диалектологии,

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В ГЛУБИННЫХ ГОВОРАХ ЛАТГАЛИИ

Фонематическая подсистема согласных латгальского идиома описывалась Я. Лелисом (карсавский и наутренский говоры), В.Я. Зепсом и автором этой статьи (глубинные говоры Латгалии)¹. Однако со времени появления последней работы по этому вопросу прошло уже десять лет, за это время накоплено много нового материала, поэтому целесообразно дать некоторые дополнения и уточнения к описанию и интерпретации фонематической подсистемы согласных в глубинных говорах Латгалии. В данной статье мы рассмотрим следующие вопросы: 1) возникновение палатализации согласных и 2) фонологический статус согласных: а) *j, j'*, б) *r, r', v) š, š', ž, ž', g) k', g'*.

И. А. Абеле, Э. Блесе и Я. Эндзелин считали, что палатализация согласных в латгальско-селонских говорах возникла под влиянием русского, белорусского и польского языков². Их мнение разделяет также З. Зинкявичюс³. Однако изучение условий палатализации согласных, относительной и абсолютной хронологии возникновения этого явления в латгальском и селонском племенных языках вынуждает нас отклонить данную точку зрения как необоснованную

Палатализация согласных в латгальском племенном языке возникла перед гласными переднего ряда *i, ī, e, ē* еще до исчезновения кратких гласных конечных слогов. Об этом свидетельствуют многие данные исторической фонетики латгальских говоров, например *mōut'*² 'мать' (voc. sing.) < *mōt'e (ср. лит. *mótė*), *būus* 'будет; будут' < *būsi (ср. ст.-лит. *būsi-gu*). В селонском племенном языке палатализация согласных, по данным исторической фонетики, также осуществилась до исчезновения кратких гласных конечных слогов⁴. А ведь исчезновение кратких гласных конечных

- ¹ *Lelis J.* The Place of Latgalian among the Baltic Dialects. Cambridge-Massachusetts, 1961, p. 80–135.; *Zeps V.J.* Latvian and Finnic Linguistic Convergences. Bloomington-The Hague, 1962, p. 51–55; *Брейдак А.* Некоторые вопросы истории консонантизма и развитие фонологической системы согласных в говорах Латгалии. — *Baltistica*. Priedas I. Vilnius, 1972, p. 33–53.
- ² *Abele A.* Slavismi (?) mūsū augšzemnieku konsonantismā. — In: *Filologu Biedrības Raksti. Rīgā*, 1940, 20, 1. 219; *Blese E.* Krievu valodas ietekme. — In: *Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīgā*, 1933–1934, s. 10, стлб. 18455; *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. *Rīgā*, 1951, 1. 189.
- ³ *Зинкявичюс З.* К истории палатализации согласных в балтийских языках. — Изв. АН ЛатвССР, 1973, № 4, с. 96; *Zinkevičius Z.* Smulkmenos, IX. — *Baltistica*, 1975, XI(1), p. 36.
- ⁴ *Ancītis K.* Aknītes izloksne. *Rīgā*, 1977, 1. 136.

слов, судя по показаниям письменных памятников, произошло до XIII в. н.э. (по мнению М. Рудзите, даже до X в. н.э.)⁵. Вышесказанному противоречит мнение З. Зинкявичюса о том, что палатализация согласных в латгальских и селонских говорах, как и в литовских, возникла под влиянием славянских языков очень поздно – только в XVI–XIX вв. Правда, в "Smulkmenos" З. Зинкявичюс высказывает мысль о более раннем происхождении этого фонетического явления под влиянием славянских языков. Но это мнение также не выдерживает критики. Ибо нет исторических данных, свидетельствующих о значительном переселении древнерусского населения в Восточную Латвию в конце I и в начале II тысячелетия н.э. Такое переселение русского, белорусского и польского населения в Восточную Латвию началось только с XVI в. До этого времени латгало-селоно-славянские контакты можно охарактеризовать как пограничные⁶. Но ведь такими связями нельзя объяснить коренную перестройку фонетической и фонематической системы языка. Даже в условиях двуязычия звуки чужого языка усваиваются нелегко. Сошлемся на такой пример. В Риге после Великой Отечественной войны существует ситуация латышско-русского двуязычия, но подавляющее большинство коренного латышского населения так и не научилось произносить смягченные согласные русского языка.

II. Характерной особенностью фонематической подсистемы согласных средне- и южнолатгальских говоров является наличие двух фонем [j] и [jʲ] (см. карту 2). Эти фонемы часть носителей этих говоров (даже молодежь!) и в наши дни хорошо различает и осознает, например: *jīoj* 'едешь, поезжай', но *jīoj* 'едет; едут' в Аглонае, Айзкальне, Балтинаве, Вараклянах, Вилянах, Звиргздене, Извалте, Ликсне, Наутренах, Ницгале, Пилде, Преилях, Цибле, Эзерниеках.

Латгальский согласный *jʲ* А. Абеле охарактеризовала как предорсальный по сравнению со среднелатышским медиодорсальным *j*⁷. Второй латгальский согласный *j* по сравнению со среднелатышским медиодорсальным *j* отодвинут назад.

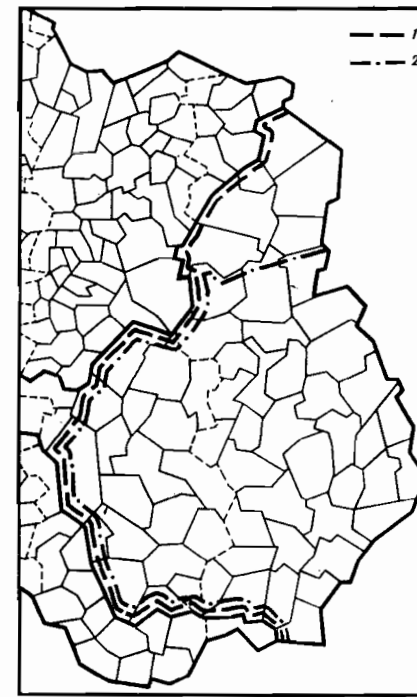
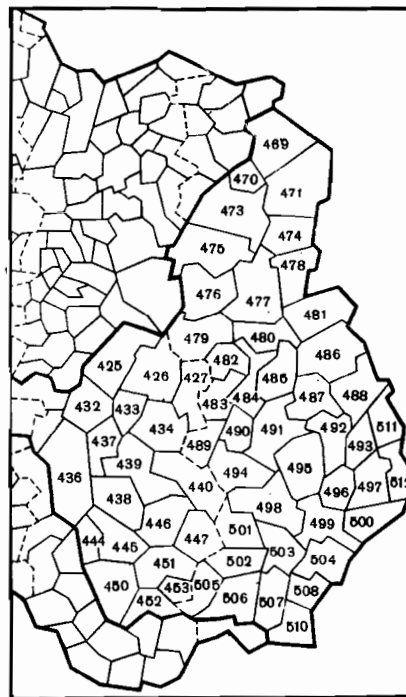
Р. Эккерт сомневается в наличии в латгальских говорах твердого *j* и смягченного *jʲ*, считая, что согласный *j*, как правило, всегда должен быть мягким (палатальным)⁸. Но ведь произношение согласного *j*, как и любого другого звука, не обязательно должно быть одинаковым во всех языках и диалектах. На материале латышского языка это хорошо показала А. Абеле. Думается, что в языках мира такое

⁵ Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964, l. 123.

⁶ Лаумане В.Э. Лексический материал Дialeктологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты. – В кн.: Контакты латышского языка. Рига, 1977, с. 50.

⁷ Abele A. Op. cit., p. 205, 211.

⁸ Eckert R. Zum ersten Beiheft der Zeitschrift "Baltistica". – Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1974, Bd. 19, S. 299.

Карта 1. Нумерация глубинных говоров Латгалии (по Дialeктологическому атласу латышского языка).

Аглона	447	Дагда	503	Науене	452
Айзкальне	446	Дрицены	482	Наутрены	480
Андрупене	498	Звиргздене	487	Нирза	493
Асуне	504	Извалта	505	Ницгале	444
Аташиене	432	Индра	510	Озолайне	490
Ауля	502	Истра	497	Пасиене	512
Балви	473	Скайста	507	Пилда	492
Балтинава	478	Стирниене	433	Преиля	439
Баркава	425	Тилжа	477	Резна	491
Берзгале	485	Цибла	488	Робежниeki	508
Берзпилс	476	Калупе	445	Ругайи	475
Бикерниеки	453	Капини	501	Рудзеты	437
Бриги	511	Карсава	481	Ружина	489
Варакляны	426	Кауната	495	Рундены	496
Варкава	438	Краслава	506	Сакстагалс	483
Виксна	470	Ливаны	436	Силаяни	440
Виляка	471	Лиепна	469	Шкилбены	474
Виляны	427	Ликсна	450	Шкяуне	500
Вишки	451	Макашены	484	Эзерниеки	499
Гайгалава	479	Малта	494		
Галены	434	Мердзене	486		

Карта 2

1 – ареал глубинных говоров Латгалии (характерная черта фонематической системы этих говоров – релевантность твердости/смягченности согласных); 2 – ареал оппозиции фонем [j] и [jʲ]

отклонение от "нормы" произношения согласного *j*, постулируемой некоторыми языковедами, - нередкое явление⁹

Под давлением фонетической системы уже до XI-XIII вв. н.э. мягкий или смягченный согласный *j* в латгальском племенном языке стал произноситься твердо перед гласными среднего и заднего рядов. Наличие твердого *j* в говорах Латгалии, обоснованное нами уже ранее¹⁰, можно проиллюстрировать еще одним интересным и бесспорным примером. Я. Эндзелин и М. Рудзите пишут (разумеется, в духе традиционной гипотезы о развитии балтийского вокализма), что гласный *a* в верхнелатышском диалекте перегласован в *o* перед велярными гласными, если между ними нет согласных *j, ĵ, ŋ, k, ģ, š, ž, č, š, r < r*.¹¹ Следовательно, они считают, что согласный *j* влияет на дистрибуцию гласных *o* и *a* как мягкий согласный, но не приводят ни одного примера, подтверждающего их мнение.

В глубинных говорах Латгалии имеется лишь одно исконное слово, относящееся к обсуждаемому правилу, а именно *vojūot* 'преследовать' (ср. лтш. литер. *vajāt*). Но оно свидетельствует о противоположном: в данном примере согласный *j* влияет на дистрибуцию гласных *o* и *a* не как мягкий или смягченный, а как твердый согласный. Подобное явление отмечено и в глубинных селонских говорах, например *vojuot* 'преследовать' в Акнисте¹². В говорах Латгалии имеются и заимствованные из прибалтийско-финских языков слова - глагол *vajaga, vajag* 'нужно, необходимо' (ср. вод. *vajaga* 'потребность, необходимость, нужда; нужно') и название озера *Ojūot'ēņč*² в Краславском р-не (ср. название реки *Ojatti* в Финляндии). В данных примерах в одном случае перед согласным *j* с последующим велярным гласным наличествует гласный *a*, в другом же - гласный *o*. Разумеется, эти слова не опровергают сказанного о твердости согласного *j*, они лишь свидетельствуют о том, что ко времени интенсивных контактов латгалов с прибалтийско-финскими племенами Восточной Латвии дистрибуция гласных *o* и *a* в латгальском племенном языке уже не была продуктивна.

В наши дни оппозиция фонем [j] и [j'] в речи большей части представителей средне- и южнолатгальских говоров уже утрачена.

⁹ Ср., например, характеристику согласного *j* в казахском, уйгурском, горномарийском, абазинском, адыгейском, чеченском, ингушском, бацбийском и эскимосском языках. См.: Языки народов СССР, т. 2. М., 1966, с. 321, 367; т. 3. М., 1966, с. 242; т. 4. М., 1967, с. 128, 129, 147, 193, 212, 229; т. 5. Л., 1968, с. 367.

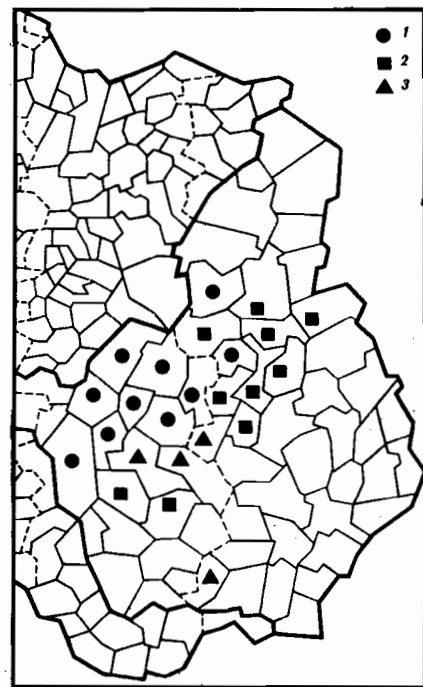
¹⁰ Брейдак А. Указ. соч., с. 40-42.

¹¹ Endzelīns J. Op. cit., p. 110; Рудзите М.К. Латышская диалектология. (Фонетика и морфология). Автореф. докт. дис. по книге "Latviešu dialektoloģija" (Rīga, 1964). Рига, 1969, карта № 5.

¹² Ancttis K. Op. cit., l. 55.

Карта 3. Ареал твердого *r*' и смягченного *r*':

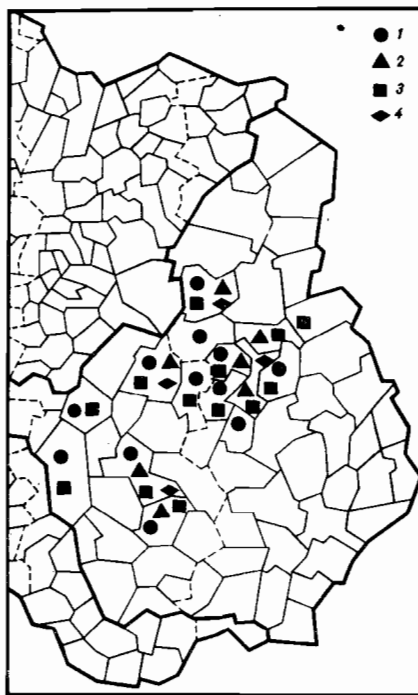
1 - оппозиция двух фонем - [r] и [r']; 2 - оппозиция двух фонем r и [r'], но наряду с отношениями: основной вариант фонемы [r] и позиционный вариант [r']; 3 - основной вариант фонемы r и позиционный вариант [r]

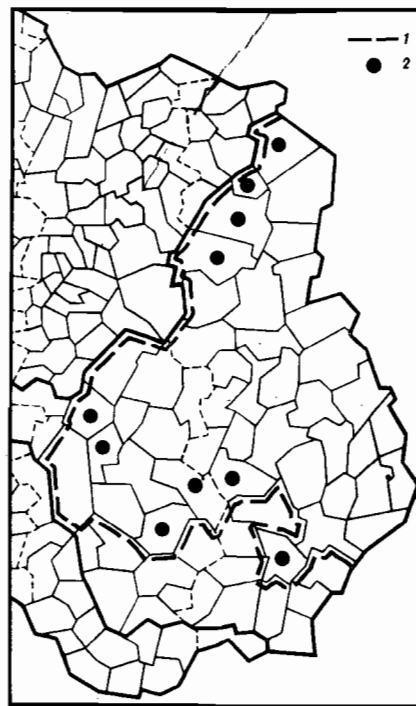
III. В большинстве глубинных говоров Латгалии смягченный *r* исчез. В тех говорах, в которых он сохранился, этот согласный имеет различный фонологический статус (см. карту 3). В Агашиене, Баркаве, Берзгале, Вараклянах, Виллянах, Галенах, Дриценах, Прейлях, Рудзетах и Стирниене смягченный *r* является самостоятельной фонемой. Следовательно фонемы [r] и [r'] имеют четкую смысло-различительную функцию, например *ār* 'пашешь; паши', *kār* 'вешаешь; вешай', но *ar* 'пашет; пашут', *kar* 'вешает; вешают'.

Также в северной части Айзкальне, в западной части Берзгале, в Варкаве, Гайгалаве, в западной части Карсавы, в Макашенах, Наутренах, Озойлане, Сакстагалсе и Тилже имеются две самостоятельные фонемы [r] и [r'] со смысло-различительной функцией, например: *ār* 'пашешь; паши', *kār* 'вешаешь; вешай' и *ar* 'пашет; пашут', *kar* 'вешает; вешают'. Но в другой разновидности этих же говоров фонема [r'] уже стала позиционным вариантом фонемы [r], ибо в нейтральной позиции наличествует лишь твердый *r* (формы *ar* и *kar* употребляются в значении 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. простого наст. времени изъявит. наклонения и 2 л. ед. ч. повелит. наклонения). Но в позиции перед гласными переднего ряда смягченный *r* в речи тех же носителей разновидности упомянутых говоров хорошо сохранился, например: *sarūā* 'шапка', *pirā*² 'лоб'.

В Извалте, Прейлях, Ружине и западной части Силаяни смягченный *r* является позиционным вариантом фонемы [r'], ибо в нейтральной позиции смягченный *r* отвердел. Формы *ar* и *kar* всеми носителями этих говоров употребляются в значении 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. простого наст. времени изъявит. наклонения и 2 л. ед. ч. повелит. наклонения. Но в позиции перед гласными переднего ряда смягченный *r* в упомянутых говорах хорошо сохранился, например *sarūā* 'шапка', *pirā*² 'лоб' в Прейлях, Ружине и западной части Силаяни, *sarūā* 'шапка', *pirā*² 'лоб' в Извалте.

Карта 4. Ареал мягченных согласных $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{š}$ ($d\check{z}$)
1 - [$\check{s}$]; 2 - [$\check{z}$]; 3 - [$\check{c}$]; 4 - [$\check{š}$]

Карта 5. Ареал распространения мягченных k' , g'
1 - ареал основных вариантов фонем [k], [g] и позиционных вариантов [k'], [g'], южнее этого ареала в южнолатгальских говорах наличествуют фонемы [k], [g] и [k'], [g']; 2 - в разновидности говора среднего и младшего поколений наличествуют фонемы [k], [g] и [k'], [g']

IV. В части глубинных говоров Латгалии перед гласными переднего ряда, мягкими и смягченными согласными сохранились смягченные согласные $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{š}$ ($d\check{z}$), например: *aš-padžirš* 'кровопийца', *l'eigač'is*² 'детские качели', *š'ei-karš*² 'хозяин, эксплуататор', *m'eñdž'et*² 'топтать' в Вараклянах¹³, *š'v'e*² 'кобыла', *j'oš'is* 'верхом' в Ливанах¹⁴ (см. карту 4). Так как твердые согласные $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{š}$, с одной стороны, и смягченные согласные $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{š}$, с другой стороны, в этих говорах не имеют смысловозначительной функции, то смягченные согласные следует трактовать как позиционные варианты [$\check{s}$], [$\check{z}$], [$\check{c}$], [$\check{š}$] основных вариантов фонем [$\check{s}$], [$\check{z}$], [$\check{c}$], [$\check{š}$].

¹³ Latkovskis L. Varakļānu izloksne. - In: Filologu Biedrības Raksti. Rīgā, 1931, s. 11, l. 120-122.

¹⁴ Latkovskis L. Līvānu izloksne. - In: Filologu Biedrības Raksti. Rīgā, 1940, s. 20, l. 139, 154.

Наблюдается тенденция отвердения смягченных согласных $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{š}$ в говорах Латгалии.

V. В южнолатгальских говорах твердые согласные k , g наличествуют перед гласными среднего и заднего рядов, смягченные же согласные k' , g' наличествуют как перед гласными переднего ряда, так и перед гласными среднего и заднего рядов, например: *rūka*² 'рука', *ūga* 'ягода' и *kaķis* 'кот' (nom.sing.), *zūoģis*² 'пила' (nom.sing.), *kaķa* 'кота' (gen.sing.), *zūoģa*² 'пилы' (gen.sing.) в Ликсне, Ницгале и др. Поэтому твердые согласные k , g и смягченные согласные k' , g' в данных говорах следует трактовать как самостоятельные фонемы.

В средне- и севернолатгальских говорах твердые согласные k , g наличествуют перед гласными среднего и заднего рядов, смягченные же согласные k' , g' - только перед гласными переднего ряда, например *rūka*² 'рука', *ūga* 'ягода' и *kūki*² 'деревья', *lūgi* 'окна' в Звиргудене, Пилде, Цибле и др. Поэтому в данных говорах твердые согласные k , g следует трактовать как самостоятельные фонемы, смягченные же согласные k' , g' - как позиционные варианты основных вариантов [k], [g]. Однако в речи среднего и младшего поколений носителей айзкалнского, аташиенского, балвского, викненского, дагденского, лиепненского, малтенского, ругайского, рудзетского и силаяньского говоров смягченные согласные k' , g' , как и в южнолатгальских говорах, наличествуют как перед гласными переднего ряда, так и перед гласными среднего и заднего рядов. Следовательно, в этой разновидности указанных говоров смягченные согласные k' , g' , как и твердые согласные k , g , являются самостоятельными фонемами (см. карту 5).

В диахроническом аспекте эту особенность фонематической подсистемы согласных глубинных говоров Латгалии можно объяснить следующим образом. После аффрикатизации смягченных согласных k' , g' ¹⁵ в латгальском племенном языке какое-то время наличествовали лишь фонемы [k], [g] без коррелятов [k'], [g'] и позиционных вариантов [k'], [g'].

После редукции конечных слогов, конкретно - после изменения дифтонга *ai* (или **oi*?) в *i* в латгальском племенном языке опять возникли смягченные согласные k' , g' перед гласным *i*¹⁶ в дат. п. ед. ч. имен существительных с основой на *-ā* (например, **rūki* 'руке': лит. *raikiai*), во 2 л. ед. ч. простого наст. времени глаголов с основой на *-ā* (например, *soki* 'говоришь': лит. *sakai*), во 2 л. ед. ч. простого прош. времени глаголов с основой на *-ā* (например, *lyki* 'клат': лит. *likai*), в наречиях (например *il'gi*² 'долго': лит. *ilgai*)¹⁷ и, возможно, также в им.

¹⁵ Брейдак А.Б. О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. - Baltistica. Priedas II. Vilnius, 1977, p. 32, 34.

¹⁶ Позиционная палатализация согласных перед гласными переднего ряда в латгальском племенном языке возникла до начала редукции конечных слогов, конкретно - до начала исчезновения кратких гласных конечных слогов (об этом см. I раздел данной статьи).

¹⁷ Endzelīns J. Op. cit., l. 83, 184, 707.

п. мн. ч. имен существительных с основой на -o¹⁸. После указанных фонетических изменений в фонематической подсистеме согласных произошло следующее изменение: наряду с основными вариантами фонем [k], [g] появились позиционные варианты [k'], [g']. Эта стадия сохранилась до наших дней в средне- и севернolatгальских говорах.

С перегласовкой $\check{c}, \check{z} > k', g'$ в фонематической подсистеме согласных южнолатгальских говоров происходит сдвиг: позиционные варианты [k'], [g'] становятся самостоятельными фонемами [k'], [g']. В наши дни этот процесс (на фонетическом уровне $\check{c}, \check{z} > k', g'$, на фонологическом уровне [k'], [g'] → [k], [g]) уже распространился и на часть средне- и севернolatгальских говоров (см. карту 5).

Подведем некоторые итоги. В глубинных говорах Латгалии наблюдаются следующие процессы в развитии фонематической подсистемы согласных: во-первых, тенденция к нейтрализации оппозиции фонем [j] и [j'], [r] и [r']; во-вторых, тенденция к отвердению позиционных вариантов [š], [ž], [č], [č']; в-третьих, тенденция к расширению ареала оппозиции фонем [k], [g] и [k'], [g'].

М.И. ЛЕКОМЦЕВА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ГОЛЯДИ И ДНЕПРОВСКО-ДВИНСКИХ БАЛТОВ (II)

В первой части этой работы¹ была представлена реконструкция фонологической системы языка голяди. Реконструируемая система выглядела следующим образом:

а) вокализм	$\check{i}$	$\check{y}$	$\bar{i}$	$\bar{y}$	
	$\check{e}$		$\bar{e}$	$\bar{o}$	
	$\check{a}$		$\bar{a}$		
ДИФТОНГИ:	ai	ai	an	am	
	eu	ei	en	em	
б) консонантизм:	p	t	t"	c	k
	b	d	d"		g
	m	n	n"		
	v	s	š		
		z	ž		
		l	l"		
		r	r"		

¹⁸ Stang Ch.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966, S. 184; Rudzīte M. O-celmu daudzskaitļa nominatīvs dažās Latgales izloksnēs. - In: Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam. 1873-1973. Rīgā, 1972, l. 222.

¹ Лekomцева М.И. К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепро-двинских балтов. - В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

Задачей настоящей - второй-части этой работы является уточнение и проверка полученной реконструкции системы вокализма.

С точки зрения общей типологии фонологических систем и универсалий, определяющих соответствия внутри различных подсистем фонем, в приведенной реконструкции наблюдаются два нарушения универсальных импликаций: 1) количество (число) долгих гласных в универсальной типологии не должно превышать количества (числа) кратких гласных² - здесь же долгому [ō] нет соответствия в системе кратких гласных, и система долгих гласных оказывается превышающей систему кратких гласных по числу составляющих. Однако импликация "если существует противопоставление долгих и кратких гласных, то число долгих гласных не превышает числа кратких" уже имеет такое количество надежно засвидетельствованных исключений (например, в санскрите и других индо-арийских языках), в том числе и среди балтийских языков, что имеет смысл скорее пересмотреть эту импликацию, чем вносить на ее основании коррективы в реконструируемую систему.

Вторая импликация касается вокализма кратких гласных: если система гласных представлена четырьмя фонемами, то она "стремится" к четырехугольной схеме вида³:

i	u
e	a

Действительно, даже в прусском и литовском языках чувствуется сильное давление этой закономерности в преобразованиях фонологической системы гласных⁴. Есть основание думать, что в языке соседящих с голядью днепро-двинских балтов была представлена именно такая четырехугольная система кратких гласных⁵.

Однако на территории исторической голяди за исключением крайне небольшой области иканья русские говоры не дают намека на взаимодействие с языком, в котором отсутствовало бы [ĕ] краткое.

Наиболее веским доводом в пользу типологически ма-

² Crothers J. Typology and universals of vowel systems. - In: Universals of language, v. II. Stanford, 1979, p. 93-152.

³ Op. cit., p. 129.

⁴ Kazlauskas И.К. К развитию общепалтийской системы гласных. - ВЯ, 1964, № 4; Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius, 1970, p. 15-19; Buch T. Przyczynek do rozwoju wokalizmu języka litewskiego. - In: Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, s. 34-38.

⁵ Лekomцева М.И. К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепро-двинских балтов. - В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом, 11-15 декабря 1978 г. Предварительные материалы. М., 1978, с. 98.

ловоятной реконструкции кратких гласных вида

i   u
e
a

является тождественность этой подсистемы системе кратких гласных в латышском языке.

Эти одинаковые исключения оказываются тем более знаменательными, что поддерживаются типологической близостью гидронимов Подмосковья и Латвии. В 1969 г. В.Н. Топоров писал: «Словарь гидронимов Подмосковья, предполагающих балтийское происхождение, свидетельствует во многих случаях о наличии слоя, который типологически ближе к латышскому, нежели к литовскому или прусскому. При этом определяющим в понятии "латышский" нужно считать, во-первых, продвинутость фонетической эволюции (между прусским и литовским, с одной стороны, и славянским - с другой), и, во-вторых, наличие финского влияния»⁶.

Эта типологическая близость реконструируемой системы фонем голяди к соответствующей латышской системе видна не только в подсистеме кратких гласных, но и во всей фонологической системе в целом, особенно ярко - в области консонантизма, характеризующегося палатальным рядом.

Однако для проверки и уточнения реконструируемой системы фонем языка голяди решающим фактором являются соответствия между системами фонем балтийских и славянских языков, с одной стороны, и системой языка голяди, с другой.

Заключения, к которым пришел В.Н. Топоров на основе изучения фонетических черт балтийских гидронимов Подмосковья: "Первое - двоякость (по крайней мере) отражения определенных диагностических черт в фонетике. Второе - как следствие первого - длительное наличие контакта между носителями балтийского и славянского элемента, обеспечившее установление системы пересчета с более архаической стадии на более продвинутую"⁷ - полностью сохраняет свою силу и при включении в рассмотрение апеллятивов, топонимов и антропонимов, несущих следы контакта с голядью. Прежде чем перейти к материалу, надо заметить, что приводимые иллюстрации имеют предельно характер. Возможности этимологического исследования, с одной стороны, определяются самой реконструкцией фонологической системы языка голяди и соответственно способами пересчета балтийских форм на славянские, с другой же стороны, этимологический анализ - главным образом собственных имен, как здесь - зависит от корпуса инвентаризованных имен и их вариантов в соответствующем хронотопе на фоне общей языковой ситуации рассматриваемого говора. При этом должна быть учтена специфика этимологизации прозвищ и фамилий, в которых могут сохраняться

⁶ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья. - Балто-славянский сборник. М., 1971, с. 270 (примеч. 45).

⁷ Там же, с. 265.

ся вышедшие из употребления апеллятивы, - то, что они образуют особую подсистему в словообразовании и семантической мотивированности⁸. Более надежные выводы могут быть сделаны после того, как реконструкция языка голяди получит необходимую проверку, а список форм, носящих следы влияния этого языка, будет выявлен в максимальной степени.

Для деревень, в которых отмечены приводимые ниже прозвища и фамилии, характерно расположение по берегам рек, названия которых имеют надежную балтийскую этимологию: Москва, Иночь, Дорка, Химка. Из топонимов обращают на себя внимание такие, как Глядково, Дор, Межутино, возможно, Старая Тяга, Ивантеевка. Среди фамилий интересны пары, связанные семантическим калькированием: Стиприн и Силин, Шилтов и Горячев, Баландин и Голубев⁹. Противоположным случаем является омонимия прозвища или собственного имени с этимологической точки зрения, например, литовское имя Саулус можно рассматривать и как вариант имени Саул, и как исконное балтийское имя, связанное с корнем saul- 'солнце'. Ситуация равных возможностей этимологизации антропонимов в славянскую и в балтийскую сторону, частая на территории исторической голяди, характеризует одно из следствий длительного контакта славян и балтов на этих землях.

Соответствия гласных под ударением указывают как на долгие [ā], [ī], [ū], так и на следы [ie], [uo], если считать склонность к дифтонгизации ударных [e], [o], особенно в позиции коммуникативного центра высказывания, на следием прежней артикуляционной базы.

[a]-[a]: Сабанин (д. Б.Васильевское) - если оставить в стороне возможный тюркский источник и обратиться к балтийским данным, то можно выделить корень ban - ср. лит. banūti, -inti, banūtyti, -inti, banūkoti 'сердить, ругать' и т.п. (F 34) и префикс sa-: лит. sam-, sap-, лтш. suo-, верхне-лтш. su- и sa- прус. sap со значением взаимности (F 753);

Шмаков (д. Б.Васильевское) - если в славянскую сторону намечается связь с корнем шмяк-, то в балтийскую сторону эту основу можно интерпретировать как состоящую из префикса su- (см. ниже) и корня mak-: ср. лит. makėnti, mak(n)oti 'увязать в болоте', лтш. makņa 'болото, топкое место' (F 399);

Макарица 'топкое место в лесу' (д. Межутино, Старая Тяга, Глядково) - возможно, сопоставимо с комплексом, представленным лит. makar-, рус. Макар, мокр- и др.¹⁰;

Голощанов (д. Иваньково) - семантика фамилий со сла-

⁸ Трубочев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. - Этимология 1966. М., 1968, с. 3-53.

⁹ Ср. семантические кальки среди гидронимов: Топоров В.Н., Трубочев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 202 и др.

¹⁰ Топоров В.Н. Др.-греч. mákar, makárhoс и под. (Marginalia к статьям о маке и вызывании дождя). - Balcano-Balto-Slavica. М., 1979, с. 39-46.

вянской точки зрения определяется диалектным *щан* - 'молодец'. С балтийской точки зрения, если сравнить корень *щан* с лит. *šāras* 'солома', 'ость', *šārai* 'стерня', а все в целом с лит. *šaragalys* 'соломинка, соринка', эта фамилия построена семантически как 'Соломин' или 'Сорин'.

[e]-[e]: р. Гжелка - лит. *Gudėlupis*, *Gudėlių ėžeras* лтш. *Gudėl, Gudėli, Gudėli*¹¹ и с. Гжель. При этом характерно соотношение названий реки и села на реке как деминутивного и недеминутивного образований - ср. р. Дорка - д. Дор, р. Тяжинка - д. Старая Тяга¹²;

Мер (прозвище, д. Межутино) - если его можно сопоставить с производными от лит. *mir̃ti* 'умирать', например *mir̃sis* 'болезненный' и др. (F 457), лтш. *mērdeils* 'заморыш', *mēris* 'чума'. В равной степени это прозвище может быть и славянским производным от аналогичного корня.

[o]-[o]: Буторов (д. Б.Васильевское) - если его основа соответствует лит. *bañdorius*, *beñdorius*, заимствованного из славянских, ср. рус. *бондарь*, польск. *bednarz* и др. (F 34);

Мосин (с. Ивантеевка) - если его сопоставлять с лит. *mōša* 'свояченица', лтш. *māva* 'сестра', прус. *moazo* 'тетя' (формы возводятся к основе косвенных падежей и.-е. *mātēr (F 464)).

В.Н. Топоров обратил внимание на фамилии типа *Мосягин*, производные, вероятно, от *Мотя* (устное сообщение).

При этом [ō] под ударением часто произносится дифтонгически. Может быть, отмеченная Н.С. Трубецким¹³ манера прежних москвичек произносить ударное [o] как [uo] связана с соответствующей чертой говоров к западу от Москвы.

[i]-[i] предполагается на основании дифтонгов [i] с сонантами (см. ниже) как передачи *i* через *i* в безударном положении и такими фамилиями, как *Липин*, в густом балтийском окружении (если учесть к тому же распространенность в балтийском ареале антропонимов, связанных с лит. *liēpa*, лтш. *liēpa*, прус. *lipe* (F 361));

Шустино (д.) - ср. лит. *šūst!* 'прыг!', лтш. *šust!* 'ату!' (к собаке) (F - 1036); *sūstit* 'разогревать; спать';

Прусов (д. Б.Васильевское), многочисленные связи прус-, гол-(ядь) подробно прослежены на территории голяди¹⁴;

Тушино - ср. др.-прус. *Tuseine*, *Tusseiyūn*, *Tussine*, *tusnan* 'тихий', м.б., лтш. *ko tu tusti?* 'что ты силишься

¹¹ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 242.

¹² Аналогичный пример на территории Литвы любезно сообщила А. Ионайтите: на реке *Šakūna* было построено село *Naūjas Miestas*, которое стало называться со временем *Šakūna*, а река - *Šakunka*.

¹³ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 113.

¹⁴ Топоров В.Н. Γαλίνδαι - Galindite - Голядь (балт. *Galind-) в этно-лингвистической и ареальной перспективе. - В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980, с. 130-132.

сказать?' (обычно ребенку, когда он артикулирует, но без голоса).

[au]-[au], [af]: Лаушкин ~ Лауштин, м.б., связано с лит. *laužti* 'ломать', лтш. *laužt* 'ломать'; лит. *laužas* 'соня, дурная голова' (F 347);

Гавшино (д.) - лит. *Gaušinių km.*, лтш. *Gaišene pļ.*, *Gaišēni*, *Gaišīņakalns*, прус. *Gawsyen*, *Gausen* и др.¹⁵;

Павшино (с.) - если сравнивать с прус. *peuse* 'сосна', ср. прусские топонимы *Pavsenken*, *Pavsnuken*, *Povsenck*, *Povsegnite*, *Posegnik*, *Pausnig* (Ger. 117) - лит. *pušis* 'сосна'. На другую возможность указал В.Н. Топоров: болото возле нынешнего Савеловского вокзала до XVI в. называлось *Памшино*, потом - *Павшино*. Если и название села восходит к форме с назальным, то славянские и балтийские производные оказываются одинаковыми и связываются с корнем 'мох'.

В балтийских языках *eu* > 'au. Прусские написания типа *skewre* 'свинья', *bleusky* 'камыш, осока', *peuse* 'сосна' интерпретируются В. Шмалштигом если не как графические, то как фонетические представления фонологической последовательности *au* после мягких согласных¹⁶. Выпадение *v* в интервокальном положении и появление дифтонга *eu* в славянских формах типа [d'euška] поддерживает представление о том, что дифтонг *eu* в языке голяди мог сохраниться.

[ai], [ei]: Чукулайчик (прозвище, д. Межутино), если считать его из **kik-ul-ait-*, ср. лит. *kūkti* 'бедно жить, бедствовать', *kykute-lūs* 'маленький, скрюченный', лтш. *kaikt* 'чахнуть, изводиться' (F 252), лтш. *šīkstulis* (разг.) 'хныкала, горемыка, нытик';

Дейково - лит. *Deikiškių km.*, лтш. *Deiki*¹⁷.

Топонимы дают возможность добавить в список дифтонгов *ui*, ср. Буйловское (с.) - лтш. *Vuilis*, *Vuīļi*¹⁸, Жуйково (болото), может быть, лит. *Zuikų km.*, *Zuikiškės km.*

Типологическая близость, но генетическая нетождественность языка голяди латышскому особенно видна на примере носовых дифтонгов. Правда, наблюдается sporadическое изменение *an* > *u*, *in* > 'a, указывающее на старые славянские преобразования: ср. Буторов и *bañdorius*, д. Старая Тяга и р. Тяжинка - и прус. *Tengen*, может быть, куршск. *Tingere*²⁰, лит. *tingti*, *tingėti* 'портиться, лениться'; в лтш. *tingens* 'гнилой, тухлый, ленивый' заимствовано из лит. (F 1097);

Гряды, п.п. Озерны, л.п. Рузы - прус. *Grindos*, лит. *Grīndupis*, *Grīndupys*, лтш. *Grīdplava*, *Grīd-upīte*²¹.

Однако наряду с названием речки Гряда встречается фамилия *Кридин* (с. Ромашково), которую можно сопоставить

¹⁵ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 272.

¹⁶ Schmalstieg W. An old Prussian Grammar. Pennsylvania, 1974, p. 20.

¹⁷ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 273.

¹⁸ Там же, с. 272.

¹⁹ Там же, с. 273.

²⁰ Там же, с. 236.

²¹ Там же, с. 230, 238.

с лит. *grīndis* 'пол', *grindāis* 'мостовина', *grindējas* 'мостильщик', лтш. *grīda* 'пол' как по семантической линии, связанной с 'мостить'²², так и, учитывая то, что многочисленные представители этой фамилии живут в нижнем Ромашкове, под горой, по линии 'низ, нижний'.

Наиболее распространенная в прежнее время фамилия в Верхнем Ромашкове - *Баландин* - дает возможность сравнивать ее и с лит. *balānda* - лтш. *baluoda* 'лебедя' (F 31), и с лит. *balañdis*, лтш. *baluōdis* 'голубь'. Однако то, что среди родственников Баландиных есть Голубевы, склоняет к последнему соответствию.

Гранков (д. Б.Васильевское) - с одной стороны, рус. *грань*, *гранок* намекают семантическую мотивацию фамилии со славянской точки зрения, с другой стороны, не исключена связь с гидронимом *Грана*²³ на Правобережной Украине (ср. ниже *Коврижелтов*). С балтийской точки зрения представленную основу можно попытаться сравнить с лит. *garānkštis* 'коренной зуб', лтш. *dzeriūklis* 'коренной зуб'. Тогда вариант *Гаранков* можно было бы считать исходным нередуцированным - при славянской этимологии этот вариант можно объяснить влиянием угро-финской модели начала слова.

Ивантево ~ *Иваньково* (д.), *Ивантеевка* (с.) - если названия не связаны с именем собственным *Иван* (ср. *лень* - *лентяй*, по замечанию В.Н. Топорова), то балтийские аналоги этим топонимам можно видеть в прус. *Iwanthi* 'ручей', сопоставляемым с лит. *Ivančiaus ēžeras*, возможно, лтш. *Īvaši* от *Īvanti*²⁴;

Драндин (фамилия в Иванькове-Ивантее) - ср. лит. *drān-ga* 'жердь, шест; грязный'.

Итак, можно сделать вывод, что тавтосиллабические носовые в языке голяди сохранились, и по этому признаку голядь объединялась с прусским, литовским и куршским языками в противоположность латышскому, где произошла инновация.

Для определения времени взаимодействия языка голяди с русскими говорами интересны тавтосиллабические сочетания с плавными сонантами, которые, очевидно, сохранились у голяди. Ср. такие фамилии, как:

Сутормин (Б.Васильевское) - ср. лит. *sutaŗti* 'дружно жить' и др.;

Каршак (прозвище, д. Межутино) - лит. *kārŗtas* 'горячий, беспокойный, вспыльчивый', лтш. *kaŗst* 'горячиться, стремиться';

Киришин (фамилия, д. Б.Васильевское) - ср. лит. *kirŗti* 'бить, подстрекать', *kirŗti* 'гневаться, сердиться';

Турлов (фамилия, д. Б.Васильевское) - ср. лит. *tuŗly-ti* 'плескаться' (об утках).

²² Ср. "кастовое" занятие "мостильщиков" в Пелясе: Судник Т.М. К истории языковой ситуации Пелясы. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

²³ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины, М., 1968, с. 142-144.

²⁴ Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья, с. 189.

В безударном положении естественно ожидать неразличения [o] и [a], а также, как было сказано в I части этой работы, следов варьирования *a~u*, *a~i*, *a~u~i*. Действительно, имеем:

Бакунов (д. Б.Васильевское) - корень *bak-*, который можно сравнить с лит. *bākinti* '1. тузить, 2. расталкивать, тормозить' (разг.), *bākŗtinti* 'то же самое; подгонять', лтш. *bakŗtīt* 'тыкать, ковырять';

Плестина 'огороженный, отмеченный участок земли, подлежащий обработке' (д. Межутино, Глядково, дор. Старая Тяга) - может быть, связано с лит. *pleiŗtũkas* 'клин', *pleiŗtũkas* 'участок для корчевания' (F 612);

Коврижелтов (д. Б.Васильевское) - по мнению В.Н. Топорова (устное сообщение), при анализе этого антропонима нельзя упускать из вида такие гидронимы, как *Коврай/Каврай*²⁵, в котором можно видеть образование *kovŗaj от основы глагола слав. *vvrq, *verti* 'течь, протекать'. С балтийской точки зрения ср. лит. *kaŗras* 'волос' и *geŗtas* 'желтый', *geŗswas* 'блондин', ср. лтш. *dŗeltaine* 'золотоволосая, красивая девушка' (F 231, 145).

Возможно, прозвище *Годун* ~ *Гудун* и фамилия *Годунов* (д. Межутино, Захарово) связано с лит. *gaŗsti* 'шуметь, жужжать', *gaudonē* 'овод', *gaŗduonē* 'жужжащее насекомое, пчела'; лтш. *gaŗst*, *gaŗdāt* 'горевать', *gaŗdēt* 'то же; огорчаться, печалиться', *gaŗdas* 'жалоба, боль' (F 140).

Краткое *и* в безударной позиции иногда выпадает: *Шкунов* - (Б. Васильевское) если сравнивать с лит. *ŗukiŗoti* 'чесать, расчесывать, чистить щеткой', лтш. *ŗũka* 'щетка; ножницы для стрижки лошади, гребень': [u] > [ъ] > [ø]. Другой путь семантической мотивации может быть связан с родственным корнем: лит. *ŗũkē* 'щербина', *ŗukiŗs* 'щербатый', лтш. *ŗaŗe* 'щербина' (F 1032). Аналогично исчезает *и* в *Шмаков* (*su-mak-*) (однако *Шумаков*).

Сутормин и *Сабинин* (см. выше) дают возможность говорить о следах варьирования кратких *и* ~ *a*.

Кукситесь 'быть в плаксивом настроении' (д. Глядково, Заслоново, Межутино, Старая Тяга) - если сравнивать с лит. *kikŗŗti* 'беспокоиться в ожидании', лтш. *ŗikŗŗtēt* 'быть всегда недовольным'; лтш. *kikŗŗtēt* 'ликовать' (F 252) представляет следы варьирования [u]~[i], застывшие в лексикализованной форме с [u].

Наоборот, [i] вместо [u], вероятно, наблюдается в форме [kĩska], семантически точно соответствующей лит. *kũŗŗs*, лтш. *kũsa*, *kũse* 'Schamhaare', хотя здесь можно ожидать и более старое соответствие балт. [ũ] слав. [y], которое потом естественно дало [ky] > [k'i].

Итак, относительно вокализма языка голяди можно сделать следующее заключение:

1. Система кратких и долгих гласных была несимметрична; если долгие гласные представляли типологически "нор-

²⁵ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины, с. 190-192.

ī	ū
e	o
ā,	

то краткие гласные являли собой редкий образец редуцированной по сравнению с системой долгих гласных четырехчленной схемы следующего вида:

ī	ū
e	
ā	

2. Система кратких гласных языка голяди типологически тождественна соответствующей системе латышского языка.

3. Система дифтонгов языка голяди может быть представлена таким образом:

ai	au	an	ar
ei	eu	en	er
ui	in	ir	
		ur	

Дифтонги с [ɫ] образуют ущербный ряд, но это связано, видимо, с малым количеством имеющегося корнеслова.

Все эти дифтонги закрытые. На основании дифтонгоидальной артикуляции [e] и [o] можно предположить фонетические варианты [ie] и [uo] для [e] и [o] в позиции коммуникативного центра фразы.

4. Система дифтонгов языка голяди отличается архаическим характером:

а) она не была охвачена инновацией, возникшей в латышском языке и вызвавшей изменение *an > uo*, *en > ie*, *in > ī*, *un > ū*; тавтосиллабические носовые в языке голяди сохранялись;

б) дифтонг *eu*, вероятно, отсутствовавший даже в прусском, в языке голяди, по-видимому, сохранялся. Возможно, это было связано с отсутствием противопоставления по твердости-мягкости в языке голяди и особым положением в нем палатального ряда.

Принятые сокращения

- F - *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen, 1955 - 1965.
 Ger. - *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922.

ИЗ БАЛТИЙСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Лтш. *makšķere* 'удочка'

Я. Эндзелин связывает лтш. *makšķere*, (диал. *makšere*, *makšara*, *makšeris*, *makšars*, *makšaris*, *makšķeris*, *makšķis*, *makšķete*) 'удочка' с литовским словом того же значения *meškerė* (диал. *meškerià*, *meškeris*, *meškerỹs*) без указания на происхождение этих слов (*Mülenbachs-Endzeilins II*, 555). Наоборот, Э. Френкель разделяет эти слова по их происхождению: 1) лит. *meškerė* он связывает неуверенно ("vielleicht") с лит. *matāras*, *mātaras* 'средство для битья, удара (палка, кнут, розга)', лтш. *matara* 'прут, розга, хлыст, шест' и русск. *мотать* - словами того же происхождения, что и лит. *mėsti*, лтш. *mest* 'бросать, метать'; исходная форма при этом *met-škerė (без пояснения второй части слова); 2) лтш. *makšķere* он связывает с лтш. *megzt*, лит. *mėgžti* 'завязывать узел, вязать', и исходной формой, по его мнению, является *mag-stjere (*Fraenkel*, *LEW I*, 443-444).

Оба слова с общим значением в латышском и литовском языках так близки по форме, что трудно принять их разное происхождение. Если исходить из обычного вида современной удочки - длинное удилице с крючком на конце лесы, семантически достоверной кажется связь с лит. *matāras*, лтш. *matara*. Однако против этого есть два возражения: 1) упомянутые Френкелем балтийские слова по указанным значениям произведены от глагола лит. *mėsti*, лтш. *mest* со значением не 'бросать, метать', а 'бить, ударить'; но удочка не имеет ничего общего с битьем и ударами; 2) в далеком прошлом, когда возникли эти балтийские обозначения удочки (как известно, рыболовство является одним из древнейших хозяйственных занятий человека; о древности рассматриваемых слов свидетельствует, между прочим, то обстоятельство, что в сознании говорящих совершенно утратилось представление о связи этих слов с другими словами), эта первобытная удочка имела только две существенные части: крючок и лесу (т.е. их первобытные соответствия), а удилице и другие детали (грузило и поплавок) появились сравнительно поздно и принадлежат недавним культурным слоям; таким образом, палка или шест не могли послужить основой внутренней формы названия удочки. Трудно поверить также, что внутренняя форма названия удочки определяется такими действиями, как 'завязывать узел, вязать'.

По нашему мнению, в основе лтш. *makšķere*, лит. *meškerė* лежит и.-е. **mezg-* 'погружать, окунуть; погружаться, окунуться' (*Рокорну I*, 745), вернее - параллельная форма этой основы с глухим гуттуральным в расширении корня: **mesk-*. От этой основы с суффиксом *-er-* возникло лит. **mešker-* через метатезу *mekšer-* (ср. *mekšerỹs*, *mekšrỹs*, *mekšra* 'плотва', *mėkšras* 'плотва; ерш'). Под влиянием последней формы шипящий согласный попал и в слово *meškerė* (или вторичная метатеза?).

Слова с первоначальным *mesk- встречаются и в латышском языке: диал. *meškis* (< *mesk-) 'веселка, мешалка' (иногда применяемая также в качестве весла - т.е. предмет, который погружается в жидкость) и производный от этого слова глагол *meškēt* (< *mesk-ē-ti) ('рыться или работать с *meškis*) и 'подхватить, тянуть' (*kuo tu vienādi meškē pa grāvi?* 'что ты всегда роешься в канаве?' - Endzelīns-Hauzenberga I, 1, 803).

Но название удочки образовано с альтернативой корневого гласного: *maskere > *maškere, через метатезу *makškere* (и др.); путем контаминации обеих форм возникло слово *makškere* (и др.). На исход слова -kere мог повлиять и глагол *kert* 'ловить' (ср. *zivis kert* 'ловить рыбу'). Итак, *makškere* первоначально 'то, что погружается, окунается (в воду); то, что погружают, окунают (в воду)'. В этом случае субъектом (или объектом) высказывания является рыболовный крючок - как раз то рыболовное приспособление, которое явилось основой для обозначения удочки во многих других языках (ср. нем. *Angel*, англ. *angle*). (Слова *makškere*, *meškerē* по форме можно сравнить с соответствующим производным от омонимичной базы *mezg- 'вязать, связать': лтш. диал. *mešgere* 'запутывающий пряжу; запутанная пряжа'; Mülenbachs-Endzelīns II, 610).

Если принять такое решение, то лтш. *makškere*, лит. *meškerē* этимологически связаны с производными от и.-е. *mezg-: др.-инд. *mājati* 'sinks, perishes' (s-презент *maṣati*), лат. *mergere* (< *mezgere) 'погружать, окунать, опускать; тонуть; прятать, укрывать'.

И.-е. *mesk-/mezg-*, по нашему мнению, произведено от *met- 'бросать, метать': *met-sk- > *mesk-/met-zg- > *mezg-. (В диалектах *met-zg- могло дать также *medzg-; Й. Шмидт и Ф. Солмсен как раз считают основой лат. *mergere* форму *medzg-; о соответствующей литературе см.: Walde-Hofmann II, 77).

В семантическом отношении достаточно ясно соответствие 'погружать, окунать' и 'бросать в воду', также 'погружаться, окунаться' и 'бросаться в воду'.

Лтш. *mats* 'волос'

Лтш. *mats* 'волос' до сих пор не имеет достоверной этимологии. Я. Эндзелин считает возможной (но с "?") связь этого слова с глаголом *mest* 'бросать, метать' - "als irgendvie geordnetes Haar", т.е. он трактует в этом случае волосы как нечто беспорядочно сложенное, набросанное (Mülenbachs-Endzelīns II, 567) и в семантическом отношении сравнивает слово с рус. *мотать* 'навивать, накручивать', которое связано со ст.-слав. *мести* (Фасмер II, 663). В других балтийских языках нет слов, которые полностью (по форме и значению) были бы явными соответствиями лтш. *mats*.

По нашему мнению, сопоставление *mats* с глаголом *mest* верно, но эта связь достаточно далекая, и ее следует иначе обосновывать. Рус. *мотать* (и *мот* 'пряжа, смотанная на пятинку, воробы или мотовило; нитки или шелк в кру-

гах, шлейкою', Даль II, 351) можно, конечно, сопоставить с лтш. *mats* с переносом значения '(смотанная) пряжа' на волосы. Но дело в том, что, во-первых, *мот* обозначает не одну нить, а смотанную совокупность ниток, и, во-вторых, в латышском языке для обозначения мотания пряжи или смотанной пряжи не используются производные от *met-; некоторые производные от этого корня являются чисто ткацкими терминами (напр., *meti* pl. 'основа ткани'). Если и допускать возможное влияние упомянутой прядильной и текстильной лексики на становление семантики слова *mats*, то следует все-таки искать другую, более надежную этимологическую основу этого слова.

Лтш. *mats* формально соответствует лит. *mātas* 'мера, мерка, единица измерения', и, по нашему мнению, это и было исходным значением при становлении теперешней семантики слова *mats*. Эти слова можно соотнести с рус. *метком* 'ставить на чем-, ком-либо отличительный знак, метку' ('ставить знак при измерении'), др.-инд. *māti*, *mīmāti* 'measures', *mati-* f. 'measure, accurate knowledge, evidence', *miti-* f. 'measuring, measure; weight; accurate knowledge, evidence', алб. *mat* 'меряю, измеряю', *matē* 'мера', основой которых является и.-е. *mē-, *m-e-t- 'отмечать, мерить, измерить', *mē-ti- 'мера; благоразумие' (Graenkel, LEW I, 414; Pokorny I, 703).

Следует указать на архаичное значение лтш. *mats* 'вознаграждение за помол (в виде зерна); осьмина' (*Kas deva matu, tam par malšanu nav nauda jāmaksā* 'той, кто дал *mats*, не должен платить деньги за помол'; Endzelīns-Hauzenberga I, 785). Это значение Я. Эндзелин отрывает от остальных и дает как омоним с совсем другим происхождением: он связывает его с лит. *mātas*, которое мы считаем соответствием обоих омонимов. Я. Эндзелин указывает при этом на возможное семантическое влияние ср.-н.-нем. *mat(te)* 'осьмина' (Mülenbachs-Endzelīns II, 567).

Кроме того, существует еще одно слово, тесно связанное с предыдущими: диал. *mata* = *meta* (ср. лит. *mētas*) 'возраст' (*viņš jau tai matā, ka var art* 'он уже такого возраста, что может пахать'), причем в Берзауне это слово применяется для обозначения не только возраста, но также роста (Mülenbachs-Endzelīns II, 565). Это значит, что слово отражает старое значение 'мера'.

К альтернативе корневого гласного в словах *mest* 'отмечать, мерить, измерить': *mats* 'мера', ср. лтш. *mest* 'бросать, метать': (*pa*)*mats* 'фундамент, основа, основание'.

Перенос значения 'мера, мерка' → 'часть тела (как единица измерения)' древнее явление; ср. др.-инд. *māti-*, которое кроме 'measure' значит также 'a particular part of the body' (Monier-Williams, 804). Волос человека и шерсть животного как самая мелкая единица длины в древности были известны многим народам, в том числе и латышам (Drillīš, 8; *Latviešu konversācijas vārdnīca*, т. 14, 1936, стлб. 26690). Следует указать на то, что некоторые слова со значением 'мера, измеренное' имели тенденцию к сужению семантики; потеряв свое первоначальное зна-

чение, они приобрели значение 'нечто малое' ('нечто измеренное, замеренное' → 'нечто ограниченное' → 'нечто очень мелкое, малое' → 'нечто очень точное'); ср. др.-инд. *mita* partic. 'measured, meted out, measured of limited by, equal to little, short, brief' (Monier-Williams, 815). В связи с этим понятие 'мелкая мера, крошечная единица измерения' легко можно было отнести к волосу, применяя для обозначения последнего также - как синоним - название мелкой единицы измерения.

Таким образом понятно появление слова *mats* в некоторых связанных словосочетаниях: из *mata* 'точь-в-точь' (*saskan* из *mata* 'точно совпадает'), *mats matā* 'абсолютно точно' (*izdarīt mats matā* 'выполнить абсолютно точно'), 'совершенно одинаковый по размеру' (*pēc auguma bērsi līdžinājās mats matā* 'по возрасту березы были совершенно одинаковы'), 'совершенно, совсем' (*mats matā kā tēvs* 'совершенно как отец'; *mats matā atsitusībs mātē* 'он весь в мать'); *ne par matu* 'ни на йоту' (*ne par matu garāks* 'ни на йоту длиннее'; *viņš nepiekāpās ne par matu* 'он не уступил ни на йоту'). Наречие *matā* (диал.) 'точно, аккуратно, как раз, точь-в-точь' (*tas te bērsiņš matā tikpat garš kā tas* 'эта березка точно такой же длины, как та', Endzelīns-Hauzenberga I, 785) является самым близким к партиципальному значению 'измеренное' → 'точное'; ср. др.-инд. *mita* 'equal to'.

Кажется, что уже в древнеиндийском совершился перенос значения 'крошечная единица измерения' → 'волос'. Вторую часть сложного слова *matkuṇaḥ* 'a beardless man; pudendum of a young girl' (Monier-Williams, 776) связывают с *kuṇṭhaḥ* 'blunt, dull' и *kr̥ttah* 'cut off' (Mauryhofer I, 225), первую же часть *mat-* можно сопоставить с лтш. *mats* 'волос'. В таком случае первичное значение *matkuṇaḥ* было '(тот, кто) с подстриженными волосами (с бритой бородой)' → 'безволосый, (безбородый)'. Отсюда омонимичное *matkuṇaḥ* 'bug' объясняется как 'насекомое без сяжков'; к подобному переносу значения ср. *matkuṇaḥ* 'an elephant without tusks'. В этом случае др.-инд. *mat-*: *māt-* можно соотносить с гр. μέτρον 'мера, надлежащая мера': μέτρα 'полевая мера', и X. Фриск неправ, когда он утверждает: "краткость звука ... не имеет внегреческих соответствий" (Frisk II, 221).

В.Н. ТОПОРОВ

ПРУССК. REDDI И ПОД. КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Слова с корнем *red-* встречаются в прусских текстах несколько раз, причем в четырех разных формах, и при этом всегда переводятся однообразно - *falsch(e)*, *falschlich* (точнее - эти немецкие слова в тексте Катехизиса передаются разными формами прусских слов с корнем *red-*). Ср.: *Maiāsmu kaimīnan schkūdan seggīuns wargu nowaitiāuns per tēmprai perdauns r e d d a u* (конъектура - *reddan*)

bhe ni pilnan perdāisan dāuns. К III, 45, 25-27 "Meinem Nachbar schaden gethan vbel nachgeredet zu thewr verkaufft f a l s c h e vnnnd nicht gantze Wahr gegeben"; - *Tou niturri r e d d e wijdikausnan dātwei prijki twaian tawischan*. К III, 27, 6 "Du solt kein falsche zeugnus geben wider deinen Nechsten"; - *Tou ni tur r e d d i weydikausnan waytiation preyken twaiyen tauwyschen*. К. II, 11, 17 ("falsch gezeūgnis"); - ... *kai mes tennēison paggan noūson tawischan ni r e d d e w i n g i* *ermēntimai perklantemmai perpettas waitiāmai adder wargan girsnan tickinnimai*. К III, 27, 9-13 "... das wir vmb seinen willen vnseren Nechsten nicht f e l s c h l i c h e n beliegen, verrathen, affterreden oder bösen leūmut machen"; - ... *kai mes tennēison paggan noūson Tawischas penningans bhe labban ni immimai neggi sen r e d d i s k u* *perdāsai...* К III, 27, 1-2 "... das wir vmb seinen willen vnseren nechsten Gelt noch Gut nicht nemen noch mit f a l s c h e r wahr... ". В соответствующих местах литовского перевода лютеровского Энхиридиона Вилента - *pardawia f a l s c h i w a* (31, 1); *Ne ludik n e t e i s a u s ludima...* (13,6); *idant artimoia musu n e t e i s e i neapmelūtumbim...* (13,10); *ney f a l s c h i w u* *taworu* (14,3).

При ясности значения этих слов и самих форм (*redan, *redi, *redisku, **redewingi*¹) они долгое время оставались без этимологии (см. словари Нессельмана и Траутмана). В известном смысле это положение остается действительным и по сию пору, так как предложенное с некоторым сомнением ("varbūt īsti") Эндзелином сопоставление с лит. *rėtas* 'редкий' и ст.-слав. рѣдкъ было чисто формальным и не сопровождалось соответствующей семантической мотивировкой², которая, однако, и является о с н о в н ы м звеном всей этимологической проблемы этих слов (не случайно, что сопоставление Эндзелина практически нигде не используется и лишь однажды упоминается - без оценки или каких-либо комментариев - Шмальштигом³). Поэтому возвращение к обсуждению этимологии прусск. *reddi*, *reddau* и под. вполне закономерно и оправдано существующей среди специалистов неясностью в отношении происхождения этих слов.

Тем не менее, сразу же можно высказать убеждение в том, что сопоставление Эндзелина п р а в и л ь н о и даже е д и н с т в е н н о правильно. Точнейшим и практически полным соответствием прусск. *reddi* выступают славянские факты - *rědb (ср. *rěd-ja), восходящее к и.-е. **rēdh-i-* и представленное, например, в русск. *редь*

¹ Или *rediskai, *redevingai, см: *Schmalstieg W.R. An Old Prussian Grammar. The Pennsylvania State University, 1974, p. 95, 117.*

² См.: *Endzelīns J. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, l. 238;* и еще раньше: *Mühlenbachs-Endzelīns III, 518 ("falsche"; eigentlich: undichte?).*

³ *Schmalstieg W.R. Op. cit., p. 95.*

"состояние чего-либо редкого, жидкого, неплотного" (по определению Даля, относящемуся также к *редина́, редизна́*), ср. также *режь, реж, режа* ('самая редкая рыболовная сеть' 'род переставы, перебой из дранок, лучин, на ниточной вязке, для пропуска рыбы' [Даль], 'бревенчатая решетка, клетка'), *редить* 'делать реже, редким'. Элемент *ред-* выделяется и в таких словах, как русск. *редочь* 'редкое, жиденькое полотно', *редовинный* 'из редины сделанный', *редовина, редун, редуха* 'редкая ячеистая сеть' и т.п. (такие же примеры известны и в некоторых других славянских языках). Наконец, всем славянским языкам известны продолжения праслав. *rědbkь, предполагающего расширение с помощью типичного для Adj. суффикса *-kь* основы **rěd-* (**rědhŭ-*). Из восточнобалтийских примеров прусск. *reddi* точнее всего соответствует одиноко стоящее лтш. *rēds* 'редкий' ('undicht', ср.: *vij man r ē d u* /вар. - *rętu/ vainadzīni*. BW 8312 вар.)⁴, наряду с которым выступают более обычные *ręts* (ср. *retēt*) и *rēns* (ср. *rēnuōt*); первое из этой пары слов имеет точное соответствие и в лит. *rētas* 'редкий' (ср. *retėti* 'редеть', 'разрезаться'). В связи с прусск. *reddi*, русск. *редь* заслуживают внимания такие образования, как *rētis* 'редь', в частности 'редколесье' (ср.: *Girios r ē t i s baigė nykti*), 'за-лежь' (зброшенная, незасеянная пашня), 'протертая, про-реженная ткань' и т.п. (ср. *tankus audeklas ir r ē t i s audeklas*), возможно, *rētis* 'сито', 'решето' (ср. *режь, редуха*), *rētīlas* 'решето' и др. Другие индоевропейские параллели слишком далеки⁵ и выявляются лишь на корневом уровне при том, что сам корень выступает в другом "состоянии" (ср. **er-dh-* при **rē-dh-*). Впрочем, два обстоятельства совершенно ясны: первое - б л и ж а й ш и е п а р а л л е л и прусск. *reddi* (слав. *rědb, лтш. *rēds*), точные по меньшей мере формально, и второе - решение проблемы целиком лежит в сфере с е м а н т и ч е с к о й мотивировки понятия л о ж н о с т и, неправильности-неправедности.

О семантической мотивировке и пойдет речь в оставшихся строках. Для мифопоэтического (отчасти и для философского) сознания н о р м а л ь н о е (оно же и идеальное) состояние бытия - потенциальная наполненность, сплошность ("существованья ткань с к в о з н а я" не столько инвертированный образ бытия⁶, сколько отсылка к

⁴ *Mühlenbachs-Endzelins* III, 518.

⁵ Собственно, они фактически отсутствуют; см. *Pokorny* I, S. 333.

⁶ Неслучайность этого образа у Пастернака подтверждается и появлением его в довольно свободном переводе ответственной места из "Фауста", где речь заходит о Матерях и сопутствующей им пустоте:

Но в той дали, п у с т у ю щ е й от века,
Ты ничего не същешь, ни единой
Опоры, чтоб на ней покоить взор,
Один с к в о з н о й беспочвенный п р о с т о р -

экзистенциальному модусу осознания бытия, выхватывающему лишь отдельные фрагменты бытийственной сплошности), соединенность, пригнанность частей друг к другу⁷. В этом контексте отсутствие сплошности, р а з р е ж е н н о с т ь (сквозная ткань, ср. *редь*), р е д к о с т ь не может трактоваться иначе, как отступление от нормы, пробел, некий изъян в структуре бытия, онтологическая н е п о л н о т а, понимаемая как н е п о д л и н н о с т ь, своего рода противоположность бытию (по крайней мере, при мысленном завершении этой тенденции к разрежению, приводящей в конце концов к пустоте), и, значит, неотъемлемой от него и с т и н е (ср., с одной стороны, др.-инд. *sat-* 'бытие' и *satya-* 'истина' - и то, и другое от *as-* 'быть' и, с другой стороны, гегелевскую формулу о том, что "истинным является целое" применительно к той полноте (целостности) бытия, которая как раз и выступает в виде его сплошности). Это соотношение смыслов ('редкость' и 'неподлинность', 'ошибочность'), обнаруживается, конечно, и в языковых примерах. Ср. простейший пример - русск. *редкий* в контекстах, где оно получает значение 'жидкий', 'неполноценный', или *редизна* (напр., в холсте), понимаемая как огрех, ошибка (ткача), пробел, промах (см. у Даля)⁸, что позволяет

в соответствии с:

Nichts wirst du sehn in ewig leerer Ferne,
Den Schritt nicht hören, den du tust
Nichts Festes finden, wo du ruhest, -

Faust II, 6246-6248.

К сочетанию мотивов пустоты и сквозности ср.: *Никого не будет в доме, | Кроме сумерек. Один | Зимний день в с к в о з н о м проеме | Незадернутых гардин или: Как неготовая постройка, | Он висится порожняком. || Я вижу с к в о з ь его пролетя | Всю будущую жизнь на с к в о з ь ...* Другие воплощения сквозности - трепетание, семенение, мелькание, мельтешение и т.п. Ср.: *Кто коврик за дверьми | Рябиной иссурмил, | Рядном с к в о з н и х, красивых, | Трепещущих курсивов* (ср.: *И вы прошли с к в о з ь мелкий, нищенский | Нагой трепещущий ольшанник*); - *Несметный мир семенит в месмеризме* (ср.: *Кругом семенящейся ватой | Подхваченной ветром с аллеи...*); - *Только белых мокрих комьев | Быстрый промельк маховой...*; - *Мелотеша, точно чернь на эфесе, | В глубине шевелился Тифлис...* и т.п. Та же идея может быть обнаружена в приеме неупорядоченных ("неупевающих") перечислений: *Деревя, дети, домоседи...* и др.

⁷ См.: *Топоров В.Н.* Ведийское *pta-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии. - В кн.: *Этимология* 1979. М., 1981.

⁸ В ряде случаев в сложных словах элемент *редко-* близок к такому смыслу, как 'псевдо-', 'не вполне настоящий' и т.п., ср. *редколесье* 'редкий лес', но и - в семантической экспликации - 'не настоящий лес', 'как бы лес' и т.п.

предполагать связь двух состояний (или двух точек зрения) в отступлении от полноты-истины: неполноценность, ненастоящность и ошибочность, ложность (ср. прусск. *red-* 'falsch'). Редкость (редкий факт в эмпирическом исчислении) может даже и не противоречить полноте-истине (во всяком случае явно), но ее связь с истиной недоказуема. Для мифопоэтического и философского сознания *редизна*-истина вне доказательства и, значит, вне истины, которая тоже не доказывается, не ищется, но уже по другим основаниям: она пребывает, естество. В рамках этой общей схемы и должно объясняться прусск. *reddi* и под. При этом следует иметь в виду, что наряду с двумя звеньями (бытийственная полнота, сплошность⁹/заполненность вещами/ - истинность и бытийственная неполнота, редкость, разреженность - неподлинность, ложность) существует и третье - небытие, отсутствие бытия, абсолютная пустота и сопутствующее им полное отсутствие истины, состояние, когда вопрос об истине, о соразмерности и соответствии ей некоего явления не может даже быть поставлен. В этих рамках такие примеры, как прусск. *red-* 'ложный' (или русск. *ped-* в ряде контекстов), указывают не на полное отсутствие истины, а лишь на ее частичность, ущербность. Когда актуализируется аспект ущербности истины, начинает преобладать значение ложности, а то, что эта ложность не более чем неполнота самой истины, отходит на задний план, забывается. Разумеется, такое понимание ложности (и соответственно семантическая мотивировка этого понятия) предполагает слишком высокий и жесткий критерий истины, при котором она - единственна и уникальна: все, что не является самой сердцевиной истины, любая частичная истина, есть ложь, и поэтому (промежуточных, нейтральных между истинной и ложью состояний нет) в этой концепции мир полон ложью¹⁰. Несимметричности правды и лжи соответствуют разные типы кодирования этих понятий¹¹.

В свое время при исследовании семантики и.-е. **ar-* (**ar-*) и его продолжений в сфере, связанной с организацией пространства, было обращено внимание на случаи с

⁹ Ср. такие обозначения идеи редкости, как др.-инд. *a-ghana-*, букв. 'не густой', 'не-сплошной' при *ghaná-* 'густой', 'компактный', 'твердый' (ср. слав. *goněti*, лит. *ganà* и т.п.; **gostv?*). Характерно и др.-инд. *virala-* 'редкий', которое, возможно, трактуется как *раз-реженный*, *раз-двинутый* (*vi-rala-*, где второй элемент может отсылать к **rē-/dh-*, ср. *ra-*).

¹⁰ Ср. противопоставление *aša-* : *druj-* (*arta-* : *drug-*) в древнеиранской модели мира и особую актуальность, злободневность зла-лжи.

¹¹ Ср. "простой" способ обозначения лжи и "сложный" способ обозначения правды типа русск. *лгать*, но *говорить правду*, о чем см.: Frisk H. *Wahrheit und Lüge in den indogermanischen Sprachen*. Göteborg, 1936.

"ухудшенным" значением. Речь идет о ситуации, когда акцент на идее членности, раз-деленности приводит к забвению уравнивающей идеи соединения (**ar-*), целостности и к появлению смыслов, развивающих тему и з о л и р о в а н н о с т и, обуженности, враждебности (ср. лат. *artus* 'узкий', 'тесный'; 'тугой', 'плотный', 'густой'; 'скудный', 'жестокый' и т.п.). Тема изолированности находит, например, свое воплощение в вед. *ṛta-* 'abgesondert', которое объясняет и значение 'без' в Лос. Sg. *ṛté* (ср. *ṛtá-* 'закон', 'правда'): 'в разъединении', 'вне связи с...' > 'без'. При неясностях в деталях обнаруживается параллелизм двух противоположных линий развития: 1) и.-е. **ar-* 'соединять', 'подходить' ('соответствовать'), др.-инд. *ar-* → *ṛtá-* 'закон' → 'истина'; 2) и.-е. **er-*, **rē-dh-* 'редить', 'разрезать' (т.е. 'разъединять', следовательно, 'не подходить', 'не соответствовать') → 'отсутствие соединения' → 'непорядок' → 'не-истина' ('ложь'), в чем можно усматривать известные основания для объединения на некотором глубинном уровне выступающих здесь двух индоевропейских корней (**ar-* и **er-*) и, следовательно, для существенного расширения круга сравнения для балто-слав. **rēd-* (в частности, и прусск. *reddi*). И последнее. Намеченные рамки позволяют объяснить целый ряд других индоевропейских слов, причем и тех, которые считаются пока не ясными. К ним относится др.-греч. *ἀραιός* 'узкий', 'тонкий'; 'тесный'; 'слабый'; 'неплотный'; 'редкий'; 'рыхлый', 'пористый', 'шаткий'¹²; 'скудный'¹³; ср. *ἀραιώσις* 'разрежение' (: *ἀραιόω* 'разрезать', 'разрыхлять'), *ἀραιῶμα* 'промежуток', 'пробел'¹⁴. В свете сказанного *ἀραιός* может быть возведено к и.-е. **arə-* или **arə-* *-ios*¹⁵ -Adj. с суффиксом *-io-* от и.-е. **ar-* или **er-*, **erə-*, которые, как сказано выше, могли продолжаться и некий единый корневой элемент. Тем самым были бы установлены связи с др.-греч. *ἄρημος*, *ἄρημος* 'уединенный', 'одинокий', 'укромный', 'спокойный', 'тихий', также относимыми к и.-е. **er-*, **erə-* (Pokorny I, 333)¹⁶. Четкое выявление структуры семантических связей между элементами данного смыслового поля даст возможность существенно переформулировать описание соответствующих фактов в словаре Pokornого.

¹² Ср. ш а т о с т ь в вере и истине, мотивирующую образ и фамилию Ш а т о в а у Достоевского ("Бесы").

¹³ Ср. Frisk I, S. 128: "Unerklärt".

¹⁴ Ср. антонимичные *ἀραρότως* 'плотно', 'крепко', *ἀραρίσκω* 'класть вплотную', 'сплачивать', 'смыкать', 'прилаживать' и т.п.

¹⁵ Ср. слав. **oriti* 'распускать', 'развязывать', 'разрушать' и т.п.

¹⁶ К связи 'одинокий' и 'редкий' ср. лат. *olus* 'один лишь', 'одинокий' при герм. **selda-* 'редкий', ср. нем. *selten* (др.-в.-нем. *selt-sāni*, *seltan*, Adv.), англ. *seldom*, готск. *silda-leiks* 'удивительный' (т.е. 'редкостный'), см. Pokorny I, S. 884.

СЕМАНТИКА ДОМА И СМЕЖНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Как и иные фрагменты мифопоэтической модели мира, представления о доме формируются набором основных семиотических оппозиций. При этом основные различительные признаки дома и его элементов в языковых, а также и в неязыковых (таких как обряды) текстах оказываются приблизительно одинаковыми¹. Анализ же конкретных реализаций их в различных фольклорных жанрах способствует установлению парадигматики различительных признаков, конкретных классификаторов и т.п., включая сюда и языковые факты (внутренняя форма или этимология ключевых лексем и т.д.), а также позволяет поэментно соотнести систему представлений, свойственную одному жанру, с представлениями, релевантными иным жанровым структурам.

В погребальной причети дом оказывается одним из детально проработанных фрагментов, что делает это понятие особенно интересным с точки зрения его структурирования основными оппозициями, с одной стороны, и способом конкретной реализации основных признаков, с другой.

Описание строится как словарь особого рода, включающий основную лексику *дом* и лексемы, обозначающие основные его элементы, насколько они представлены в текстах причети. При этом, как уже говорилось в другом месте, предполагается, что славянские (в настоящем разборе - русские) и литовские тексты некогда были единым текстом, ныне функционирующим в двух языковых воплощениях². Осо-

¹ Это подтверждается сравнением с материалами, изложенными в работах: Цивьян Т. В. *Дом* в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок). - В кн.: Семиотика культуры. Труды по знаковым системам, X. Тарту, 1978; Байбурина А. К. Русские народные обряды, связанные со строительством жилища (к проблеме освоения пространства). Автореф. канд. дис. Л., 1976; Он же. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища. - В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977.

² Использованы следующие собрания текстов: Русские плачи Карелии. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940 (далее - Азадовский); Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872 (далее - Бар.); *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920 (далее - Смирнов); Обрядовая поэзия Пинежья. Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980; Печорские быльины и песни. Записал и составил Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979 (далее - Леонтьев); *Lietuviškos dainos. Užrašė Antanas Juška.* III tomas. Казань, 1882 (далее - Juška III); *Lietuvių tautosaka.* II tomas. Dainos. Raudos. Vilnius, 1964 (далее - LT II); *Lietuvių raudos iš visur surinktos su d-ro J. Basanavičiaus prkalba.* Vilniuje, 1926 (далее Raudos).

бая и принципиальная роль отводится цитированию - часто по необходимости пространных - текстовых фрагментов, потому что только таким образом можно установить семантические коннотации слов и, не приписывая произвольно лексеме значений, взятых из толкового словаря обычного типа, составить, условно говоря, "концептуальный словарь" дома³.

Концептуальный словарь предполагает рассмотрение обобщенного понятия дома независимо от лексемного разнообразия его номинаций в языке. Другое дело, что внутренняя форма многих используемых слов такова, что может обогащать концептуальную схему дома (см. ниже о таких словах, как *хоромное строеньице, палата грановитая* и т.п.).

Основное функциональное назначение дома в плаче - защита живых людей от смерти. Обычные операции при этом - запираание дверей: *Кабя знала я горюша про то ведала, Я сегодняшнего денечка Господнего На пяту да новых дверей не откинула б, Я железки бы заложечки задвинула, Не пустила б этой птиченьки незнаемой, Уж я этой злодей-скорой смеретушки* (Бар., 212; см. также ниже о двери) или "откуп от смерти": *Кабя видели злодейную смеретушку, Мы бы ставили столи да ей дубовки, Мы бы слали скатерти да тонкобранья... Отходящи бы ей низко поклонялися, И ласково бы ей тут говорили... Ты возми, злодей-скорая смеретушка... Ты жемчужную возми мою подвесочку... Не бери столько надежной головушки, Не сироть столько сиротных малых детушек...* (Бар., 4). Поэтому смерть может попасть в дом или пользуясь оплошностью людей (незапертые ворота), или используя нерегламентированный вход (окно), или же - в более общем виде - особый статут смерти позволяет ей тайком преодолевать все границы: *Ночь-ко крадци и пришла скорья смеретушка, Пробралась в наше хоромное строеньице* (Бар., 167).

В причети описывается "идеальный дом" с максимальным набором элементов, необходимых живым для жизни: *Там построено хоромное строеньице - Прорублены решотчаты окошечка, Врезаны стекольчаты околелка, Складены кирпичны теплы печеньки, настланы поли да там дубовки, Перекладники положены кленовья... Поразставлены там столики точеные, Поразосланы там скатерти все бранья. И положены там кушанья сахарныя, И поставлены там питвица медвяные, Круг стола да ведь все стульице кленовое. У хором стоит крилечко с переходами* (Бар., 26-27).

Гроб как посмертное жилище⁴ описывается перебором тех

³ В таком подходе, особенно в понимании той роли, которая отводится цитированию текстов, много общего с принципами составления польского словаря языка фольклора. См.: *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny.* Wrocław, 1980, особенно s. 7-36.

⁴ См. некоторые названия гроба: *дом, домовина*, лит. *amžinas namas, amžinai namai* 'вечный дом'; лит. *namo eiti, važiuoti* 'умирать', букв. 'идти, ехать домой' (*Paulauskas J.* Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1977, p. 178); брест. *погл'адац' до дому* 'о старом и

же элементов, но отсутствующих: *Ай же, плотнички-работнички!... Што вы деете холодную хоромину - не мишону; Не обнесены брусови бели лавочки, Не прорублены косевчати окошечка, Не врезаны стекольчати околенки, Не складена печенька муравленая, Не услана перинушка пуховая, Не собраны утехи эси с забавушкой* (Бар., 100); *Žinai, motule, stato tau namelius šešių lentelių, rišų šakelių, - Ažuolinėm durelėm, be stiklo langelių, be vario durelių* (LT II, 522) 'Знаешь, матушка, тебе ставят новый домик из шести досок, из сосновых ветвей, - С дубовыми дверцами, без стеклянных окошек, без медных дверей'. Дом как хранитель жизни противопоставляется гробу-дому умершего по целому ряду признаков, которые в иных аспектах обряда и обрядового фольклора оказываются существенными и в конечном счете являются атрибутами соответственно жизни и смерти: светлый - темный, теплый - холодный, имеющий связь с внешним миром (окно, дверь) - изолированный и т.п.

Дом как манифестант позитивного члена этих оппозиций воплощает жизнь как таковую, он един с заключенной в нем и оберегаемой им жизнью. Поэтому основная метаморфоза дома в связи со смертью хозяина или члена семьи - это разрушение дома: "изменушка в хоромном во строеньце" (Бар., 241): ... *отшатилось крылечко переное от этого хоромного строеньца, разрешетились нови сени решетчаты* (Бар., 20-21); *Как зглянула на хоромное строеньце, Што строенье приклонилось ко сырой земли, Приунив стоит палата грановитая, Припечаливши косевчати окошечка, На слезах стоят стекольчати околенки* (Бар., 149); *Без тебя... развилося, раззорилося. Наше вито-тепло гнездышко, Все столбы да пошатилися, Все тынчики роскатилися* (Бар., 73); *Все сменилось нонь в хоромном строеньце: Приунив стоит любимая скотинушка...* (Бар., 215); *Я пошла-то, горе-злосчастлива, Во свою ли да горьку хату, Во свою ли да погромленну...* (Леонтьев, 122).

Смерть хозяина создает диссонанс между внешним видом дома и его изменившейся сущностью: *Нонь гляжу-смотрю печальна горепашница, Я на это на хоромное строеньце, По вону стоит палата гриновитая, по нутру стоит тюрьма заключевная* (Бар., 20); *Я зглянула на хоромное строеньце: приунив стоит строеньце пустылое; Отдали [издали] стоит палата белокленна, Облиз [вблизи] стоит тюрьма (sic) да заключевная, заключевная тюрьма да подземельная* (Бар., 88-89).

большом человеке' (материалы О.А. Седаковой), темная хоромина (Бар., 109). См. также лит. *tėviškė*, внутренняя форма которого не только мотивирована идеей "отчего дома", но связана также и с "родителями" - *tėvai*, т.е. со всеми умершими родственниками: *šėsas kelianti tolimą kelelį į tavo tėviškėlę* (LT II, 531) 'время отправляться в дальнюю дорогу, в твой отчий дом'. Из других примеров см. пинежское: *Ты теперь только, Федор, от нас отбелился, Во свой домик жить переселился* (Обрядовая поэзия Пинежья, 147).

Функционально дом приравнен матери или отцу, с их смертью сирота как бы лишается и дома: *Žinai, tėveli, ... Kad aš neturiu Jokios, jokios klėtelės Ir aš neturiu Jokios užuovėjelės. Mano klėtelė - Aukštas medelis, Tankūs lapeliai - Šiaudų stogelis - Tai visa mano užuovėjelė* (LT II, 527) 'Знаешь, батюшка, Что нет у меня Никакой, никакой клетушки, И нет у меня никакой зашитишки от ветра, Моя клетушка - высокое деревце, Густые листочки - соломенная крышушка - это вся моя зашитишка'.

С другой стороны, осиротевший дом, дом без хозяина, перестает выполнять свое основное назначение - защиту живых: *Visi lieteliai mane užlis, visi vėjeliai užrūs, tu tūs pastogėlę palieki* (Juška III, 305) 'Все дождички меня зальют, все ветрушки завект, ты покидаешь наш кров'.

Взаимоотношения человека и дома предполагают прощание умирающего с домом наравне с родственниками: *Ты прощайся-цом, надежная головушка, С этим добрым хоромным строеньцом, Со малима серочными детушками* (Бар., 8-9); *соболезнование осиротевшему дому: Ой, безсчастное хоромное строеньце. Не таланна, видно, светлая ты светлушка! Знать на мишешках бревнишка били смичены, Знать, худыма топоренками изсичены, Под дождевой водой да бревна плавлены, на угрюмо место дом да видно ставлен; Трицать сажен-то его да в землю вкопано, Три сажени-то его да вверх поднянуто; Как сверлом окна просверлены, Решетом свету наношено; Супротив нашей страдой хороминки Пекё солнышко теперь да не по-прежнему, Как светёл месяц светит не по-старому* (Бар., 95).

При характеристике дома обращает на себя внимание использование атрибутов, обычно характеризующих одушевленный объект: *б е д н и й*: *Ты прости бедно хоромное строеньце* (Бар., 67); *п у с т ы л ы й*: *Я зглянула на хоромное строеньце: Приунив стоит строеньце пустылое* (Бар., 88, см. также Бар., 189); *б е з с ч а с т н ы й*: *Ой, безсчастное хоромное строеньце! Не таланна, видно, светлая ты светлушка!* (Бар., 95); *у н ы л ы й*: *Прогодитечко, служители церковни...* *Во унылое хоромное строеньце* (Бар., 161); *с р . т а к ж е*: *Ноне пустым у победнушек пустешенько, По хоромному строенью уныльненько* (Бар., 172); *г о р ь к и й*: *Я пошла-то во свою ли да горьку хату, Во свою ли да погромленну* (Леонтьев, 122) и т.д.

Общая идея дома как охраняющего и ограждающего жизнь внутри себя повторяется в представлениях об отдельных его элементах: окно, дверь/ворота с запорами и замками, особенно прорабатывается "пограничная зона" дома - сени и крыльцо как элементы, связывающие собственно жилищу часть с пространством вне дома. Идеи иного рода, детерминированные сакрализацией места покойного, диктуют необходимость выделения и осбой проработанности верха дома: горница, светлица.

Окно

Основная функция окна в плаче - нерегламентированный вход в дом, которым, в частности, пользуется смерть: *у дубових дверей да не стуцалася, У окошечка ведь смерть да не давалася [не просилась]: Потихошеньку она да подходила, и чорным вороном в окошко залетела* (Бар. 2-3). Нейтрализация признака регламентированности/нерегламентированности входа приводит к возникновению внутритекстовой синонимии особого рода, когда двери, окно, ворота и т.д. используются только в значении ограждения дома в случае возможной опасности: *Усмотрела б... смертушку, Тут задвинула б стекольчати околени, Заперла би вдруг широкие воротечки, Заложила би нови двери дубовие* (Бар., 167; см. также Бар., 31, 86). Немаловажное условие состоит в том, что возникающая таким образом синонимичность поддерживается параллельностью синтаксических конструкций, содержащих эти лексемы.

Разделенность сфер жизни и смерти - столь универсальное явление, что - по причети - дом мертвого закрыт для живого: *Стала к горенке трогатися, Стала горенка терятися, И окошка запиралися, И ворота заложатися...* (Бар., 52).

По наличию/отсутствию окна дом живого человека противопоставляется гробу как посмертному жилищу: *Што вы дее-те холодную хоромину - не мшоню... Не прурублены косевчати окошечка, Не врезаны стекольчати околени...* (Бар., 100); *O mano motinėlei budavoja tėviškėlę baltų lentelių be stiklinių langelių, be durelių: nematysi saulelės užtekant nei saulelės nusileidžiant* (Juška III, 281) 'А моей матушке строят родимый дом из белых досочек без стекольчатых окошечек, без дверушек: не увидишь ты ни как солнышко всходит, ни как заходит'.

Через окно осуществляется многообразная связь с внешним миром. Оно оказывается началом или концом дороги, связывающей дом с недифференцированным чужим пространством, чужим социумом: *Я сидеть буду победна под окошечком, Ясни очюшки держат да во чистом поле* (Бар., 218); *У окошечка я буду все послушивать, ... Не едут ли гостюшки любими* (Бар., 237)⁵. Сидя у окна, ожидают или получают различные вести, в частности, релевантные содержание плача - известия о смерти, или же видят признаки приближающегося несчастья: *Погляжу тут во косевато окошечко: Вижт витришки на широкой на улочке, Погодушка стоит во чистом поле. Я не знала... Што разлукушка с сердечним бу-де дитятком* (Бар., 114-115); *Vaikščiøj Opulė Po stiklo langeliuis, O ir pamatė Ponelio arklelius* (Juška III, 401) 'Бродила Нуля Под стекольчатым окошечком И увидала лошадушек пана'.

На окно садится птица - вестник смерти: *Прилетали перелетны малы птиченьки... Соловейшко садился под окошечко,*

⁵ О госте в плаче как элементе чужого социума см. специально: Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде, - В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 230-238.

Как орел да эта птица на окошечко... Человечьим они гла-сом прогласили... (Бар., 26); Oi tai atlėkė raibas sakalėlis, oi jis padudeno in scikto langeli, oi jis pabudzino mūs' sasarelas iš ramaus miegelio (Raudos, 49) 'Это прилетел пестрый сокол, он постучал в стеклянное окошечко, он пробудил моих сестриц от глубокого сна'.

Через окно устанавливается связь дома с внешним социумом, и противопоставление дом - улица наполняется социальным содержанием (о детях, получающих статус самостоятельных членов социума): *Как подростать станут сиротни малы детушки, По сеням да станут детушки потахивать, Из окошечка в окошечко поглядывать, На широку на улочку посматривать* (Бар., 5, см. также Бар., 157).

Такая функциональная нагруженность делает окно одним из центров дома: *Поосталась во хоромном я строевице, Шла я - заперла воротички дубови, Да я села на брусовую на лавочку, Тут под малое косевчато окошечко; Я глядеть стала на широку на улочку* (Бар., 272); *Я сидела хоть во светлой своей светлице, Под этим под косевчатым окошечком... Под окошечком сидела - пораздумалась, На дороженьку глядела - порасплакалась* (Бар., 142; см. также Бар., 102, 173); *С горя сяду под косевчатым окошечком, Со обиди - под туманное околени, Сожидать буду надежду ты головушку* (Бар., 19; см. также Бар., 138, 207). Переднее окошечко - почетное место в красном углу: *Ты сади-тко дорогу гостю Под переднее окошечко, Под Святые под Апосто-лы, Почести гостю...* (Бар., 78-79).

Взаимосвязь дома и человека проявляется в том, что окно, как и весь дом, со смертью хозяина претерпевают существенные изменения: *В доме видно великая кручинушка, На окошечке злодийная тоскичушка* (Бар., 241); *Припечаливши косевчати окошечка, На слезах стоят стекольчати околени* (Бар., 149, также Бар. 20, 17).

Атрибуты двояким образом характеризуют объект. Первые гиперболизированно представляют его свойства как значимого и многофункционального элемента дома. Это такие признаки, как *хрустальни е стекла: Чем разгневала вас белая лебедушка? Знать, дубовие поль да притоптала?... Хрустальни стекла приглядела?* (Бар., 120); *решотчатые окошечка, косевчатое окошечко, стекольчато окошечко* (ср. лит. *stiklo langelis*) также относятся к гиперболизированным характеристикам. Вторые наделяют его признаками, обычно характеризующими одушевленный объект: *Смотреть ... сквозь унялую стекольчату околенику* (Бар., 207). И наконец, соединение названия объекта с определением создает "элементарный образ"⁶, который поддерживается сквозными представлениями, релевантными обряду и сопровождающему его фольклорному жанру: *Я глядела во косевчато окошечко, Сквозь туманную стекольчату околенику* (Бар., 281). См. к этому ниже о темноте, слепоте как атрибутах смерти.

⁶ Это понятие заимствовано из работы: Топоров В.Н. К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях). - In: "Poetyka. Poetics. Poetika". Warszawa, 1966, s. 107.

Двери

Двери - это регламентированный вход в дом, их основное состояние - закрытые, ибо только так можно сохранить жизнь внутри дома. Нарушение этого правила ведет к проникновению смерти в дом: Допустили мы скорую смеретушку... Мы не ставили... У дубовых дверей да сторожателей (Бар. 2); Кабы знала... У крыльца да стоит скорая смеретушка, С простоты дверей я не отворила бы, Ни за что этой злодейки не пустила бы (Бар., 129); Усмотрела б я... скорую смеретушку... Заложила бы вдруг новые двери дубовые... (Бар., 167); Кабы знала... На пяту да новых дверей не откинула б, Я железны бы заложечки задвинула, Не пустила б... этой злодей-скорой смеретушки (Бар., 212). Основная операция с дверью в плаче - отпирать ожидаемым гостям и держать запертыми во всех остальных случаях: Приди... дитячко, отпри бедна горюша дверь дубовую... (Бар., 103).

Смерть избегает двери как регламентированного входа и проникает в дом через окно: Скорая смеретушка... У дубовых дверей да не стучалася... Черным вороном в окошко залетела (Бар., 2-3). Иногда же дверь амбивалентна окну, и смерть подает знак именно через дверь: *Anksti rytą kėliau, Dureles pravėriau, Aš išgirdau gegužėlę Girioje kikiuojant* (Juška III, 345) 'Рано поутру отправляюсь в путь, Открываю дверушку, И слышу я, кукушка в лесу кукует'.

Дверь - граница в социальной иерархии внутри семьи, которую не должны пересекать вдова и сироты: (Братьям) Слажу тут ужина вечерняя, Потихошеньку к дверям да подходит стану, Я с за туйца, с за липинки поглядываю, Изза дверей да разговор держу (Бар., 41).

Функция двери как границы дома, входа и выхода дублируется такими связанными с ней элементами, как порог и дверное кольцо (оба элемента лишь по два раза встречаются в таком обширном собрании, как "Причитания Северного края"): Я по светлой пройду скоро по светлице, У дубовых дверей да я подумаю, У порога постоя да я послушаю (Бар., 223); Отворись-ко дверь да ты дубовая... Ты по петелкам теперь да по булатным, Ты по этому порогу грановитому... (Бар., 80); За вито она (смерть) колечко не гремела (Бар., 61); У ворот кольцо забрякало И ворота растворилися (Бар., 76).

Атрибуты двери - новая, дубовая, медная (контекст приведен в другом месте), порога - грановитый гипертрофированно характеризуют объект.

Ворота

Ворота - вход/въезд в усадьбу. Обычное положение их - закрытые, заперты или охраняемые, в этом гарантия защиты от смерти: Усмотрела б, може... я скорую смеретушку... Заперла бы вдруг широкия воротечки (Бар., 167); Допустили эту скорую смеретушку... У ворот да мы не ставили приворотицкво, У дубовых дверей да сторожателей (Бар., 2).

Через раскрытые ворота осуществляется связь внешнего пространства улицы с внутренним пространством двора: Как по улице широкой Вдруг добря кони затопали, У ворот кольцо забрякало И ворота растворилися, К нам на двор гости приехали (Бар., 76).

Литовский текст, представляющий отношение дома и человека в более продвинутой, абстрактной форме, приравнивает замужнюю жизнь женщины к закрытому дому, а вдовство - к открытому, незащищенному: *O mano vyrelī, kad aš tave turėčiau, o aš dvaro vartelių neatkėliau! O mano vyrelī, dar į kapelius kojelių nenukėlei, o aš dvaro vartelius pravėriau* (Juška III, 299) 'Муженек мой, когда ты был со мной, я дворовых воротушек не открывала! Муженек мой, ты еще в могилу ногой не ступил, а я дворовые воротушки приотворила'.

Атрибуты широкие и дубовые - обычная в фольклоре гипертрофированная характеристика объекта.

Крыльцо

Крыльцо - регламентированный вход в дом, он заказан для смерти: Она крадчи шла, злодейка, лиходеица, Ко крылечку ведь она не подходила... Малой пташечкой в окошко залетела И впотай она родитель уносила (Бар., 61; см. также Бар., 167).

Крыльцо - граница дома, которую может или не может пересечь смерть: Ко крылечушку смеретушка подходит (Бар., 128). Именно на крыльце предпринимается попытка преградить дорогу смерти: Усмотрела... смеретушку... Заперла бы вдруг широкие воротечки... Сама вышла б на крылечико переное, Говорить стала б я скорой смеретушке: ... На сине море иди да ты холодная (Бар., 167).

Встреча на крыльце - почет гостю: Покажись-приди надежная головушка... Тебя стричу на крылечике переноем, Отворю да я новые сени решотчатые, Запушу да в дом крестьянску тебя жирушку (Бар., 19; см. также Бар., 34, 90, 139, 185, 218). Нарушение установленного порядка - не-встреча на крыльце - свидетельство смерти или предсмертной болезни одного из участников: Когда преж сего... Я ходила на родиму свою родинку... На крылечушке светик-братец стретает; ... А сегодняшним господним божьим денечком Ко крылечку я приехала переноему, Не стретает меня братец - красно солнышко (Бар., 89); Говорил братец... при смеретушке...: После схватится сестрица да накается... Ю не стритит светушко-братец желанный На этом крылечике переноем (Бар., 139).

В большинстве контекстов - и в этом отражается его медиаторный характер - крыльцо включено в последовательность элементов двойного рода: или связывающих дом с пространством вне дома, или же оно открывает последовательность элементов дома: крыльцо-сени-изба-лавка: Как пойдут мои сиротники к вам детушки, По вашему крыльцу да по переноему, Не заприте-тко новых сеней решотчатых, Допустите в тепловито свое гнездышко, Ко дверям да вы на дверную на лавочку (Бар., 7).

Крыльцо противопоставлено жилой части дома: 1) когда на нем (около него) делают гроб: *Нонь повиду на крылечико переное, Где делают колоду белодубову, Где ладят кресты животворящи* (Бар., 100); *Как у нашего крылечика переное што ведь плотнички-работнички постукивают, Али дом они у нас да перекраивают, Светлу светлицу-ль они да перерубливают, Аль переное крылечко переделывают?... - Они делают немшону хороминку* (Бар., 214); 2) когда сакрализуется жилая часть дома, где происходят основные события: *... Сватбюшка, на крылечушке меня не останавливай... У холоднаго вестей ты не выпрашивай, На переднем крылечке не введывай* (Бар., 233).

Крыльцо одновременно с домом и хозяйством подвергается разрушению со смертью хозяина, отторгается от дома: *Отшатилось крылечко переное от этого хоромного строеньица* (Бар., 20); *Подшиблося крылечико переное* (Бар., 189); прерывается связь с внешним миром, с родственниками: *Как послы тебя любимая семейшка... Как по нашему крылечуку переному заколодила путь широка дороженька, Отрекнулась вся порода именитая* (Бар., 184).

В постоянном эпитете крыльца - переное, т.е. с перилами (без него среди более чем 40 употреблений в олонечкой причети едва ли насчитается десять) воплощается гиперболизирующее свойство фольклорного текста, хотя, возможно, отчасти отражается и строительная реальность, если вспомнить архитектуру северных крылец. В правильном, "идеальном" доме (см. выше) - крылечко с переходами.

Сени

В плаче актуализируется не функциональный (хозяйственный и т.п.) аспект сеней, но они предстают как один из концентрических замкнутых друг в друге элементов в горизонтальном членении пространства дома: *Тебя стричу на крылечике переноем, Отворю да я новы сени решотчатты, Запущу да в дом крестьянску тебя жирушку* (Бар., 19); *Как пройти мне... Без спросу на крылечико переное, Без доклада на новы сени решотчатты, Без дозволения во хоромное строеньице?* (Бар., 150); *С горя кинешься... Ты на эти новы сени решотчатты, Со досады на крылечико переное, Со обиды на прогульную на уличку, Со печали на путь широку дороженьку* (Бар., 207).

Соответственное место занимают сени в ряду других ограждений дома от смерти: *Под раннюю зорю да во под утреню Я повяшила на новы сени решотчатты, Отворила я крылечико переное, Отодвинула я дверь да тут дубовую, Откуль возьмись перелетна эта птиченька... злодей эта - скорая смертушка* (Бар., 211-212).

При нейтрализации конкретных значений крыльцо и сени могут выступать как синонимы для обозначения пространства вне жилой части дома: *Мне повийти на крылечико переное, Мне-ка на эти новы сени решотчатты* (Бар., 231). "Медиаторный" характер сеней - их промежуточное положение между жилой частью дома и пространством вне дома - используется для указания на новый возраст и социальный статус подрас-

тающих детей, отдаляющихся от семьи и становящихся членами социума: *Как подрастать станут сироты малы детушки, По сеням да станут детушки похаживать... На широку на уличку посматривать* (Бар., 5).

С преодолением пространства сеней связывается изменение в психологическом состоянии человека: *Не оставлю тебя в светлой я во светлице Слезно плакать у косевчата окошечка; Мы пойдем по новым сеням решотчаттам, Мы менять будем кручину на весельице...* (Бар., 224).

Одновременно со всем домом сени подвергаются разрушению со смертью хозяина: *... Разрешетились новые сени решотчатты* (Бар., 21).

Система атрибутов соответствует общему правилу гиперболизованной характеристики объекта: сени - новые и решотчатты.

Горница

Горница - сакрализованный центр дома, место покойника: *Не спущу я дочь обидная Своего кормильца батюшка Со высокой новой горенки: Пусть-ко мой кормилец батюшко Как во горенке, на лавочке* (Бар., 48); *Отпущала как обидная со высокой новой горенки, Со палаты грановитиы, Со усадьбы красовитиы* (Бар., 49; также Бар., 170); это также центр дома, где совершаются важнейшие события, в частности сообщается известие о смерти: *К себе призвала любимую семейшку Во эту во столову нову горенку: ... Ты читай письмо, надежа...* (Бар., 188); здесь хранятся важнейшие предметы (венки девушки, в частности): *Nusieik, mergel, I aukštą svirnelį, Bene rasi vainikėlių Svirne ant skrynėlių* (Juška III, 383). 'Пойди, девушка, В высокую клетушку', Найдешь ли веночек В клетки на сундучке'. Принимать гостей в горнице - оказывать почет: *...Провожал меня во светлу нову горенку... Почитал меня за госьицу любимую* (Бар., 90; также Бар., 139, 195).

Как место особой функциональной значимости горница может метонимически подменять дом вообще: *Все отступятся купцы твои приятели... Мимо пройдут они нову эту горенку* (Бар., 169). Уйти, расстаться с горенкой - навеки покинуть дом, умереть: *Да ты слушай же крестовой милой батюшка! Не сдавайся со брусовой белой лавочки, Ты не иди со столовой новой горенки* (Бар., 170). Прощание с горенкой входит в предсмертный ритуал: *Ты прощайся-ко рожоно мое дитяtko, Со добрым хоромным построеньицем, Ты со новой любимой своей горенкой* (Бар., 121-122).

Со смертью хозяина меняется сущность объекта: *Припечаливши хоромное строеньице: По вону стоит горница, По нутру стоит морозница...* (Бар., 167).

Изофункциональность обуславливает синонимическое использование лексем горница и светлица: *Как во светлу собрались они светлицу - Во столовую во нову они горенку* (Бар., 40).

⁷ Лит. *svirnas* 'клеть', не соответствуя русской горнице как строительная реалья, эквивалентно ей по функции в плаче.

Атрибуты – столовая; новая, светлая, высокая – гиперфированно характеризуют объект; разореная – свойство, приобретенное со смертью и в результате смерти хозяина; *Нон, прошу тебя – голубонько сердешня... Ты пройди да нонь во светлую светелочку, В разореную столову пройди горенку* (Бар., 139).

Светлица

Светлица семантически во многом подобна горнице и в причети используется в следующих значениях:

1) почетное место в доме: *Все хвалилося сердечно мое дитячко: Было мистичко во светлой, скаже, светлице...* (Бар., 19).

2) центр дома, где собирается вся семья: *Вся в собранице любимая семеюшка... Как во светлую собрались они горенку* (Бар., 40); где происходят важнейшие события, в частности, узнается новость о смерти (см. Бар., 142, 144, 147); где содержатся самые ценные вещи, в частности, портрет умершего: *Я бы взяла тот портрет – эту бумаженьку... Положила бы во светлой я во светлице, я на стенушку, победна, на лицевую...* (Бар., 153);

3) сакрализованное место смерти: *В светлой светлице поим духовные, Не молебеньки они нонь воспевают, Восприемна поим нонь поминают* (Бар., 169);

4) комната (умершего) неженатого молодого человека: *Лучше сходим-ко, родитель родна матушка, Во эту с тобой светлую светелочку, мы возьмем да его цветно это платвице...* (Бар., 96, также Бар., 200); комната (умершей) незамужней девушки: *Я пойду с горя во светлую светелочку, Со обидя по ларцам я окованним, Я повиню ейно цветно это платвице...* (Бар., 116; также Бар., 166, 199);

5) абсолютный синоним дома: *Во дому у нас великая невзгодушка, В светлой светлице великая кручинушка* (Бар., 168); *Не похаживать по светлице – быть мертвым* (Бар., 195).

Атрибуты двояким образом характеризуют объект: *светлая* тавтологически усиливает его внутреннюю форму (в "Причитаниях Северного края" нет ни одного безатрибутивного названия объекта, там используются только сочетания *светлая светлица, светлая светлушка, светлая светелочка*); *печальная* я: *Вы пройдите-тко во печальную, в светлую эту светлицу* (Бар., 161) и *неталанная*: *Не таланна, видно, светлая ты светлушка* (Бар., 95) – признаки, обычно характеризующие одушевленный объект. К этому см. также: *Отчего да светла светлица кручинится, Для чего в слезах стекольчати околени?* (Бар., 189).

Красный угол (большой угол)

Контекст причети позволяет выделить следующие значения красного угла:

1) угол с иконами: *Мне пройти, бедной горюше, во большой угол, Мне крест да класть, горюше, по писаному* (Бар., 81) и как таковой – центр дома: *Нонь пройду да я во светлую нову горенку, Прoberусь бедна в почестной, во большой*

угол, Сотворю да я Иисову молитовку (Бар., 191); *Уж какое-то зло великое безсчастьице Впереди меня злодейно снаряжалось, На судимую сторонушку справлялося, Во большом углу бессчастьице садилося* (Бар., 8);

2) место покойника: *Ворочусь да я печальная головушка Я во этот во честной, во большой угол, Я ко этому любимому ко сватушку* (Бар., 241);

3) почетное место: *Посажу тебя во честной во большой угол...* (Бар., 104); *Все хвалилося сердечно мое дитячко: ... Мне почет-то бил, скаже, во большом углу* (Бар., 119); *Tavo pati seklydžioje, Rašioj vyriausioj kerčioje* (Juška III, 359) 'Твоя жена в горнице, В самом главном углу';

4) метонимическое наименование дома вообще: *Наступай теперь великая невзгодушка Как у нас до во унылом во большом углу* (Бар., 210).

Интересно однократно встреченное противопоставление *большой угол – печь*, осознаваемое как противопоставление *доли – недоли счастья – несчастья*: *Хоть меня да ты родитель спородила... Ты не участю таланом наделяла. Приносила хоть в хоромное стреннице, Не в большой угол меня да полагала, На кирпичную знать печеньку ложила И сосновую лунину подстилала, Тут великим безсчастьем награждала* (Бар., 266).

Атрибуты – *честной, нечестной, большой, vyriausias* – говорят о кардинальном значении объекта среди других элементов дома. Определение *унылый (унылой большой угол)* вводит этот элементарный образ в общую стилистическую систему причета.

Столы дубовые

Стол двифункционален в плаче; это нейтральный предмет интерьера избы, с одной стороны, и элемент, имеющий в причети специфические значения:

1) место покойника: *Я зглянула как на столики дубовые, Тут положен же спацливой милой дядушка, Он сокручен во умершее во платвице* (Бар., 168, также Бар., 169);

2) место сбора семьи: *Вся в собраннице любимая семеюшка... Как во светлую собрались они светлицу Во столовую во нову они горенку; круг стола они сидят да круг дубового, Они пьют сидят теперь да угощаются* (Бар., 40; см. также Бар., 222); место сбора гостей: *Sodink į suolelį, sodink už stalelio, čėsas keliuoti tolimą kelelį* (LT II, 531) 'Садись на скамеечку, садись за столик, время отправляться в дальнюю дорожку'. Придвигаться к дубовому столу – участвовать в семейной трапезе: *Где же ходит жалослива мая дяденька? Во дому она теперь не объявляется, Ко дубову столу она не придвигается* (Бар., 223). Отвести от дубового стола – прогнать, перестать считать членом семьи (см. Бар., 221). Сажать за столы дубовые – оказывать честь, в том числе смерти (в сюжете откупа от смерти): *Кабы видели злодийную смеретушку, Мы бы ставили столы да ей дубовые, Мы бы слали скатерти да тонко-бранья, Положили бы ей вилки золочення... Мы садили бы тут скорую смеретушку Как за эти столы да за дубовые, Как на*

эти на стульица кленови, Отходящи би ей низко поклоня-
лись, И ласково би ей тут говорили: ... ты возми злодей-
скорая смеретушка... Ты жемчужную возми мою подвесоч-
ку... Со двора возми любимую скотинушку... Не бери столь-
ко (sic) надежной головушки... (Бар., 3-4).

Как ритуально и функционально значимый элемент дома стол претерпевает разрушительные изменения со смертью члена семьи: Нонь... Дубовые столы, стоя, шатаются, На них питвица медвяни проливаются, Крестова мать с дитем нонь разстается (Бар., 133).

То же относится к другому предмету интерьера - стульи-
цо кленовое - чаще всего выступающему в паре со столами ду-
бовыми, более того, их соединение является признаком
"правильного" дома: Там построено хоромное строеньице -
Поразставлены там столики точение... Круг стола да ведь
все стульицо кленовое... (Бар., 27); Вы садитесь-ко по
стульичикам кленовым, Вокруг столиков садитесь-ко дубо-
вых (Бар., 161, см. также Бар., 171). Сажать на кленовые
стулья - оказывать честь гостю: В нову горенку была она
приведена, на кленови была стульица посажена (Бар., 139,
см. также Бар., 144, 239).

Стул как неотъемлемый элемент дома, входя в сферу дей-
ствия смерти, претерпевает разрушительные изменения:
Пусть да по покоям все пустешенько, Кленови стоят стульи-
ца простешеньки, На столах да все доски расклеились
(Бар., 161).

Лавочка

Лавка в основных своих значениях оказывается изофунк-
циональной столу:

1) место покойника в доме: Наглядитесь ... очу... на
матушку... Во своем пока хоромном строеньице, На своей
пока брусовой она лавочке (Бар., 65); Уж ты стань-востань,
скачная жемчужинка, Со этой со брусовой белой лавочки...
Не встаешь ты со брусовой белой лавочки (Бар., 89). (При
положении в гроб) Ты послушай-ко сердечно мое дитячко,
Не сдавайся со брусовой белой лавочки (Бар., 109, см.
также Бар., 170); vakar dūsavai ant lovelės, o šiandien
ant baltos lentelės (Juška III, 287) 'Вчера еще дыша-
ла на постелюшке, а сегодня на белой досочке' (см. так-
же Juška III, 333). Не сдвигаться с лавки - быть мертвым
(Бар., 196); Kelkis, motule, kelkis, širdelė, nuog balto
patalėlio, nuog pušų lentelių (LT II, 522) 'Поднимись,
матушка, поднимись, сердечко, с белой постельки, с сосно-
вых досочек' (метонимическое название лавки, ср. к этому
лит. lentyna 'полка');

2) центр дома, где происходят самые важные события,
в том числе сообщается весть о смерти: На крылечке (вес-
тей) не введывай, Допусти хоть до хоромного строеньица,
До своей ты брусовой белой лавочки (Бар., 233); Нонь
судил да Боже Господи, Мне-ка быть да на родимой на сто-
лонушке, Во победном во сиротском теплом гнездышке; На
своей мне-ка брусовой белой лавочке (Бар., 265). [Дом на
том свете, изоморфный дому земному, также предполагает
последовательное концентрическое включение отдельных эле-

ментов дома и выделение центра, в данном случае лавки:
O atkelkite vėlių vartelius, o atdarykite vėlių dureles,
o priimkite mano vyrelį, o pasodinkite į vėlių suoloelį...
(LT II, 542) 'О, отворите ворота душ, о, откройте две-
рушки душ, о, примите моего муженька, о, посадите на
скамеечку душ... (см. также Juška III, 283, 301);
301]];

3) метонимическое обозначение дома вообще: Рано ла-
дишься к Владичному ко праздничку, на брусовой пооста-
нешься на лавочке (Бар., 272).

Наконец, лавка и трансформации ее состояния могут вы-
ступать как эквивалент сиротской (или вдовьей) доли:
Sunkus suoloelis siratelio, į suoloelį sėdau - suoloelis
linko (Juška III, 283) 'Тяжела сиротская скамеечка; са-
жусь на скамеечку - скамеечка сгибается'.

Определение белая, baltas характеризует объект как
связанный со смертью.

Тексты погребального фольклора в меньшей, может быть,
степени, чем иные жанры, дают основания также для заклю-
чения об ориентации дома в пространстве. Прежде всего
дом в мифопоэтическом сознании помещается в центре мира,
на пересечении основных координат: север-юг, запад-вос-
ток: Мне с коей зайти сторонушки, С подвосточной аль
с подзападной, С полуденной аль с подсеверной? (Азадов-
ский, 88); O, motinėle, tu pasakikie, kada man tavęs
lauktie ir iš katro kraštelio pareisi? Jei iš rytelių,
tai anksti keldia, jei iš vakarėlių, tai vėlai guldia...
(Raudos, 38) 'О матушка, ты скажи, когда мне тебя ожидать
и с какой сторонушки ты придешь. Если с востока, то я
встала бы рано, если с запада, то легла бы поздно...'
При этом вторые элементы этих оппозиций (юг и восток)
тождественны, и оба связаны с солнцем и светом⁸.

Дом с примыкающим к нему двором, ограниченным забором
с дубовыми или медными воротами, противопоставляется
внешнему пространству - чисту полю⁹. Улица, дорога, боль-
шак связывают чужое пространство с домом. При этом осо-
бый статус приобретает улица как синоним деревенского
социума¹⁰, диктующего особые правила поведения вдове и

⁸ О более широком толковании этого противопоставления
см.: Иванов Вяч. Вс. и Топоров В. Н. Славянские языковые
моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 112. -
Об ориентированности восточнославянских поселений и
построек на юг, юго-восток и юго-запад см.: Бломк-
вист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев
и белорусов. - В кн.: Восточнославянский этнографиче-
ский сборник. М., 1956, с. 58-59.

⁹ О других синонимических обозначениях чужого, отдален-
ного пространства, а также locus'a смерти см.: Нев-
ская Л. Г. Синонимия как один из способов организации
фольклорного текста. - В кн.: Балканское и славянское
языкознание. М., 1982.

¹⁰ Наряду с улицей в топографическом и одновременно со-
циальном смысле в олонекской причети употребляются так-
же село деревенское, деревня садовитая: Ты прощайся-

сиротам: *Надо жить бедной горющице умиючи, По улице ходить надо тихошенько, Буйну голову носить надо низешенько* (Бар., 21); *Tai aš išeisiu, Tai pažiūrėsiu Ant plačiųjų ulų dēliu. Visas jaunimėlis eina, Daineles dainuoja, O mano dukrelės nėra* (ЛТ II, 532) 'Вот я выйду, вот погляжу на широкую на улочку. Вся молодежь ходит, Песенки поет, А моей доченьки нет'.

Фиксированная, закреплённая в текстах, имеющих почти формульный характер, последовательность введения элементов дома позволяет реконструировать трехчастное деление пространства дома как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальная членность пространства дома, воплощающая трехчастное деление космической вертикали, реализуется в выделении уровня земли - двора, уровня крыльца и сакрализации "верха" - горенка в севернорусской причети и *a u k š t a s klėtėlis* в литовской. (Въезжая во двор): *Oi, aš užvažavau an dzidžio dvarelio, oi aš pamatiau juodas karūnėlas cės vara varteliais pastacytas... Tai aš atsidarau varo durales, oi aš inėjau aukštąn klėtėtėn: guli motutė an sauos lantelės...* (Raudos, 39) 'Ой, я въехала на широкий двор, ой я увидела черную хоругвь, над перекладной ворот поставленную... Вот я отворила дверцы ворот, ой, я вошла в высокую клетушку, лежит матушка на сухой доске...'; *A по сегоднешнему денечку Не встречат да братец родненький У крылечушка переного, У ступенчика у первого... Я в крылечко поднималася, О порученьки держалася, А во новой во горенке Вижу горят свечи так восковые* (Азадковский, 65).

Подобное гипертрофирование признака широко используется в фольклоре именно как средство сакрализации объекта. Так, в погребальном плаче дом может называться *хоромами*, *палатой грановитой*, *теремом*, *двор широкий* или *большой*, *сени новые решетчатые*, *стекла хрустальные* и т.д. (см. выше).

Горизонтальное членение сводится к последовательному концентрическому развёртыванию/свёртыванию пространства внутри и вне дома и к последовательному введению элементов интерьера (с особым выделением места покойного): *С горя кинешся спацьлива родна дяленька Ты на эти новы сени решетчатые, Со досади на крылечико переное Со обход на прогульную на улочку, Со печали на путь широку дороженьку* (Бар., 217); *Oi, mocinėla mano. Kodėl n'išėjai an dzidžio dvaralio, kad nepriėmei savo dukratės iš dzidelio kelialio?.. Kodėl nevedei in aukštą klėtėli? Kodėl nesodžinai an baltų suolalių?* (Raudos, 40) 'Ой, матушка моя! Почему не выходишь ты на широкий двор, не встречаешь свою доченьку после долгой дороженьки? Почему не ведешь в высокую клетушку? Почему не сажаешь на белую лавочку?' Сакрализованное место покойника, становящееся абсолютным центром дома, может метонимически называть дом вообще (см. выше: *белая лавочка*, *большой угол* и др.).

ко, надежная головушка,.. Ты со этой-то деревней садовитой... (Бар., 9). Об олонек. и арханг. деревня 'сельская община' см. СРНГ VIII, с. 13.

Концептуальный анализ семантемы *дом* позволяет осознать ее ключевой характер в обряде и сопутствующих текстах. Через код дома в плачах передается противостояние жизни и смерти. Табуируя, по общему правилу, прямые номинации смерти, покойника и т.п., плач передает эти понятия косвенно: *не встречать на крыльце, не вставать с белой лавочки, не похаживать по горнице* и т.д. "Элементарные образы", т.е. основные элементы словаря дома с характеризующими определениями, выстраиваются в систему оппозиций, полярные члены которых в конечном счете конкретизируют общие понятия жизни и смерти: *окно светлое - окно темное, почерневшее; печь теплая, жаркая - печь не-топленая, унылая; лавка белая, lova balta, marga* при немаркированном *лавка* и т.д.

Предложенный словарь основных лексем семантического поля *дом*, составленный по материалам русской и литовской погребальной причети, позволяет восстановить некоторые концептуальные представления о доме, характерные для культурной традиции этого ареала. Основной особенностью при этом оказывается противопоставление дома живого человека и дома покойника, а также дома и гроба как посмертного жилища. Эти противопоставления реализуются, многократно усиливаясь, в каждой словарной статье, т.е. применительно к каждому элементу дома, релевантному своду текстов причети. Дом покойника противопоставляется дому живого как разрушающийся, гибнущий, темный, холодный. Изофункционализм отдельных элементов дома детерминирует семантические отношения между ними особого рода, при которых горница и светлица, стол, лавка предстают как синонимы, т.е. каждый из них является центром своего, концентрически замкнутого в другом, круга и имеет общее значение центра дома как места покойного и самых важных событий обряда.

Н.ВЕЛЮС

РАСТЕНИЯ ВЯЛЬНЯСА В ЛИТОВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

В статье рассматриваются отношения вяльняса с миром растений², и прежде всего с *д е р е в ь я м и*. Эта тема особенно интересна в связи с тем, что культ деревьев, как известно, был весьма распространен в Литве (см.: Mannhardt 1936; Slaviūnas 1947, 181-185). Вяльняс в фольклоре тесно связан с лесом - местом его появления или

¹ О связях вяльняса с миром животных в литовском фольклоре см. статью автора: *Velnio banda: 'стадо вяльняса'*. - В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

² Речь будет идти о наиболее популярных растениях вяльняса; растения же, противопоставленные вяльнясу (как, например, рябина, лен), здесь не рассматриваются, как и растения, содержащие имя вяльняса в своем названии (например, *velniadagys* *Datura stramonium*, *velniagybis* *Helvella esculenta*, *velniažolė* *Cuscuta*, и т.п.).

обитания. Отношения же его с отдельными видами деревьев ни в древних письменных, ни в фольклорных источниках прямо не засвидетельствованы (в отличие, скажем, от подобных связей Перкунаса). Эти отношения восстанавливаются по упоминаниям (довольно, однако, редким) в различных сюжетах.

Прежде всего, с вьяльнясом связаны деревья, в которые он превращается или превращает что-либо; которые он так или иначе использует, общаясь с людьми; под которыми, наконец, он чаще всего появляется. По мифологическим сказаниям "Музыкант на пиру (свадьбе) у чертей" (LPK 3277), "Животное на возу превращается в камень (пень)" (LPK 3301), "Обмен с вьяльнясом" (LPK 3302), в такой роли выступают обычно ель, береза, ольха. Так, человек, приглашенный во владения вьяльняса, обнаруживает себя сидящим на ели (LMD I 331/1/; LTR 422/39/, 783/438а/, 1729/98/), березе (LMD I 315/9/; LTR 1064/68/). Полученные от вьяльняса деньги оказываются берестой (BLPY II 208; LMD I 133/57/), щепками ольхи (LTR 774/22/), полотенце - корой ели (LMD I 137/4/), конфеты - сережками березы (LTR 447/100¹²/). Приобретенный у вьяльняса конь оказывается березовым поленом (LTR 270/600/), березовым бревном (LTR 265/226/, 1420/48/), верхушкой березы (LTR 381/114/), рубашка - берестой (LMD I 144/77/), папираса - еловой шишкой (LTR 753/32/), шляпа - еловым лубом (LTR 260/221/). Добытые у человека сапоги вьяльняс вешает на ели (LMD I 573/17/). Реже в подобных контекстах упоминаются тополь (LTR 217/118/), липа (DSPŽ II 120-123), сосна (LTR 42/17/).

Ольха соотносится с вьяльнясом и в литовских этимологических сказаниях: она красная потому, что ее своею кровью окрасил вьяльняс (LTR 662/243/, 1419/90³²⁶/, 3150/192). В литовских поверьях ольха считается нечистым, несвятым деревом (LTR 374^C/1274), на ней повесилась мать вьяльняса (LTR 2274/221/). Недобрым деревом, видимо, была и ель: ее, подобно другим хвойным деревьям, не сажали при усадьбах (LTR 1645/63/); считалось, что люди, на дворе у которых растет ель, постоянно имеют долги (LTR 600/20119/) и т.п. (хотя есть и обратные свидетельства: ель святое дерево, ибо под своими густыми ветвями укрыла святое семейство - LTR 1283/82¹¹/).

С вьяльнясом связаны и те деревья, в которых он прячется от Перкунаса (сказания "Перкунас охотится за вьяльнясом" - LPK 3452): ель (LTR 828/374/), ольха (LTR 792/143/; LMD I 573/15/), ива (LTR 832/645/). Однако чаще всего вьяльняс прячется в дупле дуба (BLPY IV 80; LMD I 133/152/; LTR 795/2/ и др.), в дупле дерева (без указания породы) (BLP I 27; DSPŽ II 62; LTR 1074/103, 104, 110/, 1208В/1283/ и др.). Ель (DSPŽ I 203; II 62; LTR 462/243/, 759/34/) или дуб (BLP II 58) упоминаются в сказаниях этого типа и в другой роли: под ними останавливается сам "охотник".

По литовским поверьям, вьяльняс также спасается от Перкунаса под деревьями (LTR 948/17/). Но свидетельства здесь противоречивы. Говорится, например, что вьяльняс

укрывается под елью (LTR 957/7/), и в то же время - что он не может прятаться под елью, так как ее ветви растут крестообразно (Balys 1937, 187). Перкунас не бьет и в орешник. Связь вьяльняса с орешником также противоречива: вьяльняс боится орешника (LTR 1032/23/) и прячется под ним (LTR 828/346/), поскольку пули Перкунаса туда не попадают. Вероятно, здесь переплетаются две группы поверий: о деревьях, под которыми прячется от грома вьяльняс, и о деревьях, никогда не поражаемых Перкунасом (последние обычно связаны с христианскими мотивами, в частности с бегством святого семейства в Египет). Вьяльняс прячется от Перкунаса и под березой (LTR 752/94/).

Вот почти все упоминания, которые могут быть обобщены следующим образом: 1) с вьяльнясом в литовской традиции чаще всего связываются деревья, растущие в сырых местах: ель, ольха, береза; исключение составляет лишь дуб; 2) с вьяльнясом соотносятся те деревья, которые по народной систематизации называются черными (ель - основное дерево чернолесья; ольха, о которой идет речь в этимологических сказаниях, носит название *juodalksnis* 'черная ольха'); исключение здесь составляют дуб и береза (почему их и не следует причислять к "деревьям вьяльняса"). Эти наблюдения, хотя и косвенно, свидетельствуют о наличии в древней литовской мифологии противопоставлений с у х о е - с ы р о е, б е л о е - ч е р н о е, причем вьяльняс связан со вторыми членами этих противопоставлений.

Соотнесенность ели³ и березы с вьяльнясом (как и многие другие данные, которые здесь не рассматриваются) указывает на связь вьяльняса с миром умерших. Ср. использование ели и березы в литовских погребальных и поминальных обрядах (*Čilvinaitė* 1943, 190; *Vyšniauskaitė* 1961, 139-149; *Vyšniauskaitė* 1964, 516, 522 и др.): у входа в дом, где лежит покойник, стелют еловые ветки, покойника везут на кладбище в повозке, украшенной елью или березой, из елей делают венки, и т.п. Если учесть роль ели в новогодних празднествах (ср. рождественскую или новогоднюю ель), то можно предполагать, что вьяльняс имел определенное отношение к ритуалам этого цикла.

Обращает на себя внимание одна существенная деталь: вьяльняс в народной традиции более всего связан не со всем деревом целиком, а лишь с его низом, точнее, с пнем. На этой связи есть смысл остановиться подробнее, поскольку она в какой-то степени проливает свет на природу вьяльняса.

В упомянутых выше сказаниях (LPK 3276, 3277) человек, побывавший во владениях вьяльняса, нередко обнаруживает себя сидящим на пне (LTR 32/2/, 462/39, 54/, 795/60/,

³ К связи ели с вьяльнясом ср. именование ели королевой ужей (*eglė žalđių karalienė*) в литовских сказках (AT 425 M). Из параллелей ср. связь с елью дэваса, персонажа грузинских сказов: дэвас появляется в еловом лесу, его веретено - ствол ели, и т.п. (Долидзе 1956, 177).

811/606/, 860/61/, 961/122/ и др.), видит, что его кресло - пенёк (BLV 338; LMD I 137/4/). Вымененный у вьяльняса конь также оказывается пнем (LPK 3302 - LTR 783/365/), пнем с корнями (LTR 270/556/), березовым пнем (LTR 768/497/), колодой (LTR 860/15/); трубка оказывается пеньком (LMD I 184/20/), щепкой от пня (LMD I 184/30/, LTR 1045/249/), ивовым пеньком (LTR 1059/244/), червивым пнем (LTR 219/110/); табакерка - куском трутовика (LTR 277/2/); гармонь - колодой (LTR 1729/80/). Принадлежащий вьяльнясу индюк не что иное, как обгоревший пенёк (LTR 909/16/), тетерка - пенёк (LTR 1044/59/), зайцы - тоже пни (LTR 834/35/). Вьяльняс, за которым охотится Перкунас, вылезает из-под пня (LTR I 144/34/), "шастает по пням" (BFM 10), прыгает с пня на пенёк (LTR 828/380/), а будучи пораженным, превращается в пенёк (VCh 381-382). Пенёк постоянно сопутствует вьяльнясу и в других сказаниях. Пнем становится найденное человеком по дороге и привезенное домой животное (овца, коза, свинья) (LMD I 598/4/, LTR 208/120/, 732/331/, 811/453/, 822/18, 314/, 98/14/, 1947/55/ и др.). На провалившемся в ад барине вьяльнясы возят пни (LTR 368/3/); пойманный человеком вьяльняс представляется к пням (LTR 753/173/, 1713/21/). Вьяльняс забирает хлеб у человека, который корчует пни (BLV 336; LTR 822/276/), или хлеб, положенный на пенёк (LT II 620), возле пня (LTR 368/17/) и т.д.

Пенёк рядом с вьяльнясом фигурирует и в сказках. Например, в оригинальном варианте (BLP I 138-142) сказки "Муж ищет исчезнувшую жену" (AT 400), который сохранил много архаичных мифологических деталей, вьяльняс, похитивший деву-лебедь и все ее королевство, идентифицируется с пнем (жизнь вьяльняса - в яйце, яйцо - в утке, утка - в свинье, свинья - в волке, волк - в пне). В расширенном варианте (BLV 334-338) сказки о чудесном омоложении (AT 753) вьяльняс появляется в момент, когда батрак бросает сухой пенёк на две ольхи. В варианте (BLPV II 211-212) сказки "Загадка черта" (AT 812) вьяльнясы устраивают жилище на болоте среди пней, вместо столов накрывают пни и т.д. Еще чаще встречается пенёк в сказках о глупом вьяльнясе. Наконец, в Жемайтии засвидетельствовано слово *kelmas* 'пенёк' как название вьяльняса (LKŽ V, 524).

Таким образом, вьяльняс локализовался у пня дерева, а иногда и отождествлялся с ним. Это позволяет осмыслить одну из специфических ипостасей вьяльняса. Вьяльняс чаще всего превращается в смолу, очутившись в критическом положении: когда в него стреляют (DSPŽ I 203-204; BLP I 27; II 57, 58; BLPV IV 79, 80; LMD I 133/1, 152/; LTR 198/295/ и др.), когда поет петух (LMD I 105/1/), бьет Перкунас (BLPV IV 82), и т.д. Иногда в подобных ситуациях он превращается в головешку (BLS 307, 384; LMD I 809/9/; LTR 851/72/). В основе этих мотивов лежит, по всей вероятности, отождествление вьяльняса с пнем (при горении пня обычно выделяется смола, остаются головешки, откуда по аналогии: уничтожение пня - мифологического существа ведет к превращению его в смолу, головешку). Смола как одна из ипостасей вьяльняса или характерный его атри-

бут упоминается и в сказках. Например, вьяльняс превращается в смолу, когда солдат заклинивает в стену его пальцы (BLP I 53-54), когда все принуждены танцевать под непрекращающуюся музыку (BLP I 36-37); смолой обливаются все заклятое царство (BLV 218-220/) и т.п.

Связь вьяльняса - пенёк объясняет, в частности, одно из распространенных поверий: нельзя строить дом на пне, иначе в доме не будет порядка и жизни (LMD III 57b-/91/).

Локализация вьяльняса у пня дерева - пня может рассматриваться как еще одно свидетельство того, что в древней литовской модели мира мифологические существа располагались по вертикальной оси, воплощением которой было дерево. Ср. соответствия в других индоевропейских традициях: дракон Нидхёгг у корней ясеня Иггдрасила (Старшая Эдда), *Áhi Budhnyà* 'Змей Глубин', или 'Корневой Змей' (Ригведа). По данным индоиранской и северогерманской мифологии Ж. Дюмезиль (Dumézil 1959) и А.В. Стрём (Ström 1967) реконструируют индоевропейскую мифологию о Змее у корней мирового дерева; исследования В.Н. Топорова (Топоров 1976; Топоров 1978) существенно расширили круг сопоставлений за счет данных греческой, славянской и других традиций.

С упомянутыми мифологическими персонажами вьяльняс сближается не только локализацией у корней мирового дерева: подобно *Áhi Budhnyà* он связан с водой, животными; подобно Нидхёггу, он глотает трупы, для него характерен черный цвет; наконец, взаимоотношения его с Перкунасом схожи с соответствующими мотивами указанных традиций. У древних литовцев известен обряд, подобный южнославянским ритуалам: сербохорв. *Bãdnãk'у*, болг. *бьдник'у* и т.п. С. Даукантас (Daukantas 1976, 547, 548 и др.) описывает, как в старину литовцы волокли по дворам *blukas* ('колода, толстая палка, бревно', LKŽ 12, 949) в сопровождении ударов в *tabalas* (деревянный музыкальный инструмент), после чего *blukas* сжигали. С. Даукантас идентифицирует *blukas* со старым годом, а рождество рассматривает как "встречу старого времени с молодым". А. Греймас (Greimas 1975) считает это объяснение недостаточным - не только из-за недостаточного количества фольклорных данных, но и из-за отсутствия в ритуале таких характерных элементов, как "борьба между старым и новым годом или эпизоды смерти и воскресения". Однако языковые, фольклорные и этнографические данные показывают как раз наличие таких элементов. Ср. противопоставление старого и молодого, выраженное в противопоставлении участников ритуала волочения *blukas*'а и богов (трое из участников - молодые, один - старый, седой); восхваляется только что родившийся бог-дитя, старец Юзапас подвергается насмешкам. Это противопоставление еще более очевидно, если принять гипотезу Греймаса (p. 183, 184) о синонимии *blukas* и *tabalas*. Ведь *blukas* (= *tabalas* = 'старик') в о л о к у т, б ь ю т, наконец, с ж и г а ю т, в то время как новорожденного бога (его сына?) восхваляют песнями. Причем ритуал приурочен исключительно к празднованию нового года. В свете сказанного можно предполагать не только связь *blukas*-вяль-

няса, но и их тождественность. Родственность Бадняка и других мифологических персонажей, изображаемых в виде пня или колоды, древнеиндийскому *Ahi Vudhnyā*, подтверждает высказанную выше мысль об отождествлении вьяльняса-пенья. В свою очередь это объясняет "возрастные вариации" вьяльняса, представляемого то старым, то молодым.

Сюжеты, сохранившие следы индоевропейского мифа о борьбе Громовержца с противником (Иванов, Топоров 1974), содержащая указания на связь вьяльняса с дубом. В сказаниях "Перкунас охотится за вьяльнясом" вьяльняс прячется в дупле дуба. Сказка о сестре девяти братьев (АТ 312), насыщенная мифологическими мотивами, также свидетельствует о связи вьяльняса-дуба: девятиглавый дракон, иногда называемый вьяльнясом (LTR 2368/48/; ВЛРУ II 209-211), змея (LP 22; LMD III 173/587/; LTR 208/2/; 1257/158/), грызет дерево, на котором сидит сестра (ср. Нидхэгга, грызущего мировое дерево, - Старшая Эдда 1963, 39); причем в 15 из 50 литовских вариантов этим деревом является дуб. В дубовый пеня или дуб заклинивается борода маленького человечка, родственного вьяльнясу, в сказке "Три похищенные королевы" (АТ 301, 301А, 301В) (ВЛР II 139; ВЛРУ IV 22; LMD I 1000/476/; LTR 462/315/; 449b/76/ и др.). В литовской традиции дуб считается святым деревом (LTR 374d/212/; 1288/300/; 1336/4/; 1350/7/; 1405/361/; 1504/31/; 1515/15¹/; 1565/12/; 1779/12/ и др.). Эти фольклорные данные, наряду со свидетельствами исторических источников, позволяют считать, что скорее всего именно дуб выступал в роли мирового дерева древних литовцев.

Итак, в литовской мифологической системе вьяльняс неизменно приурочен к нижней части дерева (комлю или пню) и связан, таким образом, со вторым членом оппозиции *в е р х - н и з*.

Эту же связь можно проследить и дальше - если обратиться к миру культурных растений. С вьяльнясом обычно соотносятся корнеплодные культуры (тогда как с его антиподом - злаковые). Чаше всего это репа - ср. речения: *сидит, как вьяльняс в репе* (о сидящем без дела); *вселился, как черт в репу; не потравил божий огород, не дергал чертову репу* (о доказывающем свою правоту) и т.п. (LKŽ XI, 831; LKŽK). В сказке о медвежатнике и вьяльнясах (АТ 1161) вьяльняс в овине чистит, жарит и ест репу (LTR 426/9, 29/, 457/227/, 474/33/, 624/6/, 768/242/, 860/57/) или другие корнеплоды: редьку (LTR 35/38/), брюкву (LTR 380/422/), картошку (LTR 768/263/). В сказке "Дежж урожая" (АТ 1030) вьяльняс сначала сажает репу (LMD III 460/12/; LTR 218/74/, 405/248/, 776/171/, 792/24, 63, 106/, 811/349/, 957/90/, 2268/216/ и др.) или другие корнеплоды: картошку (ВЛР 287, LMD I 817/7/, LTR 210/209/, 262/112/, 662/302/, 796/91/, 1032/252/, 1056/10/ и др.), свеклу (LTR 218/63/, LTR 47/9/) - т.е. "свою" культуру, а на другой раз сеет хлеба - культуру своего антипода, бога (скорее всего варианты, где вьяльняс уговаривается о совместной работе не с человеком, а с богом (LTR 861/141/), более древние и лучше отражают первоначальный смысл сказки).

Комическая ситуация (черт в обоих случаях одурачен) создается обыгрыванием оппозиции *в е р х - н и з* (*вершки-корешки*).

Литовский сказочный материал позволяет причислить вьяльнясу и другие растения, а именно *я ч м е н ь*, *г о р о х*, *б о б ы*, *о в е с*, *г р е ч и х у* (тогда как пшеница принадлежит другому персонажу). В сказке "Пироги, доставленные в ад" (АТ 480С*) вьяльнясу дают пироги или блины из ячменя (DPM 108-109; LMD I 300/14/; LTR 68/329/, 262/197/, 272/47/, 687/23/, 2708/42/, 2201/30/), бобов, гороха (LMD I 661/30/; I 1000/675/; LTR 42/5/, 218/1228/, 724/108/, 1508/403/, 1497/22/), овса (LTR 1295/24/, 3144/103/), гречихи (ВЛРУ I 241-242). Вьяльнясу они нравятся (LMD I 661/30/; LTR 68/329/, 2201/30/), и бедный брат за них награждается, между тем как богатый брат, доставивший вьяльнясу пшеничный пирог, наказан. В вариантах сказки противопоставлены не только злаки, но и кушанья: например, блины - пирогам (независимо от того, из чего они испечены) (LTR 2468/38/, 3116/4270/).

Известно, что блюда из ячменя, овса, бобов, гороха являются обязательной частью рождественского ужина (не только у литовцев, но и у белорусов, русских и других народов), а также погребальных и поминальных трапез (Пропп 1963, 16; Balys 1930, 126, 144; Vyšniauskaitė 1961, 142-145, 153-155). Можно предположить поэтому, что соотношение этих культур и особых блюд из них (блины) с вьяльнясом еще раз свидетельствует о связи его с наиболее важным праздником новогоднего цикла - кутьей, так же как и о связи с миром умерших. Некоторые мифологические сказания прямо связывают вьяльняса с кутьей (например, LTR 3974/163/: хозяин в сочельник всегда выливал три ложки овсяного киселя вьяльнясу, обитавшему в избе под лавкой; ср. также LTR 3974/164/).

Нельзя не упомянуть среди растений вьяльняса и *т а б а к*. В этиологических сказаниях он связан с матерью или женой вьяльняса: табак вырос на могиле матери вьяльняса (BLS 107, 108; LTR 792/141/, 3740/112/); вьяльняс создал табак во время похорон матери и дал его людям нюхать, чтобы те плакали (BLS 108, 109; LTR 865/116/, 2145/220/, 3242/52/, 3978/647/); ср. также контаминацию этих мотивов (ВЛРУ IV 72-73; BLS 108; LTR 952/58/). Как создатель табака вьяльняс фигурирует в сказке "Кто угадает название растения черта" (АТ 1091А): человек с помощью хитрой жены угадывает название посеянного вьяльнясом табака, и тот должен отдать его человеку (LTR 42/18/, 264/143/, 284/515/, 489/15/, 826/359/, 1059/121/, 1439/70/, 1505/37/ и др.). О табаке говорится, что вьяльняс его принес откуда-то (ВЛР II 115; LTR 1505/37/), из-за моря-океана (LTR 768/614/; 3540/62/). Вьяльнясу приписывается нюхание табака, тогда как курение - изобретение бога: когда люди, погнав табаку, прослезились, ангел (BLS 108; LTR 865/116/, 3978/647/), св. Петр (BLS 109), Христос (LTR 3242/52) или сам бог (LTR 2145/220/) научил людей курить табак, чтобы они плевали на мать вьяльняса. Хотя сказания и сказки о вьяльнясе и табаке явно позднего происхождения (ср.

этия на стульица кленови, Отходящи би ей низко поклоня-
лися, И ласково би ей тут говорили: ... ти возми злодей-
скорая смеретушка... Ты жемчужную возми мою подвесоч-
ку... Со двора возми любимую скотинушку... Не бери столь-
ко (sic) надежной головушки... (Бар., 3-4).

Как ритуально и функционально значимый элемент дома стол претерпевает разрушительные изменения со смертью члена семьи: Нонь... Дубовие столы, стоя, шатаются, На них питвица медвяни проливаются, Крестова мать с дитем нонь разставається (Бар., 133).

То же относится к другому предмету интерьера - стульи-
цо кленовое - чаще всего выступающему в паре со столами ду-
бовыми, более того, их соединение является признаком
"правильного" дома: Там построено хоромное строеньице -
Поразставлены там столики точение... Круг стола да ведь
все стульицо кленовое... (Бар., 27); Ви садитесь-ко по
стульчицам кленовиим, Вокруг столиков садитесь-ко дубо-
вих (Бар., 161, см. также Бар., 171). Сажать на кленовые
стулья - оказывать честь гостю: В нову горенку была она
приведена, на кленови была стульица посажена (Бар., 139,
см. также Бар., 144, 239).

Стул как неотъемлемый элемент дома, входя в сферу дей-
ствия смерти, претерпевает разрушительные изменения:
Пустим да по покоям все пустешенько, Кленови стоят стульи-
ца простешеньки, На столах да все доски расклеилися
(Бар., 161).

Лавочка

Лавка в основных своих значениях оказывается изофунк-
циональной столу:

1) место покойника в доме: Наглядитесь ... очу... на
матушку... Во своем пока хоромном строеньице, На своей
пока брусовой она лавочке (Бар., 65); Уж ти стань-восстань,
скачная жемчужинка, Со этой со брусовой белой лавочки...
Не встаешь ти со брусовой белой лавочки (Бар., 89). (При
положении в гроб) Ты послушай-ко сердечно мое дитячко,
Не сдавайся со брусовой белой лавочки (Бар., 109, см.
также Бар., 170); vakar dīvavai ant lovelēv, o šīandien
ant baltos lentelēs (Juška III, 287) 'Вчера еще дыша-
ла на постелюшке, а сегодня на белой досочке' (см. так-
же Juška III, 333). Не сдвигаться с лавки - быть мертвым
(Бар., 196); Kelkis, motule, kelkis, širdede, nuog balto
patalėlio, nuog rūšų lentelių (LT II, 522) 'Поднимись,
матушка, поднимись, сердечко, с белой постельки, с сосно-
вых досочек' (метонимическое название лавки, ср. к этому
лит. lentyna 'полка');

2) центр дома, где происходят самые важные события,
в том числе сообщается весть о смерти: На крилечке (вес-
тей) не введывай, Допусти хоть до хоромного строеньица,
До своей ти брусовой белой лавочки (Бар., 233); Нонь
судил да Боже Господи, Мне-ка быть да на родимой на сто-
ронюшке, Во победном во сиротском теплом гнездышке, На
своей мне-ка брусовой белой лавочке (Бар., 265). [Дом на
том свете, изоморфный дому земному, также предполагает
последовательное концентрическое включение отдельных эле-

ментов дома и выделение центра, в данном случае лавки:
O atkelkite vėlių vartelius, o atdarykite vėlių dureles,
o priimkite mano vyrelį, o pasodinkite į vėlių suolelį...
(LT II, 542) 'О, отворите ворота душ, о, откройте две-
рушки душ, о, примите моего муженька, о, посадите на
скамеечку душ... (см. также Juška III, 283, 301);
301)];

3) метонимическое обозначение дома вообще: Рано ла-
дишься к Владичному ко праздничку, на брусовой пооста-
нешься на лавочке (Бар., 272).

Наконец, лавка и трансформации ее состояния могут вы-
ступать как эквивалент сиротской (или вдовьей) доли:
Sunkus suolelis siratelio, į suolelį vėdau - suolelis
linko (Juška III, 283) 'Тяжела сиротская скамеечка; са-
жусь на скамеечку - скамеечка сгибается'.

Определение белая, baltas характеризует объект как
связанный со смертью.

Тексты погребального фольклора в меньшей, может быть,
степени, чем иные жанры, дают основания также для заклю-
чения об ориентации дома в пространстве. Прежде всего
дом в мифопоэтическом сознании помещается в центре мира,
на пересечении основных координат: север-юг, запад-вос-
ток: Мне с коей займи сторонушки, С подвосточной аль
с подзападной, С полуденной аль с подсеверной? (Азадов-
ский, 88); O, motinėle, tu pravakikie, kada man tavęs
lauktie ir iš katro kraštelio pareisi? Jei iš rytelių,
tai anksti keldia, jei iš vakarėlių, tai vėlai guldia...
(Raudos, 38) 'О матушка, ты скажи, когда мне тебя ожидать
и с какой сторонушки ты придешь. Если с востока, то я
встала бы рано, если с запада, то легла бы поздно...'
При этом вторые элементы этих оппозиций (юг и восток)
тождественны, и оба связаны с солнцем и светом⁸.

Дом с примыкающим к нему двором, ограниченным забором
с дубовыми или медными воротами, противопоставляется
внешнему пространству - чисту полю⁹. Улица, дорога, боль-
шак связывают чужое пространство с домом. При этом осо-
бый статус приобретает улица как синоним деревенского
социума¹⁰, диктующего особые правила поведения вдове и

⁸ О более широком толковании этого противопоставления
см.: Иванов Вяч. Вс. и Топоров В. Н. Славянские языковые
моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 112. -
Об ориентированности восточнославянских поселений и
построек на юг, юго-восток и юго-запад см.: Бломк-
вист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев
и белорусов. - В кн.: Восточнославянский этнографиче-
ский сборник. М., 1956, с. 58-59.

⁹ О других синонимических обозначениях чужого, отдален-
ного пространства, а также locus'a смерти см.: Нев-
ская Л. Г. Синонимия как один из способов организации
фольклорного текста. - В кн.: Балканское и славянское
языкознание. М., 1982.

¹⁰ Наряду с улицей в топографическом и одновременно со-
циальном смысле в олонецкой причети употребляются так-
же село деревенское, деревня садовитая: Ти прощайся-

сиротам: *Надо жить бедной горюнице умиючи, По улице ходить надо тихошенько, Буйну голову носить надо низешенько* (Бар., 21); *Tai aš išeisiu, Tai pažūrėsiu Ant plačiųjų ulučėlių. Visas jaunimėlis eina, Daineles dainuoja, O mano dukrelės nėra* (LT II, 532) 'Вот я выйду, вот погляжу на широкую на улочку. Вся молодежь ходит, Песенки поет, А моей доченьки нет'.

Фиксированная, закреплённая в текстах, имеющих почти формульный характер, последовательность введения элементов дома позволяет реконструировать трехчастное деление пространства дома как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальная членность пространства дома, воплощающая трехчастное деление космической вертикали, реализуется в выделении уровня земли – двора, уровня крыльца и сакрализации "верха" – горенка в севернорусской причети и *a u k š t a s klėtėlis* в литовской. (Въезжая во двор): *Oi, aš užvažavau an dzidžio dvarelį, oi aš pamatiau juodas karūnėlas cies vara varteliuis pastacytas... Tai aš atsidarau varo durales, oi aš inėjau aukštąn klėtėtėn: guli motutė an sausos lantelės...* (Raudos, 39) 'Ой, я въехала на широкий двор, ой я увидела черную хоругвь, над перекладиной ворот поставленную... Вот я отворила дверцы ворот, ой, я вошла в высокую клетушку, лежит матушка на сухой доске...'; *A po sėgodaynėmu denečku Ne vstrecat da bratec rodneņkij U krylečuka perenogo, U stupenčika u pervogo... Я в крылечко поднималася, О порученьки держалася, А во новой во горенке Вижу горят свєци так восковє* (Азадовский, 65).

Подобное гипертрофирование признака широко используется в фольклоре именно как средство сакрализации объекта. Так, в погребальном плаче дом может называться *хоромами, палатой грановитой, теремом, двор широкий или большой, сени новые решетчатые, стекла хрустальные* и т.д. (см. выше).

Горизонтальное членение сводится к последовательному концентрическому разворачиванию/свертыванию пространства внутри и вне дома и к последовательному введению элементов интерьера (с особым выделением места покойного): *С горя кинешься спацьлива родна дяденька Ты на эти новы сени решетчаты, Со досады на крылечико переное Со обьды на прогульную на улочку, Со печали на путь широку дороженьку* (Бар., 217); *Oi, mocinėla mano. Kodėl n'išėjai an dzidžio dvaralio, kad nepriėmei savo dukratės iš dzidėlio kelialio?... Kodėl nevedei in aukštį klėtėlį? Kodėl nesodzinai an baltų suolalių?* (Raudos, 40) 'Ой, матушка моя! Почему не выходишь ты на широкий двор, не встречаешь свою доченьку после долгой дороженьки? Почему не ведешь в высокую клетушку? Почему не сажаешь на белую лавочку?' Сакрализованное место покойника, становящееся абсолютным центром дома, может метонимически называться дом вообще (см. выше: *белая лавочка, большой угол* и др.).

ко, надежная головушка, .. Ты со эдй-то деревней садовитой... (Бар., 9). Об олонек. и арханг. деревня 'сельская община' см. СРНГ VIII, с. 13.

Концептуальный анализ семантемы *дом* позволяет осознать ее ключевой характер в обряде и сопутствующих текстах. Через код дома в плачах передается противостояние жизни и смерти. Табуируя, по общему правилу, прямые номинации смерти, покойника и т.п., плач передает эти понятия косвенно: *не встречать на крыльце, не вставать с белой лавочки, не поаживать по горнице* и т.д. "Элементарные образы", т.е. основные элементы словаря дома с характеризующими определениями, выстраиваются в систему оппозиций, полярные члены которых в конечном счете конкретизируют общие понятия жизни и смерти: *окно светлое – окно темное, почерневшее; печь теплая, жаркая – печь не-топленая, унылая; лавка белая, lova balta, marga* при немаркированном *лавка* и т.д.

Предложенный словарь основных лексем семантического поля *дом*, составленный по материалам русской и литовской погребальной причети, позволяет восстановить некоторые концептуальные представления о доме, характерные для культурной традиции этого ареала. Основной особенностью при этом оказывается противопоставление дома живого человека и дома покойника, а также дома и гроба как помертвого жилища. Эти противопоставления реализуются, многократно усиливаясь, в каждой словарной статье, т.е. применительно к каждому элементу дома, релевантному своду текстов причети. Дом покойника противопоставляется дому живого как разрушающийся, гибнущий, темный, холодный. Изофункционализм отдельных элементов дома детерминирует семантические отношения между ними особого рода, при которых горница и светлица, стол, лавка предстают как синонимы, т.е. каждый из них является центром своего, концентрически замкнутого в другом, круга и имеет общее значение центра дома как места покойного и самых важных событий обряда.

Н.ВЕЛЮС

РАСТЕНИЯ ВЯЛЬНЯСА В ЛИТОВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

В статье рассматриваются отношения вяльняса с миром растений², и прежде всего с *д е р е в ь я м и*. Эта тема особенно интересна в связи с тем, что культ деревьев, как известно, был весьма распространен в Литве (см.: Mannhardt 1936; Slaviūnas 1947, 181-185). Вяльняс в фольклоре тесно связан с лесом – местом его появления или

¹ О связях вяльняса с миром животных в литовском фольклоре см. статью автора: *Velnio banda: 'стадо вяльняса'*. – В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

² Речь будет идти о наиболее популярных растениях вяльняса; растения же, противопоставленные вяльнясу (как, например, рябина, лен), здесь не рассматриваются, как и растения, содержащие имя вяльняса в своем названии (например, *velniadagys Datura stramonium, velniagrybis Helvella esculenta, velniažolė Cuscuta*, и т.п.).

обитания. Отношения же его с отдельными видами деревьев ни в древних письменных, ни в фольклорных источниках прямо не засвидетельствованы (в отличие, скажем, от подобных связей Перкунаса). Эти отношения восстанавливаются по упоминаниям (довольно, однако, редким) в различных сюжетах.

Прежде всего, с вьяльнясом связаны деревья, в которые он превращается или превращает что-либо; которые он так или иначе использует, общаясь с людьми; под которыми, наконец, он чаще всего появляется. По мифологическим сказаниям "Музыкант на пиру (свадьбе) у чертей" (LPK 3277), "Животное на возу превращается в камень (пень)" (LPK 3301), "Обмен с вьяльнясом" (LPK 3302), в такой роли выступают обычно ель, береза, ольха. Так, человек, приглашенный во владения вьяльняса, обнаруживает себя сидящим на ели (LMD I 331/1/; LTR 422/39/, 783/438a/, 1729/98/), березе (LMD I 315/9/; LTR 1064/68/). Полученные от вьяльняса деньги оказываются берестой (BPLY II 208; LMD I 133/57/), щепками ольхи (LTR 774/22/), полотенце - корой ели (LMD I 137/4/), конфеты - сережками березы (LTR 447/100¹²/). Приобретенный у вьяльняса конь оказывается березовым поленом (LTR 270/600/), березовым бревном (LTR 265/226/, 1420/48/), верхушкой березы (LTR 381/114/), рубашка - берестой (LMD I 144/77/), папироса - еловой шишкой (LTR 753/32/), шляпа - еловым лубом (LTR 260/221/). Добытые у человека сапоги вьяльняса вешает на ели (LMD I 573/17/). Реже в подобных контекстах упоминаются тополь (LTR 217/118/), липа (DSPŽ II 120-123), сосна (LTR 42/17/).

Ольха соотносится с вьяльнясом и в литовских этиологических сказаниях: она красная потому, что ее своею кровью окрасил вьяльняс (LTR 662/243/, 1419/90³²⁶/, 3150/192). В литовских поверьях ольха считается нечистым, несвятым деревом (LTR 374C/1274), на ней повесилась мать вьяльняса (LTR 2274/221/). Недобрым деревом, видимо, была и ель: ее, подобно другим хвойным деревьям, не сажали при усадьбах (LTR 1645/63/); считалось, что люди, на дворе у которых растет ель, постоянно имеют долги (LTR 600/20119/) и т.п. (хотя есть и обратные свидетельства: ель святое дерево, ибо под своими густыми ветвями укрыла святое семейство - LTR 1283/82¹¹/).

С вьяльнясом связаны и те деревья, в которых он прячется от Перкунаса (сказания "Перкунас охотится за вьяльнясом" - LPK 3452): ель (LTR 828/374/), ольха (LTR 792/143/; LMD I 573/15/), ива (LTR 832/645/). Однако чаще всего вьяльняс прячется в дупле дуба (BPLY IV 80; LMD I 133/152/; LTR 795/2/ и др.), в дупле дерева (без указания породы) (BLY I 27; DSPŽ II 62; LTR 1074/103, 104, 110/, 1208B/1283/ и др.). Ель (DSPŽ I 203; II 62; LTR 462/243/, 759/34/) или дуб (BLY II 58) упоминаются в сказаниях этого типа и в другой роли: под ними остаивается сам "охотник".

По литовским поверьям, вьяльняс также спасается от Перкунаса под деревьями (LTR 948/17/). Но свидетельства здесь противоречивы. Говорится, например, что вьяльняс

укрывается под елью (LTR 957/7/), и в то же время - что он не может прятаться под елью, так как ее ветви растут крестообразно (Balys 1937, 187). Перкунас не бьет и в орешник. Связь вьяльняса с орешником также противоречива: вьяльняс боится орешника (LTR 1032/23/) и прячется под ним (LTR 828/346/), поскольку пули Перкунаса туда не попадают. Вероятно, здесь переплетаются две группы поверий: о деревьях, под которыми прячется от грома вьяльняс, и о деревьях, никогда не поражаемых Перкунасом (последние обычно связаны с христианскими мотивами, в частности с бегством святого семейства в Египет). Вьяльняс прячется от Перкунаса и под березой (LTR 752/94/).

Вот почти все упоминания, которые могут быть обобщены следующим образом: 1) с вьяльнясом в литовской традиции чаще всего связываются деревья, растущие в сырых местах: ель, ольха, береза; исключение составляет лишь дуб; 2) с вьяльнясом соотносятся те деревья, которые по народной систематизации называются черными (ель - основное дерево чернолесья; ольха, о которой идет речь в этимологических сказаниях, носит название *juodalksnis* 'черная ольха'); исключение здесь составляют дуб и береза (почему их и не следует причислять к "деревьям вьяльняса"). Эти наблюдения, хотя и косвенно, свидетельствуют о наличии в древней литовской мифологии противопоставлений *сухое - сырое*, *белое - черное*, причем вьяльняс связан со вторыми членами этих противопоставлений.

Соотнесенность ели³ и березы с вьяльнясом (как и многие другие данные, которые здесь не рассматриваются) указывает на связь вьяльняса с миром умерших. Ср. использование ели и березы в литовских погребальных и поминальных обрядах (*Čilvinaitė* 1943, 190; *Vyšniauskaitė* 1961, 139-149; *Vyšniauskaitė* 1964, 516, 522 и др.): у входа в дом, где лежит покойник, стелют еловые ветки, покойника везут на кладбище в повозке, украшенной елью или березой, из елей делают венки, и т.п. Если учесть роль ели в новогодних празднествах (ср. рождественскую или новогоднюю ель), то можно предполагать, что вьяльняс имел определенное отношение к ритуалам этого цикла.

Обращает на себя внимание одна существенная деталь: вьяльняс в народной традиции более всего связан не со всем деревом целиком, а лишь с его низом, точнее, с пнем. На этой связи есть смысл остановиться подробнее, поскольку она в какой-то степени проливает свет на природу вьяльняса.

В упомянутых выше сказаниях (LPK 3276, 3277) человек, побывавший во владениях вьяльняса, нередко обнаруживает себя сидящим на пне (LTR 32/2/, 462/39, 54/, 795/60/,

³ К связи ели с вьяльнясом ср. именование ели *к о р о л е в о й у ж е й* (*eglė žalđių karalienė*) в литовских сказках (AT 425 M). Из параллелей ср. связь с елью дэваса, персонажа грузинских сказов: дэвас появляется в еловом лесу, его веретено - ствол ели, и т.п. (Долидзе 1956, 177).

811/606/, 860/61/, 961/122/ и др.), видит, что его кресло - пень (BLV 338; LMD I 137/4/). Вымененный у вьяльняса конь также оказывается пнем (LPK 3302 - LTR 783/365/), пнем с корнями (LTR 270/556/), березовым пнем (LTR 768/497/), колодой (LTR 860/15/); трубка оказывается пеньком (LMD I 184/20/), цепкой от пня (LMD I 184/30/, LTR 1045/249/), ивовым пеньком (LTR 1059/244/), червильным пнем (LTR 219/110/); табакерка - куском трутовика (LTR 277/2/); гармонь - колодой (LTR 1729/80/). Принадлежащий вьяльнясу индюк не что иное, как обгоревший пень (LTR 909/16/), тетерка - пень (LTR 1044/59/), зайцы - тоже пни (LTR 834/35/). Вьяльняс, за которым охотится Перкунас, вылезает из-под пня (LTR I 144/34/), "шастает по пням" (BFM 10), прыгает с пня на пень (LTR 828/380/), а будучи пораженным, превращается в пень (VCh 381-382). Пень постоянно сопутствует вьяльнясу и в других сказаниях. Пнем становится найденное человеком по дороге и привезенное домой животное (овца, коза, свинья) (LMD I 598/4/, LTR 208/120/, 732/331/, 811/453/, 822/18, 314/, 98/14/, 1947/55/ и др.). На провалившемся в ад барине вьяльнясы возят пни (LTR 368/3/); пойманный человеком вьяльняс представляется к пням (LTR 753/173/, 1713/21/). Вьяльняс забирает хлеб у человека, который корчует пни (BLV 336; LTR 822/276/), или хлеб, положенный на пень (LT II 620), возле пня (LTR 368/17/) и т.д.

Пень рядом с вьяльнясом фигурирует и в сказках. Например, в оригинальном варианте (BLP I 138-142) сказки "Муж ищет исчезнувшую жену" (AT 400), который сохранил много архаичных мифологических деталей, вьяльняс, похитивший деву-лебедь и все ее королевство, идентифицируется с пнем (жизнь вьяльняса - в яйце, яйцо - в утке, утка - в свинье, свинья - в волке, волк - в пне). В расширенном варианте (BLV 334-338) сказки о чудесном омоложении (AT 753) вьяльняс появляется в момент, когда батрак бросает сухой пень на две ольхи. В варианте (BLPV II 211-212) сказки "Загадка черта" (AT 812) вьяльнясы устраивают жилище на болоте среди пней, вместо столов накрывают пни и т.д. Еще чаще встречается пень в сказках о глупом вьяльнясе. Наконец, в Жемайтии засвидетельствовано слово *kelmas* 'пень' как название вьяльняса (LKŽ V, 524).

Таким образом, вьяльняс локализовался у пня дерева, а иногда и отождествлялся с ним. Это позволяет осмыслить одну из специфических ипостасей вьяльняса. Вьяльняс чаще всего превращается в смолу, очутившись в критическом положении: когда в него стреляют (DSPŽ I 203-204; BLP I 27; II 57, 58; BLPV IV 79, 80; LMD I 133/1, 152/; LTR 198/295/ и др.), когда поет петух (LMD I 105/1/), бьет Перкунас (BLPV IV 82), и т.д. Иногда в подобных ситуациях он превращается в головешку (BLS 307, 384; LMD I 809/9/; LTR 851/72/). В основе этих мотивов лежит, по всей вероятности, отождествление вьяльняса с пнем (при горении пня обычно выделяется смола, остаются головешки, отсюда по аналогии: уничтожение пня - мифологического существа ведет к превращению его в смолу, головешку). Смола как одна из ипостасей вьяльняса или характерный его атри-

бут упоминается и в сказках. Например, вьяльняс превращается в смолу, когда солдат заклинивает в стену его пальцы (BLP I 53-54), когда все принуждены танцевать под непрекращающуюся музыку (BLP I 36-37); смолой обливается все зачатое царство (BLV 218-220/) и т.п.

Связь вьяльняс - пень объясняет, в частности, одно из распространенных поверий: нельзя строить дом на пне, иначе в доме не будет порядка и жизни (LMD III 57b-91/).

Локализация вьяльняса у пня дерева - пня может рассматриваться как еще одно свидетельство того, что в древней литовской модели мира мифологические существа располагались по вертикальной оси, воплощением которой было дерево. Ср. соответствия в других индоевропейских традициях: дракон Нидхэгг у корней ясеня Иггдрасила (Старшая Эдда), *Áhi Budhnyà* 'Змей Глубин', или 'Корневой Змей' (Ригведа). По данным индоиранской и северогерманской мифологии Ж. Дюмезиль (Dumézil 1959) и А.В. Стрём (Ström 1967) реконструируют индоевропейскую мифологему о Змее у корней мирового дерева; исследования В.Н. Топорова (Топоров 1976; Топоров 1978) существенно расширили круг сопоставлений за счет данных греческой, славянской и других традиций.

С упомянутыми мифологическими персонажами вьяльняс сближается не только локализацией у корней мирового дерева: подобно *Áhi Budhnyà* он связан с водой, животными; подобно Нидхэггу, он глотает трупы, для него характерен черный цвет; наконец, взаимоотношения его с Перкунасом схожи с соответствующими мотивами указанных традиций. У древних литовцев известен обряд, подобный южнославянским ритуалам: сербохорв. *Вѣднѣк*'у, болг. *бѣдник*'у и т.п. С. Даукантас (Daukantas 1976, 547, 548 и др.) описывает, как в старину литовцы волокли по дворам *blukas* ('колода, толстая палка, бревно', LKŽ 1², 949) в сопровождении ударов в *tabalas* (деревянный музыкальный инструмент), после чего *blukas* сжигали. С. Даукантас идентифицирует *blukas* со старым годом, а рождение рассматривает как "встречу старого времени с молодым". А. Греймас (Greimas 1975) считает это объяснение недостаточным - не только из-за недостаточного количества фольклорных данных, но и из-за отсутствия в ритуале таких характерных элементов, как "борьба между старым и новым годом или эпизоды смерти и воскресения". Однако языковые, фольклорные и этнографические данные показывают как раз наличие таких элементов. Ср. противопоставление старого и молодого, выраженное в противопоставлении участников ритуала волочения *blukas*'а и богов (трое из участников - молодые, один - старый, седой); восхваляется только что родившийся бог-дитя, старец Юзапас подвергается насмешкам. Это противопоставление еще более очевидно, если принять гипотезу Греймаса (p. 183, 184) о синонимии *blukas* и *tabalas*. Ведь *blukas* (=tabalas= 'старик') в о л о к у т, б ъ ю т, наконец, с ж и г а ю т, в то время как новорожденного бога (его сына?) восхваляют песнями. Причем ритуал приурочен исключительно к празднованию нового года. В свете сказанного можно предполагать не только связь *blukas*-вьяль-

няса, но и их тождественность. Родственность Бадняка и других мифологических персонажей, изображаемых в виде пня или колоды, древнеиндийскому *Ahi Vudhnyud*, подтверждает высказанную выше мысль об отождествлении вьяльняса-пенья. В свою очередь это объясняет "возрастные вариации" вьяльняса, представляемого то старым, то молодым.

Сюжеты, сохранившие следы индоевропейского мифа о борьбе Громовержца с противником (Иванов, Топоров 1974), содержат указания на связь вьяльняса с дубом. В сказаниях "Перкунас охотится за вьяльнясом" вьяльняс прячется в дупле дуба. Сказка о сестре девяти братьев (АТ 312), насыщенная мифологическими мотивами, также свидетельствует о связи вьяльняса-дуба: девятиглавый дракон, иногда называемый вьяльнясом (LTR 2368/48/; ВЛРУ II 209-211), змея (LP 22; LMD III 173/587/; LTR 208/2/; 1257/158/), грызет дерево, на котором сидит сестра (ср. Нидхэгга, грызущего мировое дерево, - Старшая Эдда 1963, 39); причем в 15 из 50 литовских вариантов этим деревом является дуб. В дубовый пеня или дуб заклинивается борода маленького человечка, родственного вьяльнясу, в сказке "Три похищенные королевы" (АТ 301, 301А, 301В) (ВЛР II 139; ВЛРУ IV 22; LMD I 1000/476/; LTR 462/315/; 449b/76/ и др.). В литовской традиции дуб считается святым деревом (LTR 374d/212/; 1288/300/; 1336/4/; 1350/7/; 1405/361/; 1504/31/; 1515/15¹/; 1565/12/; 1779/12/ и др.). Эти фольклорные данные, наряду со свидетельствами исторических источников, позволяют считать, что скорее всего именно дуб выступал в роли мирового дерева древних литовцев.

Итак, в литовской мифологической системе вьяльняс неизменно приурочен к нижней части дерева (комлю или пню) и связан, таким образом, со вторым членом оппозиции *в е р х - н и з*.

Эту же связь можно проследить и дальше - если обратиться к миру культурных растений. С вьяльнясом обычно соотносятся корнеплодные культуры (тогда как с его антиподом - злаковые). Чаще всего это репа - ср. речения: *сидит, как вьяльняс в репе* (о сидящем без дела); *вселился, как черт в репу; не потравил божий огород, не дергал чертову репу* (о доказывающем свою правоту) и т.п. (LKŽ XI, 831; LKŽK). В сказке о медвежатнике и вьяльнясах (АТ 1161) вьяльняс в овине чистит, жарит и ест репу (LTR 426/9, 29/, 457/227/, 474/33/, 624/6/, 768/242/, 860/57/) или другие корнеплоды: редьку (LTR 35/38/), брюкву (LTR 380/422/), картошку (LTR 768/263/). В сказке "Дележ урожая" (АТ 1030) вьяльняс сначала сажает репу (LMD III 460/12/; LTR 218/74/, 405/248/, 776/171/, 792/24, 63, 106/, 811/349/, 957/90/, 2268/216/ и др.) или другие корнеплоды: картошку (ВЛР 287, LMD I 817/7/, LTR 210/209/, 262/112/, 662/302/, 796/91/, 1032/252/, 1056/10/ и др.), свеклу (LTR 218/63/, LTR 47/9/) - т.е. "свою" культуру, а на другой раз сеет хлеба - культуру своего антипода, бога (скорее всего варианты, где вьяльняс уговаривается о совместной работе не с человеком, а с богом (LTR 861/141/), более древние и лучше отражают первоначальный смысл сказки).

Комическая ситуация (черт в обоих случаях одурачен) создается обыгрыванием оппозиции *в е р х - н и з* (*вершки-корешки*).

Литовский сказочный материал позволяет причислить вьяльнясу и другие растения, а именно *я ч м е н ь, г о р о х, б о б ы, о в е с, г р е ч и х у* (тогда как пшеница принадлежит другому персонажу). В сказке "Пироги, доставленные в ад" (АТ 480С*) вьяльнясу дают пироги или блины из ячменя (DPM 108-109; LMD I 300/14/; LTR 68/329/, 262/197/, 272/47/, 687/23/, 2708/42/, 2201/30/), бобов, гороха (LMD I 661/30/; I 1000/675/; LTR 42/5/, 218/1228/, 724/108/, 1508/403/, 1497/22/), овса (LTR 1295/24/, 3144/103/), гречихи (ВЛРУ I 241-242). Вьяльнясу они нравятся (LMD I 661/30/; LTR 68/329/, 2201/30/), и бедный брат за них награждается, между тем как богатый брат, доставивший вьяльнясу пшеничный пирог, наказан. В вариантах сказки противопоставлены не только злаки, но и кушанья: например, блины - пирогам (независимо от того, из чего они испечены) (LTR 2468/38/, 3116/4270/).

Известно, что блюда из ячменя, овса, бобов, гороха являются обязательной частью рождественского ужина (не только у литовцев, но и у белорусов, русских и других народов), а также погребальных и поминальных трапез (Пропп 1963, 16; Balys 1930, 126, 144; Vyšniauskaitė 1961, 142-145, 153-155). Можно предположить поэтому, что соотношение этих культур и особых блюд из них (блины) с вьяльнясом еще раз свидетельствует о связи его с наиболее важным праздником новогоднего цикла - кутьей, так же как и о связи с миром умерших. Некоторые мифологические сказания прямо связывают вьяльняса с кутьей (например, LTR 3974/163/: хозяин в сочельник всегда выливал три ложки овсяного киселя вьяльнясу, обитавшему в избе под лавкой; ср. также LTR 3974/164/).

Нельзя не упомянуть среди растений вьяльняса и *т а б а к*. В этиологических сказаниях он связан с матерью или женой вьяльняса: *табак вырос на могиле матери вьяльняса* (BLS 107, 108; LTR 792/141/, 3740/112/); *вьяльняс создал табак во время похорон матери и дал его людям нюхать, чтобы те плакали* (BLS 108, 109; LTR 865/116/, 2145/220/, 3242/52/, 3978/647/); ср. также контаминацию этих мотивов (ВЛРУ IV 72-73; BLS 108; LTR 952/58/). Как создатель табака вьяльняс фигурирует в сказке "Кто угадает название растения черта" (АТ 1091А): человек с помощью хитрой жены угадывает название посеянного вьяльнясом табака, и тот должен отдать его человеку (LTR 42/18/, 264/143/, 284/515/, 489/15/, 826/359/, 1059/121/, 1439/70/, 1505/37/ и др.). О табаке говорится, что вьяльняс его принес откуда-то (ВЛР II 115; LTR 1505/37/), из-за моря-океана (LTR 768/614/; 3540/62/). Вьяльнясу приписывается нюхание табака, тогда как курение - изобретение бога: когда люди, погнав табаку, прослезилась, ангел (BLS 108; LTR 865/116/, 3978/647/), св. Петр (BLS 109), Христос (LTR 3242/52) или сам бог (LTR 2145/220/) научил людей курить табак, чтобы они плевали на мать вьяльняса. Хотя сказания и сказки о вьяльнясе и табаке явно позднего происхождения (ср.

христианское влияние: все зло от дьявола), некоторые мотивы в них очень архаичны (например, мотив принадлежности объекта тому, кто отгадал его название).

Связь вьяльняса с миром растений этим далеко не исчерпывается. В весьма популярных сказаниях "Вьяльняс служит человеку за украденный хлеб" (LPK 3290), "Происхождение водки" (LPK 3291), "Вьяльняс за батрака" (LPK 3292), а также в некоторых сказочных сюжетах выдвигаются другие аспекты этой связи.

В этих сказаниях и сказках выявляется функция вьяльняса как стимулятора вегетативных сил. Вьяльняс сеет х л е б а (BLS 239-243; LTR 10B/248/, 426/72/, 449A/34/, 449B/106/; 492/15/, 544/340/, 776/168/, 768/234/, 827/48/, 960/331/ и др.), р о ж ь (BLP II 108-109; BLS 235-238; LTR 218/1163/, 406/247/, 830/16/, 1032/255/, 2268/199/ и др.), п ш е н и ц у (BLP I 5-9; BLS 230-231; LMD I 817/11/, 896/8/; LTR 217/144/, 260/88/, 462/464/, 873/352/ и др.), я ч м е н ь (BLV 319-320; BLS 231, 235/). Посеянное вьяльнясом хорошо растет и приносит богатый урожай: вьяльняс (или человек по совету вьяльняса) в дождливый год сеет хлеба на возвышенности, а в засуху - в низине (BLP I 34-35; BLS 236; LMD I 591/3/; I 896/8/; LTR 10B/248/, 260/88/, 449A/34/, 449B/106/, 492/15/, 732/255/, 776/168/, 792/63/ и др.); то же в вариантах, где вьяльняс (или человек по его совету) сеет хлеба на болоте или в других мокрых местах (BLS 235, 237; LTr III 620-621; LTR 217/144/, 262/5/, 822/276/, 830/16/ и т.д.). Влияние вьяльняса на вегетацию, таким образом, объясняется его способностью прогнозировать дождь (или даже повелевать им), т.е. его связью с водной стихией.

В других вариантах хлеба дают хороший урожай, так как вьяльняс сеет их там, где раньше был лес или пни (т.е. в местах, принадлежащих ему и от него зависящих): BLP II 108-109; BLS 230; LMD I 817/11/; LTR 426/72, 464/, 783/267/, 1032/255/, 2268/120, 129/ и др. Те же мотивы встречаются и в некоторых вариантах литовской сказки о глупом черте (AT 1153, 1174, 1175, 1183 и др.): LTR 462/106a/, 499/1/, 776/84/, 792/179/, 1032/254/255/, 1001/36/ и др.

Вьяльняс связан с земледелием во многих вариантах сказки "Девушка помогает герою спастись бегством" (AT 313A, B, C): вьяльняс велит человеку за одну ночь вырубить лес, посеять и вырастить пшеницу (рожь, ячмень), а наутро принести хлеб или пиво (работу выполняет дочь вьяльняса, наделенная той же способностью влиять на вегетацию, см.: BLP I 65-72; BLPY III 41-47, 223-225; LMD I 483/19/, I 495/8/, I 558/24/, I 594/6/; LTR 10B/125, 245/, 42/29/, 262/21/, 260/179/, 393/155/, 284/530/, 662/297/, 687/46/ и др.).

В функции стимулятора вегетативных сил вьяльняс выступает и в сказке "Кто придет на более необычном животном" (AT 1091). Посеянные человеком п ш е н и ц а (LTR 462/143/, 724/44/, 952/19/; 957/90/; 278d/324/), я ч м е н ь (LMD III 179/146/, 2795/1/), р е п а (LTR 1191/620/, 1608/143/, 2513/9/ или другие растения (LTR 450/118/, 861/11/, 951/22/; 2795/159/)) начинают быстро расти, как

только человек отдаст их вьяльнясу (выругавшись: *вьяльняс их возьми!*) и тот начинает за ними ухаживать; вьяльняс уговаривается с человеком о совместной работе, обещая хороший урожай хлебов (LTR 2795/147/). Характерно, что в некоторых вариантах роль вьяльняса сводится опять-таки к доставке воды: он поливает ниву, посылает теплый дождь (LTR 957/90/, 1191/630/, 1691/14/, 2221/247/, 2795/1/). В сказке "Дележ урожая" (AT 1030) человеку выгодно работать на пару с вьяльнясом, не только потому, что того легко провести, но и потому, что растения тогда хорошо растут (LTR 796/91/, 813/3/, 1534/729/, 2441/849/, 3613/445/ и др.), причем в одном из вариантов (контаминированном со сказкой "Кто придет на более необычном животном") вьяльняс, уговариваясь с человеком, обещает ему дождь и благоприятную для посевов погоду.

Функция стимулирования вегетативных сил с помощью дождя/воды сближает вьяльняса с др.-инд. *Āhi Budhnyā*, а также с *Varuna*, владыкой мировых вод, посылающим земле дождь (Keith 1925, p. 97).

Таков далеко не исчерпывающий, разумеется, но все же достаточно показательный круг связей вьяльняса с миром растений. Он позволяет уяснить место вьяльняса в древне-литовской мифологической модели мира, его функции и характерные признаки в системе основных бинарных оппозиций, а также выявить некоторые параллели, сближающие вьяльняса с мифологическими персонажами других индоевропейских традиций.

Принятые сокращения

- AT - The types of the folktales. A classification and bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by S. Thompson. - FF Communications, 184. Helsinki, 1961.
- BFM - *Basanavičius J. Fragmenta mythologiae.* - In: Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft, Bd. II. Heidelberg, 1887.
- BLP - *Lietuvizkos pasakos.* Surinko J. Basanavičius. She-nandoah, Pa., I, 1898; II, 1902.
- BLPY - *Lietuviškos pasakos ivairios.* Surinko J. Basanavičius, I-IV. Chicago, 1903-1905.
- BLS - *Lietuvių liaudies sakmės,* I. Parengė J. Balys. Kaunas, 1940.
- BV - *Iš gyvenimo lietuviškų velių bei velnių.* Surinko J. Basanavičius. Chicago, 1903.
- DPM - *S. Daukanto Pasakos Massiū suraszitas 1935 metuose apigardosī Kretiu, Pažongos, Gundenės.* - In: *Lietuvių tauta,* kn. IV, sąs. 3. Vilnius, 1932, p. 1-114.
- DSPŻ - *Podania żmujdskie. Zebrať i dosłownie spolszczył M. Dowoina Sylwestrowicz,* I-II. Warszawa, 1894.
- LKŽ - *Lietuvių kalbos žodynas,* I-XI. Vilnius, 1941-1978.
- LKŽK - *Картотека словаря литовского языка в Ин-те литовского языка и литературы АН ЛитССР.*
- LMD - *Фольклорные рукописи Литовского научного общества в Ин-те литовского языка и литературы АН ЛитССР.*
- LP - *Lietuvių pasakos.* Vilnius, 1905.

- LPK - *Balys J. Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas.* - In: Tautosakos darbai, II. Kaunas, 1936.
- LTR - Рукописный фонд фольклора Ин-та литовского языка и литературы АН ЛитССР.
- LtT - *Lietuvių tautosaka, I-V.* Vilnius, 1962-1968.
- VCh - *Volteris E. Lietuviška chrestomatija, II.* СПб., 1904.

* * *

- Долидзе 1956 - Грузинские народные сказки (сто сказок). Сост. и пер. Н.И. Долидзе. Под ред. М.Я. Чиковани. Тбилиси. 1956.
- Иванов, Топоров 1974 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Пропп 1963 - *Пропп В.А.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Топоров 1976 - *Топоров В.Н. Пубов, Аhi Будһуа, Бадһяк* и др. - В кн.: Этимология 1974. М., 1976.
- Топоров 1978 - *Топоров В.Н.* Еще раз об и.-е. *budh- (:*bheudh-). - В кн.: Этимология 1976. М., 1978.
- Старшая Эдда, 1963 - Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.
- Balys 1930 - *Balys J. Kalėdų papročiai ir burtai.* - In: *Mūsų tautosaka, I.* Kaunas, 1930.
- Balys 1937 - *Balys J.* Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose. - In: Tautosakos darbai, III. Kaunas, 1937.
- Čilvinaitė 1943 - *Čilvinaitė M.* Sarginimo, marinimo ir laidotuvių papročiai. - In: *Gimtasai kraštas. Šiauliai,* 1943.
- Daukantas 1976 - *Daukantas S.* Raštai, I. Vilnius, 1976.
- Dumézil 1959 - *Dumézil G.* Notes sur le bestiaire cosmique de l'Edda et du Rg-Veda. - In: *Mélanges de linguistique et de philologie.* In memoriam F. Mossé. Paris, 1959.
- Greimas 1975 - *Greimas A.* Tawals-deus auctor facultatum. - *Baltistica, 1975, XI(2).*
- Keith 1925 - *The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads* by A.B. Keith. London, 1925.
- Mannhardt 1936 - *Mannhardt W.* Letto-Preussische Götterlehre. - In: *Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft, XXI.* Riga, 1936.
- Slaviūnas 1947 - *Slaviūnas Z.* Liaudies papročiai ir mitiniai įvairdžiai Mažvydo raštuose. - In: *Senoji lietuviška knyga.* Kaunas, 1947.
- Ström 1967 - *Ström A.V.* Indogermanisches in der Völuspa. - *Numen, 1967, v. XXV, fasc. 3.*
- Vyšniauskaitė 1961 - *Vyšniauskaitė A.* Laidotuvių papročiai Lietuvoje XIX-XXa. pirmaisiais dešimtmečiais. - In: *Iš lietuvių kultūros istorijos, III.* Vilnius, 1961.
- Vyšniauskaitė 1964 - *Vyšniauskaitė A.* Šeimos buitės ir papročiai. - In: *Lietuvių etnografijos bruožai.* Vilnius, 1964.

Б. КЕРБЕЛИТЕ

СКАЗОЧНИК ИЗ ЖЕМАЙТИИ

Современная литовская сказочная традиция достигла в своем развитии такого этапа, когда взрослые рассказчики и слушатели в произведениях почти не замечают накопленной веками мудрости, воспринимая их как красивый вымысел, а лежащие на поверхности дидактические мысли считают полезными лишь для детей. Поэтому большинство современных рассказчиков - пожилые женщины, а их слушатели - дети, нередко лишь собственные внуки. Эти женщины порой даже в своей деревне не слышат знатоками сказок, собиратели фольклора их обнаруживают лишь при сплошных опросах пожилых людей или по подсказке детей. Если же взрослые как на хорошего рассказчика указывают на мужчину, за редкими исключениями оказывается, что он или бывалый человек, рассказывающий о пережитом, или же любитель чтения.

В 1974 г. во время экспедиции в Платяляйской апилинке Плунгеского р-на Литовской ССР секретарь апилинкового Совета сообщила нам, что в деревне Мачюкяй Людас Якштас очень хорошо рассказывает сказки. Сама она его сказки не раз слышала, но о чем они - не помнит. Сказки как сказки. Признаться, думалось, что нас ждет разочарование. Экспедиция (3 опытных собирателя фольклора и 12 студентов) работала в окрестностях Платяляй уже неделю, ее участники записали немало песен, мифологических сказаний и преданий, и лишь единичные тексты сказок. Коротким и простым по форме мифологическим сказаниям, не требующим особого умения рассказывать, отдавали предпочтение не только мужчины, но и женщины.

Деревня Мачюкяй - несколько разбросанных по лесным опушкам и полянам усадеб. Жилье Людаса Якштаса - маленькая, совсем не старая изба и хлев на одну корову. Клочок пахотной земли - огород, поляна, а кругом - лес и посадки молодых сосен. Облик семидесятилетнего хозяина не совсем деревенский - бледное тонкое лицо, руки не земледельца. Позже все стало понятно: Л. Якштас родился здесь же, в Мачюкяй (в соседней уже традиционной усадьбе, где теперь живет его брат), после раздела родительской земли на его долю достался лишь один гектар, вот и пришлось стать ремесленником. Большую часть жизни Л. Якштас скитался по округе: выдалбливал деревянные башмаки (клумпе) и жил у своих заказчиков. Дом построил и женился лишь после войны.

На вопрос о сказках Л. Якштас сразу ответил утвердительно. Да, знает, рассказывает соседям, особенно зимними вечерами. Запомнил их с детства, от матери. Бывало, мать картошку копает, он ей корзины переносит - за это она сказку расскажет. Взрослым сыновьям мать уже не рассказывала. Брат Людаса сказок не запомнил.

Л. Якштас признается, что память у него хорошая: что услышит, прочтет раз, легко запоминает. Читать он любит, хотя "в школу даже дверь не открывал". Сам научился читать и писать. (Мать писать не умела, а читала лишь по

своему молитвеннику.) Интересно читать про другие страны, про старину. Людас рос вместе с Ю. Мицкявичюсом, директором Кретингского краеведческого музея, - при встречах расспрашивает о раскопках городищ, старается не пропустить его заметок в газетах.

Прежде чем начать рассказывать сказку, Якштас долго молчит, сосредоточенно смотрит куда-то себе под ноги, а начинает без всякого предупреждения. Лишь три сказки словно закодированы в памяти названием - именем главного героя, о них сказал: "Расскажу Зуокне", "Расскажу Юзапелиса..." Закончив сказку, опять долго молчит и весь уходит в себя: думает над следующей сказкой. В этой ситуации задавать наводящие вопросы или хвалить исполнение просто неуместно: рассказчик как будто забыл, что его записывают.

В отличие от других современных рассказчиков, Л. Якштас явно предпочитает сказки мифологическим сказаниям. Пока исполнитель сам припоминал произведения, он не предложил ни одного сказания. Уже после того, как он сказал, что больше ничего не помнит, в ответ на наши вопросы он рассказал целый ряд сказаний и несколько сказок (всего от него записано 25 сказок различных жанров и 17 мифологических и этиологических сказаний). Л. Якштас очень не любит вопросов - "Как экзамен детям!" Отвечая на вопрос, он рассказывал сразу, без привычного предварительного обдумывания. Видимо, это его и смущало.

Тексты записаны в три приема, между встречами были перерывы в два - три дня, так что рассказчик имел возможность подумать и припомнить некоторые сюжеты. И все же не весь репертуар удалось записать: об этом сожалел и сам рассказчик (при прощании он еще припоминал и рассказывал).

В текстах Л. Якштаса почти нет ненужных бытовых подробностей, этнографических пояснений, описаний психического состояния героев и других нововведений в содержание и стиль произведений, которые обычны в современных записях литовских сказок. Если бы в его сказках изредка не встречались детали нашего быта и другие новые реалии, некоторые тексты было бы трудно отличить от записей тех же сюжетов, сделанных в начале нашего века и даже в прошлом веке.

Современные рассказчики особенно стремятся удлинить сказки - соединить в одно произведение несколько самостоятельных сюжетов. Л. Якштас тоже объединяет некоторые сюжеты, но эти соединения традиционны, засвидетельствованы многими более ранними записями. Лишь в одном месте присоединение сюжета логически необоснованно (в публикуемом тексте так к АТ 902* присоединен АТ 1791).

Традиционны и интонации Л. Якштаса. Он рассказывает выразительно, мастерски переходит от несколько монотонного эпического повествования к более экспрессивным и динамичным диалогам, но не стремится излишне драматизировать рассказ. Он лишь минимально индивидуализирует речь персонажей, изредка передает их жесты.

Все рассказанные Л. Якштасом сказки ценны как хорошо

сохранившиеся варианты традиционных произведений, записанные в Жемайтии (в этом этнографическом районе Литвы сказок записано значительно меньше, чем в других). Один текст достоин особого интереса. Известно, что в литовских сказках (чаще всего в сказках о животных и волшебных) весьма часты песенные вставки, которыми передается особенно значимая речь персонажей, Песенные вставки - обычное явление в сказках, записанных от восточных аукштайтов, дзуков и западных аукштайтов, но из Жемайтии известны лишь единичные тексты со стихотворными вставками, да и то не всегда есть основания полагать, что они пелись. Те сказки, которые аукштайты и дзуки обычно рассказывают с песенными вставками (напр., АТ 327 F, 450 и др.), жемайты передают без вставок, а некоторые сюжеты (напр., АТ 451 A) в этом ареале вовсе не зарегистрированы.

В публикуемом тексте Л. Якштас использовал стихотворную вставку и спел ее речитативом. Этот текст представляет собой соединение пяти сюжетов (АТ 1383 + 1405 + 1370В* + 902* + 1791). Соединения АТ 1405 + 902*, АТ 1383 + 1791, АТ 1383 + 1405 + 902* многократно отмечались в различных районах Литвы. Песенная вставка использовалась Л. Якштасом в сюжете АТ 1405. В картотеке Каталога литовского повествовательного фольклора, подготавливаемого нами в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР, учтено 38 вариантов этого сюжетного типа, в которых имеется соответствующий эпизод. Лишь в одном из них нет рифмованной формулы ("Kas lanktį kirs, to pati mirs" и др.). В 25 вариантах (среди них имеется шесть текстов, записанных от жемайтов) формула графически не выделена и нет пояснений, что она пелась. В 12 вариантах эта формула выделена графически, в трех из них имеются ноты или звуковая запись мелодии. Кроме публикуемого текста с мелодией песенной вставки, в Жемайтии записан еще один вариант (LTR 4058(134), в Таурагском районе). Значит, текст Л. Якштаса - еще одно свидетельство, что песенные вставки были и в жемайтских сказках.

Не менее известен факт, что собиратели фольклора уже не застали в Жемайтии плачей. Из этого этнографического района Литвы имеется лишь несколько фрагментарных записей, сделанных в XIX в. по соседству с территорией аукштайтских говоров. В 50-х годах в Шилальском р-не нам удалось записать анекдот, в котором использован пародийный плач, переданный речитативом. В сюжете АТ 1370В* Л. Якштас тоже использует фрагмент пародийного плача и исполняет его в традиционной манере. Этот сюжет представлен в Каталоге 12 вариантами из различных районов Литвы, фрагмент плача обнаружен в четырех вариантах, и лишь в двух он выделен графически. В Жемайтии с фрагментом плача записан лишь публикуемый текст. Этот текст еще раз свидетельствует, что плачи были известны и в Жемайтии, но там традиция причитывать по покойникам исчезла значительно раньше, чем в других этнографических районах Литвы.

To, что Л. Якштас в своих сказках использует приемы, столь редкие в жемайтских текстах, свидетельствует о сознательном стремлении не только его самого, но и его предшественников (матери и ее неизвестных учителей) сохранить без изменения древние произведения. Сказки Л. Якштаса отражают семейную традицию, которая, как не раз случалось, сохранилась в более архаичном состоянии, чем традиция всего региона.

Ниже приводится текст сказки, записанной нами от Л. Якштаса в 1974 г. Расшифровку с магнитофонной ленты уточнила диалектолог Б. Ванагене. Текст хранится: LTR 4649(92).

Zuokne

Nò, kad kėta karta gi vena tuokemė pamėškeliė... vi·rs sò patė. Tėi... neturtingė dėdėle· bòva. Nò ta tas pats gaspador'os bòva Petros, uo Zuoknė... žmuona bòva Zuoknė. Nu, anòdò gi vena. Jiemė pasisieje tas Petros lenu· bėski. Saka:

- Tò, Zuoknelė, ka·p pauks, tò nue·k, nuráuk tus lėnus.

- Nò, gera· gera·, - saka, - Petrieli, nue·sò.

Nuein i dėrva tòn, saka:

- Šėta· ri·tòu, šėta· puori·tòu, uo še· dėina· nier kuo rautė!

Ir atgòlė ont ežes. Išmėiguojė par deina, pare·jė vakra.

- Nò, - saka, - a nuruove·?

- Ne·, - saka, - ri·tòu ę puori·tòu lėka.

Nò, ę išeje ontra dėina. Nò, ę viel tas pats. Saka:

- Šėta· ri·tòu, šėta· puori·tòu, še· dėina· nie kuo rautė.

Jiemė ęr adgòlė ana viel. Pareit. Saka:

- A nuruove·?

- Ne·, - saka, - ri·tòu ę puori·tòu lėka.

Tas Petros mės[leji]: "Kòn tò ęe ę rauni, ka tò ta·p nenurauni? Jòg tėik tabòva."

Nò, ka·p ana išeje jau tretėji ri·ta, iše·je ir ons. Pakrū·male·s, veizies, kòn tò dari·si. Nò... ana viel:

- Šėta· ri·tòu, šėta· puori·tòu, še· dėina· ir nablėka.

Er adgòlė. Ka·p ana ožmėga, ons turieje aštri peili. Ons sijuona aukšć'au kel'u apipjuovė i vėsa rinki. I nu·muovė tòn žemėn. E. pasėnešė. Nò, atšėbòda ana, atsi·stuoje, veiz... tuok'o sijuonò!

- Nò, ka·p ęe dabar? Žė Zuoknė, žė ne Zuoknė? Žė Patrienė, žė ne Patrienė?

Nebžėnuos, kas besònti. Nò ir paein. Parein.

- Nò, - saka, - Zuoknelė, uo kamė tava sijuons?

- Ale, Petrali, jug ka·p šėta· jug ka·p skubiejau, ruov'au, jug, - saka, - ę nuseplakė.

Nò, gera·. Tas Petros nue·je, nuruovė tus lėnus, iš·mi·nė.

- Nò, - saka, - Zuoknelė, verpk!

Ta verp, verp... Špòule. Mes vadėnam špòule, vuo ana vadėn ròbòilė. Ta vėina ròbòilė ana priverp ę met i mėiga.

- Nò, - saka, - nabtòr'ò kòr baverptė, Petrali. Jau, - saka, - priverp'au pėlna mėiga ròbòil'u.

- Ek'au, - saka, - ben paruodi·k.

Nò, ana... pajem tòn vėina pakel, viel pamet ... vuo tòn vėina talaida.

- E·k paderpk lònkti! Išlėnksòus.

Nò, tas natòr medė. Pasijemė kėrvi... eše·je i kru·mal'us nusikėrstė. Vuo ana - paskòu... I dain'òu:

Kas lònkti kers,

Tuo pati mers.

Kas lònkti kers... [noem].

Nò, tas Petros galvuo: "Esò nomėi veiziesò, jug jau ben bu·s numėrosi ana". Pare·t - jau luovuo nabgi·va!

Nò ta pradiejėš ašaruotėis, verkėtė:

- Kuoki tò bòva· darbininė, kuoki tò bòva· gera! Kuo to te·p galieje· numėrtė? [интонация плачей].

Ta nabiškėntieje, pradiejė jòuktėis. Na, tas dž'augas žmuogòs, ka atšėgava. Uo ka·p ana iše·je kažkòr, ons... atšėgòlė, ons nabgi·vs. Pare·jė, veizas - Petros nabgi·vs. Nu, i... ana, kòn dabar ana? Tujau pasidiejė dve kiedes, pasėtėisė... lentalė, nudarė tòn Petra plėka, pagòldė on tuos lentales. Išėnėš tus sava s'ulus i vi·n'uo siedint. Vi·n'uo vi·n'uo.

- Nò, - saka, - Petrali, ka tò žėnuotòmi, kuoks tò esi pòikòs, kuoks tò esi gražòs! [интонация плачей].

Nò, tas Petros nabeškėntieje, nušuoka nu tuos lėntuos:

-Ak tò, - saka, - mòni, - saka, - te·p tata·, - saka, - ka aš numėrsò palaiduosi!

I sku·ra ta sava pate·!

Nò pòtam ateje žėima, o batòr vėinus pat'us marškin'us apšėvelkamus. Nò, gera·. I žanijuos tuo pate bruolis. Ateje vadintė i veselė. I saka:

- Petrali, - saka, - ate·k i veselė, - saka, - tuos veselėš tėik takelsem.

- Ne·, - saka, - bruolieli, ka·p eiso? Jòg mata·, kad

ji vėinus marškin'us batòr, kėta nieka natòr apšėvelkėtė. A plėka e·s?

Uo ta Zuoknė:

- E·k'au ę gan, e·k'au ę gan! Ka·p jau bu·s, te·p, eik'au!

Uo tòrieje vėina žòsi.

- Nò, Petrieli, nešk tò žò·si pardòusi nupėrksi naujus maršken'us, - saka, - mòn, ę važ'òus'au i veselė.

Nò, tas Petros žò·si pasijemėš ęr iše·je i miesta·li. Uo ka·p re·k nieks nepėrka tuos žòšėis. I napardavė. Pare·t tò žò·si nešėns. Uo ta Zuoknelė sòsėku·rosi oğni senu·s'us maršken'us nusevelkòsi jau ę lauk: ka·p tik... pamati·s, ka jau pare·t sò nauje·s marškenė·s - jau senu·s'us puo peč'aus! Nò, gera·. Uo ka·p re·k pama·te, ka pare·t, natuolėi - tujau mu·kt tus senu·s'us pò peč'aus, ę sòdege·na. Uo tas napardavė žòšėis!

- A jergau! - saka, - uo ka·p babu's, ne i ta vesele nabeše·s'au, nieka.

- No, eis'au e gan! Nuors, - saka, - i elgeni ku·li irėške·s moņi - vešteik veskes! Pastati·si pas truoba. Aš vešteik gerdieso ton vesele veskon, moņ bu·s gera·.

- No, važ'ouk'au, mat tavi pekis!

Elgeni ku·li tat pajieme, atreša, pagolde ton sava Zuokne, suvi·n'uoje, sureša. Nuvež, pas ton noņa i pas-tate. Ie·je i vedo, saka:

- Vi·rale·, ka·p ožgerset, - saka, - ju·s našlapinket bi·kame, - saka, - pašale·s če vešor švare·, uo, - sa-ka, - ger'au - aš pastat'au - saka, - aš elgeni kuli pas-tat'au, - saka, - ju·s on tuo elgene ku·le šlapinketies... uo...

(Beje, ka nanušalto ta anuo žmuona). No, gera·. Tei ka·p ožgierė, e veins šlapenas on tuo... Uo pradieje par tus šaudus pradieje ana viel...

- U ti ti ti! U ti ti ti!

Tei vi·ra· saka:

- Kas ten kors velns i·, - saka, - tame elgene ku·lie, ka šelduos?! Saka: - Mes šlapenamuos, uo šelduos. Eik'au veiziete!

Atreš ton elgeni ku·li - plėka muotreška! A je <...>! Iseved i truoba - sušalos, pamieli·navosi i stuou! Muot-reška keta bl'uska, keta maršken'us - e abdarė. Sied pas peč'o atsėsiedosi, smorgli ešle·dosi. Tas Petros prie·jes. Saka:

- Uo Zuokne, - saka, - rokouk'au.

- Uo kon?

- No jug bi kon, - saka, - rokouk'au.

- No, - muotreškale saka, - rokoukem. Saka: - Mona vi·ra·lis, [eisiu vogti].

Er eše·je. E·t. Sotėka do vi·ro.

- Vi·rale·, kor e·tatau?

- E·tam vuokte, - saka.

- No, - saka, - e moņi vi·ralis ešvare vuokte. E·to, - saka, - er aš. No, ekem veše.

Prieje žmuogaus noņus. Kliete stuou... Er onkiele ton Zuokne on kliete. Saka:

- Eiškuok, - saka, - tek nešaukuok! Daile·, kon ra-si, - saka, - to pro ton ski·le eškeši.

Atradosi medaus pouda:

- Vi·rale·, radau medaus pouda! A meso?

- Cit, - saka, - ... Douk šen!

Pri·deve.

- Eiškuok dar.

Atradosi medaus pouda:

- Radau medaus pouda! A meso?

Anei saka:

- Naluok! Douk šen tikta·.

... Reišotun terba... Nolepa er ešeje. E·je, on tuo kele bovoši kopli·če. Grabun žmuon'un sudietun... ve-suok'un.

- No, - saka, - to e·k i ton kopli·če, valgi·k tus reišotus, uo vedo... nupeniete parša - ek'au parnešte.

Ana sau traukš tus reišotus, traukš. žmuonis e·damis ižgerda, kad ten tuo kuopli·č'uo kažė kas traukš'uo. Uo boves konegs, l'u·bo·s muokiete oškeikte tas vesuokes baidi·kles. Uo boves ba kuoju tas konegs. No, tei žmuonis nue·je pri tuo konega, saka:

- Mu·sa kuopli·č'uo, - saka, - kažėn kas, - saka, - pektuoji dvasele. Re·k oškeikte.

No, anei padieje kor nabašteka neš on tum nasilku er neš ton konega. Ana pamate, saka, ka natuolei, kad atneš. Mėslėi, ka tei vi·ra· ton parša atneš.

- Vi·rale·, a reibi raduotau?

Jezau, tei parsegonda! ... tik pamete ton konega. Tas konegs reit, ons kuoju nator, nagal pabiekte, šauk:

- Veše reibeje pabiega, uo moņi leisoji paleka.

No, nieka, paskou pare·je tei vi·ra·.

- E·kem, - saka, - bažni·čes dali·ku vuokte.

Paderba tus luopiš'us, pro longa ile·da ton Zuokne, saka:

- Krauk veskon, kon rondi bažni·č'uo, nu altuor'u kielikus, vesuok'us pasedabrintus, vesuok'us konega dra-buž'us.

Jau anei veina ton luopeši eštrauk, veiz, ka ate·t... Saka:

- Siesk i ton luopeši, - saka, - tavi i dongo kels daba·.

Patis tei pabiega. Tei vagis ka·p ate·je naujeje, pa-temp - i·r pelns. Mėslėi, ka prikrauts bi·kuo i·r. Davai kelte i veršo. Uo jau ka·p pakiele aukšta·, ana mėslėi, ka i dongo jau kel anei, ka pradieje geiduote: "Par tava šventa i dongo jiemema!" Tode parsegonda, pale·da. Ta kreta on žemes e osemose. E veskas.

Т.М. СУДНИК, Т.В. ЦИВЬЯН

О МИФОЛОГИИ ЛЯГУШКИ (балто-балканские данные)

Из обширной и во многом универсальной мифологии лягушки/жабы¹ здесь выбраны два фрагмента, относительно независимые друг от друга. Выбор первого из них определяется показавшимся значимым совпадением, содержательным и структурным, текстов на разных концах балто-балканского ареала. Не беря на себя смелость определять это совпадение как генетическое или типологическое, в частности связанное с этнокультурными контактами в пределах рассматриваемого ареала, представляется полезным само по себе выявление подобных точек схождения.

Второй фрагмент основан на попытке реконструкции некоторых мифологических представлений по совокупности данных балто-славянской и балканской традиций; здесь сочтено возможным рассматривать эти данные как единый корпус, позволяющий монтировать на его основании общую схему.

¹ См. соответствующие статьи в мифологических словарях, энциклопедиях, бестиариях и т.п.; теперь: Мифы народов мира, т. II. М., 1981, s.v. лягушка.

Известный сюжет о поединке змеи/ужа и лягушки/жабы² представлен на разных концах балто-балканского ареала многочисленными версиями, имеющими непосредственную связь с космологическими мифами³.

1. Балто-славянский ареал.

Uvidziš, як ўж жабу лапая, вазьмі палку і разгані - ўжа ў адзін бок, а жабу ў другі. А потым узяцьнеш тую палку ў двор. Як граза находзіць і грміць, і бліская, трэба тую палку падняць, памахаць перад змарай і сказаць: "Разганяю эту непадобнасць!" Хмара разождзяцца ці суні-маяцца і ідзе бокам (1975 г., д. Великий Бор Хойникского р-на Гомельской обл., запись Т.М. Судник). Аналогичные тексты имеют достаточно широкое распространение в славянской части рассматриваемого ареала⁴.

2. Балканский ареал.

a) *Cine află un gândac cu o broască'n gură, ala ia o botă ș'atuncea-i despărț[este] de căt' olaltă, broasca'n colo, gândacu'n colo. Să despărțască cine n'are voie să stea la olaltă. Ș'apoi cu botă aia treci pîntre ii care nu îbghesc pîrinții să să ieie 'Кто найдет змею с лягушкой в пасти, тот берет палку и тогда их отделяет друг от друга, лягушку туда, змею туда. Пусть разделятся, кто не должен быть вместе. А потом этой палкой проводишь между теми, чьи родители не хотят, чтобы они сошлись' (Mușlea I. Gercețări folklorice în Țara Oașului. - Anuarul arhivei de folklor, I. Cluj, 1932, 214, ССХСІХ).*

b) *Cu o nuiă dacă vei scoate o broască din gură de șerpe, cu nuiăna aceia dacă vei face semn cătră nori, să se despărțască, se despărțesc. 'Прутом если вытащишь лягушку из змеиной пасти, этим прутом если погрестишь*

² Здесь не делается различия между лягушкой и жабой.

³ Южнославянский материал (с указанием на западнославянские и северокавказские параллели) приведен в статье Н.И. и С.М. Толстых "Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. Защита от града в Полесье". - В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. Авторы благодарят Н.И. и С.М. Толстых за любезное разрешение познакомиться с этой работой в рукописи и использовать собранные ими данные. Поэтому здесь сочтено целесообразным ограничиться одним славянским примером, но несколько более подробно остановиться на румынской традиции.

⁴ См. текст, записанный в Полесье Н.И. и С.М. Толстыми, в упомянутой работе, а также: Federowski, 258, 261 (два текста; цель разгона - *kab užy blízko skatau ni wielisa*); Чубинский I, 29, 65; Zawilinski, 6. С другой стороны, в балтийской традиции это поверье пока не встретилось. Во всяком случае, в обстоятельной книге П. Дундулене, специально посвященной мифологии ужа (*Dundulienė P. Žaltys ir jo simboliai lietuvių liaudies mene ir žodinėje kuryboje. Vilnius, 1979*), мотив поединка ужа (змеи) и жабы не засвидетельствован.

(дашь знак) тучам, чтобы они разошлись, разойдутся' (G.Cr., № 4515).

Ср. еще: [дождь связывают и развязывают] бабки, которые вытащили лягушку из змеиной пасти ореховой палкой, МВ, 476, 481; ср. 473: [чтобы прекратить грозу с градом], берут две ореховые палки, которыми убили змею, потом идут на край (межу) и три раза машут палкой в воздухе (ударяют) в направлении градовой тучи; о связи ореха с громом см. G.Cr., № 41: если в Ильин день будет гром, все орехи засохнут; к выбору именно ореховой палки см.: змею убивают ореховой палкой; если взять другую, змея не умрет до захода солнца (МВ, 288). Ср. также многочисленные свидетельства о постоянной вражде между лягушкой и змеей (Candrea, 155), широко подтверждаемые уже античными данными (Paulys-Wissowa Realencyclopaedie, s.v. *Frosche*).

Приведенные данные позволяют высказать некоторые соображения о мифологических основах этого мотива⁵.

В проекции на трехчленную, ориентированную по вертикали структуру мира сюжеты о поединках (борьбе) животных между собой можно разделить на две основные группы.

1. Поединок между животными, принадлежащими к разным уровням (рангам), например верхнему/нижнему - птица/змея и под.

2. Поединок между животными, принадлежащими к одному уровню (рангу), например верхнему - птицы и под.

Сюжеты первой группы, "вертикальные", вписываются в оппозицию *верх/низ*, по оценочной шкале - в оппозицию *положительный/отрицательный*; возвращаясь к сюжетному уровню, это соответствует поединку добра со злом, в архетипе - первопоединку Громовержца со Змеем. В этом случае амплуа персонажей однозначны, а исход поединка предопределен (победа представителя нижнего уровня может быть только временной, или псевдопобедой).

Иной случай - поединок животных одного уровня, т.е. "выбор по горизонтали". И здесь в конце концов речь может идти о борьбе добра со злом, но, во-первых, роли противников не всегда предопределены заранее и однозначны, и, во-вторых, само столкновение требует более конкретного объяснения. Такая ситуация, естественно, не исключена и для поединков "по вертикали", но и там на нее падает ответ классификации "по горизонтали", где в свою очередь проходит оппозиция *положительный/отрицательный*, в ряде случаев перекрывающая ту же оппозицию в ее вертикальной проекции.

Эта достаточно сложная игра, переплетение уровней и классификационных схем делает вторую группу сюжетов особенно примечательной: здесь более полно вскрываются дифференциальные признаки соответствующих животных в их многообразии и полярности, обеспечивающей обратимость

⁵ См. ранее: Судник Т.М. К мифологическому истолкованию нескольких архаичных текстов (славяно-румынская параллель). - В кн.: Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. М., 1979.

сюжетов (наиболее простой случай - мена победителей). В этой группе специально выделяются сюжеты о борьбе хтонических, т.е. входящих в поле отрицательного, животных между собой. Семантическая интерпретация сюжетов такого рода заставляет выйти за пределы одного уровня. Особый вопрос, который здесь не затрагивается, - поединки одинаковых животных, например, борьба змей друг с другом и т.п., имеющая исходом, среди прочего, уничтожение данного класса животных или его трансформацию, в том числе переход на другой уровень по вертикали.

Прагматические объяснения, содержащиеся в некоторых из приведенных здесь текстов, разноречивы. Одни "держат сторону" лягушки как маленького и беспомощного животного, находящегося в безвыходном положении (здесь усиливающим мотивом является убийство змей)⁶. В других содержится указание на агрессивность лягушки, равноправного партнера во вражде⁷. Третьи, наконец, нейтральны, и в этом смысле особенно показателен рум. текст 2а, с мотивировкой - "пусть разделятся, кто не должен быть вместе" (можно допустить, что и эта *непадобнасць* в полесском тексте описывает ту же ситуацию, перенесенную по аналогии на тучи: несовместимость, запрет сочетания змея + лягушка независимо от конкретной мотивировки). Это заставляет предполагать за казалось бы несомненно метеорологическим действием глубинную мифологическую основу. Соответственно меняется и конечный результат: палка - магическое орудие служит разным целям (и разным сферам): на верхнем, космологическом уровне она связывается с грозой; на человеческом - с разъединением или, напротив, соединением (примирением) партнеров в определенной ситуации. По свидетельству Плиния (Plin. n.h. XXX 129), она облегчает роды, - то же отмечено в современной южнославянской традиции. Иными словами, оказывается, что близкие по виду, признакам и свойствам хтонические животные, которые в фольклорных представлениях нередко смешиваются и взаимозаменяются, в то же время предельно противопоставлены друг другу.

Общий запрет на сочетание змея + лягушка/жаба, имеющий разные мотивировки и разные следствия, содержит и возможность мены ролей слабого и сильного противника - побежденной может быть и змея, ср. финал поединка змеи и жабы в лит. быличке, записанной М. Давайнисом-Сильвестрайтисом: [*Fupūžė*] *kai pamatė gyvatę, ėmė pūstis ir pasidarė kaip milštuvė didumo, ir šaukė. Gyvatė nukrito negyva, nes jos dvasia piktvarlė ištraukė* '[Жаба] когда увидела змею, стала раздуваться и сделалась величиной с подойник, и кричала. Змея упала мертвая, потому что ее

⁶ Так в южнославянских вариантах: *Маринковић Р.М.* Борба против града у Драгачеву. - 36. радова Народног музеја, V. Чачак, 1974; *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji slovencev (narodopisno gradivo). Celje, 1946.

⁷ См.: Чубинский I, 65, где специально подчеркивается, что жаба затевает драку с ужом, т.е. выступает инициатором.

душу вытянула жаба' (CVIA f. 1135, a. 10, № 175, p. 78); то же соотношение сил в другой быличке: жаба берет верх над змеей - спасает (вытягивая яд) ребенка, ужаленного змеей за попытку отогнать ее от жабы (LTR 2416/117/); ср. в связи с подобными сюжетами распространенные представления о превосходстве лягушки/жабы: "Увидев змею, скажи лягушка, потому что ползущая змея боится лягушки" (Elisonas, 1931, 108), "если жаба плюнет на ужа, то он погибнет" (Elisonas, 1926, 485) и т.д. Ср. тот же мотив в средневековых латинских легендах о поединке змеи и жабы, где жаба не только одолевает змею, но и наносит вред тому, кто вмешивается в поединок (особо подчеркивается ядовитость жабы - правда, здесь можно видеть и нередкую мему признаков жабы и змеи): "Рыцарь проезжал однажды по лесу и увидел, как жаба сражалась со змеей; преимущество было на стороне жабы, и в конце концов она победила змею. Видя это, рыцарь помог змее, а жабу сильно ранил... Жаба успела нанести рыцарю опасную [ядовитую] рану... слуги... своими мечами и дубинами убили жабу" (Средневековые латинские новеллы XIII века. Изд. подгот. С.В. Полякова. Л., 1980, № 42(99); там же № 48 (105)): жаба захватывает гнездо змеи, змея вступает с ней в борьбу, но не может ее одолеть; звонит в колокол, призывая людей на помощь; по приказу короля жабу убивают). Эти и подобные данные позволяют предположить, что в истоках речь шла о противниках, равных если не по силе, то по иерархическому положению. Выделенность, "серьезность" поединка змеи с лягушкой подчеркнута тем, что он как бы выступает на фоне заниженных, комических вариантов борьбы лягушки с незначительными партнерами, прежде всего - с мышами. К пародийному эпосу о войне мышей и лягушек ("Батрахомиомахия"), название которого стало пословицей для обозначения мелкой ссоры и под., ср. еще распространенные сюжеты о лягушке и мышке, связанных друг с другом, - их обеих хватает хищная птица (AT 278; ср. Цепенков 2, № 29 "Глушецот и жаба" - мышь - жертва коварства лягушки, перевозящей ее через реку и задумавшей утопить ее, то же НК, 52)⁸. Ср. еще ВС 244E*: Аист "помирил" мышь и лягушку: съел обеих (отчасти ВС 113С*) - здесь опять-таки можно видеть пародийный вариант вмешательства в конфликт третьего и более могущественного персонажа. К этому же более отдаленно - сюжеты о неудачном сватовстве рака к жабе, "жаба судится с ежом" (Шапкарёв I, № 1217) и т.д., см. еще AM* 439* - девушка спасает жабу от собаки.

Мотив борьбы, поединка достаточно естественно укладывается в схему основного мифа. Ситуация осложняется введением третьего персонажа, обладающего большим могуществом, заключенным, в частности, в чудесном предмете - пал-

⁸ Этот же сюжет в таджикском фольклоре Т 229; там же Т 366 - жук, дождь, лягушка, гусеница - каждый хочет стать шахом (сожрали друг друга), в кн.: Свод таджикского фольклора, I. М., 1981. Ср., с другой стороны, нгр. сюжет о свадьбе лягушки и мышке. - *Caratzas S.C.* L'origine des dialectes néo-grecs de l'Italie méridionale. Paris, 1958, p. 261-265.

ке. В проекции на сюжет основного мифа роли распределяются достаточно определенно: змея/уж соответствует противнику Громовержца, лягушка/жаба, как было показано в многочисленных работах, может связываться с превращенными детьми и женой Громовержца⁹ (об этом в свое время было написано достаточно подробно¹⁰) и, наконец, разнимающий их человек как бы принимает на себя функции Громовержца, становясь далее "хозяином грозы", или выступает как чудесный его помощник, получающий в награду чудесный предмет. Здесь не сообщаются дальнейшие сюжетные интерпретации, которые могли бы быть как вариантами-ответвлениями, так и продолжениями основного мифа, в том числе почти литературными (Леви-Стросс не раз писал о том, что мифы при трансформации могут дать воплощения почти в жанре романа), развивающими тему конфликта в треугольнике (ср. один из видов литературного продолжения в латинских новеллах; "романический" мотив подсказывается румынским текстом о разделении влюбленных), так же как и многочисленные данные о превращении человека в лягушку и лягушки в человека: лягушка-царевна/царевич, жаба-ведьма и т.п.; в контексте основного мифа особое значение имеют легенды о том, что в лягушку Богородица превратила женщину, оплакивавшую потерю своего ребенка/детей, особенно подробно отраженные в румынской традиции. Ср. варианты, когда лягушка утешает Богородицу, говоря, что и она лишилась детей (у нее было двенадцать детей, но явилось зубчатое колесо [может быть, мельничное? см. далее] и взяло их всех, остался только один, маленький и й, х р о м о й - Чебан С.К. Румынские легенды о Богородице. М., 1912, с. 33). С мотивом потери детей может быть связан совершаемый детьми и/или женщинами полесский обряд похорон и оплакивания лягушки для вызывания дождя (ср. вообще этот мотив в связи с детьми Громовержца, достаточно подробно освещенный в литературе), описанный Н.И. и С.М. Толстыми (Толстые 112; ср. также наши записи из Восточного Полесья, д. Небытов, Великий Бор Хойникского р-на Гомельской обл., 1975 г.: *жабу ў настала паложачь, ўязуць жаваць, і галосяць, галёкаюць: ой, жабка мая, ой, куды ж ты ўубралася; заб'юць жабу, сплятуць гроб з лап бу калыску, прыбярэць, закапаюць, крэст ставяць і галосяць над ёю*), к этому - болгарскую пеперуду наряжают в ветви бузины, вешают на нее трех-четыре живых лягушек и кость с неизвестной могилы, кость и лягушек затем бросают в воду (Чолаков, 113; Толстые,

⁹ Ср. лтш. *Pērķona krupis* (Šmits, № 15437) 'жаба Перкона', т.е. жаба - животное, принадлежащее Громовержцу.

¹⁰ См. прежде всего: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, и др. работы этих авторов. Специально балто-балканскую интерпретацию этого мотива см.: Судник Т.М., Цивьян Т.В. К реконструкции одного мифологического мотива в балто-балканской перспективе. - В кн.: Структура текста. М., 1980.

114, прим. 40). Трансформированные отзвуки того же мифологического мотива представлены в детском фольклоре, см. имитации "разговора" лягушек с характерными темами смерти мужа или детей: - *Kūma, kūma, mirē pats? - Mirē! - Liko vaiku? - Liko! - Keli? - Penki!* 'Кума, кума, умер муж? - Умер! - Остались дети? - Остались! - Сколько? - Пять!'; - *Kūma, kūma, ko verki, ko verki? - Vaiks mirē, vaiks mirē! 'Кума, кума, что плачешь? - Ребенок умер!'* (ЛТ, 8433, 8436, ср. 8435, 8436-8443), или: - *Кум-кума, пазыч пулутна. - Нашчо пулутно? - Дитина умирла. - Дз ляхыць? - Пут столм. - Чым накрыта? - Постолом'* (Нар. лексика, 78; ср. выше ритуальное погребение лягушки в лапте); то же - в польских текстах: Krzyżanowski, № 284.

Здесь большее внимание будет уделено универсальной связи лягушки с грозой и специально с громом¹¹ и молнией (т.е. с перуном-палицей/палкой Громовержца). Эта связь, в частности, актуализирует оппозицию верх/низ - в приведенных текстах палка, взятая внизу, на земле, и употребленная против хтонических животных, т.е. в нижнем мире, проявляет свои чудесные свойства в небе, т.е. в верхнем мире. Это можно считать косвенным указанием на связь хтонических животных с *верхом*, в частности на их небесное происхождение - ср., например, известные поверья о "круговороте" лягушек (камень, рыб и т.п.), которых всасывает радуга и которые затем падают обратно на землю (сводку слав. примеров см.: Толстой 55, 70; см. также Чубинский I, 27; МВ, 152 и др.). Другое выражение оппозиции верх/низ - сопоставление лягушек и птиц, ср. польск. поверья о превращении в лягушек ласточек (Moszyński, 68), лит. сюжет "бог сделал птицу, а черт жабу" (Slančiauskas II, № 184; Valys, № 124, 125), лтш. шуточную сказку "лягушку (ежа) принимают за птицу", (AM *1317**), объединение лягушки и ласточки в греч. поговорке о весне *μη σὲ γελᾷσθ ὁ βῆτραχος ἢ τὸ χελιδνάκι* 'чтобы не осмелялись тебѣ лягушка или ласточка' (NAK, 56), наконец, неудачный полет лягушки, которую несут птицы и которая падает с неба в болото (сюжет не только фольклорный, но и литературный, ср. "Лягушку-путешественницу" Гаршина). Самые прыжки лягушки, особенно с земли в воду, воспринимаются как повторение ее пути сверху вниз (ср.: лягушка после потопа выпрыгивает из Ноева ковчега на землю - лягушка и воробей чрыгают потому, что Ной забыл развязать им ноги - МВ 284; AM *1525 C1 - лягушку загадывают как "необычного зверя,

¹¹ Сопоставление голоса лягушек с громом, отмеченное уже в Ригведе ("лягушки подали голос, пробужденный к жизни Парджаньей" РВ VII, 103, 1), в приметах и поверьях обычно представленное как предсказание (лягушки квакают перед дождем), может принимать клишированную форму в выражениях типа: [*v a r l ē*] *v a r r*, *v a r r vandenin kaip griausmas* '[лягушка] варр, варр в воду, как гром' (LD, 34). Сюда же, очевидно, относится и то, что появление царевны-лягушки в ее человеческом (царственном) облике сопровождается громом, сверканьем молний и дождем.

который высоко прыгает и низко падает", см. еще обыгрывание прыжков лягушек в воду от страха и т.п.).

Самостоятельный мотив - Громовержец поражает хтонических животных палицей/молнией. В приведенных балто-балканских текстах его оружие - палка - направлено либо против змеи, либо безразлично против обоих противников, в латинских новеллах - против жабы. Поражение лягушки/жабы молнией см. в лит. тексте-поверье: "Если в поле или в лесу застигнет гроза, надо, чтобы в карманах не было пусто - положить туда хотя бы траву или листья. Человек, застигнутый грозой, хватился, что у него пустые карманы. В одном кармане обнаружил жабу, как только выбросил ее, тотчас же в нее ударил перкунас. Так он остался жив" (Slančiauskas II, № 443). В более широком плане можно говорить о мотиве "лягушку поражают (ударяют, пронзают, разрывают, разрезают, размельчают и т.п.) соответственно палкой, дубинкой, топором, ножом, веретеном, вертелом и т.п."; нередко этот мотив связан с водой, ср. в купальской песне: *Наши хлопці-жабокольці, | Скололи жабу на колодці* (Чубинский III, 221)¹². Ср. в макед. детском фольклоре песни, связанные с вызыванием дождя: *дај ми, бабо, грош, | да си купам нош - | да 'и колам жабите* (Ристовски В. Македонски додолски и други обичаи и песни за дожд. - Македонски фолклор, 1977, X, с. 59). Вид орудий, входящих в лексемный набор основного мифа, определяет сюжетное воплощение, см., например:

т о п о р - АТ 150А*, 278С* (=АМ 278С*), эст., лтш., лит. - человек, недовольный советом жабы, ударяет ее топором на камне у воды: от этого у нее на спине горб¹³;

с а б л я - макед. песня о неудачном сватовстве рака к жабе: *рак си истргна сабја шевајлија | да посече жабѝ кречанога*; ср. словц. *жабка* 'садовый нож', н.-луж. *жабка* 'негодный нож', блр. *жаба* 'зазубрина на острие косы' (Матэрыялы, 48), рум. *broască* 'рубанок';

¹² Ср. развернутый в литовских пастушеских песнях "сюжет" уничтожения лягушек в дождь (при солнце) с мифологически значимыми пространственными указаниями: *Lauke lietūs lyja, vaikai varles rųja ... Anoj pusėj dvaro vaikai varles varo. Anoj pusėj kampo vaikai varles tampo. Anoj pusėj putino vaikai varles šutinuo. Anoj pusėj lango vaikai varles valgo. Su saule lynoja, vaikai varles vanoja* 'На дворе дождь идет, дети лягушек глотают... На той стороне двора дети лягушек гоняют. На той стороне угла дети лягушек растягивают. На той стороне калины дети лягушек варят. На той стороне окна дети лягушек едят. Моросит дождь с солнцем, дети лягушек хлещут' (LLDK, № 976).

¹³ Ср. (Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972, с. 409): Жаба прыгала, скакала, Но в болото не попала, А попала в черный дом [рига, овин], Где родился черт с горбом.

с е р п - см. текст "Subadyta rūpūžė" '«Проколота жаба»': жабу-ведьму колот серпом (LD, 222), ср. к этому лит. *šoka lyg varlė prieš dalgį* 'скачет как лягушка перед косой' (LT, № 918)¹⁴;

в е р е т е н о - особая тема, см. в следующем разделе. Здесь ср. русский заговор от горловой жабы: "ножик в веретно воткнул, потом и ткают в больное место и приговаривают: "Колю, колю жабу ножами, сужимь деревьями, полетай, моя жаба, за мхи, за болота, за дикие острова, за цёрные грязы (Соколовы, 528, № 32);

в е р т е л - батрак (наученный Перкунасом) лечит царскую дочь: у печи под камнем находит огромную жабу, насаживает ее на вертел и сажает в печь (DS, № 33);

с т р е л а - попадает в лягушку в сюжете "Царевна-лягушка" (о ее связи с грозой см. выше);

в а л е к - как атрибут жабы, в частности, в ее ипостаси Хозяйки низа (балт. Лауме): *U nās u rėscy jest žaba wielizna jak kūra, funtaų ž piab, cėla zielėna. To szėnsto bywaje, co jak bāby pātātė spierajūc kijankami, to jėnā wūjdzie na kładki i bijė łapami tak sāmō pa kładcy, jak bāby kijankami pa pātāniė. ... jėdnā starājā bāba mōwiła, co hėto žuoįma u žābu pierāmieniena* (Fedegowski, № 294); ср. в блр. заговорах (Романов, 165, № 33): *Есь на мори-окияни виспа, на той виспи ляжиць золотэй пранник, под тым пранником ляжиць золотое гняздо, у том золотом гнязде лежиць жаба. Жабица-царица, унимай своих жаб-жабенят... ср. валец в названиях головастиков: лит. kultuvėlė, kultuvaitė, kultuviūkė (LKA, 156); польск. kijanka ('валец') и т.п. Ср. еще употребление лягушек в народной медицине, когда их предписывается разрывать на части, размельчать и т.п. (Elisonas 1931, 482-484; Candrea, 155; Frashėri, 76; G.Cr., N 369, 2548). Об убийстве жаб для вызывания дождя (жаб вешают на деревья) см. выше; ср. также распространенное жемайтское надгробие в виде лягушки, распластанной на кресте.*

Даже краткий анализ, не выводящий мифологию лягушки за пределы того, что задается приведенными текстами (т.е. оставляя, например, полностью в стороне собственно хтонические функции лягушки как одной из ипостасей Хозяйки низа, так же как и многие другие ее признаки и свойства), позволяет сделать ряд приложений полученных данных к схеме основного мифа - в рамках оппозиций *верх/низ*, *вертикаль/горизонталь*, в мотивах поражения лягушки Громовержем, ее связи-отождествлении и одновременно борьбе со змеей и т.д., - чтобы далее перейти к роли лягушки в космогонической модели мира, в частности, в акте творения мира.

¹⁴ Отдаленно - мотив гвоздя (в шуточных пословицах о лягушке, которая просит ее подковать, соответствующих нашим "куда конь с копытом, туда и рак с клешней"): "Валете ж'ємє харфам", ємє ó батраχος στὸν πεταλωτῆ "Заберите и мне гвоздик", - сказала лягушка кузнецу' (NAK, 56).

Связь лягушки с Громовержцем/грозой, с водой/низом и особо с сыростью, вязкостью (болото, жидкая грязь, влажная рыхлая земля и т.п. - о происхождении лягушек из тины см. Овид. Мет. XV, 375) может быть введена и в другой круг мифологических сюжетов - творение мира. В диахроническом срезе мифологема "творение мира" помещается в рамки *подвижной/неподвижной (динамика/статика; жидкий/твердый)*. Первый член оппозиции, или начальная стадия творения, имеет дело с преобразованием первовещества, в ремесленной терминологии - с обработкой сырья. Здесь все находится в движении, поскольку именно движением достигается преобразование хаотического аморфного (нередко жидкого) первовещества в космическую твердь, характеризующуюся плотностью и фиксированностью на месте, т.е. неподвижностью. Поскольку оба члена оппозиции связаны между собой отношениями трансформации, постольку эта оппозиция непривативна; с помощью достаточно простых операций оба ее члена могут быть отождествлены.

В различных мифологических традициях отмечена и роль лягушки в процессе творения и ее функции (место) в структуре сотворенного мира. Физические, известные в быту, свойства "реальной лягушки" таковы, что она дает плюс в обеих частях оппозиции. Полная неподвижность, как бы приклеенность к месту, "расшлепнутость" (ср. обычные клише "сидит, распласталась и т.п., как жаба") контрастно сменяется резкими прыжками, частыми, мелкими взмахами лап (при плавании), т.е. интенсивными дергающимися движениями¹⁵. В соответствии с этим лягушка входит в обе части творения мира - *in statu* и *in motu*.

В поле признака "неподвижный, фиксированный на месте" лягушка в числе других хтонических животных, с которыми она может чередоваться или смешиваться, держит на себе землю, ср.: *Земля на чарапасі. Яна [черепаха] була бу ў у ж, бу жа ба а. Бог ёй накінуў чэрап (1975 г., Великий Бор, зап. Т.М. Судник¹⁶)*. Здесь интересен подспуд-

¹⁵ Подобный же контраст - молчание/"пение" лягушки, приуроченное во времени к метеорологическому календарю (первое кваканье лягушек весной, перед дождем или грозой), а в пространстве - к оппозиции земля/вода, ср. нгр. шуточную сказку "О *Ватрахо*с отò ка́ськи" НАК, 314), где по "песне" лягушки определяют близость суши.

¹⁶ Ср. вырожденные мотивы лягушки-опоры: выпрыгивая из Ноева ковчега, лягушка несет на спине воробья (рум.); нгр. загадка о кастрюле на подставке - на распластавшейся лягушке сидит дрозд (Abbot, 312). В прикладном искусстве ср. нередкий прием лягушки/черепахи-подставки, например, эрмитажные кассоне XVI в., стоящие на четырех лягушках, или итальянский бронзовый ларец на четырех черепахах (XVI в., Лувр); различные названия плоской посуды типа фляжек и т.п. Ср., с другой стороны, водолей в виде головы льва с сидящей на ней лягушкой (Самос, VII в. до н.э., Национальный музей в Афинах).

но ощущаемый мотив ненадежности, "непрочности" лягушки-опоры из-за мягкости, аморфности, т.е. как бы недоделанности ее тела. Отсюда - распространенные представления о черепахе как об "усовершенствованной", "отвердевшей" лягушке, получившей плюс (кость, панцирь) по прочности, ср. рум. *broască țestoasă* "лягушка под крышкой", черепаха', болг. *костена жаба*¹⁷. При том, что мотив черепаха-опора земли более распространен (ср. хотя бы древнеиндийскую, греческую и другие традиции), и мотив лягушки-опоры заслуживает особого внимания.

Подтверждение связи лягушки с дном, фундаментом, основанием можно реконструировать из связи др.-гр. *βάθρον* 'основание, фундамент, постамент, устой, основа' (*ἰδρυμάτων* Aesch.; *ῥῆς Soph.*), н.-гр. *βάθρον* 'то же, опора арки, моста' с др.-гр. ион. *βάθρακος*, н.-гр. *βάθρακος*, *Βαθρακός* 'лягушка' - ср. лит. параллели: диал. названия жабы от *pāmatas* 'фундамент, основание, завалинка' (*patatinis* 'основной, коренной') *patatinė*, т.е. 'относящаяся к основанию, фундаменту', *patatkė, patackė* и под., *patatinė varlė*, табуированные названия *patatinė gegūtė* (собств. 'кукушка'), *patatų jūzaras* 'Иосиф основания, дна' (LKA, 48, *žemėl.* 81) - последнее особенно примечательно как содержащее отдаленные ассоциации с Иосифом на дне колодца¹⁸, ср. мотив лягушки в колодце (для сохранения свежести и чистоты воды). К многочисленным контекстам, связывающим жабу с местом под домом, фундаментом (LKŽ IX, 285), ср. нашу запись из д. Гервяты на Гродненщине (1981 г.): увидев жабу, появившуюся из-под печки, старуха взяла ее на ладонь и, погладив, пустила под печь со словами: "*рапушачка мая, ідзі на м е ў с ц а!*"

Та же семантика отражается в широком использовании в рассматриваемом ареале (и за его пределами) лексемы ля-

¹⁷ Примечательно совпадение сюжетов о происхождении лягушки и черепахи: и в том и в другом случае речь идет о превращении женщины, но превращение в лягушку рассматривается как *награда* (благословение), а в черепаху - как *наказание* (ср.: в черепаху превращена женщина, спрятавшаяся под колоду, чтобы не принимать Христа - МВ, 294; жадная женщина, съевшая хлеб и оставившая только лопату для сажания хлеба в печь - Калоянов, 74; скупая дочь, спрятавшая еду от отца или матери - Чубинский I, 66). Обратный путь - превращение лягушки из раковины (*scioā* - МВ, 294), к этому болг. *жабка* 'скойка, мида, хаджийка, Anodonta Cygnea' (Геров, s.v.), кашубск. *žaba* 'моллюск, Mamelibranchiata', *žab'ā skřinka, ž'ab'ónka* 'раковина моллюска' (Słownik gwar kaszubskich VI, s.v.), лит. *rupe* 'жаба' и 'моллюск' (*geldine, dezine varle*) (LKŽ XI, s.v.), *varledeze* 'раковина'.

¹⁸ См.: *Топоров В.Н.* *Πύθων, Áhi Budhnyà, Бадньак* и др. - В кн.: *Этимология.* 1974. М., 1976; *Он же.* Еще раз об и.-е. *budh- (*bheudh-). - В кн.: *Этимология.* 1976. М., 1978. См. также его "Заметку на полях" в наст. сб.

гушка/жаба как *terminus technicus*, где четко выявляется признак неподвижности, фиксированности, сдерживания, см. такие значения, как регулятор глубины вспашки в плуге; врезной замок; крюк, на который надевается петля ворот; соединительная деталь в блоке; нечто вроде тормоза на колесе (когда телега спускается под гору); деталь ярма, цепа и т.п., отмеченные в рум., болг., макед., польск., рус., лит. и т.д. Однако наиболее показательны в мифологическом плане названия двух сопряженных деталей – стержня и его упора, железного или деревянного бруса с лункой или кольцом, – составляющих основную часть механизма гончарного круга и мельничного жернова: *веретено* и *лягушка (жаба)*, иногда заменяемая другими хтоническими животными или семантически отмеченными лексемами, ср., например: болг. *жабка* – две-ти дрвва на които сложено въртено-то на тепавицж, та се върти (Геров, s.v.); веретено гончарного круга снизу снабжено железным шипом – *бод, рак* (Вакарелски, 424); кашубск. *żab'ic, ż'abica* 'железо, куда вставляется ось, вокруг которой вращается верхний камень в жерновах' (Słownik VI, s.v.); рус. *жабка жерновая* 'стальной брусок (параплица), в лунку которого вставляется ось жернова' (Словарь XI-XVII вв., s.v.), *жабина, жабка* 'дыра в исподнем жернове для веретена', *жабка* 'параплица' (Даль, s.v.; СРНГ, s.v.)¹⁹. Ср. еще показательные наименования этой же детали: рум. *gînj, gînjeiu* (Butură, 329), собств. 'жгут, сплетенный из лыка' (< болг. *гъж* < слав. *grъžь, сопоставляемого среди прочего с *grъžь, ЭССЯ, 7, s.v.), т.е. нечто змееобразное, ср. обыгрывание этого сходства в рум. загадке о мельнице *Gînj îngînjuit, | Şarpe potcovit* (G.Cim., № 1162). Другие названия той же детали (не вдаваясь в этимологию) интересны с точки зрения звукового комплекса **per/por*, кодирующего основной миф: рум. *părpăriță, prepeliță* (собств. 'перепелка'²⁰, Butură, 329), болг. *попрница, прџпрница, папрник* (Вакарелски, 355), *прџплица* (Геров, s.v.), сербохорв. *părpica* (RHSJ IX, s.v.), словен. *prprica, porpica, koprica* (Plet. II, s.v. *prprica*), чеш. *parpice*, стар. *pirpice*, морав. *parpica, kypřica* (Machek, 353), польск. *parpica, диал. parpica, porupica, parpica, porpica, potpruca, parpuca, pampruca, porpora, pierpanica* (MAGP III, тара 120, cz. 2,

¹⁹ Особенно полно, с введением в широкий мифологический контекст эта терминология выявлена М. Хаавио для финской традиции, в связи с чудесной мельницей Сампо, ср. названия для веретена *жабья нога, жабий стержень*, для параплицы – *жаба*, для углубления, в которое она вставляется, – *жабья душа* и т.п.: Haavio M. Mitologia fińska. Warszawa, 1979, s. 211.

²⁰ К "птичьей теме": ср. в нгр. диалектной мельничной терминологии деталь *п хелубџва* 'ласточка' – к сожалению, не удалось выяснить, какая именно, но есть определенные основания думать, что это тоже параплица (Σακελλαροπούλου Ν.Ρ. Λαογραφικά Βερβότσου Καλαβρύτων. Ἀθήνα, 1974, σ. 143).

s. 68-72), кашубск. *parpёс, parpёса, parpёс* (Sychna IV, s.v.), рус. *параплица, порплица* (Даль III, s.v.), укр. *пџрплиця* (Гринченко, s.v.), блр. *парплица, порплица, паўпрница, пупрница* (Инструкция, 88-89), *попрница, пакрплица* (Шаталава, s.v.), лит. *puprė, диал. puprė, puprė, puprė* и т.п. (LKA I, 140), ср. *пџрпё* 'лягушка' (LKŽ X, s.v.). То, что параплица (или отверстие для нее) связана с жерновом, актуализирует мотив "лягушка и камень": *господь помещает лягушку в камень, лягушку побивают камнями* (Цепенков, 2, № 156; ср. в цепном тексте: – *Кџмо жџби? | – Се скрџа под плџча. | – Кџмо плџча? | – Изкџриша дџца...* Шапкарев I, 392-393) и т.д. Так на уровне технических терминов реализуется архетипическая модель "хтоническое животное, пронзаемое острым колющим орудием".

Семантема в поле признака *неподвижный* – *лягушка – опора* – подводит к рассмотрению мельницы (водяной) как соответствия устройству мира: *земля, покаяющаяся на воде или на хтоническом животном*. Приблизительно так представлена мельница в словаре мифологического универсума, т.е. в корпусе загадок: рум. *Cază încheiată | Pe mare aruncată* 'Дом закрытый | На море брошенный' (Cinel-cinel, № 1548); *Pe spinare şarpelui | Visteria domnului* 'На спине змеи | Господское добро' (ib., № 1570), ср. болг. загадки, реализующие связь *мельница – уж*: (*сив, слен*) *смок свири, багра, видра, ламя играе* (Стойкова, № 2393-2397), блр. загадки: *На рџках, на водах, на ракавиж клешняж стаїць двор бялебен...* (Загадки, № 1939); *Стаїць вулей на балоце* (там же, № 1940), ср. еще рус. загадки: *Птичка зверобой | Свила гнездо над водой* (Садовников, № 1134); *Сидит кикимора (кулик, сова) на болоте* (там же, № 1128а-в) и т.п.

В поле признака *подвижный* разворачивается сюжет – прежде всего добывание огня/молнии трением камней/жерновов (об этом мотиве, в частности об этимологической связи мельница – молния, см.: Иванов, Топоров. Указ. соч., 94-95). Работа мельницы (имитация грозы, ср. рус. загадку: *Где стук да гром, | Там Захаров дом* – Садовников, № 1120) может тогда сопоставляться и с борьбой Громовержца со Змеем, – учитывая связь мельницы с водой, хтоническими животными²¹ и вообще со злосозненными

²¹ В этом смысле мельница может быть сопоставлена с миром, сотворенным дьяволом и потому нечистым или дефектным, ср. рум. этиологический сюжет о происхождении мельницы: *черт делает мельницу, но без веретена, т.е. движущей силы, "души", заменяет его чертиком, Господь арендует у черта мельницу и делает веретено* (MB, 542). – Ср. инвертированный сербский вариант, когда первую мельницу, но без *чекетало* (дощечка, по которой зерно сыплется в жернов), делает бог или св. Сава; *чекетало* было с помощью пчелы взято у черта (СМР, s.v. *воденица*). К веретену и через это к связи мельницы с прядением см., с одной стороны, известный сюжет "мачеха посылает падчерицу ночью на мельницу

силами²². Наряду с этими мотивами и возвращаясь к мельнице-миру (земле), как кажется, можно выявить здесь и другой аспект, касающийся самого процесса творения мира, когда оно происходит с помощью действий, соответствующих разного рода ремеслам, т.е. культурной деятельности человека: мир навивают, как полотно, лепят, как посуду, замешивают, как хлеб, и т.п.²³ Мельница может рассматриваться как орудие для приготовления сырья-муки, из которого замешивается земля, ср. с этим - из золы от первого огня, погашенного первым дождем, господь делает лепешку - *turta*²⁴ и кладет ее на воду; так получается земля (МВ, 541). Другой способ - добывание земли из-под воды, и здесь в рум. традиции в роли ныряльщика за землей выступает лягушка (Bîrlea, 87). Как объединение обоих способов добывания земли и приготовления теста см. вариант "лягушка носит во рту воду, а в листьях крапивы - землю; из этой смеси навивается мир" (Pamfile, 25), т.е. готовят клубки пряжи. - Ср.: клубки для навивания мира господь прядет из *farîna* 'рыхлой земли, праха' (МВ, 541). Существенно, что и здесь ощущаются отдаленно "следы лягушки": навив землю, господь делает черепаху (*broască țestoasă*), а из ее яиц - все виды животных. Это можно связать с мотивом плодородия, олицетворяемого лягушачьей икрой: ср. рус. *клек*, совмещающее значения 'лягушачья икра' и 'самое лучшее, отборное, первый разбор, цвет, краса чего' (Даль, с.в. *клеви*), при блр. *клёк* 'жизненная сила, соки' (ТСБМ, СБГ, с.ч.), полесск. *склёк* 'урожай, спор' (ср.: *каб Бог даў склёк*, д. Великий Бор). Кроме мотива собственно плодородия, урожая и т.п. здесь отчетливо ощущается и мотив *с к л е и в а н и я* в клубок, комок, шар (ср. лит. *kurkulaĩ* 'лягушачья икра', обозначающее и 'путаницу, комок ниток, пряжи' (LKŽ VI, s.v.)).

Замешивание теста, вылепливание из него лепешки, шара и т.п. в более широком плане может быть представлено вообще как сгущение первовещества, вернее, выделение из него путем сгущения наиболее ценной, плодородной субстанции. Это естественно подводит к известной мифологеме о сбивании мира как масла, в частности, в др.-инд. мотиве пахтанья молочного моря с помощью божественной мутовки - горы Мандары, опирающейся на черепаху. В упомянутой книге о финской мифологии М. Хаавио сопоставил пахтанье мо-

пращь", а с другой - запрещение прасты на мельнице, чтобы не растрескались жернова (G.Cr., № 2235) - к мотиву веретена-молнии, раскалывающего камни.

²² Связь лягушки с мельницей см. еще в шуточной рум. песне о сватовстве рака и лягушки: лягушка не нуждается в замужестве и богатстве, т.к. у нее есть мельница: *eu am moara sub fereastră 'у меня под окном мельница'* (Marienescu, 712, Olt.-Munt., 654 и др.).

²³ MacLagan D. Creation myths. Man's introduction to the world. London, 1977.

²⁴ Ср. *turta ta cu turta a mea* 'твоя лепешка с моей лепешкой' в арум. загадке о жерновах (G.Cim., № 1386, 1387). Там же мотив веретена.

лочного моря с размолом зерна и получением муки - на основе отождествления технического устройства маслобойки и мельницы, во-первых, и мифологического устройства - опоры на черепаху, 'донного змея' *Ahi Budh-puā* и лягушку, во-вторых. Отождествление муки, сыплющейся из мельничного короба, со снегом, дождем в загадках распространено повсеместно; ср. еще: рум. пеперуду не только поливают водой, но и сеют на нее муку из сита; поливают ее и сывороткой и молоком - к теме сбивания масла (МВ, 368).

Мотив пахтанья моря, очевидно, отразился в богомильских легендах о происхождении земли из морской пены, отождествляемой с молочной пеной, т.е. жиром, ср. в "Разумнике": Господом была взята *сметана ѿ воды, и съсириса*, из этой "створоженной", т.е. уплотненной пены/сметаны (молочного жира) и была сделана земля; земля плавает на воде, на дне воды лежит плоский камень (Иванов Й., 269-270), - в последнем можно видеть соответствие и всплывшему наверх маслу, сыворотке, и дну маслобойки (ср. еще: из морской пены господь сделал лепешку - Калоянов, 62, Петканова, 156-157).

Если учесть, что клишированное загадывание муки в мельнице во время помола - белая пена (ср. хотя бы многочисленные болг., рус., блр. загадки: Стойкова, № 2381-2383, 2395; Садовников, № 1136, 1149; Загадки, № 1886-1896, и т.п.), то аналогии между маслобойкой и мельницей становятся более убедительными.

Творение земли как сбивание масла вводит в набор ДП земли *жир* как плодородие, ср. известные мотивы и клише "жирной земли". Тогда проясняется, с одной стороны, не вполне очевидная, но имеющая глубинные семантические мотивировки связь мельницы с жиром, ср. рус. загадку о водяной мельнице *Сусл-масло | Под гору катилось, | Маслом подавилось* (Садовников, № 1125), и, с другой стороны, мотив сбивания масла в воде, ср. литовскую быличку "Svietas ežere" (LTR 3091/251, см. LD, 220-221 - о человеке, веслом сбившем в воде масло (но в этом озере на другой стороне стояли коровы)²⁵.

Наконец, можно высказать и некоторые предположения о связи лягушка/жир (молоко), где прежде всего следует упомянуть мотив "лягушка - сало - мельница", характерный, в частности, для шванков (ср. рум.: на чертовой мельнице Пэкалэ жарит себе сало, а черт - лягушку - Bîrlea, 88; ср. выше о лягушке на вертеле - когда ее жарят, она лопается; и из нее течет смола). Далее проясняется известная связь лягушек/жаб с молоком - высасывание молока у коров (ср. алб. название жабы *thithêlope* "корово-

²⁵ Ср. финскую загадку: *В каждом доме есть маслобойка, | каждый день сбивают масло (колодец) (Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок. - В кн.: Пареомиологический сборник. М., 1978, с. 271); ср., с другой стороны (о невозможном): бие вода да изкара масло, bate apa să iasă unt* (Икономов, № 122).

соска")²⁶; бросание лягушек в молоко, чтобы оно было холодным (ср. лит. пословицу *kaip rūškė piene* 'как жаба в молоке' - Paulauskas, s.v. *rūškė*), ср. блр. *жабскае, жабцае малако* 'молочай' (Нар. лексика, 217), лит. считалку *viens - varlės piens...* 'один - лягушачье молоко...' (LT V, № 8621); поверье о том, что в небе жабы-ведьмы карабкаются на гору, где стоит молоко, но падают, не добравшись (Federowski, № 327) и т.д. Связь лягушки с молоком в сочетании с признаком *подвижный* (частые, мелкие плавательные движения, ср. алб. *zhabaritet* о младенцах: когда их купают, они дрыгают ногами, как лягушки) дает мотив "сбивания лягушками масла", засвидетельствованный на балтийском ареале. См. прежде всего лтш. сюжет АМ *278Е* о двух лягушках, попавших в горшок со сметаной, - одна утонула, а другая, прыгая, сбила масло и выбралась наружу. Ср. еще лит. быличку "Rapu garu" (LTR 4239/637/, LD, 44): хозяйка, сбивая масло, зовет жаб, они прыгают в миску, и та наполняется маслом²⁷, и т.д.

Тогда совокупность выявленных на рассматриваемом ареале и перечисленных здесь мотивов [творение мира=пахтанье; маслябойка=мельница (мельница/жир); лягушка в оппозиции *неподвижный/подвижный*: 1) лягушка = опора земли (маслобойки, мельницы), 2) лягушка в творении земли; лягушка-молоко-жир] дает основание для предположения, что сюжеты о сбивании лягушкой масла могут быть также введены в контекст творения мира. Ее роль как опоры более или менее ясна; если ее роль ныряльщика за землей фиксируется, в частности, румынской традицией, то тогда в балто-балканской перспективе оказывается возможной трактовка балтийских сюжетов о сбивании лягушкой масла в контексте творения-пахтанья мира.

Принятые сокращения

- Вакарелски - Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1974.
 ВС - Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.
 Геров - Геров Н. Речник на българския език. I-VI. София, 1975-1978.
 Гринченко - Гринченко Б. Словарь украинської мови. I-IV. Київ, 1907-1909.
 Дз. фальклор - Беларуская народная творчасць. Дзіцячы фальклор. Мінск, 1972.
 Жывое слова - Жывое слова. Мінск, 1978.
 Загадкі - Беларуская народная творчасць. Загадкі. Мінск, 1972.
 Иванов Й. - Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970.
 Икономов - Икономов Н. Балканска народна мъдрост. София, 1968.

²⁶ Ср. о ведьме, оборачивающейся жабой и сосущей корову: *Вывае, заб'еш, ожк настаяшцае малако палвецца* (Живое слова, 38).

²⁷ Ср. в этом же ключе (Дз. фальклор, № 723): Дабы, дабы, | Дзеўкам - жабы, | Тыры, тыры, | Хлопцам - сыры.

- Инструкция - Инструкция па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1971.
 Калоянов - Калоянов А. Български митове. София, 1979.
 Матэрыялы - Матэрыялы да слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворака. Мінск, 1970.
 Нар. лексика - Народная лексика. Мінск, 1977.
 Петканова - Петканова Д. Апокрифна литература и фолклор. София, 1978.
 Романов - Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. V. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск, 1891.
 Садовников - Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М., 1959.
 СБГ - Слоўнік беларускіх гаворака паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1, 2. Мінск, 1979, 1980.
 СМР - Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
 Соколовы - Соколовы В. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
 Стойкова - Стойкова С. Български народни гатанки. София, 1970.
 Толстой - Толстой Н.И. Из географии славянских слов: 8. 'радуга'. - В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976.
 Толстые - Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. - В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978.
 ТСБМ - Глумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1-4. Мінск, 1977-1979.
 Цепенков - Цепенков М. Македонски народни умотворби, т. 1. Скопје.
 Чолаков - Чолаков В. Български народен сборник, 1. Болград, 1872.
 Чубинский I, III - Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. I, вып. 1. СПб., 1872; т. III. СПб., 1872.
 Шапкарев - Шапкарев К. Сборник от български народни умотворения. I-IV. София, 1968-1973.
 Шаталава - Шаталава Л.Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
 Abbot - Abbot G.F. Macedonian Folclore. Chicago, 1969.
 AM - Arājs K., Medne A. Latviešu pasaku tipu rādītājs. Rīgā, 1977.
 Balys - Lietuvių liaudies sakmės. I. Parengė J. Balys. Kaunas, 1940.
 Bîrlea - Bîrlea O. Mica enciclopedia a poveștilor românești. București, 1976.
 Butură - Butură V. Etnografia poporului român. Cluj-Napoca, 1978.
 Candrea - Candrea I.-A. Iarba fiarelor. București, 1928.
 Cinel-cinel - Cinel-cinel. Bucuresti, 1964.
 CVIA - Центральный государственный исторический архив Литовской ССР.
 DS - Pasakos, sakmės, oracijos. Surinko M. Davainis-Silvestraitis. Vilnius, 1973.
 Elisonas 1926 - Elisonas J. Keletas folkloro dalykų apie mūšų krašto varles (Amphibia). - In: Tauta ir žodis, IV. Kaunas, 1926.
 Elisonas 1931 - Elisonas J. Mūsų krašto ropliai (Reptilia) lietuvių folkloro šviesoje. - In: Mūsų tautosaka, III. Kaunas, 1931.

- Federowski - *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej. T. II, cz. 1. W Krakowie, 1902.
- Frashëri - *Frashëri S.Th.* Folklor shqiptar. I. Durrës, 1936.
- G. Cim. - *Gorovei A.* Cimiliturile românilor. Bucureşti, 1972.
- G. Cr. - *Gorovei A.* Credinţi şi superstiţii ale poporului român. Bucureşti, 1915.
- Krzyżanowski - *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 2. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1960.
- LD - *Laumių dovanos.* Lietuvių mitologinės sakmės. Paruošė N. Vėlius. Vilnius, 1979.
- LLDK - *Misevičienė V.* Darbo dainos. Kalendorinių apeigų dainos. [Lietuvių liaudies dainų katalogas]. Vilnius, 1972.
- LKA - *Lietuvių kalbos atlasas.* I. Leksika. Vilnius, 1977.
- LKŽ VI, X, XI - *Lietuvių kalbos žodynas.* VI, X, XI. Vilnius, 1962, 1976, 1978.
- LT - *Lietuvių tautosaka.* V. Smulkioji tautosaka. Žaidimai ir šokiai. Vilnius, 1968.
- LTR - *рукописная картотека литовского фольклора в Институте литовского языка и литературы АН ЛитССР.*
- Machek - *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- MAGP - *Mały atlas gwar polskich.* III. Wrocław-Kraków, 1960.
- Marieneşcu - *Marieneşcu A.M.* Poezii populare din Transilvania. Bucureşti, 1971.
- MB - *Muşlea I., Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Bucureşti, 1970.
- Moszyński - *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian. T. II, cz. 2. Warszawa, 1968.
- NAK - *Νεοελληνικά λαογραφικά κείμενα.* Ἀθήναι, 1957.
- Olt.-Munt. - *Folclor din Oltenia şi Muntenia.* II. Bucureşti, 1967.
- Pamfile - *Pamfile T.* Povestea lumii de demult. Bucureşti, 1913.
- Paulauskas - *Paulauskas J.* Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1977.
- Plet. II - *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. II. V Ljubljani, 1895.
- RHSJ - *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* D. IX. U Zagrebu, 1924-1927.
- Slančiauskas I - *Šiaurės Lietuvos pasakos.* Surinko M. Slančiauskas. Vilnius, 1974.
- Slančiauskas II - *Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai.* Surinko M. Slančiauskas. Vilnius, 1975.
- Šmits - *Šmits P.* Latviešu tautas ticējumi. I. Rīgā, 1940.

В.Н. ТОПОРОВ
ДР.-ГРЕЧ. ВАТРАХОС И ДР.
(заметка на полях)

Опыт этимологических исследований свидетельствует, что иногда некоторые предположения, формулируемые в виде определенных этимологических конструкций, возникают не в результате сознательных и целенаправленных усилий, а с л у ч а й н о, так сказать, непринципиально. Хорошо это или плохо, сказать с полной определенностью нельзя, хотя очень существен сам факт наличия таких случайностей, поскольку, - по меньшей мере, - он раскрывает неоднородность структуры взаимоотношений между исследуемым и исследующим и, следовательно, предполагает наличие р а з н ы х стратегий поиска решения, в частности, и таких, которые в принципе допускают случайность. Еще два замечания в связи с темой "случайных" этимологий. В о п е р в ы х, речь идет не о тех случайных этимологиях ("счастливых", т.е., строго говоря, неподготовленных, неожиданных, или, во всяком случае, требующих значительно меньшей затраты исследовательских усилий, чем можно предполагать, судя по заключительному эффекту), которые, однако, сразу восстанавливают все лакуны и делают этимологическое решение завершенным и обладающим очень высокой степенью вероятности, но о того рода случайностях, которые лишь приоткрывают завесу полной неясности и позволяют сформулировать некое н о в о е предположение; оно до поры не может быть доказано, но и тем более не может быть с очевидностью опровергнуто. В о - в т о р ы х, эти "случайные" этимологии, как следует из предыдущего, не требуют непременно верификации с точки зрения их доказательной силы. В данном случае, важнее само наличие нового места вхождения в совокупности эвристических возможностей, которое и позволяет предположить оригинальную этимологическую конструкцию. Наличие (или, тем более, открытие) новой возможности объяснения может оказаться особенно важным и актуальным не столько в связи с исследуемым словом, сколько в связи с и с с л е д у ю щ и м е г о с у б ь е к т о м, структура эвристических возможностей которого как раз и описывается набором таких "случайных" (как бы на пустом месте) решений, хотя, разумеется, не исчерпывается им. При том, что теоретический аспект этимологии неоднократно становился объектом исследований (чаще всего, однако, недостаточно глубоких), проблема э т и м о л о г а (так сказать, *homo etymologi/fi/cans*) неизменно игнорировалась. Тем самым не только нарушалось правильное понимание соотношения этимологизирующего и этимологизируемого, но и наносился ущерб самой этимологии слов: этимологические решения приобретали черты неоправданной независимости от примененного этимологизирующего аппарата и безотносительности, абсолютности (этимология, всеми признаваемая надежной и точной, трактовалась и трактуется как истинная, окончательная и, следовательно, единственная).

"Случайным" в описываемом случае является обнаружение и с к л ю ч и т е л ь н о г о фонетического сходства (в отдельных случаях - тождества) между древнегреческими названиями лягушки и основания (фундамента). Ср. βάτραχος (особенно *даваемый* как ионийский [см. Hdt. schol. II. 4, 243] вариант βάτραχος) 'лягушка' при βάθρον 'основание', 'фундамент', 'постамент' (ср. в связи с ὑψος Софокла); 'порог' и т.п. (ср. Δύκλις и т.п.). Иначе говоря, речь идет о соотношении βάτρ- : βάθρ- или даже βάθρ- : βάθρ-. Для специалистов в области др.-греч. языка и, в частности, этимологов это соотношение "случайно", и оно никогда не упоминается. Вместе с тем сама "случайность" может быть (хотя бы отчасти) поставлена под сомнение, поскольку одно из сопоставляемых слов (βάτραχος) не имеет этимологии [ср.: "Wie die Mehrzahl der Namen des Frosches in verschied. Sprachen, ist auch βάτραχος ο h n e E t y m o l o g i e". Frisk 1, 226-227 или: "La forme originale doit être βάτραχος, mais elle n' a p a s d' e t y m o l o g i e é t a b l i e". Chantraine 1, 170; точка зрения, согласно которой βάτραχος объясняется как "пеласгизм" - из и.-е. *bher-, *bhrǵ- (см. *Winkelens A.J. van. Le Pélasgique. Louvain, 1952, p. 76-78* и др.) малосостоятельна именно в том, что касается формы источника этого слова], а этимология другого слова (βάθρον) остается слабо аргументированной, более или менее случайной, если не сказать сомнительной. В данном случае едва ли оправданно (по крайней мере по теоретическим соображениям) говорить о случайности, поскольку состояние разработки этимологии сопоставляемых слов принципиально лишает возможность отличать здесь случайное от неслучайного, закономерного. Но идея случайности серьезно ослабляется и со стороны исследуемого материала. Оказывается, что близкие друг другу или даже одинаковые по форме лексемы четко различаются в том отношении, что о с н о в а н и е и т.п. всегда кодируется неизменным элементом βάθρ-, а л я г у ш к а - целой совокупностью флуктуирующих форм (разные варианты ассимиляции и диссимиляции, метатезы, притяжения и отталкивания, объясняемые народно-этимологическими импульсами, и т.п.), ср. вкратце: βάτραχος, βάτρακος (см. выше; эта форма отмечена в папирусах и сохранилась в новогреч., наряду с другими формами, о которых см. Hatzidakis 'Αθηνᾶ 1914, t. 26, 48 сл.), βότραχος (Hirpsog. ap. Gal. 19; ср. лат. *botrax* 'ящерица'?), βρόταχος (Xenoph.; в надписях как Nom. προτρ., см. Bechtel Gr. Dial. 3, 109 сл.); ср. также βράταχος· βρατάχους Hesych. (ср. также Nom. προτρ. в Галикарнасе Βράταχος), но и βρούχεται· βράθρον, βάτραχος δε Κύπριου. Hesych. (под влиянием βρυχάσαι); βύρτακος· βάτραχος. Hesych.; βρύτχου· βάτραχου μικροῦ ἔχοντες οὐράς. Hesych. (с притяжением к βρύω) и даже βριαγχόνην· βάτραχον, φικεῖς. Hesych.; βρόχτος· βάτραχος. Hesych.; наконец, βλίταχος· βάτραχος. Hesych., ср. βλίχανος (βλιχανώδης, βλιχώδης), Nom. προτρ. Βλίχανος (Bechtel. Personennamen, 581); глос-

су Гесихия βλίχανον· βάτραχον καὶ βλίχανον (βάβακος. Hesych. является, видимо, чисто ономапоическим словом, см. Прусск. язык, 2 s.v. *gabawo*, как и знаменитое аристофановское *brekekexeks-koaks-koaks*, в конечном счете воспроизводящее консонантический остов обозначения лягушки - β-ρ-κ-ς, но без τ, ср. чуждость дентальных (τ) ономапоическому слову). Иначе говоря, стабильности βάθρ- 'основание' противостоит расплывчатая ("скачущее-неопределенная") совокупность форм для обозначения лягушки (ср. неоднократно актуализируемый в мифопоэтических текстах мотив расплывчатости, дрожаще-колеблющейся полуустойчивости самой лягушки); к фонетической трактовке согласных, в частности, в βάτραχος и его вариантах см.: *Lejeune M. Traité de phonétique grecque. Paris, 1955, p. 50* и др.

Наличие некоей неслучайности в организации перечисленного материала подводит к известной теме - *Когда б вы знали, из какого сора...* В ы р а с т а н и е из видимого хаоса форм определенной этимологической конструкции связано предопределяется и направляется некоторыми мифопоэтическими характеристиками лягушки (или жабы), отчасти отмеченными в статье "К мифологии лягушки". Особенно существенно, что: 1) лягушка принадлежит к определенной космической зоне и является ее зооморфным классификатором; 2) в силу принадлежности к определенной зоне она выступает как опора, более или менее устойчивое соединение; 3) характеризуется весьма относительной устойчивостью и формой: она расплывчата, несколько неопределенна, способна к изменению размеров (ср. *жабится* 'коробиться', 'сжиматься', но и 'вспухать', т.е. увеличиваться, ср. *жаба*, *ангына* и т.п.). В связи с п е р в ы м признаком уместно напомнить о приводимом Геродотом эпизоде (IV, 131-132): "Скифские цари ... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, л я г у ш к у и пять стрел ... Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдадут себя в его власть и приносят ему в знак покорности землю и воду, так как де мышь живет в земле...; л я г у ш к а обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня..." (уместно было бы предположить связь птицы с небом. - *В.Т.*). Было предложено и другое объяснение скифским символам ("Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зареетесь в землю, или как л я г у ш к и не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами"), но оно в данном случае менее интересно, хотя в нем перечисленные животные также связываются каждое со своей стихией. В связи со в т о р ы м признаком существенно подчеркнуть, что лягушка двуприродна, она принадлежит земле и воде (*земноводное*), т.е. х л я б и, как бы еще не отделенным друг от друга земле и воде. Лишь применительно к этой современной хляби лягушка может выступать как о п о р а, промежуточный характер которой несомненен (тверже, устойчивее воды, но мягче,

податливее земли). Этот аспект явно подчеркивается в "Батрахомиомахии":

Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кронион:
Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою
И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись, понадежней усевшись,
А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю (59-64)
(ἀμφίβιον γὰρ ἔδωκε νομῆν βατράχοισι Κρονίων...
σκιρτῆσαι κατὰ γαίαν, ἐν ὕδασι σῶμα καλύψαι...
βαῦνέ μοι ἐν νύτοισι, κράτει δέ με μήποτ' ἀλλόσθης...).

Собственно говоря, причина конфликта и заключалась в том несчастном эпизоде, который имел место из-за различного понимания опоры у лягушонка (φῦσίγναθος) и у мыши (ψτχάρπαξ). Как известно, перед лицом опасности лягушонок

Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь
упала ... (86-87).

(собственно:

δῦ δὲ βάθος λίμνης καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.
κεῖνος δ' ὡς ἀφέθη, πέσεν ὑπτιος εὐθὺς ἐφ' ὕδωρ,
καὶ χεῖρας ἔσφυγγε καὶ ὀλλύμενος κατέτριξε. 86-88
(ср. ὡς ἀπὸ πέτρης. 93).

Можно думать, что сама комически описываемая в поэме война мышей и лягушек представляет собой травестию не только гомеровской "Илиады", но и (а в своем генетическом ядре и прежде всего) архаичного местного мифа о борьбе двух стихий, данного в зооморфном коде, - более архаичной земли-воды (хляби) и в ходе космогенеза возникшей тверди, суши, соответственно - лягушек и мышей (в этой связи уместно напомнить о совместной встречаемости лягушки и мыши в символике скифского дара, о котором сообщает Геродот; не менее интересно, что мыши и лягушки играли особую мифо-ритуальную роль в древней Эгиде, особенно в Малой Азии, о чем отчасти - в связи с мышами - уже писалось; для отношения к лягушкам характерен миф о превращении в них ликийцев, отказавшихся напоить водой Латону; ср. также аристофановских "Лягушек", сохраняющих и мифологичность темы (Дионис и лягушки в подземном царстве) и само отношение к этим земноводным). Космогонический смысл этой борьбы, между прочим, и состоит в том, что малоустойчивая опора (хлябь-лягушка) уступает место твердой и устойчивой опоре (земля-черепаха как хлябь преодолевающая, отвердевшая лягушка), которая может служить надежным основанием, фундаментом в том новом состоянии мира, имеющем наступить по разделению воды и земли (ср. роль опоры, основания, фиксированной точки в древнеиндийском религиозно-мифологическом умозрении - *adhara*, *alambana*, *āśraya* и противопоставление этой концепции "твердого", "закрепленного" мира концепции "текучести", "размытости", "незакрепленности"). А мо-

тив основания, как справедливо указывают авторы предыдущей статьи, действительно приводит к любопытному обозначению жабы (*rūpūžē*) в литовском - *ramatinė* (от *pāmatas* 'фундамент', 'основание'), т.е. 'относящаяся к основанию, им являющаяся', в профаническом демифологизированном варианте - 'под фундаментом (дома) живущая' и т.п. Ср. некоторые любопытные контексты: *Pamatinė s daugiausia pro pamatais gyvena* (т.е. 'жабы больше всего живут под фундаментом' с явной figura etymologica - *Pamatines... pro pamatais*); *Tyli ka(i)p pamatinė ro akmeniui* "Молчит, как жаба под камнем"; *Stovi išsisiskėtus kaip pamatinė*; *Da tik šimet pasistatėm namą, o jau pamatinį pilną*; *Pamatinė yra tokia pilka, iš ramus kai paspaudi*, - сур; *Raganos duktė kaip tikt spiaus, tai ir bėga pamatinė* и т.п. (LKŽ 9, 1973, 285). В этом контексте уже не покажется случайностью и произволом желание сопоставить др.-греч. *βάτραχος* 'лягушка' с обозначением основания, фундамента, пьедестала (: *pāmatas*), т.е. с *βάθρον*, которое перекликается с *βάτραχος* не только фонетически, но и в глубинном семантическом слое, иногда отражающемся и во фразеологии (ср. *ἐν βάθροισι εἶναι*. Eurip. 'покоиться на своих основах', т.е. 'быть прочным', в связи с мотивом лягушки-опоры, основы, см. выше). Впрочем, образ лягушки как первенствующей ("царственной") опоры возникает и на других путях (ср. известную басню о сброшенном божеством с неба в болото полене, чтобы оно было царем, и мотив лягушка-царь [ср. его косвенное отражение в латинской пословице *aui fuit rana, nunc est rex*]; через признак "быть царем" лягушка соотносится с поленом как разные варианты образа опоры).

Особый вопрос - характер связи между *βάτραχος* - *βάτραχος* и *βάθρον*. Ответить на него здесь и сейчас не представляется возможным. Тем не менее, можно высказать предположение о том, что ответ лежит где-то посередине между двумя крайними решениями, которыми в данном случае кажется позволительно пренебречь (речь идет об абсолютно случайном сходстве этих слов, с одной стороны, или о точном генетическом сходстве, предполагающем единый источник, с другой стороны). Скорее придется думать о совокупном действии ряда внутренних и внешних причин. Так, относительную устойчивость формы *βάτραχος* (при исключении *βάτραχος*) можно объяснять диссимиляцией согласных, связанной с элиминацией признака непрерывности в одном из звеньев, ср. *τ - χ*, но *θ - κ*; в этом отношении форма *βάθρον* отличается от обозначения лягушки отсутствием условий для диссимиляции, что, кстати, и объясняет постоянно сохраняющееся *θ*. Вместе с тем слова с корнем *βάτρ-* могут производить впечатление заимствований из догреческого слоя (в частности, из так называемого "пеласгийского" или какого-нибудь древнего языка Малой Азии), напр., слова, звуковая структура которого отвечала условиям, принимаемым в законе Грассмана, но подвергалась иным трансформациям, нежели в др.-греч. Так, теоретически можно

было бы думать (если иметь в виду правдоподобные семантические мотивировки) об источнике типа и.-е. *bhendh- : *bhndh- 'связывать' (ср. др.-инд. *badhñāti*, позже *bandh-*, авест. *bandayaiti*, лат. *offendo*, *dēfendo*, фрак. *βενδ-*, алб. *besë* 'договор', 'вера', готск., др.-англ. *bindan*, др.-исл. *binda*, др.-в.-нем. *bintan*, лит. *bėndras* 'общий', галльск. *benna* 'genus vehiculi', кимр. *benn* и т.п., см. Рок. 1, 127), который отражен и в др.-греч., ср. *κείσμα* 'канат, веревка' (из *κευδσμα), *κευθερός* 'свекор', *κείσθη* 'страдаю' (Pedersen *REtE* 1, 192), *φάθνη 'ясли' (: *bhendh-) и т.п. К семантике ср. рус. основа: *снова́т* 'с в я з ы в а т ь' и многочисленные примеры перехода 'связывать' → 'делать (образовать) основу'. В таком случае речь могла бы идти о языке или диалекте, где *bhndh- давало *bat- или *bath- (откуда *βάτραχος* - *βάτρακος*). Это исключение из закона Грассмана может объясняться не только негреческим источником обозначения лягушки, но и хронологическими рамками самого этого закона (ср.: *Janko R. A Note on the date of Grassmann's Law in Greek.* - *Glotta* 1977, Bd. 55, p. 1-2). Тем не менее, второй член сравнения *βάτρον* настойчиво, хотя, по сути дела, без аргументации, связывается с *βαίνω* 'иду' (и.-е. *ǵh₂et- : *ǵh₂-*) и этим самым выводится из возможной связи с обозначением лягушки. Не вступая здесь в дискуссию по этому вопросу, уместно все-таки напомнить, что такая же ненадежность (и соответственно - неуверенность и разногласия в точках зрения) обнаруживается и в связи с этимологией др.-греч. слов, обозначающих глубину, - *βάθος*, *βένθος* - и отсылающих к *bḥ₂d- : *bḥ₂d- и далее, видимо, к и.-е. *bhndh- : *bhendh- (см.: *Seiler E. Steigerungsformen*, 52), т.е. к той же форме, которая предполагалась в качестве источника в связи с обозначением опоры-соединения (ср. предполагаемую игру *βάθος* - *βάτραχος* в "Батрахомиахии"). Нужно думать, что эти фонетически очень сходные, но трактуемые как и с к л ю ч е н и я (причем каждый раз о с о б ы е, изолированные) слова в принципе могли бы объясняться е д и н ы м образом.

В заключение - еще об одной случайности: об очень большом внешнем сходстве русского слова *батра́к* и др.-греч. *βάτραχος* - *βάτρακος* 'лягушка' (в отношении ударения ср. формы, где выступает *βατράχ-*). Этимология рус. *батра́к*, впервые зафиксированного, кажется, в конце XVI в., отсутствует. Предлагавшиеся объяснения (из татарск. *batrak* (Горяев, Преображенский), которое само заимствовано из русского, или от *батырь* в значении 'подрядчик в артелях крючников' (в олонецк. диал.) с расширением -ак, см. Соболевский РФВ 70, с. 77; Фасмер I, 134-135) явно неудовлетворительны, по крайней мере, в том виде, как они предлагались. Это не означает, однако, что в этом направлении все ресурсы исчерпаны. С о д н о й стороны, можно было бы думать, напр., о старом русском "мадьяризме", ср. венг. *bátor* 'смелый' (из ст.-тюрк. *bagatur*), заимствованное, кстати, южными славянами на смежных с венграми территориях (ср. словен. *batriv*, *batriti* и т.п., схрв. (кай-кавск.) *bàtriv*, *bátriti* и т.п. - с пометой: *Vuk, Slav-*

nija, ugarski Hrvati, Jačke. Skok I, 123, ср. также рум. batâr), особенно характерна венгерская форма множ. ч. - *bátrak*. С д р у г о й стороны, нельзя полностью исключать связи с праслав. *bat- : *batati 'бить', 'колотить' (ср. схрв. *batati*, словен. *bātati*, др.-рус. *батати*, диал. *ба/о/ма́тв* 'бить', 'колотить', но и особенно в значении 'искать, бегать для розысков', см. СРНГ 2, 142, ЭССЯ 1, 164-165), ср. *batъ, *batikъ, *batica, *batina, *batogъ и т.п. (: лат. *battuere* 'бить', 'колотить', лит. *botarai-nis* 'длинный кнут'; 'кривой', 'скрученный' и т.п. - LKŽ I, 978); не исключена и реконструкция праслав. *batrati, *batriti (ср. *ботривъся*. СРНГ 3, 138 и, может быть, хотя бы отчасти, ю.-слав. *batriti*), которые бы могли объяснить и имя с суф. -ак: *батра́к* < *bat-r-akъ, ср. диал. *батыряк* (такие значения диал. *батыря́к*, как 'толстый, плотный, большого роста человек' [отчасти - 'шалун, резвый мальчик', 'работник, отличающийся силой и усердием', СРНГ 2, 146-147, хорошо выводятся из значений 'бить', 'колотить', ср. *сбитый*, т.е. 'плотный', 'крепкий' → 'толстый', 'большой', 'сильный' и т.п.).

Но возможны и другие объяснения. Любая попытка связать русское слово с др.-греч. также не может быть (по крайней мере, пока) ничем иным, как сугубо гипотетической конструкцией. Но некоторые подступы к ней, кажется, могут быть раскрыты. Прежде всего уже отмечалось, что слова, обозначающие жабу или лягушку, нередко выступают и как *termini technici* для обозначения некоторых важных частей (напр., поперечной планки мельничного веретена, детали гончарного круга, приспособления у плуга, вообще углубления, ячейки, выемки в конструкции), имеющих отношение к о п о р е, у п о р у, с о е д и н е н и ю, ф и к с а ц и и и с т а б и л и з а ц и и, ср. рус. *жа́бка*, *жа́бина* и т.п. Эта "инструментальность", проявляющаяся и в названиях, обозначающих жабу или лягушку, и в мифопоэтических мотивах, связываемых с нею (ср.: лягушка - опора, лягушка - транспортное средство, лягушка - инструмент связи, лягушка и ее способность увеличиваться в объеме и т.п.), может оказаться важнейшим звеном для объяснения намечающейся связи. Два обстоятельства могут оказаться в этой связи полезными: 1) образ животного как р а б о т н и к а (вол, ишак, мул, лошадь, битюг; крот, пчела, муравей, кузнечик, паук и т.п.) и 2) наличие случаев совмещения деятеля и орудия-инструмента, его детали (ср. *работник*, *дворник*, *ударник* и т.п. как обозначения деятеля и как *termini technici*, ср. также *мастерок* - *мастер*). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в диалектах круг значений слова *батыря́к* может отсылать к идее в е л и ч и н ы, о б ъ е м а, с и л ы (ср.: *Батыря́к* - 1. Работник, отличающийся силой и усердием; 2. Толстый, плотный, большого роста человек; 3. Шалун, резвый мальчик, см. СРНГ 2, 1966, с. 146-147; ср. в крыловской басне о крестьянине и работнике (собств. - батраке): "... не выдай, милый!" | *Из-под медведя он взмолился Б а т р а к у.* | *Вот, новый Г е р к у л е с, со всей собравшись с и л о й ...* | *Отнес полчервца медведю топором...*), т.е. к мотивам, кото-

рые нередко соотносятся именно с лягушкой (*И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться...*), претендующей на обладание этими качествами (ср. басню "Вол и лягушка" при стандартном образе вола как сильного и трудолюбивого животного, рабочего скота по преимуществу). Ср. и такие общие для лягушки и горе-работника ("батрака") характеристики, как *раздуваться* ("тщетно стараться быть большим, чем есть"; ср. семантически близкое обозначение алхимика-эмпирика, делающего ставку на механический труд, а не на полученное свыше откровение - франц. *souffleur* при *souffler*, которое как технический термин обозначает *раздувание* мехов, - мотив, подчеркнутый, между прочим, в известной картине Д. Тенирса Младшего "Мастерская алхимика"), *пыжиться* и, наконец, *лопаться* (*С натуги лопнула и околела* - как результат несоответствия сил реальному заданию, *работе*). Известны и другие примеры переноса названия лягушки на человека, по-разному мотивируемые (ср. *жаба*, об отвратительном человеке, чеш. *žába*, *žábička*, польск. *żaba* и т.п., о девочке, ребенке, в связи с табуистическими мотивами, если следовать Махеку, 720-721, и т.п.). Но сложнейшим пунктом объяснения является, конечно, вопрос о том, каким образом греч. *βάτραχος* - *бадраχος* попало к восточным славянам и в каком контексте произошло соединение *βάτραχος* как обозначения лягушки с *батрак* как обозначением *работника* (в известном отношении проблему составляет и начальное *б-* при ср.-греч. $\beta=[v]$). Об этом остается только гадать. Первым вариантом таких гадательных предположений может быть указание на возможную роль специализированных "тайных" языков типа офенского, богатого греческими словами (см.: *Jagić V. Die Geheimnissprachen bei den Slaven. Wien, 1896, S. 13 u. folg.* и более поздние исследования на эту тему, ср. книгу В. Будзишевской 1957 г.). Сама семантическая трансформация ('лягушка' → 'работник') сильно напоминает принципы обозначений презираемого работника в блатном ("воровском") языке.

А.Ю. АЙХЕНВАЛЬД, В.Я. ПЕТРУХИН,
Е.А. ХЕЛИМСКИЙ

К РЕКОНСТРУКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

С проблемой многослойности мифологических традиций финно-угорских народов и выявления их общего ядра, которое можно было бы признать наследием эпохи финно-угорской общности (ок. III тысячелетия до н.э.) и даже (при сопоставлении с данными самодийской мифологии) прауральского периода, авторы столкнулись при работе над первым в отечественной историографии опытом систематического изложения основных мифологических сюжетов в энциклопедии "Мифы народов мира".

Интенсивное изучение финно-угорской мифологии началось более ста лет назад, во времена составления "Калевалы", и было ориентировано преимущественно на поиски происхождения тех или иных сюжетов и персонажей (с позиций финской школы, миграционизма и т.п.); если накопленный сравнительный материал и систематизировался, то системность эта привносилась исследователями извне, по традиционным рубрикам - боги неба и земли, духи леса, воды и т.д. (ср. работы И. Паульсена и др.)*. Современная наука стремится обнаружить внутрисистемные связи мифологических сюжетов и персонажей (работы Л. Хонко, М. Хоппала и др.): выявление таких закономерных и устойчивых связей позволит не только реконструировать предполагаемое прафинно-угорское ядро мифологической системы, но и провести сравнительно-исторический анализ, исследующий тенденции ее развития, влияния и заимствования. Проблема влияния особенно актуальна для финно-угорской мифологии, так как ее носители на протяжении своей истории поддерживали тесные контакты с индоиранцами, а затем иранскими племенами Восточной Европы и Южной Сибири, тюрками, балтами и славянами, скандинавами; на позднем этапе их идеология подверглась сильнейшему влиянию христианства и ислама. Данная статья, подготовленная на основе материалов упомянутой энциклопедии, не может, разумеется, претендовать на полноту в раскрытии многочисленных параллелей, связывающих мифологию финно-угров с соседними мифологическими традициями и обусловленных многовековыми взаимными влияниями; ее выводы носят сугубо предварительный характер.

Главная сложность исследования финно-угорских мифологических традиций - отсутствие древних источников, относящихся к периоду до начала христианизации, когда их целостность была во многом разрушена: в наименьшей степени это коснулось обско-угорской мифологии, в наибольшей - венгерской. Сохранились скудные средневековые источники по финской, в меньшей мере - эстонской, коми мифологиям. Остальные традиции восстанавливаются преимущественно по фольклорным материалам XIX-XX вв. Естествен поэтому ретроспективный подход к материалу: изложение основных мифологических сюжетов и представлений в отдельных традициях с завершающей попыткой их сравнительного анализа и выделением общего ядра финно-угорской мифологии.

1. Финско-карельская мифология. Мифы двух соседних, поздно разделившихся народов - финнов и карел - тесно взаимосвязаны вплоть до полного тождества (ср. значение Карелии для финнов как "края рун").

1.1. Общий финско-карельский космогонический миф повествует о сотворении мира из мирового яйца. Известны карельские руны о птице (утка, орел, гусь, ласточка и др.), летающей над водами первичного океана в поисках места для гнезда. Птица откладывает яйцо

* См. общий библиографический перечень в конце статьи. В тексте статьи непосредственные ссылки на источники тех или иных данных или интерпретаций не приводятся.

(3 или 7 яиц) на колено *Вяйнямейнена* (*Väinämöinen*), единственного обитателя океана (в "Калевале" - на колено матери Вяйнямейнена, воздушной девы *Ilmatar*), или на холм среди океана. Яйцо скатывается с колена (с холма) и разбивается: из его верхней части образуется небо, из нижней - земля, из желтка - солнце, из белка - месяц, из "пестрых частей" - звезды. Согласно ухтинским карельским рунам, три яйца, снесенные орлом, проглатываются щукой, но орел вспарывает брюхо щуки. В некоторых рунах мир творит сама птица, в других - демиург Вяйнямейнен (чаще он оказывается создателем ландшафта, рельефа морского дна).

1.1а. Менее распространенные дуалистические варианты космогонии находят аналогии в мирах восточных финно-угров, но в то же время несут очевидные следы влияния христианской мифологии: бог плавает в каменной лодке по волнам океана; из пены возник сатана, которого бог заставил нырять за землей на дно. На третий раз сатана достал комок ила, но, отдавая его богу, утаил часть во рту, и когда перетертая богом земля стала разрастаться по океану, утаенная часть стала также расти; выплюнув землю, сатана создал холмы и горы.

1.2. Согласно мифологической картине мира, круглая земля омывается водами и накрыта вращающимся небосводом, неподвижный центр которого - Полярная звезда (фин. *Maannaela* 'гвоздь земли', ср. также эст. *Põhjanael* 'гвоздь севера'). Купол неба поддерживает мировой столп - медная (каменная, железная) гора или огромный дуб с вершиной, касающейся Полярной звезды. Дуб загораживал кроной луну и солнце, но вышедший из моря чудесный человечек срубил его; упавшим деревом финны считали Млечный путь (по другим представлениям, ствол этого дерева - мост, соединяющий мир живых с миром мертвых). Мировая гора располагалась в центре мира и одновременно на севере (ср. гора *Meru* в древнеиндийской традиции, на представления о которой, по некоторым гипотезам, повлияли мифы северных народов), где купол неба касается земли. Там же находится страна мертвых *Манала* (*Manala*, из *maan alla* 'под землю'; другое название - *Туонела* (*Tuonela*); иногда идентифицируется со "страной севера" *Похьёлой* (*Pohjola*)), отделенная рекой с тем же названием. Погружение в воды Маналы означает смерть; смерть заключена и в напитке Маналы (ср. в более поздних вариантах запрет пить напиток духов подземного царства *maahiset*). Существуют представления о протекающем под землей стремительном огненном потоке, который умершие должны переплыть на лодке, перейти по мосту или вброд; на другом берегу их поджидает страж с железными зубами и тремя псами. В загробном мире располагалась также гора с гладкими стенами (холм *Туонелы*): чтобы взобраться на нее, умерший должен был всю жизнь собирать остриженные ногти. На юге мирового океана располагался населенный карликами остров, куда, в "Страну птиц" (*Linnunmaa*), птицы летели по Млечному пути (фин. *Linnunrata*, ср. эст. *Linnutee* 'Путь птиц'). В центре

мирового океана - гигантский водоворот, выпускающий и поглощающий воды, что порождает приливы и отливы.

1.3. К архаичным мифологическим сюжетам относится миф о космоическом охоте на гигантского лося *Hiisi*, которого не может догнать охотник на чудесных лыжах: в Полярной звезде видели охотника, в Большой Медведице - лося. Возможно, трансформацией того же мифа является руна о Большом быке, которого не смогли заколоть боги; с этим справляется *Ильмаринен* (*Ilmarinen*) или человечек, вышедший из моря, в поздних вариантах - бог грома *Туури* (*Tuuri*), убивающий свинью или быка топором или молотом (вероятное скандинавское заимствование - ср. *Tora*, вооруженного молотом). В ряду этиологических и преданий отметим миф о медведе *Otso*, сотворенном из шерсти, брошенной в воду; согласно другому варианту, медведь рождается от светил (луны, солнца, Большой Медведицы), чему соответствовал мотив "медвежьей свадьбы" (ср. аналогичный мотив славянской мифологии). В "Калевале" представлен следующий сюжет мифа о светилах: луна и солнце сходят с небес, чтобы послушать игру Вяйнямейнена. Хозяйка *Похьёлы* (божество подземного царства) захватывает их и прячет в гору и похищает огонь из очагов Калевалы. Верховный бог *Укко* (*Ukko*) высекает огонь для новых светил, однако он падает на землю и попадает в чрево рыбы. Небесный кузнец *Ильмаринен*, добыв огонь, пытается выковать новые луну и солнце, но не может заставить их светить. При помощи гадания Вяйнямейнен узнает, что светила находятся в скале *Похьёлы*. Он просит *Ильмаринена* выковать оружие, чтобы прорубить отверстие в скале. Хозяйка *Похьёлы* в страхе выпускает луну и солнце из скалы, и Вяйнямейнен возвращает их на небо. Кроме того, в финско-карельских эпических рунах широко распространен сюжет о добывании культурными героями чудесного источника изобилия *Sampo*.

1.4. Сведения о пантеоне относительно скудны, так как культ языческих богов исчез в процессе христианизации финнов и карел (с XII в.). Имя *Юмала* (*Jumala*) - общее наименование персонифицированных сил природы, часто духов неба - стало обозначать бога вообще, в том числе христианского. Важнейшие сведения о пантеоне содержатся в "Псалтыри" (1551 г.) главы финской реформации *Михаэла Агриколы*. По его данным, финны поклонялись божеству леса *Тарпо*, посылавшему добычу охотникам; богу вод *Аhti*, дававшему рыбу; *Einimoinen* создавал песни; *Rakko* творил лунные затмения (упоминаются также мифологические животные *Капеет*, пожирающие луну; ср. зафиксированные позднее представления о духе *Рахко*, управляющем фазами луны); *Liekio* - бог трав, корней деревьев и т.п.; от *Ильмаринена* зависела погода на море, удачное плавание; *Turisas* давал победу в битве; *Kratoi* заботился об имуществе человека, от *Tontu* зависело домашнее хозяйство. Среди карельских богов М. Агриколой названы *Rongoteus*, дающий рожь; *Pellon Pekko*, дух ячменя; *Virankannos*, дух овса; *Egres* обеспечивал урожай бобов, гороха, репы, капусты, льна и конопли; *Köndös* - покровитель

пахоты; плодородию покровительствовали Укко и его жена Рауни (Rauni); Kekri способствовал приросту скота; от Хийси (Hiiisi) зависела удача на охоте; покровителем в охоте на белок считался Nirkes, на зайцев - Hatavainen.

По-видимому, высшими божествами были небесные - старец Укко (в фольклоре - "верхний старец", "золотой король" и т.д.), который сливался в представлениях финнов с Юмалой и наделялся функциями громовника (образ громовержца Перкеле (Perkele), очевидно, заимствован из балтийской мифологии, ср. лит. Perkūnas; источником другого названия этого божества, Piru, считается имя славянского Перуна). Атрибуты Укко - молния, камень, топор или молот; иногда Укко представляли в виде птицы с каменными когтями, высекающими молнии (ср. роль птицы в космогонической мифе), позднее - в виде старика в синей мантии, огненной шапке, с мечом и луком. В близких Укко функциях выступают Туури, а также Ражанен и бог бури Ильмаринен, образ которого в эпических рунах трансформировался - он стал культурным гермом-кузнецом; та же трансформация произошла и с образом demiурга-заклинателя Вяйнямёйнена, который у М. Агриколы назван творцом песен, (Einimoinen).

Возможно, Укко и его супруга образуют пару, воплощающую небо и землю (ср. другую персонификацию земли - Маан Емоинен, мать-земля), которые соединяются в священном браке, описанном Агриколой (впрочем, не исключено, что Рауни - не имя жены Укко, а его эпитет, восходящий к герм. *fraujan 'господин'). Многочисленные духи злаков и культурных растений, судя по фольклору, почитались не только карелами (в перечне Агриколы), но и финнами, эстонцами, ижорой и др.: таковы дух ржи Runka-teivas (ср. Rongoteus у Агриколы); финский и ижорский дух растительности Sämpsä Pellervo, которого будит солнце весной, и тогда начинает всходить хлеб на полях; образ Pellon Pekko ("Пекко полей") сохранился в эстонской (сету) традиции - Peko; имя покровителя скота Kekri сохранилось в названии финского хранителя скота и урожая Keuri, а также в названии календарного праздника и дня поминовения умерших kekri.

Известны представления о духах - хозяевах жилья и урочищ (haltja), подземных духах-карликах (maahiset), леших (metsanhaltja). Если у Агриколы Хийси, имя которого восходит к названию лесных святилищ (жертвенных мест) у древних прибалтийских финнов, посылает удачу охотникам, то в более поздней традиции он представлен как злой дух леса, а под христианским влиянием Хийси приобрел черты дьявола (ср. также hiitilaiset - души умерших, не нашедшие покоя). Среди водяных духов известны мать воды (Veden ema), водяные (vedenhaltja), в восточной Финляндии - Vete-hinen и др.

Если вера в низших духов стабильно сохранялась у финнов и карел, то верховные персонажи пантеона вытеснялись образами христианской мифологии или канонизировались с ними (Укко и Илья-пророк, Elias; св. Антоний, Antti, стал покровителем рыбной ловли; св. Георгий - покровителем охоты и т.п.).

2. Эстонская мифология, тесно связанная с ливской и водской, уцелела лишь фрагментарно после христианизации эстонцев.

2.1. Реликты мифа о сотворении мира сохранились в народных песнях: синекрылая птичка летала в поисках места для гнезда и нашла три куста - синий, красный и золотой. В золотом кусте она высидывает из трех яиц сыновей: одного превращает в солнце, другого в луну, третьего в звезду (по другому варианту, из четырех яиц появились люди, камни, луна и солнце). С распространением у балтийских народов сюжетом небесной свадьбы связаны песни о сватовстве солнца, месяца и звезды к девушке Salme (Salve, ср. лит. Saulės duktė 'дочь солнца'), рожденной из куриного яйца.

2.2. Некоторые сведения о пантеоне сохранились в средневековых письменных источниках. Главой пантеона считался небесный бог Уку (Uku, ср. фин. Укко), называемый "старым дедом", "старым отцом", "стариком" (Vanataat, Vanaisa, ю.-эст. Vanem), "небесным дедом" (Taevataat). Он поражал громом и молнией злых духов, которые могли укрыться от него только в воде (ср. Перкунаса в балтийской и Перуна в славянской мифологиях). Иногда небесный бог отождествлялся с персонификациями грома (Pikne, Pikker, Äike, Kõu). Культ Уку связан также с культом мертвых и предков. В "Ливонской хронике" (XIII в.) Генрих Латвийский упоминает бога Taara как высшее божество, дающее победу в битве, позднее имя Taara (Toora) могло выступать как эпитет Уку.

Небесному богу соответствовала мать-земля (Maema): по народным представлениям, сев - зачатие земель урожая. Известны также многочисленные духи ("матери" и "отцы") - покровители урожая: ср. лив. отец и мать поля (nurmejä, nurmeimä), водск. ma iväntät, ma emäntät 'отец земли, мать-земли'; Metsik и Peko - антропоморфные воплощения плодородия и др. К числу духов относились также покровители растительности (обитающие в рощах metsavaimud 'лесные духи'; murueit 'травяная старуха'), лешие (metsatont; metsavalvja 'лесной страж'; ср. великан metshine 'хозяин леса' у вепсов).

Хозяевами водной стихии считались у эстонцев kalatont, kalavaim 'дух рыб', kalakuningas 'король рыб' (ср. у ливов: отец и мать рыб - kalajezä, kalaimä; мать, отец и дети моря - mierimä, mierihezä, mierlast; у вепсов, наряду с водяным vedhine, представлен властелин подводных стад Turšas). Известны также эст. мать воды (Veteema) и подводные девы veeneitsi.

Особую группу составляют духи ветра - мать ветра Tuuleema, мать бури Marumema. У эстонцев-сету известен сюжет о превращении верховным богом сына черта в волшебный вихрь (tuulispidä). К духам огня относятся Tuleema 'мать огня', tulik и др. Духи дома - kratt (ср. фин. krätti), tont, ю.-эст. puuk, haldjas - приносят богатство тем, кто их чтит, вредят тем, кто смеется над ними.

Духи мертвых обитают в подземной стране Manala (Toonela, ср. финскую "страну мертвых"); божест-

во смерти (или ее персонификация) называется *Mana, Kalm*. К духам подземного царства относятся *maräiv*, чей голос - неясный шум в доме - предвещает смерть (ср. фин. *marras* - существо, предвещающее смерть); *luupainaja* - дух умершего, насылающий на живых болезнь; призраки и привидения - *nokk, lokk, koll*, зап.-эст. *kääbas, kohh* (название этимологически тождественно слову *konn* 'лягушка').

Духам зла в эстонской мифологии противостоит богатырь *Калевипоэг (Kalevipoeg)*, букв. 'сын Калева'; ср. упоминаемых М. Агриколой "косарей лугов" *kalevanpoijat* в мифологии финнов), на основании преданий о котором Ф. Крейцвальдом был создан одноименный героический эпос.

После христианизации эстонцев бога грома заменил Илья-пророк (*Elias*), покровителем урожая стал св. Антоний (*Tonn*) и т.д.

3. С а а м с к а я м и ф о л о г и я в целом близка финско-карельской, что определяется как генетическими связями (в языковом отношении саамы - ответвление ранней прибалтийско-финской общности), так и более поздними взаимовлияниями в условиях тесных контактов, а частично и параллельным воздействием со стороны скандинавской мифологии. В то же время некоторые мифологические представления саамов могут восходить к так называемому протосаамскому (нефинно-угорскому) этническому пласту.

3.1. П о к о с м о г о н и ч е с к о м у м и ф у, утка кладет пять яиц на травинку среди океана, которая разрастается в землю: из яиц возникает растительность, рыбы и птицы, мужчина и женщина. У первой пары рождаются сын и дочь, которые отправляются искать супругов и, обойдя всю землю, встречаются вновь; от них произошел человеческий род.

3.1.1. Согласно дуалистическим вариантам космогонического мифа, верховный бог *Юбмел (Jubmel)* советует со злым духом *Перкелем (Pärkel)* - финское, а в конечном счете балтийское заимствование с инверсией функций) о творении: он хотел, чтобы деревья состояли из одной сердцевины, озера были из молока, на травах росли ягоды, но злой дух воспротивился этому, и мир обрел современное состояние.

3.2. К а р х а и ч н ы м п л а с т а м саамской мифологии относят цикл мифов о небесном сватовстве (записи В.В. Чарнолуцкого): солнце *Peive* (мужской персонаж) сватает своему сыну *Peivelke* дочь луны, но получает отказ. Тогда начинается борьба стихий - на стороне солнца выступают земля и горы, домашние животные, олени и птицы, на стороне луны - вода, тень, загробный мир, сполохи (северное сияние), дикие звери. Космическую борьбу прекращает полуночный старик в облике моржа (инкарнация верховного божества?), опускающий на землю ночь. Луна, наконец, соглашается на брак. К этим мифам примыкают сказки о странствиях лунной девы *Акканийди (Akkaniidi)*. Ребенком ее приютили на земле старик и его жена - сестра солнца. Лунную деву навещает сын солнца. Старик попадает во власть злого духа *оадзя (oadz, oadz)* - лягушка, воплощающая нижний мир, ср. злого духа-лягушку *kohh* у эстон-

цев). Оадзь пожирает старика и его жену, преследует сватовством Акканийди, но та спасается и попадает к сполохам, невидимой дружине витязя *Найнаса, Nainas* (когда сполохи бьются в избе, повсюду разливается кровь - северное сияние; ср. персонификацию северного сияния как павших героев, поднявшихся на небо (*virmalised* 'блестящие'), в эстонской мифологии, а также скандинавские представления о Вальхалле). Найнас отправляет лунную дочь к своей матери, где навещает ее по ночам. Однажды жена и мать хитростью задерживают Найнаса до середины дня, и он погибает. Акканийди выходит за водой с непокрытой головой (нарушение табу), и солнце, схватив ее за волосы, забрасывает на луну (в лунных пятнах саамы видят девушку с ведрами; ср. сходные балтийские представления). По другим вариантам мифа, солнце похищает лунную деву; у них рождается дочь, которая выходит замуж за оленевода. В мифах о дочерях солнца и луны первая хорошо обращалась с оленями, вторая же убила оленя и удалилась на луну. В сюжете космической охоты участвует *Мяндаш* - тотемический первопредок саамов, умирающий и воскресающий олень; за ним гонится громовник *Айеке (Ajeke)*. Когда бог убьет оленя, мир погибнет.

3.3. Состав п а н т е о н а различался у разных групп саамов (особенно у восточных и западных). Образ верховного бога *Юбмела (Jubmel, Jimmel, Ibmel)* в некоторых мифах заменен представлением о божестве-отце *Радиэн-атче (Radien-atje)* и божестве-сыне *Радиэн-киэдде (Radien-kiedde)*. Отец в одном из мифов поручает творение мира сыну, а тот перепоручает его богине земли *Маддер-акке (Madder-akka, Madder-atje)*, которая выступает иногда супругой небесного бога *Маддер-атче (Madder-atje)*. Эти боги участвуют в космическом цикле рождения человека: Радиэн-киэдде передает сотворенную им душу человека Маддер-атче; тот вкладывает душу себе в живот и относит ее, обойдя вокруг солнца, Маддер-акке. Та наделяет душу телом; если рождается мальчик, он препоручается дочери Маддер-акки *Укс-акке (Uksakka* 'дверная женщина'), если девочка - другой дочери, *Сар-акке (Sarakka* 'пряющая женщина'). По другим вариантам, Сар-акка вкладывает ребенка в чрево матери. Она покровительствует родам у людей и животных, росту растений и т.п. Укс-акка и третья дочь Маддер-акки *Юкс-акка (Yuksakka)* оберегают детей и жилище (согласно другим представлениям, Юкс-акка - тролль или божество подземного мира).

В пантеон входят другие многочисленные божества со специализированными функциями. Громовник *Айеке (ср. эст. Aike)*, или *Тиермес (Tiermes)*, по некоторым мифам - сын Перкеля, насильно овладевшего его матерью. Поэтому Тиермес преследует громами его и злых духов (сюжет, возникший, вероятно, под влиянием балто-славянской мифологемы о жене громовержца, похищенной его противником). От солнца *Peive* зависит благополучие людей, хорошая погода; по некоторым мифам, он утром начинает путь на медведе, продолжает на олене-самце, заканчивает на заходе на важеньке. Богом ветра считался *Риегголмай ('ветер-мужчина')* у вос-

точных саамов, *Ilmaris, Ilmaradde* (образ, восходящий к финскому Ильмаринену) - у западных. *Veraldenolmai* - бог плодородия, поддерживающий мировой столп (вероятное скандинавское заимствование: ср. *Veraldar-gox* - эпитет Фрейра, скандинавского бога мира и плодородия). Покровителем рыбной ловли является хозяин рыбы *Inaru*, выступающий в облике большой рыбы; покровителем охоты - хозяин зверей медведь *Liebolmai*; покровителем урожая - *Horagallas* (он же дает успех в битвах).

У терских саамов главный бог - *Kajraj*, покровитель шаманов, его брат *Ruhtnas* - бог-воитель, защитник саамов. Среди женских божеств известны их сестра, покровительница ягельных пастбищ *Raziaike* (ср. Рананейду - богиню весны и плодородия, дочь Радиен-атче), хозяйка подземного мира и его богатств *Vigaxke*, богиня леса *Vires-akka*. Хозяйкой оленей считалась *Luot-hozik*, женщина, покрытая оленьей шерстью (ее муж - *Poz-hozik*); удача в рыбной ловле зависела от *Akkriva*, женщины с рыбьим хвостом.

В саамской мифологии существовало представление о трех ярусах подземного мира: *Saivaimo (Saivo)* - страна изобилия, расположенная в горе, куда попадали шаманы, воины, погибшие в бою, и матери, умершие при родах; *Jabmeaimo* - подземное царство, куда попадало большинство умерших, богиней этого царства считалась *Jabme-akka* 'женщина мертвых'; *Rutaimo* - место, куда попадали умершие от чумы и болезней и где правил *Ruta (Rota)*, бог болезней и смерти, изображавшийся в виде всадника в голубых одеждах; в жертву ему приносили лошадей.

3.4. В саамской мифологии боги населяют три яруса вселенной - верхний небесный мир, землю и подземный загробный мир: эти три яруса изображались на шаманских бубнах. Шаманы (*noai'de*) наделялись способностью проникать во все миры с помощью своих духов-помощников (птица - в небе, олень - на земле, змея - в загробном мире, рыба - в воде), общаться с божествами и духами. Воплощениями духов были *сейды (zeida)*, священные камни. Владельцами диких оленьих стад считались духи-гофитерраки; серебро носили в своем животе гномы *tšakkale šak*, обитающие в горах. Известны также духи *šadziellä* - водяные, *variellä* - лешие, *kjöödeellä* - домовые и др. Категорию злых духов составляли 'черные мухи' (*pianes-olmak*) - духи болезней, обитающие в подземном мире, *dunner-manas* - женский дух, который доит важенок, отчего те заболевают, и др.

Священными животными помимо оленя почитались волк и медведь. По одному из мифов, когда бог странствовал по земле, олень и волк отказались перенести его через болото, и это сделал медведь. С другой стороны, медведь выступает как опасное чудовище *Tallo* (в сказках - глупый черт); он похищает гром и лунную деву, но та освобождает гром и спасается от похитителя.

Христианизация саамов, проводившаяся с XVI в., привела к смешению саамской и христианской мифологий: Сар-ак-

ка ассоциировалась с Девой Марией, атрибутами Радиэн-атче и Радиэн-киэдде на бубнах были кресты, Илья-пророк почитался покровителем летнего лова оленей и т.д.

4. Коми мифология, общая для двух этнографических групп - коми-зырян и коми-пермяков, была в значительной мере утрачена в процессе христианизации. Древнейший источник - "Житие Стефана Пермского" (XV в.) - повествует о многобожии у коми (боги воды, воздуха, охоты, многочисленные божества леса), о поклонении животным, деревьям (ср. "прокудливую березу", из которой изгнал бесов Стефан Пермский, и березу как мировое дерево в других финно-угорских традициях; ольху [ловну] как вместилище душ [лов]), огню, солнцу, воде и идолам ("Золотая баба", ср. золото как атрибут обско-угорских и других мифологических персонажей).

4.1. Верховное божество коми *Ен*, сведения о котором сохранил фольклор, - демиург, - дуалистических мифах зырян ему противопоставит *Омоль* (или *Леший* - русское заимствование), у пермяков - *Куль*. Согласно одному из комских мифов, *Ен* и *Омоль* вылупились из двух яиц, снесенных уткой в первичном океане, куда упали еще 4 яйца. Мать просит детей достать яйца и разбить их о ее тело; сама она поднимается в воздух и, бросаясь вниз, разбивается о воду. Когда *Ен* ныряет за яйцами, *Омоль* покрывает океан льдом, но *Ен* разбивает лед громом и молнией (видимо, инвертированная мифологема, восходящая к славянским апокрифам, где противник дьявола заковывает море льдом, пока тот ныряет). *Ен* творит землю из яйца на теле матери; из другого яйца он делает себе помощников. *Омоль* создает луну и злых духов из двух других яиц. По другим вариантам мифа, *Ен* и *Омоль* плавали по мировому океану в образах лебедя и гагары (или летали как два голубя и т.п.). Лебедь сильнее гагары - он повергает ее в ужас громовыми раскатами своего голоса. Гагара по приказу *Ена* приносит земли со дна, и они создают сушу. Она достается *Ену*, и *Омоль* просит для себя места, достаточного лишь для того, чтобы воткнуть кол в землю. Из отверстия в земле он выпускает злых духов, гадов, вредных животных. *Ен* творит небо, звезды, солнце, леса, реки и т.д. Тогда *Омоль* строит себе второе небо, *Ен* - третье и т.д. до семи небес, которые имеют цвета радуги (здесь также вероятен славянский апокрифический источник). Однако *Ен* громом низвергает *Омоля* и злых духов на землю, где те рассеиваются по лесам, болотам, рекам (ср. миф о падших ангелах в христианской традиции). По просьбе *Омоля* *Ен* разделил земные богатства между людьми и духами - лешими (*ворса*), водяными (*васа*) и т.п. Интересен вариант космогонического мифа, представляющий *Ена* и *Омоля* в виде лягушек в болоте, причем *Ен* - слеп и глуп, *Омоль* - зряч и хитер. Из крови *Омоля* возникают животные и женщина, ставшая его женой (ср. некоторые богомильские легенды, где инициатива творения принадлежит дьяволу). После неудачной попытки похитить жену *Ен* решил отгородиться от *Омоля* и создал небо, где поселился со своими голубями. Голубей погубили вороны *Омоля*, лишь один вер-

нулся с тинной в кллове, и когда ворон попытался вырвать тину, Ен придушил его. Из тины возникла земля; вода, пролившаяся из глотки ворона, стала морями и океанами. Омоль пробирается на небо, но Ен скидывает его вниз, оставляя женщину себе; та родила ему близнецов - богов *Войпеля* (бог северного ветра, букв. 'северное ухо') и *Йому* (образ которой снижен в фольклоре до роли злой волшебницы, бабы-яги). Омоль сбросил семью Ена на землю, и все народы произошли от Войпеля и Йомы.

4.2. В мифах о создании людей очевидно влияние христианства: Ен лепит из глины мужчину (Адама), Омоль - женщину; Ен наделяет людей душой и удаляется на небо. Жена Адама по наущению Омоля убивает 12 своих дочерей, за что Ен превращает ее в Смерть и заточает под землю; ее дочери становятся болезнями (ср. 12 лихорадок в русском фольклоре). Ену удается заманить Омоля и злых духов в четыре горшка; один из них разбивается, три Ен прячет в преисподнюю (землетрясения объясняются как попытки Омоля вырваться на волю).

4.3. Согласно этногоническому мифу, коми произошли от братьев, *Остьяса* и *Ошьяса*, правивших многочисленным народом в мифические времена изобилия. Они должны были приносить человеческие жертвы богу *Йомало*, но за отказ от жертвоприношений были изгнаны в леса коршуном, крылья которого издавали гром, клвов извергал пламя (ср. громовую птицу у эстонцев); обронив перо, коршун воздвиг горный хребет, преградивший коми путь на родину. Предками коми считались также *чуды* (ср. *чудь* русских летописей) - народ, ушедший под землю в древние времена. У коми-пермяков сохранились легенды о культурном герое *Кудым-Оше*, первом кузнеце; он, подобно богатырю *Пере* и другим персонажам, выступает защитником коми от врагов и чудовищ.

4.4. До недавнего времени у коми сохранялась вера в *н и з ш и х д у х о в* - лешего - *ворса* (ср. лесного людоеда *ягморта*, пермяцкого *взрьсьморта*), водяного (зырянский *васа*, *бауса*, пермяцкий *ваусьморт*, *вакуль*), домового - *олъсе*, злых духов (*куль*, *кутьтя-войса*, воплощение порчи *шева* и др.).

4.5. Коми были известны представления о трех душах человека: о душе-дыхании *ловья*, отделяемой душе *лов* и о двойнике человека *орт*, появление которого (неясный шум и т.п., ср. представления о духе подземного мира *тардус* у эстонцев) предвещает смерть.

После христианизации Ен стал выступать уже в качестве христианского бога - он наделяет инструментами громовника (кресалом и кремнем) Илью-пророка.

5. Удмуртская мифология в сравнении с мифологией другого пермского народа - коми характеризуется сравнительно меньшей ролью представлений, восходящих к христианской и народной восточнославянской традициям (что связано с тем, что удмурты были позднее и в меньшей мере затронуты процессом христианизации); напротив, влияние исламизированной тюркской мифологии было довольно значительным.

5.1. Высший небесный бог *Инмар* (ср. удм. инм 'небо') в дуалистической космогонии - демиург, противостоящий *Керемету* (*Луду*, *Шайтану*). Первоначально оба бога были добрыми. По велению Инмара Керемет достал со дна мирового океана землю, принесши ее во рту, часть земли выплюнул, часть утаил. Когда вся земля по воле Инмара стала разрастаться, Керемет вынужден был выплюнуть остальное, отчего возникли горы. Инмар сотворил также растения и животных.

5.2. В антропогоническом мифе очевидно влияние библейской традиции. Инмар сотворил человека *Урома* (букв. 'друг') из красной глины и поселил его в прекрасном саду; узнав от Керемета, что Уром скучает, Инмар велел ему научить Урома делать кумышку (алкогольный напиток). Когда же Керемет рассказал Инмару, что человек по-прежнему тоскует, Инмар обвинил его во лжи, что послужило началом их вечной вражды. Уром сказал Инмару, что ему нужна жена, и тот сотворил женщину и наказал Урому в течение года не пить кумышки, оскверненной Кереметом. Керемет вселил любопытство в женщину, и та отпила напитка, угостив мужа. В кумышку Керемет поместил смерть и грехи; падшие люди были изгнаны из сада, и род человеческий сгинул, так как Инмар запретил им размножаться. По другим вариантам мифа, Инмар после грехопадения устроил потоп; затем он сотворил еще несколько пар людей, к каждой из которых приставил собаку, чтобы она оберегала людей от Керемета. Существует миф, где во вторичном космогоническом акте участвуют уже не бог и его антагонист, а два человека, уцелевших после потопа; Инмар велел им сеять землю: один сеял днем, хорошо и ровно, а другой - плохо, ночью, откуда на земле неровности. Люди просили для житья половину созданной земли; Инмар исполнил просьбу, но в отместку за жадность выпустил из отверстия от вткнутого кола вредных тварей (по другим вариантам, это сделал Керемет). Когда люди стали самостоятельно жить на земле, Инмар удалился на небо.

5.3. Инмара молят о хорошей погоде и урожае, на которые влияет также его мать - *Му-Кылчин*, богиня плодородия. Образ Инмара, по-видимому, сливался с образом второго благодетельного божества - бога земли и плодородия *Кылдысина*, откуда двойное наименование в молитвенных обращениях - *Инмар-Кылчин* (ср. также обращения к Инмару в высоте, *Кылдысину* на земле). *Кылдысин* обитал на земле, но был оскорблен людьми и удалился на небо. Люди, стоя у священной березы, долго молили бога спуститься к ним вновь, и он появился на вершине дерева в образе красной белки; охотники, намереваясь вынудить бога остаться на земле, подстрелили белку, но та превратилась в рябчика, когда же подстрелили рябчика, тот превратился в тетерева, затем в окуня и скрылся в реке (ср. шаманские превращения во время путешествия по мировому древу). В других вариантах пантеона в верховную триаду наряду с Инмаром и *Кылдысином* входит *Квазь*, бог погоды, или самостоятельное божество - творец *Кылчин*. В услужении у Инмара были божества судьбы *Каба-инмар* и *Аляк-инмар*, заступник людей, приносящий известия о земных делах.

К почитаемым божествам, которым приносились жертвы, причислялись "матери" природы, прежде всего мать солнца *Шунди-мумы* и мать грома *Гудыри-мумы*; известны также мать неба *Ин-мумы*, мать земли *Музьем-мумы* и др.

Наряду с богами почитался дух - *воршуд*, родовой покровитель, которого призывали в молитвах вместе с Инмаром (иногда их имена сливались - *Инвошуд*); каждая из 70 родовых группировок удмуртов имела своего *воршуда*.

Н и з ш и е д у х и - водяной *ву-мурт* 'водный человек', одноглазый леший *нюлэс-мурт* 'лесной человек' или *тэлькузё* 'лесной хозяин'; *палэс-мурт*, дух в виде половины человека, входивший в свиту лешего; *тол-мурт* (*тол-перри*) - дух ветра, похищающий девушек; *корка-мурт* - домохозяй, *гид-мурт* - дворовый дух и др.

Многочисленные з л ы е д у х и - *керемети*, *луды*, *шайтаны* (сниженный образ противника Инмара), которых Инмар преследует молниями (те прячутся в деревьях, в человеке - очевидное влияние балто-славянского мифа о громовержце, преследующем своего противника); *перри* (тюркское заимствование), которые считались иногда слугами богов и *воршудов*, духи болезней *кутись* или *миж*, эпидемий - *чер* и др.

В результате христианизации удмуртов некоторые мифологические персонажи стали приравниваться к христианским: Инмар - Христу, *Гудыри-мумы* - Илье-пророку и т.п.

6. М о р д о в с к а я м и ф о л о г и я. Мифы двух этнографических групп мордвы - эрзи и мокши - близки, хотя существуют некоторые различия в наименовании некоторых персонажей и в сюжетах. Так, верховный бог мокши - *Шкай*, эрзи - *Нишке*, *Нишке-нас* (морд. *нас*, *напас* из др.-иран. *baçav* 'бог').

6.1. *Шкай* - демиург в традиционной дуалистической космогонии, обитатель первичного океана, где сидел на камне (в лодке), сотворивший из плевка *Шайтана* (тюркское заимствование, ср. удмуртский дуалистический миф). По его приказу Шайтан приносит со дна землю, часть ее утаивает во рту, создает из нее неровности почвы. Шкай проклял Шайтана, и тот стал вредить богу в деле творения - послал тучи на небо, но Шкай сотворил в них плодородный дождь, в горы вложил драгоценные металлы и т.д.

6.2. Шкай создал человека, покрыв его всего роговой оболочкой, но Шайтан оплевал творение, и оболочка сохранилась только на концах пальцев. По договору, который заключил Шкай с Шайтаном, люди будут принадлежать богу, мертвецы - Шайтану. Тогда Шайтан создал смерть, и Шкай вынужден был подослать к нему своего помощника, чтобы тот выкрал договор, хранившийся в камне на дне моря. Ударяя камнем о камень, Шкай создал себе помощников; Шайтан также стал творить злых духов, но бог произнес заклятие, и вместо духов стали вылетать искры (сюжеты, восходящие к славянским апокрифам). Шкаю удалось запереть злых духов в лесном шалаше, но прохожий выпустил их (ср. коми миф о духах Омоля).

6.3. *Нишке* - демиург и культурный герой, устроивший космос, пуктивший трех рыб, на которых держится мир, в мировой океан (ср. трех китов - опору мира в индуистской мифологии, двух рыб, 33 китов, на которых держится земля в богомильских книгах, и т.п.), заповедавший человеку труд. Он же, иногда вместе с богом *Норов-насом*, *Вере-насом* или включенным в пантеон *Николой Угодником*, изображается в народных песнях распределителем человеческих судьб (счастья, доли), сидящим на дубе - мировом древе. Другой вариант мирового древа - яблоня или береза, у которой Нишке как глава пантеона собирает богов на пир. У него небесные владения, жена *Нишке-ава* (ср. *Шкабаз-ава* - жена Шкая), три или две дочери - *Касторго* и *Вецорго*. В родственных отношениях с Нишке состоит громовник *Пурьгине-нас* (балтийское заимствование, ср. лит. *Perkūnas* и мотив избиения злых духов, иногда людей и скота громовыми камнями *пурьгине-кев*) - приемный сын или зять бога (муж Вецорго). Мокшанский громовник - *Атям*, вооруженный луком-радугой и каменными стрелами, преследует злых духов, которые его передразнивают. Согласно одному из мифов, злой дух подражал грому, спрятавшись в облике змея в дупле дерева; охотник убил змея, после чего разразилась гроза, охотник же добыл много дичи (ср. балто-славянский миф о преследовании громовержцем змеевидного противника). Менее значительны другие божества-персонализации. Бога солнца (эрз. *Чи-нас*, мокш. *Ши-баваз*) называли кормильцем, молили о хорошей погоде, урожае, приносили в жертву ему скот. В фольклоре он упоминается вместе с богиней луны *Ков-авой*; известно было и представление о месяце как о лодке Нишке. К второстепенным божествам относились *Пиземе-нас* - бог дождя, *Нешке-нас* - бог пчел, *Мастор-нас* - бог земли, знающий, где зарыты клады, покровитель умерших, *Велен-нас* - бог - хранитель общины и др.

Характерная черта мордовской мифологии - представление о духах - "матерях" (*ава*) явлений природы, построек, растительности и т.п.: *вирь-ава* 'мать леса', *ведь-ава* 'мать воды', *варма-ава* 'мать ветра', *мода-ава* 'мать земли', *юрт-ава* 'мать дома', *вель-ава* 'мать общины (деревни)', *нар-ава* 'мать лугов' и др. (известны и соответствующие мужские персонажи - "отцы", *атя*). Согласно одному из мифов, гигантская птица высидивает на мировом дереве - березе - три яйца, из которых появляются *норов-ава*, *вирь-ава* и *варма-ава*; птица отпускает их в поля, в лес, с ветром.

Посредниками между людьми и иным сверхъестественным миром считались предки (*атятненъ*). Существовала вера в хранилищницу кладбища - *Калм-азор-аву*.

Христианизация мордвы привела первоначально к синкретизму христианских и языческих верований с включением в пантеон православных святых и к последующему разрушению традиционной мифологии.

7. М а р и й с к а я м и ф о л о г и я близка мордовской; наряду с этим можно отметить ее сравнительную близость удмуртской мифологии, что отчасти связано с па-

раллельным воздействием тюрко-исламских мифологических традиций.

7.1. Верховное божество *Кугу Юмо* (юмо, *кугу-юмо* - обозначение категории богов вообще, родственное другим финно-волжским названиям верховного божества) в дуалистической космогонии - демиург, противостоящий творцу зла *Керемету* (ср. удмуртскую мифологию), своему младшему брату. Он велел Керемету, плававшему в водах первичного океана в облике селезня, достать земли со дна. Кугу Юмо дуновением сотворил землю с равнинами, пастбищами, лесами, Керемет же выплюнул утаенную часть и создал горы.

7.2. Согласно антропологическому мифу, Кугу Юмо сотворил человека и поднялся на небо за душой для него, оставив сторожем собаку, не имевшую тогда шкуры. Керемет соблазнил собаку шубой и оплевал человека. Возвратившись, Кугу Юмо проклял собаку, а человека вынужден был вывернуть наизнанку, и тот стал подвержен болезням и греху из-за оплеванных внутренностей (мотив, родственный некоторым тюркским мифам и восходящий, по-видимому, к славянским апокрифам). Кугу Юмо сотворил также добрых духов из искр, высекаемых огнем; Керемет подсмотрел способ творения и создал злых духов (ср. удмуртский миф, имеющий, видимо, тот же апокрифический источник).

7.3. В семью высшего бога Кугу Юмо входили *Юман-ава* 'мать бога' - покровительница рождений, свадеб и т.п., сын бога *Эрге-Пугош-юмо*. Кугу Юмо возглавлял иерархию небесных существ, сложившуюся под влиянием исламской и христианской мифологии: к высшим богам причислялись *Туня-юмо* - бог вселенной, управляющий ветрами, облаками и т.п., *Ош-Кече-кугу-юмо* - бог солнца и света, *Нава-юмо* - бог небосвода, *Мэр-кугу-юмо* - бог-покровитель человечества (ср. *Мир-суснэ-хума* у обских угров - первый компонент имени в обоих случаях отражает рус. мир), *Волгенче-юмо* - бог молнии и *Кудярчо-юмо* - громовник, защитник урожая, человека и скота, побивающий злых духов. Меньшим почитанием пользовались другие мифологические персонажи - олицетворения явлений природы: *Ужара* - заря, *Тиллизе* - луна, *Шудир-шамг* - звезды, *Мардеж-он-кугу-юмо* - бог ветров и др. В услужении у высших богов находился штат духов: *пуршо* - предопределители человеческих судеб; *пиамбар* - пророки (исламское заимствование); *витнизе*, сообщающие о земных делах, *суксо* (*сакче*) - ангелы-хранители и др.

Во главе земных богов более низкого ранга стоял 'великий бог земли' *Мланде-кугу-юмо* (ср. *Килдисин* у удмуртов); к земным богам причислялись *Тул-он-кугу-юмо* - бог огня, *Перке-кугу-юмо* - бог достатка, *Кинде-мочин-кугу-юмо* - бог урожая, *Вольик-мочин-кугу-юмо* - бог скота, *Сурт-кугу-юмо* - бог домашнего очага и др., располагавшие меньшим штатом подчиненных. Злых духов загробного мира (бог смерти *Азирен* и др.) возглавлял его владыка *Киямат*. Многочисленные духи были в подчинении у бога-по-

кровителя *марийцев Кугурака* (*Кугу-ена*; в некоторых мифах он - младший брат Кугу Юмо).

К низшему уровню божеств относились: бог тумана *Тутти-ра-кугу-юмо*, бог хорошей погоды *Умар-кугу-юмо*, бог плодов *Саска-кугу-юмо*, *Ага-пайрем-кугу-юмо* - бог праздника ага пайрем и др.

Наряду с божествами отдельные явления природы воплощали многочисленные духи - "матери" (*ава*): воды - *вют-ава*, солнца - *кече-ава* (покровительница семьи), ветра - *мардеж-ава*, плодородия - *шочин-ава* (*Кугу-шочин-ава* иногда причислялась к высшим божествам), огня - *тул-ава*, земли - *мланде-ава* и др. Другие категории духов - *хозяева* (*водиж*): *кудо-водиж* - хранитель семейного очага, *вют-водиж* - хозяин воды, *курик-водиж* - хозяин горы и т.п.; *старикки* (*кугиза*) и *старухи* (*кува*): *чодра-кугиза* - лесные духи, от которых зависит охота, *сурт-кугиза* - домовый, *покшим-кугиза* - дух заморозков и т.п.

Злые духи *керемети* (сниженный образ противника демиурга) имели своих осведомителей *витнизе*, требовали постоянных жертв; под влиянием христианства и ислама распространялись представления о чертях и шайтанах, *ия* - бесах и т.п. К категории злых духов относятся также *таргялташи* - одноглазые духи умерших неестественной смертью, вызываемые колдунами (*юзо*) и насылающие порчу; *вувер* (от рус. *упирь*?) - огненный дух, приносящий болезни; *овда* - лесной женский дух с перевернутыми ступнями, мучающий коней и т.п.

Результатом христианизации было включение в пантеон Ильи-пророка, Николая-угодника (*Илья-юмо*, *Микола-юмо*) и др., возникновение синкретичных мифологий, например, у последователей секты *кугу-сорта*, поклонявшихся "великому создателю" и "великой создательнице" жизни.

8. Обско-угорская мифология. Мифы, мифологические образы и терминология двух обско-угорских народов - ханты и манси - представляют особую ценность в плане реконструкции исходной мифологии финно-угров, поскольку обские угры в большей мере, чем какие-либо другие из родственных им по языку народов, сохранили традиционный уклад жизни и в меньшей степени испытали влияние христианства и ислама. При общности основного структурного ядра мифология обских угров обладает рядом региональных вариантов: в данных, зафиксированных у различных территориально разобщенных групп, имеет место синкретизация, или, наоборот, расщепление персонажей пантеона, варьирование мифологических мотивов, не говоря уже об употреблении разных имен для идентичных по своему месту в мифологии персонажей. Наиболее близки между собой мифологические системы северных манси и северных ханты; значительные отличия обнаруживаются в восточно-хантыйской области. Этим двум региональным вариантам, особенно первому, уделяется ниже первостепенное внимание.

8.1. Согласно основному космогоническому мифу, земля появилась среди вод первичного океана из ила, который вынесла в клюве трижды нырявшая на

дно гагара (*luli*). В одном варианте мифа гагару посылает прародитель всех богов *Корс-Торум*, в другом — верховное божество *Нуми-Торум*, а облик гагары принял властитель злых духов *Куль-Отыр*. В третьем варианте свидетелями творения земли гагарой оказываются безымянные "исконно существующие" старик и старуха. После появления суши демиург (или безымянный старик) трижды посылает ворона облететь ее и узнать ее величину; с каждым разом полет занимает все больше времени. Земля продолжает расти, но ее излишки пожирает водяной *vit-kul'*; лесные пожары, которые устраивает *Нуми-Торум*, облегчают землю и не дают ей утонуть.

Отдельные этапы космогонии изображаются и в других, часто противоречащих друг другу мифах. Согласно хантыйскому преданию, злой дух *Кынъ-Лунг* (*Kij-luŋk*), воспользовавшись сном *Нуми-Торума*, стал таскать его по земле, пытаясь утопить — при этом возникли неровности почвы (мотив, известный в славянских апокрифах). В свой подземный мир *Кынъ-Лунг* ушел сквозь отверстие от воткнутого в землю посоха (это отверстие в нижний мир часто фигурирует и в других мифах: через него на землю поднялись комары-кровопийцы; им же пользуются духи болезней, но богиня-покровительница *Мых-ими* (*Məy-imi*) загораживает отверстие котлами, которые специально для этого приносятся ей в жертву).

По одному из мифов, солнце и луна вначале находились в подземном царстве *Куль-Отыра*, но были похищены оттуда небесным покровителем людей *Мир-сувнэ-хумом*. Известно и хантыйское предание о том, что месяц (*Iki*) был разодран на части двумя своими женами, после чего кусок его тела оказался под землей.

8.2. В наиболее известном из мифов инициатива творения человека приписывается *Йоли-Торум-Шань* (*Joli-tōram-šan*), матери нижнего мира (земли). По поручению *Нуми-Торума*, его сын *Полум-Торум* вырезал семь человеческих фигурок из лиственницы, но они были похищены *Куль-Отыром*, и для создания человека пришлось воспользоваться глиняными фигурками, в которые *Калташ-Эква* (она же — *Йоли-Торум-Шань*) вдохнула душу. В другом мифе люди были сотворены *Нуми-Торумом*: вначале из лиственничных бревен получились лесные чудовища *менкея* (*mēŋkə*), затем из сердцевины лиственницы, сплетенной лиственничными корнями, были созданы мохнатые люди, которые были уничтожены, и наконец появились настоящие люди, сплетенные из тальника и обмазанные глиной. У восточных ханты известны мифы о происхождении людей из слюны *Нуми-Торума*, от рыбы (ногти — остатки рыбьей чешуи), от "крылатого звериного духа" (*Tōyləŋ-wajəŋ-luŋk*), а также о том, что первый земной человек был извлечен из икры ноги сошедшего вниз небесного человека (далее этот миф повествует об incestе брата и сестры, наказанных тем, что их 77 детей стали говорить на разных языках).

8.3. Появление ж и в о т н ы х не связывается с деятельностью одного демиурга; так, в хантыйской мифологии медведя создает дух земли *Мəy-luŋk* (ср., однако, миф

о медведе, спущенном с неба), северного оленя — дух неба *Tōram-luŋk*, лису, белку и других лесных зверей — лесной дух *Wōnt-luŋk*, рыб — *Kul-tättä-luŋk* и т.д. Иногда *Нуми-Торуму* (реже — другим богам) приписывается творение многочисленных духов (*kul'*, *luŋk*, *rupi'*), однако более распространены представления об их извечности или происхождения от божеств, земных героев и др.

8.4. По мансийскому мифу, землю первоначально заселяли богатыри-отыры (*ōtar, ātar*), но *Нуми-Торум*, разгневанный их дерзостью, послал пожар и затем потоп (*jelpiŋ wīt* 'священная вода'); в других мифах упоминается жидкая огненная масса, почти достигавшая неба. Сходным образом изображался и конец мира: за семь лет до него злые духи *kul'* и *менкея* направляются в подземное царство, пожирая по дороге людей. Во время огненного потопа спасутся те, кто подготовит плоты из семи слоев древесины; шесть слоев сгорят, останется лишь седьмой; плывущих на плотках без укрытия будут пожирать огромные комары. Спасшиеся проживут еще столько, сколько жили до потопа, а затем превратятся в водяных жучков (*χотлаχ*) и, наконец, обратятся в прах, что и будет окончанием мира.

8.5. Мифологическая модель мира у обских угров основана на троичном членении на верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры, соответствующие триаде главных божеств: небесный бог *Нуми-Торум*, богиня земли *Калташ-Эква*, бог подземного мира *Куль-Отыр*. *Нуми-Торум* наблюдает за землей из своего дома через отверстие в небосводе. Отверстие соединяет также землю с подземным миром. Встречаются и упоминания о лестнице или столбе, по которым можно подняться на небо. По хантыйскому мифу, "небесный" и "подземный" народы живут также, как и люди на земле, причем смерть в верхнем мире означает рождение в земном, а смерть в земном — рождение в нижнем; кроме того, нижний мир противопоставлен земному путем трансверсии значений ряда бинарных признаков: здесь поврежденное — там невредимое (ср. обычай ломать вещи, кладущиеся в могилу с покойником), когда здесь солнце — там луна и т.п. Общий троичный принцип членения мироздания может распространяться также на верхний и нижний миры, причем три небесных яруса связываются с тремя поколениями небесных божеств, а наряду с первым подземным миром выделяется второй, "мир вышиной с хорей", и третий, "мир вышиной с собачий хвост".

8.6. П а н т е о н возглавляет *Нуми-Торум* (манс. *Numi-tōrum*, хант. *Num-tōram*) — 'верхний бог', владыка неба, ниспослатель дневного света. Существует ряд параллельных имен и постоянных эпитетов *Нуми-Торума*: манс. *Jāni-tāram* 'Большой бог', *Voikən-tāram, Sairiŋ-tāram* 'Белый бог', *Sorŋi-pos* 'Золотой свет', хант. *Ent-tūram* 'Большой бог', *Sqrŋe-säŋka* 'Золотой свет', *Num-jēlam* 'Верхний мир', *Pral'* и др. Распространено представление о нем как о третьем из наследных небесных богов: у манси он сын *Корс-Торума* (*Kors-Tōrum, Numi-Korəs*) и внук *Косяр-Торума*, которые обитают соответственно на втором и третьем ярусах

верхнего мира, у северных ханты - сын *Num-Kurəs* и внук *Num-Sivəs* (ср. соотношение Зевса, Кроноса и Урана в греческой мифологии). Власть над миром перешла к Нуми-Торуму после всемирного потопа, когда он искупался в огненных водах, помолодел, воссоздал землю и стал отцом семи сыновей. Вторичным, по-видимому, следует считать вариант мифологии с инверсией поколений небесных божеств (Корс-Торум - сын Нуми-Торума, *Sorni-pos* - его внук), обусловленный скорее всего выдвиганием Нуми-Торума на главенствующую роль. Имеется и вариант с синкретизацией Нуми-Торума и Корс-Торума в образе единого небесного божества, носящего оба имени. В ряде мифов Нуми-Торум изображается как величественный старик в сверкающем золотом одеянии, живущий в огромном светлом доме "на седьмом небе", полном всяческих богатств. Через отверстие в нижний мир он может наблюдать за всем происходящим на земле и спускаться на железной цепи своих посланников. Активно действующим персонажем Нуми-Торум является прежде всего в космо- и антропогонических мифах; не чужды ему и функции культурного героя, научившего человека рыболовству, охоте и изготовлению одежды. Кроме того, он фигурирует в ряде мифов, утверждающих моральные и ритуальные нормы и объясняющих их происхождение (запрет инцеста, жестоких и массовых убийств; регулирование отношений между человеком и медведем - сыном Нуми-Торума, играющее важную роль в культе медведя у обских угров; установление правил религиозного культа; ср. также этиологические мифы о наказании собаки, не оказавшей помощи человеку, и ворона, питавшегося человечесиной). Функции Нуми-Торума - посылание на землю дневного света, определение продолжительности жизни человека, по некоторым данным - также ниспослание удачи, установление погоды, наделение шаманским даром. По другим представлениям, Нуми-Торум почти отрешился от текущих дел мира, передоверив их младшим членам своей семьи и духам, в связи с чем жертвоприношения Нуми-Торуму практиковались не везде и были редки; там, где они имели место, с божеством ассоциировались белый цвет, возвышенность, береза как священное дерево. Помимо верховных богов других финно-угорских народов Нуми-Торуму особенно близок самодийский *Нум* - божество с аналогичным местом в пантеоне, ролью в мифах и атрибутикой. В районах, где православная церковь вела активную миссионерскую деятельность, образ Нуми-Торума сливался с образом христианского бога, что, по некоторым данным, вело к актуализации культа Нуми-Торума.

Наряду с владыкой неба в триаду главных богов входят богиня земли, жизнедательница, и бог подземного мира - властелин злых духов. Богиня земли *Калташ-Эква* (манс. *Kaltas-ĕkǝ*, хант. *Kältas-an̄ki*) - сестра и жена Нуми-Торума (существуют варианты, в которых образ верховного женского божества расщеплен и *Калташ-Эква* как жизнедательница признается дочерью богини земли *Йоли-Торум-Шань*). Вначале она обитала на небе, но была оттуда сброшена мужем (согласно одному мифу, за неверность, согласно другому - за требование построить себе новое жилище из кос-

тей всех животных и птиц, но сова отговорила Нуми-Торума от истребления всего живого, упрекая его в том, что он уподобился женщине, послушав ее совета). *Калташ-Эква* вдохнула души в первых людей; считалось, что она определяет человеческие судьбы, помогает при родах. Функционально близка ей восточно-хантыйская богиня *Пуѳэс*, которая при рождении дает младенцу жизненную силу (*ilt*), качнув для этого семь раз семь колыбелей на золотой крыше своего жилища (до рождения и в первые месяцы жизни ребенок находится в ведении *Пуѳэс* и, лепеча, общается с ней); с ней иногда связывается и наделение человека шаманским даром. Властелин злых духов *Куль-Отыр* (манс. *Kul'-ōtar*, *Xul'-ātār*, хант. *Kiñ-luŋk* 'дух болезней') по некоторым мифам - брат Нуми-Торума, противник демиурга. Он насыпает на людей болезни и увозит их в лодке и загробный мир. Другие их сестры и братья - богиня солнца *Хотал-Эква*, бог луны *Этнос-Ойка*, богиня огня *Най-Эква*, бог грома *Сяхил-Торум* (см. далее).

Среди важнейших фигур пантеона - семь сыновей Нуми-Торума, которых он послал на землю для непосредственного управления делами людей, особенно младший из них - покровитель человеческого рода и посредник между людьми и богами *Мир-суснэ-хум* (манс. *M̄r susnə xum*, хант. *Mir šāviti xo* 'смотрящий за миром человек'; различные признаки и ипостаси этого персонажа отражают его другие имена и эпитеты: манс. *Sorñi-ātār* 'Золотой богатырь', *Lunt-ātār* 'Гусь-богатырь', *Ēkǝ-p̄ris̄* 'Сынок женщины', *Sorñi-pos-p̄* 'Сын золотого света', хант. *Ort-iki*, *Kān-iki* 'Властелин-мужчина' и др.). Согласно мансийскому мифологическому циклу, он был рожден между небом и землей в момент, когда разгневанный Нуми-Торум сбросил с неба его мать *Калташ-Экву*. Подросший на земле *Мир-суснэ-хум* приобретает коня, которому богатырь-кузнец приделывает восемь крыльев; на этом коне он объехал вселенную, всюду разрушая козни злых сил (по некоторым гипотезам, на образ *Мир-суснэ-хума* оказали влияние иранские представления о *Mumpe*, всаднике, объезжающем вселенную). С помощью матери *Мир-суснэ-хуму* удается получить не принадлежащее ему по рождению главенство над братьями, которое он подтверждает в поединках с законным претендентом *Полум-Торумом*; с тех пор земля находится под присмотром *Мир-суснэ-хума*. Он способен принимать вид гуся, пользуясь этим для спасения своей жизни в период распрей с братьями. Свою власть над птицами он приобрел, когда, забравшись в гнездо огромной птицы *Kārəs*, спас (пощадил?) ее птенцов, после чего эта птица стала служить *Мир-суснэ-хуму* и использовалась им для дальних полетов (ср. миф. о разорителе орлиных гнезд в ряде северноевразийских и американских традиций). Каждую ночь *Мир-суснэ-хум* объезжает всю землю, передавая людям наказания своего небесного отца и выслушивая просьбы камлающих шаманов. Этим обусловлена его роль как одного из основных или даже основного адресата религиозного культа у обских угров. Ряд признаков (сын божий, выросший на земле; посланник неба среди людей) способствовали его отождествлению с Христом в пред-

ставлениях христианизированных обских угров. С другой стороны, такая особенность, как использование скорее хитрости, чем силы, в борьбе с противниками, обусловила тенденцию к интерпретации Эква-Пирися (одно из имен Мир-суснэ-хума) как культурного героя-трикстера в цикле полунанекдотических сюжетов, известных повсеместно на Сибирском Севере (у восточных ханты в них выступает герой *Álwə*, явно не тождественный Мир-суснэ-хуму; к имени ср. *Альбэ* - культурный герой в кетском фольклоре).

Остальные шесть сыновей Нуми-Торума выступают как локальные божества, между которыми распределена территория расселения обских угров. В тех или иных комбинациях в эту шестерку входят (в мансийской мифологии): бог Пельма и один из участников творения *Полум-Торум* (*Pällem-tōrum*, *Tapal-ōikä*); *As-tal'aḡ-tōrum* - бог верховий Оби, распорядитель рыбных и пушных богатств этого края, принимавший облик человека на белом коне или чайки; *Ńōr-ōikä* (*Ńōr-Tōrum*) - бог Урала, хозяин оленьих стад (согласно мифу, отец запретил ему проливать кровь, и он стал превращаться в камни посягающих на его богатство); *Ai-as-tōrum* - бог Малой Оби (может принимать облик лебеда; в мифе о его женитьбе изображен слабым и безынициативным, в отличие от следующего брата); *Taḡat-kot'l'-tōrum* - бог Средней Сосьвы, воспитанный богатырем-кузнецом *Taḡat-kot'l'-ōikä* и прославившийся особой воинственностью (известны мифы о его победах над 60 богатырями, над менквами; о помощи, оказываемой им братьям; в детстве этот бог был проглочен рыбой и находился в ее брюхе в облике лягушки). В хантыйской мифологии сыновья верховного бога: *As-iki* - бог Оби (иногда отождествляемый с хозяином вод *Ḷəḡk-luḡk*); *Mōsəm-ōrt* - божество северных хантов, а в некоторых вариантах - также дух болезней *Kin-luḡk*, дух голода и др.; в качестве дочери верховного божества упоминается *Kāsəm-īmi* - богиня Казыма.

Для обско-угорской мифологии весьма характерна персонафикация небесных тел и явлений природы. Во многих мифах фигурируют 'Солнце-женщина' *Хотал-Эква* (манс. *Ḷōtal-ēkōä*, хант. *Katl-īmi*) и 'Месяц-старик' *Этпос-Ойка* (манс. *Et-pos-ōikä*, хант. *Iki*). Вечерняя заря - расчесываемые волосы Хотал-Эквы, солнечный зайчик - ее протянутая рука, чередование лунных фаз - результат хронической болезни Этпос-Ойки и т.д. Дух кроваво-красной зари - в прошлом человек, который, увлекшись мстостью за отца, стал убийцей-маньяком и до вмешательства Нуми-Торума успел погубить много жизней. Согласно одному из вариантов мифологического объяснения грозы у манси, *Сяхыл-Торум* (*Saxəl-tōrum* 'бог грома'), младший брат и помощник Нуми-Торума, постоянно живет в черных тучах (скрывая за ними свой облик от людей) и развозит воду в упряжке "олений с мамонтовыми рогами". Когда он ударяет олений вожжой, вспыскивает молния, а от резкого рывка упряжки вода в виде дождя проливается на землю. Хантыйское божество грозы *Pāj-iki* стреляет раскаленными каменными стрелами-молниями из лука-радуги (ср. образ громовержца *Атяма* у мордвы); свой лук он опускает в реку, чтобы набрать воду для дож-

дя. Иногда те же явления природы персонафицирует черная птица с громовым голосом (ср. финскую и коми мифологию); молния возникает, когда открывается красный рот этой птицы; зимует она в теплых краях, и поэтому зимой гроз не бывает. Большим могуществом обладает дух ветра (манс. *Vōt-por-aḡsuḡ*, хант. *Wat-luḡk*), который то бывает заодно с громовником *Сяхыл-Торумом*, то ссорится с ним, разгоняя тучи; его сын *Vōt-pḶ* развлекается созданием вихрей.

Низший уровень пантеона образуют многочисленные духи, в ведении каждого из которых находится определенный природный объект, явление и т.д. или же забота о благополучии какой-либо семьи. В хантыйской мифологии за духами закреплено общее наименование *luḡk* (иногда служащее и частью имени у сверхъестественных существ более высоких разрядов). У манси злые духи и олицетворения болезней *kuḶ'* обычно отделяются от духов-охранителей и духов-предков *purīḶ*. Духи невидимы для человека (однако их видят животные, а также - через посредство своих зооморфных помощников - шаманы), но могут показываться в виде призраков, внезапно возникающих предметов в животных необычного вида. Живущие повсеместно и следящие за каждым действием человека духи являются объектом повседневного религиозного культа, тогда как ритуалы, связанные с высшими божествами, выполняются в установленные дни или по исключительным поводам. Сверхъестественные существа часто представляются зооморфными или обладают способностью принимать зооморфный облик - *kor* (так, *kor* Куль-Отыра - гагара, Мир-суснэ-хума - гусь и т.п.). Происхождению сакральных свойств у животных посвящены многие мифы. Широко известен миф о медведе как сыне Нуми-Торума, за непослушание спущенном с неба. Выполняя волю Нуми-Торума, медведь убивает грешных людей; людям же удается убить только грешных медведей. Небесное происхождение приписывается лосю: некогда он имел шесть ног и мчался по небу так быстро, что никто не мог его догнать, пока на охоту не отправился *Mos*-человек (по другому варианту мифа, *Tōrum-pḶ* 'сын бога' или *Luḡk-pḶ* 'сын духа') на лыжах из священного дерева. После долгой погони охотнику удалось согнать лося на землю и отрубить ему две ноги. С тех пор лось стал таким, как сейчас, но события мифа запечатлелись на звездном небе: Млечный путь - лыжня *Mos*-человека, Плеяды - женщины из его дома, Большая Медведица - лось. Гагара и ворон - птицы, принявшие участие в сотворении мира; ворон питался человеческим трупом, за что демиург делает окраску этой птицы черной и проклинает ее. Частые находки останков костей мамонта в береговых оползнях породили представления о нем как о водном животном, которое, ходя по дну, огромными рогами (бивнями) раскалывает и крошит лед в водоемах; выход на поверхность для мамонта смертелен. Многие животные (щуки, лоси, медведи, лошади и др.) к старости, достигнув огромного размера, превращаются в мамонтов. Во многих мифах упоминается огромная хищная птица *Kārəš*, говорящая человеческим языком и подвластная лишь наиболее выдающимся героям и шаманам, совершающим на ее спине дальние полеты.

Элементы т о т е м и з м а прослеживаются в отношении к медведю. Согласно этногоническому мифу, первая женщина фратрии Пор (одной из двух экзогамных группировок манси и ханты) была рождена медведицей, съевшей зонтичное растение *poriγ*. Убийство медведя требовало выполнения ритуалов медвежьего праздника (извинение перед убитым, торжественные поминки, водружение черепа медведя как вместилща его души на священное место); первый медвежий праздник был устроен, согласно мансийскому мифу, Полум-Торумом. Другие варианты мифов возводят фратрии Пор и Мось к двум группам древних богатырей, из которых одни питались вареным, другие сырым мясом, или свидетельствуют о связи Мось с духами *mis* и Калташ-Эквой, а Пор — с менквами.

Важное место в мифологических воззрениях обских угров занимают представления о д у ш е: часто упоминается о пяти (или семи) душах у мужчин и четырех (или шести) — у женщин. У манси различаются прежде всего реинкарнирующая душа-дыхание *lili* и душа-тень *is*. *Lili* присуща человеку с момента его рождения и по смерти переселяется в тело ребенка того же рода; материального воплощения она не имеет. *Is* способна отделяться от тела при жизни во время сна (*ūlam is* 'сонная душа', путешествующая в образе глухарки). После смерти человека *is* попадает в подземное царство Куль-Отыра, где живет еще столько же, сколько человек прожил на земле; затем она начинает уменьшаться, превращается в водяного жучка и исчезает совсем. На какое-то время она может задержаться на земле или возвращаться туда в виде призрака (*is kor*), опасного для близких покойного. В представлениях восточных ханты жизненная сила *ilt*, которой наделяет новорожденных *Puγās*, по-видимому, является проявлением души *lil*, сочетающей свойства мансийских *lili* и *is*. *Lil* обычно невидима, но может принимать облик ящерицы или жука (по другим данным, она антропоморфна), покидая тело человека во время сна, обморока, тяжелой болезни, при смерти. У близнецов имеется всего одна *lil* на двоих, поэтому считалось, что первый из них должен умереть. Душой *lil* обладают также животные и духи, причем *lil* духа может вселиться в живое существо, вытеснив его собственную, или в неживой предмет, одушевляя его (на этом основано поклонение идолам). Смерть — это похищение *lil* злым духом.

Б о л е з н и, согласно мансийскому мифу, были созданы Куль-Отыром по поручению Нуми-Торума, обеспокоенного тем, что людей на земле стало слишком много. По другому мифу, богатыри, охотившиеся на гагар в царстве смерти, только ранили и спугнули их; разлетевшись во все стороны, гагары принесли эпидемии и болезни на землю (отдельные болезни персонифицированы в виде духов).

Из д е м о н и ч е с к и х с у щ е с т в наиболее известны менквы, лесные великаны-людоеды. В хантыйском мифе менкв, подобно сфинксу, задает загадки человеку на значение чисел от 1 до 9. В лесу водятся также враждебные людям *ūtši* (манс.), *ōtši* (хант.), обладающие зооморфными чертами. С менквами сходны обликом доброжела-

тельные к людям *mis* (хант. *mīs*), чьи дочери, вступая в связь с охотниками, приносят им богатство (при условии, что их не увидит посторонний). Шестипалые ведьмы (хант. *parnē*, *pornē*) имеют женский облик, многоголовые чудовища *savās* у восточных ханты — мужской. Половинный человек (манс. *χum-pālaj*, хант. *χui-pet*, ср. *налэс-мурт* у удмуртов) сбивает людей с пути и предлагает им опасные подарки.

Г е р о и ч е с к и е м о т и в ы в мифологии связаны как с отырами, часто считавшимися первопредками-покровителями территориальных групп и отдельных семей, так особенно и с сыновьями Нуми-Торума — культурными героями, нередко действующими вопреки воле небесного отца, подвластными страданиям и даже смерти (хотя и с последующим возрождением). Героический период жизни этих божеств связывается с временами молодости мира и отграничивается от более позднего периода, когда ими было взято на себя управление миром и людьми.

9. В е н г е р с к а я м и ф о л о г и я. В мифологических представлениях венгров — единственного финно-угорского народа, территориально обособившегося от ареала северноевропейских культур — доминирующее положение принадлежит христианской мифологии (христианство стало официальной религией венгров с XI в.) в сочетании с представлениями, заимствованными от соседних европейских народов. Субстратом этих позднейших наслоений явились идеи и образы, унаследованные от времен, предшествовавших расселению венгров на современной территории, и близкие мифологиям других финно-угорских народов, а также тюркской мифологии.

9.1. Большой устойчивостью отличается архаическая идея м и р о в о г о д р е в а (*égigérő fa* 'до неба достигающее дерево', *tetējetlen fa* 'дерево без вершины'), которой принадлежало центральное место в мифологической картине мироздания. По данным народных поверий, подкрепляемых находками древних изображений, это огромное дерево с семью ветвями, соединяющее земной мир с небом, которое поддерживает его вершина, и с подземным миром, в который оно уходит корнями. Из подножия дерева бьет источник жизни; плоды, смола и соки дерева дают жизнь и питают все сущее на земле. На верхней ветви дерева находится дом Солнца и его матери, чуть ниже — дом Луны и ее матери. От движения ветвей дерева поднимается ветер; иногда на этих ветвях локализуется и жилище *Szél-anya* 'матери ветра'. Подарки — плоды этого дерева — разносятся феями (*tündér*). Дерево охраняется огромной птицей (орлом); найти дорогу к нему способен лишь шаман (*талтош*).

9.2. Глубокие параллели в мифологиях других финно-угорских народов находят космогонические и антропологические мифы — дуальное участие бога и черта в сотворении мира, неудачная попытка черта сотворить человека, семярусное устройство как верхнего (небесного), так и подземного мира, локализация на дороге в подземный мир (ад) трех стран — страны лягушек, страны ящериц и страны змей.

9.3. В мифологии венгров прослеживаются реликты разграничения двух душ человека: души-дыхания (*lélek*; ср. душу *lili* в мансийской и *lil* в хантыйской мифологии), которая покидает тело лишь со смертью, и души-тени, которая может покидать тело человека во время сна. Вторая душа способна принимать образ *мшши*; предполагается, что древним ее названием было *isz* (ср. душу-тень *is* у обских угров), которое впоследствии стало обозначать злого духа (душа покойника может остаться на земле и мучить его близких), а еще позднее - духа болезни и саму болезнь.

9.4. Возможности реконструкции венгерского пантеона весьма скудны. Христианский бог именуется *Isten*; в дохристианскую эпоху это слово, вероятно, служило названием верховного небесного божества. Оно не имеет надежной этимологии (предполагалось заимствование из ср.-перс. *yađan* 'бог' и связь с др.-венг. *ise* 'отец; предок'; небезынтересно отметить, однако, названия бога Солнца в языках древней Анатолии: хаттск. *Eđtan*, хеттск. *Iđtanu* - это имя могло проникнуть в венгерский язык через северокавказское посредство в эпоху древневенгерских миграций). На исходность функции небесного бога (громовержца?) указывает одно из названий молнии - *Isten nyila* 'стрела бога'. Культ богородицы в Венгрии и ее народное название - *boldoganya*, *boldogasszony* 'мать (женщина) счастья (богатства)' - интерпретируется как результат ее синкретизации с высшим женским божеством древних венгров, подобным обско-угорской *Калташ-Экве*, и переноса на богородицу основных функций жизнедательницы, покровительницы рожениц. Интересны упоминания о семи богородицах, соотносимых с семью ветвями мирового дерева. Семь легендарных вождей древневенгерских племен, упоминаемые в хрониках (*Hetumoger* 'Семь венгров'), могут быть сопоставлены с семью сыновьями Нуми-Торума. Триаду божеств, образующих высший уровень пантеона во многих мифологиях Евразии, мог дополнять правитель подземного царства *ördög* 'черт, дьявол' (слово алтайского происхождения).

Представления о различных духах и сверхъестественных существах низших категорий (привидениях - *kísértet*, феях - *tündér*, русалках - *sellő*, ведьмах - *boszorkány*, гномах - *törpe*, драконах - *sárkány* и др.) сходны с соответствующими образами в мифологиях соседних европейских народов. Более архаичными (в свете финно-угорских параллелей) могут быть образы великанов (*óriás*), с которыми связывается в преданиях возникновение некоторых крепостей, горных вершин, скал причудливой формы, и водяного (*vízí ember* 'водный человек'), который выглядит как утопленник с окованным телом, и, вредя рыбакам, топит их лодки, запутывает сети.

Значительную роль в венгерских поверьях занимает фигура *талтоша* (*táltos*) - человека со сверхъестественными способностями, прямого воспреемника функций шамана в дохристианских верованиях. Существенными элементами представлений о талтоше, имеющими точные соответствия в финно-угорском и сибирском шаманизме, являются: связь с

зооморфными духами (часто одним из родителей талтоша считается бык, корова, жеребец, журавль) и способность принимать облик животного; призыв высшей силы к реализации врожденных шаманских способностей, воспринимаемый обычно в семилетнем возрасте; обряд инициации, связанный, в частности, с влезанием на специальный столб или дерево (символ мирового древа); роль локального патрона (от исхода символической битвы талтоша с другим талтошем или с мифологическим противником зависит погода и плодородие в той местности, где он живет). С шаманистическим циклом представлений связана и фигура *pegеша* (*regős*) - первоначально исполнителя экстатических песнопений, в позднейшей традиции колядочника. К числу более поздних наслоений могут быть отнесены представления о таких категориях колдунов, как чернокнижник (*garabonciás*), знахарь (*tudós*), ясновидящий (*látó, néző*) и др.

В мифологии древних венгров присутствовали элементы тотемизма, восходящие, впрочем, в основном к тюркскому компоненту в составе венгров; на это указывает, в частности, тюркское происхождение многих древневенгерских тотемных наименований, и в частности наиболее известного из них - названия мифической хищной птицы *Turul*, первопредка и тотема династии Арпадов (ср. чагатайск. *toyrul* 'вид хищной птицы').

10. Древнейшая прафинно-угорская мифология реконструируется на основе сравнительно-исторического анализа отдельных традиций: общих мифологических сюжетов, имен богов и т.п.

10.1. Большим сходством отличаются космогонические мифы: бог-демиург (коми *Ен*, марийский *Кугу Юмо*, удмуртский *Инмар*, обско-угорский *Нуми-Торум* и др.) велит водоплавающей птице или младшему брату в облике птицы (коми *Омоль*, марийский и удмуртский *Керемет*, мансийский *Куль-Отыр* и др.), достать земли со дна первичного океана. Из нее бог творит земную твердь и все полезное на ней, а его брат из земли, утаенной во рту, - горы и все вредное. Сходство финно-угорских дуалистических мифов с космогониями других народов, прежде всего со славянскими апокрифическими сказаниями, через богемильские и манихейские тексты восходящими к древнеиранской дуалистической космогонии, с тюркскими и монгольскими мифами породило полемику об их происхождении, в основном с точки зрения теории заимствования; естественным было стремление видеть источник заимствования в имеющей древнейшие традиции иранской мифологии, несомненно повлиявшей на мифы финно-угорских, тюркских, монгольских и славянских народов (ср. хотя бы отражение имени иранского демиурга *Ормузда-Ахурамазды* в наименованиях небесного бога типа алт. *Курбистан*, *Курбусту*, бурят. *Турмас*, монг. *Хурмас*, *Хормуста*). Однако еще А.Н. Веселовский указывал на необходимость автохтонной типологически сходной основы для заимствования фольклорных сюжетов, а А.М. Золотарев показал универсальную распространенность дуалистических космогоний в наличие мотива ныряния водоплавающей птицы за землей в мифах северной

Евразии и Северной Америки, что делает его не сводимым к богомильским и иранским источникам. Действительно, мотив ныряния за землей отсутствует в иранских и восходящих к ним богомильских мифах, зато роль водоплавающей птицы в идеологии финно-угров очевидна с древнейших времен, судя по данным археологии (начиная с неолитических петроглифов и кончая средневековыми привесками в виде водоплавающей птицы). К заимствованным из апокрифов Золотарев относит мотивы утаивания части земли во рту противником демиурга, камня или столпа среди моря (каменная лодка демиурга в финской и мордовской мифологии; ср., однако, холм или колено Вяньямейнена как основу творения в финско-карельской мифологии). Оппозиция "верхнего" (небесного) бога и его противника (бога зла, подземного мира), четко прослеживаемая во всех дочерних мифологиях, а также в самодийских мифах, имеет, бесспорно, общефинно-угорское происхождение, и даже еще более древние корни, восходящие к уральской общности. Этимологический анализ позволяет, однако, вскрыть одну любопытную тенденцию: если имя небесного бога имеет, как правило, исконное происхождение (см. ниже), то имя его демонического противника оказывается во многих случаях заимствованным. Ср. название главного злого божества у саамов *Pärkel* (из балтийского, через финское посредство: лит. *Perkūnas*), у удмуртов и марийцев *Керемет* (из татар., чуваш. *kirämät* 'дух'), у венгров *ördög* (предполагается алтайское происхождение: ср., в частности, сагайск. *Erlük* - имя владельца нижнего мира и, в качестве этимологической альтернативы, эвенк. *ärūd'āk* 'зло, напасть'); к этому можно добавить, что в имени соответствующего персонажа ненецкой мифологии *Yā* допустимо усматривать заимствование энецкого *yā* 'бог; небо; верховное божество' (в прошлом энци-"мандо" являлись постоянными противниками ненецев).

Небезынтересно в этой связи еще одно сопоставление: коми *Omol'* (антагонист Ена) : *Opal'* (верховный небесный бог казымских ханты). Таким образом, противником демиурга выступало заимствованное божество, часто наделенное в мифологической традиции источника положительными функциями.

Другой вариант финно-угорской космогонии - творение из яйца, снесенного птицей (в финской, саамской, эстонской, коми мифологиях); в мифах коми сочетаются обе космогонические мифологемы: из яиц, снесенных птицей, вылупляются оба творца - Ен и Омоль; реликтом мифа о мировом яйце (яйцах) можно считать, по-видимому, мордовский вариант о птице, снесшей три яйца, из которых вылупились "матери" - духи природы.

Взаимодействие нескольких традиций вероятно и в финно-угорской антропологии: мотив порчи сатаной только что созданного человека известен в апокрифах южных и восточных славян, однако мотив собаки-сторожа представлен в традициях и восточноевропейских (в том числе у мордвы, марийцев, удмуртов), и сибирских (обские угры, алтайцы, буряты и др.).

Мир в финно-угорской мифологии делится на три основных зоны: верхнюю - небо с Полярной звездой в центре, среднюю - земля, окруженная водами океана, и нижнюю - загробный мир холода и мрака. Мировой осью служило дерево, столп или гора. Верхний мир считался обителью небесных богов - демиурга, громовника (на мифы о громовнике сильное воздействие оказала балто-славянская традиция) и др. Землю воплощали женские божества, иногда выступавшие супругами высших богов: у манси *Калташ-Эква*, у финнов, по-видимому, супруга Укко, у эстонцев *Маа-эма*, ср. также саамскую *Маддер-акку*, мордовскую *Мода-аву* и т.п. На земле обитали также божества - покровители промыслов и духи - хозяева природы (лешие, водяные и т.п.); характерны для финно-угорской мифологии духи - матери природы и стихий - леса, воды, огня, ветра и т.д. (мордовская, марийская, саамская, удмуртская, эстонская, венгерская мифологии). В нижнем мире обитал противник бога со злыми духами и мертвецами. Наличие полностью аналогичной структуры мифологического мироздания и одновременно верхнего яруса пантеона у самодийцев позволяет предполагать общеуральский источник данных представлений. В горизонтальной проекции мифологической модели мира Югу ("стране птиц") противопоставлена страна злых духов и мертвецов на Севере; два полюса соединял Млечный путь - "Путь птиц". Посредниками между миром людей и иными мирами были жрецы и шаманы: фин. *noita*, эст. *nõid*, саамск. *noai'de*, манс. *nājt*, *nājət* (другое название - угорское **tul'tz* - отражено в венг. *táltos*). Ту же функцию имели предки, к которым обращались за помощью в дни поминовений, устраивали для них трапезы и т.д. Ср. вероятную реконструкцию одного из прауральских терминов похоронного обряда на основании сопоставления венг. *tor* 'тризна, поминки' и энецк. *tqra* 'поминки, жертвоприношения покойнику', ненецк. *torábt?* 'предмет, служащий для очищения (в частности, в ходе похоронного обряда)'.

Древнейшее общефинно-угорское название божества неба, погоды **jilmä* совпадало, по-видимому (как и в ряде языков-потомков), с нарицательным существительным **jilmä* 'небо, воздух, погода': фин. *ilma* 'воздух, погода, буря', *Ilmari-Ilmarinen* 'Ильмаринен'; саамск. *äl'bme* 'небо; снежная буря' (из финского заимствовано имя бога ветра *Ilmaris, Ilmarä*); коми *jen(m-)* 'небо, бог, Ен'; удм. *in(m-)* 'небо', *inmar* 'бог, Инмар'; манс. *iləm, ēləm* 'погода'; хант. *iləm, jēləm* 'погода; небо; мир', *Num-jēləm* - одно из имен Нуми-Торума. Обращает на себя внимание, что с именем **jilmä* аллитерационно связывается финно-волжское (финно-пермское) слово со значением 'верховный бог, божество (вообще)': фин. *jumala*, эст. *jume* 'образ, вид; приведение', ю.-эст. *jummal*, мар. (kugu-) *jumə*, морд. уст. *jumi-ši-pas* (по-видимому, саам. *jubmel, ibmel* и коми *joma* представляют собой прибалтийско-финские заимствования), для которого, с другой стороны, допускают индоиранский источник (ср. санскр. *dyumān* 'светлый, ясный' как постоянный эпитет Индры).

Существует мнение о том, что еще более древнее (прауральское) название верховного небесного божества отражают манс. *numi* 'верхний, небесный', хант. *num* и самод. *num 'бог, небо'. Скорее, однако, для обско-угорского слова исходным является пространственное значение 'верхний', тогда как самодийское слово связано с согд. *num*, др.-тюрк. *nom* 'религия, религиозное учение, религиозный закон'.

Среди низших духов прафинно-угорское происхождение имеет обозначение злого духа *kolja: ср. фин. *kolja*, *koljo* 'великан', эст. *koll* 'страшилище', коми *kul'* 'бес, черт', удм. *kil'* 'болезнь', манс. *xul'*: X.-*štar* 'Куль-отыр', ? венг. *hagy*: *hagutáz* 'тиф'.

Общеуральское происхождение имеет, вероятно, обозначение души - ды х а н и я *wajne/**wajnz*: ср. эст. *vaim*, саам. *vuoi'guá*, морд. *ojme*, *vajme*, самод. *wájju (селькуп. *keji*, камасин. *máje* и др.). В пермских и угорских языках в той же функции выступает слово *lewle (с первичным значением 'пар, дым'): коми *lov* (*lol-*), удм. *lul*, манс. *lili*, хант. *lil*, венг. *lélek*. Ср. также прафинно-угорское обозначение души - т е н и *ise: фин. *itse-ton* 'бессознательный', манс. *is*, хант. *is*, венг. *isz* 'болезнь' и обозначение д у х а , п р и з р а к а *šure: фин. *huu*, морд. *šov*, коми *šen*, манс. *tow*, хант. *luyk*.

Среди других общих мифологических сюжетов и персонажей - миф о медведе, сыне бога, спущенном с неба (финская и мансийская мифологии), или о культурном герое, ведущем свой род от медведя-тотема (коми *Кудым-Ош* 'Медведь с Кудыма'); сюжеты, связанные с временным пребыванием светил в нижнем мире и их добыванием оттуда; миф о небесной охоте на космического оленя или лоса (саамская, обско-угорская, финско-карельская мифологии); предания о великанах, населявших землю в мифические времена, и др.

Литература

1. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959.
2. Богаевский П.М. Очерк религиозных верований вотяков. - Этнографическое обозрение, 1890, кн. 4.
3. Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха, вып. XI. СПб., 1889.
4. Владкин В.Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов. - Учен. зап. Удмуртского НИИ истории, экономики, литературы и языка, вып. 22. Ижевск, 1970.
5. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888.
6. Емельянов А.И. Этнография вотяков. Казань, 1922.
7. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
8. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX в. Томск, 1977.
9. Легенды и сказки хантов. Томск, 1973.
10. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978.

11. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
12. Плесовский Ф.В. Космогонические мифы коми и удмуртов. - В кн.: Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.
13. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
14. Религиозные верования народов СССР, т. 2. М.-Л., 1931.
15. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. Л., 1928.
16. Смирнов И.Н. Черемисы. Казань, 1889.
17. Смирнов И.Н. Вотяки. Казань, 1894.
18. Смирнов И.Н. Мордва. Казань, 1894.
19. Топоров В.Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов. - В кн.: Кетский сборник: мифология, этнография, тексты. М., 1969.
20. Фольклор народа коми. Архангельск, 1938.
21. Харузин Н.Н. Русские лопари. М., 1890.
22. Чарнолуцкий В.В. Саамские сказки. М., 1962.
23. Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935.
24. Яригин А.Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.
25. Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Ed. P. Hajdú. Budapest, 1976.
26. Berze Nagy J. Égigérő fa. Magyar mitológiai tanulmányok. Pécs, 1958.
27. Diószegi V. A pogány magyarok hitvilága. Budapest, 1967.
28. Diószegi V. A sámánhit emlékei a magyar népi műveltségben. Budapest, 1958.
29. Fokos-Fuchs D.R. Volksdichtung der Komi (Syrjanen). Budapest, 1951.
30. Naavio M. Die heilige Haine in Ingermanland. Helsinki, 1960.
31. Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.
32. Harva U. Suomalaisten muinasusko. Porvoo, 1948.
33. Hautala J. Finnish Folklore Research. Helsinki, 1969.
34. Hautala J. Sampo. Helsinki, 1960.
35. Holmberg U. Finno-Ugrian. Siberian. - In: The Mythology of All Races, v. 4. Boston, 1927.
36. Honco L. Finnische Mythologie. - In: Wörterbuch der Mythologie, Lfg. 6-7. Stuttgart, 1972.
37. Itkonen T.I. Heidnische Religion und spätere Aberglauben der finnischen Lappen. Helsinki, 1946.
38. Kandra K. Magyar mythologia. Eger, 1897.
39. Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki, 1958.
40. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker, Bd. 1-3. Helsinki, 1921, 1922, 1927.
41. Koskinen Y. Sur l'antiquité des lives en Livonie. Helsingfors, 1866.
42. Lehtisalo T. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden. Helsinki, 1924.
43. Loorits O. Estnische Volksdichtung und Mythologie. Tartu, 1932.
44. Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény, köt. 1-4. Budapest, 1892-1921.
45. Munkácsi B. Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952.
46. Páiz D. A magyar ősvallás nyelvi emlékeiből. Budapest, 1975.

47. Paulson I. The Old Estonian Folk Religion. The Hague, 1971.
48. Paulson I. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker. Stockholm, 1952.
49. Paulson I. Schutzgeister und Gottheiten des Wildes (der Jagdtiere und Fische) in Nordeurasien. Stockholm, 1961.
50. Paulson I., Hultkrantz A., Jettmar K. Die Religionen der Nordeurasien und der amerikanischen Arktis. Stuttgart, 1962.
51. Petterson O. Jabmek und Jabmeaimo. - Lunds Universitets Årskrift, 1952, Bd. 52, 6.
52. Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia. Ed. V. Diöszegi. Budapest, 1968.
53. Roheim G. Hungarian and Vogul Mythology. Seattle-London, 1966.
54. Sebeok Th.A., Ingemann F.J. Studies in Chereemis: The Supernatural. N.Y., 1956.
55. Simonsuuri L. Typen und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki, 1961.
56. Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki, 1949.

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ АКЦЕНТУАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ (Клинописные написания с гласными)

Источники для реконструкции общеиндоевропейских акцентуационных парадигм относительно немногочисленны. В древних индоевропейских языках - это древнегреческие (испытывавшие воздействие позднейших законов, ограничивающих ударение) и ведийские акцентуированные парадигмы, а также данные, извлекаемые из некоторых германских форм по закону Вернера (а из косвенных отражений старого места ударения при сокращении долгот в кельтском и италийском). В живых языках - это прежде всего балтийские и славянские данные (в меньшей степени - свидетельства иранских языков). Поскольку соотношение между парадигмами, восстанавливаемыми порознь на основании данных каждой отдельной традиции, не является однозначным, установление исходного типа в индоевропейском вызывает нередко трудности. Поэтому существенное значение имеет выявление того, что написание с дополнительным гласным в древнехеттской клинописи (как, по-видимому, и в лувийской и палайской) служило для письменной передачи места ударения. Эта гипотеза, развивавшаяся в последнее время несколькими учеными, достаточно детально обоснована независимо друг от друга на материале некоторых именных и части глагольных форм Хартом (Hart 1980) и при сплошном описании глагола Эттингером (Oettinger 1979), ср. Иванов 1981. Рассмотрим те из форм, которые имеют особое значение для восстановления общеиндоевропейских парадигм.

1.1. Подвижно-акцентуированная парадигма имени. Наиболее очевидными примерами являются следующие. Гетерокли-

тическое название 'крови' обнаруживает ударение или тон на корне в др.-хет. им.-вин. п. ср. р. ед. ч. е-еš-ḫar (ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, S. 20, Vs. I 27, S. 30, Rs. III 11, S. 31, Rs. III 19; копия древнехеттского завещания Хаттусилиса I, Sommer-Falkenstein 1938, I 16, III 12; документ Телепинуса I, Sturtevant-Bechtel 1935, § 19, 66; § 20, 69-70; II § 27, 31-33, § 30, 48 и др.; так же в среднехеттском тексте договора Арнуванды КВо VIII 35 II 3 и в среднехеттских военных клятвах, Oettinger 1976, 20 II Rs. 14 в архаической формуле сравнения вина с кровью, ср. Иванов 1980; в ритуале зимнего праздника Иштар Нинивийской KUB X 63 I 24 в сочетании с энклитикой -a, не меняющей ударения: е-еš-ḫar-ra). Др. юсть ударения (или тона) на начальном слоге в родственной форме им.-вин.п. ср.р. подтверждается др.-инд. вед. *ás-y-k*, греч. кипр. *ἄρ*. Греческий вариант с долгим *ἄ* *ἄρ* признавался (вслед за Шульце) древним на основании неверного отождествления с хеттским написанием (Бенвенист 1955, 32), но парадоксальным образом эта же точка зрения сохраняется именно в статье, где показано, что в этой форме в хеттской графике фиксируется не долгота, а ударение (Hart 1980, 10). Между тем на краткость указывает лтш. *azins* 'кровь, крови', где *a* того же происхождения, что и в первом слоге других существительных гетероклитического типа, обычно имеющих суффикс -r-: лтш. *vāsara* 'лето', лит. *vāsara* : греч. *ἄρ*, ст.-сл. *ves-n-a*, др.-инд. *vas-ant-á* 'весна'; лтш. *vakars* 'вечер', лит. *vākara* : ст.-сл. *več-epъ* (**we-skworo-*, Иллич-Сви-тыч 1963, 36), ср. Бенвенист 1955, 40, 158, Eckert 1963; Birnbaum 1972, 150; лтш. *asara* 'слеза', лит. *āšara* : тох. А *akār*, др.-инд. *āsra-* с тем же суффиксом -r-, что и хеттское производное от *ešhar* (Иванов 1957; 1965, 45)¹.

Наличие такого *a* < *ō при *ḫ* в родственных формах в балтийских именных основах возможного гетероклитического происхождения подтверждает и прус. *assarān* 'озеро', лит. *āzaras* (см. литературу Топоров 1975, I, 131-132)². Воз-

¹ Другое название с многочисленными вариантами типа лат. *dasru-ma*, греч. *δάρυς*, валл. мн.ч. *dagrau*, ср. Hamp 1972, в действительности является древним заимствованием из языка типа енисейского, ср. котт. *ṭeč-ūr* 'слеза = глаза вода'. За предполагаемое направление заимствования говорит несводимость друг к другу индоевропейских форм, соответствия элементов сложения во всех родственных енисейских языках и типологически несомненная древность его внутренней формы при отсутствии ясного корня в индоевропейском.

Сближение с *Ἀχέρων* если и может остаться в силе, то лишь как весьма раннее свидетельство северо-западно-кавказских влияний, так как последнее греческое слово имеет точное соответствие в адыгейском мифологическом термине *Ахърэт* 'загробный мир', обозначающем место, куда на том свете уходят души, - адыг. *псэ*, ср. греч. *ψυχή*, заимствованное из этого последнего общесеверокавказского слова 'душа', Иванов 1980б).

никновение *a* в словах этого типа связано с трехсложностью исходной словоформы, содержащей балтийское суффиксальное *a* (*asinas), которое в латышском позднее исчезало в последнем слоге (Endzelīns 1951, 117, § 45e), что напоминает отчасти сингармонический принцип умлаута. Полный параллелизм соотношений лтш. *asins* : греч. *ἄρ*, лтш. *vasara* : греч. *ἄρ* делает нереальной гипотезу о первоначальной долготе начального гласного первого слога. Поэтому в данном случае удвоенное его написание в хеттском целесообразно интерпретировать именно как ударение. При закономерном изменении качества гласного сходное написание, передающее, очевидно, ударение (или тон), отмечено и в лув. клин. *a-aš-ḫar-sa* (KUB XXXV 109 III 19, LTU, 102; энклитика *-ša*, согласно Ларошу, эргативный падеж на *-ša* в значении 'кровавым делом, убийством', по Бажо 1980, мн.ч. по Meriggi 1980, 253, 282, 314, § I.9, II.25, II.123³, ср. также лув. *a-aš-ḫar-nu-um-ma-in-z[i]* 'окровавленные', KUB XXXV 18 I 13 (LTU, 25).

В древнехеттских и среднехеттских текстах косвенные падежи (от основы на *-n-*) в слове этого корня пишутся с начальным *iš-* и удвоенным (повторенным) гласным после *-n-*, что можно понять как передачу тона или ударения на окончании и редукции безударного корневого гласного (*e > i*): др.-хет. род.п. ед.ч. *iš-ḫa-na-a-aš* (ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 36, IV 8, среднехеттский ритуал Тудхалияса II КВо XV 10 I, 20), мест.п. *iš-ḫa-ni-i* (в тексте ритуала праздника весны КВо XI 49 IV 18; XXIV 18 I 5 и др.), ср. возможное ударение на втором слоге в твор.п. *iš-ḫa-an-da*, ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 34, Rs. III (контекст разрушен и соответственно неясно, какое продолжение имела форма). Древность ударения на окончании подтверждается др.-инд. вед. *asnás*; иначе говоря, акцентуационная парадигма др.-хет. *e-eš-ḫar*, род.п. *iš-ḫa-na-a-aš* находит точное соответствие в др.-инд. *ásp-k*, род.п. *asnás*, т.е. именно в том пережиточном типе существительных с подвижной акцентуационной парадигмой, в которых и раньше видели след общиндоевропейской (Kiparsky 1973, 819). В отличие от лувийского всегда с редуцированным *is-* пишется глагол на *-nu* *iš-ḫar-nu-*, ср. *iš-ḫar-nu-uš-ki-it* 'становится кроваво-красным' (Oettinger 1976, 55; 1979, 540), *iš-ḫar-nu-ḫa-an-tu-uš* 'заятнанные кровью' (ритуал царской четы, I 25).

В древнехеттских и среднехеттских текстах обычно в качестве безударного с редуцированным *i* выступает и первый слог названия 'слез', производного от названия 'крови': др.-хет. *iš-ḫa-aḫ-ru-uš-še-it* 'его плач' (фрагмент f/533 из раскопок 1936, Sommer-Falkenstein 1938, 96), *iš-ḫa-aḫ-ru-mi-it* 'мой плач' (там же, строки 11-12), *iš-*

³ См. там же о иер. вин.п. *átar(i)n* 'крови', 334 *-tar-i* (согласно новому чтению Хокинза-Морпурго-Дэвис) при семантически сходном лик. *esedēḫewi* 'кровный родственник, кровник', там же, 284, 291, 298, 367, § II. 31, 51, 74; в этом случае **-šh-* > *-t-* в лувийском, но не в ликийском.

ḫa-aḫ-ru в переводе Гильгамеша (KUB VIII 48 I 18, ср. KUB XVII 3 I 20-22) и эпоса о Кумарби KUB XXXIII 87 I 29-30, ср. также Otten 1950, 26, примеч. 1. Такое же написание наряду с *e-eš-ḫa-aḫ-ru* встречается и в ритуале заклятия KUB VII 41 I 18 и след., а также в ритуале KUB XV 42 II 9-11; древность этих текстов в последнее время ставится под сомнение (Heinhold-Krahmer et al. 1979, 60, 237, 242, ср. также медицинский текст KUB VIII 38 II 8-10, Burde 1974). Но первоначальность написания с *iš-* подтверждается др.-хет. *iš-ḫa-aḫ-ru-wa-at-ta-at* 'плакал' (копия завешания Хаттусилиса I, II 6, Sommer-Falkenstein 1938), прич. *iš-ḫa-aḫ-ru-wa-an-za* 'плачущие' в "Песне об Улликумми" (Güterbock 1952, 13) и некоторых других архаических по языку мифологических текстах. Интерпретация написания *-ḫa-aḫ-* как графического способа передачи [-ḫá-] может быть подтверждена аналогичными написаниями *-ni-in-* для передачи инфикса *-ni-* и *-za-as-* для передачи *-za-* в глагольных формах. Косвенное подтверждение дает также др.-арм. *ap-ašxar-em* 'метавош, каюсь, раскаиваюсь', этимологически связанное с хеттским словом (см. Иванов 1957, 478 с библиографией).

Ударение на корне (с огласовкой **o*) в форме им.-вин. п. ед.ч. в этом же гетероклитическом типе имен подтверждается общиндоевропейским названием 'воды': др.-хет. им.-вин.п. ср.р. *wa-a-tar* (несколько раз с последующей энклитикой *-a* 'и', не меняющей места ударения; *wa-a-tar-ga* 'и воду' в копии древнехеттского завешания Хаттусилиса I, III 34, 48, также в копии текста начала эпохи Мурсилиса I КВо III 23 I 5, KUB XXXI 115 I 9 и в среднехеттских военных клятвах, Oettinger 1976, 14, 20, IV 4; Rs. 8, 9, 17, 18). Соответствующая форма **wódy* представлена с той же огласовкой в др.-исл. *vatr*, др.-сакс. *watar*, др.-англ. *wæter*, др.-фриз. *wetir*, др.-в.-нем. *wazzar*. В собирательной форме им.-вин.п. мн.ч. ср.р. *ú-i-da-a-ar* (ритуал КВо V 2 II 28 и др.) при ударении на окончании и редукции корневого гласного **e > i* представлена ступень растяжения с долгим гласным, как и в греч. *ὕδωρ* (по-видимому, с переносом ударения на первый слог с последнего в греческом, что видно и из нулевой ступени огласовки корня), ср. тип тох. А *ysār* 'кровь' : хет. *e-eš-ḫar* и т.п. В подобных случаях хеттское написание могло бы служить и для передачи долготы гласного, но это можно считать вторичным по отношению к передаче ударения - тона (ср. Бенвенист 1955, 51; Hart 1980, 2, 13; иначе Oettinger 1979, где предполагается всякий раз одновременно передача и ударения, и долготы, обычно вызываемой ударностью слога, т.е. нефонологичного). Редуцированный гласный *i* (из **e*) в корне засвидетельствован в косвенных падежах ед.ч., иногда явно имевших ударение на суффиксе **-én-*: мест.п. *ú-i-te-e-ni*, ритуал КВо V 2 I 20, II 12, 13, 17 (**wéd-én-i*, ср. следы аналогичного ударения в вед. *udá-bhīś*, RV I, 85, 5, от *udán-* 'вода', при полностью аналогичном гетероклитическом типе др.-инд. *akṣ-án-i*); основа на *-n-* также в косвенном падеже с нулевой огласовкой корня умбр. отл.п. ед.ч. *une* < **ud-n-e* : им.-вин. п.

ср.р. *utur* 'вода'; основа на -п- обобщена на другие падежи в др.-исл. *vatn*, гот. *wato*, род.п. *watins* и лтш. *udens* 'вода' (ср. выше об *asins* 'кровь'). Архаической чертой рассматриваемого имени (как и некоторых других хеттских имен ср.р. гетероклитического типа) является сохранение наряду с основами на -r- и на -n- основы с первоначальным активным значением -nt-. По данным ностратического внешнего сравнения (на основании параллели в дравидийском) этот тип можно считать наиболее древним (Иванов 1980а). Его существование в дописьменном хеттском подтверждается и отглагольными именами на -uwar, -uwan < *uwant, uwanzi < *uwant-i, а также существованием уже в период староассирийских колоний существительного (i)šrant- 'ночь', где суффиксальный характер -nt- доказывается родственными индоиранскими формами на -r/-n- (ср. Бенвенист 1955). В древнехеттских основах архаического типа, присоединяющих активный суффикс -nt- непосредственно к корню, а не к основе на -n-, как в позднейшем языке, ударение или тон падали на суффикс, что согласовывалось со ступенью редукции *i* в корне: ср.-хет. *ú-i-da-an šu-u* 'водой наполненная' (среднехеттская военная клятва, Rs. III 12). Форма может рассматриваться как местный падеж с нулевым окончанием от активной основы на -nt- *uidant-* < *w_ed-ónt-, ср. греч. род.п. *ΰδατος* < *úd-nt-os (видимо, с переносом ударения) при синонимичных формах с более поздней огласовкой *e* (по аналогии) и с падежным окончанием -a (из древнего директива *o > -a с сокращением долготы?) *ú-e-da-an-da šu-u(-uš)* 'полный воды', ритуал в честь священной Семерки KUB IX 28 I 12-13, XLI 11 Vs. 6, *ú-e-da-an-ta šu-u-u [n-]*, 531/d, 9 (Oettinger 1976, 40, ср. Neu 1979, 190, прим. 39). Несомненность исконной огласовки корня *i* при активном суффиксе -ant- (часто ударном) свидетельствуется др.-хет. вин.п. мн.ч. *ú-i-ta-an-tu-uš*, договор с Цидантасом, KUB XXVI 108 Vs. 8 (*e* вместо *i* в новохеттских 'Анналах Мурсила II *ú-e-da-an-te-eš* KBo V 8 Vs. II 16) и в особенности архаической формой твор.п. (исходно, по-видимому, директива на -a от активной основы на -nt-) *ú-i-ta-an-ta*, ритуал KUB XX, 22, 5. Последняя форма параллельна *iš-ḫa-an-da*, тогда как ударение на окончании, как в *iš-ḫa-na-a-aš*, возможно в др.-хет. род.п. *u-i-te-na-aš* (KUB XLIII 23 rev. 6), ср. твор.п. *ú-i-te-ni-it*, хетто-лувийский ритуал VII 1 I 47, хотя такое написание (без дополнительного гласного) менее ясно. Та же огласовка (ступень редукции) корня представлена и в форме мест.п. ед.ч. корневого атематического (или тематического) имени *wid-* < *w_ed(e/o): *u-i-ti* (хетто-лувийский ритуал KBo III 8 III 2, 19), отлож.п. *wi-ta-az* (позднехеттская молитва Хаттусилиса III и Пудухепы KUB XXI 19 III 17), ср. греч. дат.п. ед.ч. *ΰδελ* (с переносом ударения) и вед. *udā* (твор.-отлож.п. от *ud-a-* 'вода'), но место ударения из-за иной орфографии в хетто-лувийских формах неясно. Формы от *wid-* встречаются только в позднехеттских текстах и могут быть переименованными лувийскими (Meriggi 1980, 306 вслед за Ларошем). В лув. вин.п. мн.ч. одуш.р. *u-i-da-an-za* (KUB XXXV Vs.

II 6, LTU, 46) при возможном ударении на тематическом гласном перед окончанием -á-nz (< *-ó-ns < *-ó-ms) представлена, вероятно, та же основа *wid-* < *w_ed-, что и в хеттских формах с редукцией корня (*e > *i* при нормальном развитии нередуцированного *e > лув. *a* в других случаях).

Для нескольких других древнехеттских имен существительных гетероклитического склонения характерно противопоставление собирательной формы им.-вин.п. мн.ч. ср.р. типа *ú-i-da-a-ar* 'воды' и форм косвенных падежей ед.ч., имеющих ударение или тон после суффикса -n-(t-). Имя существительное др.-хет. им.-вин.п. ед.ч. ср.р. *ud-dar* 'слово, дело', копия завещания Хаттусилиса I, III, 28, среднехеттские военные клятвы, 2, Rs. 4 (с неясным местом ударения в этой форме) получает обычно в собирательной форме конечное ударение на долгом гласном в ступени растяжения: др.-хет. им.-вин.п. мн.ч. ср.р. *ut-ta-a-ar*, древнехеттский договор с ḫabiru, KUB XXXVI 106 Rs. 5; возможна реконструкция *ud-d[a?]a?-ar?* в надписи Анитты, 33, Neu 1974, 12, 15, 40, в среднехеттских военных клятвах Oettinger 1976, 18, 8, 13; в копии завещания Хаттусилиса I несколько раз (§ 19, III 28; § 20, III, 36; § 21, III, 46-47, 49) форма без -a- может объясняться последующим притяжательным энклитическим местоимением (которое и в других случаях влияет на ударение и/или долготу): *ud-da-ar-me-it* 'слова мои'. Конечное ударение на окончании после -n- передано в др.-хет. род.п. ед.ч. *ut-ta-na-a-aš* (текст предсказаний KBo XIII 31 III 9 *ud-da-na-a-aš*, фрагмент KBo XII 15 I 4), мест.п. *ud-da-ni-i*, копия древнехеттского завещания Хаттусилиса I, KUB I 16 III 50; в нескольких текстах, относимых к началу новохеттского периода: наставления должностным лицам KBo XVI 25 III 2; Анналы Суппилулиумаса KBo XIV 1 rev. 36 и др.; отл.п. ед.ч. *ud-da-na-a-az* KBo XXI 21 rev. 5. Форма с активным суффиксом -nt- твор.п. *ud-da-an-ta* 'словом' представлена в архаической среднехеттской стихотворной молитве Кантуцилиса KUB XXX 10 Vs. 18-19'. В лувийском семантически сходное эргативное значение может иметь форма *ú-tar-ša* (4 раза написана так при одном полуразрушенном написании *ú-ta-a [r-ša]*), мн.ч. по Meriggi 1980, 282. Хеттское существительное соответствует урал. **wa/t/n* 'слово' и может быть возведено к ностратическому.

В отличие от форм *iš-ḫa-an-da*, *ú-i-ta-an-ta*, *ud-da-an-ta*, где вероятно ударение на *-ónt-o, в древнейшей мифологической части повести о Цальпе представлена акцентуационно неясная (неакцентуированная?, ср. *ud-dar*) форма твор.п. ед.ч. *ša-kan-da* 'нечистотами' (Otten 1973, 6, 18, A Vs. 2) в контексте *tup-pu-uš ša-kan-da šu-un-na-aš* 'Она наполнила горшки нечистотами'. Форма ед.ч. *ša-ak-ka* (KUB XVII 28 14-5) может интерпретироваться как не имеющая ударения на суффиксе, ударение на корне и поэтому, возможно, акцентуационно не тождественная этимологически родственному греч. *σκήρ* (ср. Puhvel 1979, 213; правильно Hart 1980, 13, примеч. 29; варианты анлаута: хет. *š-/z-*, греч. *σκ-*, др.-инд. *ś-* Бенвенист 1955, 33, объясняются ностр. *š-*: куш. *šak(ku)-* 'моча'); соотноше-

ние этого слова и хет. *šakkar* аналогично рассмотренному выше греч. ὕδωρ: др.-хет. ца-а-tar 'вода'. Конечное ударение в родительном падеже несомненно в др.-хет. *ša-ak-na-a-aš* KBo XXI 107 II 9; 882/z III 5 (Otten 1973, 17, примеч. 11), ср. *ša-ak-na-a-aš* KBo XX 33 Vs. 7.

Противопоставление собирательной формы с ударением на суффиксе в ступени растяжения др.-хет. им.-вин.п. мн.ч. ср.п. *ḫar-ša-a-ar* 'головой' (Otten-Souček 1969, 21, 36, 37, 40, Vs. I, 23, Rs. IV, 19, 20, 32; KBo XVII 7 + IBo T III 135 IV 2) и ударения на окончании в др.-хет. мест.п. ед.ч. *ḫar-ša-ni-i* (в новохеттской копии древнего текста KBo III 28 II 17; относительно возможного сравнения со ст.-лит. *širšiuš*, слав. *šoršenъ ср. *Birnbau* 1972, 150) аналогично противопоставлениям типа *ú-da-a-ar* 'воды': *u-i-te-ni-it* 'водой'; *ut-ta-a-ar* 'слова': *ud-da-ni-i* 'в слове'.

К тому же типу с огласовкой ударного корня *o, что и *wa-a-tar* 'вода', *ša-ak-kar* 'нечистоты, испражнения', может относиться и им.-вин.п. ср.п. *pa-at-tar* 'корзина' (KBo III 41 + KUB XXXI 4 Vs. 2; KBo VIII 74 I 7) при ударении или тоне на окончании в др.-хет. мест.п. ед.ч. *píd-da-ni-i*, вариант [p] *ít-ta-ni-i* (здесь и далее первый знак "pát" или pít, "pád" или píd, ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 38, Rs. IV 21) с позднейшими акцентуационными вариантами (Hart 1980, 13; Puhvel 1979, 210, там же о возможном сравнении с лат. *paterna* и греч. πατρὶς). Слово трудно отличимо от (может быть, исторически с ним связанного) пишущегося нередко точно так же (Иванов 1965, 44-45; Puhvel 1979) названия крыла им.-вин.п. ср.п. *pát-tar*, *pa-at-tar*, Bo 26 50 II 21 (Brandenstein 1943, 27; Sommer 1947, 56; Laroche 1949, 39; неверно Puhvel 1979, 212, где не учтено отражение ударения в клинописи), мест.п. ед.ч. *píd-da-ni-i* (преимущественно в хетто-лувийских ритуалах: ритуал Туннави, Goetze 1938, I 51, ритуал Аннивианис, VBoT 24, I 19 и 24, Sturtevant-Bechtel 1936, ритуал с лувийскими вкраплениями KUB IX 6 + KUB XXXV 39 I 12, I 14), отл.п. ед.ч. *píd-da-na-az* (KUB IX 6 + I 21, 36); формы род.п. мн.ч. *pít(ta)-na-aš* Bo 2650 I 13, 26 (Brandenstein 1943, 33) акцентуационно менее ясны, но на фоне других приведенных форм также могут предполагать ударение (или тон) на окончании. Основа на -r находит соответствие в др.-исл. *fjǫðr*, др.-англ. *feðer* с отражением ударности последнего слога (ср. греч. πτέρυξ 'перо' и т.п.), основа на -n- в др.-ирл. *én* и родственных кельтских формах.

Форма мест.п. *lam-ni-i* (договор с Хукканой, II 36, начало новохет. периода) свидетельствует о конечном ударении, как, возможно, и форма им.-вин.п. ед.ч. *lam-ma-ar* 'час' (ср. об этой форме Бенвенист 1955, 120).

В древнехеттском языке в качестве основы на -r выступает название 'руки' с безударным суффиксом в форме им.-вин.п. ср.п. *ki-eš-šar*, где след бывшего гетероклитического типа предполагается на основании арм. *jeř-n*, диал. *jeřan* 'рука' (Fraenkel 1953; Мсерианц 1899, 75-76), но ср. основу на -r- в лув. *iššari* < *ḡhesri, лув. иер.

istar-, мил. (лик. В) *izre* (Meriggi 1980, 204, 313, Баян 1980, 17), греч. χεῖρ, алб. *dořë*, тох. А *tsarə*, В *šarə* 'рука'. В косвенных падежах ударение или тон на окончании при огласовке корня *i* (ступень редукции, как и в лувийско-ликийском): др.-хет. мест.п. ед.ч. *ki-iš-ša-ri-i* (ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 20, I 28, ср. I 20), директив др.-хет. *ki-iš-ra-a* KBo VIII 42 Rs 4 (фрагмент, относящийся ко времени до Телепинуса, Kammenhuber 1979, 128). При наличии знака *kiš-* написание *ki-iš-* объясняется либо стремлением сохранить графический облик слова, либо особой акцентуацией (тоном). Форма тв.п. [g] *i-eš-šar-ta*, KUB XLII 97, 3, очевидно, имеет ударение на корне и окончание, сходное с формами на -n-ta от имен гетероклитического типа: соответственно др.-инд. *ḥag-ta* можно объяснить позднейшей перестройкой формы *ḡhes-ṛ-t типа др.-инд. *šak-ṛ-t*: хет. *š/zakkar/n-t* (*-t- гетероклитического типа отражено и в родственных дравидийских формах ностратического названия 'руки').

В древнехеттском отчетливо засвидетельствовано противопоставление им.-вин.п. ед.ч. ср.п. *a-i-iš(-še-it)* 'рот (его)' (ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 18, Vs. I 15, 16) с ударением или тоном на корне и безударного корня в отл.п. *iš-ša-az(-mi-it)* 'изо ртов (их)' (там же, 20, Vs. I 18), дат.п. мн.ч. *iš-ša-a-aš-ma [-aš]* 'во рты и [x]' (там же, 17, № 2 Vs. I 6, Kammenhuber 1979, 127-128), ср. директив *iš-ša-aš-ša*, трактуемый как *iššā-šša* 'в его рот' в копии древнехеттской повести о Цальпе KBo III 38 Vs. 4 (Otten 1973, 8). Можно думать, что сходные чередования в середине слова имели место и в таких основах, как др.-хет. *ša-ga-i-[i]š* 'знамение, предвестье', ритуал царской четы, Otten-Souček 1969, 36, Rs. IV 9; Weitenberg 1979, 290.

Для прояснения целого ряда спорных вопросов сравнительно-исторической индоевропейской фонетики весьма важно то, что в хеттском к именам существительным с подвижным ударением относилось др.-хет. им.-вин.п. ср.п. *te-e-kan* (< **d̥heg̃h̥m*) 'земля' (ритуал царской четы III 1; в древнехеттской молитве Солнечной богине земли KBo XVII 22 III 11 в сочетании с энклитикой: *te-e-ga-aš-še-iš* 'земля ее'), род.п. *tág-na-a-aš* (в той же молитве obv. 5, 17; с энклитикой -a: *tag-na-a-aš-ša*, KUB XLIII 23 rev. 18) отл.п. *tág-na-az* (тот же древнехеттский текст, rev. 17), дат.-мест.п. *tág-ni-i* (среднехеттская молитва Кантуцилиса, IV, 15, obv. 4; KUB XXX 11 rev. 4; ср. окситонезу в славянском: рус. *земл-ú*, Иллич-Свитыч 1963, 108: **d̥hg̃h̥em-ei*), дир.п. *tág-na-a* (ритуал царской четы, III 8; дворцовая форма *ta-ag-na-a* в Хеттских законах); неопределенный падеж (*casus indefinitus* в функции локатива с нулевым окончанием) *ta-ga-a-an* (древнехеттский текст праздника палайского бога Цапарва KBo XVII 35 III 19), прямо соответствующее тох. В *tkaṃ* < **d̥hg̃h̥om* (откуда с метатезой греч. χθών). В лувийском представлен вариант, по-видимому, со ступенью редукции гласного корня (при изменении *ḡh* > 0, ср. выше об *iššari* 'рука') и ударением на вто-

ром или третьем слоге при переходе в одуш.р.: им.п. ti-ya-am-mi-iš, вин.п. ti-ya-am-mi-in (иер. лув. dakam не обнаруживает развития *ḡh, характерного для лувийского, и поэтому должно объясняться ранними диалектными различиями или контактами).

Из других типов именных словоформ, в которых ударность косвенных падежей предполагает древнюю подвижную парадигму, следует отметить др.-хет. род.п. ед.-мн.ч. одуш.р. pa-ta-a-na 'и ног' (КВо ХХ 8 I 9), дат.п. мн.ч. pa-ta-a-aš-ša-aš 'ногам их' (древнехеттский фрагмент ритуалов хтонических божеств и обожествленных частей тела КВо XVII 15 obv. 10). Устанавливаемое на основе первой формы хет. pa-ta-a-n 'ног' тождественно этимологически греч. πῶδ-ων, др.-инд. pad-ām и соответственно написание -ta-a- может передавать ударный долгий гласный.

По-видимому, подвижное ударение в древней основе не-среднего рода на *-h- (в хеттском в конце основы исчезнувшее) представлено в др.-хет. вин.п. ha-a-aš-ša-an 'очагу' (ритуал царской четы, IV 8; KUB XLIII 28 II 4) при род.п. ha-aš-ša-a-aš (КВо XVII 15 obv. 15, 16). Но явное соединение двух обозначений тона (или долготы?) такого типа в др.-хет. ha-a-aš-ši-i (KUB XLIII 26 I 10), тождественном оск. лок. aasar 'на алтаре', заставляет взвесить две возможности: либо это написание (пока изолированное в древнехеттских текстах, где более обычно написание ha-aš-ši-i 2 Botu10β 25 и др.) представляет собой случайную комбинацию форм двух разных акцентуационных типов, либо (что кажется более вероятным) в подобных написаниях (обычно в местном падеже) отражены древние тонные соотношения (которые в хеттском, как и в балтийском и славянском, могли складываться под воздействием исчезавших ларингальных и поэтому не обязательно отражали исходные обшинеоевропейские). Аналогичная окситонированная парадигма одуш.р. на *-h- представлена в др.-инд. pānthās, род.п. pāthās 'путь' и в слав. *pъtъ, род.п. *pъtī (Иллич-Свитыч 1963, 149).

Индоевропейское название неба, в котором предполагается баритонеза в балтийском при окситонезе в славянском (Иллич-Свитыч 1963, 61), в древнехеттском представлено баритонированными формами им.-вин.п. ne-e-piš, род.п. ne-pí-ša-aš (надпись Анитты 20, 51, 56 с редукцией конечного гласного в надписи Анитты, когда ударение переносится на следующий слог: ne-pi-iš-za-aš-ta < *nēpišaš-aš-šta, Neu 1974, S.47-48, 141), отл.п. ne-e-piš-za (KUB XLIII 23 rev. 15), дир. ne-e-pí-ša (ритуал царской четы, III 3). Свидетельство надписи Анитты заставляет считать, по-видимому, более поздней форму род.п. ne-e-pí-ša-aš, хотя она и представлена в древнехеттском (ритуал царской четы, II, 4; Hart 1980, 14, считает всю парадигму баритонированной, что опровергается текстом Анитты).

I.2. Примеры баритонированных парадигм имени. Наиболее ясным древнехеттским типом баритонированных существительных является др.-хет. им.-вин.п. мн.ч. me-e-ḡur 'время' (КВо XVII 1 II 25, ср. Neu 1974, 38, примеч. 1, там же о редком варианте me-ḡu-ur), мест.п. me-e-ḡu-n[i], над-

пись Анитты 17, 19; se-e-ḡur 'моча' (возможно, от глагола saḡ- 'загрязняться', Oettinger 1979, 512, 541). Не исключено, что в обоих случаях баритонированный тип имен следует соотносить с тем, что они в древности были образованы от глаголов (maḡ-, miḡa- 'процветать, расти' и saḡ-), принадлежавших к спряжению на -ḡi, которое первоначально характеризовалось баритонезой.

II.1. Подвижная парадигма в глаголах спряжения на -mi. Чередование в древнехеттском и других анатолийских языках написаний со сдвоенным гласным в корне в ед.ч. наст. вр. (3 л. др.-хет. e-eš-zi 'есть', ú-e-ik-zi 'требует', пал. ú-e-ir-ti 'он говорит') и повел. накл. (3 л. др.-хет. e-eš-tu 'да будет', лув. a-aš-tu, пал. a-aš-du) и с несдвоенным гласным корня и сдвоенным окончанием во мн.ч. (др.-хет. a-ša-an-zi 'они суть', at-ta-a-an-zi 'они едят', копия древнехеттского текста КВо III 60 II 5; ар-ра-а-an-du 'да схватят', КВо III 1 II 39) описано достаточно подробно ранее (см. Иванов 1981, 11 и след., там же библиография и ссылки на источники) в парадигмах глаголов спряжения на -mi, в том числе и в связи с проблемой датировки хеттских текстов, содержащих подобные формы (Heinhold-Krammer 1979). В свете тех акцентуационных соотношений, которые открыты в парадигме имени, давно уже отмеченное совпадение форм типа хет. e-eš-tu : др.-инд. ástu 'да будет', хет. a-ša-an-tu : др.-инд. sán-tu 'да будут' следует интерпретировать как отражение в хеттском одновременно и древнего чередования ударения в парадигмах этого типа, и чередования полной ступени огласовки в корневом слоге под ударением и ступени редукции (хет. a в слоге, где за *e следовал шумный согласный), что согласуется и с отражением в хеттском и в древнеиндийском одинакового соотношения *ḡwhén-ti 'он бьет' : *ḡwhn-ónti 'они бьют' (Иванов 1981, 11, 110 с дальнейшей библиографией) : др.-хет. ku-e-en-zi (КВо VI 2), ku-i-en-zi ; мн.ч. ku-na-an-zi, др.-инд. hánti : ḡhánti.

II.2. Следы акцентуационного противопоставления глаголов спряжения на -mi и спряжения на -ḡi. Различие между акцентуационными парадигмами этих двух типов в хеттском языке частично стерто из-за далеко зашедшей перестройки парадигм, особенно во множественном числе, где форма 3 л. мн.ч. наст.вр. перестроена по типу спряжения на -mi. Тем не менее следы древней баритонезы можно видеть в таких архаичных глагольных парадигмах спряжения на -ḡi, как др.-хет. наст.вр. 1 л. ед.ч. me-e-ma-aḡ-ḡe 'я говорю' (ритуал царской четы, I 9, 55; III 4; 7 IV 4), me-e-ma-aḡ-ḡi (там же, I 10, II 9, III 4), 3 л. ед.ч. me-e-ma-i (KUB XXXI 143 II 12), прош.вр. 3 л. мн.ч. me-e-mi-ir (Повесть о Цальпе, A Vs. 14), 3 л. ед.ч. повел. накл. me-e-ma-ú (KUB XXX 10 Vs. 25), итератив 2 л. ед.ч. повел. накл. me-e-mi-iš-ki (ритуал царской четы, III 6), ср. греч. μέμολα, лув. 2 л. ед.ч. повел. накл. ma-am-ma-an-na (с изменением *e > лув. a), лик. mēni (Баюн 1980).

Для выявления древних следов противопоставления парадигм глаголов спряжения на -mi и на -ḡi представляет интерес форма 2 л. мн.ч. прош.вр. (и повел. накл.). В гла-

голах спряжения на *-mi* в этих формах обычно написание *-te-en* [tén] < и.-е. **-té-n* (Иванов 1981, 27-27 и след.). В значительном числе глаголов на *-mi* встречается (особенно в новохеттских текстах) написание такого же типа, объясняемое аналогическим воздействием спряжения на *-hi*. Но старые соотношения сохранены в баритонированных формах: ср.-хет. *a-ar-ten* 'достигайте!' (KUB XXIII 72 Rs. 26, 1 л. ед.ч. наст.вр. *a-ar-hi* KUB XXXI 130), *ha-an-ten* 'вы сотворили' (Oettinger 1979, 52), др.-хет. *ka-ri-ip-ten* 'жрите!' (там же, 53), др.-хет. *še-ik-ten* 'узрите!' (там же, 55), *hal-zi-iš-ten* 'позовите!' (там же, 70), *pa-iš-ten* 'приведите!' (там же, 75), ср.-хет. *pi-iš-ten* 'дайте!' (KUB XXIII 72 Rs. 36a), *ša-a-iš-ten* 'давите!' (KUB XXVI 82 9'). Еще реже засвидетельствованы древние баритонированные формы причастий наст.вр. на *-hi*: от глаголов спряжения на *-hi* ср.-хет. *ša-ak-kan-za* (1 л. ед.ч. *ša-a-ak-hi* 'знаю', KUB XXXI 127 III 30), др.-хет. *ha-mi-in-kan* 'привязанный' (также в среднехеттской стихотворной молитве Кантуцилиса, 20'-21' в строках, связанных параллелизмом: *hu-iš-ya-tar-ma-ra an-da hi-in-ga-ni ha-mi-in-kan hi-in-ga-na-ma-ra an-da hu-iš-wa-an-ni-ya ha-mi-in-kan* 'К смерти привязана жизнь, к жизни привязана смерть', 1 л. ед.ч. наст. вр. *ha-ma-an-ga-aḥ-hi*, KBo XII 96 I 20', 3 л. ед.ч. *ha-ma-an-ki*; ударение подтверждает древность спряжения этого глагола по типу на *-hi* вопреки пострсениям (Oettinger 1979, 148), *ga-la-an-kan-za* 'сочный' §к типу на *-hi* ср. Oettinger 1979, 149, слово, вероятно, родственно общиндоевропейскому названию 'молока', лат. *lao*). Некоторые глаголы спряжения на *-hi* имеют баритонированные формы причастия (по-видимому, более древние) типа *la-a-ḥu-an* (KUB XLV 47 I 16, KUB XXXV 1 10 rev. 19, ср. к восстановлению сомнения Hart 1980, 5, примеч. 10, там же, 4-5 об истории форм в хеттском) наряду с более новыми (но представленными уже в древнехеттском) *la-ḥu-a-an* (KBo XVII 15 obv. 17) по типу, характерному для спряжения на *-mi*, ср.-хет. *la-aḥ-ḥu-wa-an* (KBo XV 10 II 3) с возможной двойкой интерпретацией ударения или тонов. Формы последнего типа (с удвоением гласного и в корне, и в окончании) весьма характерны для спряжения на *-hi*, но их интерпретация в настоящее время еще не представляется вполне ясной. Проведенное Хартом (Hart 1980, 7-10) детальное исследование написаний медиопассивных форм показывает, что далеко зашедшее развитие в хеттском (по Харту, уже в общиндоевропейском) затемнило в ряде случаев первоначальные соотношения, связывавшие в древности медиопассив и спряжение на *-hi*. Но глаголы др.-хет. *ki-i-ša-ri* 'становится' (надпись Анитты, 22, 49; ритуал царской четы, IV 9; ср. *ki-iš-ḥa* 'я стал', Повесть о Цальпе, A Rs, 15), *pe-e-a-ri* 'поворачивается' (KBo III 41 Vs. 13), *e-eš-ḥa-ti* 'я уселся', *e-ša-ri* 'он садится' (надпись Анитты, 79) сохранили не только древний тип образования форм 3 л. ед.ч. наст. вр. медиопассива по типу на *-hi*, но и баритонированную парадигму ед.ч., характерную для спряжения на *-hi* в отличие от форм медиопассива, несущих ударение на окончании (Hart 1980, 8). Для глаго-

лов этого типа баритонированная парадигма подтверждается и древнеиндийскими формами (ср. др.-инд. *ās-te* и т.п.).

Несмотря на существенные преобразования хеттских глагольных парадигм, осуществившиеся на протяжении истории хеттского языка, сохранились следы более раннего противопоставления подвижной акцентуационной парадигмы спряжения на *-mi* и баритонированных форм спряжения на *-hi*, которое, по-видимому, может быть возведено к общиндоевропейскому (ср. Иванов 1981). Интерпретация соответствующих просодических признаков как ударения или как тона (последнее более вероятно при наличии двух сдвоенных написаний гласных в одной словоформе или отсутствия такого написания на всех слогах формы) в значительной степени зависит от того, можно ли допустить, что хеттские писцы усвоили предположенную И.М. Дьяконовым старовавилонскую систему обозначения тонов посредством *Pleneschreibung* гласных⁴. В последнем случае хеттский можно считать представляющим ситуацию, реконструируемую для общиндоевропейского (Дыбо 1980; Kiparsky-Halle 1977).

Принятые сокращения

- Баун 1980 - Баун Л.С. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописменной истории (на материале мильской исторической грамматики). - Вестник древней истории, 1980, № 2, с. 11-28.
- Бенвенист 1955 - Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. Пер. с фр. М., 1955.
- Дыбо 1980 - Дыбо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 91-150.
- Иванов 1957 - Иванов В.В. Древнеиндийское *asram* 'слеза, кровь' и хеттское *ešḥaḥḥu* 'слезы'. - В кн.: Этимологические исследования в честь на Стефан Младенов. София, 1957.
- Иванов 1965 - Иванов В.В. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1980 - Иванов В.В. Вино. - В кн.: Мифы народов мира, т. 1. А-К. М., 1980, с. 236-237.
- Иванов 1980а - Иванов В.В. Праязыки как объекты описания в издании "Языки мира". - В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 181-207.
- Иванов 1980б - Иванов В.В. О структуре в гомеровском греческом текстах, описывающих психические состояния. - В кн.: Структура текста. М., 1980.
- Иванов 1981 - Иванов В.В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Иллич-Свитыч 1963 - Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Мсерианц 1899 - Мсерианц Л. Этюды по армянской диалектологии,

⁴ Автор признателен В.А. Дыбо, С.А. Старостину и другим участникам Семинара им. В.М. Иллич-Свитыча за высказанные ими при обсуждении работы замечания и И.М. Дьяконову за изложение его гипотезы. Содержание доклада Kimball 1981 автору было неизвестно.

- ч. I. - Учен. зап. Московского университета. Отдел историко-филологический, вып. 24. М., 1899.
- Топоров 1975, I - Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М., 1975.
- Birnbaum 1972 - Birnbaum H. Indo-European nominal formations submerged in Slavic. - In: The Slavic word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA, ed. by D.S. Worth. The Hague-Paris, 1972, p. 142-168.
- Brandenstein 1943 - Brandenstein G. Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen. Berlin, 1943.
- Burde 1974 - Burde C. Hethitische medizinische Texte (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 19). Wiesbaden, 1974.
- Eckert 1963 - Eckert R. Reste indoeuropäischer heteroklitischer Nominalstämme im Slawischen und Baltischen. - Zeitschrift für Slawistik, 1963, Bd. VIII, S. 878-892.
- Endzelins 1951 - Endzelins J. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Fraenkel 1953 - Fraenkel E. Morphologisches und Etymologisches. - Lingua posnaniensis, 1953, IV, S. 93-108.
- Goetze 1938 - Goetze A. The Hittite ritual of Tunlawi. New Haven, 1938.
- Güterbock 1952 - Güterbock H.G. The Song of Ullikummi. - Journal of Cuneiform Studies, 1952, vol. VI, N 1.
- Hamp 1972 - Hamp E. Latin *lacrima*, *lacruma* and Indo-European 'tear'. - Glotta, 1972, t. 50, p. 291-299.
- Hart 1980 - Hart G.R. Some observations on plene-writing in Hittite. - Bulletin of the School of Africal and Oriental Studies, London, 1980, p. 2-17.
- Heinhold-Krahmer et al. 1979 - Heinhold-Krahmer S., Hoffmann I., Kammenhuber A., Mauer G. Probleme der Textdatierung in der Hethitologie. (Beiträge zur umstrittenen Datierung für Texte des 15. bis 13. Jahrhunderts v. Chr.). Heidelberg, 1979.
- Kammenhuber 1979 - Kammenhuber A. Direktiv, Terminativ und/oder Lokativ im Hethitischen. - In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 115-142.
- Kimball 1981 - Kimball S.E. Plene writing in Hittite (1981 Linguistic Society of America Annual Meeting, 28 December).
- Kiparsky 1973 - Kiparsky P. The inflectional accent in Indo-European. - Language, 1973, vol. 49, N 4, p. 794-849.
- Kiparsky-Halle 1977 - Kiparsky P., Halle M. Towards a reconstruction of the Indo-European accent. - In: Studies in stress and accent (Southern California Occasional papers in linguistics, 4), 77, p. 209-238.
- Laroche 1949 - Laroche E. Hittitica. - Revue de philologie, 1949, t. XXIII, fasc. 1.
- Meriggi 1980 - Meriggi P. Schizzo grammaticale dell'anatolico. - Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Anno CCCLXXVII. - 1980, Memorie, Classe di Scienze morale, storiche e filologiche, ser. VIII, vol. XXIV, fasc. 3, p. 243-409.
- Neu 1974 - Neu E. Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 18). Wiesbaden, 1974.
- Neu 1979 - Neu E. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. - In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 177-196.
- Oettinger 1976 - Oettinger N. Die Militärischen Eide der Hethiter (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 22), Wiesbaden, 1976.
- Oettinger 1979 - Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, Bd. 64). Nürnberg, 1979.

- Otten 1950 - Otten H. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950.
- Otten 1973 - Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 18). Wiesbaden, 1973.
- Otten-Souček 1969 - Otten H., Souček V. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar. (Studien zu den Boğazköy-Texten, H. 8). Wiesbaden, 1969.
- Puhvel 1979 - Puhvel J. Hittite words with initial *pít/pát* sign. - In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, p. 209-217.
- Sommer 1947 - Sommer F. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
- Sommer-Falkenstein 1938 - Sommer F., Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I. (Labarna II). München, 1938.
- Sturtevant-Bechtel 1935 - Sturtevant E.H., Bechtel G. A Hittite chrestomathy. Philadelphia, 1935.
- Weitenberg 1979 - Weitenberg J.J.S. Einige Bemerkungen zu den hethitischen Diphthong-Stämmen. - Hethitisches und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 289-303.

В.А. ДЫБЮ

ПРАСЛАВЯНСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ В ПРЕЗЕНСЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ С КОРНЯМИ НА НЕШУМНЫЕ (материалы к реконструкции)

I. Реконструированное распределение в целом. Замечания по классификации и реконструкции глагольных классов. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презентов I группы.

0. В целях акцентологической реконструкции тематические глаголы¹ делятся на два класса: 1) класс основ с корнями, оканчивающимися на гласные, дифтонги или сонанты (включая *v*), иначе говоря, класс основ с корнями, оканчивающимися на шумные согласные. Первый класс естественно делится на две группы: I группа - корни на плавный и носовой, II группа включает все остальные типы (гласные, *j*, *v*). В каждой группе глаголы распределяются на две подгруппы (А, В) по отсутствию или наличию аористой инфинитивной основы на *-a*⁻². Ниже дается реконструкция распределения акцентных типов в 1-м акцентологическом классе презентных основ и приводится доказывающий ее материал.

¹ Под тематическими глаголами понимаются глаголы с презентными основами на *-e-*, *-je-*, *-ne-*.

² По характеру отношения между презентной и аористой основами корень *gov-* в качестве исключения к основному принципу деления на группы включается в группу I В.

Таблица 1

Презентные основы тематических глаголов с корнями на *нцумный*

а.п.	а	б	с
Группа I (Подгруппа А: глаголы без основы на -а-)	-	1. <i>zbr(j)ǫ, zbr(j)eto</i>	1. <i>zbrǫ, zbrǣto</i>
	-	2. <i>tbr(j)ǫ, tbr(j)eto</i>	2. <i>stbrǫ, stbrǣto</i>
	-	3. <i>zbn(j)ǫ, zbn(j)eto</i>	3. <i>pbrǫ, pbrǣto</i>
	-	4. <i>mbnǫ, mbneto</i>	4. <i>dbrǫ, dbrǣto</i>
	-	5. <i>dmǫ, dmeto</i>	5. <i>skvbrǫ, skvbrǣto</i>
	-	6. <i>zbnǫ, zbneto</i>	6. <i>mbrǫ, mbrǣto</i>
	-	7. <i>jbnǫ, jbneto</i>	7. <i>pbnǫ, pbneto</i>
	-	8. <i>-zbnǫ, -zbneto</i>	8. <i>tbnǫ, tbneto</i>
	-	9. <i>melǫ, mǣljetto</i>	9. <i>klbnǫ, klbnǣto</i>
	-	10. <i>kolǫ, kǣljetto</i>	
	-	11. <i>borǫ, bǣrjetto</i>	
	-	12. <i>polǫ, pǣljetto (1)</i>	
	-	13. <i>polǫ, pǣljetto (2)</i>	
	-	14. <i>porǫ, pǣrjetto</i>	
Группа I (Подгруппа В: глаголы с инфинитивной основой на -а-)	-	1. <i>zlvǫ, zlvǣto</i>	1. <i>zovǫ, zovǣto</i>
	-	2. <i>ser(j)ǫ, sǣr(j)eto</i>	2. <i>zǣrǫ, zǣrǣto</i>
	-	3. <i>stenǫ, stǣnjetto</i>	3. <i>pǣrǫ, pǣrǣto (1)</i>
	-	4. <i>stelǫ, stǣljetto</i>	4. <i>pǣrǫ, pǣrǣto (2)</i>
	-	5. <i>-jemǫ, -jǣmjetto</i>	5. <i>dǣrǫ, dǣrǣto</i>
	-	6. <i>golǫ, gǣlǫ, golǫ, gǣlǫ, golǫ, gǣlǫ</i>	6. <i>bǣrǫ, bǣrǣto</i>
	-	7. <i>*zǣnǫ, *zǣnetto</i>	7. <i>ǫr(j)ǫ, or(j)eto</i>
	-	-	8. <i>jǣmǫ, jǣmǣto</i>
Группа II (Подгруппа А: глаголы без основы на -а-)	1. <i>bǣlǫ, bǣlǣto</i>	-	1. <i>lǣlǫ, lǣlǣto</i>
	2. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>	-	2. <i>gnǣlǫ, gnǣlǣto</i>
	3. <i>-zǣlǫ, -zǣlǣto</i>	-	3. <i>vǣlǫ, vǣlǣto</i>
	4. <i>brǣlǫ, brǣlǣto</i>	-	4. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>
	5. <i>mǣlǫ, mǣlǣto</i>	-	5. <i>tǣlǫ, tǣlǣto</i>
	6. <i>krǣlǫ, krǣlǣto</i>	-	6. <i>vǣlǫ, vǣlǣto</i>
	7. <i>nǣlǫ, nǣlǣto</i>	-	7. <i>*rǣlǫ, *rǣlǣto</i>
	8. <i>*rǣlǫ, *rǣlǣto</i>	-	8. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>
	9. <i>dǣlǫ, dǣlǣto</i>	-	9. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
	10. <i>-ǣlǫ, -ǣlǣto</i>	-	<i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
	11. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>	-	10. <i>rǣlǫ, rǣlǣto</i>
	12. <i>grǣlǫ, grǣlǣto</i>	-	11. <i>slǣlǫ, slǣlǣto</i>
	13. <i>spǣlǫ, spǣlǣto</i>	-	12. <i>plǣlǫ, plǣlǣto</i>
	14. <i>sǣlǫ, sǣlǣto</i>	-	13. <i>trǣlǫ, trǣlǣto</i>
	15. <i>svmǣlǫ, svmǣlǣto</i>	-	14. <i>rǣlǫ, rǣlǣto</i>
	16. <i>vǣlǫ, vǣlǣto</i>	-	15. <i>kǣlǫ, kǣlǣto</i>
	17. <i>zbrǣlǫ, zbrǣlǣto</i>	-	16. <i>snǣlǫ, snǣlǣto</i>
	18. <i>znǣlǫ, znǣlǣto</i>	-	17. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
-	-	18. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>	

Таблица 1 (окончание)

а.п.	а	б	с
Группа II (Подгруппа В: глаголы с инфинитивной основой на -а-)	1. <i>plǣlǫ, plǣlǣto</i>	-	1. <i>rǣlǫ, rǣlǣto</i>
	2. <i>sǣlǫ, sǣlǣto</i>	-	2. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
	3. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>	-	3. <i>blǣlǫ, blǣlǣto</i>
	4. <i>brǣlǫ, brǣlǣto</i>	-	4. <i>klǣlǫ, klǣlǣto</i>
	5. <i>sǣlǫ, sǣlǣto</i>	-	5. <i>kǣlǫ, kǣlǣto</i>
	6. <i>rǣlǫ, rǣlǣto</i>	-	6. <i>trǣlǫ, trǣlǣto</i>
	7. <i>vǣlǫ, vǣlǣto</i>	-	7. <i>snǣlǫ, snǣlǣto</i>
	8. <i>sǣlǫ, sǣlǣto</i>	-	8. <i>lǣlǫ, lǣlǣto</i>
	9. <i>grǣlǫ, grǣlǣto</i>	-	9. <i>smǣlǫ, smǣlǣto</i>
	10. <i>spǣlǫ, spǣlǣto</i>	-	10. <i>blǣlǫ, blǣlǣto</i>
	11. <i>tǣlǫ, tǣlǣto</i>	-	11. <i>dǣlǫ, dǣlǣto</i>
	12. <i>lǣlǫ, lǣlǣto</i>	-	12. <i>dǣlǫ, dǣlǣto</i>
	13. <i>tǣlǫ, tǣlǣto</i>	-	13. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
	14. <i>bǣlǫ, bǣlǣto</i>	-	14. <i>trǣlǫ, trǣlǣto</i>
	15. <i>kǣlǫ, kǣlǣto</i>	-	15. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>
	16. <i>*stǣlǫ, *stǣlǣto</i>	-	16. <i>mǣlǫ, mǣlǣto</i>
Глаголы на -не- с корнями на гласные и сонанты	1. <i>dǣlǫ, dǣlǣto</i>	-	1. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>
	2. <i>zǣlǫ, zǣlǣto</i>	-	2. <i>mǣlǫ, mǣlǣto</i>
	3. <i>rǣlǫ, rǣlǣto</i>	-	3. <i>vǣlǫ, vǣlǣto</i>
	4. <i>plǣlǫ, plǣlǣto</i>	-	4. <i>lǣlǫ, lǣlǣto</i>
	5. <i>sǣlǫ, sǣlǣto</i>	-	5. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>
	6. <i>lǣlǫ, lǣlǣto</i>	-	6. <i>plǣlǫ, plǣlǣto</i>
	7. <i>pǣlǫ, pǣlǣto</i>	-	7. <i>mǣlǫ, mǣlǣto</i>

1. Парные презентные основы от одного и того же корня, праславянский характер которых не может быть отвергнут на достаточных основаниях, располагаются по подразделениям А и В в соответствии с закономерностью, реликтивно сохранившейся в старославянском и в той или иной мере прослеживаемой в других славянских языках: презентная основа с нулевой ступенью огласовки корня сопряжена с простой аористной (инфинитивной) основой, содержащей корень в полной ступени огласовки, презентная основа с полной ступенью огласовки корня сопряжена с аористной (инфинитивной) основой, имеющей формант -а- и нулевую ступень огласовки корня. Ср.:

- ст.-сл. 1. жьрѣ - жьрѣти
(*< *zbrǫ - *zerti*)
2. дьрѣ - дьрѣти
(*< *dbrǫ - *derti*)

жьрѣ - жьрати
(*< *zǣrǫ - *zbrati*)
дьрѣ - дьрати
(*< *dǣrǫ - *dbrati*)

3. имж - имати
(*< *jɔmɔ - *jemti*)
4. линж - лити
(*< *liɔɔ - *lɛɔti*)
5. -тровж - троути
(*< *trɔvɔ - *trɔvɔti*)
- словен. 6. *kovem - kuti* (диал. Plet.)
(*< *kɔvɔ - *kɔvɔti*)

- кмлж - имати
(*< *jemɔ - *jomati*)
- лбж - лимати
(*< *lɛɔ - *lvɔti*)
- словен. *trújem - trováti*
(*< *trɔvɔ - *trɔvɔti*)
- kújem - kováti*
(*< *kɔvɔ - *kɔvɔti*)

В ряде случаев, где старое распределение в значительной степени разрушено, оно восстанавливается следующим образом:

1.A: praes. *rɔvɔ [др.-русс. рѣвоу, совр. *реу*, укр. (*i*)*реу*; ст.-слав. praes. рѣве- (в ц.-слав. памятниках); схрв. *рѣм се* 'бороться', чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) *Рѣм, Ерѣм, Оберѣм* (Гр. 190); словен. диал. *rvem* (Plet.); др.-чешск. *rvu se* (*rvau se* 3 Pl., Dačický Prostopr., до 1626 г.), чешск. *rvu(se)*, словацк. (зап.) *rvem*, (сотацк.) *urvu*, (вост.) *urvet*, польск. *rwę*, кашуб. *rva, rveš*; в.-луж. *rwu*, н.-луж. *rwu, rwjoš*].

~ inf. *rutí [словен. диал. *rúti*; чешск. диал. *routi*, со специализированным значением 'рвать волосы', словацк. диал. *rut'sa*; н.-луж. *ruš/ruš* - контаминация с основой *ryti].

B: praes. *rujɔ [словен. *rujem*; др.-чешск. *ruju (se)* (*obrude Kladr.*, 2 пол. XV в.; *se ... zrugí Hus. Post.*, 1414 г.), чешск. *rují*, в совр. языке значение 'рвать волосы', словацк. *rujem sa*; н.-луж. *ruju/ruju* - контаминация с основой *ryti].

~ inf. *rvavati [др.-русс. рѣвати, совр. *рвать*, укр. (*i*)*рѣвати*; ст.-слав. *рѣвати се* 'бороться', чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) [*Рѣ*] *вати* (Гр. 84¹); словен. *rváti*; др.-чешск. *rváti* (*wyrvaty Kruml.*, 1 четв. XV в. до 1418 г.), совр. чешск. *rváti*, словацк. диал. (зап.) *řvat*, (вост.) *urvas*, словацк. *rvavá* (под влиянием презентной основы); польск. *rwac*, кашубск. *rwac*, в.-луж. *rwac*, н.-луж. *rwacš*].

Обычное игнорирование презентной основы **ruje-* явно ошибочно: она не может быть объяснена как вторичная. Единственно возможный путь сведения всего многообразия форм от корня 'рвать', прослеживаемых в славянских языках, к одному глагольному слову - это реконструкция, построенная на двух основах, не сводимых друг к другу на уровне позднепраславянской морфологии: презентная основа **ruje-* ~ аористная (инфинитивная) основа **rɔva-*. В этом случае през. основа **rɔve-* и, соответственно, аор. (инф.) основа **ru-* объясняются как результат аналогии (см. так Machek ESJČaS, s. 429 и 424, s.v. *rváti* и *routi*). Однако это объяснение маловероятно, так как предполагает идущий повсеместно в славянских языках процесс аналогического построения тематических основ явно непродуктивной модели, причем исключительно в рассматриваемой замкнутой группе глаголов. При желании считаться с фактом отражения през. основы **rɔve-* во всех славянских языках как свидетельством ее праславянской древности неизбежно возникает проблема реконструкции к ней аористной

(инфинитивной) основы, которая естественно совпадает с соответствующими западнославянскими и словенскими формами, обычно рассматриваемыми как вторичные.

2.A: praes. *snovɔ [ст.-слав. praes. *снове-* в памятниках ц.-слав. редакции; *сноветь* Нав. VI 25 по сп. XIV в.; *основеть* Петр. 1, V, 10 Апост. XIV в.; болг. *сновѣ*; схрв. диал. (кос.-метох.) *snovem*; чешск. *snovu*, *snoveš*; кашуб. *snová, snoveš*].

~ inf. *snuti [русс. ц.-слав. *сноути*; укр. (Желеховский) *снүти*; словен. диал. *snúti* (Plet.); чешск. *snouti*; словацк. *snut'*; польск. *snuc*; кашуб. *sněc*; н.-луж. *snucš*].

B: praes. *snujɔ [др.-русс. (Чуд.) *осноум* (без ударения, 86¹), совр. *снуб*; укр. *снуб*, *снубш*; схрв. *снүжам*; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) *Снѣjem* (Гр. 191); словен. *snújem*; др.-чешск. *snuju* (*ofsnugi Tkadl.*, сер. XV в.); чешск. *snuji*; словацк. *snujem*; польск. *snuję się*; кашуб. *sněja, sněješ; snija, sniješ*; н.-луж. *snuju, snujoš*].

~ inf. *snovati [др.-русс. *сновати*, совр. *сновать*; укр. *снувати* (вокализм под влиянием основы презенса), диал. (Желеховский) *сновати*; ст.-сл. основа-, в сущ. *основание*, аор. *основа*; схрв. *снѣвати*; чак.-кайк. XVII в. *Сновати* (Гр., 85²); словен. *snováti*; чеш. *snovati*; словацк. *snovat'*; польск. *snować się*; кашуб. *snovac*; в.-луж. *snowac*; н.-луж. *snowacš*].

3. A: praes. *žvɔ [русс. диал. *жѡу, жѡеш*; ст.-слав. *жѡе-* в памятниках церк.-слав. редакции; болг. диал. (Wysoka) *žѡа, žѡeš*, (Suche) *žѡem*; схрв. чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) *Жѡem* (Гр. 84¹); др.-чешск. *žvu* (Dra-chovskoy, 1660 г.), *rovežvi* (imper., ApatFr., около 1500 г.); польск. *żwę, żwiesz*; кашуб. *žva, žveš*; в.-луж. *žvu*].

~ inf. *žuti [укр. *жүти*; др.-чешск. *žúti, žíti* (*roz-žiti HusPost*, 1414 г.); словацк. *žut'*; польск. *żuc*; в.-луж. диал. *žuc*; н.-луж. *žucš*].

B: praes. *žujɔ [русс. *жуб*, юго-западнорусс. XVI-XVII вв. *жѡ* (Гр. н 4а); укр. *жуб*, *жубш*; ст.-слав. *жѡумь* (Иоанн Экзарх); др.-чешск. *žuju* (*žije Hlah. Prov.*, 1416 г., *zzyge Ol.*, 1417 г., *žige Lék B*, 1440 г.), словацк. *žujem*; польск. *żuję*; в.-луж. *žuju*; н.-луж. *žuju* и *žujom, žujoš*].

~ inf. *žovati [русс. *жѡать*; укр. *жувати* - огласовка под влиянием презенса; ст.-слав. *жѡвати* (в памятниках ц.-слав. редакции, например, в Болонской псалтири); схрв. чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) [*Жѡ*] *вати* (Гр. 84¹); др.-чешск. *žvati* (*zvaty Mast.*, сер. XIV в.), словацк. *žuvat'* вокализм корня под влиянием презентной основы; польск. *żwad*; кашуб. *žvac*; в.-луж. *žwadš*].

Исходя из указанной аблаутной закономерности, к подразделению А следует отнести и засвидетельствованную в Болонской псалтири презентную форму *жѡумь*, которую в этом случае придется рассматривать как архаизм, вытесненный в большинстве диалектов праславянского языка основной **žve-*.

Из-за единичности данных сомнительно восстановление праслав. *kljɔvɔ ~ *kljuti (ср. ср.-болг. *кльѡж*, болг. *кльѡ*) и *bljɔvɔ ~ *bljuti (ср. словацк. зап. *blvem*) в

соотношение к нормально реконструируемым *kljujq ~ *kljvati и *bljujq ~ *bljvati. Наличие или отсутствие в реконструируемой системе этих глагольных слов существенно не влияет на акцентологическую реконструкцию и ее анализ, поэтому ниже они не рассматриваются.

Презентные основы *grěje-, *spěje-, *sěje- и, вероятно, *věje- были связаны в праславянском, по-видимому, с двумя типами аористных (инфинитивных) основ: *grě- и *grěja-, *spě- и *spěja-, *sě- и *sěja-, *vě- и *věja- (ср. состояние в старославянском) - и, следовательно, образовывали два ряда глагольных слов с соответствующими различиями в значениях. Каких-либо акцентологических отличий в зависимости от вхождения в тот или иной ряд в данной группе презентных основ проследить не удается (ср. *znājq - а.п. а и -znājq - а.п. в), поэтому условно принимается, что они относились к одной и той же акцентной парадигме.

К одному и тому же акцентному типу относились, по-видимому, и глаголы *brijg ~ *briti и *brějq ~ *brvjati, восстанавливаемые на основании соответствующих рефлексов согласно с указанной выше аблаутной закономерностью. Из-за трудности разделения рефлексов презентных основ *brěje- и *brije- в южнославянских языках реконструкция их а.п. дается в одной словарной статье.

2. Презентные основы группы I (подгруппы А и В) в зависимости от типа корневого гласного: краткие о и е, с одной стороны, и сверхкраткие ъ и ѵ, с другой, - претерпевали в истории отдельных славянских языков различные акцентуационные преобразования и в силу этого используемый для реконструкции первоначального состава и распределения акцентных типов в этой группе материал удобнее всего расположить по типу корневого гласного.

а) Глаголы группы I с гласными о и е в корне. Акцентная кривая а.п. б в этой группе презентных, по-видимому, лучше всего сохранилась в современной русской их акцентровке, что подтверждается показаниями остальных восточнославянских языков и согласуется с аналогичной акцентной кривой в других группах глаголов, для которых восточнославянские показания поддерживаются старосербскими материалами и реликтовыми данными современного сербо-хорватского языка и его диалектов. Конечному ударению формы 1 л. ед.ч. в ней соответствует накоренное ударение всех других форм, интонационно проявляющееся в праславянском как "новый акцент краткостей". К известным материалам, обеспечивающим реконструкцию этого праславянского акцента, в последнее время добавились данные древнерусского языка XIV в. из "Мерила праведного", где закрытое ђ, выступающее в слогах под этим ударением, записывается при помощи буквы ѡ: *закълеть* 121а, 122а, *бърютѡ* 326, 336 (см. Зализняк, с. 117). Таким образом, непосредственное сравнение приводит к следующей реконструкции акцентной кривой а.п. б: sg. 1. *koljǫ, *zakoljǫ, 2. *kǫlješi, *zakǫlješi, 3. *kǫljeto, *zakǫljeto; pl. 1. *kǫljemo, *zakǫljemo, 2. *kǫljete, *zakǫljete, 3. *kǫljeto, *zakǫljeto и т.д.

В этой реконструкции имеется момент неопределенности, который связан с позицией нового акута по отношению к просодической характеристике следующего слога. Новоактутое ударение в а.п. б, если исключить позиции перед слабыми сверхкраткими, обнаруживается лишь в тех формах, в которых за ударным слогом в штокавском диалекте (нормативном) следует слог с долгим гласным. В формах же, в которых в данной позиции выступает краткий (первичный или сокращенный), ударение перемещается на следующий слог, т.е. на указанный краткий гласный. Это хорошо видно при рассмотрении полной парадигмы глагола: praes.: Sg. 1. mǫgu (< *mogǫ), 2. mǫžěš, 3. mǫžě, pl. 1. mǫžemo, 2. mǫžete, 3. mǫgū; aor.: sg. 1. mǫgoh (< *mogǫh), 2-3. mǫže (< *možě), pl. 1. mǫgosmo (< *mogǫsmo), 2. mǫgoste (< *mogǫste), 3. mǫgoše (< *mogǫše) и т.д.

Таким образом, акцентные контуры акцентной кривой а.п. б явно дополнительно распределены по отношению к количеству следующего за корневым слогом гласного. Долгота форманта -i- в презенсе i-глаголов, очевидно, праславянского (или балто-славянского) происхождения и связана с просодической характеристикой этого гласного. То же можно сказать и об -ǫ- 3 л. мн.ч. тематических глаголов. Однако долгота тематического -e-, хотя и имеются определенные данные в пользу ее праславянского характера (см. Stang 117-118), плохо укладывается в схемы праславянского вокализма, которые выводятся из индоевропейского сравнения. Создается впечатление, что она сама введена, чтобы мотивировать акцентную кривую, и, возможно, довольно поздно. Иначе говоря, если в i-глаголах форма акцентной кривой мотивирована распределением просодических характеристик следующего за корнем слога (проявляющегося в штокавском как распределение количеств), то в рассматриваемых ниже группах глаголов распределение штокавских количеств в слоге, следующем за корнем, не удается убедительно объяснить внешними по отношению к акцентной кривой факторами и приходится считать так же, как и саму кривую, результатом аналогического воздействия акцентной кривой и соответствующего ей распределения количеств i-глаголов, класса достаточно мощного, чтобы такое воздействие осуществилось.

Но именно такое решение приводит к неопределенности как относительно времени преобразования первичной формы акцентной кривой а.п. б этой группы глаголов, так и относительно полноты охвата этим преобразованием всех глаголов, входящих в рассматриваемые морфологические группы. В этой связи, возможно, например, что акцентровка praes.: sg. 1. đǫu, 2. đǫeš, 3. đǫē; pl. 1. đǫemo, 2. đǫete, 3. đǫū - в поцерском диалекте (Moskovljević, JФ VII, 42) почти непосредственно восходит к первичной акцентной кривой а.п. б тематических глаголов, сохраненной в условиях высокой частотности этого глагольного слова (предполагать лишь вторичное введение долготы в окончание 3 sg. и изменения акцента в нем). В этом случае другие формы акцентной кривой этого глагола, отме-

чаемые в схрв.³, можно рассматривать как результат ее частичного или полного преобразования под влиянием обычной акцентной кривой, восходящей в конечном счете к акцентной кривой а.п. *b* *i*-глаголов. С другой стороны, не исключено, что многочисленные факты перехода глаголов а.п. *b* группы I В в а.п. *e* объясняются более длительным сохранением у глаголов этой группы первичной акцентной кривой а.п. *b* и дальнейшим совпадением ее с акцентной кривой а.п. *e*. По-видимому, только дальнейшее исследование старосербских акцентированных текстов способно прояснить эту проблему⁴.

Акцентная кривая а.п. *e* в этой группе презенсов в своих характерных чертах сохранилась в ряде древнерусских памятников, в среднеболгарских текстах и в штокавских текстах XV в.:

1. др.-серб. (Ев.-апр. № 7364) *й сь|бероу* 189а ~ *й сьбероуть* 83а, *й сьбероутьсе* 235б; ср. др.-русс. *сбереш* (Чуд. 105⁴); ср.-болг. (зап.) *й сьбереть* (Ис. Сир. 93б), (вост.) *сьбереть* (Ев. Григ. 256а).

2. др.-русс. *призовѣ тѣ* (Пс. № 62, 108б), *при|зовѣ тѣ* (ib., 147б) ~ *і про|зовѣши* (Чуд. 25⁴), *зовѣтъ* (ib.,

³ См.: *Gustavsson S. Accent paradigms of the present tense in South Slavonic. East and central South Slavonic. Stockholm, 1969, p. 87-95.*

⁴ Исследованные в настоящее время тексты, относящиеся к восточносербской области, сохраняют акцентную кривую а.п. *b* у *i*-глаголов и у тематических глаголов *мо|гоу* и *хо|щюу*. В Ев.-апр. № 7364 (I четверть XV в.) она представлена в следующем виде: а) тематические глаголы: 1. *мо|гоу* 280б, не *мо|гоу* 12а, 171б, 198б, не *мо|гоу* 186б, *мо|гоу* 268б, не *мо|гоу* 267б, не *мо|гоу* 271б ~ *мо|жеши* ме 153а, *мо|жесть* 17б, 70б, 117б, 119а, 135а, *bis*, 155б, не *мо|жесть* 119а, *тег*, 135а, 286а, 286б, 292б, 294б; *мо|жете* 153б, не *мо|жете* 271а, *мо|жевь* 97а, 2. *хо|щюу* 73б, 96б, 109б, 169б, 248б, 278б, *хо|щюу* 149б, не *хо|щюу* 98а, *хо|щюу* 49а ~ *хо|щеши* 97а, 145а, *хо|щеши* 153а, *хо|щеши* 140б, не *хо|щеши* 109б, *хо|щеши* ли 82а; *хо|щеть* 97б, *bis*, 154а, 286б, 292б; *хо|щете* 156б, 263б, 264б, 284а, 291а, 293б, 302а, *bis*, *хо|щете* 291а, *хо|ще|те* 284б, *хо|щете* ли 293б, 298б; *хо|щета* 116б; б) *i*-глаголы: 1. *лю|блю* 45а, 273а, *лю|блю* те 48б, 109а, *тег*, 169а, *bis*, 222а, *bis*, 314а, 314б, *лю|блю|те* 48б, 169б ~ *лю|би|ши* ли ме 314а; *лю|бить* 162а, *лю|бит* ме 272б; *лю|бите* 271а, *bis*, *лю|бите* ме 272а; *лю|бет* 156б, *лю|бет* же 126б; 2. *про|шуу* 392а ~ *про|сить* 238б, *про|сите* 141б, 272а, *bis*, *про|сита* 95б; 3. *мо|лю* 44а, 277б, *bis*, 278а, не *мо|лю* 278а, *мо|лю* 44а, *мо|лю* те 170б, 198б, *мо|лю* ти се 174а (другие формы презенса от этого глагола не отмечены); 4. *тре|плюу* 103б, *тре|плюу* 92б, *тре|плюу* *ны* 251а (другие формы не отмечены); 5. *из|гноу* 76б, *bis*, 172б, *из|гноу* 172б, *из|гноу* 182а ~ *из|гони|ши* *ны* 80б; *из|гонит* 90а, *из|гонит* 118б; *из|гонеть* 76б, 172б; 6. *при|хожюу* 182а ~ *при|х|дидити* 122а, *при|х|дидити* 94б; *при|х|дидеть* 187б; 7. *из|вождюу* 299а (другие формы не отмечены).

26³), *про|зовѣтъ* (ib., 26³); ср.-болг. (макед.?) *при|зовѣ* (О письм. 60а), *й при|зовѣ* (ib., 60а, *bis*), *зо|вѣши* (ib., 58а); ср.-др.-серб. (Ев.-апр. № 7364) *зо|вѣтъ* те 140б, *зо|вѣте* 158а, не *зо|вѣте* 126б.

Интонационный характер начального ударения формы 1 sg. этой группы устанавливается на основании открытого *o* под ударением в памятниках камерной орфографии, ср. *въз|вѣ* (Псалт. 74а, Васильев 47). Для характеристики акцентуационного поведения формы 1 sg. как формы-энклиномена в памятниках с отражением закона Васильева-Долобо ср.: *въз|зовѣ же* (Толк. пс. 88б). Конечное ударение остальных форм презенса подтверждается многочисленными показаниями восточнославянских и южнославянских языков, из которых наиболее информативны данные чакавского диалекта и словенского языка, сохраняющих восходящий долготный характер ударения форм 3 pl.: чак. (Нови) *perú*, словен. *peró*; в других лицах устанавливается краткое ударение, неотличимое от "нового акута краткостей". Таким образом, внешнее сравнение приводит к следующей реконструкции акцентной кривой а.п. *e*: sg. 1. *bè-rg*, *sòberg*; 2. *berèši*, *sòberèši*, 3. *berètò*, *sòberètò* (< *beretò, *sòberetò); pl. 1. *berèmp*, *sòberèmp* (< *beremò, *sòberemò), 2. *beretè*, *sòberetè*, 3. *berètv*, *sòberètv* (< *beretv, *sòberetv).

За исключением штокавского диалекта сербско-хорватского языка и ряда западноболгарских диалектов, старое распределение акцентных типов в презенсе этой группы глаголов представлено во всех восточно- и южнославянских языках с разноместным ударением. Однако наблюдается различие в степени устойчивости а.п. *b* в зависимости от вхождения основы в подразделение А или В.

Акцентная парадигма *b*

I А: 1. *mèljǫ, *mèljeto [русс. *мелью*, *мелешь*, юго-западнорусск. XVI-XVII в. *мельють* (Лекс. Зиз. 46², ПБер. 37¹), укр. *мелью*, *мелеш*; болг. *меля*, *мелеш*, диал. (банат.) *mèla*, *mèlish*, (Wysoka) *mèla*, *mèliš*; чак. (Нови) *mèljǫn*; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) *мѣльем* (Гр. 83¹, 90¹, 215); сев.-кайк. (Бедня) *màljam*; словен. *mèljem* (*è* < **-è-*)].

2. *kòljǫ, *kòljeto [русс. *колю*, *колешь*, диал. (ряз.) *кòлешь* (см. Васильев 46, 77); укр. *колю*, *колеш*; болг. диал. (банат.) *kòla*, *kòlesh* (в болг. литерат. переход в *i*-спряжение с сохранением акц. типа: *коля*, *колиш*, ср. также Wysoka *kòla(m)*, *kòliš*); чак. (Нови) *kòljǫn*; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) *Кольем* (Гр. 201), *Закольем* (Гр. 201); сев.-кайк. (Бедня) *kèljam*, юж.-кайк. (Требарево) *zakòlu* (3 pl., Zb. 3, 212⁷); словен. *kòljem* (*ǫ* < **-ò-*). Ср. также чешск. *kàlesh*, по-видимому, с рефлексом "нового акута краткостей"].

3. *bòrjǫ, *bòrjeto [русс. *борюсь*, *бóрешья*, др.-русс. в текстах с "камерной орфографией" *бóретсѣ* (Сборн. 186а (см. Васильев 76), диал. (ряз.) *бòрются* (см. Васильев 77), укр. *борю(ся)*, *бóреш(ся)*. В южнославянских языках этот глагол переведен в *i*-спряжение, но сохранил

старую акцентовку в болгарском: ср.-болг. (вост.) про-бѣриши сѧ (Мин. № 678, 517а), бѣришѧ (Лих.² 42а), бѣра|тѣ (Лих.² 636), совр. бѣря(се), бѣриш(се), диал. (Wysoka) sã bõra, sa bõriš. В сербско-хорватском языке и в его диалектах, а также в словенском, вероятно, повсеместно переход в окситонированный тип, шток. бѣрим се, чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Борѣм се, Поборѣм (Гр. 237)].

4. *poljǫ, *pǫljetь [русск. диал. полѣ, пѣлешь 'провеивать (крупы и под.)' (Даль), ср. выполѣть 'очистить хлебное зерно или крупы от мякны и сора' (СРНГ, вып. 5, 330-331); словен. pǫljem 'машу, провеиваю, привожу в волнообразное движение' и под. (ǫ < *-ǫ-)⁵. В восточнославянских языках из-за фонетически закономерного совпадения инфинитивных основ произошла контаминация с глаголом *pǣlти, *pǣlvǫ, *pǣlvětь, в результате которой последний получил вокализм, морфологический тип и акцентовку презентной основы от рассматриваемого глагола⁶].

5. *poljǫ, *pǫljetь 'гореть, жечь' [русск. диал. палѣ, пѣлеш, inf. палѣт, 1-part. палѣл 'опаливать (свинью, курицу и т.п.)'; сов.в. апалѣт 'опалить (свинью, курицу и т.п.)'⁷; словен. pláti, pǫljem 'brennen' (Plet.)].

6. *porjǫ, *pǫrjetь [русск. порѣ, пѣрешь, диал. (ряз.) пѣрешь (см. Васильев 77), (тотем.) pǫrǫš (см. Васильев 76), укр. порѣ, пѣреш; болг. диал. (банат.) распѣра, распѣрем (1 pl.), (в литер. болг. переход в i-спряжение с сохранением акцентного типа: пѣря, пѣриш); словен. pǫrjet (где ǫ < *-ǫ-, при вторичном варианте pǫrjet с отражением перехода в окситонированный тип). В сербско-хорватском и его диалектах глагол переведен в i-спряжение с переходом в окситонированный тип: шток. пѣрим, чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Порѣм, Распорѣм (Гр. 238)].

I В: 1. serǫ, sǣretь [русск. серѣ, сѣрешь (при вторичном варианте срѣ, срѣш), укр. серѣ, сѣреш; болг. (Геров) сѣрѣ, сѣрешь, диал. (банат.) насѣра, насѣри (3 sg.), усѣра, усѣри (3 sg.), но бесприставочный: сѣрѣ, с переходом в окситонированный тип; словен. sǣrjet, где ǣ < *-ǣ-].

2. *stenǫ, *stǣnetь (с распространением о-огласовки из основы deverбати́ва) др.-русск. състенеть (3 sg., Чуд. 103²), стѣнемь (1 pl., ib. 103²), совр. русск. стѣну, стѣнешь, диал. (тотем.) stǫnǫš (см. Васильев 76); укр. стогну, стогнеш (с морфологической перестройкой основы, но с сохранением акцентного типа); болг. стѣна, стѣнеш, ср. также чешск. stǣneš, по-видимому, с рефлексом новоаккутированного -о-].

3. *steljǫ, *stǣljetь [русск. стелѣ, стѣлешь; укр. стелѣ, стѣлеш; словен. stǣljem, где ǣ < *-ǣ-. В болг. основа перешла в i-спряжение, но с сохранением акцентного

⁵ Остальные сравнения в западнославянских языках: чешск. pláti 'vláti', в.-луж. pǫš.

⁶ Относительно вторичности восточнославянского полѣтѣ, полѣ, пѣлешь как рефлекса праслав. *pǣlти, *pǣlvǫ см. ниже (II часть работы).

⁷ Селигеро-торжокские говоры, Селижаровский район Калининской обл., д. Дубровка. Запись С.Л. Николаева.

типа: стѣля, стѣлиш, в диалекте Горно Поле этот глагол сохранил старое тематическое спряжение: стѣл'ем (1 sg.), но его акцентовка не показательна из-за перехода почти всех глаголов группы I В с корнями на плавные в неподвижный акцентный тип (ср. аналогичный процесс в штокавском). В чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) этот глагол перешел в окситонированный тип: Стельѣм (Гр. 83², 84², 201), Настельѣм (Гр. 201)].

Акцентная парадигма с

I В: 1. *zǫvǫ, *zǫvětь [др.-русск. зѣвоу, зѣвѣши (см. выше), совр. русск. зѣвѣ, зѣвѣшь; юго-западнорусск. XVI-XVII вв. зѣвѣса (ГрСм. № 26), зѣвѣтѣса (ПБер., 114²), зѣвѣтѣса (ПБер., 208¹), зѣвѣмо (ПБер., 101²); укр. зѣвѣ, зѣвѣш; ср.-болг. (вост.) призовѣ (Пс.Кипр., 43а), призовѣмь (ib., 176), при|зовѣм тѧ (ib., 17а), въззовѣ|тъ (ib., 55а), совр. болг. зѣвѣ (зѣвѣ), зѣвѣш (зѣвѣш), диал. (банат.) зѣвѣ(се), узѣвѣ се, се зѣвѣ, (се) зѣвѣм, зѣвѣт; ст.-серб. (Ев.-анр. № 7364) зѣвѣт'те 1406 и др., старый акц. тип у этого глагола сохранился и в совр. схрв. zǫvĕt; сев.-чак. (Нови) zǫvĕn; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Зѣвѣм (Гр. 84¹, 190); сев.-кайк. (Бедня) *zǫvĕm, 3 sg. резуѣвѣ (327); словен. zǫvet (об оттянутом с конца слова ударении свидетельствует открытый о)].

2. *žǣrǫ, *žǣrětь [русск. диал. (тотем.) жѣрѣ, жѣрѣш (135); укр. жерѣ, жерѣш; шток. диал. ст.-черногорск. ждерѣм (Пешикан 237); сев.-чак. (Нови) žǣrĕn, (Раб) žǣrĕn; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Жерѣм (Гр. 95¹, 218), Пожерѣм (Гр. 218), prožerūt (Пол. 118); сев.-кайк. (Бедня) *žǣrām].

3. *pǣrǫ, *pǣrětь 'стирать, мыть белье, колотить вальком' [русск. диал. п(е)рѣ, пѣрешь (и пѣрѣ?), перестроено по основе инфинитива; укр. перѣ, перѣш; болг. перѣ, перѣш, диал. (банат.) перѣ(се), (се) перѣ (3 sg.), исперѣ, исперѣ (3 sg.), (Wysoka) pĕra, pĕrĕš; шток. диал. ст.-черногорск. перѣм (Пешикан 270); сев.-чак. (Нови) pĕrĕn, (Раб) pĕrĕn; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Перѣм (Гр. 84², 203), Оперѣм (Гр. 203); юж.-кайк. (Требарово) operŭ (3 pl., Zb. 3, 213, 214); сев.-кайк. (Бедня) *pǣrām; словен. pĕrem (об оттянутом с конца ударении свидетельствует открытый характер ударенного e)].

4. *pǣrǫ, *pǣrětь 'попирать' [русск. (из ц.-слав.) поперѣ, поперѣшь; ср.-болг. (зап.) ѣ поперѣши (Ис. Сир. 1136). Глагол *pǣrǫ ~ *pǣrǣti, сопряженный с глаголом *pǣrǫ - *pǣrti, по-видимому, генетически отличный от предыдущего, но постоянно с ним контаминировавшийся].

5. *dǣrǫ, *dǣrětь [русск. дерѣ(ся), дерѣшь(ся), укр. дерѣ(ся), дерѣш(ся); болг. дѣрѣ(се), дѣрѣш(се), диал. (банат.) дѣрѣ, сѣдѣрѣ, раздѣрѣ, дѣрѣ (3 sg.), дѣрѣт (3 pl.), (Wysoka) dĕra, dĕrĕš; шток. диал. ст.-черногорск. дѣрѣм (Пешикан 235); сев.-чак. (Нови) dĕrĕn, (Раб) dĕrĕn; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Дерѣм (Гр. 94², 218), Дерѣм (Гр. 84²), Дерѣм се (Гр. 84²), Раздѣрѣм (Гр. 218), izderĕt (Пол. 118); сев.-кайк. (XVI в., Пергошич) raz-

deruu (2221, 4216; 3 pl. $\leq$ *razderŭ), (Бедня) *dārām; словен. *dérem* (об оттянутом с конца ударении свидетельствует открытый характер ударенного е) |.

6. *bǝrǝ, *berǝtǝ [др.-русс. сберѣши (Чуд. 1054), совр. русск. берѣу, берѣшь; юго-западнорусск. XVI-XVII в. берѣ (ПБер. 1201), Берѣтса (ПБер. 1582, 1861); укр. берѣу, берѣш; ср.-болг. (зап.) ѝ съберѣть (Ис. Сир. 936), (вост.) съберѣть (Ев. Григ. 256а), совр. болг. берѣ, берѣш, диал. (банат.) берѣ, заберѣ, изберѣ и под., берѣ, заберѣ, преберѣ (3 sg.), берѣм, преберѣм, уберѣм (1 pl.), изберѣм, удберѣм (3 pl.); (Wysoka) bĕra, bĕrĕs; ст.-серб. (Ев.-апр. № 7364) ѝ събероу 189а, ѝ събероуть 83а, ѝ събероутсе 235б, диал. ст.-черногорск. берѣм (Пешикан 224) (об акцентовке этого и подобных глаголов в совр. сербско-хорватском см. ниже); сев.-чак. (Нови) poberĕn, (Раб) berĕn; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Берѣм (Гр. 842), Берѣм (Гр. 832); южн.-кайк. (Требареве) berŭ (3 pl., Zb. 3, 77, 97; Zb. 6, 196), naberŭ (3 pl.; Zb. 3, 80), сев.-кайк. (XVI в., Пергошич) beruu (29, 15511; 3 pl.; $\leq$ *berŭ), oberuu (2048; 3 pl.; $\leq$ *oberŭ), (Бедня) *bārām; словен. *bérem* (об оттянутом с конца ударении свидетельствует открытый характер ударенного е) |.

7. *ǝrǝjǝ, *orǝjĕtǝ 'пахать' [русск. диал. (тотем.) орѣ, орѣш (139); укр. орѣ, орѣш; болг. орѣ, орѣш, диал. (банат.) урѣ, врѣ, изврѣ, изврѣм (1 pl.); сев.-чак. (Нови) орĕн, (Раб) орĕн; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Орѣм (Гр. 842, 203), Преорѣм (Гр. 203); южн.-кайк. (Требареве) zǝrǝjŭ (3 pl., Zb. 3, 68), сев.-кайк. (Бедня) yĕrǝjĕm; словен. *ǝrǝjet* (об оттянутом с конца ударении свидетельствует открытый характер ударенного о), угорск.-словен. *orǝjĕ* (3 sg.), *orǝjĕjo* (3 pl.) (Valj., Rad. 68, 51; = *orǝjĕ*, *orǝjĕjo*). Словен. *ǝrǝjet* (нормативный вариант, диалектная локализация неясна) явно вторично, как и ст.-черногорск. *ǝrĕm* (Пешикан 263) |.

В сербско-хорватском нормативном и близких к нему диалектах, а также в ряде западноболгарских говоров восстанавливаемое в этой группе презентных основ акцентное распределение, по-видимому, уже в ходе относительно позднего развития (после XV в.) было почти полностью стерто в результате перехода глаголов первично а.п. с с корнем на плавный в неподвижный (баритонированный) акцентный тип: шток. нормат. 1. *ǝdĕrĕm*, 2. *pĕrĕm* (вар. *pĕrĕm*), 3. *dĕrĕm*, 4. *bĕrĕm*, 5. *ǝrĕm* (ср. в западноболгарских говорах - (Горно Поле) *nĕrem*, *dĕrem*, *bĕrem*, но *orĕm*, (Ново Село) *dĕrĕm*, *bĕrĕm* но *poorĕm* и т.п.). Таким образом, акцентовка почти всех глаголов на е, о столбца с совпала с акцентовкой аналогичных глаголов столбца b: 1. *mĕljĕm*, 2. *kǝljĕm*, 3. *sĕrĕm*, 4. *stĕnjĕm* (ср. в западноболгарских говорах - (Горно Поле) *mĕl'ем*, *kǝl'ем*, *stĕl'ем* (Ново Село) *mĕl'еш*, *kǝl'ем*, *stĕn'ем* и под.)⁸.

⁸ Иное направление выравнивания отмечается в косово-метохийском диалекте: *nerĕm*, *berĕm*, но и *serĕm* (Елез.).

1. *jĕmjǝ, *jemjĕtǝ и *-jemjǝ, *-jĕmjĕtǝ.

Материалы древнерусских текстов, изученных А.А. Зализняком (в основном южнорусские и московские памятники XVI-XVII в.), показывают подвижный акцентный тип (а.п. е) (1) бесприставочного глагола *имати* и (2) перфектива от него с приставкой *по-*: (1) Космография (южновеликорусский текст посл. четв. XVI в.) - през. *ѣмлѣшь* 80б, *л-прич. ѣмѣ* (2х), *нѣ ѣмѣ* (1х), *ѣмали* (4х) (ср. также спорадическое появление подобных форм в других памятниках: *ѣмлѣть* Ап. 1564г., 126б, *ѣмлѣмъ* Травн. 241б, *ѣмлѣтъ* Пролог 107б; *ѣмаль* Ратн. 71б, *нѣ ѣмаль* Улож. 88б, 238б). (2) Космография - *пѣймѣ* более 10х, *пѣймѣли* 7х, *пѣймѣно* 1х. Хотя в этом тексте встречено только *пѣймѣтъ* 182б, однако наличие презентной основы а.п. е от этого глагола подтверждается материалами Онеж. (онежским текстом 1500 г.): *пѣймѣтса* 116г, 117а, *bis*, не *пѣймѣмъ* же (1 pl.) 130г. Глаголы с другими приставками с подобным ударением не встречаются, единственное исключение: *ѣмлѣтъ* Онеж. 43 (с неиктусным ' , вид?). Все типы приставочных презентов от этой основы с имперфективным значением встречаются в данных памятниках лишь с накоренным ударением. При явно пережиточном характере подвижного акцентного типа у этого глагола бросается в глаза тот факт, что из приставочных образований подвижный тип отмечается лишь у перфектива с приставкой *по-*, формы несомненно инновационной, тогда как многочисленная группа старых приставочных образований от этой основы подвижного акцентного типа не обнаруживает. Эта ситуация может быть ближайшим образом выведена из системы, в которой подвижный акц. тип был характеристикой лишь бесприставочного глагола, а все приставочные образования характеризовались неподвижным накоренным ударением:

*ѣмлѣтъ	*приѣмлѣтъ - imperfectiv к *приѣмѣти
	*поѣмлѣтъ - imperfectiv к *поѣмѣти
	*вънѣмлѣтъ - imperfectiv к *вънѣмѣти
	*объѣмлѣтъ - imperfectiv к *объѣмѣти
	*прѣмлѣтъ - imperfectiv к *прѣмѣти
	*закѣмлѣтъ - imperfectiv к *закѣмѣти

В южнославянских акцентных системах сходная ситуация обнаруживается в словенском:

<i>jĕmljĕm</i> (< *jĕmljĕm)	<i>prijĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>prijĕti</i>
(угор.-словен.)	<i>vnĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>vnĕti</i>
<i>jemljĕm</i>	<i>objĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>objĕti</i>
	<i>prejĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>prejĕti</i>
	<i>zajĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>zajĕti</i>
	<i>snĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>snĕti</i>
	<i>podjĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>podjĕti</i>
	<i>vzĕmljĕm</i> - imperfectiv к <i>vzĕti</i>
	<i>pojĕmljĕm</i> - ср. <i>pojĕti</i>

Возможно, аналогичная ситуация лежит в основе штокавской системы:

<i>jèmati, jèmljēm</i>	<i>ṛdimati, ṛdimljēm</i> <i>ṛdimati, ṛdimljēm</i> <i>ṛzimati, ṛzimljēm</i> <i>zaimati, zaimliēm</i>

Акцентовка бесприставочного глагола в этой системе может быть вторичной, ср. аналогичные переходы из а.п. с в а.п. b других глаголов группы I B с корнями на сонант (см. с. 216). Приставочные презентные основы показывают вокализм, выравненный по инфинитиву (ср. противоположное выравнивание в бесприставочном глаголе) и уподобившийся вокализму *j*-praesentia со ступенью удлинения. Вторичность этого состояния доказывает материал старосербских текстов, в которых презент приставочных имперфективов от этого корня фиксируется в нормальной ступени с акцентовкой неподвижного акцентного типа (по-видимому, первичная а.п. b). Так, в Ев.-апр. № 7364 отмечены: *приёмлѣтъ* 85б, *поёмлѣтсе* 137а, *поёмлѣтсе* 137а, *прѣёмлѣтъ* 102а, *въспрѣёмлѣвъ* 303а, *въспрѣёмлѣвъ* (со вторым, ритмическим ударением) 287б. К сожалению, в наших материалах отсутствуют бесприставочные формы презента от этого глагола.

Подобный же (но не тождественный) процесс перестройки приставочных имперфективов с уподоблением их вокализма вокализму *j*-praesentia (с морфологическим удлинением гласного корня: *e* > *ě*) и с проведением соответствующей акцентовки с рефлексом "нового циркумфлекса" следует предполагать и для словенской системы. Относительно поздний характер этого процесса подтверждается кайкавскими диалектами, в которых (по говорам) используется чаще штокавский способ перестройки с выравниванием по вокализму инфинитива. В диалектах типа диалекта Крижанича способ перестройки невозможно установить ввиду *икакшего* характера этих диалектов (*ě* > *i*).

Чакавско-кайкавский диалект XVII в. (Крижанич) показывает систему с акцентным типом бесприставочного глагола, восходящим к а.п. с, и с двумя параллельными типами приставочных имперфективов: (1) перестроенные имперфективы с морфологическим удлинением гласного корня, сохраняющие в презенте рефлекс неподвижного (баритонированного) акцентного типа, и (2) имперфективы, презент которых построен на презентной основе бесприставочного глагола и сохраняет его акцентовку:

	(1)	(2)
Жемльем (Гр. 90 ¹ , 202)	Приёмльем (Гр. 91 ²)	Приёмльем (Гр. 91 ²)
жемльѣт (3 pl., Гр. 219)	Поёмльем (Гр. 91 ¹)	Поёмльем (Гр. 91 ¹)
	Преёмльем (Гр. 91 ²)	Преёмльем (Гр. 91 ²)
	Заемльем (Гр. 90 ²)	Заемльем (Гр. 90 ²)
	Јземльем (Гр. 91 ¹)	Јземльем (Гр. 91 ¹)
	Наёмльем (Гр. 91 ¹)	Наёмльем (Гр. 91 ¹)
	Отнемльем (Гр. 91 ¹)	Отнемльем (Гр. 91 ¹)
	Подёмльем (Гр. 91 ¹)	Подёмльем (Гр. 91 ¹)
	[Подн]ёмльем (Гр. 91 ¹)	Поднемльем (Гр. 91 ¹)
	[Разн]ёмльем (Гр. 91 ²)	Разнемльем (Гр. 91 ²)
	Снемльем (Гр. 91 ²)	Снемльем (Гр. 91 ²)
	Соёмльем (Гр. 91 ²)	Соёмльем (Гр. 91 ²)

Избыточность этого параллелизма⁹, по-видимому, предполагает развитие данной системы из системы типа словенской, у которой были достроены формы правого столбца.

Вероятно, подобная достройка произошла и в ряде кайкавских диалектов, как южного, так и северного регионов, ср.: юж.-кайк. (XVII в.) *prijemlyú* (3 pl.; Petr. 35); сев.-кайк. (XVI в., Пергошич) *priemliuu* 234¹², *pruemliuu* 60²² (3 pl., < *prijemľũ), *peruemliuu* 203¹⁹ (3 pl.; < *ne prijemľũ), ср. у того же Пергошича приставочные имперфективы первого рода: *vzumlie* 118, 124, 133, *ne vzumlie* 125б, *vzumliu* 60²⁴, *vzimlyu* 116, *odeuzumlie* 124, *odeuzimlieže* 124 и др. (где *-y-* в корне отмечает долготу гласного *-i-*, свидетельствующую о "новоциркумфлексовом" ударении). Для ударения бесприставочного глагола в кайкавских диалектах ср. юж.-кайк. (Требареве) *jemľũ* (3 pl.; Zb. 3, 229¹⁶), сев.-кайк. (Gornja Stubica) *jēm-ļem* 232²¹ (с оттянутым ударением¹⁰).

В восточнославянской языковой области подобную "достройку", по-видимому, провели к XVI в. некоторые украинские диалекты. Так в Львовской Греческой грамматике 1591 г. (Гр. гр.) отмечаются следующие формы: 1. *пріемлѣ* (Н 3а), *пріемлѣа* (А 4а), *пріемлѣть* (З 5а), *пріемлѣть* (Є 3а), *пріемлѣть* (• 1б), *пріемлѣтса* (• 1а), *пріемлѣтса* (А 2а); 2. *ѣемлѣ* (А 4а), *ѣемлѣ* (З 1а), *ѣемлѣтса* (Н 4а), наряду с баритонированными формами: *пріемлѣть* (~ 3а), *пріемлѣть* (• 1б), ср. также *пріемлѣма* (Л 1а) наряду с *пріемлѣмо* (~ 4а).

⁹ Полнота этого параллелизма нарушается лишь некоторыми имперфективами, к которым Ю. Крижанич не указывает пары. Это - *Обьёмльем* (Гр. 91¹), *Знімльем* (Гр. 90²), *Взімльем* (Гр. 90²) и приставочные образования к последнему: *Завзімльем* (Гр. 90²), *Превзімльем* (Гр. 91²), *Привзімльем* (Гр. 91²), *Разовзімльем* (Гр. 91²), с другой стороны, - *Внемльем* (Гр. 90¹), *Возпріемльем* (Гр. 90²), *Запріемльем* (Гр. 90²). Следует отметить, что перестройка баритонированных имперфективов в диалекте Крижанича не проведена столь последовательно, как это наблюдается в штокавском диалекте, - в формах инфинитивной основы они сохраняют старое ударение: *Взімаѣти*, *Взімаѣл* (Гр. 90²), *Внімаѣх*, *-аѣти*, *-аѣл* (Гр. 90²), *Заѣмаѣѣ* (Гр. 90²), *Јзнімаѣѣ*, *Јзнімаѣх* (Гр. 91¹), *Обьімаѣх* (Гр. 91¹), *[От]німаѣх* (Гр. 91²) и под.

¹⁰ *Jakoby W. Untersuchungen zur Phonologie und Prosodie einer kajkavischen Mundart (Gornja Stubica), München 1974* (при примерах из этого диалекта здесь и ниже указывается страница и строка [сверху] данного издания). Для различия в рефлексации краткостных презентных основ а.п. b и а.п. c в этом диалекте, ср.: а.п. b - 1. *m̄drem* 232²⁰, *m̄dreju* 235 (3 pl.), 2. *m̄đem* 232²², *m̄đeju* (3 pl.) 232⁸, 232¹⁶, 3. *p̄đnem* 232²⁴, *p̄đneju* (3 pl.) 232⁷; а.п. c - 1. *se zōve* 232¹³, 2. *preñese* 233¹³, *udñese* 235¹⁴, 3. *p̄ñeju* (3 pl.) 232¹, 4. *pub̄reju* (3 pl.) 235.

Возможно, подобную тенденцию испытали и некоторые среднеболгарские диалекты. Во всяком случае, на это может указывать форма приѣ|млѣть (Панд. Ник. Черн. 94а), обнаруженная в тексте, середины XIV в. с восточноболгарской акцентовкой, и формы възѣ|млѣши (Ев. Григ. 193а), ѣземлѣть (Сб. № 19, 1448 г., 1706) в восточных среднеболгарских текстах XV в., писанных в Молдавии ("Система писца Гавриила"). Однако подавляющее большинство изученных среднеболгарских текстов показывает устранение варианта а.п. с и проведение сплошной баритонезы как у приставочных, так и у бесприставочных презенсов этой глагольной основы: ср.-болг. (вост.) ѣмлеть (Служ. Евф., 18а), ѣмлѣ (Зогр. св. 20), възѣмлѣтса (Зогр. св. 4), (зап.) приѣмлеть (Ис. Сир. 11а), приѣмлеть (ib., 66), приѣмлѣ (ib., 66, 176, 346, 95а), и приѣмлѣ (ib., 366), и възнемлѣ (ib. 101а), ѡ|бѣмлѣ (ib., 109а), приѣмлѣ (1 pl., ib., 296), приѣмла (ib., 266), приѣмла се (ib., 36а); ср.-макед. (?) поѣмлю (О письм., 46), приѣмлю (ib., 11а), приѣмлю (ib., 60а), въз'приѣмлю (ib., 5а); възѣмлѣши (ib., 54а), не възнемлѣши (ib., 20а, 456, 52а, 606), не приѣмлѣши (ib., 52а), не приѣмлѣши (ib., 516); възѣмлѣть (ib., 22а), възѣмлѣть (ib., 336), приѣмлѣ (ib., 666), въз'приѣмлѣть (ib., 226, 30а), възприѣмлѣ (ib., 72а), ѡбѣмлѣт'се (ib., 206), не възнемлѣтсе (ib., 106); ѣмлѣт'се (ib., 116); възприѣмлють (ib., 526), възѣмлют' бо (ib., 116), възѣмлютсе (ib., 586), не възнемлѣть (ib., 45а); ср. совр. болг. възѣма, възѣмеш; заѣма, заѣмеш и под. с контаминацией с формами от основы на *ѣше-

Таковую же баритонированную акцентовку проводит и большинство русских текстов, начиная с Чуд. (XIV в.): възѣмлю 374; приѣмлю 434, не приѣмлѣ 441 ~ възѣмлѣши 374; да възнемлѣ 1413, и приѣмлѣ 522; възнемлѣте 1203, възнемлѣте бо 1203, не приѣмлѣте 822, не приѣмлѣте 422, и не приѣмлѣте 441, възприѣмлѣте 1343, възприѣмлѣте 293; възприѣмлѣте 402. (В случае приѣмлѣте 2 pl., 1202, по-видимому, отмечено ритмическое ударение). Формы презенса бесприставочного глагола в Чуд. не обнаружены, но в более поздних древнерусских текстах они встречаются в большом количестве и всегда с накоренной акцентовкой, исключая те южнорусские памятники, о которых шла речь выше. Во всех этих текстах накоренная акцентовка выступает в виде а.п. а, однако то, что мы имеем дело в данном случае с вторичной перестройкой из а.п. б, угадывается не только из соответствующей акцентовки форм от основы инфинитива (в Чуд.: внимати 694, 1361, внимати 1353, внѣ|мати 1432, не внимати 861, и не внимати 862, внимати же 1354; внимати 713; взимати 734; приимати 701, не приимати 911), но и из наличия форм императива с ударением на суффиксе (в Чуд.: възнемли 1372, възнемлѣте 1641, 1651, 1661, възнемлѣте 383, 1603, възнемлѣте 64; въземлѣте 313, однако приѣмлѣте 1374, Приѣмлѣте же 1064, с дальнейшим выравниванием по презенсу). Эта а.п. б еще сохранялась в XVI-XVII вв. в некоторых восточнославянских диалектах западного региона, о чем свидетельствует отражение ее в текстах Л. Зизания и П. Берынды: 1. приѣмлю (ЛексЗиз. 642, 802), блговъсприѣ-

лю (ЛексЗиз. 301), Приѣмлю (ПБер. 971, bis), приѣмлю (ПБер. 1352, 1542), Плодоприѣмлю (ПБер. 831), Плодоприѣмлю (ПБер. 822) ~ приѣмляеть (ГрЗиз. 88а), и приѣмляеть (ГрЗиз. 876), и приѣмляеть (ГрЗиз. 876), приѣмляеть (ПБер. 752), приѣмляеть (ПБер. 752), приѣмляетьса (ПБер. 351, 582), приѣмлю (ПБер. 891), ср. также прич. Приѣмлющей (ПБер. 971), приѣмлющей (ПБер. 342), при: приѣмляй (ПБер. 2371); 2. Заѣмлю (ЛексЗиз. 481), Заемлю (ПБер. 402) ~ Заѣмляеть (ПБер. 402); 3. Поѣмлю (ПБер. 971), поѣмлю (ПБер. 1321) ~ ср. прич. Поѣмлюющей (ПБер. 971); 4. Емлю (ПБер. 361), Емлюса (ПБер. 361) ~ ср. страд. прич. ѣмлемь (ПБер., 1371). По-видимому, эту же а.п. б отражают формы: 5. Поѣмлю (ЛексЗиз. 672), поемлю (ПБер. 681), Поемлю (ПБер. 861); 6. въземлю (ЛексЗиз. 301), въземлю (ПБер. 211); 7. ѡб'емлю (ПБер. 1681). Выпадает из этой системы форма снѣмлю (ПБер., 1272), которая относится к а.п. а;

Наличие варианта *ѣмѣтсѣ, *ѣмѣтсѣ а.п. с как в южнославянской, так и восточнославянской области в диалектах различной локализации и отражение этой а.п. в формах, построенных на инфинитивной основе, делает невозможным исключение его из праславянской реконструкции. С другой стороны, отсутствует какая-либо серьезная мотивировка для объяснения варианта неподвижного акцентного типа как вторичного. Последний обнаруживается в том или ином виде также во всех славянских диалектах, хорошо согласуется с а.п. парного глагола *ѣмѣтсѣ от того же корня (см. ниже), и, что самое главное, в исторической акцентологии не прослеживается каких-либо процессов, которые могли бы объяснить достаточно раннее возникновение вторичного неподвижного акцентного типа в данной группе глаголов; напротив, усматривается явная тенденция перевода глаголов группы I В неподвижного акцентного типа в подвижный акцентный тип (а.п. с), которая начала действовать, по-видимому, уже в праславянский период.

Согласные показания двух периферийных регионов (словенского и южнорусского, а судя по реликтовым формам в московских памятниках¹¹, первоначально довольно обширного великорусского региона) приводят к реконструкции системы из двух акцентуационных вариантов этой основы, из которых вариант подвижного акцентного типа (а.п. с) употреблялся как бесприставочный глагол, а вариант неподвижного акцентного типа (первоначально а.п. б) употреблялся в приставочных имперфективах. В обоих регионах действовали параллельные и в основе своей сходные тенденции повышения устойчивости системы посредством усиления контраста путем замены а.п. б полностью неподвижным акцентным типом (а.п. а). Запад южнославянской языковой области прошел в этом отношении дальше, чем великорусские диалекты, уподобив приставочные имперфективы глаголам с морфологическим удлинением в корне и проведя соответствующие акцентологические инновации (рефлекс "нового циркумфлекса" в словенских и кайкавских диалектах). Характерны одина-

¹¹ К указанным выше можно еще добавить поимали (Улож. 168а), вѣрѣ ѣмлѣть (Ап. 1564, 1266).

ковые относительно поздние тенденции в районах пограничных к периферийным к устранению этого дуализма посредством "достройки" системы имперфективов на основе варианта подвижного акцентного типа (кайкавские и чакавско-кайкавские диалекты и западноукраинские диалекты XVI-XVII веков). В большинстве болгарских диалектов и несколько позднее в древнерусских этот дуализм был преодолен по средством устранения варианта подвижного акцентного типа и победы баритонезы, что явилось в определенном отношении, по-видимому, возвращением к более раннему праславянскому состоянию.

2. *golgoljǫ, *golgǫljeto.

Проблема реконструкции первичного акцентного типа этого глагола лишь с внешней стороны (наличие в материале всех трех а.п.) кажется сходной с предшествующей.

В восточнославянских языках этот глагол - заимствованные из болгарского, поэтому для восточнославянских речь может идти лишь об определенной традиции, связывающей его восточнославянскую акцентовку с болгарской акцентовкой определенного времени или определенного региона.

Однако в восточнославянских языках обнаруживается три разных акцентовки этого глагола, отражающих, по-видимому, две разные традиции:

а) Великорусская традиция.

Многочисленные русские тексты XV-XVII вв. фиксируют этот глагол с неподвижным ударением на последнем гласном презентной основы, которое может восходить к а.п. *b* источника, ср. възглаголю Псалт. 65 об. ~ не глаголють *ib.*, 160 об., възглаголю 199 и т.п. (см. Васильев 76). Это же ударение по аористу устанавливается для идиолекта писцов Мерила Праведного: глаголахомь 128 (Зализняк 116). Уподобление акцентной кривой этого глагола акцентной кривой а.п. *a* могло произойти уже в языке-источнике (ср. совпадение а.п. *a* и а.п. *b* в восточных средне-болгарских текстах в акцентной кривой а.п. *a*), или же на восточнославянской почве под влиянием великорусской акцентовки соответствующего имени, ср. глаголь Псалт. 23, глаголи *ib.*, 23 об., глаголи *ib.*, 193 об. и под: (см. Васильев 62). В последнем случае более ранняя акцентовка той же традиции обнаруживается в арасской рукописи "Грамматyki словенской" И. Ужевича (1645 г.)¹², а.п. *b* с колебанием к а.п. *a*: глаголю 51а, възглаголю 52б, глаголеши 51а, възглаголеши 52б, глаголеть 51а, възглаголеть 52б, глаголемь 51б, възглаголемь 53а, глаголете 51б, глаголють 51б, възглаголють 53а, инф. глаголати 52а, 52б (5х), 53б, глаголати 52б, дееприч. глаголюще 54а, прич. глаголющй 54а, глаголюща 54а и под. - если, конечно, эта акцентовка в данном случае не результат контаминации двух традиций (великорусской и юго-западнорусской).

б) Юго-западнорусская традиция.

Юго-западнорусские тексты XVI-XVII вв. дают регулярно окситонезу форм презенса и ударение на суффиксе -а-

¹² См. факсимильное издание в книге: Грамматика слов'янська І. Ужевича. Київ, 1970

в формах, построенных на инфинитивной основе, см.: praes. sg. 1. глаголю (Гр. гр., А 3а), глаголю (Гр. гр., Н 3а); глаголю (ГрСм., ъ 8б), воглю (ГрСм., ъ 8б); 2. глаголеши (Гр. гр., 2 1а), 3. глаголетьса (ПБер., 104¹), глаголетса (Гр. гр., а 1а, ѡ 2а; ПБер., 89²), глѣтса (ПБер., 89¹); pl. 3. глаголють (Гр. гр., і 4а), глаголютьса (Гр. гр., і 4а), глаголютьса (Гр. гр., а 3а, м 3а, • 3б); du. 1. глѣва (ГрСм., Н 4б); part. praes. pass. глаголема (nom. sg. f., Гр. гр., 0 1а, ГрЗиз., 81а), чл.ф. глѣмое (ГрСм., Б 7а), глѣмаго (ГрСм., Б 7а, В 7б), глаголемыхъ (Гр. гр., а 1а); inf. глаголати (Гр. гр., • 3б), глати (ГрЗиз., 1а, ГрСм., а 2а, Ш 2б, Ш 2а), не глати (ГрСм., Ш 1а, Щ 7а); aor. 3 pl. глаголаша (Гр. гр., і 4а); отглагольное сущ. глаголаніе (ЛексЗиз., 40²), многоглаголаніе (ПБер., 64¹). Этому ударению глагола соответствует регулярная окситонеза имени, ср.:

sg.: nom.: глаголь (ГрЗиз. 16а, 16б, ГрСм., В 1а, В 1б, Н 2а, bis.), глаголь (ГрСм., Н 3а, Т 6б), глаголь (Гр. гр., Н 1а);

gen.: глагола (ГрСм., ф 1б), глгола (ГрСм., 0 2а), глагола (Гр. гр., Н 1а, ГрСм., Н 4а), глгола (ГрСм., Н 4а), глагола (ГрСм., ф 3а), и глагола (ГрСм., ф 1б);

dat.: глаголю (Гр. гр., • 2а); instr.: глголомь (ГрСм., 0 3б), гломь (ГрСм., Ц 1б, ъ 3а), со гломь (ГрСм., Ч 1а, Ч 2а, bis, Ч 2б, bis, Ч 4б, Ч 5б), со глаголомь (Гр. гр., " 1а);

loc.: глаголь (Гр. гр., ы 2а), по глаголь (ГрЗиз., 81а); pl.: nom.: глий (ГрСм., Ч 1б, Ч 4а, bis, Ч 5а, Ч 6а, Ч 7б, bis, Ч 8а, ter, Щ 5б, Щ 6а), глий (ГрСм., Ч 7б); глаголы (Гр. гр., • 3б), глаголы (Гр. гр., • 4а), глаголы (ГрЗиз., 77б);

gen.: глаголь (ГрСм., ф 3а), глаголь (ГрСм., В 8а), глаголь (ГрСм., Н 6б, Н 8б, bis), глаголь (ГрСм., Ш 5а), глаголь (Гр. гр., • 1а), глаголь (Гр. гр., И 3а), глаголь (ГрСм., Г 3б);

dat.: глаголомь (ГрСм., Ш 8а), гломь (ГрСм., Ц 7б, Ч 2б, Ш 5а, Ш 6б), гломь (ГрСм., Ц 7б), гломь (ГрСм., Ч 8б, Ш 4а, bis), ко глаголомь (Гр. гр., Ъ 4а);

acc.: глаголы (ГрСм., 0 1б); instr.: со глий (ГрСм., Ш 2а); loc.: глагольхъ (Гр. гр., Е 2а, ы 4а), во глѣхъ (ГрСм., ъ 8б), глѣхъ (ГрСм., Ч 8а).

Двум восточнославянским традициям, по-видимому, соответствовали два типа акцентовки этого глагола в средне-болгарских текстах. Великорусской традиции соответствует ударение этого глагола в двух группах памятников:

1. Предположительно македонские тексты (О письм.).

Основа глагола в тексте О письм. пишется исключительно в сокращенной форме (гл-), текст издан наборным способом, и есть основания думать, что расположение надстрочных знаков в ряде случаев деформировано. Имеется, однако, фотографическое издание л. 4а рукописи¹³, позволяю-

¹³ См.: Машин Вл. Палеографски албум на јужнословенско-то кирилско писмо. Скопје, 1966, с. 155

щее судить о способе акцентуирования сокращенных слов в рукописи и о характере деформаций, допущенных при наборном воспроизведении текста. Поэтому можно попытаться установить акцентную кривую данного глагола, опираясь на достаточно строгую систему акцентных типов гласных категорий в диалекте О письм., на правило постановки ритмического ударения, которое отмечается в памятнике строго через слог после главного и далее по ямбической ритмической решетке, и на последовательную манеру расстановки надстрочных иктусных знаков в тексте.

При акцентуировании сокращенных слов в тексте О письм. писец применяет три способа постановки акцентного знака.

1. П о с т а н о в к а з н а к а п е р е д т и т л о м и л и в ы н о с н о й б у к в о й, если ударение падало на начальный слог основы: цѣтвѣа 4а (изд. цѣтвѣа), ср. также: до цѣтвѣа 5б, и цѣръ 5б, цѣроу 5б, 7б, цѣри 7б, вис 8а, цѣкое 29а, цѣвѣмь 5б, мѣръ 23а, мѣре 35а, на мѣтъ 5а, мѣю се 3а, и мѣи (3 sg. aor.) 5б, въ нѣшь 2а, нѣшимь 2а, нѣши 2а. В односложных основах писец часто предпочитает трактовать пропущенную гласную как конечную и расставлять акцентные знаки в соответствии с пунктом 2.

2. П о с т а н о в к а з н а к а у д а р е н и я п о с л е т и т л а, если ударение падало на конечный слог сокращенной основы (ср. пункт 1). Формально здесь можно различать два случая: а) случай, когда ударение сдвинуто на следующую за конечным слогом согласную; за исключением некоторых специфических написаний в этом случае не возникает проблемы, к какому гласному должен относиться знак ударения; б) случай, когда ударение, принадлежащее сокращенной основе, сдвинуто на гласную следующего за данной основной слога; при таком написании словоформа может совпадать по своей акцентовке с аналогичной словоформой с сокращенной основой, имеющей отмеченное ударение на соответствующем слоге, и требуется специальное исследование для установления действительного места ударения и способов различения таких написаний в тексте, если они имелись.

а) Знак ударения стоит после титла или выносной буквы над согласной: бѣтво 4а (= *богатство, изд. бѣтво), кѣство 4а (= *кѣство, изд. кѣство), ср. также: ѣство 23а; и ѣства 64а; да не ѣства 23а, ѣствѣ 57а, ѣствѣ 26а; гнѣ 3а (= *господнѣ); ннѣ 5а, 43а (= *нынѣ), ннѣ же 1а, 3б, 40а, 45б, 48б, до ннѣ 6б, и до ннѣ 7а; помѣисе 6а (= *помолисе 3 sg. aor.), мѣтвы 2б (= *молитвы), мѣвы 8б, о мѣтвѣ 42а, мѣтвно 13б, мѣтвѣ 38а, за мѣтвѣ 2б, нбнны 2б (= *небесныи), нбнаго 9а, мѣтелии 8а (= *мѣчителии), и мнѣа 8а (= *мѣчѣнѣа), прѣче 59б; члѣка 9а, члѣк (gen. pl.) 5б, въ члѣцѣ 8б, члѣкаа 64а; дѣсе 45а; къ сѣмрти 5а; тека 27б (= *тѣжка); въ блѣти 6а (= *въ благодѣти), влѣкы 1а (= *владыкы); пѣбѣ 22б (= *пѣдѣбѣ), пѣбнѣ 3а, 18б, вис 67б, пѣбна 10а, 59б, пѣбно 25б, 49а, 51б, 65а, пѣбное 60б, и пѣбнаа 33а, пѣбный 20а, пѣбный 20б, пѣбныи 51а, пѣбю 41б, ѡ люхѣ 5б (= *ѡ людѣхѣ), рѣвъ 19б (= *рѣдѣвъ), словѣмь 42 (= *словесѣмь), и вѣрню 20а (= *вѣчерню).

224

б) Знак ударения стоит после титла или выносной буквы над гласной. Имеется несколько способов раскрытия неопределенности такой акцентовки.

(1) Наиболее простой случай, когда оксия стоит над гласной последнего открытого слога словоформы, за которой не следует энклитика: и ннѣа 4а (= *и нынѣ, при конечном ударении ожидалась бы вариация; изд. и ннѣа), ср. также: ннѣа 6б, 18б, 25б, 43а (= *нынѣ), дѣа 41а (= *дѣа), слау 31а, 43а (= *славу), грау 4б, 7б, 47б (= *граду, ср. полное написание: градѣ 47б), глѣу 2а (= *глѣсу), глѣу 57а (= *глѣсу), бѣи 10б (= *богѣи), гѣи 10б, 11а (= *господѣи), чѣб 60б (= *чѣдо), сѣти 11б (= *спѣсти), ѡблаѣ 59б (= *ѡбладе), бѣу 19а, 45а (= *боудѣу), бѣ 45а (= *бѣдѣ), ѡкоу 18б (= *ѡкоудѣу), бѣмь 5б (= *богомь), ѡноуѣ 29а (= *ѡноудѣ) и т.д. Ср. регулярное обозначение в подобных случаях конечного ударения знаком вариации: нбса 43а, сѣ нбсе 55б, постѣ 46б, вис, ѣта 32б, ѣта 32б, ѣта же ли 25б, и тога бѣ 38б, раи 5а, днѣи 5б, днѣи 51б, днѣа 61а, ха 60а.

(2) В случаях чередования ударности и безударности сокращенной основы писец, по-видимому, избегал совпадения акцентовок посредством использования для ударной основы способа 1 и 2а, ср. 1) мѣю се (= *молю се), и мѣи (3 sg. aor., = *и моли), помѣи се (3 sg. aor., = *помоли се) ~ помѣи се 41б (2 sg. imper., = *помоли се), мѣите се (2 pl. imper., = *молите се), помѣити се 25а, помѣити се 40б, вис, (inf., = *помоли се); 2) пѣбѣ (= *пѣдѣбѣ), пѣбнѣ (= *подобнѣ), пѣбна (= *подобна), пѣбно (= *подобно), пѣбю (= *подобю) и др. ~ пѣбиши се 47б (= *подобиши се), пѣбитѣ 66а (= *подобитѣ), пѣбитсе 42а (= *подобитсе), пѣбимсе 3а (= *подобимсе), не оупѣбимсе 9а (= *не оуподобим се), пѣбѣ се 6а (дееприч., = *пѣдѣбѣ се), пѣбаеть 52б, 66б (= *подобаетѣ) и др.; 3) вѣли 45б (= *вѣдѣли), и въ вѣни (= *и въ вѣдѣни), въ невѣни 51а (= *въ невѣдѣни), въ оувѣни 7а (= *въ оувѣдѣни) (ср. полные написания: вѣдеи 25б, не вѣдѣе 45б; вѣдѣ 54а) ~ вѣтисе 14б (= *вѣдѣти се), не вѣти се 27б, 35б (= *не вѣдѣти се), оувѣти 14б, 15а, оувѣти 30а, оувѣти 30б (= *оувѣдѣти), оувѣти се 32а (= *оувѣдѣти се), оувѣвше 34б (= *оувѣдѣвше), невѣниѣ 31б (= *невѣдѣниѣмь), въ невѣни 35а (= *въ невѣдѣни), невѣни* 54а (= *невѣдѣнихѣ), ср. полные написания: оувѣдѣти 13а, нѣ вѣдѣе 35а, не вѣдѣоу 48а, вѣдѣть 6б; 4) возможно, также в следующих написаниях: сѣти 25б (inf., = ? *сѣдѣти) ~ сѣте 17а (2 pl. imper., = ? *сѣдѣте).

(3) Имеется, однако, ряд написаний, на которые тенденция графического различения ударной и безударной основы не распространяется. К ним относятся прежде всего случаи сокращенного написания в основном глагольных основ посредством выноса согласной буквы, стоящей между двумя тождественными гласными, с сохранением лишь одной из этих тождественных гласных. В этих случаях сохраняющаяся гласная рассматривалась, по-видимому, как представляющая гласные обоих слогов, и отношение знака ударения к тому или другому из этих слогов специально, по-видимому, никак

не выражалось, ср. тождественные акцентовки: 1) виши 39a (= *видиши), виши ли 48a (= *видиши ли), вишь ти 39b (= *видишь ти), да вишь 53b (= *да, видишь) (ср. полное написание: видиши 19a, 35b) ~ и вите 58b (2 sg. imper., = *видите); 2) ввесе 35a (3 sg. aor., = *введесе), приввесе же се 31b (= *привведе же се), низвесе 3a (= *низведесе) ~ ввеша 38b (= *введеша), ввеша 25a, 37b, 53a, 70b (= *введеша), ввеша 69b (= *введеша) и под.; 3) наресе 56a (3 sg. aor., = *нарече се) ~ реша 15b, бис (= *речеши), пореша 7a (= *поречеша), реша 5a (= *речеша), реша 15b (= *речеша) и под.; 4) боуть 14b, боуть 15b (= *боудуть) ~ греть 15a, 17b, 65b, греть 16b (= *греша), не принесть 61b (= *не принесеша).

П р и м е ч а н и е. Из предшествующего следует, что в последнем типе сокращенных основ неопределенность снимается, когда вторая гласная оказывается гласной конечного открытого слога, за которым не следует энклитика: реша 70b, 71a и др. (= *рече), бис 45a (= *бис-дш), соуть 66b (= *соудуть), сло 45b (= *слово), мно 3a (= *многш, ср. многа 6a), сла 72a (= *слава), гра 71a (= *града), гла 66a (= *гласа), беша 71a (= *беша), ср. с конечным ударением: посреша 55a, 70b (= *посреша) и под.

Кроме этого рода сокращений формальная неопределенность в атрибуции ударения регулярно возникает лишь у некоторых нестандартных сокращений, в которых сокращенное написание возникло в результате устранения фактически не гласной основы, а гласной суффикса, ср. паже 71a, паже 72a (= *паче же), формально можно было бы прочесть и *паче же, но ср. па 51b (без энклитики; = *паче).

(4) Если мы исключим последний тип сокращений, а такой случай (1), в котором совпадения с конечной акцентовкой не происходит в силу орфографических правил, то окажется, что передвижение акцента на следующую гласную в сокращенных словах в тексте 0 письм. допускается довольно редко. Обычно такие случаи обнаруживаются в словоформах, относящихся к таким категориям, в которых в диалекте 0 письм. на соответствующем гласном вообще никогда не бывает главного ударения, т.е. оно исключено самой акцентной системой, отраженной в данном памятнике, ср.: распаю-щюу се 30b (= *распадающюу се), блающаго 38b (= *бладающаго), ударение на форманте -юш- не обнаруживается ни в одном из классов глаголов, то, что оксия здесь обозначает ударение предшествующего гласного, показывает ритмическое ударение, отмеченное в данных словоформах: оно регулярно падает через слог после главного.

3. **П о с т а н о в к а з н а к а у д а р е н и я н а д т и т л о м.** Рассмотрение фото л. 4a рукописи обнаруживает, что в рукописи существует третий способ акцентовки слов с сокращенной основой, а именно: постановка знака ударения над титлом или титловой буквой. Сравнение фото л. 4a с наборным изданием этого листа показывает, что во всех случаях постановки ударения над титлом

в издании знаки акцента сняты, а в случае постановки ударения над титловой буквой знак ударения в издании сдвинут и находится в междустрочье рядом с выносной буквой, ср.: га 4a (изд. га), гна 4a (изд. гна), глющаго 4a (изд. глющаго); влха 4a (изд. влха), всприше 4a (изд. всприше), й кой 4a (изд. й кой). Вторая деформация текста в издании не имеет, по-видимому, существенного значения, но первая имеет непосредственное отношение к нашей проблеме. Из 111 словоформ, могущих нести собственное ударение, на л. 4a в рукописи оставлены без ударения две словоформы, в изданном тексте — четыре словоформы (одна из форм со снятым ударением над титлом сохраняет ритмическое ударение, поэтому количество неакцентованных словоформ не увеличивается, одна из неакцентованных словоформ рукописи ошибочно набрана с ударением: яко же 4a23 (изд. яко же), но зато при наборе потеряно ударение одной словоформы, несущей в рукописи знак акцента: якоже 4a18 (изд. якоже). Л. 4a не является вполне показательным для статистического анализа акцентовки: как титульный лист он может быть написан и акцентован более тщательно, чем остальные, однако его сопоставление с изданием заставляет предполагать, что большое количество неакцентованных словоформ в изданном тексте связано со снятием знака акцента над титлом. Хотя в рукописи 4a ни одного пропуска ударения не происходит из-за титла, можно думать все же, что заполненность междустрочья знаком титла помешала писцу в ряде случаев поставить знак акцента; такие пропуски, по-видимому, можно спокойно суммировать с пропусками, обязанными своим возникновением снятию акцента над титлом при наборном воспроизведении текста. Таким образом, по-видимому, исходя из способов акцентовки сокращенных слов в тексте 0 письм. и передачи их в наборном издании, можно с определенной степенью огрубленности предполагать, что формы, регулярно остающиеся неакцентованными, должны были иметь ударение на сокращенной основе, среди таких форм возможно небольшое число примеров с постановкой акцента на следующей гласной; формы, регулярно несущие акцент над следующей гласной, должны рассматриваться как действительно несущие ударение на данном слоге, в этом случае число последних форм с пропуском акцента должно быть относительно невелико, т.е. не отличаться значительно от количества аналогичных пропусков среди полностью написанных слов.

Если отвлечься от указанной количественной стороны текста, которая дальше привлекается в основном лишь для верификации результатов, для установления акцентной кривой глагола *глаголати* в диалекте 0 письм. релевантны следующие формы:

Формы от презентной основы

глаеша 1 sg.: глю 3b, 6b, 33b, 48b, й глю 6b, й не глю 6a [= *глаголю]. Во всех шести примерах над последней гласной стоит оксия, конечное ударение было бы обозначено варией. В акцентной системе памятника формы 1 sg.

praes. с конечным ударением отсутствуют¹⁴; таким образом, единственно возможная иная интерпретация была бы **глаголю, но в этом случае в рукописи ожидалась бы оксия над г или над титлом. Первый способ акцентовки в изданиях передается адекватно рукописи, при втором способе знак ударения скорее всего был бы снят. На основной акцентовке этой формы соответствует и значительное число случаев (21), когда она встречается без знака ударения: глю 116, 136, 21а, 28а, 28б, 366, 386, 446, 45а, 45б, 486, 51а, 536, 566, 616, bis, 666, 696, не глю 416, и не глю 196, 58а. Относительно большое количество случаев с оксией, сдвинутой на следующую гласную (6), объясняется положением этой гласной в конечном открытом слоге, при котором ударность ее должна была выражаться варией].

Praes. 2 sg.: глѣши 586, и глѣши ли ми 476, глѣши ми 556, глѣши бо се 60а [= *глаголѣши, с ритмическим вторым ударением на окончании. Так как ритмическое ударение падает строго через слог после главного¹⁵, главное ударение реконструируется на слоге перед тематическим гласным. Толкование отмеченного ударения как главного исключено акцентной системой памятника¹⁶. В тексте отмечается большое количество примеров этой словоформы, оставленных без акцента (52): глѣши 14а, 166, 17а, 40а, 436, 48а, 52а, bis, 526, 53а, 536, 56а, 596, bis, 60а (5х), 606 (8х), 61а (6х), 626, bis, 63а, ter, 646, bis, 66а, bis, и глѣши 486, 58а, 596, bis, 606, не глѣши 606, не глѣши 156, bis, 596, глѣши 596. Эти примеры, как и приведенные выше четыре примера с ритмическим ударением, являются вполне достаточным свидетельством того, что идеальным орфографическим поведением писца при акцентовке данной словоформы была постановка акцента над титлом. Характерно, что во всех 56 случаях появления этой словоформы в тексте ни разу не отмечена оксия, передвинутая на следующий слог, что привело бы к совпадению с акцентовкой этой формы в а.п. с].

¹⁴ В тексте О письм. имеются лишь формы 1 sg. praes. от глаголов а.п. с с ударением, перенесенным на окончание по закону Васильева-Долобко; см.: Дыбо В.А. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. (Praesens). - ВЯ, 1969, № 3, с. 85, 87, 89. Ср. также: Дыбо В.А. Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2, специально с. 96-97.

¹⁵ См. материал в работе: Дыбо В.А. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. (Praesens), с. 85 и 86.

¹⁶ См. материал по 2 sg. praes. а.п. с в указ. соч. на с. 88, где ударение в этой форме отмечается исключительно на тематическом гласном, ср. 2 sg. praes. неподвижного акцентного типа с проставленным ритмическим ударением: оуббгнешѣ ли 486, млиши се 416 (= *молиши се), свѣтел'ствѣши ми 40а (= *свѣдѣтел'ствѣши ми), см. также другие примеры в указ. соч. с. 85 и 86.

praes. 3 pl.: глѣть ю 126 [= *глаголѣть ю. Место ударения словоформы определяется по месту ритмического ударения на энклитике, не имеющей самостоятельного ударения в акцентной системе данного памятника¹⁷, ср. акцентовку сочетаний других форм глаголов с этой энклитикой: и да-рѣть ю 47а, мвлѣть ю 216, повелѣвы ю 416, съзыжѣши ми ю 19а, и 8малѣ ю 55а (аор. 3 sg., = *и 8малѣ ю), - но ср. не в позиции ритмического ударения: поими ю (imper.) 71а, почти ю (imper.) 71а, оудиши ю 316, приѣмь ю 47а, идѣца ю 48а, зрѣть ю 47а, вводиши ю 47а, растли ю (аор. 3 sg.) 676. Кроме указанной формы, в тексте О письм. форма praes. 3 pl. встречается без акцента еще 31 раз: глѣть 106, 136, 17а, 256, 28а, 456, bis, 526, 57а, 576, 58а, 68а, 686, bis, и глѣть 25а, 456, глѣтсе 156, 436, 586, 69а, 696, глѣю 276, 526, глѣю 62а, и глѣю 146, глѣю 11а, и глѣю 366, глѣть бѣ 11а, глѣт' бѣ 52а, 62а, глѣт бѣ 62а. Наличие в тексте большого количества форм praes. 3 pl. с пропущенным акцентом является дополнительным аргументом в пользу накоренного ударения этой формы. Возникает проблема, как объяснять акцентовку случаев глѣть 12а, 16а, и глѣть 10а, и глѣю 16а. В первых трех случаях можно видеть передвижку оксии на следующую за ударным слогом гласную (хотя писец в подобных ситуациях этим способом акцентовки пользуется редко, однако при достаточно большом количестве форм такой сбой, приводящий к неопределенности относительно места ударения, можно ожидать), но четвертый случай, если он точно воспроизведен в наборном тексте, этому объяснению не поддается. Поэтому предпочитаем объяснять примеры формы praes. 3 pl. с проставленным (в наборном тексте) ударением как результат графической контаминации с формой praes. 3 pl. от глагола *глаголити (о наличии этого глагола в тексте О письм. и связанных с ним трудностях см. ниже). Иначе говоря, можно думать, что отмеченные формы появились в тексте О письм. в результате правки форм *глѣть, *глѣ,

¹⁷ В "О письм." на некоторых энклитиках (в основном, бо, реже: же, ли, се) отмечается самостоятельное ("эмфатическое") ударение, не зависящее от главного ударения ортофонической словоформы, ср.: поуть бѣ 18а, поут' бѣ 376, ѣзык' бѣ 166, твою бѣ 43а, моука бѣ 106, мѣдрѣ бѣ 71а, не мни бѣ 42а, напиши бѣ ми 416, живѣт' бѣ 42а, безаконіе бѣ 426, bis, погрѣшеніе бѣ 6а, истинѣ бѣ 396, вар'вар'ства бѣ 8а, съ дрзновлѣніем бѣ 15а, множайши бѣ 44а, 716, Малѣши бѣ 516, не въ простѣши бѣ 71а, ѿ вышнѣго бѣ 59а, вышнѣго бѣ 60а, погыбшаго бѣ 226, самодрѣжавномуу бѣ 256; хоула же 6а, въ писмене же 6а, не тѣчию же 6а, нни же ли 556, обрециши се 376 и др. подобные, наряду со случаями, в которых "эмфатическое" ударение совпадает с ритмическим, т.е. лежит на ритмической решетке. Поэтому такие примеры, как: глѣть бѣ 11а, глѣт' бѣ 52а, 62а, глѣт бѣ 62а, глѣть бѣ 556, глѣт' бѣ 416, глѣ бѣ 64а, гла бѣ (3 sg. аор.) 19а - не релевантны для установления места главного ударения.

существовавших в протографе. Возможно, аналогичным образом объясняется форма 1 pl. гл^м 57а как отражающая первичную форму *гли протографа. Остальные формы 1 pl. и 2 pl. не имеют знака акцента: 1 pl. - гл^м 166, гл^м 69а, гл^м 486; 2 pl. - гл^м 566. О форме praes. 3 sg. см. ниже].

Part. praes. act. nom. sg. m.: гл^м 8а [= *глагол^м. Конечное ударение в данной форме исключается акцентной системой памятника¹⁸, графически конечное ударение должно было быть обозначено вариет, а при начальном ударении следовало бы ободать знак акцента над начальным согласным или над титлом. Во втором случае в издании знак акцента скорее всего был бы снят. Этой интерпретации соответствует и значительное количество случаев появления данной формы без знака ударения (16): гл^м 34а, 416, 43а, 47а, 506, 52а, 576, 61а, 626, 636, 66а, гл^м 136, 48а, 49а, 596, 666. Членная форма гл^м 58а (без знака ударения) может быть отнесена к этому же глаголу и рассматриваться как отражающая накоренную акцентовку, ср. пиш^м 196, bis, не хот^м 196 и под., форма гл^м 186 может трактоваться или как форма со сдвинутой на следующую за ударным слогом гласную оксией или как форма от глагола *глаголити с закономерным ударением на окончании, ср. оуч^м 196 и под.

Part. praes. act. nom. pl. m.: гл^м 10а [= *глагол^м. Главное ударение на форманте -юц- исключается акцентной системой памятника. Данная оксия может отмечать ритмическое ударение при начальном главном ударении или сдвинута с предшествующего ударного слога. Первый случай исключается акцентовой разобранной выше форм и акцентовой приводимой ниже членной формы. Накоренному ударению этой формы и форм косвенных падежей соответствует отсутствие над ними акцента во всех остальных случаях появления их в тексте: гл^м 48а, 536, 566, bis, 666, 706, гл^м 306, 37а, 48а, гл^м (acc.-gen. sg. m.) 5а, 516, 54а, гл^м (dat. sg. m.) 49а, ср. также гл^м (acc. sg. m.) 10а].

part. praes. act. gen. sg. n. чл.ф.: гл^м 4а [= *глагол^м. Форма приводится по фотографии, в наборном тексте: гл^м. Предположение в ритмическом ударении над -аг- подтверждается оксией над титлом в рукописи. По ритмическому ударению устанавливается точное место главного ударения. Так как ритмический характер ударения на окончании установлен зафиксированной в фотографическом издании формой, то членные формы наборного издания с проставленным конечным ударением могут служить дополнительным материалом для подтверждения постоянства точного места главного ударения в данных формах: гл^м 106, ter, 486, 556, 586, 60а, 61а, 616, 62а, 68а, и гл^м 586 (= *глагол^м), гл^м 176 (= *глагол^м) гл^м 50а, 51а (= *глагол^м). Несколько таких форм вообще не имеют акцента (гл^м

¹⁸ Перенос ударения на окончание в этой форме фиксируется в тексте О письм. лишь в а.п. с исключительно при присоединении энклитики се.

ц^м 246, гл^м 29а, 50а, 706), что соответствует факультативности постановки ритмического ударения в тексте].

part. praes. pass., чл. ф.: гл^м (gen. sg. f.) 66 [= *глагол^м. Главное ударение на тематическом гласном в данной форме исключается акцентной системой памятника. Оксия в этом случае могла бы отражать ритмическое ударение при начальном главном, но такое главное ударение исключается другими формами с проставленным ударением на окончании. Лишь приняв, что в данной форме оксия сдвинута на гласную, следующую за ударным слогом, мы получим единообразную интерпретацию всех зафиксированных форм, ср.: гл^м 63а, гл^м 676 (= *глагол^м), гл^м 686 (= *глагол^м).

Формы от инфинитивной основы.

aor. 1 sg.: гл^м 8а [= *глагол^м. При ударении на корне ожидался бы иной порядок расположения выносного ж и оксии. Данная интерпретация подтверждается ударением формы aor. 3 sg. (см. ниже). Проставленное ударение над -а- во второй (из двух) форме aor. 1 sg. гл^м 276 и в единственной форме aor. 1 pl. гл^м 29а в определенной степени также поддерживает эту интерпретацию.

aor. 3 sg.: гл^м 86 [= *глагол^м. Конечное ударение указывается типом надстрочного знака: вари^м в тексте О письм. ставится исключительно на последнем открытом слоге словоформы. Наличие ряда словоформ aor. 3 sg. без проставленного ударения: гл^м 306, 416, 63а, гл^м 66 19а - не может существенно изменить этот вывод, однако, по-видимому, заставляет считаться с возможностью варианта с накоренным ударением. Ср. ту же возможность у других форм от инфинитивной основы].

Форма инфинитива в большинстве случаев (16) встречается с проставленным ударением: гл^м 386, ter, 60а, 636, bis, 67а, 69а, гл^м 3а, 15а, гл^м 126, 15а, 166, bis, 176, гл^м 32а, и лишь пять раз - с пропущенным ударением: гл^м 386, 526, 576, 636, прогл^м 10а. Это соотношение, наряду с прямым указанием формы 3 sg. aor., совершенно исключает возможность толкования знака ударения в данных примерах как "сдвинутой оксии" и приводит к интерпретации этих форм как *глагол^м (се), однако довольно большое количество форм без знака ударения делает сомнительным рассмотрение их как случайных и заставляет считаться с возможностью менее частотного варианта *глагол^м, ср. аналогичные колебания акцентовки у других глаголов этого класса: 1. съпис^м 486, пр^мпис^м 12а ~ съпис^м 496, пис^м 46а, 496, пис^м 43а; 2. възыск^м 36 ~ възыск^м 226; 3. не при^м 55а, не при^м 55а ~ при^м 13а (с двумя знаками ударения).

Предположение о двух вариантах ударения в инфинитивной основе подтверждается соотношением акцентовок в формах part. praes. С одной стороны, ритмическое ударение в форме неиз'гл^м'ноу (instr. sg. f) 22а (какая-либо иная интерпретация знака ударения в данной форме исключается акцентной системой памятника) приводит к интерпретации: *неиз'гл^м'ноу, с другой стороны, примеры: гл^м'но 326, неиз'гл^м'ноу 46, неиз'гл^м'наго 586,

гланнаа 70а, - при одном примере с непроставленным ударением: глан'ное 61б - должны трактоваться как формы с ударением на суффиксе -ан-. И в данном случае установленное колебание ударения согласуется с подобным колебанием в формах part. praet. pass. от других глаголов этого класса: писано 36а, написано 37а, съписана 7а, писан'наа 96, ѿ писан'наа 10а, прѣписан'ною 50б, писан'ны^х 25б ~ не ѿписан'на 50б, писан'наа, ѿ писан'ны^х 48б, не писан'ными 48б и под.

Формы имперфекта, как и следовало ожидать, исходя из акцентной системы памятника, дают более частотный вариант с накоренным ударением, т.е. с непроставленным знаком акцента: 3 sg. глаше 47б, 50а, 54а, глаше 48а (= *глаго́лаше), 3 pl. глахѸ 50б (= *глаго́лахѸ), и лишь один раз: глаше 49б.

Исключительно последовательная акцентовка отглагольного имени (см.: nom. sg. Прогланіе 3а, нагланіе 69а, gen. sg. гланіа 69б, гланіа 17а, acc. sg. въз'гланіе 38б, loc. sg. въ глани 68а, nom. pl. гланіа 12а, 22б) своим соответствием с последовательно проведенным суффиксальным ударением этого типа имен от других глаголов данного класса, по-видимому, подтверждает проведенный выше анализ.

Формы l-part. встретились в тексте три раза (sg.m. глалъ 70б, bis и pl.m. ѿ глали 15а) и могут быть присоединены к другим формам инфинитивной основы, поддерживающим реконструкцию двух акцентных вариантов.

Учитывая то, что вариант с накоренным ударением в формах от инфинитивной основы, кроме имперфекта, в данном классе глаголов в диалекте О письм. является результатом не полностью прошедшей в этом диалекте унификации акцентных типов, можно, сняв его, представить в несколько идеализированном виде первичную систему ударения изучаемого глагола для указанного диалекта:

		Praesens	
		Sg.	Pl.
1.	глаго́лю	глаго́лю	глаго́люмь
2.	глаго́лши	глаго́лши	глаго́лшете
3.	глаго́лтъ	глаго́лтъ	глаго́лють
part. praes. act.		глаго́лю	~ глаго́люще и т.д.
inf.		глаго́лати	
l-part.		глаго́лалъ ~ глаго́лали	

		Aorist	
		Sg.	Pl.
1.	глаго́лахъ	глаго́лахъ	глаго́лахомь
2.	глаго́ла	-	-
3.	глаго́ла	-	-
part. praet. pass.;		глаго́ланъ ~ глаго́лана и т.д.	
deverbativ:		глаго́ланіе	

Такое распределение акцентовок в презентной и инфинитивной основах свидетельствует о праславянской а.п. b рассматриваемого глагола.

Существительное глаго́ль выступает в тексте О письм. в двух акцентных вариантах. Вариант а.п. с обнаруживается лишь в двух случаях формы acc.sg.: ѿ гль 28а, въ гль 38а, - более полная парадигма представлена вариантом а.п. а с ударением на последнем слоге основы. Для установления акцентной кривой релевантны следующие формы:

- nom. sg. гль 15а (= *глаго́ль. "Передвинутая оксия". Форма без знака ударения встречена 31 раз);
- gen. sg. (отмечен 7 раз, без знака ударения);
- dat. sg. (отмечен 10 раз, без знака ударения);
- acc. sg. гль 1а, 13б, 14б, 18б, 32б, гль 23б (= *глаго́ль. "Передвинутая оксия". Форма без знака ударения встречена 40 раз);
- instr. sg. (отмечен 6 раз, без знака ударения. Из них такие случаи, как: гломь 18а, 58а, 58б, съ гломь 57а, ни гломь 27а, - явно исключают подвижный акцентный тип);
- loc. sg. (отмечен 6 раз, без знака ударения);
- nom. pl. глї 23а, глї 16а, ѿ глї 2б (= *глаго́ли. "Передвинутая оксия". Формы без знака ударения встречены 12 раз. Такой случай, как ѿ глї 28б, при регулярности показа оттянутого на союз ударения в О письм. также может рассматриваться как релевантный для установления акцентного типа этого имени);
- gen. pl. гль 28а (= *глаго́ль. "Передвинутая оксия". Формы без знака ударения встречены 7 раз);
- dat. pl. (отмечен 12 раз, без знака ударения);
- acc. pl. гль 16а (= *глаго́лы. "Передвинутая оксия". Формы без знака ударения встречены 19 раз);
- instr. pl. (отмечен 2 раза, без знака ударения);
- loc. pl. гль 3а (= *глаго́лѣхъ. Оксия, передвинутая на следующий за ударным слогом согласный. Формы без знака ударения встречены 20 раз);
- acc. du. (отмечен один раз, без знака ударения).

Такое распределение акцентовок, очевидно, свидетельствует о том, что основным акцентным типом этого имени в О письм. был неподвижный акцентный тип с ударением на конечном гласном основы, он, по-видимому, отразился и в названии буквы: глаго́ле 12б; редким реликтовым вариантом, возможно, сохранившимся лишь в отдельных формах, был вариант подвижной акцентной парадигмы. Последний, вероятно, следует считать первичным не только потому что он позволяет построить убедительный ряд соответствий, ср.: болг. диал. (Разлог) гла́гул м. 'речь, дар речи' (МПр. VI, 1931, 3, 117), (Банско) гла́гор 'тембр, голос' (СбНУ XLVIII, 436); серб. стар. гла́гол 'речь' (РСА III, 301, 302), диал. (Косово-метох.) гла́гол (Елез. I, 97); чешск. hla-hol м. 'шум, гам, пение', словацк. (книжн.) hlahol м. 'звук, звучание' (этот ряд соответствий может указывать как на а.п. с при нормальной потере подвижности ее рефлексов в болгарском у многосложных имен masculina и частой потере подвижности у неупотребительных имен в схрв., так и на а.п. а с акутовым ударением на первом слоге, однако последняя непонятна как с точки зрения просодии первого слога, так и с точки зрения разбираемых ниже

словообразовательных отношений)¹⁹. Вариант подвижного акцентного типа приходится считать первичным еще и потому, что только он позволяет объяснить наличие i-глагола а.п. с от этого имени при j-*praesentium* а.п. b, ср.: болг. стар. глаголя, глаголи 'говорить' (Речник РОДД, 85); схрв. стар. глаголити, глаголити, -им 'говорить' (РСА III, 302, 303), ср. также объяснимую лишь подвижным характером ударения, производящего имени акцентовку белорус. диал. галагалёць (гилгалёць) 'шуметь, кричать' (Юрчанка 61, цит. по ЭССЯ 6, 24). В то же время возникновение варианта неподвижного акцентного типа с ударением на последнем гласном основы легко объяснимо как в болгарском, так и в сербском процессами выравнивания по ударению глагола *глаголѣть в условиях совпадения акцентной кривой последнего с акцентной кривой а.п. а.

Примечание. Глагол *глаголити зафиксирован также и в тексте О письм., однако его выделение встречается с рядом трудностей, связанных с характером контекстов, возможной неадекватностью передачи сокращенного написания протографа переписчиком XVII в. и деформациями, допущенными при наборном воспроизведении текста (снятие знака акцента над титлом, неточное воспроизведение размещения знаков и выносных букв в междустрочье). Можно указать следующие несомненные случаи его употребления:

part. praes. act.: глѣцоу (dat. sg. m.) 96.
praes. 3 pl.:

- (1) какоже и ннѣ рѣси млѣсесе гѣи своѣмъ млѣсе глѣть. <не лаи на ме господине>, (106). (Ср. ниже: и ннѣ рѣси кошѣлю сорочкоу глѣть. 106).
- (2) и пакы еже глѣть ѿ мѣрѣносаца <слышаста> или <рауйтасе рѣкѣца>, нѣ тако, поне* [не - В.Д.] моука сѣтъ сѣа, нѣ жѣскаа, не соуци распространѣнѣа иноу, въ срѣнѣе глы сѣвѣодетсе и глѣть. <слышастѣ и рауйтѣсе>. (58а).
(Значение 'звучать, гласить, произноситься', для данного конкретного примера 'звучат, гласят, произносятся', подтверждается причастием глѣщее 106, ter, 486, 556, 586, bis, 60а, 61а, 61б, 62а, 68а, употребляемым в тексте О письм., кроме случая на л. 62а, как слово, вводящее цитату, т.е. имеющим значение 'звучающее, гласящее [произнесенное]'²⁰).

¹⁹ Западнoславянские формы не могут быть связаны с ср.-болг. и схрв. вариантами с неподвижным ударением на последнем слоге основы [ср.-болг. (макед.?) *глаголь (О письм.), (вост.) гла|голи (асс. pl., Сб. № 758, 596) ~ схрв. стар. глагол m. 'речь' (РСА III, 301, 302)], так как в этом случае в чешск. и словацк. наблюдался бы долготный рефлекс гласного первого слога.

²⁰ В связи с возможностью тонких семантических и синтаксических различий между глаголами *глаголати и *глаголити в протографе, обращает на себя внимание то, что причастие глѣщее во всех без исключений случаях имеет проставленное ударение на окончании, последовательность

- (3) нѣ зри и не прѣкослови. сѣа догмата сѣтъ на еретики, и како би рѣчи. тѣ тѣ, тако глѣ. <единъ стѣ единъ гѣ ѿ хс, въ сла бѣ шѣ>, показве Несторіанѣ едина сѣа, и не двѣ, како ѿнѣ бледословѣтъ. (60б).

(Форма глѣ согласуется с догмата, множественное число этого имени у Константина Костенечского подтверждается согласованием с ним глагольной формы сѣтъ).

- (4) того бо раи вѣже аще и бгословіе чѣтѣ, вѣсе чѣсьо глѣ слышециими. аще же невѣжа чѣи, аще и повѣно е чѣнѣе, никто може вѣти, аще и въ писмене* не погрѣшаѣтъ. (326).

(Форма глѣ согласуется с вѣже, пом. pl. от *вѣжда, мн. число которого подтверждается мн. числом глагола чѣтѣ в условном придаточном предложении).

Кроме этих случаев можно привести обширную выборку примеров, в которых форма *глаголѣть употреблена в обобщенно-личном значении. В тех из этих примеров, для которых подразумеваемый субъект - явно множественный, т.е. когда можно подобрать аналогичные контексты, где Константин Костенечский регулярно употребляет форму *глаголють, а также когда форма *глаголѣть употреблена в ряду других глаголов 3 pl., истолкование формы *глаголѣтъ как формы 3 pl. praes. является весьма вероятным:

- (1) сице. а, в, г. не а, б, бо въ грѣцьско глѣ <азъ, вѣ>, аще и нѣци бледѣтъ въ оуказани* канѣно иже по алфавитоу, и глѣ. <сѣ канѣ по азъ боуквы>, (366).
- (2) вѣкъ, и вѣкъ ѿблѣе, како по грѣкъ глѣ, (596).
- (3) и еда мниши тѣ, ѿ лже писателю, прѣлагаи сѣа и наы и ѿ на и, како едино глѣтъ; не внимаеши ли, како аплы сѣ ѿ глѣ възвѣчае. посла аплы, сѣ и же е мѣтно, сѣ рѣ, къ самѣ глѣ кто. аплы стѣи мѣте се гѣи. (136).
- (4) иде же глѣ <пауль же иде въ сѣн'мище>, ѿ булишеноу, присѣвѣкоуплмѣи би и къ л, и глѣли <паулиде>. (15а).
- (5) како оучѣсе сѣмоу языкоу право оувѣ, чѣд глѣ азъ, сирѣ бѣнь. аще оупишеш сѣ е, или аще рѣши како сѣ е глѣтъ, сѣ е не можеш право рѣчи, сѣ т же тако глѣтъ. (146).
- (6) и мниши, како грѣци прилагают и прѣлагают въ пѣни, сице и тѣ; или не нѣси, како и то глѣщее въ грѣць <неанѣсь> въ вѣтрѣ не глѣтъ, нѣ црѣ глѣтъ. <аназ> бо црѣ глѣтъ. и сѣ <неанѣсь аназ> како би рѣчи. ей црѣ. и прѣма глѣ привѣносетъ похвалы, самое же цѣло сѣдрѣжѣтъ. (60а).
- (7) такоже пакы хѣте и тѣ дрѣвни нѣка различѣа мѣвити, глѣши, како въ а-мь глау побное ѣ <дѣ дивное чѣ>. а въ и'-мь ѣ <ѣ прѣславное чѣ>, то понѣ въ грѣкъ вижѣ како <ѣ то парадозѣн ѣавма> глѣтъ въ ѿбои*, иже ѣ <ѣ прѣславное чѣ>. (60б).

не характерная для ритмического ударения. Однако возможности для более тщательного семантического анализа могут появиться лишь при работе с самой рукописью или ее фотоконпией.

²¹ И.В. Ягич обоснованно считает же позднейшей вставкой, искажающей смысл примера.

(8) аще ли же и сѣ не приѣмлеши, глѣ яко и инаа законъ - наа апли тога дръжахъ, то вижъ въ правилѣхъ стхъ щцъ что глеть. (52а).

(9) а еже ѿ съсѣдѣхъ зри въ правилѣхъ стхъ щцъ что глѣ. (54б). И ряд других подобных случаев.

Для сопоставления аналогичных контекстов, в которых Константин Костенецкий употребляет форму 3 pl. praes. от глагола *глаголати*, ср.:

(1) того рай прѣже на въ фрѣзѣхъ рассѣдивше и тѣсноты рай языка грѣчьскы глѣ сѣ <<пѣтеръ>>, и намъ сице лѣ по бѣше. (62а).

(2) нѣ въ мѣсто еже рѣчи <<его же дарѣи>> како* въ грѣчьскѣхъ <<его* дарѣи>>. <<ѡнь дорисонь>>, глѣють <<его* дарова>>. (68а).

(3) понѣ* <<оусъсѣженіе>> е гѣры, полѣ, хлѣми, протрѣженіа источникѣ и прочаа, еже глѣють грѣчьскы <<аката-скѣвастось>>. (68б).

(4) зри, въ си* что глѣють (52б).

(въ си* = въ правилѣхъ стхъ щцъ, ср. выше с формой *глаголеть. Для понимания Константином Костенецким субъекта в этом и подобных предложениях как множественного ср.: что глѣ стѣи щци (52б), како* и щци въ правилѣхъ рѣше. (29б).).

Конечно, во всех случаях употребления формы *глаголеть в обобщенно-личном значении остается неопределенность, связанная с двумя моментами.

Во-первых, во всех или почти во всех таких предложениях можно подозревать у данного глагола значение 'звучит, гласит' = 'говорится', наличие которого мы установили выше. Очевидно, что именно так понимал эти контексты поздний компилятор, составивший "Сіа словеса въ краѣ избрѣнна ѿ книги Константина философа и оучителя сръбскаго..."²². При таком понимании данные предложения толкуются не как обобщенно-личные, а как личные, в которых субъектом выступает толкуемое выражение или обсуждаемое положение, написание, произношение и т.п., ср.:

(1) У Константина: понѣ <<па>> <<панда>> глѣт' <<теръ>> <<сблюдѣе>>, <<пѣтеръ>> <<вса съблюдѣе>>, и е сѣ име по съблюдѣни. (62а).

У компилятора: <<Пѣтеръ>> грѣскы глѣтса <<вса съблюдѣе>>, ... (с. 551).

(2) У Константина: и <<кѣри>> глѣть два юности ради, си рѣ <<девоика>>, оно же двѣта рай <<парѣносъ>>. Ибо и мѣж двѣтвникъ <<парѣносъ>> глашѣетсе. (62б).

У компилятора: два же младости ради кѣри глѣтса. Ибо и мѣж двѣствникъ <<парѣносъ>> глашѣетса. (с. 551).

(3) У Константина: <<мѣр'тиресъ>> не глѣт' <<мнци>>, нѣ <<свѣтеле>>, (63а).

У компилятора: <<мѣр'тиресъ>> не глѣтса <<мнци>>, нѣ <<свѣтеле>>, (с. 551).

И другие подобные.

²² Издано И.В. Ягичем в указ. соч., с. 535-553.

Во-вторых, не исключено употребление формы 3 sg. praes. от этого глагола в обобщенно-личном значении²³. (Число бесспорных примеров такого употребления в славянской письменности невелико, и текст О письм. мог бы рассматриваться как содержащий самую большую коллекцию такого рода предложений, значительно превышающую весь собранный до сих пор материал, но именно это заставляет относиться с сомнением к такой возможности.)

Поэтому выделение всех случаев употребления формы 3 pl. praes. от глагола *глаголати* и отделение их от формы 3 sg. praes. от глагола *глаголати*, которые различались в протографе О письм. исключительно акцентовой, без непосредственного изучения рукописи, т.е. в условиях двойной деформации текста (переписчиком XVII в., вряд ли во всех случаях уловившим грамматические различия этих сокращенно написанных форм, и издателем, снявшим в наборном тексте, как показывает фото л. 4а, знаки акцента над титлами), по-видимому, невозможно. Однако для нашей непосредственной задачи важным является тот момент, что в тексте О письм. большинство случаев появления формы *глаголеть с проставленным акцентом (9) относится к предложениям, допускающим истолкование как обобщенно-личные, в которых эта форма может быть определена как 3 pl. praes.: глѣть 16б, глѣ 13б, 15б, глѣ 15а, глѣ 14б, глѣ 14б, 16б, 33а, 36б. К этим случаям можно добавить также следующие три, в которых форма глагола может рассматриваться как 3 pl. praes. в личном предложении:

(1) что бо свойствѣнѣши е тврѣдимъ глѣ въ изданіи, како на сами лежѣи ѡбразъ рѣчи е; аще бо и просто глѣть, нѣ самое. аще ли же и съкрѣвенно и не можетъ вьсакъ расѣсѣдѣти что глѣть, нѣ чѣно. и въ грѣчьскыи бо мнѣзи, па же мнѣжѣиши глѣ соуть их' же мало ѡбрѣтѣетсе вѣдѣци*. нѣ не прѣлагаютсе, како да не ѿ ѣства извѣдѣть. (23а).

(Оба случая употребления формы *глаголеть в данном отрывке, глѣть и глѣть - в предложениях с эллипсисом субъекта *глаголи (nom. pl.), который предсказывается антецедентом глѣ (dat. pl.) в предыдущем предложении и подтверждается формой пот. pl. глѣ в следующем предложении.)

(2) такоже потрѣба бѣ въ бѣтвнныи писании раздѣлѣти глѣ идеже е съ е и иде съ б. нѣ понѣ сѣ теж' чайше мѣвитсе ѣзыкоу сѣмоу, то бѣди да глѣтсе како* и глѣ, тѣчию да на свое мѣстѣ бѣ стойте, на своем же е, да бѣтвнаа писаниа не растлѣваютсе. (14б - 15а).

(К предикату да глѣтсе подразумевается субъект *глаголи, эллиптированный ввиду его предсказания анте-

²³ См. последнее по времени обсуждение этого рода конструкций в кн.: *Ходова К.И.* Простое предложение в старославянском языке. М., 1980, с. 264-266, и указанную там более раннюю литературу.

цедентом в предшествующем предложении - формой dat. pl. глѣмь)

(3) Нѣ миль дѣюсе величѣствію црѣтвію твоемоу, аще ѡ си^х соу побает ми приети, дѣвдскы соу прошоу. еже глѣтесе мить ѡ соу. (5а).

(Так как субъектом придаточного предложения является мить ѡ соу, значение придаточного предложения раскрывается как 'которым, т.е. каковым именем, называются милость и суд' - глагол глѣтесе, по-видимому, следует толковать как форму 3 pl. praes.).

Два случая употребления орфограмм глѣ 5б и глѣ 5ба для выражения форм 3 sg. praes. легко объясняются графической контаминацией орфограмм сокращенного написания форм 3 pl. praes. от глагола *глаголити и 3 sg. praes. от глагола *глаголати в условиях морфологического неразличения этих форм писцом XVII в. и не могут служить серьезным препятствием для предложенной выше реконструкции акцентной кривой последнего глагола в диалекте О письм.

2. Акцентная кривая презенса глагола *глаголати в восточных среднеболгарских текстах тырновской акцентуационной группы устанавливается лишь на основании косвенных данных²⁴. В текстах этой группы в полном написании данный глагол встретился лишь два раза:

inf. глаголати Сб. № 758, 208б
part. praes. act. ѡ глаголаша Служ. Евф., 55б.

Этому ударению соответствует и ударение имени: гла|голи (acc. pl.) Сб. № 758, 59б.

Это небольшое количество форм позволяет, однако, достаточно надежно установить акцентную кривую данного глагола фактически во всех формах. Она точно соответствует его акцентовке в великорусской традиции и отражает перестройку а.п. b в результате восточноболгарской ретракции ударения в ее наиболее последовательном проявлении:

	Praes.	
Sg.		Pl.
1. *глагола		*глаголемь
2. *глаголеши		*глаголете
3. *глаголеть		*глаголать
	Aor.	
Sg.		Pl.
1. *глаголахь		*глаголахомь
2. *глагола		*глаголасте
3. *глагола		*глаголаша
	и т.д.	

²⁴ Во всех случаях, кроме представленных ниже, этот глагол встретился в сокращенном написании, что в условиях sporadической акцентовки не дает возможностей для изучения ее описанным выше способом.

Акцентовка part. praes. pass. глѣмьѣ (gen. sg. f.) Зогр. сб. № 103, 378 отражает ритмическое ударение, характерное и для памятников тырновской группы. Относительно формы глѣше (nom. pl. m.) Зогр. сб. № 103, 335 остается неопределенность, это или форма от глагола *глаголити, или в данном случае перед нами также ритмическое ударение. Форма глите (2 pl. imper.) Зогр. сб. № 103, 376 должна быть интерпретирована как *глаголите, она отражает северо-восточноболгарскую генерализацию ударения на форманте -и- во всех акцентных парадигмах.

b) Юго-западнорусской традиции соответствует ударение этого глагола в восточных среднеболгарских текстах, связываемых с деятельностью митрополита Киприана ("Система Киприана").

Данный глагол в этих текстах пишется также всегда в сокращенной форме, однако он довольно регулярно (при редкой акцентовке в этой группе памятников) несет акцент над окончанием и никогда не имеет ударения над титлом. Форма 1 sg. praes. является энклитоменом, что проявляется в регулярной акцентовке энклитики же, примакающей к этой форме, при отсутствии акцента над самой формой.

1 sg. praes.: глѣ же Леств., 82а, 143б, 152б, 155б,
глѣ | же Леств., 204а. (= *глагола же).

3 sg. praes.: възгле Пс. Кипр., 96а, не глѣтса Пс. Кипр., 153а (= *възглаголеть, *не глаголетса).

1 pl. praes.: глѣмь Леств., 204а (= *глаголемь)

3 pl. praes.: въз'глѣ Пс. Кипр., 128а (= *въз'глаголать).

Знакомство с ситуацией в тексте О письм., по-видимому, позволяет достаточно убедительно объяснить причины возникновения этой странной акцентовки. Она должна была возникнуть в результате контаминации с глаголом глаголити, наличие которого в болгарской языковой области уже в новоболгарском фиксируется в Речник РОДД, 85 (см. выше). Этой контаминации, по-видимому, должно было способствовать фонетическое совпадение форм 1 sg. praes. и 3 pl. praes. от этих глаголов в среднеболгарский период. Именно из этих болгарских диалектов и связанных с ними текстов данная акцентовка, вероятно, проникла в юго-западную Русь в результате интенсивных контактов в киприановское и послекиприановское время.

Подобными же контактами, по-видимому, следует объяснить проникновение этой акцентовки в некоторые великорусские памятники.

В Чуд.: praes. 1 sg.: глѣ тѣ 44, глѣ тѣ 30³, не глѣ тѣ 10³; глѣ 13², 126², 139¹; praes. 2 pl.: і глѣ 13¹; praes. 3 pl. глѣ 47²; part. praes. act.: глѣше 9¹; part. praes. pass.: глѣмь 24³; aor. 3 sg.: глѣ. 48а, Глѣ же 45⁴; imperf. 3 sg.: глѣше 66¹.

Все эти формы хорошо объясняются а.п. с. Наличие ее доказываемой формой praes. 3 pl., с которой согласуется ситуация в praes. 1 sg., последовательно исключающая а.п. b и а.п. a, формы aor. 3 sg. исключают а.п. a, а формы part. praes. pass. исключают а.п. a и а.п. b.

Формы: praes. 3 sg. ѡ глѣ мѣ | 157²; praes. 1 pl. да не глѣмь ѡ. | 119³; praes. 3 pl. глѣ бѣ 12⁴ - объясняются

или "эмфатическим" ударением, которое может появляться в Чуд. на энклитиках, стоящих после ортогонических глагольных форм, и не на ритмической "решетке", или же вариантом а.п. а этого глагола с ритмическим ударением на энклитиках.

В некоторых из рукописей, изученных А.А. Зализняком: 16 пророков (Старица, конец XVII в.) - праes. 1 sg. глагола 36, 456 (как отмечает А.А. Зализняк, рукопись с южнославянским влиянием в ударении); Онеж. 1500 г.: не глѹ 213а, не глѹ ти 856 (в остальных случаях из-за написания надежных указаний не дает).

Заемствованием из тех же среднеболгарских диалектов, по-видимому, может быть объяснено и ударение существительного глаголь в юго-западнорусской традиции. Если в этих болгарских диалектах сохранялась подвижность акцентировки этого имени, она могла преобразоваться в среднеболгарский тип а.п. с с обобщением конечного ударения и сохранением такового в ряде форм, у которых в юго-западнорусском установилось накоренное ударение, что было воспринято юго-западнорусскими книжниками как окситонированный акцентный тип, ср. акцентовку слова *другъ*, какой она должна быть у Киприана, и зафиксированную у Мелетия Смотрицкого:

	Sg.		Pl.	
	Киприан	М. Смотрицкий	Киприан	М. Смотрицкий
Nom.	*дроугъ	дрѹгъ	*дроузи	дрѹзи
Gen.	*дроуга	дрѹга	*дроугѡвъ	дрѹговъ, или дрѹгъ
Dat.	*дроугоу	дрѹгѹ	*дроугѡмъ	дрѹгомъ
Acc.	*дроуга	дрѹга	*дроугы	дрѹги
Instr.	*дроугѡмъ	дрѹгомъ	*дроугы	дрѹги, дрѹгами
Loc.	*дроуѹзѣ	дрѹзѣ	*дроуѹзѣхъ	дрѹзѣхъ

Это предположение нуждается, однако, в подтверждении среднеболгарскими фактами: нами лексема *глаголь* в акцентованном виде в указанных текстах не отмечена.

Реконструкция а.п. *b* презенса от глагола *глаголати*, вытекающая из среднеболгарского материала, могла бы быть подтверждена ее соответствием с древнесербскими отражениями, см. в Ев.-апр. № 7364: праes. 1 sg. гл|голю 576, праes. 3 sg. гла|гольѣ 276а. Сербская акцентовка презенса может непосредственно восходить к а.п. *b*: конечное ударение в праes. 1 sg. сохранилось в диалекте, отраженном в данном памятнике лишь у глаголов *могоу* и *хоцоу* (см. выше). Однако акцентовка аор. 3 sg. Глагола же Ев.-апр. № 7364, 2566 свидетельствует скорее о книжном характере этого глагола с влиянием его акцентовки в восточных среднеболгарских текстах типа "тырновских".

Но даже и при таком истолковании приведенные древнесербские материалы сохраняют свое значение для подтверждения первичности неподвижного акцентного типа у данного глагола в южнославянских языках как непосредственное отражение этого ударения в южнославянской письменности.

С другой стороны, есть основания думать, что вплоть до последнего времени существуют или существовали диалекты, в которых данный глагол развивался как исконно сербско-хорватское образование. Его акцентовка, представленная в РСА III, с. 301, 302: *глаголати*, -ам; *глаголаты*, -ам, *глаголамо*, *глаголамо*; *глаголате* и *глаголаѣте*, аор. 2-3 sg. *глагола* и *глагола*; 1-part. *глаголао*, -ала, -ало и *глаголао*, -ала, -ало, - исключает а.п. *a* и в формах инфинитива и аориста совпадает с акцентовкой, установленной в тексте О письм. Инфинитивная основа была распространена на формы презенса, благодаря чему глагол перешел в группу отыменных *a*-глаголов и его акцентовка соответствует акцентовке тех из них, которые образованы от имен акцентных парадигм *b* и *c*. Варианты форм аор. 2-3 sg. и 1-part. с рефлексом подвижности акцента могут быть инновацией, так как они присущи в штокавском не только глаголам, образованным от имен а.п. *c*, но и глаголам, образованным от имен а.п. *b*, что, очевидно, является результатом генерализации подвижного акцентного типа. Таким образом, сербско-хорватские данные в основном подтверждают анализ, проведенный на болгарском материале, и не дают оснований для реконструкции подвижного акцентного типа (а.п. *c*). Что касается двух акцентных типов этого глагола у Ю. Крижанича (ср. inf. Глаголати Гр. 153², праes. 1 sg. Глагольѣ Гр. 1551, но и Глагольѣм Гр. 201, ср. также ударение имени: глаголом (instr. sg.) Вып. 1, 57), то они указывают, по-видимому, лишь на знакомство Ю. Крижанича с обеими восточнославянскими традициями акцентовки данного глагола, но не на ударение его в чакавско-кайкавском диалекте XVII в. (ср. замечание в Гр. 1551: Кметски, или из всего народа отвикньени, и погъблени ричи јесѣт:).

3. *žēnq, *ženētv < **ženq, **žēnetv (или [/и?] **gōnq, **gōnetv).

Непосредственное сравнение славянских фактов, которые можно рассматривать как релевантные для реконструкции а.п. презенса этого глагола, приводит к реконструкции у него для праславянского периода распада а.п. *c*:

*žēnq, *ženētv | др.-русс. не йженѡу вѡнъ (Чуд. 44³), йженѣ. (ib., 464), й йженѣтѣ (ib., 132), так же в более поздних памятниках: поженѣ (Пс.М.Гр., 16а) и поженѣ (Час. 1565 г., 115 об.) - обычное колебание ударения 1 sg. а.п. *c*; юго-западнорусск. XVI-XVII в. женѣ (Гр.См., Р 46), жженѣ (Гр.гр., с 2а, ПБер. 146²); укр. женѣ, женѣш; проженѣ, проженѣш, приженѣ, приженѣш, видженѣ, видженѣш и под.; белор. жанѣ, жанѣш; женѣ, женѣш (Карский, Белорусы 2-3, с. 299); ср. - болг. (зап.) й поженѣтсѣ (Ис. Сир., 296), йженѣтѣ (ib., 1156); (вост.) да йжденѣтсѣ (Нор.пс., 184а 4-5); поженѣ (Пс.Кипр. 1356), поженѣтсѣ (Пс.Кипр. 20а), йженѣтсѣ (Пс.Кипр. 32а); ст.-серб. (Ев.-апр. № 7364) йжденѣтъ 136а, йждѣноутъ 2746, йженѣоутъ 696, йженѣоутъ 127а, юж.-чак. (Smokvica, Korčula, Žumberak) dorēnem; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) женѣм (Гр. 92¹, 202, 219), Поженѣм (Гр. 219), Проженѣм (Гр. 202), Соженѣм (Гр. 202); сев.-кайк. XVI в. *odfenuu* (3 pl., < *od-

ženŭ, Пергошич, 17611); словен. *žénet, izžénet, nazénet, podžénet, požénet, sažénet* (Plet., об оттянутом с конца слова удареии свидетельствует открытый характер ударенного e); угор.-слов. *ženem* (по Валявцу, см. *ne žené* LMSl. 1877, 9942, *odžené* ib., 10640, *odženémo* ib., 10444)].

Однако эта реконструкция оказывается в разительном противоречии с реконструкцией акцентных типов категорий глагола, построенных на его инфинитивной основе:

1. inf.-sup.: inf. *gnāti ~ sup. *gnāto [по вост.-штир. *gnāti* ~ *gnāt* = *gnāti ~ *gnāt, ср. также резьян. *gnēt* (супин, см. *hudit gnēt* Mat. 529, *na hōdā hnēt* Mat. 386 и др.)].

Этот же акцентный тип показывают формы от глаголов а.п. b в презенсе *soljetv, seretv, koljetv, poljetv*, ср.: (1) inf. *solāti ~ sup. *solāto* [по бедн. *peslōti* ~ *py-ēslōt]; (2) inf. *srāti ~ sup. *srāto [по вост.-штир. *srāti* ~ *srāt* (= *srāti ~ *srāt), ср. также резьян. *srāt* (супин, см. *zá hode srāt* Mat. 60, *ti srāt* Op. 39), в этом же виде данный супин сохранился и в литературном словенском: *srāt*]; (3) inf. *kōliti ~ sup. *kōlito [ср. бедн. *klōti* ~ *klōt, вост.-штир. *klāti* ~ *klāt* (= *klāti ~ *klāt)]; (4) inf. *mēliti ~ sup. *mēlito [ср. бедн. *mljēti* ~ *mljēt, вост.-штир. *mlēti* ~ *mlēt* (= *mlēti ~ *mlēt), ср. также кайк. диал. (пригорск.) *mlēt* (супин, см. Rad 118, с. 110)]; (5) inf. *pōliti ~ *pōlito [по вост.-штир. *plāti* ~ *plāt* (= *plāti ~ *plāt)].

Напротив, глаголы а.п. с имели в категории "инфинитив-супин" подвижный акцентный тип: (1) inf. *zvāti ~ sup. *zvatv [ср. бедн. *zvōti* ~ *zvatv, вост.-штир. *zvāti* ~ *zvat* (= *zvāti ~ *zvat), с общим словенско-кайкавским передвижением нисходящего ("циркумфлексового") ударения на следующий слог]; (2) inf. *brāti ~ sup. *bratv [ср. бедн. *brōti* ~ *brāt, вост.-штир. *brāti* ~ *brāt* (= *brāti ~ *brāt), с общесловенско-кайкавским передвижением нисходящего ударения на следующий слог]; (3) inf. *prāti ~ sup. *pratv [ср. бедн. *prōti* ~ *prāt, вост.-штир. *prāti* ~ *prāt* (= *prāti ~ *prāt), с общесловенско-кайкавским передвижением нисходящего ударения на следующий слог]; (4) inf. *orāti ~ sup. *oratv [ср. бедн. *erōti* 318 ~ *erāot* 310, вост.-штир. *orāti* ~ *orāt* (= *orāti ~ *orāt), с общесловенско-кайкавским передвижением нисходящего ударения на следующий слог]; (5) inf. *jvātī ~ sup. *jvātī [по вост.-штир. *jemāti* ~ *jemāt* (= *jemāti ~ *jemāt), с общесловенско-кайкавским передвижением нисходящего ударения на следующий слог].

2. Aorist: 1 sg. *gnāxv (то же удар. 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *gnā [реконструируется на основании штокавских отражений: ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *изъгнаше* (3 pl.) 151a, 2746 ~ *изъгна* 1156, *изъгна* 2486, *изъгна* 1266, *изъгна* 183a, *и изъгна* 976, *и изъгна* 74a (3 sg.); совр. схрв. шток. *изагнах* Дан. 184 ~ *изагна* Дан. 185].

Этот же акцентный тип показывают формы аориста от соответствующих глаголов а.п. b: (1) 1. sg. *posvāxv (то

же ударение 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *posvā [ср. ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *послаше* 87a, 119a, *и послаше* 1426 (3 pl.) ~ *посла* 278a, bis, *посла* 2556, 277a, 2776, 2786, bis (2 sg.), *посла* 236, 44a, 1116, 121a, 1216, 1276, 1426, 143a, 1586, 1686, 2156, ter, 228a, 2366, 2846, 2956, 302a, 3966, *посла* 1216, 1686, 291a, *посла* ме 986, 150a, *посла* ме 212a, *посла* на 1586, *посла* № 96a, *посла* же 280a, *и посла* 1276, 1426, 1676, 2266, 2376, *и посла* 1676, не *посла* 106 (3 sg.); совр. схрв. шток. *слах* ~ *сла*, *послах* ~ *посла* Дан. 181]; (2) 1 sg. *svrāxv (так же 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *svrā [по совр. схрв. шток. *srāh* *srā*, *izāsrah* ~ *izāsra* RJA; (3) 1 sg. *kōlxv (так же 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *kōl [ср.: ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *закла* 2276 (2 sg.), *и закла* (3 sg.) 2276; совр. схрв. шток. *клах* ~ *кла* Дан. 182, *заклах* ~ *закла* Дан. 182]; (4) 1 sg. *mēlxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *mēl [по совр. схрв. шток. *мьэх* ~ *мьэ*, *намьех* ~ *намьэ* Дан. 126].

Напротив, в формах аориста от глаголов а.п. с восстанавливается подвижный акцентный тип: (1) 1 sg. *zvāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *zva [ср. ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *възваа* 236, 39a, 2556, *възва* ма 1146, *и възваа* 115a, *призваа* 261a, *призва* 154a, *съзва* 1776 (3 sg.); формы, у которых отмечена долгота, но не отмечено ударение: *призва* 139a, *и призваа* 118a, *и зваа* 198a; совр. схрв. шток. *звах* ~ *зва*, *дзвах* ~ *дзва*, *иззвах* ~ *иззва* Дан. 184-185; ст.-кайк. (XVII в., южн.) *дъзва* (Petr. 25, 55, 123, 170), *I дъзва* (Petr. 101); *ръзва* (Petr. 90), *i ръзва* (Petr. 134); (2) 1 sg. *brāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *brā [ср. ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *изъбрах* вы 186 (1 sg.), *изъбрасте* 274a (2 pl.), *събраше* 366, 128a, 285a, 2916, *събраше* же 31a, *събраше* се 130a, 249a, 264a, 268a, 2806, *събраше* се 2896, *и събраше* 78a, 1336 (3 pl.) ~ *и събраше* 1186 (3 sg.); формы, у которых отмечена долгота, но не отмечено ударение: *и събраше* 1196, *и зьбра* 224a; совр. схрв. шток. *брах* ~ *брā*, *дбрах* ~ *дбрā*, *одбрах* ~ *одобрā* Дан. 184-185; ст.-кайк. (XVII в., южн.) *i брā* (Petr. 170)]; (3) 1 sg. *dvāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *dvā [ср. ст.-серб. XV в. (Ев.-апр. № 7364) *и рāзрā* се 288a; форма, у которой отмечена долгота, но не отмечено ударение: *раз* [дрā се 2926; совр. схрв. шток. *дєрах* ~ *дєрā*, *раздєрах* ~ *рāздєрā* Дан. 177-178]; (4) 1 sg. *žvāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *žva [по совр. схрв. шток. *ждєрах* ~ *ждєрā*, *прождєрах* *прждєрā* Дан. 177-178]; (5) 1 sg. *orāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *ora [по совр. схрв. шток. *орāх* ~ *орā*, *узорāх* ~ *узорā* Дан. 177-178]; (6) 1 sg. *jvātāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *jvāta [по совр. схрв. шток. *јємах* ~ *јємā* Дан. 178]; (7) 1 sg. *prāxv (то же ударение в 1-3 pl.) ~ 2-3 sg. *prā [по совр. схрв. шток. *прāх* ~ *прā*, *дпрāх* ~ *дпрā* Дан. 183-185].

3. l-part. *gnālv, f. *gnāla, n. *gnālo* [ст.-русск. прогнālv, f. прогнāla, схрв. шток. *gnāo*, f. *gnāla* Mat. 276; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) i *ognāl* (Пол. 273), прог-

náli (pl., Пол. 217), zagnáli (pl., Пол. 136); словен. gnál, f. gnála, n. gnálo; резьян. f. mnála (yhnála) Mat. I, 368 (1204), n. poynálo Mat. I, 580, pl. vihnále Mat. I, 412 (1324); вост.-штир. zégnála f. (в последнем случае оттяжка иктуса с "нового циркумфлекса" на предшествующий слог)].

Этот же акцентный тип показывают формы l-part. от соответствующих глаголов а.п. b: (1) *posvlálo, f. *posvlála, n. *posvlálo [русск. послал, послала, послало; схрв. шт. послало, f. послала Дан. 181; сев.-чак. (Нови) poslál, f. poslála; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) послал (Вып. III, 45, bis), poslál (Пол., 190), soslál (Пол. 265), zaslál (Пол. 257), prislál (Пол., 220); юж.-кайк. (Самобор) poslál Zb. 19: 45, 46, f. poslála Zb. 19: 56, 66, pl. posláli Zb. 19: 68 (с оттяжкой иктуса с "нового циркумфлекса" в форме f.), сев.-кайк. (Бедня) *pyšlòl, f. *peslào, (Пригорье) slál, f. slála, n. slálo (Rad 118, 94); словен. slál, f. slála, n. slálo; резьян. poslál Op. 47, Mat. I, 3 (1), 8 (16), 9 (19), 10 (24), poslál Mat. I, 519, poslál Mat. I, 216 (702), 224 (725)]; (2) *sbrálo, f. *sbrála, n. *sbrálo [арх. русск. XIX в. f. усрало, диал. срала, насрала; схрв. шт. срало, f. srála, n. srálo (RJA); сев.-кайк. (Пригорье) f. pozrála (Zb. 13 : 92³¹); словен. srál, f. srála, n. srálo; вост.-штир. f. ósrála (с оттяжкой иктуса с "нового циркумфлекса"); резьян. nasrál Op. 47, Mat. I, 389 (1269), nasrál Mat. I, 62 (232), РезСл. 55; usrál. РезСл. 1614 (при вариантах с аналогическим распространением оттянутого ударения: se ósrál Mat. I, 12 (30), ósrú Mat. I, 324 (1065), sa ósrú Op. 70)]; (3) *stblálo, f. *stblála, n. *stblálo [русск. стлал, постлал, f. stmlála, postmlála, n. stmlálo, postmlálo; словен. stlál, f. stlála, n. stlálo]; (4) *kóllo, f. *kóllo, n. *kóllo [русск. колól, f. колóла, n. колóло; схрв. шт. klào, f. klála Дан. 182; сев.-чак. (Нови) klál, f. zaklála; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) klóli (pl. Вып. I, 10³³, с польской огласовкой, но с исконным ударением); сев.-кайк. (Бедня) *klòl, f. *klào, (Пригорье) klál, f. klála, n. klálo (Rad 118, с. 94); словен. klál, f. klála, n. klálo]; (5) *méllo, f. *méllo, n. *méllo [русск. молól, f. молóла, n. молóло; схрв. шт. мьë, f. мьëла, n. мьëло Дан. 126; сев.-чак. (Нови) mlél, f. mlèla; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) млил (Гр. 90¹); сев.-кайк. (Бедня) *mljèl, f. *mljèlo, n. *mljèle; словен. mlèl, f. mlèla, n. mlèlo; вост.-штир. mlèa, zèmlèa, f. mlèla, zemlèla, n. mlèlo, zemlèlo, pl. mlèli(e), zemlèli(e)]; (6) *póllo, f. *póllo, n. *póllo [русск. диал. *полól, f. *полóла 'провеивать' (формы специально не фиксировались, так как лексикографы не отличали их от форм контаминированного глагола 'полоть'); словен. plál, plála, plálo]; (7) *pòrlo, f. *pòrlo, n. *pòrlo [восстанавливается по русск. порól, f. порóла, n. порóло. В словенском переход в подвижный тип: prál, f. prála, n. prálo, - по-видимому, под влиянием соответствующих форм от глагола práti 'бить, мыть, стирать']; (8) *bòrlo, f. *bòrlo, n. *bòrlo

[восстанавливается по русск. борóлся, f. борóлась, n. борóлось].

Напротив, в формах l-part. от глаголов а.п. с регулярно восстанавливается подвижный акцентный тип: (1) *zválo, f. *zvála, n. *zválo [русск. арх. звál, сбзвал, f. звála, созвала, n. звáло, сбзвало; схрв. шт. звào, сбзвао, f. звáла, сбзвала, n. звáло, сбзвало Дан. 184-185 (с выравниванием ударения в приставочных формах f. В диалектах отмечается в ряде случаев, напр., в Дубровнике, сохранение рефлексов конечного ударения и в приставочных формах f.); сев.-чак. (Нови) zvál, f. zvála; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) [Зв]ál (Гр. 84¹), né zwal (Пол. 230), ózwal (Пол. 228), i ózwal se (Пол. 279), pózwal (Пол. 155), sózwal (Пол. 160), zázwal (Гр. 174), názwal (Пол. 150, 151, 228), i názwal (Пол. 223), pl. názwali (Пол. 227); юж.-кайк. (Самобор) a zvál se Zb. 19 : 17, pòzwal Zb. 19 : 44, 62, f. zvála Zb. 19 : 56; сев.-кайк. (Бедня) *zvào, f. *zvòlo, n. *zvòle, (Пригорье) pl. zváli Zb. 13 : 52²⁰, словен. zvál, f. zvála, n. zválo (формы n. и pl. с наосновным циркумфлексом в словен. и кайк., по-видимому, следует рассматривать как извлеченные из приставочных форм)]; (2) *bbrálo, f. *bbrála, n. *bbrálo [русск. арх. брал, сббрал, f. брала, сббрала, n. брало, сббрало; схрв. шт. брао, набрао, f. брала, набрала, сббрала (с выравниванием ударения в приставочных формах f., в Дубровнике зафиксирована более старая форма: набрала) Дан. 184-185; сев.-чак. (Нови) f. pobrál, n. pòbrálo; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) [Бр]ál (Гр. 84²), избрал (Вып. III, 5), sóbral se (Пол. 275), и сббрал (Вып. III, 54), pl. óbrali (Пол. 147, 269, 271); юж.-кайк. (Самобор) pòbral Zb. 19 : 46, i pobrála Zb. 19 : 59; сев.-кайк. (Бедня) bràol, f. bròlo, n. bròle, (Пригорье) f. pobrála Zb. 13 : 93², 93¹¹, pl. zèbrali Zb. 13 : 56⁵; словен. brál, brála, brálo (бесприставочные формы n. с наосновным циркумфлексом в кайк. и слов., по-видимому, извлечены из приставочных форм); вост.-штир. brā, nābra, f. brāla, nabrāla, n. bralō, nābralo, pl. brālī (ē), nābrālī (e) (в бесприставочных формах n. < *bralō и pl. < *brālī, *bralē сохранено состояние, вызванное словенской передвижкой циркумфлекса на следующий слог); резьян. pòbral Op. 70, pòbral Mat. I, 360 (1174), f. pòbrolo Mat. I, 431 (1358) (с выравненным ударением в форме f.); (3) *pbrálo, f. *pbrála, n. *pbrálo [схрв. шт. прào, òпрао, ùзапрао, f. прála, òпрāла, ùзапрāла (с выравниванием ударения в приставочных формах f., в Дубровнике зафиксирована более старая форма: опрāла) Дан. 184-185; сев.-чак. (Нови) prál, òпрал, f. prāla, oprāla, n. prálo; юж.-кайк. (Самобор) se òпрал Zb. 19 : 60, (Требареве) pl. òпралī Zb. 3 : 216, zòпрале Zb. 6 : 210; сев.-кайк. (Бедня) *prào, f. *pròlo, n. *pròle; словен. prāl, f. prála, n. prálo; резьян. òпроу Mat. I, 324 (1065), òпроу РезСл. 238, f. òпрала Op. 70, òпрала Mat. I, 38 (137), ùпрала РезСл. 238 (с выравненным ударением в форме f.); (4) *dbrálo, f. *dbrála, n. *dbrálo [русск. арх. драл, сбдрал, f. драла, со-

дралá, п. дрáло, sóдрало; схрв. шток. дѣрао, ѡдерао, f. дѣрала, ѡдерала Дан. 178 (с выравниванием ударения в формах f.); (5) *žbralv, f. *žbralá, п. *žbralo [русск. арх. жрал, пожрал, f. жралá, пожралá, п. жралó, пожралó; схрв. шток. ждѣрао, прѡждерао, f. ждѣрала, прѡждерала Дан. 178]; (6) *dralv, f. *oralá, п. *dralo [др.-русск. драль Обих. Кирилловский XVI в., Соф. № 1516, 21 об., дбораль Косм. 45 об.; схрв. шток. драо, ѡзрао, f. драла, ѡзраола; сев.-кайк. (Бедня) *erāol, f. *erōlo, п. *erāole; словен. orāl, f. orála, п. orālo]; (7) *jbmālv, f. *jbmālá, п. *jbmālo [др.-русск. ѡмаль, нѣ ѡмаль, поѡмаль, pl. ѡмали, поѡмали (документация см. на с. 217)]; схрв. шток. жѣмао, f. жѣмала; словен. jemāl, f. jemāla, п. jemālo].

Примечание. В сев.-чак. (Нови) и, по-видимому, в чакавско-кайкавском XVII в. (Крижанич) диалектах подвижный тип акцентовки в формах 4-7 утрачен, ср. сев.-чак. (Нови) (5) žderál, f. žderála, (6) orál, f. orála, чак.-кайк. XVII в. (7) iemáli (Пол., 227), neiemáli (Пол. 145), prijemáli (Пол. 224). Отношение юж.-чак. состояния [ср. dro(l)-đrola-đrolo (Хвар), dĕral-dĕrala-dĕralo (Сусак), žĕral-žĕrala-žĕralo (pĕžeral-pĕžerala-pĕžeralo) (Сусак) и под.] к штокавскому и северночакавскому требует специального изучения.

Материалы по аналогичному распределению акцентных типов в формах part. praet. act. и формах part. praet. pass. см. в работе: Дыбо В.А. Славянская акцентология (Опыт реконструкции акцентных парадигм в праславянском). М., 1981, с. 215 - 227.

Чтобы объяснить это отклонение акцентовки презенса ženq от акцентных типов категорий данного глагола, построенных на инфинитивной основе, Хр. Станг на основании соответствующего презенса gunnīmai в древнепрусском (см. Stang 137) предположил позднейший супплетивизм форм с заменой презенсом ženq первичного презенса *gōnq̃ : *gōnēšī. Действительно, древнепрусская форма акцентологически хорошо соответствует праславянским акцентным типам рассматриваемого глагола, как бы ни восстанавливать ее акцентовку, согласно классической процедуре: < *gūnīmai или согласно процедуре Ф. Кортландта: < *gunīmai (см.: Kortlandt F. Old Prussian accentuation. - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Bd. 83). В последнем случае она сохраняет акцентное отличие от форм подвижного акцентного типа, имевших в древнепрусском маргинальное ударение, ср.: 1. giwammai, giwemmai (< *giwamāi, *giwemāi); 2. puietti (< *pujēti); 3. klantemmai (< *klantemāi), perklantemmai (< *perklantemāi); 4. wertemmai (< *wertemāi) 5. poprestemmai (< *poprestemāi); 6. perweckammai (< *perweckamāi); напротив, краткостные основы неподвижного акцентного типа: 1. immimai (< *imīmai), immati (< *imāti), 2. girrimai (< *girīmai), 3. turrimai (< *turīmai), 4. posinnimai (< *posinīmai) и в этом же ряду 5. gunnīmai (< *gunīmai). [Что касается самого распределения, то его неслучайный характер подтверждается

достаточно хорошим соответствием со славянским распределением акцентных парадигм у этимологически тождественных или близких форм, ср. для подвижного акцентного типа: 1. *živētv, 2. *pijētv, 3. *klovētv; для неподвижного: 1. *žbretv, 2. *jbmētv и 3. *stānetv (для др.-прус. postānīmai < *postānīmai)]. Положение иктуса, полученное в результате применения процедуры Ф. Кортландта, объясняется предложенным им фонетическим законом прогрессивного передвижения акцента, который отличался от славянского, по-видимому, только тем, что действовал лишь в условии краткостных слогов²⁵.

Предложенная Хр. Стангом реконструкция соотношения презентной и инфинитивной основ для данного глагола имеет кроме внешних и внутриславянские основания. Дело в том, что в славянском у ряда тематических глаголов обнаруживается, по-видимому, архаическая черта - отсутствие аблаута в парадигме при нулевой огласовке корня, проходящей как в презентной, так и в инфинитивной основе, ср.: 1. *tvrg : *tvrti, 2. *žvrg : *žvrti, 3. *dvmq : *dvti (по-видимому, < *dvmti); также при инфинитивной основе на -a: 1. *svljq : *svlati, 2. *svsq : *svsati, 3. *rvzjq : *rvzati, 4. *tvkq̃ : *tvkati. Так как эта группа глаголов явно связана с неподвижным акцентным типом и показывает реликтовый характер, вполне возможно су-

²⁵ Закон Кортландта и предложенная им процедура установления иктуса по сдвоенным согласным отличаются от классической рядом преимуществ: 1) при таком рассмотрении устраняется мистический характер связи между иктусом и сдвоенным написанием согласных, и это написание оказывается обычным немецким приемом обозначения сокращенного гласного (сокращение в безударном положении), хорошо известным по литовской письменности данного времени; 2) устраняются противоречия между результатами процедур установления иктуса по сдвоенным согласным и по тильдовым надстрочным знакам (долготам), довольно часто выступавшие при классической процедуре (ср. semmē, widdewū, widdewūmans, gennāmans, gallū и под.); 3) закон Кортландта позволяет объяснить наиболее важные расхождения между древнепрусскими данными, с одной стороны, и славянской реконструкцией, предложенной нами, а также показаниями индоевропейских языков, включая литовский, с другой стороны, ср.: 1) др.-прусск. semmē, prei semman, semmien (< *sēmē, *prei sēmān, *sēmten); лит. žēmė (а.п. 2), 2) др.-прусск. widdewū, widdewūmans (< *widewū, *widewūmans); слав. *vvdovā, acc. *vvdovq̃ (а.п. b), др.-инд. vidhāvā; 3) др.-прусск. gennas, gennan, gennai, gennans, gennāmans (< *gēnās, *gēnān, *gēnādi, *gēnāns, *gēnāmans); слав. *žend, acc. sg. *ženq̃ (а.п. b). Рассмотрение, подобное предложенному Ф. Кортландтом, было предложено нами в лекциях на Ностратическом семинаре им. В.М. Иллич-Свитыча в 1973 г., и мы с удовлетворением отмечаем здесь независимо полученное и (в указанных отношениях) полное тождество результатов.

	Словен.	Чак.-кайк.	Северно-чакавск.	Зап.-болг. (XIV в.)
A.	<i>jámet</i>	Јáмем	<i>žamēn</i>	вѣзмѣ
П.	<i>žámet</i>	Обóжмем	<i>žamen</i>	сѣжметса
b	<i>mánem</i>	Мáнем	-	-
	<i>tárem</i>	Тáрем	<i>tārēn</i>	-
	<i>žánjem</i>	Жáньем	<i>žāñen</i>	жѣнѣ
	<i>zácnem</i>	Нáчнем	<i>nāčmen</i>	нáчьнѣ
	<i>prǎljem</i>	Шáльем	<i>šāļen</i>	пóслѣ, пóсла
	[<i>nadmēm</i>]	Нáдмем	<i>nādmēn</i>	-
A.	<i>pnēm</i>	[Рáзпнем]	[<i>zāpnēn</i>]	прѣпнѣ
П.	<i>tnēm</i>	(Пре) тнѣм	-	-
c	<i>mrjem</i>	(У) мрѣм	<i>umrēn</i>	ѡмрѣт', ѡмрѣ
	<i>strēm</i>	(Про) стрѣм	<i>prostrēn</i>	прострѣ
	<i>žrēm</i>	Жрѣм	-	пожрѣтса
	<i>drēm</i>	Дрѣм	-	-
	<i>prēm</i>	(У) прѣм	<i>zaprēs</i>	-
	(прекм.)	(Про) кѡлнем	<i>kunēn</i>	не кльнѣтса
	<i>kunēm</i>			

ществование в прошлом подобного соотношения основ и у некоторых других глаголов неподвижного акцентного типа. Реконструкция Хр. Станга, таким образом, имеет определенные основания, однако она не решает проблему отсутствия согласования между акцентным типом презенса *ženq и акцентовой форм, построенных на инфинитивной основе, переноса ее лишь из области морфологии в область словообразования. С другой стороны, следует учитывать возможность вторичного распространения в древнепрусском нулевой ступени презентной основы из форм инфинитива, как это произошло в ряде болгарских и сербско-хорватских диалектов. Поэтому мы предпочитаем, исходя из явственной тенденции славянских языков к переводу тематических презенсов из неподвижного акцентного типа в подвижный, восстанавливать а.п. *b* непосредственно у презенса *ženq*, *ženetv*, предполагая довольно ранний, еще праславянский процесс перевода его в а.п. *c*, который, однако, не затронул форм, построенных на инфинитивной основе, из-за их морфологического отрыва (нетривиальный аблаут и различие в консонантизме) от форм презенса.

б) Глаголы группы I с гласными *ь* и *ѣ* в корне. Первоначальное распределение ак-

Банатско-болгарск.	Др.-русск. (XIV в.)	Реконструкция
<i>zǝma</i>	вѡзмѣ, вѡзмѡу	<i>jbmq, jbmety; pojbmq, pǝjbmety</i>
(<i>žuma</i>)	-	<i>žmq, žmety; nazmq, nāžmety</i>
<i>mēna</i>	-	<i>mbmq, mbnety; pommbmq, pǝmbnety</i>
-	-	<i>tbmq, tbnety; stbmq, stbnety</i>
<i>-xǝna</i>	пѡжнѣ, ѣ жнѡ	<i>xbmq, xbnety; poxbmq, pǝxbnety</i>
<i>pǝcna</i>	-	<i>pacmbmq, nāčmbnety</i>
-	- послѡ	<i>svljmq, svljetv; posvljq, pǝsvljetv</i>
-	-	<i>dmq, dmetv; nadmq, nādmety</i>
<i>prepenǝ</i>	пропнетѣ, рáспну	<i>pǝmq, pǝnety; prǝpǝmq, propǝnety</i>
-	-	<i>tbmq, tbnety; zātbmq, zatbnety</i>
<i>umrǝ</i>	ѡумрѣ	<i>mbmq, mbrētv; ūmbmq, umbrētv</i>
<i>pustrǝ</i>	-	<i>stbmq, stbrētv; prǝstbmq, prostbrētv</i>
-	-	<i>žbmq, žbrētv; pǝžbmq, požbrētv</i>
-	-	<i>dbmq, dbrētv; rāzdbmq, razdbrētv</i>
<i>zaprǝ</i>	-	<i>pǝmq, pǝrētv; ūpǝmq, upǝrētv</i>
<i>kolǝ</i>	кленѡутса	<i>klǝmq, klǝnety; prǝklǝmq, prǝklǝnety</i>

центных парадигм презенса этих глаголов восстанавливается на основании двух групп фактов: (1) сохранение форм (в ряде случаев лишь в виде вариантов) с прояснившимся ударным рефлексом сверхкраткого в словенском языке, в кайкавских диалектах (в том числе в чакавско-кайкавском диалекте Крижанича XVII в.), в северно-чакавских говорах и в болгарском банатском говоре (при наличии определенных реликтов также и в других южнославянских диалектах) в глаголах а.п. *b* и отсутствие таких форм в глаголах а.п. *c*; (2) наличие у приставочных форм от глаголов а.п. *b* перемещения ударения на приставку во всех лицах (1 л. ед.ч. не принимается во внимание) и конечного ударения у приставочных форм от глаголов парадигмы *c* в западноболгарских диалектах XIV в. и в самом раннем акцентуированном русском памятнике — в Чудовском Новом завете (XIV в.)²⁶. Аналогичное перемещение ударения в указанных в п. (1) диалектах сохранилось лишь у глаголов, которые в приставочной форме не употребляются. (Обе группы фактов материально полностью совпадают, что свидетельствует об их праславянской базе (см. таблицу)).

²⁶ Более поздние тексты показывают систему, в значительной степени измененную процессами по аналогии.

Акцентные кривые обеих акцентных парадигм в этих глаголах сохранились в древнерусском (Чуд. XIV в.), а акцентная кривая парадигмы *c* сохранилась в среднеболгарских западных диалектах (и, возможно, в некоторых восточных) (XIV в.), акцентная кривая парадигмы *b* изменилась в западных болгарских диалектах XIV в. лишь в 1 л. ед.ч., где ударение уподобилось ударению других форм.

Об акцентной кривой парадигмы *c* у этих глаголов позволяют судить такие факты, как:

1) др.-русск. распну (Чуд. 51²) при: *i* пропнетè (ib., 131); ср. ср.-болг. прѣпнѣ (зап.) прѣпнѣ (Ис. Сир. 1086);

2) ср.-болг. (зап.) ѡмрѣ (Ис. Сир. 108а) при: не ѡмрѣт (ib., 107а), да не оумрѣмъ (ib., 1936); ср. др.-русск. не оумрѣ (Чуд. 52³), оумретè (ib., 454), оумретè (ib., 454);

3) ср.-болг. прѡстрѣ (Пс. Кипр. 516) при: прострѣши (ib., 766), прострѣ (ib., 117а); ср. ср.-болг. (зап.) да не прострѣши (Ис. Сир. 586, 62а), ѡ прострѣ (ib., 1236);

4) ср.-болг. пожрѣ (Пс. № 309, 526) при: ѡ пожрѣ (Пс. Кипр. 996); ср. ср.-болг. (зап.) пожрѣтсѣ (Ис. Сир. 73а).

Эти данные позволяют реконструировать акцентную кривую акцентной парадигмы *c*: ед.ч. 1 л. *pъnq, *pъpъnq; 2 л. *pъneši, *pъpъneši; 3 л. *pъnetъ, *pъpъnetъ (< *pъnetb, *pъpъnetb); мн.ч. 1 л. *pъnetь, *pъpъnetь (< *pъnetъ, *pъpъnetъ); 2 л. *pъnetè, *pъpъnetè; 3 л. *pъnqto, *pъpъnqto (< *pъnqto, *pъpъnqto).

Акцентная парадигма *b* в этой группе глаголов реконструируется на основании следующих соответствий:

1) др.-русск. возмоу (Чуд. 52¹) при: да възмеш (ib., 502), да възме (ib., 51³), ѡ възмоу (ib., 51³); ср. ср.-болг. (зап.) да възме (Ис. Сир. 1846), въ|змете (ib., 1156), възмѣ сѣ (ib., 2146);

2) др.-русск. ѡ жнѡ (Чуд. 37⁴) [ср. ѡ мнѡ (ib., 1291) - а.п. *c*] при: ѡ жнѡ (ib., 119³), пожнемъ (ib., 1114);

3) др.-русск. послѡ (Чуд. 7², 13¹ и др.) при: ср.-болг. (зап.) послѣ (Ис. Сир. 218а), низ|послѣ (ib., 50а) [1 л. ед.ч. в ср.-болг. (зап.) выравнено по остальным лицам: послѣ (Ис. Сир. 1226)].

Ударение на приставке в этой группе глаголов является результатом передвижения акцента с корневых *o* и *o* и было, по-видимому, "новоакутовым". Этот его характер доказывается закрытостью приставочного *o* в текстах, исследованных Л.Л. Васильевым: пожнѡ (Псалт. 181а), послѣть (ib., 157а и др.) (см. Васильев 51). Учитывая специфику еровых позиций и основываясь на тождестве акцентной кривой в этой группе глаголов кривой акцентной парадигмы *b* других глагольных типов, нужно, по-видимому, следующим образом реконструировать ее праславянский облик: ед.ч. 1 л. *ъnq, *pъnq; 2 л. *ъneši, *pъneši (< *pъneši, *pъneši), 3 л. *ъnetъ, *pъnetъ (< *pъnetъ); мн.ч. 1 л. *ъnetь, *pъnetь (< *pъnetь); 2 л. *ъnetè, *pъnetè (< *pъnetè); 3 л. *ъnqto, *pъnqto (< *pъnqto) и т.д.

Праславянское распределение акцентных парадигм устанавливается следующими соответствиями.

I. Словенский язык

Акцентная парадигма *b*: 1. jéti - jánem, najéti - najámem/nájmem (вар. najmëm), verjéti - verjámem, vzéti - vzámem; 2. -žéti - -žámem; 3. mēti - mánem; 4. tréti - tárem (вар. trēm); 5. žéti - žánjem; 6. posláti - pošljem; 7. začéti - začnem (вар. začnem).

Акцентная парадигма *c*: 1. péti - pnëm; 2. zatéti - zatnëm; 3. mréti - mrëm; 4. stréti - strëm; 5. žréti - žrëm; 6. -préti - -prëm; 7. -vréti - -vrëm; 8. créti - crëm; 9. -dréti - -drëm (вар.); [10. nadóti - nadmëm].

Это же распределение (с добавлением некоторых деталей) представлено в обширных выборках М. Валявца из старословенских акцентуированных текстов (Краинская диалектная область).

Акцентная парадигма *b*

1. jánem. П а р а д и г м а: jánem, jámeš, jáme, jámemo, jámete, jámejo, jámeva, jámeta (3 л. мн.ч. часто встречается в форме imó, jbmó, jmó). Из т е к с т о в: jáme (kor. 1: 61; kor. 2: 49, 55), objámem (preš. 47, 65), objámeš (rog. 279), objáme (škrb. 1: 319; preš. 58, 173, 186, 190) ne podjáme (levst. žup. 101), prejámeš (ber. 195), vjámeš (škriñ. 9), vjáme (škriñ. 16, 18; ber. 151, traun 80), vjámemo (kor. 1: 48), vjámejo (škriñ. 126), verjámem (traun 307; škrb 1: 419; preš. 47), verjámem (rog. 580); verjámeš (kor. 2: 122); verjáme (škriñ. 42; rav. 1: 25; rav. 2: 5, 76; preš. 102, 190); verjáme (škriñ. 283); verjámemo (rog. 584; rav. 2: 119); verjámete (kor. 1: 47), verjámejo (rav. 1: 76), verjámejo (rog. 585, bis.); uzámem (rog. 190; škrb. 1: 317), vžámem (preš. 65), odžámem (rog. 627); uzámeš (rog. 279; pok. 1: 116); odvžámeš (traun 261); vžáme (škriñ. 11, 48, 71, 352; traun 71, 88; rav. 2: 37; preš. 48, 88, 111, 172, 190); uzáme (pok. 2: 74); odvžáme (škriñ. 89, 346, traun 189, 334; škrb 1: 427; preš. 171), prevžáme (škriñ. 359, rav. 2: 202, preš. 47, 190), privžáme (levst. žup. 76, 147), zaužáme (rog. 306), zavžáme (se) (rav. 1: 102; škrb. 1: 389); vžámemo (škrb 1: 414; kor. 1: 1); uzámete (rog. 20, kor. 1: 48); vžámejo (škriñ. 9; 67; 162; preš. 28); uzámejo (rog. 165); zavžámejo (škrb. 1: 400); zaužámejo (rog. 581); posnámem (rav. 1: 179); snáme (rav. 1: 62); posnámemo (rav. 2: 75); posnámejo (rav. 2: 87); vnámeš (ber. 195); vnáme (škriñ. 57, 249; rav. 1: 133; preš. 173, 186; levst. 76); unáme (preš. 102); vnámejo (kug. 166; preš. 85); vnámeta (met. 290). С п е р е н о с о м у д а р е н и я н а п р и с т а в к у: najme-, zajme-, prėjme- и prèjme (т.е. prėjme- и prèjme-). Из текстов М. Валявец приводит следующий материал: prèmeš (kast. cil. 5); prème (kast. cil. 217), prėjme (jap. prid. 1: 367); prėjme (ber. 69; levst. 150); prèjme (rav. 1: 175; rav. 2: 210), sprèjme (rav. 2: 237, 4 паза); sprèjmejo (rav. 2: 187). У д а р е н и е н а т е м е представлено следующими материалами: najmé (škrb. 1: 319), prèjmé

(jap. ev. 445; škrb. 1: 50; škrb. 2: 60); se prejime (pok. 1: 27); sprejme (ravn. 2: 189, 4 paза); prejmemo (rog. 240; škrb. 1: 274, 437); prejmete (rog. 18, 116, 124); prejmejo (škrb. 1: 119); prejmejo (preš. 76); verjamete (škrb. 1: 42, 3 paза); zajme (jap. ev. 62); otměš (ravn. 1: 32); otmě (ravn. 1: 18, 35, 73, 139, 165, 294; ravn. 2: 239; levst. 51), otmějo (ravn. 1: 127). См. Rad 65, с. 2-7. Ударение на теме, по-видимому, ограничено той же группой приставочных глаголов, которые могут нести ударение на приставке; является результатом тенденции к устранению наприставочного ударения. Особый случай представляет ударение 3 л. мн.ч.: prejmó (škrb. 1: 101; levst. žup. 30); vzámó (kug. 169); vzmó (čb. 5: 30; kor. 1: 48; levst. žup. 86); prevzemó (levst. žup. 6, 143); zavzemó (škrb. 1: 300); vnmó (levst. 33); otmó (ravn. ber. 151) (см. Rad 65, с. 2-7) - в этой форме ударение всегда было конечным, что было вызвано, по-видимому, процессами, общими для всей глагольной системы, ср. такое же ударение в других глаголах баритонной парадигмы. См. Rad 65, с. 7-11.

2. žámem. Парадигма: žámem, žámes... žámejo i žemó (часто конечноударенный вариант: žem, žměš... žmějo i žmó. В памятниках М. Валявцем засвидетельствован лишь этот вариант: ožmem (ravn. 1: 59). См. Rad 65, с. 7.

3. mánem. Парадигма: mánem, máneš, máne, máneto, mánete, mánejo, máneva, máneta (3 л. мн. часто: menó). Из текстов: vmáne (levst. žup. 51), zmánejo (ravn. 2: 186). См. Rad 65, с. 9.

4. tárem. Парадигма: tárem, táreš, táre, táremo, tárete, tárejo, táreva, táreta (3 л. мн. часто: teró i tró). Из текстов: zatáreš (traun 230); táre (traun 104; škriñ. 63, 68, 133; ravn. 1: 212, 244; ravn. 2: 89, 163; preš. 36, 108); potáre (škriñ. 132; ravn. 1: 94; ravn. 2: 65); zatáre (škriñ. 252); tére (škrb. 1: 407); tárete (ravn. 1: 256); tárejo (schön. 349; traun 32, 235, 238); otárejo (ravn. abc. 55); se térejo (p. Hipolit u kor. 93). См. Rad 65, 10-11.

5. žáñem. Парадигма: žáñem, žáñe, žáñejo. Из текстов: žáñem (ravn. 2: 265), žáñe (ravn. 2: 217), žáñje (škriñ. XXIV), peržáñejo (ravn. abc. 67), ne žáñejo (ravn. 2: 153); žáñeta (kor. 3: 5). Tako i koruski: Kres II 478 - žénjam. Rad 68, с. 35.

6. začnem: začne (kor. 3: 109)²⁷, но значительно чаще переход в конечноударенный тип: začnem (rog. 638), počněš (ravn. 1: 149, 203) počné (jap. prid. 2: 56), počně (ravn. 1: 56; 2: 130, 148); ne počné (škriñ. 246; jap. prid. 2: 49); ne počně (ravn. 2: 68); perčné (pok. 3: 3; ravn. 1: 264), se perčné (ravn. 1: 3, 223); spočně

²⁷ Эту же форму показывает А. Мурко: začnem 'ich fange an', см.: Murko A.J. Theoretisch-practische Grammatik der Slowenischen Sprache. Grätz, 1850, S. 80; začnemo 1 pl. - ib., S. 190. Но у него же začnem на с. 88.

(rog. 12); začné (kug. 117, 119; škriñ. XIV v 8 v; jap. prid. 1: 101; škrib. 1: 425) и др. См. Rad 65, с. 7-8.

7. pošlem. Парадигма: pošlem, pošleš, pošle... pošlejo i pošló; редко: pošlēm. Из текстов: pošlem (jap. ev. 148), pošleš (škriñ. 178), pošle (jap. ev. 39; škriñ. 11, 81, traun 242), pošle (kor. 1: 61; preš. 7, 48), pošlejo (škriñ. 30). Ударение на теме: pošlēs (rog. 527) и pošló (levst. žup. 70, 150). Rad 68, с. 38-39.

Акцентная парадигма

1. pnēm. Парадигма: pnēm, pněš, pně, pněto, pněte, pnějo, pněva, pněta (3 л. мн. чаще: pno). Из текстов: pripnem (greg. 36), opnéga (ravn. 1: 59), razpně (kor. 2: 13), vspně (greg. 51), napnéjo (kug. 51), napno (dalm. jezaia 33; kug. 60, jap. prid. 1: 152; ber. 211), napno (rog. 66), napno se (levst. žup. 60). См. Rad 65, с. 9-10.

2. tnēm. Парадигма: tnēm, tněš, itd. Из текстов: zatně (kor. 2: 87). См. Rad 65, с. 10.

3. mrjēm. Парадигма: mrjēm, mrjěš, mrjě; mrjěmo, mrjěte, mrjějo i mrjó; mrjěva, mrjěta, mrjěta. Из текстов: vmrjēm (škriñ. 94; ravn. 1: 76), umrjé (rog. 224), uměrjé (rog. 622), vmrjé (jap. prid. 1: 27, 234, 251; 2: 33; škriñ. IV и 110 (по 3 paза); 32, 106, bis, 120, 253), ne vrmjé (jap. ev. 526, так у Валявца), vrmrjé (kug. 166, так у Валявца); vmrjě (preš. 109; у Валявца: vrmjě); vmrjěmo (škriñ. 219), mrjějo (škriñ. 158), vmrjějo (škriñ. 160, 319), vmrjějo (preš. 191); mrjó (schön. 77; kast. 49), pomrjó (kug. 167), vmrjó (kug. 84; jap. prid. 2: 60). Rad 68, с. 37-38. Также: obumrě (levst. žup. 51). Rad 65, с. 11.

4. strěš. Из текстов: sprostrěš (ravn. 1: 245); izprostrě (ravn. 1: 95), sprostrě (ravn. 2: 184), razprostrě (ravn. 2: 36). Rad 65, с. 11-12.

5. žrě. Из текстов: žré (dalm. jerem. 2), požré (škriñ. 301, 350; jap. prid. 2: 99), ne požré (traun 168), požrě (ravn. 1: 33; kor. 1: 78); žréjo (traun 27); žěró (traun 128), žró (škrb. 1: 159), se nažró (jap. prid. 1: 178); požró (dalm.: jezaia 9, salom. predg. 8; jap. prid. 2: 117; 1: 152; škrb. 1: 404; ravn. 1: 24, 69; ber. 21, 43). Rad 65, с. 12-13.

6. prēm. Из текстов: odprēm (rog. 572), vprēm (greg. 43); ne odpré (traun 93, jap. prid. 2: 510), ga odpré (ravn. 1: 82), odprě (ravn. 1: 20, 144; ber. 166), odprě se (ravn. 2: 124; preš. 162), opré (jap. prid. 2: 62), se podprě (ravn. 2: 261), priprě (levst. žup. 36), vprě (preš. 78), zaprě (ravn. 1: 212, preš. 96), se zaprě (levst. žup. 55), ne zaprě (traun 168), ne zaprě (ravn. 1: 187); zaprěte (kug. 14), odprějo (ravn. 2: 43), odpró (dalm luc. 12; jap. ev. 330; jap. prid. 1: 262, 395; ravn. 2: 79; preš. 105), odpró (schön. 35), odpró se (preš. 73), vpró se (ravn. 2: 160), se davri zapró (dalm. josve 12), se zapró (ravn. 1: 20; 2: 277; greg. 112). Rad 65, с. 11.

7. vrè. Из текстов: vré (škrif. 44), vrè (ravn. 2: 125; greg. 37, 92), ovrè (ravn. 1: 24), ne ovrè (ravn. 1: 265), privrè (greg. 26); vrèjo (ravn. 2: 75), vró (greg. 112), pervró (ravn. 1: 31). Rad 65, с. 12.

Аналогичное распределение обнаруживается в угорско-словенском (прекмурско-словенском) и в кайкавском по его ранним памятникам (неполнота материала по современным кайкавским диалектам и фонетические и морфологические процессы в них не позволяют корректно оценить степень отражения в современных рефлексах старого состояния).

II. Угорско-словенский (прекмурско-словенский)

Акцентная парадигма b

1. zèmet, zèmeš, zème; zèmeto, zèmete, zèmejo; zèmeva, zèmeta (Valj., Rad 65, с. 16). Из текстов: ne prime (küz. 17), naj prime (küz. 37), poprime (nagfl. 181).

2. tërem, tëreš, tëre, tëreme, tërete, tërejo; tëre-va, tëreta (Valj., Rad 65, с. 16); tërân (Pável 38¹⁶), stârân (Pável 24²⁶).

3. zâšnân (> zâšân, выравнивание основы презенса по основе инфинитива zâšatʲ? (Pável 10).

4. šâňan 'жну' (основа перестроена, ср. также инфинитив šâňatʲ, акцентный тип сохраняется старый) (Pável 47⁶).

Акцентная парадигма c

1. pêm (< *pñêm с выравниванием по основе инфинитива по, Valj., Rad 65, с. 17). Из текстов: naj se raspé (küz. 53, 58, 160). Ср. сохранение акцентного типа, как и в № 3 а.п. b.

2. mrjêm, mrjêš, mrjê; mrjête, mrjêjo (Valj., Rad 68, с. 50-51). Из текстов: ne merjém (mol. 216), mrjém (bar. 41); ne mrjém (trpl. 98); merjêš (mol. 269); ne merjé (mol. 191), mrjé (küz. 44, 282, küzm. mik. 81, nagfl. 124), ne mrjé (küz. 284); mrjéte (küz. 287), spomerjéte (küz. 68); ne merjéjo (mol. 36^b) (см. Valj., Rad 68, с. 50-51). mârđ'é (inf. mrèjtʲ) (Pável 24¹⁸, 37). Огласовка e в презенсе, по-видимому, вторична.

3. strêm, strêš, strê; pl. strêjo (Valj., Rad 65, с. 17). Из текстов: rasprestrem (küz. 111), rasprestreš (küz. 212), rasprestre (nagfl. 112, 113, 158; nag. vog. 9); rasprestrejo (nagfl. 164).

4. žrê (Valj. Rad 65, с. 18). Из текстов: požré (trpl. 16, nagfl. 94, 140, gön. 38); požrén, v. požrê (inf. požrèjtʲ) (Pável 37).

5. prêm, prêš, prê; prêto, prêjo (Valj., Rad 65, с. 17). Из текстов: odprém (küz. 26), odprêš (trpl. 85, bar. 47), zaprêš (bar. 18), odpré (küz. 105, nagfl. 158), i odpré (küz. 6), se odpré (küz. 11), i odpré se (küz. 11), opré (nagfl. 113), zapré (nagfl. 156, gön. 35); odprémo (nagfl. 81), zaprémo (nagfl. 183); odpréjo (küz. 40, nagfl. 91, gön. 93), zapréjo (gön. 147); otprén, zaprén, potprén (Pável 24).

6. vrè (Sic! Valj., Rad 65, с. 18). Из текстов: zavrè (dain. 193) zevré (bar. 30).

7. crêjo (3 pl.; Valj., Rad 65, с. 17). Из текстов: créjo (ragfl. 111); cvrèjn (inf. cvrèjtʲ) 'жарю, пеку' (Pável 24).

8. kunêm, kunê (Valj., Rad 65, стр. 17). Из текстов: zakuném (trpl. 73), kúné (nagfl. 42, bis), zakuné (prijatel 1877, 75).

III. Старокайкавский (XVI в. Пергошич)

Акцентная парадигма b

1. vzetu (3 pl.; < *vzètu; 2226, 6020, 6231, 835, 9622, 18026, 18412, 22021).

2. poteru (3 pl.; < *potèru; 2221), ne poteru (3 pl.; < *ne potèru; 1255).

3. pochnu (3 pl.; < *pòšnu; 1226, 839, 11010, 20017, 21127).

4. pofslu (3 pl.; < *pòšlju; 134¹, 19717, 19719, 20017, 21127).

Акцентная парадигма c

1. poteriuu (3 pl.; < *poterjũ 838, 90⁶. Основа презенса как и в прекмурском)

2. zapruu (3 pl.; < *zaprũ; 735).

IV. Чакавско-кайкавский диалект XVII в.

(тексты Крижанича)

Акцентная парадигма b

1. Jámem (Gr. 215); Vjímem (Gr. 215), Vóžmem (Gr. 902, bis, 112¹), Zavóžmem (Gr. 902, 112), Prevóžmem (Gr. 912, bis, 112), Privóžmem (Gr. 112), vóžmet (Пол. 175, 264, 282), vóžnut (Пол. 263, 282); Vónmem (Gr. 902); Zájmem (Gr. 902, 215); Objámem (Gr. 911), Objóžmem (Gr. 911, 112¹), Otnámem (Gr. 911, 112¹), Otóžmem (Gr. 911), Otmem (911, 112¹), Jznámem (Gr. 902); Nážmem (Gr. 911, напечатано: Nážьem); Póžmem (Gr. 911); Подjámem (Gr. 911), Подóžmem (Gr. 911); Прéžmem (Gr. 912); Прížmem (Gr. 902, 912), Запрížmem (Gr. 902), Возпрížmem (Gr. 112), Прížмет (Gr. 1802), prížmet (Пол. 12, 262), перgrížnut (Пол. 240); Разнámem (Gr. 912), Разóžmem (Gr. 912); Снámem (Gr. 902, 912), Сбнámem (Gr. 912), Сбóžmem (Gr. 912, 1122).

2. Обóžmem (Gr. 215) - при жмém (Gr. 901, 961, 215).

3. Мánem (Gr. 921, 215) - при мнэм (Gr. 921, 215); Премнэм (Gr. 215)

4. Тárém (Gr. 911, bis. 218) - при трэм (Gr. 951, 218), Затрém (Gr. 218), i sotrétse (Пол. 277).

5. Жánьem (Gr. 912, 215) - при жньэм (Gr. 831, 912, 215), Нажньэм (Gr. 215).

6. Нáчнем (Gr. 215), ne nácznem (Пол. 106), nácznut (Пол. 78), i nácznut (Пол. 78), вчнем (Gr. 911), úcznem (Пол. 79).

7. Надмем (Гр. 215) - при Дмем (Гр. 901, 215), се... надмёт (Пол. 187), Пододмем (Гр. 112²), Разодмем (Гр. 112²).

8. Шальем (Гр. 201), Вошьем (Гр. 111²), Одашьем (Гр. 112¹), Пошьем (Гр. 201), de se pòszlyet (Пол. 233), priszlyut (Пол. 213), Разошьем (Гр. 112²) - при Шльем (Гр. 201), szszlyét (Пол. 175).

9. Разпнем (Гр., 215) - при Пнем (Гр. 921, 215).

Акцентная парадигма с

1. Тнем (Гр. 215), Претнем (Гр. 215).
2. Мрем (Гр. 95¹, 218), умрем (Гр. 218), умрёт (Пол. 7, 262)
3. Стрем (Гр. 95¹, 218), Обстрем (Гр. 112¹), Прострем (Гр. 218).
4. Жрем (Гр. 95¹, 218).
5. Дрем (Гр. 94², 218).
6. Прем (Гр. 95¹, 218), упрем (Гр. 218).
7. Врем (Гр. 94¹, 218), Возврем (Гр. 218).
8. Кълнем (Гр. 92¹, 215), Клеңем (Гр. 215), Прокълнем (Гр. 215).
9. Цврем (Гр. 95¹, 218), Прецврем (Гр. 218)

По-видимому, положение, близкое к распределению акцентных типов в диалекте Ю. Крижанича, сохраняется в современных северно-чакавских диалектах.

V. Северночакавские диалекты

Акцентная парадигма b

1. zãtēn, znãtēn, prímēn, prijãtēn (Нови), zãjmen (Раб); 2. ôzmen (Раб); 3. tãrēn (Нови); tēren, tãren (Раб); 4. žãñen (Раб); 5. pòštēn (Нови); nãštēn (Раб); 6. nãdtēn (Нови); 7. šãļēn (Нови); 8. zãpnēn (Нови).

Акцентная парадигма с

1. umrén (Нови), umrēn (Раб); 2. prostrén (Нови), prostrēn (Раб); 3. zaprēš (Нови); 4. kljēnē (Нови); kunēn (Раб).

Таким образом, первая группа (парадигма b) характеризуется наличием варианта с прояснившимся *v* или *v* или приставочного варианта с ударением на приставке - во второй группе (парадигма с) такие варианты отсутствуют. Связь со словенским распределением очевидна: чакавско-кайкавское и чакавское распределение отличается от словенского лишь акцентуационным статусом основы *ryne-*, который именно в чакавско-кайкавском и чакавском должен рассматриваться как инновация (см. ниже).

В болгарской диалектной области распределение, близкое к первоначальному, сохранилось в банатском диалекте.

VI. Банатско-болгарский

Акцентная парадигма b

1. зѣма, зѣма, 3 sg. зѣме; прейдѣме и под. (вариантность, вероятно, объясняется контаминацией с основной *jetje-*) (90, s.v. зѣмем; 182, s.v. прейдѣмем).
2. жѣна, ужѣна, пужѣна; 3 pl. пужѣнат (81, 246, 190).
3. жума 'стою с закрытыми глазами' (контаминация с глаголом *мъжж?*).
4. мѣна, премѣна; 3 pl. мѣнат (138; 183, s.v. премѣнам).
5. пѣчна, пѣшна, 3 sg. пѣчне, 3 pl. пѣчнат (179, s.v. пѣчнувам, пѣшнувам).

Акцентная парадигма с

1. пенѣ, препенѣ, препенѣ се, 2 sg. се препенѣш; 3 pl. пенѣт (171; 183, s.v. препенувам, препенувам се) (прѣпна, 3 pl. прѣпнат 'распять на кресте' следует считать, по-видимому, литературным заимствованием).
2. умрѣ, премрѣ, 3 sg. умрѣ (248, s.v. умйрем; 183, s.v. премйрем).
3. нустрѣ (194, s.v. нустрѣм).
4. запрѣ, запрѣ се, испрѣ се, нуптрѣ, 3 sg. запрѣ; 3 pl. испрѣт (85, s.v. запырем, запырем се; 98, s.v. испрѣ (se)).
5. кълнѣ, кълнѣ се; 3 pl. кълнѣт, се кълнѣт (123).

VII. Западные болгарские диалекты XIV в. (Ис. Сир.)

Акцентная парадигма b

1. вѣн'мѣши (46a), да вѣзмѣ (184б), и вѣзмѣ (88б, bis), не вѣзмѣ (44б), вѣзмѣса (39б), вѣзмѣ|са (168б), вѣ|змете (115б), вѣзмѣ|са (214б) [во 2 л. ед.ч. отмечено передвижение акцента на тему: вѣн'мѣши (86a)].
2. сѣжметса (192б).
3. жѣнѣ (1 pl. praes., 84a), ср. также жѣнжи (прич. чл.ф., ном. sg. м., 88a).
4. начѣнѣ (27a, 149б), нач'нѣ (94б), начнѣ (161a, 162a), и начѣнѣ (120б), и начѣнѣ (127a), и начѣнѣ|тса (127a) [во 2 л. ед.ч. отмечено передвижение ударения на редуцированный гласный корня: начѣнѣши (149a)].
5. пѣсла (1 sg., 122б), пѣслѣ (218a), низ'пѣслѣ (50a) [во 2 л. ед.ч. отмечено передвижение ударения на тему: пѣслѣши (184б)].

Акцентная парадигма с

1. и прѣпнѣ (108б);
2. оумрѣ (91a), и ѣмрѣ (52a), не ѣмрѣт' (107a), да не оумрѣмъ (193б); 1 л. ед.ч.: ѣмрѣ (108a), ѣмрѣ (108a).
3. да не прострѣши (58б, 62a), и прострѣ (123б).
4. пожрѣтса (73a).
5. не кльнѣтса (6б), кль|нѣшиса (60a)

Примечание. Феномен передвижки иктуса в форме 2 sg. рассмотренных глаголов в а.п. *b* на следующий (по сравнению с первоначальным положением) слог, по-видимому, связан с аналогичным явлением у *i*-глаголов первичной а.п. *b*, регулярным в данном тексте, ср.²⁸:

1. любить⁹⁶ ~ любѣши 2156 [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) лю|блѣ Сб. № 764, 2336, любѣши ли Мин. № 678, 508а, любить Ев.-апр. № 592, 236 и т.д., совр. болг. любя; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Любѣим (Гр. 220); словен. *ljubim*; вост.-штир. *ljubim* (с *ljubim); чешск. *líbiti*, словацк. *ľúbiti*].

2. ѿлжчѣтса 22а ~ ѿлжчиши^с 45а [а.п. *b*: совр. болг. лѣча; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Разлѣчим (Гр. 245); словен. *lôsim, odlôsim*; сев.-кайк. (Бедня) *lûsim; чешск. *loučiti*, словацк. *ľúčiť*, польск. *zaczęć*].

3. мѡлѣть 98а ~ помѡлиши^с 436 [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) молѣтса Служ. Евф. 41а, 42а, 44а и др., помѡлтѡтса Зогр. св., 25 и т.п., совр. болг. мѡля; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Молим (Гр. 229); словен. *môlim*; вост.-штир. *môlim*, сев.-кайк. (Бедня) *mêlim].

4. прѡсѣть 11а, прѡсѣи 43а, bis ~ да не прѡсѣши 43а, 44а (при: прѡсѣши 43а, 436) [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) въспрѡсиши Пс.Кипр., 69а, прѡсѣть Григ. № 1703, 3а; прѡсѣмъ Служ. Евф. 206, bis и т.д.; совр.-болг. прѡсѣя; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Прѡсим, Возпрѡсим (Гр. 240); словен. *prôsim*; вост.-штир. *prôsim, сев.-кайк. (Бедня) *prêsim].

²⁸ Так как в Ис.Сир. отражена система западноболгарского диалекта в период интенсивной тенденции перевода презенсов от *i*-глаголов первичной а.п. *c* в баритонированный тип, их акцентовка часто колеблется: 1. не ѡблѣнитса 99а ~ лѣнитса 19а; 2. полѡстѣтса 82а ~ пѡстѣтса 82а; 3. слышѣтса 7а ~ слышѣтса 66; 4. тѣшитса 46 ~ не тѣтитса 86; 5. оучѣть 98а ~ ѡчатъ 326; 6. полѡчѣть 51а ~ слѣчитса 466; 7. лишѣтса 31а ~ лишиши^с 134а; 8. не радѣть 1356 ~ кто нѣ радѣи^с 926 и под. Эти колебания индуцируют и появление вариантов в неподвижном акцентном типе, см. в примерах. Однако эти варианты не столь регулярны, как указанная передвижка в форме 2 sg., которая именно в силу своей регулярности обнаруживает особый характер. Что касается приводимых ниже для обоснования первичной а.п. примеров, то следует иметь в виду, 1) что материал штокавского не релевантен для установления а.п. *b* долготных *i*-презенсов, так как в этом диалекте все долготные *i*-глаголы а.п. *c* перешли в а.п. *b*; 2) что первичная а.п. *b* краткостных каузативов и деноминативов, по-видимому, достаточно корректно устанавливается лишь по соответствию показаний диалектов северно-кайкавско-словенской области и восточно-болгарских диалектов (см. обоснование в работе: Дибов В.А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области. - HDZb, V.

5. въхѡдитъ 186, въхѡди^{дѣ} 17а ~ въхѡдиши 202а (при: въхѡдиши 44а) [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) хѡдиши Сб. № 758, 56, приходиши Сб. № 758, 97а, 103а, ходѣть Сб. № 758, 260а, въхѡди Зогр. сб. № 103, 377 и т.д.; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Хѡдим, Прохѡдим (Гр. 224); словен. *hôdim*; вост.-штир. *hôdim*, сев.-кайк. (Бедня) **hêd'im*].

6. прилѡжѣтса 436 ~ положѣши 124а [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) не прилѡжиши Лих.¹ 4а, ѡлѡжи Зогр. св. 20 и под.; сев.-кайк. (Бедня) *pozlêžim; словен. (Plet.) *lôžim*. Чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Ложѣм, Положѣм (Гр. 225), словен. *ložim* (Valj., Rad 93), *položim* (Plet.) и под. не релевантны].

7. въсѣлитса 1026, да въсѣлитса 107а (при вторичном: въсѣли са 66) ~ да не съвъсѣлиши^с 606 [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) въсѣлѡтса Нор. пс. 11261, ѣ въсѣлѡтса Нор. пс. 112а 15-16 и др.: вост.-штир. *zêlim, сев.-кайк. (Бедня) *sêlim sa*; словен. (Plet.) *sêlim, vsêlim*. Чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Селѣмсе (Гр. 230), словен. *selim* (Valj., Rad 93) и под. не релевантны].

8. да не съблѡзниши са 856 [а.п. *b*: болг. блѡзня; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Блѡзим, Соблѡзим; словен. *blâznim*; сев.-кайк. (Бедня) *blôznim; чешск. *blâzniti*, словацк. *blâzniti*].

9. ѣ не ѡцѣтити 134а [а.п. *b*: ср.-болг. (вост.) ѡцоутѣвше же (part.) Сб. № 758, 2286; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Цѣтѣм, Поцѣтѣм (Гр. 244); словен. *zûtim, obzûtim*; чешск. *čítiti*, словацк. *čítiti*].

Подобные же переносы ударения в глаголах исконной а.п. *a*, по-видимому, возникли по аналогии с а.п. *b*. Они не столь регулярны и наблюдаются лишь у некоторых глаголов:

1. слыши 40а, ѡслышитъ 26а (при: ѡслышитса 138а) ~ слышиши 356 [а.п. *a*: чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Слѣшим (Гр. 210), словен. *slîšim*].

2. ѣ избѡва ма 134а ~ да избѡвиши^с 44а [а.п. *a*: ср.-болг. (вост.) да избѡвит ны Зогр. сб. № 103, 337; совр. болг. ѡбѡвя; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Бѡвим, Забѡвим (Гр. 221); словен. *izbâvim*].

3. ѡстѡвл 1356 ~ да не поставѣши 126а [а.п. *a*: ср.-болг. (вост.) ѡстѡвиши Сб. № 758, 216, ѣ поставѣтъ Служ. Евф. 68а и под., совр. болг. стѡвѡвя; чак.-кайк. XVII в. (Крижанич) Стѡвим (Гр. 222); словен. *stâvim*; сев.-кайк. (Бедня) *estâovim].

Эта передвижка акцента в форме 2 sg. презенса сыграла, по-видимому, определенную роль в той радикальной перестройке системы ударения *i*-глаголов, которая привела к их современному категориальному ударению (баритонеза в презенсе и ударение на теме *-i-* в формах аориста).

VIII. Древнерусский язык

Распределение приставочных глаголов рассматриваемой группы, подобное западноболгарскому, сохранил в основных чертах и русский диалект XIV века, отраженный в Чудовском Новом Завете²⁹. В дальнейшем в русских диалектах наблюдается тенденция к обобщению приставочного ударения на всю эту группу глаголов (в русских текстах XV-XVII вв. и западнорусских диалектах) или к переносу конечного ударения бесприставочных глаголов, возникшего у глаголов, входивших в парадигму *b*, в результате падения редуцированных, и на приставочные глаголы (в современном литературном языке). Обе тенденции объясняются совпадением ударения бесприставочных глаголов в едином конечноударенном типе в результате падения редуцированных.

Акцентная парадигма *b*

1. возмоу (52¹), *і*змоу (29³), да *в*озмеш (50²), да *в*озмѣ (51³), *и* *в*озмоу (51³), да *п*оймѣ (12³), *п*рѣмѣ (71¹).
  2. *и* жнѹ (37⁴), *и* *п*ожнѣ (119³, 124²), *п*ожнѣ (124²), *п*ожнемь (111¹).
  3. *п*ослю (72, 131, 163, 494, 1412), *п*ослю тѦ (624), *п*ослю тѦ (75²), *п*ослю|тѦ (78¹), *п*ослю (334, 38², 412, 483, 494, 1153).
- Ср. также: да *п*рѣбѹю (51³), *и* *о*убь|ю (21¹), *и* *о*убью вы (13²) (группа II A).

Акцентная парадигма *c*

1. *р*аспну (51²), *и* *п*ропнетѣ (13¹).
  2. не *о*умрѣ (52³), *о*умретѣ (45⁴), *о*умретѣ (45⁴).
  3. не *к*ленѣши (5¹), *к*леноутса (144⁴).
- Ср. также: *о*упьютѣ (42¹), *и*спѣтѦ (2 du., 21⁴) (группа II A).

О начале разложения данной системы, по-видимому, свидетельствуют случаи: *о*умрѣ (48²), *и* *п*отрѣть (152¹).

Таким образом, праславянская древность рассмотренного в первых пунктах словенско-кайкавского распределения подтверждается сравнением с среднеболгарским распределением (сохранившимся в западной части болгарской языковой области) и с близким ему распределением в древнейшем акцентуированном памятнике древнерусского языка - Чудовском Новом Завете.

Наиболее подвижной частью первоначальной системы оказывается во всех языках ударение приставочных форм. Здесь наприставочное ударение или распространяется на обе группы глаголов (так происходит в западных диалектах древнерусского языка, в западноболгарских диалектах и в современном штокавском), или исчезает полностью (например, в современной русской литературной норме, в среднеболгарских текстах XV в. системы Гавриила) или частично (у

²⁹ В отличие от болгарского, в русском аналогичным образом ведут себя глаголы с редуцированным *i* (*i* в позиции перед *-j*), входящие в группу II A.

большинства основ первой группы) в подавляющем числе восточных среднеболгарских текстов. Даже в системах, в основном сохраняющих старое распределение, отдельные основы могут подвергаться инновационным перестройкам (ср. совр. словен. *načeti* или случаи отклонения от первоначального распределения в чакавско-кайкавском, чакавском и древнерусском). Другая характерная особенность первоначальной системы: формы с ударными сверхкраткими слабой позиции в а.п. *b* и прояснение этих сверхкратких, - по-видимому, во всех дочерних системах выступает исключительно как архаизм и при всех перестройках является свидетельством а.п. *b* соответствующих основ [ср. схрв. *tàrēm*, *šànjēm*, *šàljēm*; ср.-болг. *и дѣма* (3 pl., Леств. 1536), *мѣноми* (прич., Леств. 116a), *пожнемь* (1 pl., Панд. Ник. Черн., 54a) и под.].

Так как развитие в дочерних системах идет или путем генерализации одного акцентного типа, или путем морфо-логического перераспределения акцентных типов при потере лексического распределения их, реконструкция их первоначального распределения сохраняет момент неопределенности, особенно по отношению к слабо зафиксированным основам. Тем не менее она в целом хорошо верифицируется как системными соотношениями, так и внешним сравнением (см. II часть работы).

Глагол **šbrti* 'приносить жертву' не обнаружен в текстах, достаточно полно сохраняющих противопоставление акцентных типов. Реконструкция а.п. его презенса предлагается здесь на основании морфологического типа этого глагола в старославянском, который согласно акцентноморфологическому правилу распределения форм аориста и страдательного причастия прошедшего времени³⁰ указывает на неподвижный акцентный тип, т.е. в данной группе основ на а.п. *b*³¹

С.Л. НИКОЛАЕВ, С.А. СТАРОСТИН

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

Почти в каждом из индоевропейских языков имеются противопоставленные друг другу парадигматические глагольные типы. От различных глагольных корней могут образовываться различные типы презенса, аориста, перфекта и т.д. Однако вопрос о соответствиях между этими парадигматическими типами в разных языках до сих пор разработан недостаточно. Речь идет не о формальном соответствии категорий (таких как, например, сигматический или тематический аорист), которое хорошо прослеживается по языкам, а о соответствии типов парадигм каждого конкретного гла-

³⁰ См.: Дябо В.А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. - КСИС, вып. 30, 1961.

³¹ Списки сокращений см. во второй части работы в следующем выпуске настоящего ежегодника.

гольного корня. Глагольная система в древних индоевропейских языках (особенно в древнеиндийском и древнегреческом) обладает очень большим набором способов образования различных глагольных категорий (так, в древнеиндийском имеем 10 классов презенса и 7 классов аориста). Часто один и тот же глагольный корень может образовывать презенс или аорист различными способами. С другой стороны, очевидно, что от каждого глагольного корня невозможно построить парадигму, включающую в себя совокупность всех способов образования аориста или презенса. При таком положении естественно попытаться выделить для каждого языка некоторый набор парадигматических типов таким образом, чтобы для каждого глагольного корня все засвидетельствованные формы укладывались в один из этих типов (иначе говоря, разбить множество глагольных корней на парадигматические классы). Эта задача осложняется тем, что мы имеем дело в основном с мертвыми языками, для которых какие-то формы могут оказаться случайно не засвидетельствованными; более того, приходится обращаться к данным разных периодов и разных диалектов, что также ослабляет строгость исследования. Тем не менее такое исследование все же должно дать определенные результаты.

Сопоставление выделенных таким образом в разных языках парадигматических типов между собой может принести некоторую пользу для сравнительной грамматики индоевропейских языков и, во всяком случае, увеличит объем информации о каждом из индоевропейских глагольных корней.

В данной работе мы попытались определить систему парадигматических типов глагола в некоторых индоевропейских языках и найти соответствия между этими типами. Не привлекались к рассмотрению данные армянского, албанского, иранских и анатолийских языков; кельтские данные оказались неинформативными и также были исключены из рассмотрения. Анализу подверглись только непроезводные типы глагольных спряжений.

1.1. Древнеиндийский язык

Заметим сразу, что при изучении др.-инд. парадигматики мы ограничимся только ведийским языком. Формы из Атхарваведы будем помечать особо (AV), поскольку они представляют некоторые отличия от обычной ведийской системы.

В др.-инд. глагольной системе имеется 10 классов презенса (10-й класс как производный мы рассматривать не будем) и 7 классов аориста. Вопрос о соотношении в парадигме глагола аориста и презенса изучен чрезвычайно недостаточно. Мы не будем рассматривать аорист 3 (редупликационный с каузативным значением), аорист 5 у корней на шумный (где он представляет собой явное новообразование; в отличие от этого, у корней на сонант он, по-видимому, исторически обоснован и представляет собой вариант аориста 4 для так называемых "тяжелых баз"), формы пассивного аориста 3-го лица ед.ч., а также формы прекатива (оптатива аориста 1). Все перечисленные категории занимают явное "надпарадигматическое" положение и в принципе могут

быть образованы от любых глаголов. Кроме того, особого рассмотрения требуют формы медиального причастия корневого аориста (на *-āna*), парадигматически отличающиеся от остальных форм корневого аориста; отдельного рассмотрения требуют также активные и медиальные формы сигматического аориста.

Целесообразно формулировать отдельно правила сочетания в одной парадигме аориста и презенса для глаголов с исходом на шумный и на сонант.

Начнем с корней на шумный. В презенсе здесь различаются: класс 1 (ударный корень в полной ступени огласовки + тематический гласный *a*); класс 2 (корневой атематический тип с чередованием полной и нулевой ступени и подвижным ударением); класс 3 (атематический редупликационный тип); класс 4 (тип с суффиксальным *-ya-* и ударным корнем в нулевой ступени огласовки); класс 5 (тип с суффиксальным *-no-/-nu-*, безударным корнем в нулевой ступени огласовки); класс 6 (безударный корень с нулевой ступенью огласовки + ударный тематический гласный *a*); класс 7 (тип с носовым инфиксом *-na-/-n-*); класс 8 (очень бедно представленный тип с суффиксальным *-o-/-u-*); класс 9 (тип с суффиксальным *-nā-/-nī-*). По способу образования классы 1, 4, 6 являются тематическими (1-е главное спряжение), классы 2, 3, 5, 7, 8, 9 - атематическими (2-е главное спряжение).

Из аористов корни на шумный могут иметь: аорист 1 (корневой, атематический), аорист 2 (с тематическим гласным *a*), аорист 4 (сигматический атематического типа), аорист 7 (сигматический тематического типа).

Требуется выяснить, с какими типами основ презенса соотносятся вышеупомянутые четыре типа аориста.

1.1.1. Корневой аорист

подавляющее большинство форм корневого аориста засвидетельствовано для глаголов, образующих презенс по 2-9 классам. Ср.:

1. *āṣṭa, āṣata, aṣṭa - aṣṇōti, aṣṇutē* 'достигать'
2. *ṛdhāthe, ṛdhānt - ṛdhnōti/ṛṇāddhi/ṛdhyate* 'процветать, расти'
3. *agrabham, agrbhran - grbhṇāti, grhṇāti* 'хватать'
4. *chedma - chinatti* 'резать'
5. *tardas - tṛṇatti* 'буравить'
6. *dhak, daghma - daghnoti* (Brahm.) 'достигать'
7. *nṛtus - nṛtyati* 'танцевать'
8. *apadran - pādyaate* 'идти; падать'
9. *āspaṣṭa - pāṣyati* 'смотреть'
10. *pārcas - pṛṇākti/pṛṇcātī* (AV) / *pipṛgdhi* 'смешивать'
11. *ābhedam, ābhet - bhināti* 'ломать'
12. *bhojam, bhōjate - bhūṅktē, bhunākti* 'есть, вкушать'
13. *āmok* (AV) - *muñcāti/mucānti* 'испускать'
14. *mṛṣṭhās - mṛṣyate* 'прощать, терпеть'
15. *āyujī, yojate, yojam - yunākti/yujmahe* 'связывать'
16. *arādham, rādhat - rādhyate* (AV) 'расти, процветать'
17. *riktam - riṇākti* 'оставлять'

18. *avasran - uchati* 'снять'
19. *vikthās, vikta - vijāte* 'спешить; убежать'
20. *aviṣran - viṣāti* 'входить'
21. *vārk, varktam - vṛṇākti, vṛṇākte* 'поворачивать'
22. *ṣagdhī, ṣaktam - ṣāknōti* 'мочь'
23. *sāghat - āsaghnos* 'возрастать'
24. *āsṣgran - sṛjāti* 'освобождать, испускать'
25. *ajusran, jōṣat - juṣāte* 'наслаждаться'
26. *arodham, rudhānt - ruṇāddhi, ruṇddhē/rudhmas* 'препятствовать'

К этому же типу формально примыкают и формы с вторичными окончаниями от глаголов 2-го класса, которые можно считать как имперфектами, так и аористами: *atakta - takti* 'торопить'; *ṣnāthat - ṣnāthihi* 'пронзать'; *ṣuṣāntam - ṣvasiti* 'дышать'; *ādat - ātti* 'есть'; *ādihan - degdhi* 'мазать'; *duhūs - dōgdhi* 'доить'; *āvaṣat - vāṣti* 'желать'; *aṣāt - ṣāsti* 'разрубать'.

Глаголы 2-9 классов презенса образуют также и медиальные причастия корневого аориста, ср.: *idhānā - inddhē* 'зажигать'; *piṣānā - piṣāti* 'вырезать, высекать'; *ṣṣcānā - vṛṇākti* 'смешивать'; *yujānā - yunākti* 'связывать'; *juṣānā - juṣāte* 'наслаждаться'; *dhṛṣṣānā - dhṛṣṣōti/dhṛṣṣmāna* 'быть смелым, дерзать'; *dhānā - dhāte* (3 pl.) 'наблюдать, понимать'; *rihānā - redhī* 'лизать'; *ṣuṣānā - ṣvasiti* 'дышать'; *adānā - ātti* 'есть'; *āsānā - āste* 'сидеть'; *dūhānā - dōgdhi* 'доить'; *nijānā - ninikta* 'мыть'; *uṣānā - vāste/uṣāmāna* 'одевать'; *vidānā - vindāti/vittē* 'находить'; *ṣāsānā - ṣāsti* 'разрубать'.

Некоторые глаголы, образующие презенс по 1-му классу, также могут образовывать корневой аорист. Такие глаголы можно разделить на две группы:

1) Глаголы 1-го класса презенса, имеющие параллельные основы презенса других классов. Это глаголы *dābhāti/dabhnōti* 'вредить', *bōdhati/būdhyate* 'будить, бодрствовать', *māndati/mamātsi* 'хвалить, радоваться', *vārtate/vavārtti* 'вертеться', *ṣōbhate/ṣumbhati* 'сиять, сверкать'. Для них основа 1-го класса презенса, скорее всего, является вторичной, представляя собой либо модификацию основы 6-го класса по правилу Соссюра [19, с. 458], либо вторичную тематизацию (возможно, в результате трансформации значения конъюнктива, ср. собственно аористные формы типа *bhēdati, bhōjate*).

2) Глаголы 1-го класса презенса, не имеющие параллельных основ презенса других классов. Характерно, что практически все такие глаголы имеют только аористные причастия, но не имеют никаких других форм корневого аориста, ср.:

1. *cītāna - cētati* 'понимать, замечать'
2. *tapānā - tapati* 'быть горячим, пылать'
3. *dyūtānā - dyūtate* 'блестеть'
4. *nidānā - nindati* 'порицать'
5. *prathānā - prāthate* 'расширяться'
6. *stubbhānā - stōbbhati* 'восхвалять, ликовать'
7. *yātānā - yātate* 'стараться, пытаться'

8. *ruṣānā - rōcate* 'блестеть'
9. *viṣānā - vēpate* 'дрожать'
10. *tvakṣānā - tvakṣati* 'творить, формировать'.

Особый случай представляют глаголы *sācate* 'следовать' и *sāhate* 'переносить, выносить'. Они также имеют только аористные причастия (*sacānā, sahānā*), но в презенсе имеют параллельные формы атематического типа: *sāccate/siṣakti* и *sākṣi, sākṣva*. Сюда же можно добавить еще и глагол *vāhati* 'везти', имеющий параллельную форму презенса *vākṣi* и аористное причастие *uhānā*.

Форма *sāccate* представляет собой необычную для др.-инд. редупликацию (ср. др.-гр. ἕωλετο), что позволяет разделить этот глагол от обычных глаголов 3-го класса презенса (форму *siṣakti* следует рассматривать как приспособление к более поздним нормам); параллелизм аористного причастия и других форм (см. ниже) заставляет нас объединить этот глагол с тематическими *sāhate, vāhati*. Формы *vākṣi* и *sākṣi*, формально принадлежащие ко 2-му (атематическому) классу, на самом деле являются особыми формами сигматического аориста (см. об этом [17]).

Таким образом, уже при рассмотрении форм корневого аориста можно убедиться в том, что все глаголы с исходом на шумный разбиваются на два класса:

1) Глаголы 1-го др.-инд. класса (тематические), не образующие корневого аориста или образующие только его причастие (обратное неверно: не всякое аористное причастие предполагает наличие глагола 1-го класса). Кроме того, эти же глаголы могут образовывать атематические императивные формы на *-si, -sva*. По этому признаку, кроме разобранных выше глаголов, сюда относятся глаголы *yājati/yākṣi* 'жертвовать', *rādati/rātsi* 'скрести, царапать', *dāhati/dhākṣi* 'жечь'.

2) Глаголы остальных др.-инд. классов (2-9). Объединение всех этих глаголов в один тип по способу образования аориста (это относится и к другим типам аористов, см. ниже) говорит в пользу того, что для всех этих классов (но не для 1-го) исходным является корневой атематический тип.

1.1.2. Тематический аорист

Распределение здесь почти полностью аналогично распределению при образовании корневого аориста. Общее правило: тематический (как и корневой) аорист образуют глаголы, имеющие презенс не 1-го класса. Ср.:

1. *aṣema - aṣnōti* 'достигать'
2. *ṣāhet, ṣāhema (AV) - ṣāhnōti/ṣāddhi/ṣāhyate* 'процветать, расти'
3. *akṣtas - kṣntāti* 'резать'
4. *kṣudhat (AV) - kṣudhyati* 'быть голодным'
5. *āḡrdhat - ḡrdhyati* 'желать, жадать'
6. *grhate, grhāmahi - grbhñāti* 'хватать'
7. *āṣpat - tṣpyati/tṣpnōti/tṣpāti* 'насыщаться'
8. *tṣṣat (AV) - tṣṣyati* 'хотеть пить'
9. *alṣham (AV) - tṣṣēhi* 'дробить'

10. *dasat* - *dásyati* 'слабеть, погибать'
11. *dhṛṣāmāna* - *dhṛṣṇóti* 'быть смелым, дерзать'
12. *anijam* (AV) - *ninikta* 'мыть'
13. *nṛtāmāna* - *nṛtyati* 'танцевать'
14. *puṣeyam*, *puṣema* - *púsyati* 'питаться, процветать'
15. *bhídeyam* (AV) - *bhinátti* 'ломать'
16. *bhujema* - *bhuñkte*, *bhunákti* 'есть, вкушать'
17. *ámucat* - *muñcáti* 'испускать'
18. *rādhām* - *rādhyati/randdhi* 'мучить, вредить'
19. *árudat* (AV) - *roditi* 'кричать, рыдать'
20. *ávidat* - *vindáti/vitté* 'находить'
21. *aṣīṣat* - *ṣinásti* (Brahm.) 'оставлять'
22. *áṣīṣat* - *ṣásti* 'учить'
23. *ápat* - *āpnóti* 'достигать'
24. *krudhat* (AV) - *krúdhyaṭi* 'сердиться'
25. *achidat* (AV) - *chinátti* 'резать'
26. *druhas* - *drúhyaṭi* 'вредить'
27. *mṛṣanta* - *mṛṣyate* 'прощать, терпеть'
28. *yujanta* - *yunákti/yujé* 'связывать'
29. *arudhat* - *ruṇáddhi/rudhmas* (AV) 'препятствовать'
30. *avocat* (< *e-ye-uke-t) - *vṛvakti* 'говорить'

(здесь на самом деле представлен непродуктивный в др.-инд. старый редупликационный тип; ср. др.-гр. εἶπεν < *eFeFlon).

31. *áçakat* - *çaknoti* 'мочь'
32. *ásicat* - *siñcáti* 'лить'
33. *budhanta*, *budhema* (AV) - *búdhyaṭe* 'будить, бодрствовать'
34. *ariṣan* - *rísyati* 'вредить'
35. *avrtat* (AV) - *vavartti* 'вертеть'

Многие глаголы, имеющие тематический аорист, имеют и корневой, ср. *açema* - *áṣta*, *rdhet* - *rdhāthe*, *grhate* - *agr̥bhraṇ*, *dṛṣan* - *adr̥ṣan*, *nṛtāmāna* - *nṛtus*, *búdhanta* - *abudhran*, *bhídeyam* - *ābhet*, *bhujema* - *bhojat*, *ámucat* - *ámok*, *ávidat* - *vidāná*, *achidat* - *chedma*, *mṛṣanta* - *mṛṣthās*, *yujanta* - *yojam*, *arudhat* - *arodham*, *avrtat* - *avart*, *açakat* - *çaktam*, *atviṣanta* - *atviṣus*.

Есть опять-таки две группы глаголов 1-го класса презенса, имеющих тематический аорист (ср. выше о корневом):

а) глаголы, имеющие параллельную основу презенса первого класса: *bódhati/búdhyaṭe*, *vártate/vavartti*, *séçate/siñcáti*, *reṣat/rísyati*. В этих случаях нужно признать презенс 1-го класса вторичным конъюнктивным образованием (характерно, что два из приведенных глаголов - *bódhati* и *vártate* - имеют и корневой аорист, см. выше);

б) группа глаголов, не имеющих параллельной основы не-1-го класса: *krándati* - *kradas* 'кричать', *gūhati* - *guhas* 'скрывать', *tañsati* - *átasat* (AV) 'трясти', *dhvañsati* (Brahm.) - *dhvasan* 'распадаться, погибать', *bhrañçati* (AV) - *bhraçat* 'падать, разбиваться', *várdhati* - *avrdhat* 'расти', *sárpanti-asrpat* (AV) 'ползти', *çóçati* - *áçicat* 'гореть, пылать', *srañsate* (Brahm.) - *asrasat* 'падать, тонуть', *srédhati* - *sridhat* 'спотыкаться'. Некоторые из этих глаголов, видимо, также имеют вторично тематизированную основу презенса: так, на вторичность основы пре-

зенса может указывать долгота гласного в форме *gūhati*; о вторичности презенса *srédhati* говорит внешнее сравнение (см. ниже). Однако вряд ли разумно интерпретировать подобным образом все имеющиеся случаи. Скорее всего, здесь представлены остатки некоторой старой системы, в которой глаголы, имевшие презенс 1-го класса, могли иметь тематический аорист с нулевой ступенью в корне. Выше было показано, что корневой аорист для таких глаголов был исключен, но они могли регулярно образовывать медиальное причастие корневого аориста. Исконно, по-видимому, эти причастные формы входили в одну парадигму с тематическим, а не с корневым аористом¹.

Исходной для двух рассмотренных выше видов аориста являлась, по-видимому, следующая система:

1) Глаголы, имевшие атематический презенс (2-й др.-инд. класс), свободно образовывали все формы корневого и тематического аориста. Другие виды презенса - *j*-презенс (4-й класс), презенс с носовыми распространителями, презенс 6-го класса (с ударным тематическим *a*) - следует признать производными от атематического типа. Такое решение вытекает из того факта, что все глаголы, имеющие упомянутые основы презенса, образуют корневой и тематический аористы (а ниже мы увидим, что то же относится и к остальным видам аориста) тождественным образом. Тематический аорист здесь, видимо, является чисто фонетическим вариантом корневого: по всем своим характеристикам (нулевая ступень корневого гласного, ударение на тематическом гласном в формах без аугмента) он относится к корневому аористу так же, как 6-й класс презенса ко 2-му (гипотезу о производности 6-го класса презенса от 2-го см. [21, 63; 5]). Поскольку, таким образом, для всей этой группы глаголов исходным является атематический тип, мы будем называть их "атематическими глаголами" (2 и 3-й др.-инд. классы презенса) либо "глаголами, производными от атематических" (остальные классы презенса кроме 1-го).

2) Глаголы, имевшие тематический презенс (1-й др.-инд. класс), не образовывали корневого аориста, но могли образовывать тематический (формально не отличавшийся от тематического аориста от атематических глаголов) плюс особые формы аористных деепричастий (формально не отличавшиеся от аористных причастий корневого аориста). В противовес глаголам 1-й группы такие глаголы мы будем называть "тематическими" - их, как правило, никак нельзя возвести к атематическому типу. Первоначальные различия между двумя типами тематического аориста (от тематических и от атематических глаголов), возможно, были акцентуационными.

Такая система, однако, изменилась уже к древнейшему периоду др.-инд. языка: если положение с атематическими (и производными от них) глаголами осталось таким же, то тематические глаголы в основной массе потеряли возмож-

¹ Имеется по меньшей мере один такой случай: *várdhati*, *avrdhat*, *vrdhāná*.

ность образования тематического аориста, вытесненного формами имперфекта и сигматического аориста.

Итак, с учетом замечаний, сделанных выше, распределение основ презенса при образовании тематического аориста аналогично распределению их при образовании корневого аориста: тематические глаголы 1-го класса, как правило, не образуют тематического аориста, а глаголы 2-9-го классов образуют его.

1.1.3. Сигматическо-атематический аорист

В этом разделе имеет смысл рассмотреть отдельно активные и медиальные формы аориста.

Активные формы:

1. *ákrān* - *krándati* 'кричать'
2. *acāit* - *cétati* 'понимать, замечать'
3. *acān*, *chantsat* - *chantsi/chandati* (Враhm.) 'выглядеть, казаться'
4. *atāpsīt* - *tāpati* 'быть горячим, греть'
5. *ádyāut* - *dyótate* 'блестеть'
6. *anāikṣīt* (AV) - *nijé/ninikta* 'мыть'
7. *pákṣat* - *pácati* 'печь'
8. *áprākṣīt*, *áprāt* - *práhāti* 'спрашивать'
9. *mátsat*, *mátsati* - *mádati/mándati/mamátsi/mátsi* 'радовать(ся)'
10. *ayākṣīt*, *ayāt*, *yákṣat* - *yájati/yákṣi* 'жертвовать'
11. *arātsīt* (AV) - *rādhyate* (AV) 'расти, процветать'
12. *ārāik* - *rinákti* 'оставлять'
13. *avāt* (AV) - *uchāti* 'сиять'
14. *ávāksīt*, *ávāt*, *vákṣat* - *váhati/vákṣi* 'везти'
15. *aṣvāit* - *ṣvétate* 'белеть, бледнеть'
16. *sakṣat* - *sáhate/sakṣi* 'переносить, выносить'
17. *asyān* - *syándate* 'течь, бежать'
18. *adhākṣīt*, *adhāk* - *dáhati/dhakṣi* 'жечь'
19. *aprāk* (AV) - *prnākti/piprgdhi* 'смешивать'
20. *abhākṣīt*, *abhāk*, *bhakṣat* - *bhájati/bhakṣi* 'разделять'
21. *arāt* (AV) - *ruṇáddhi/rudhmas* 'препятствовать'
22. *avātsīt* (AV) - *vásati* 'жить; обитать'
23. *asrākṣīt*, *asrāk* - *srjāti* 'испускать'
24. *sakṣat* - *sácate/sáccati*, *sísakti* 'следовать'
25. *satsat* - *sīdati/sátsi* 'сидеть'

Медиальные формы:

1. *adikṣi*, *adīṣṭa* - *diçāti*, *-te/dīdeṣṭu* 'показывать'
2. *ánuksata* - *dógdhi/aduhat* 'доить'
3. *nikṣi* (AV) - *nijé/ninikta* 'мыть'
4. *ánutta* - *nudāti* 'толкать'
5. *apatsi*, *patihās* (AV) - *pádyate* 'идти; падать'
6. *aprkṣi*, *aprkta* - *prnākti/piprkta* 'смешивать'
7. *amatta* - *mádati/mándati/mamátsi/mátsi* 'радовать(ся)'
8. *ayasta*, *yakṣate* - *yájati*, *-te/yákṣi* 'жертвовать'
9. *arabāha* - *rābhate* 'начинать, предпринимать'
10. *ariksi* - *rinákti* 'оставлять'
11. *avitsi* - *vindāti/vitté* 'находить'
12. *ánikṣmahi* - *viçāti*, *-te* 'входить'
13. *aprkṣmahi* - *vrnākti*, *vrñkte* 'поворачивать'

14. *asakṣata* - *sácate/sáccati*, *sísakti* 'следовать'
15. *ásakṣnās* - *sájati* 'вешать'
16. *asākṣi*, *sākṣate* - *sáhate/sákṣi* 'переносить, выносить'
17. *çhitsu* (AV) - *chinátti* 'резать'
18. *ábhutsi* - *búdhyate/bódhati* 'будить, бодрствовать'
19. *ábhakṣi*, *ábhakta* - *bhájati*, *-te/bhakṣi* 'делить, разделять'
20. *ámukṣi* - *muñcāti/mucánti* 'испускать'
21. *ayukṣi* - *yunákti*; *yuñkte/yujé* 'связывать'
22. *yutsmahi* (AV) - *yúdhyate/yodhati* (AV)/*yótsi* 'воевать'
23. *alipsata* - *limpāti* (AV) 'мазать'
24. *avṛtsata* - *vártate/vavartti* 'вертеть(ся)'
25. *ásrkṣi*, *ásrṣṭa* - *srjāti* 'испускать'

Характерно, что цельную парадигму (включающую формы активного и медиального залога) имеют очень немногие глаголы: *anāikṣīt/nikṣi*, *mátsat/amatta*, *ayāt/ayasta*, *ārāik/arikṣi*, *aprāk/aprkṣi*, *abhāk/abhakṣi*, *sakṣat/asakṣata* (8 глаголов при 42 глаголах, образующих сигматическо-атематический аорист). Этот факт нам кажется не случайным. Скорее всего здесь нужно говорить о двух самостоятельных типах аориста: "активном" и "медиальном" (тем более, что медиальность или активность аориста никак не соотносятся с соответствующими категориями в презенсе, ср. *ámukṣi* при *muñcāti* и *asyān* при *syandate* и т.д.). В таком случае перечисленные 8 глаголов, образующие оба типа аориста, должны рассматриваться как нерегулярные. По крайней мере один из них (*mádati*) может быть лишь кажущимся исключением, поскольку здесь возможна контаминация двух корней в одной глагольной парадигме (см. 22); такое же объяснение не исключено и для парадигмы глагола *bhájati*. Форма *ārāik* 'оставил' исключительна с точки зрения наличия в ней долгого аугмента (единственная известная аналогичная форма - *anaṭ* 'достиг' - является корневым аористом; возможно поэтому, что форма *ārāik*, вопреки распространенному мнению, является не сигматическим, но корневым аористом с нерегулярным удлинением корневого дифтонга). Остальные случаи вполне можно считать поздними образованиями (характерно, что уже в Брахманах ситуация совершенно меняется: сплошь и рядом глаголы, имеющие в Ведах только активные или только медиальные формы сигматического аориста, получают там полную парадигму).

Если принять гипотезу о двух различных типах сигматического аориста, становится очевидным распределение этих типов в зависимости от основы презенса, а именно: тематические глаголы 1-го класса презенса образуют "активный" аорист, а глаголы всех остальных презентных классов - "медиальный". Действительно, "активный" аорист образуют глаголы *krándati*, *cétati*, *tāpati*, *dyótate*, *pácati*, *mádati*, *yájati*, *váhati*, *ṣvetate*, *sáhate*, *syándate*, *dáhati*, *bhájati*, *vásati*, *sácate*; "медиальный" аорист образуют глаголы *diçāti*, *dógdhi*, *nijé*, *nudāti*, *pádyate*, *prnākti*, *mamátsi*, *rinákti*, *vindāti*, *viçāti*, *vrñkti*, *chinátti*, *búdhyate*, *muñcāti*, *yunákti*, *yúdhyate*, *limpāti*, *vavartti*, *srjāti*.

Действительными отклонениями являются только глаголы *rādhate* ($\rightarrow arātsī$) и *ruñāddhi* ($\rightarrow arāut$) в первом типе (обе активные формы засвидетельствованы только в Атхарваведе). Презентная форма *chantsi* (при аористе *achān*, *chantsat* и презенсе *chandati* в Брахманах) может на самом деле представлять собой императивную форму 2-го лица (ср. *yākṣi*, *vākṣi* и т.п.), т.е. входить в парадигму сигматического аориста, но не презенса. Формы *anāikṣīt*, *ārāik*, *aprāk*, *asrāk* имеют параллельные им медиальные формы и поэтому являются вторичными (характерно, что две из них — *anāikṣīt* и *aprāk* — опять-таки засвидетельствованы только в Атхарваведе). То же относится к медиальным формам *ayaṣṭa*, *asakṣata*, имеющим параллельные активные.

Пояснения требуют также некоторые кажущиеся отклонения от общего правила. Форма *āprāt* может на самом деле представлять собой образование, соответствующее имперфекту от атематического презенса с корнем *prach-* (на возможность наличия такого презенса указывает тематизированная форма 6-го класса *prchāti*); т.е. *āprāt* < $*é-preksk-t = *é-preks$, и переосмысленное как сигматический аорист. Глаголы *rābhate* и *sājati* являются первоначально глаголами 6-го класса презенса с переносом ударения по правилу Сосюра: *rābhate* < $*rmbhétai$, *sājati* < $*sngjétai$. Иначе непонятно бы было отсутствие у них в презенсе носового, имеющегося, например, в каузативах *rambhayati* и *sañjaya-ti*. Таким образом, наличие у них только медиальных аористных форм *ārābdha* и *ásakthās* вполне укладывается в общее распределение. О вторичности тематических презенсов *bódhati*, *vartate* (наряду с регулярными формами *būdhate*, *vavartti*) уже говорилось выше, в связи с образованием других типов аориста. К этому же классу случаев относится, видимо, и глагол *yodhati/yudhyate*. Следовательно, наличие у этих глаголов медиальных форм сигматического аориста *ābhutsi*, *avṛtsata*, *yutsmahi* также является вполне регулярным.

Таким образом, в ранний период др.-инд. языка распределение для данного типа аориста выглядело следующим образом: тематические глаголы (1-й класс презенса) образовывали активные формы сигматического аориста, а атематические и производные от них глаголы (2-9-й классы презенса) — медиальные формы. Уже в Атхарваведе начинают наблюдаться отклонения от этого распределения в сторону возникновения цельной парадигмы аориста от каждого глагольного корня, которые впоследствии привели к полной утрате сформулированного распределения.

1.1.4. Сигматическо-тематический аорист

Имеются следующие примеры:

1. *akrukṣat* - *króḡati*, -te 'кричать'
2. *aghukṣat* - *gūhati*, -te 'скрывать'
3. *avikṣat* (AV) - *dvéṣti* 'ненавидеть'
4. *ādhukṣat* - *dogdhi* 'доить'
5. *drukṣat* - *róhati* 'расти, подниматься'
6. *avṛkṣat* - *vṛñakti* 'поворачивать, отвращать'

7. *āsprkṣat* (AV) - *sprḡati* 'касаться, трогать'
8. *āmṛkṣat* - *mṛḡati* 'касаться'
9. *amṛkṣat* - *mārṣti/mṛñjata/mṛjati* 'вытирать'.

О вторичности тематической основы презенса *gūhati* уже говорилось выше. Вторичным является, видимо, и презенс *róhati* (при позднее засвидетельствованном презенсе *ruhati* и тематическом аористе *aruhāt*). Очевидно, что данный тип аориста образуется только от глаголов первого класса презенса (с одним неясным отклонением: *króḡati* - *akrukṣat*).

Итак, внутренний анализ ведийских данных дает основания для разбиения всех глагольных корней с исходом на шумный на два класса в зависимости от способов образования основ презенса и аориста (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Класс глаг. корня	Тип презенса		Корневой аорист		Темат. аорист	Сигм.-атем. аорист		Сигм.-темат. аорист
	1 кл.	Непервый кл.	Личные формы	Медиал. причастие		Акт. формы	Медиал. формы	
A (I)	-	+	+	+	+	-	+	+
B (II)	+	-	-	+	(-)	+	-	-

1.1.5. Сонантные корни

Парадигмы глаголов с сонантными корнями сильно отличаются от парадигм глаголов с корнями на шумный. А именно: у них отсутствует 7-й класс презенса (инфиксальный), зато некоторые корни образуют 8-й класс (с суффиксом $-o/-u-$), отсутствующий у корней на шумный. Кроме того, у них отсутствует сигматическо-тематический аорист (на $-sa-$) и гораздо большее распространение имеет аорист на $-iṣ-$.

Наиболее существенным отличием сонантных корней от корней на шумный является, однако, тот факт, что здесь не удается установить прямого соответствия между типом презенса и типом аориста у каждого глагольного корня (при рассмотрении др.-инд. сонантных глагольных корней сразу бросается в глаза чрезвычайное обилие у них основ презенса, сильно затрудняющее анализ). Поэтому мы ограничимся лишь рассмотрением способов образования аориста от сонантных корней.

Отметим предварительно, что у корней на $-u$ ($-u$) выделяются два способа образования корневого аориста: 1) сохранение u во всех формах (ср. *abhūt*, *abhuvan*, *bhūtu*; *ahvi* = **ahvi*, *āhūmahī*); 2) переход $-u$ в $-au$ ($-o-$, $-av-$) в сильных формах при $-u-$ в слабых (ср. *suāvāna*, *yavanta*, *sōtu/sutām/svāna*, *āgravam/āḡrot/ḡrōtu*). Есть некоторые основания полагать, что и корни на $-i$ ($-i$) имели в прошлом оба этих типа, но уже к рассматриваемому (ведийскому) периоду у этих корней возобладал второй способ образования корневого аориста.

1.1.5.1. Корневой аорист

а) Корни на -r, -m, -ñ, -i:

1. *ārta, ārata, arāná - rchāti/iyarti/rñóti/rante* 'идти, посылать'
2. *ākran, akrāmis - krāmāti, kramate* 'шагать'
3. *āgamam, āgam, āgata - gāchati/gāmantī/gathā* 'идти'
4. *gūrta - gurāte* 'приветствовать'
5. *garat, garan (? темат. аор., см. ниже) - girāti* (AV)/*gṛñāti* (AV) 'глотать'
6. *ācet, ācidhvam - cikēsi, cikyat/cayate* 'наблюдать'
7. *hrayāna - jihreti* (Brahm.) 'стыдиться'
8. *atan, atata - tanóti* 'тянуть'
9. *dhrthās* (AV) - *dharati* (Ep.) 'держать'
10. *pūrdhī - pīpartī/prñāti/pūryamāna* 'наполнять'
11. *bhema, bhīyāná - bibheti/bhayate* 'бояться'
12. *amṛta - mārāte* 'умирать'
13. *āyamus, yamat - yāchati/yāñsi* 'сдерживать'
14. *avri, avṛta, urāná - vrñāte* 'выбирать'
15. (?) *rānti* (SV) - *rāmāte, -ti/ramnāti* 'удовлетворять-ся'
16. *vanta, vañsva - vanóti/vānati/vanēma* 'стремиться'
17. *āvar, avṛta, vrāná - vrñóti, ūrñóti/avṛñidhvam* (AV)/*vārati* 'покрывать'
18. *ācret, ācriyan - cṛāyati* 'прилипать'
19. *amata, amānāhi - mānyate/manuté/mamandhi* 'думать'
20. *āstar, stārate - strñāti/strñóti* 'простирать'
21. *āspar, spārat - sprñóti* 'спасать'
22. *āhema, hīyāná - hinóti/hāyant* 'гнать'
23. *acet - cinóti/ceti/cayat, cāyema* 'собирать'
24. *ākaram, ākar, ākrta, krāná - krñóti/karóti/krtha, krše/karanti* 'делать'

б) Корни на -u:

Тип с полной огласовкой в сильных формах:

25. *yavanta - yuyóti/āyuvanta/yūchati* 'отделять'
26. *sótu, sutám, s(u)vāná - sunóti/suṣvati* (3 pl.) 'выжимать'
27. *āgravam, āgrot, grótu - gṛñóti/gṛósi* 'слышать'
28. *cyāvāna - cyāvate* 'двигать(ся)'

Тип с нулевой огласовкой в сильных формах:

29. *ābhūt, bhūtu - bhāvati* 'быть'.

Сюда же, видимо:

30. *ahvi* (AV), *āhūmāhi - hvāyati/hāvate/huvé/hōma/juhū-māsi* 'звать'.

Отметим здесь, что императив *pūrdhī* не обязательно должен быть аористным, а может быть произведен от несохранившейся формы презенса *pūrti, поскольку других корневых аористных форм для этого глагола, при всей его употребительности, не засвидетельствовано. Аналогичным образом формы *garat, garan* могут быть произведены от основы презенса *garati (напомним, что презенсы *girāti* и *gṛñāti* для этого глагола засвидетельствованы только в Атхарваведе; в других ведийских памятниках презентные формы вообще отсутствуют).

1.1.5.2. Тематический аорист

1. *ārat, aranta - rchāti/iyarti/rñóti/rante* 'идти, посылать'
2. *ākarat* (AV) - *krñóti/karóti/krtha/karanti* 'делать'
3. *akramat, akramān* (AV) - *krāmāti, kramate* 'шагать'
4. *atanat - tanóti* 'тянуть'
5. *tamat - tāmyati* (Brahm.) 'задышаться'
6. *ābhuvat, bhūvat - bhāvati* 'быть'
7. *āgramat - grāmyati* 'уставать'
8. *asanam - sanóti/sānat, sānema* 'добиваться'
9. *asarat, sārat - sisarti* 'течь, бежать'
10. *ahyam* (AV) - *hinóti/hāyant* 'гнать'
11. *āhvat, ahvata - hvāyati/hāvate/huvé/hōma/juhūmāsi* 'звать'
12. *gamēt, gametahi - gāchati/gāmantī/gathā* 'идти'
13. *avyat, avyata - vyayati* 'окутывать'

Характерно, что этот аорист образуют в основном те же глаголы, которые образуют и корневой (*rchāti, krñóti, krāmāti, tanóti, bhāvati, hinóti, hvāyati, gāchāti*). Таким образом, соотношение между этими двумя типами аористов такое же, как между соответствующими типами у корней на шумный (см. выше).

Заметим, кроме того, что глаголы, образующие особый тип корневого аориста (с нулевой огласовкой в сильных формах), а именно *bhāvati* 'быть' и *hvāyati* 'звать', образуют также особый тип тематического аориста (с нулевой огласовкой), ср. *ābhuvat, āhvat*. Здесь, однако, эта особенность менее показательна, поскольку тематический аорист не засвидетельствован от глаголов типа *sunóti* 'выжимать', *gṛñóti* 'слышать' (ожидалось бы *āsavat, āgravat*); кроме того, глаголы с исходом корня на -i также демонстрируют нулевую ступень (*ahyam, avyat*), так что в данном типе аориста нулевую огласовку корня можно вообще считать общим правилом для всех корней на -u и -i.

1.1.5.3. Сигматический аорист

а) Активные формы:

1. *akārsam* (AV) - *cakrānt* 'праздновать'
2. *ākṣār - kṣarati* 'течь'
3. *kṣeṣat - kṣēti/kṣiyāti* (AV)/*kṣāyati* 'жить, обитать'
4. *atān - tanóti, tanuté* 'тянуть'
5. *atsār - tsarati* 'краситься'
6. *darsasi, darsat - dārṣi, adar* 'рвать'
7. *pārṣati, pārṣat - pīpartī/pārṣi* 'переправлять'
8. *préṣat - prñāti, prñāte* 'радоваться'
9. *abhārṣt, abhār, bhārṣat - bhārti/bhārati/bharti* 'нести'
10. *ayan, yañsat - yāchati/yamati/yāñsi* 'сдерживать'
11. *yāus, yoṣati, yōṣat - yuyóti/āyuvanta/yūchati* 'отделять'
12. *vāñsat - vanóti, vanuté/vānati/vanēma* 'стремиться'
13. *śeṣan* (RV¹) - *śēte/śayate* 'лежать'
14. *aṣṛāt* (AV) - *cṛāyati* 'прилипать'

15. *sarṣat* (AV) - *sīṣarti* 'течь, бежать'
  16. *varṣathas* - *vṛṇōti*, *ūrṇōti/avṛṇādhvam* (AV)/*vārati* 'покрывать'
  17. *āspārṣam* - *spṛṇōti*, *spṛṇute* 'отпускать'
  18. *āsvār* - *svārati* 'звучать'
  19. *āhāit* (AV) - *hinōti/hāyant* 'гнать'
  20. *ajāit*, *jéṣam*, *jéṣat* - *jāyati/jéṣi* 'побеждать'
  21. *neṣat*, *neṣati* - *nāyati/ninīthās/néṣi*, *ānītām* 'вести'
  22. *ābhāiṣīt* - *bibhēti/bhāyate* 'бояться'
  23. *stōsat* - *stāuti* 'хвалить'
  24. *ahārṣīt*, *ahār* (AV) - *hārati/harmi* 'брать, держать'
- б) Медиальные формы:
1. *akraṁsta*, *akraṁsata*, *kraṁsate* - *krāmati*, *krāmate* 'шагать'
  2. *kṣeṣṭhās*, *kṣeṣṭa* (AV) - *kṣiṇāti/kṣiṇoti* (AV)/*kṣīya-te/kṣidhi* (SV) 'разрушать'
  3. *agasmahi* - *gāchati/gāmanti/gathā* 'идти'
  4. *acyoṣṭa* - *cyāvate* 'двигать (ся)'
  5. *darṣate* - *dārṣi*, *adar* 'рвать'
  6. *adhūṣṭa*, *adhūṣata* - *dhūnōti*, *dhūnuté/dhuvati* (AV) 'трясти'
  7. *ādhr̥ṣata* - *dhvarati* (Brahm.) 'повреждать'
  8. *nāṁsante* - *nāmati*, *-te* 'кланяться'
  9. *ānūṣi* - *nāuti/nāvate* 'восхвалять'
  10. *meṣṭa* (AV) - *mināti/minoti* (RV¹)/*mimītas/mīyate* 'повреждать'
  11. *āyaṁsta*, *yaṁsate* - *yāchati/yamati/yāṁsi* 'сдерживать'
  12. *vāṁsi*, *vāṁsate* - *vanōti*, *vanuté/vānati/vanēma* 'стремиться'
  13. *avṛṣi*, *avṛṣata* (AV) - *vṛṇīté* 'выбирать'
  14. *ahēṣata* - *hinōti/hāyant* 'гнать'
  15. *ahūṣata* - *hvāyati/hāvate/huvé/hōma/juhūmāsi* 'звать'
  16. *aneṣṭa* - *nāyati/ninīthās/néṣi*, *ānītām* 'вести'
  17. *amaṁsta*, *maṁsate* - *mānyate/manuté/mamandhi* 'думать'
  18. *āraṁsta* - *rāmte/ramnāti* 'радоваться'
  19. *astoṣṭa* - *stāuti* 'хвалить'
  20. *ahṛṣata* - *hārati/harmi* 'брать, держать'

Необходимо заметить, что только следующие глаголы имеют полную парадигму сигматического аориста: *āyān/āyaṁsta*, *vāṁsat/vāṁsi*, *āhāit/ahēṣata*, *neṣat/aneṣṭa*, *stōsat/āstoṣṭa*, *ahār/ahṛṣata* (6 глаголов из общего числа 38 глаголов, образующих сигматический аорист). Таким образом, здесь годятся все замечания, сделанные выше (см. сигматический аорист у корней на шумный), т.е. в каждой из перечисленных пар один из членов нужно считать вторичным.

1.1.5.4. Сигматический аорист на -is-

а) Активные формы:

1. *āniṣus* (AV) - *ānīti/ānāti/anāti* (AV) 'дышать'
2. *āvīt*, *āviṣat* - *āvati* 'способствовать'
3. *akāniṣam*, *kāniṣas* - *kāyamāna* 'быть довольным'
4. *kāriṣat* - *kirāti*, *-te* 'сыпать'
5. *akāriṣam*, *ākārīt* - *cakrānt* 'праздновать'

6. *ākramīt*, *akramīm* - *krāmati*, *krāmate* 'шагать'
  7. *gamīṣtam* - *gāchati/gāmanti/gathā* 'идти'
  8. *gārīt* - *girāti* (AV)/*grṇāti* (AV) 'глотать'
  9. *caniṣṭām* - (презенс отсутствует) 'быть довольным'
  10. *acārīt* - *cārati*, *-te* 'бродить'
  11. *cauīṣtam* - *cinōti/peti/cāyema* 'нагромождать'
  12. *cāyīṣam* (AV) - *cāyamāna* 'замечать'
  13. *jāriṣus* - *jārati/jurāti/jūryati*, *jīryati* (AV) 'стареть'
  14. *ātārīt*, *tāriṣat* - *tārati/tirāti*, *turāti/titarti/tarute* 'переправляться'
  15. *ādhanīt* - *dhvanati* (Fr.) 'звучать'
  16. ? *anaviṣṭa* - *nāuti/nāvate* 'восхвалять'
  17. *apāviṣus*, *apaviṣṭa* - *punāti*, *punīté/pāvate* 'числить'
  18. *yāvīṣtam* - *yāuti/yuvāti*, *-te* 'связывать'
  19. *yāvīs* - *yuyōti/āyuvanta/yūchati* 'отделять'
  20. *pāriṣat* - *pīparti/pārṣi* 'переправлять'
  21. *arāniṣus* - *rānati/rānyati* 'наслаждаться'
  22. *ārāvīt* - *ruvāti* 'звучать'
  23. *rāviṣam* - *rudhi* (?) (AV); *rāvāt* (Brahm.) 'ломать'
  24. *vanīṣat* (AV) - *vanōti/vānati/vanēma* 'стремиться'
  25. *aṣarīt* (AV) - *ṣṛṇāti* 'разрушать'
  26. *ṣramiṣma* - *ṣrāmyati* 'уставать'
  27. *asāniṣam*, *sanīṣat* - *sanōti/sānat* 'достигать'
  28. *asāvīt*, *sāviṣat* - *sūte/suvāti* 'порождать'
  29. *astānīt* (AV) - *stanihi/stanati* (AV) 'храпеть'
  30. *astarīs* (AV) - *strṇāti*, *strṇīté/strṇōti*, *-nuté* 'простирать'
  31. *spharīs* - *sphurāti* 'растягивать'
  32. *svānīt* - *svanati* (Fr.) 'звучать'
  33. *ajāniṣṭa*, *jāniṣṭām* - *jānati*, *-te/jāyate/jāniṣva* 'рождать'
  34. *ajīvīt* (AV) - *jīvati* 'жить'
  35. *anayīt* (AV) - *nāyati/ninīthās/néṣi* 'вести'
  36. *aṣayīṣṭa* - *ṣēte/ṣāyate* 'лежать'
- б) Медиальные формы:
1. *krāmiṣṭa* (3 sg.) - *krāmati*, *krāmate* 'шагать'
  2. *kṣaniṣṭhās* (AV) - *kṣanōti*, *kṣanuté* (Brahm.) 'вредить'
  3. *adhāviṣṭa* (3 sg.) - *dhāvati*, *-te* 'мыть'
  4. *paṇiṣṭa* (3 sg.) - *pānanta* 'восхищать'
  5. *yāmiṣṭa* (3 sg.) - *yāchati/yāṁsi* 'сдерживать'
  6. *vanuṣanta* - *vanōti/vānati/vanēma* 'стремиться'
  7. *ācamīṣṭhas* - (?) *ṣcāmnan* (RV)/*ṣcamīṣva* (Brahm.)/*ṣcāmant* (SV) 'успокаивать'
  8. *sāniṣanta* - *sanōti/sānat* 'достигать, получать'

Только три глагола (при общем числе 41!) имеют полную парадигму: *ākramīt/krāmiṣṭa*, *vanīṣat/vanuṣanta*, *asāniṣam/sāniṣanta*. Вообще в этом типе аориста медиальные формы представлены очень скудно.

1.1.5.5. Анализ парадигм глаголов с сонантными корнями

Глаголы, имеющие несколько форм аориста, разбиваются на следующие подгруппы:

- а) Глаголы, имеющие корневой аорист, тематический аорист и медиальные формы сигматического аориста (но не имеющие активных форм последнего).
- б) Глаголы, не имеющие корневого и тематического аориста, но имеющие активные формы сигматического аориста. Сюда же примыкает небольшая группа глаголов на -и и -i, образующих наряду с активными формами сигматического аориста особые типы корневого и тематического аориста (а именно - с нулевой ступенью в сильных формах, см. выше).

1-я группа глаголов:

1. *ṛehāti* (-āṛta, ārat) 'идти, посылать'
2. *krāmāti* (-akran, akramat, akraṅsta, kramiṣṭa) 'шагать, ходить'. Форма *akramīt* вторична, будучи построенной к медиальному *krāmiṣṭa*. Об этом говорит еще и явное новообразование *akramīm*.
3. *gāchati* (-agan, gamēt, agasmahi) 'идти' при вторичном *gamīṣṭam*
4. *gurāte* (-gūrta) 'приветствовать'
5. *cikēti* (-ācet) 'замечать' (возможно, относится ко 2-й группе ввиду двусмысленности в данном случае корневого аориста и отсутствия форм сигматического)
6. *tanōti* (-atān, atanat) 'тянуть' при вторичном *atān* (ср. медиальные формы *ataṣi, ataṅsmahi* в Брахманах)
7. *dharati* (-dhṛtās) 'держат'
8. *mārate* (-amṛta) 'умирать'
9. *yāchati* (-āyamus, āyaṅsta, yamiṣṭa) 'сдерживать' при вторичном *ayān*
10. *rāmāte* (-rāntī, āraṅsta) 'удовлетворяют(ся)'
11. *vanōti* (-vanta, vaṅsate, vanuṣanta) 'стремиться' при явно вторичном *vaṅsat, vaṅiṣat*
12. *vṛṇōti* (-āvar) 'покрывать'. Обилие форм презенса, а также индоевропейских соответствий (ср. с одной стороны слав. *vḗrŕŭ, с другой - гр. εἰλύω) заставляет думать, что форма *varṣathas* в Ригведе восходит к другой основе (ср. презентную (имперфектную) форму *avṛṇādhvam* в Атхарваведе - о соотношении типов аориста с презенсом на -nā/-nī-, см. ниже)
13. *sunōti* (-sōtu/sutām) 'выжимать'
14. *stṛṇōti* (-astar) 'простирать'. В парадигме этого глагола, по-видимому, также объединены два и.-е. корня: форма *astarīs* (AV) вместе с презенсом *stṛṇāti* восходит к другой основе (ср. с одной стороны, слав. *steljŭ, с другой - слав. *stḗrŕŭ)
15. *spṛṇōti* (-aspar) 'освобождать' при вторичном *āspār-sam*
16. *hīnōti* (-āhema, ahyam, aheṣata) 'гнать' при вторичном *āhāt* (AV)
17. *jihreti* (-hṛayāna) 'стыдиться'
18. *kṛṇōti* (-ākar, ākarat) 'делать'
19. *vṛṇītē* (-avṛta, avṛṣi) 'выбирать'

20. *ṣṛṇōti* (-aṣrot) 'слышать'
  21. *tāṃyati* (-tamāt) 'задыхаться, утомляться'
  22. *grāmyati* (-āgramat) 'уставать' (при вторичном *grāmiṣma*)
  23. *sanōti* (-asanam, sāniṣanta) 'достигать' при вторичном *asāniṣam*.
  24. *vyāyati* (-āvyat) 'окутывать'. Отсутствие других форм аориста делает принадлежность этого глагола к 1-й группе сомнительной
  25. *kṣiṇōti* (-kṣeṣṭhās/kṣeṣṭa) 'уничтожать, разрушать'
  26. *dhūnōti* (-adhūṣṭa) 'трясти'
  27. *dharati* (-dāhūrṣata) 'повреждать'
  28. *nāmāti* (-nāniṣantē) 'кланяться'
  29. *nāuti* (-ānūṣi) 'восхвалять'. Форма *anaviṣṭa* делает принадлежность этого глагола к 1-й группе сомнительной
  30. *mināti* (-meṣṭa) 'повреждать, уменьшать'
  31. *manūtē* (-amata, amaṅsta) 'хвалить, восхвалять'
  32. *stāuti* (-āstoṣṭa) 'хвалить, восхвалять'.
- Имеется также активная аористная форма *stoṣat*, ставящая принадлежность данного глагола к 1-й группе под сомнение.
33. *hārati* (-aḥṛṣata) 'брат'. Наличие формы корневого аориста *aḥṛṣthās* в Джайминия-брахмане подтверждает принадлежность этого глагола и указывает на вторичность формы *aḥār*
  34. *kṣaṇōti* (-kṣaṇiṣṭhās) 'вредить, ранить'
  35. *dhāvati* (-adhāviṣṭa) 'стирать, мыть'
  36. *pānanta* (-paniṣṭa) 'быть удивительным, восхищать'
  37. *ṣāmant, ṣāmyati* (-āṣamiṣṭhās) 'успокаивать(ся)'. (ср. еще тематический аорист *ṣamat* в Брахманах)
  38. *cyāvate* (-cyāvāna, cyavoṣṭa) 'двигать(ся)'
- 2-я группа глаголов:
1. *cakarti* (*cakrānt*) (-akārṣam, ākārīt) 'праздновать'
  2. *kṣāri* (-ākṣār) 'течь'
  3. *kṣēti* (-kṣeṣāt) 'жить, обитать'
  4. *tsāri* (-atsār) 'красться'; ср. еще *atsāriṣam* в Шатапата-брахмане
  5. *dārṣi* (-darṣat) 'рвать' при вторичном *darṣate* (ср. еще презенс *dṛṇīyāt* в Шатапата-брахмане)
  6. *pīpārti* (-pārṣat, pāriṣat) 'переправлять'
  7. *prīnāti* (-prēsat) 'радоваться'
  8. *bhāri* (-abhār/bharsat) 'нести'
  9. *yuyōti* (-yāus/yōṣat, yāvīs) 'отделять'. Форма *yavan-ta* корневого аориста, скорее всего, является имперфектом к незасвидетельствованному презенсу *yāvati
  10. *ṣēte* (-ṣeṣan, aṣayiṣṭa) 'лежать'. Форма *ṣeṣan* засвидетельствована только один раз, и явный корневой характер этого глагола делает сомнительной его принадлежность к данной группе
  11. *sisarti* (-sārṣat) 'течь, бежать'. Засвидетельствованные формы тематического аориста *asarat, sarat*, скорее всего, представляют собой имперфект от презенса *sarati*, засвидетельствованного в Сутрах и в эпическом санскрите

12. *svarati* (-ásvār) 'звучать'
13. *jáyati* (-ajāit, jéṣat) 'побеждать'
14. *ániti* (-āniṣus) 'дышать'
15. *ávyati* (-āvīt, aviṣat) 'благоприятствовать'
16. *kāyamāna* (-akāniṣam) 'радоваться'
17. *kirāti* (-kāriṣat) 'сыпать'
18. *gṛñāti* (-gārīt) 'глотать'. Формы *garat, garan*, скорее всего, представляют собой имперфект от *gārati (ср. выше о *yāvanta, sarat*)
19. *cārati* (-acārīt) 'ходить, двигаться'
20. *cāyamāna* (-acāyiṣam) 'замечать'
21. *jārati* (-jāriṣus) 'стареть'
22. *tārati* (-atārīt, tāriṣat) 'переправляться'
23. *dhvanati* (-ádhvanīt) 'звучать'
24. *ṇunāti* (-ṇṇāviṣus) 'чистить'
25. *yāuti* (-yāviṣtam) 'связывать'. Впрочем, данная форма сомнительна, и при отсутствии других аористов трудно определить принадлежность этого глагола.
26. *rānāti* (-arāniṣus) 'наслаждаться'
27. *ruvāti* (-arāvīt) 'звучать, кричать'
28. *ruḍhi* (-rāviṣam) 'ломать'
29. *sūte* (-asāvīt, sāviṣat) 'порождать'
30. *stanihi* (-astānīt) 'храпеть'
31. *sphurāti* (-spharīs) 'метать, бросать; дрожать'
32. *svanati* (-svānīt) 'звучать'
33. *jānāti* (-ājaniṣta) 'рождать' (но акцентуация производных и внешние параллели заставляют относить этот глагол к 1-й группе и считать форму *ājaniṣta* вторичной)
34. *jīvati* (-ajīvīt) 'жить'
35. *gṛñāti* (-gārīt) 'разрушать'.

Ко 2-й группе необходимо отнести также следующие глаголы на -и и -i, имеющие особый тип корневого аориста (см. выше):

36. *bhāvati* (-ábhūt, ábhuvat) 'быть'. Ср. также аорист *bhūviṣāt* в Аitareya-брахмане
37. *hāvate* (-áhūmahī, áhvat) 'звать'. Полный параллелизм с *bhāvati* заставляет нас отнести этот глагол сюда же, несмотря на противоречащую форму *ahūṣata* (впрочем, явно вторичную, так как нормально ожидалось бы *ahōṣata).
38. *bhāyate* (-bhema, ábhāiṣīt) 'бояться'. Форма *abhāiṣit* предполагает *bhāma, см. выше.
39. *grayati* (-ágrēt, agrāit) 'прилипать'. Форма *agrāit* предполагает старый корневой аорист *agrīt, см. выше.
40. *nāyati* (-anāiṣīt, anayīt) 'вести'. Возможно, корневой аорист старого типа (с -ī-) нужно усматривать в форме *ánītām* (RV), относимой обычно ко 2-му классу презенса.

Ко второй группе относятся также, видимо, формы *vār-ṣathas* и *astarīs* (см. выше), а также форма *caniṣtam* (от *can-* 'быть довольным'), не имеющая соответствующего презенса. В презенсе, как уже отмечалось выше, глаголы с сонантными корнями обнаруживают большое разнообразие форм. Единственное, что можно констатировать довольно уверенно, это преобладание форм презенса с -nā/-nī- во 2-й

группе в противовес формам с -no-/-nu- в 1-й (ср. во 2-й группе *ḍṇāti, prīṇāti, gṛñāti, ṇunāti, ṣṇāti* при полном отсутствии форм на -no-/-nu-; напротив, в 1-й группе *cinoti* (Ер.), *tanōti, vanōti, vṇōti, sunōti, stṇōti, sprṇōti, hinōti, kynōti, gṛñōti, sanōti, kṣinōti, dhūnōti, manūté, kṣanōti*). Отклоняются только *ram-nāti, vṇūté, kṣināti* (наряду с *kṣinōti*), *mināti* (наряду с *minoti* в RV) и форма *ṣamniṣe* в Брахманах². Формы *vṇāti* и *stṇāti*, как уже говорилось, - мнимые отклонения, так как парадигмы этих глаголов необходимо разделить на две.

Итак, можно констатировать, что разбиение глаголов с сонантными корнями на две группы полностью соответствует аналогичному разбиению глаголов с корнями на шумный (см. выше). И в том и в другом случае глаголы первой группы обладают возможностью образовывать корневой и тематический аорист, а также медиальные формы сигматического; глаголы же второй группы обладают возможностью образовывать активные формы сигматического аориста, а также особые реликтовые формы тематического и корневого аориста.

Различия касаются только особенностей корневого аориста второй группы (у корней на шумный - только аористные причастия, фактически принадлежащие тематическому аористу; у корней на сонант - корневой аорист в собственном смысле этого слова, но отличающийся от корневого аориста у глаголов 1-й группы), а также системы презенса, где для корней на шумный формулируются четкие правила, а для сонантных корней такие правила можно установить только для двух (5-го и 9-го) классов презенса.

По-видимому, для глаголов обоих типов (корни на шумный и на сонант) можно установить еще одно правило образования презенса, а именно: суффикс -cha- (и.-е. *-sḥe-) присоединяется только к корням глаголов 1-й группы, ср. *uchāti - avasran, pṛchāti* (об аор. *áprāt* см. выше), *ṛchāti - āṛta, ārat, gáḥati - āgan, gamét, agasmahi, yáḥati - áyamus, ayāṣta*. Отклоняется только *yúḥati - yāus, yóṣat*; данный презенс имеет при этом нерегулярное ударение (ожидалось бы *yuchāti - ср. *uchāti* etc.).

1.1.5. Корни на гласный („ларингал“)

Это третий фонетический разряд глагольных корней, к которому с синхронной точки зрения принадлежат глагольные корни с исходом на -ā. Они отличаются по формальному набору своих категорий как от корней на шумный, так и от корней на сонант, а именно: "ларингальные" корни могут иметь лишь 2, 3-й (иногда тематизирующийся в 1-й), 4-й и 6-й классы презенса. Аорист они могут иметь корневой, тематический (= корневому с сокращением гласного), сигматический (4-й на -s- и 6-й на -siṣ-).

2. Вообще можно заметить, что глаголы 1-й группы менее стабильны и проявляют тенденцию к заимствованию некоторых форм у глаголов 2-й группы.

1. Корневой и тематический аорист

1. *adhāt* (AV) - *dhāyati* 'сосать'
2. *aprāt* - *prāsi* 'наполнять'
3. *āqīta* (?) - *qīqāti*, *qīqāte/gyāti* 'точить'
4. *asāt*, *sitam* - *syāti/sināti/sinvant* 'связывать'
5. *āgāt*, *āgus* - *jīgāti* 'идти'
6. *ādāt*, *ādat* - *dādāti/dāti* 'давать'
7. *ādhat*, *ādhus*, *adhita*, *dhat* - *dādhati/dhāti* 'класть'
8. *apāt*, *pātām* - *pībati/pānti* (RV¹)/*pīpānā* 'пить'
9. *āsthāt*, *āsthīran* - *tiṣṭhati* 'стоять'
10. *ākhyat*, *akhyata* - *khyāti* 'чувствовать, понимать'

2. Аорист на -s-

а) Активные формы:

1. *geṣam*, *geṣma* (AV) - *jīgāti* 'идти'
2. *ājñāsam*, *jñeṣam* (AV) - *jānāti*, *jānānté* 'знать'
3. *drāsat* - *drāhi*, *drātu* 'бежать'
4. *dhāsus*, *dhāsathas*, *dhāsatha* - *dādhati/dhāti* 'класть'
5. *pāsta* (AV) - *pībati/pānti/pīpānā* 'пить'
6. *pāsati* - *pāti*, *pānā* 'защищать'
7. *aprās* - *prāsi* 'наполнять'
8. *ayāsam*, *yāsāt*, *yeṣam* - *yāti* 'идти, отправляться'
9. *ārāsmā*, *rāsāt* - *rīrīhi/rāsi*, *rāsva* 'давать, дарить'
10. *dāsāt*, *dāsathas* - *dādāti/dāti* 'давать'
11. *ahās*, *ahāsmā*, *hāsus* - *jāhāti* 'покидать, оставлять'
12. *ahāsta* - *jīhāte* 'идти, шагать, уходить'

б) Медиальные формы:

1. *gāsi* - *gāyati* 'петь'
2. *ājñāsthās* (AV) - *jānāti* 'знать'
3. *trāsate*, *trāsāthe*, *trāsāthām* - *trāyate/trādhvam* 'охранять'
4. *adiṣi* (AV) - *dyati* 'связывать'
5. *āmāsi* (AV) - *mīmīte/māti* 'мерить'
6. *rāsāthām* - *rīrīhi/rāsi* 'давать, дарить'
7. *adiṣi*, *adiṣata* (AV) - *dādāti/dāti* 'давать'
8. *āhāsi*, *āhāsthās* (AV) - *jāhāti* 'покидать, оставлять'

3. Аорист на -siṣ-

1. *agāsīt*, *gāsiṣāt* - *gāyati* 'петь'
2. *ayāsīsam*, *yāsīṣāt*, *yāsīṣīṣṭhās* - *yāti* 'идти, отправляться'
3. *hāsīṣam* - *jāhāti* 'покидать, оставлять'

Аорист на -siṣ- выпадает из рассмотрения из-за чрезвычайной малочисленности форм.

Полную парадигму аориста на -s- имеют следующие глаголы: *ājñāsam/ājñāsthās*, *rāsāt/rāsāthām*, *dāsāt/adiṣi*, *ahās/ahāsi*. Характерно, что три из четырех правых форм (*ājñāsthās*, *adiṣi*, *āhāsi*) встречаются только в Атхарваведе. Таким образом, если признать вторичность этих форм, то мы получаем две группы глаголов, распределенных относительно образования активных и медиальных форм сигматического аориста аналогично уже рассмотренным выше типам корней. В 1-ю группу входят: *gāyati*, *trāyate* и, возможно, *dyati*, *mīmīte* (хотя обе медиальные сигмати-

ческие формы - *adiṣi* и *āmāsi* - засвидетельствованы только в Атхарваведе, что несколько снижает их доказательную силу). Во вторую группу входят: *jīqāti*, *jānāti*, *drāti*, *dādhati*, *pībati*, *pāti*, *prāsi*, *yāti*, *dādāti*, *jāhāti*, *jīhāte*.

Несмотря на скудность материала, можно предположить, что ко 2-й группе относятся глаголы с редуцированным презенсом (при условии вторичности формы *āmāsi* в Атхарваведе), а к 1-й группе - глаголы с презенсом 4-го класса (на -ya-). На основании последнего соображения можно считать вторичной аористную форму *rāsāthām* (при презенсе *rīrīhi* и регулярных аористных формах *arāsmā*, *rāsāt*). Об остальных типах презенса нельзя ничего сказать из-за недостатка материала.

Корневой и тематический аорист образуются в основном от глаголов 2-й группы, но нельзя отрицать и возможность его образования от глаголов 1-й группы ввиду наличия *adhāt* от *dhāyati* (4-й класс презенса; ср., впрочем, ниже, с. 337) и формы *ākhyat* от неясного по принадлежности презенса *khyāti*. Таким образом, общее распределение здесь (со скидкой на скудность материала и поэтому неясность отдельных моментов) аналогично сформулированному выше для других видов глаголов.

* * *

Все глаголы древнеиндийского языка более или менее определенно распадаются на две большие группы по способу образования презенса и аориста.

1 - я группа. Сюда относятся глаголы, образующие корневой и тематический аорист, а также медиальные формы сигматического аориста. Если такой глагол имеет корень с исходом на шумный согласный, он образует атематический (и производные от атематического, т.е. йотовые и носовые) формы презенса, а также (при исходе на велярный согласный) может образовывать сигматическо-тематический аорист. Если такой глагол имеет корень с исходом на сонант, то он, при относительной свободе выбора форм презенса, как правило, не образует презенса 9-го класса (-nā/-nī-), но может образовывать презенс 5-го класса (-no/-nu-). Если, наконец, такой глагол имеет корень с исходом на -ā, то он может образовывать презенс 4-го класса (-ya-) (возможно, также и 2, 6-го классов?), но не 3-го класса (редупликационный).

2 - я группа. Сюда относятся глаголы, образующие активные формы сигматического аориста, а также особые формы тематического и корневого. Если такой глагол имеет корень с исходом на шумный согласный, он образует тематический презенс (1-й класс), а также может образовывать а) императивные атематические формы 2-го лица (относящиеся, собственно, к системе сигматического аориста), б) медиальные причастные формы корневого аориста; в) некоторые реликтовые (см. выше) формы тематического аориста. Если такой глагол имеет корень с исходом на сонант, то он, при относительной свободе выбора формы презенса, как правило, не образует презенса 5-го класса, но

может образовывать презенс 9-го класса. Кроме того, сонантные глаголы этой группы с исходом на *-i*, *-u* могут образовывать особые формы корневого и тематического аориста (с нулевой ступенью огласовки в сильных формах; правда, тип с огласовкой *-ī-* уже в большинстве случаев совпал с господствующим типом с огласовкой *-e-*). Эти же глаголы наряду с простым аористом на *-s-* могут иметь активные формы аориста на *-iṣ-*.

Наконец, если глагол 2-й группы имеет исход на *-ā*, то он может образовывать презенс 3-го класса (редупликационный), а также 2-го класса (корневой), но не 4-го класса (на *-ya-*). Кроме того, такие глаголы, в отличие от глаголов 2-й группы с корнями на шумный и на сонант, свободно образуют корневой аорист.

Общее распределение можно представить в виде таблицы (см. табл. 2)

Почти каждый древнеиндийский глагол можно по перечисленным признакам отнести к одной из двух парадигматических групп, даже если полная парадигма его не засвидетельствована.

Т а б л и ц а 2

Характер корня	Презенс	Аорист
1-я группа		
Корни на шумный	2, 3, 4, 5, 6, 7, 9 кл.	Корневой, тематический, медиальные формы сигматического
Корни на сонант	1, 2, 3, 4, 5, 6 кл.	Корневой, тематический, медиальные формы сигматического
Корни на "ларингал"	4 кл. (возможно, также 2, 6 кл. - но не 3 кл.)	Медиальные формы сигматического (возможно, также корневой и тематический)
2-я группа		
Корни на шумный	1 кл.	Активные формы сигматического (+ причастные формы корневого аориста и некоторые формы тематического)
Корни на сонант	1, 2, 3, 4, 6, 9 кл.	Активные формы сигматического (для корней на <i>u</i> , <i>i</i> - также корневой и тематический аорист с нулевой огласовкой в сильных формах)
Корни на "ларингал"	2, 3 кл.	Активные формы сигматического аориста, корневой и (редко) тематический аорист

1.1.7. Акцентуация отглагольных производных на *-a* в древнеиндийском

Акцентологические факторы не играют существенной роли при противопоставлении двух парадигматических групп древнеиндийских глаголов; здесь акцентологическая информация в основном выводима из более релевантной морфологической. Так, презенс 1-го класса характеризуется колонной баритонезой, а презенс 2, 3, 5, 7 и 9-го классов - подвижной акцентной парадигмой; можно сказать поэтому, что (по крайней мере при рассмотрении корней на шумный) глаголы 1-й группы характеризуются подвижной акцентной парадигмой, а глаголы 2-й группы - колонной баритонезой. Однако поскольку соотношение типов презенса с парадигматическими группами неоднозначно (возможна, например, вторичная тематизация с результирующей колонной окситонезой или баритонезой вместо первоначальной подвижной парадигмы; кроме того, у сонантных и "ларингалных" корней подобное соотношение типов презенса с парадигматическими группами вообще иное, см. выше), акцентологическая информация вообще отходит на второй план. Такая ситуация, по всей видимости, является результатом перестройки старой системы (см. ниже о четкой акцентной противопоставленности двух соответствующих парадигматических классов в балто-славянском). Поэтому представляется интересным анализ отглагольных производных, которые могли бы сохранить исконное акцентное противопоставление несмотря на инновации в акцентной характеристике производящих глаголов.

Отглагольные производные на *-a* в древнеиндийском, как известно, могут быть баритонированными или окситонированными. Общепринята точка зрения, согласно которой Nomina Agentis являются окситонированными, а Nomina Actionis - баритонированными. Это утверждение неверно по крайней мере во второй своей части, поскольку имеется достаточно большое количество окситонированных Nomina Actionis (*bhavá* 'бытие', *sādá* 'сидение (на коне)', *hasá* 'смех' и т.д.). Ниже мы рассмотрим только акцентуацию Nomina Actionis мужского рода.

Обращают на себя внимание следующие пары акцентуационно противопоставленных Nomina Actionis:

- 1) *grābhá* 'столько, сколько можно схватить' (RV) - *grābha* 'насильственный захват' (RV),
- 2) *bādhá* 'бедственное положение' (RV) - *bādha* 'притеснение, нажим',
- 3) *bhāgá* 'часть, доля' (RV) - *bhāga* 'счастье (даритель, господин)',
- 4) *bhārá* 'ноша, тяжесть' (RV) - *bhāra* 'захват, взятие добычи',
- 5) *vāhá* 'повозка' (V) - *vāha* 'плечо вьючного животного' (AV),
- 6) *grāhá* 'хватание; хищный зверь' (V) - *grāha* 'то, что можно погрузить в сосуд',
- 7) ? *kartá* 'яма' (RV) - *garta* 'яма' (Brahm.),
- 8) *logá* 'ком земли' (RV) - *roga* 'недостаток, недуг' (RV),

- 9) *eṣā* 'желание, выбор' (RV) - *eṣa* 'поиск' (RV),
 10) *dāsa* 'злой демон' (RV) - *dāsa* то же (RV),
 11) *yāma* 'управление, руководство' (RV) - *yāma* 'поводья' (RV),
 12) *rokā* 'свет' (RV) - *rōka* 'появление света' (RV),
 13) *svāra* 'звук' (RV) - *svāra* то же (AV),
 14) *hasā* 'смех' (AV) - *hāsa* то же (RV),
 15) *ajā* 'победа' (V) - *jāya* 'заклинание для победы' (Панини).

В одной паре Nomina Actionis место ударения одинаковое при разных значениях:

- 16) *savā* 'выжатый сок сомы' (RV) - *sāvā* 'выжимание сомы' (RV).

Мы видим, что окситонированные и баритонированные Nomina Actionis противопоставлены, как правило, семантически (только в случаях 7, 10, 13, 14 такое противопоставление отсутствует). При этом один член пары выражает идею действия, направленного на объект (*grābha*, *bādha*, *bhāga*, *bhāra*, *grāhā*, *rōga*), либо инструмента такого действия (*vāha*, *jāya*); другой же член пары выражает идею объекта или результата действия (*grābhā*, *bādhā*, *bhāgā*, *bhāra*, *vāhā*, *grāhā*, *logā*, *jāyā*).

Отклоняются от этого распределения:

а) те случаи, в которых вообще отсутствует семантическое противопоставление (7, 10, 13, 14);

б) пример 16, где при том же семантическом противопоставлении отсутствует акцентуационное;

в) примеры 9 и 11, где не выдерживается общий принцип семантического противопоставления ('желание' - 'поиск', 'управление' - 'поводья').

Наконец, в одном случае (*rokā* - *rōka*) различие значений трудно объяснить ('свет' и 'появление света').

Несмотря на эти отклонения, в большинстве примеров явно прослеживается противопоставление двух указанных семантических типов. Назовем условно первый - Nomina Activa, а второй - Nomina Passiva. Однако не удается сформулировать правило, по которому предсказывался бы выбор баритонезы или окситонезы в зависимости от значения (т.е. и NA и NP могут быть как баритонированными, так и окситонированными).

Ниже делается попытка показать, что акцентуация отглагольных Nomina Actionis в древнеиндийском связана с парадигматической группой, к которой принадлежит производящий глагол, по следующей простой схеме:

Nomina Passiva   Nomina Activa

1-я группа   Barytona

2-я группа   Oxytona

Oxytona

Barytona

Ниже приводится материал.

1-я группа, Barytona (Nomina Passiva):

1. *agnōti* 'достигать' - *āṅga* (RV) 'часть, доля' ('нечто достигнутое')
 2. *inddhē* 'зажигать, сжигать' - *édha* (RV) 'дрова' ('нечто сжигаемое')

3. *krntāti* 'резать' - *gārta* (Br) 'яма' ('нечто вырезанное, выкопанное'). Неясно звонкое *g* - в *gārta*.
 4. *pūsyati* 'расти, процветать' - *pōsa* (RV) 'процветание; счастье' ('результат роста' = 'процветание').
 5. *bhūnakti* 'вкусать, наслаждаться' - *bhōga* (RV) 'удовольствие, радость, еда; выгода, преимущество' ('объект или результат вкушения, наслаждения')
 6. *mīhyati* 'ошибаться, впадать в заблуждение' - *mōha* (AV) 'ошибка, недоразумение'
 7. *yundkti* 'связывать; запрягать' - *yōga* (RV) 'состояние запряженности; поездка; работа; упряжка' ('нечто запряженное' или 'результат запрягания')
 8. *vētti* 'знать' - *vēda* (RV) 'священное знание, веда' ('результат знания, узнавания')
 9. *siñcāti* 'лить' - *sēka* (RV) 'вылитый напиток'
 10. *spjāti* 'испускать; творить' - *sārga* (RV) 'поток; творение; спешка' ('нечто выпускаемое или сотворенное', 'состояние выпускаемости')
 11. *hinōti* 'гнать, погонять' - *hāya* (RV) 'конь' ('нечто погоняемое')
 12. *chantti* 'нравиться; казаться' - *chānda* (RV) 'тот, кто нравится, кого любят'
 13. *tanōti* 'тянуть' - *tāna* (V) 'нить, шнур' ('нечто вытянутое')
 14. *jambhate* 'жевать, ломать' (исходное значение 'прорастать, прокалывать', ср. слав. *žъbъ) - *jāmbha* (RV) 'зуб' (исходное значение 'росток' как результат прорастания).

Форма *jāmbhate* указывает на вторичность презенса 1-го класса (перенос ударения по правилу Сосюра: *jāmbhate* < *ḡmbhētai).

15. *lunōti* 'резать, отрезать' - *lāva* (Brahm.) 'отрезок' ('нечто отрезанное')
 16. *gūhati* 'прятать(ся)' (о типе этого глагола см. выше, с. 267) - *gōha* (RV) 'укрытие'

По примерам 7, 10 (возможно, и 5, 8) видно, что производные данного типа могут иметь и значение состояния, полученного в результате данного действия. В таком случае сюда же относятся:

17. *ēti* 'идти' - *āya* (RV) 'ход, бег'
 18. *krāmati* 'ступать' - *krāma* (RV) 'способ, порядок; шаг, ход' (семантически несколько неясный пример)
 19. *grāmyati* 'уставать' - *grāma* (RV) 'усталость, напряжение'
 20. *rōhati* 'подниматься' (о типе этого глагола см. выше, с. 271) - *rōha* (AV) 'подъем, рост'

Имеется еще четыре баритонированных производных от глаголов 1-й группы:

21. *juṣāte* 'вкусать, наслаждаться' - *jōsa* (RV) 'удовольствие' (только в выражениях *jōsam ā*, *ānu jōsam* 'в (свое) удовольствие, по (своему) вкусу')
 22. *vāṣti* 'желать, хотеть' - *vāsa* (RV) 'желание' (в основном в выражениях *vāṣān ānu*, *ānu vāṣā* 'по (своему) желанию')

23. *vṛṇāti* 'желать, выбирать' (о типе этого глагола см. выше, с. 276) - *vāra* (RV) 'желание' (в выражении *vāram ā* 'по (своему) желанию'). От этого же глагола имеется более обычное производное, также баритонированное: *vāra* (RV) 'добро, сокровище' ('нечто желаемое, выбираемое').

24. *rōḍiti* 'кричать' - *rōḍa* (AV) 'жалобный крик'

Первые три производных, как видно по особенностям их употребления, также скорее всего обозначают состояние, характеризующее сам субъект действия. Четвертое производное относится к семантической сфере "звукопроизводства", в которой, как мы видели выше, возможны как баритонированные, так и окситонированные производные, значения которых трудно разграничить (ср. *svāra*/*svāra*, *hāsa*/*hāsa*).

1-я группа, Охутона (Nomina Activa):

1. *ājati* 'гнать' (о типе этого глагола см. ниже, с. 326) - *ajá* (V) 'гонение'
2. *iśhāti* 'желать, искать' - *eśá* (RV) 'желание, выбор'
3. *krñóti* 'делать' - *kará* (RV) 'делание; рука ('делающая')'
4. *tunákti* 'бить, толкать' - *tuñjá* (RV) 'натиск, толчок'
5. *tudāti* 'бить, колоть' - *todá* (V) 'укол, удар'
6. *badhnāti* 'связывать' - *bandhá* (RV) 'связывание; путь' ('то, что связывает').
7. *būdhyate* 'знать, понимать' - *bodhá* (V) 'понимание, разум'
8. *bhanákti* 'ломать, разрушать' - *bhañgá* (RV) 'разрушение; волна ('разрушающая')'
9. *bhinátti* 'расщеплять' - *bhedá* (V) 'расщепление' (но в Ригведе *bhedá* может значить и 'щель', т.е. 'результат расщепления', хотя такая семантическая трактовка и сомнительна).
10. *mṛcyati* 'вредить, ранить' - *marká* (RV) 'повреждение, ранение' > 'затмение'
11. *yáçhati* 'сдерживать, обуздывать, управлять' - *yāmá* (RV) 'управление, руководство'
12. *ṣāsti* 'резать' - *ṣāśá* (AV) 'нож' ('режущий')
13. *sunóti* 'выжимать' - *sāvá* (RV) 'выжимание сомы'
14. *skabhñāti* 'подпирать, поддерживать' - *skambhá* (RV) 'колонна, поддержка, опора' ('то, что поддерживает')
15. *hanti* 'бить, убивать' - *ghaná* (RV) 'убийство'
16. *duñóti* 'жечь' - *dāvá* (AV) 'пожар' ('сжигающий')
17. *vivakti* 'говорить' - *vāká* (RV) 'говорение, заговор, формула' (о глаголах "звукопроизводства" см. выше)
18. *diçáti* 'показывать' - *deçá* (AV) 'место'. Как видно по однокоренному слову *diç* 'указание; направление; место', значение 'место' является, очевидно, производным от исходного значения 'указание'.

2-я группа, Охутона (Nomina Passiva):

1. *añcati* 'сгибать' (но есть и вариант *acati*) - *añká* (RV) 'крюк' ('нечто согнутое')
2. *añiti* 'дышать' - *aná* (Brahm.) 'дыхание' ('состояние дыхания' или 'нечто выдыхаемое')

3. *árcati* 'сведить' - *arká* (RV) 'луч; восхваление, песнь' (семантическая трактовка сомнительна)
4. *árhati* 'заслуживать, стоить' - *arghá* (V) 'цена; почетный дар ('нечто заслуженное')
5. *kāvate* 'кашлять' - *kāśá* (AV) 'кашель' ('состояние кашляния')
6. *çakarti* 'петь, воспевать' - *kārá* (RV) 'песня' ('то, что поют')
7. *krīṇāti* 'покупать' - *krayá* (AV) 'покупка; цена' ('то, что куплено')
8. *khánati* 'копать' - *khandá* (AV) 'яма' ('то, что выкопано, вырыто')
9. *khādati* 'есть, жевать' - *khāddá* (AV) 'пища' ('то, что едят')
10. *gāhate* 'погружаться' - *gāhá* (RV) 'глубина, внутренность' ('то, куда погружаются')
11. *girati* 'глотать, пить' - *gará* (AV) 'питье' ('то, что пьют')
12. *jāpāti* 'шептать' - *japá* (Brahm.) 'шепот'
13. *jīvati* 'жить' - *jīvá* (RV) 'живое существо, жизнь' ('то, что живет' или 'состояние жизни')
14. *junāti*, *jávate* 'быть быстрым, спешить' - *javá* (RV) 'быстрота (потоков, лошадей)'
15. *tyājati* 'покидать; погибать' - *tyāgá* (Brahm.) 'гибель'
16. *dāmyati* 'укрощать' - *damá* (Brahm.) 'самообладание, самоукрощение' (эндоактивное, следовательно, непереходное действие)
17. *drávati* 'бежать' - *dravá* (V) 'бег; течение; жидкость' ('состояние или предмет бега')
18. *dhvañsati* 'рассыпаться, разрушаться' - *dhvañsá* (AV) 'распадение, гибель, пропажа'
19. *nádati* 'шуметь, реветь' - *nādá* (RV) 'звук, рев'
20. *phañati* 'прыгать; кипеть, бурлить' - *phañá* (Brahm.) 'сливки; пена'
21. *bādhate* 'подавлять, мучить' - *bādhá* 'бедственное положение'
22. *bhakṣati* 'есть, вкушать' - *bhakṣá* (RV) 'питье, еда' ('то, что едят, вкушают')
23. *bhájati* 'наделять' - *bhāgá* (RV) 'часть, доля' ('то, что выделено')
24. *roçate* 'светить' - *roká* (V) 'свет, блеск'
25. *bhāvati* 'быть, становиться' - *bhavá* (AV) 'бытие, становление'
26. *bhāratī* 'нести' - *bhārá* (RV) 'ноша, тяжесть' ('то, что несут')
27. *bhāsati* 'светить' - *bhāśá* (Brahm.) 'свет'
28. *lakṣate* 'метить, отмечать' (если это не новое деноминативное образование от *lakṣá*) - *lakṣá* (RV) 'знак' ('то, что отмечено')
29. *vāsati* 'жить, обитать' - *vāśá* (RV) 'жилище' ('то, где живут')
30. *vāhati* 'везти' - *vāhá* 'повозка' (по-видимому, 'то, что везут' в противовес *vāha* 'плечо вьючного животного' = 'то, что везет', см. ниже).

31. *vársati* 'дождить' - *varsá* (RV) 'дождь'
32. *ḡṛṇāti* 'ломать, колоть' - *ḡarā* (RV) 'трубка, стебель тростника, стрела' ('нечто рас- или отщепленное')
33. *śvetate* 'быть светлым' - *śvetá* (RV) 'свечение, свет'
34. *sárpate* 'ползти' - *sarpá* (RV) 'змея'
35. *svanāti* 'звучать' - *svāná* (RV) 'звук'
36. *svárate* 'звучать' - *svārá* (RV) 'звук'
37. *hvárate* 'быть кривым; изгибать, искривлять' - *hvā-rá* (RV) 'змея' ('изогнутая')
38. *hásate* 'смеяться' - *hasá* (AV) 'смех'
39. *jáyate* 'побеждать' - *jayá* (V) 'победа' (как результат, противопоставляемый *jáya* 'заклинание для победы', см. ниже).

Имеется три неясных случая: *manthá* (RV) 'напиток, полученный в результате помешивания' (: *mathnāti*, *mánthati*; о типе глагола см. с. 328); *sādá* (RV) 'сидение (на коне)' (: *sīdati*; о типе глагола см. с. 336); *nāvá* (RV) 'песнь, радостный крик' (: *nāuti*; о типе глагола см. с. 277). Семантически они подходят под данный тип, но имеются сложности с определением исконной парадигматической принадлежности производящих глаголов.

2-я группа, *Barytona* (*Nomina Activa*):

1. *ávate* 'быть милостивым, любить' - *áva* (RV) 'милость, благосклонность' (к кому-либо, экзоактивное действие)
2. *ósate* 'сжигать' - *ósa* (RV) 'сжигание'
3. *kálpate* 'подходить, соответствовать' - *kálpa* (RV) 'правило, порядок' ('нечто упорядочивающее, приводящее в соответствие')
4. *króḡate* 'кричать, звать' - *klóḡa* (RV) 'призыв'
5. *ghóḡate* 'звучать' - *ghóḡa* (RV) 'шум, звук' (исходным, по крайней мере, параллельным значением глагола было значение 'слышать'; производное *ghóḡa* значило 'ухо', ср. его употребление в именах типа *Aḡvaghoḡa* - см. [16]).
6. *śétate* 'понимать, знать; намереваться' - *kéta* (RV) 'желание, воля' (экзоактивное действие)
7. *śódate* 'гнать, погонять' - *śóda* (RV) 'орудие погонщика, кнут'
8. *jáyate* 'побеждать' - *jáya* (Панини) 'заклинание для победы'
9. *járate* 'использовать, истощать(ся)' - *jára* (RV) 'использование, уничтожение'
10. *tárate* 'переходить, перевозить' - *tára* (RV) 'перевоз (через реку)'
11. *dáksate* 'быть способным' - *dákṣa* (RV) 'сила, воля, способность (к чему-л.)'
12. *phalati* 'лопаться' - *phála* 'лемех' ('взрывающий землю' - если на самом деле является производным от *phalati*)
13. *bádhate* 'подавлять, мучить' - *bádha* (RV) 'притеснение, нажим'
14. *bhájate* 'наделять' - *bhága* (RV) 'даритель, господин; счастье'. В данном случае производное имеет значение *Nominis Agentis*; однако его акцентуация (баритонеза)

позволяет причислить его к рассматриваемому типу. Возможно, этот случай нужно рассматривать как важный архаизм (остаток той ситуации, когда *Nomina Agentis* не обязательно должны были иметь окситонезу).

15. *bhárati* 'нести' - *bhára* (RV) 'захватывание, брание добычи'
16. *vajati* 'быть сильным' - *vāja* (RV) 'борьба, сила, укрепляющее средство'
17. *váhati* 'везти' - *váha* (AV) 'плечо вьючного животного'
18. *várdhati* 'расти' - *várdha* (RV) 'укрепление, усиление' ('стимулирование роста')
19. *ḡaṅsati* 'хвалить, восхвалять' (неясна форма аориста *ḡasta* (2 раза в RV) - возможно, это на самом деле форма от глагола *ḡāsti*, ср. аор. *aḡiṣat*) - *ḡāṅsa* (RV) 'восхваление; проклятие'
20. *ḡóbate* 'пылать, жечь' - *ḡóbka* (RV) 'пламя, боль' (несколько сомнительный пример, как из-за значения производного, так и из-за неясности парадигматического типа *ḡóbate*, см. с. 266)
21. *sādhati* 'достигать цели, исполнять' - *sādha* (RV) 'исполнение'
22. *stāuti* 'воспевать, прославлять' - *stáva* (RV) 'восхваление'
23. *hávate* 'звать' - *háva* (RV) 'зов, призыв'.

К этому же типу, возможно, принадлежат несколько производных, выражающих различные эмоции (они могли также рассматриваться как экзоактивные действия):

24. *módate* 'быть веселым' - *móda* (RV) 'радость, удовольствие'
25. *ránate* 'получать удовольствие, наслаждаться' - *rāṇa* (RV) 'удовольствие; борьба (?)'
26. *heḡate* 'быть гневным, враждебным' - *heḡa* (V) 'гнев'.

Однако наличие производных: *rāma* (RV) 'радость' при глаголе *rámate* 1-й группы (аор. *ranti*, *araṅsta*); *kródha* (AV) 'гнев' при глаголе *krúdhate* 1-й группы; *dvéṣa* (RV) 'ненависть' при глаголе *dvéṣti* 1-й группы делает возможным вывод о том, что вообще все производные с подобным значением были баритонированными (это вероятно, поскольку опровергающие примеры отсутствуют).

От сформулированной выше системы правил имеется некоторое количество отклонений.

1. Окситонированные производные, не подчиняющиеся семантическому распределению. Таких случаев довольно мало. Это: *āsa* (RV) 'сидение' (от *āste*), *kartá* (RV) 'яма' - от *kṛntāti* (но ср. выше *ḡarta* с тем же значением); *bhogá* (RV) 'изгиб, кольцо (змеи)' - от *bhujāti*; *logá* (RV) 'ком земли' - от *rujāti*; *vegá* (RV) 'дом, семья' - от *viḡati* (но ср. др.-гр. *οἶκος* с баритонезой); *plavá* (V) 'лодка, плавание' - от *plavate* (глагол 1-й группы, см. с. 331); *darbhá* (RV) 'пук травы' - от *ḡrbhāti*.

Окситонезу имеют еще *savá* (RV) 'выжатый сок сомы' (от *sunóti*), *savá* (RV) 'оживление, подбадривание' (от

sūte) и *ghāsá* (RV) 'пища, еда' (от *ghasati*). Слово *savá* имеет еще значение 'выжимание сомы' (= *sāvá*, см. выше) и, очевидно, налицо контаминация нескольких форм от двух глаголов (*sunóti* и *sūte*). В случае с *ghāsá*, хотя презенс *ghasati* является поздним (не свидетельствуя поэтому о принадлежности глагола ко 2-й группе), но особая парадигма аориста (*aghas, akṣan*) делает возможным предположение о том, что это глагол 2-й группы с реликтовым для др.-инд. аористом (ср. др.-гр. аористы типа σχοῦν от глаголов 2-го класса).

2. Баритонированные производные, не подчиняющиеся семантическому распределению. Таких случаев несколько больше. Прежде всего сюда относятся производные со значением "звукопроизводства" (см. об этом выше):

1. *kránda* (RV) 'крик' - от *krándati* (2-я группа)
2. *ráva* (RV) 'рев, крик' - от *rāuti* (2-я группа)
3. *svára* 'звук' - от *sváratī* (2-я группа; наряду со *svārā*, см. выше)
4. *hása* (RV) 'смех' - от *hásati* (2-я группа; наряду с *hasá*, см. выше).

Остальные случаи:

5. *bhreṣa* (Brahm.) 'колебание, потеря' - *bhreṣati* 'колебаться' (2-я группа)
6. *róka* (RV) 'появление света' - *rócate* 'светить' (2-я группа; наряду с *roká* 'свет')
7. *lāya* (Brahm.) 'приклеивание, приставание' - *láyate* 'прилипнуть' (2-я группа?)
8. *ksáya* (RV) 'жилище, место' - *kséti* (2-я группа)
9. *ésa* (RV) 'поиск' - *icháti* (1-я группа)
10. *dāha* (RV) 'доение' - *dāgdhi* (1-я группа)
11. *nānḡa* (RV) 'достижение' - *nāḡati* (1-я группа?)
12. *yáma* (RV) 'поводья' - *yáchati* (1-я группа)
13. *śáka* (RV) 'сила, мощь' - *śaknóti* (1-я группа)
14. *róga* (RV) 'недостаток, недуг' - *rujāti* (1-я группа)

Сравнительно большое количество нерегулярных баритонез, возможно, свидетельствует о начале процесса перевода всех *Nomina Actionis* в баритонированный тип.

Возведение др.-инд. акцентного распределения производных к общеиндоевропейскому нуждается еще в подтверждении на материале других языков. Однако независимо от того, является ли оно отражением индоевропейской системы или древнеиндийским нововведением, оно подтверждает разделение индоевропейских глагольных корней на два парадигматических (и, видимо, акцентно противопоставленных) класса.

1.2. Древнегреческий язык

Собственно морфологический анализ древнегреческого материала затруднен многочисленными парадигматическими унификациями, происшедшими в древнегреческой системе. Гораздо больше информации, важной для установления рефлексации двух индоевропейских глагольных классов, содержится в древнегреческой морфонологии. Поэтому древнегреческий раздел настоящей статьи посвящен морфонологии глагольных

корней с исходом на краткий гласный (традиционно в индоевропеистике именуемых двусложными либо корнями *set*).

Во многих случаях засвидетельствованные греческие формы, в основном по причине фонетических изменений, происшедших в диалектах, имеют вид, могущий представить читателю определенные затруднения при изучении материала: например, исконный вид словоформ сильно изменяется при выпадении дигаммы (F = w) и т.п. В таком случае мы прибегаем к фонетической прагреческой реконструкции, причем ввиду ее вспомогательного характера восстанавливаться может как вся словоформа, так и лишь интересующий нас фрагмент ее; реконструкция дается в скобках под звездочкой.

Знаком Θ мы обозначаем тематические именные гласные α , o , образующие имена всех родов.

В большинстве случаев используются данные древнегреческого языка до V в. до н.э.; более поздний материал привлекается лишь в единичных случаях.

В отличие от традиционной схемы временных противопоставлений мы принимаем иную, видео-временную, схему парадигмы древнегреческого глагола, включающую:

- а) три вида: аорист, инфект и перфект;
- б) три времени: презенс, претерит и футурум.

Традиционные названия времен переписываются согласно этой схеме следующим образом:

- презенс - презенс инфекта (ifc.),
- имперфект - претерит инфекта (pt. ifc.),
- аорист - претерит аориста (aor.),
- перфект - презенс перфекта (pfc.),
- плюсквамперфект - претерит перфекта (pt. pfc.),
- футурум - футурум инфекта (ft.),
- футурум II - футурум аориста (ft. aor.),
- футурум III - футурум перфекта (ft. pfc.).

Интересующие нас образования с прикорневыми (т.е. стоящими непосредственно справа от корня) суффиксами представляют собой именно видовые основы (инфекта и аориста), временные же показатели стоят в большинстве случаев на втором и далее местах справа от корня.

Сперва выделим группы корней согласно их ауслату. Рассмотрим образования с некоторыми суффиксами, имеющими смысловый анлаут: *-tās (m, n), -tis (-τιδ-) (f) (имена деятеля), -tθ-, -trθ-, -θrθ-, -tlθ-, -θlθ- (именные суффиксы), а также инфектный суффикс -θε- (в образованиях типа νεμέ-θω при νεμ-ω); как перечисленные выше прикорневые суффиксы, ведет себя нулевой показатель инфекта без ι -редупликации (в формах типа κέρα-μαι).

Корни в образованиях с этими суффиксами могут иметь три фонетических вида:

Суффикс	Корни вида 1	Корни вида 2	Корни вида 3
-της	ἐχέ-της	βύχ-της	δῶ-της
-trθ-	ἄρο-τρον	φίλ-τρον	λύ-τρον
-θrθ-	κρέμα-θρα	ἄρ-θρον	βαγ-θρον
-θε-	φλεγέ-θω	ἔσ-θω (*ἐδ-θω)	κνη-θω
-θ-(inf.)	κρέμα-μαι	εἶ-μι	φη-μι

Первая группа характеризуется всегда кратким ауслатным корневым гласным. У корней второй группы конечный гласный отсутствует. Корни третьей группы имеют долгий (чередующийся с кратким) гласный в ауслате; кроме того, последние всегда односложны (в отличие от корней группы 1, не бывающих односложными).

Корни 1-й группы мы будем условно обозначать как CVCV, 2-й - как CVC, а 3-й - как CV.

Перечисленные выше суффиксы, а также все прочие, при которых корни ведут себя подобным образом, будем называть прикорневыми суффиксами 1-го типа.

В табл. 3 мы приводим иллюстративный материал по образованиям с перечисленными суффиксами от корней CVCV:

Т а б л и ц а 3.

	-∅-(ifc.)	-тθ-	*τās	-трθ- -τλθ-	-θρθ- -θλθ-	-θε-(ifc.)
1	-	ἄλε-τος	ἄλέ-της	ἄλε-τρος	-	-
2	ἀρό-μενος	ἄρο-τος	ἄρό-της	ἄρο-τρον	-	-
3	-	ἔχε-τός	ἔχέ-της	ἔχέ-την	-	-
4	-	γενε-τή	γενέ-της	-	γενέ-θλη	-
5	κρέμα-μαι	-	-	-	κρεμά-θρα	-
6	-	-	πελά-της	-	-	πελά-θω
7	-	τελε-τή	-	-	-	τελέ-θω
8	βλό-μεσθα	βλό-τος	-	-	-	-

Сразу отметим, что при суффиксах 1-го типа корни CVCV никогда не модифицируются в CCV (об этом процессе см. ниже).

Так как в дальнейшем нам необходимо будет для каждого корня определять, имеет ли он вид CVCV, CVC или CV, укажем еще несколько диагностических позиций.

Корни CVCV образуют один из видов тематического инфекта путем присоединения некоторого дентального согласного к ауслату корня. Такими согласными могут быть -δ(i)- и, видимо, -σ-, присутствующие во всей парадигме, но по фонетическим причинам исчезающие в интервокальном положении (см. табл. 4).

Таким образом, в случае отсутствия корневого инфекта образования типа ἐραω указывают на корень CVCV (естественно, если это не образования от корней CV либо от производных основ на -α-, -η-, -ω- - последнее видно по парадигме). Это подтверждается следующими примерами (справа приводятся формы с суффиксами 1-го типа, перечисленными выше на с. 291): μελέ-ω : μελέ-τη; πελά-ζω : πελά-θω; καλέ-ω : κέ-κλη-κα; теле-ω : теле-τη и т.п.

Кроме того, суффиксом 1-го типа, различающим корни CVCV и CVC, является -δον-, -δονā-, ср.; τηκε-δών (τηκω); σπε-δών (σπκω), ἀρε-δών, ἀρε-δονη (ἐρκω), μελε-δών (μελεω), λακκ-δών (λακκω, ληκέω).

Кроме перечисленных выше суффиксов с шумным анлаутом и нулевого инфектного суффикса существуют суффиксы 1-го типа с гласным и сонорным анлаутом, при которых корневые структуры CVCV и CVC не различаются. Лишь два из них представляют для нас интерес: это инфектные суффиксы -νā- и -νε-. Они присоединяются лишь к корням вида CVCV, ср.: δάμνημι (ср. δαμά-ω), πέρυμι (ср. περά-ω), κίρνημι (ср. κέρα-ω), κρίνημι (ср. κρέμα-μαι), πίτημι (ср. πῆσις), (σ)κίδνημι (ср. σκεδά-ω), κίλναμαι (ср. πελά-της), μάρναμαι, τέμνω (ср. τέ-την-κα), δάκνω (ср. ἄ-δάκνε-τος), κάμνω (ср. κάμα-τος), πῖνω (ср. πῖσις).

Выделив группу корней, имеющих в ауслате краткий гласный (корни вида CVCV), рассмотрим сочетания таких корней с другими суффиксами, при которых поведение корней CVCV отличается от их поведения при суффиксах 1-го типа.

Рассмотрим сначала образования с некоторыми суффиксами с анлаутным шумным, а именно: -тор-, -τηρ-, -тера-, -τριδ- (имена деятеля), -βι-³ (отглагольные существительные), -тθ- и -τερθ- (отглагольные прилагательные), -θη- (пассивный аорист).

Для удобства дальнейшего анализа табл. 5 разбита на две части: в первой приводятся корни с ауслатным сонантом, во второй - с ауслатным шумным⁴. (Заведомо известно, что корни данных образований имеют вид CVCV).

При анализе образований от корней, имеющих ауслатный шумный, мы обнаруживаем, что корни разбиваются на три класса.

У корней 1-го класса отпадает конечный гласный, инлаутный же сохраняется. У корней 3-го класса конечный гласный удлиняется (он может сохранить краткость лишь перед суффиксами, требующими корневой аблаутной ступени редукции, см. ниже), срединный же гласный выпадает (синкопируется). 2-й класс представлен корнями, сохраняющими как конечный гласный, так и срединный (при этом конечный гласный может и удлиняться, как показывают многие образования с другими суффиксами этого типа, ср. μαχε-τέον при ἐ-μαχη-σάμην и т.п.).

Рассматривая сонантные корни, обнаруживаем, что 2-й и 3-й класс здесь выделяются так же, как и у корней на шумный. Аналогом 1-го класса среди корней на сонант являются корни, сохраняющие, но никогда (что видно по парадигме соответствующих глаголов) не удлиняющие конечный гласный (см. табл. 6).

Скажем несколько слов об условиях синкопы инлаутного гласного корня. Синкопироваться не может инлаутный гласный. Не бывает синкопы в корнях с консонантным сочетанием в конце корня (в корнях CVCCV). Не синкопируются долгие

³ $\acute{o}$ - условное обозначение др.-гр. морфемы, реализующейся как σ в анлауте и в интервокальном положении (в отличие от морфемы σ , реализующейся как h в анлауте и как $\emptyset$ в интервокальном положении).

⁴ В дальнейшем (для удобства изложения) мы будем называть ауслатным как конечный согласный корней CVC, так и последний согласный корней CVCV.

Т а б л и ц а 4

Корневой инфект	Тематическая пара (с расширителем)
ἀ-δαμα-ντ-	δαμά-ω
βιό-μεοθα	βιό-ω
ἔρα-μαι	ἔρά-ω
ἄγα-μαι	ἄγά-ομαι, ἄγά-ζομαι (*-δχομαι)
εἴρυ-μαι	εἴρύ-ω
ἄρό-μενος	ἄρό-ω

Т а б л и ц а 5 (часть 1)

	-τορ-	-τηρ-, -τειρα	-όι-	-τθ- -τεF-θ-	-θη- (aor.)
1	γενέ-τωρ	γενε-τήρ, γενέ-τειρα	γένε-σις	-	-
2	-	-	-	γαμε-τός	-
3	-	-	-	θνο-τός	-
4	-	-	-	μενε-τός	-
5	νεμέ-τωρ	-	νέμε-σις	-	ἔ-νεμέ-θην
6	-	-	-	-	ἔ-πλά-θην
7	-	ἄρο-τήρ	-	-ἄρο-τος	ἠρό-θην
8	-	κρά-τήρ	κρά-σις	κρά-τός	ἔ-κρά-θην
9	-	-	βρω-σις	βρω-τός	ἔ-βρώ-θην
10	-	ἔλα-τήρ	ἔλα-σις	ἔλα-τός	ἠλά-θην

Т а б л и ц а 5 (часть 2)

	-τορ-	-τηρ-, -τειρα-	-όι-	-τθ- -τεF-θ-	-θη- (aor.)
1	ἔκ-τωρ	ἔκ-τήρ	ἔξις	-	-
2	-	-	-	ἔκ-τός	εἴκ-θην
3	-	-	δῆξις	-	ἔ-δήχ-θην.
4	-	ἄλκ-τήρ	ἄλξις	-	-
5	-	-	-	ἄρκ-τός	ἠρχ-θην
6	-	-	ἄρκε-σις	ἄρκε-τός	-
7	-	-	σχέ-σις	σχε-τός	-
8	-	-	πτῆ-σις	-	-
9	-	-	-	μαχε-τέον	-

Т а б л и ц а 6

Класс 1	Класс 2	Класс 3
νεμέ-τωρ, νέμε-σις	ἄρο-τήρ, ἠρό-θην с удлинением ср. αρω-μα	βρω-σις, ἐβρώ-θην
ἔκ-τωρ, ἔξις	μαχε-τέον с удлинением ср. εμαχη- σάμην	ἔπλά-θην
γενέ-τωρ, γένε-σις	ἄρκε-σις	σχέ-σις
ἔ-δήχ-θην	ἄλω-σις, ἄλω-τός	πτῆ-σις α-σκε-τος

гласные - они могут лишь сокращаться. Не элидируются -и- и -υ-. Далее, не бывает элизи в корнях, где следствием ее было бы возникновение запрещенных в древнегреческом внутриморфемных сочетаний согласных (типа *μχ, *πκ и т.п.).

Таким образом, синкопе могут подвергаться лишь инлаутные морфонологически краткие -ε-, -α-, -ο-, если они находятся не перед сочетанием согласных и если элизия их не приводит к возникновению запрещенных сочетаний согласных.

Из этого следует, что классы 2 и 3 дополнительно распределены между собой: в корнях 2-го класса синкопа невозможна. Класс 2/3 отличается от класса 1 обязательным сохранением и удлинением (в полной ступени огласовки) ауслаутного гласного (т.е. корень претерпевает модификацию CVCV + C(V)CV), а также синкопой инлаутного гласного (в тех случаях, когда она возможна)⁵. Характерной для 1-го класса корней CVCV является невозможность элизи инлаутного гласного; ауслаутный гласный в этом классе корней, никогда не удлиняясь, пропадает у корней на шумный и сохраняется у корней на сонант. В дальнейшем корни классов 2/3 будем называть просто корнями 2-го класса.

В дальнейшем прикорневые суффиксы, морфонологически ведущие себя подобным образом (т.е. различающие два класса корней вида CVCV), будем называть суффиксами 2-го типа. В отличие от них рассмотренные ранее суффиксы 1-го типа оказывают одинаковое влияние на любые корни вида CVCV.

Обратимся к рассмотрению суффиксов 2-го типа с сонантным и фрикативным алаутом.

Специального рассмотрения требует показатель перфекта. Формально в древнегреческом есть два суффиксальных способа образования этой видовой основы. Один из них - с нулевым суффиксом (напр., парадигма οὔδα, ἴσμεν). Другой - образование перфекта с помощью суффикса -κ-

⁵ Показательна модификация корней σρερε- и βελο- (βεῖω, βεῶω): ср. ἐβρω-σάμην, ἐ-ρρη-ν.

(парадигма типа τέθνηκα, τέθναμεν). Суффикс -κ- исчезает перед окончаниями с согласным анлаутом (напр., в медиаль-но-пассивном перфекте: κέκρημαι, в формах типа мн.ч. τέθναμεν и т.п.). С другой стороны, перфекты на -κ-, в которых суффикс присоединяется к согласному (типа ἐσφαλκα, λέλεκα), - позднейшие новообразования: их нет у Гомера и в других архаических памятниках. Таким образом, реконструируется исходная ситуация с наличием -κ- только в интервокальной позиции.

Следовательно, суффиксом перфекта (всех его видов) является -θ-/-κ-; два этих алломорфа дополнительно распределены: первый имеет место после согласного, второй - после гласного и перед гласным. Данный суффикс вызывает также спорадическую (видимо, диалектально обусловленную) аспирацию ауслаутных смычных корней: τέτροφα (от τρέπω).

Прямой морфонологической аналогией является поведение некоего конечного элемента в корнях глаголов δίδωμι, τίθημι, ἵημι. В корневом аористе, где показатель вида нулевой, перед гласными окончаниями в этих корнях является элемент -κ- (аористы типа ἐ-δωκ-α). Позиция его появления - такая же, как у перфектного -κ-, с той только разницей, что здесь данный элемент необходимо считать корневым. Его отсутствие в инфекте объясняется особым статусом инфектного нулевого показателя: морфонологически он ведет себя как смычный согласный (перед ним не апокопируется ауслаутный краткий гласный корня).

Видимо, есть основания для введения как для показателя перфекта, так и для ауслаута корней глаголов δίδωμι, τίθημι, ἵημι и некоторых других особой согласной морфемы, которую мы обозначим как Н.

Установленный таким образом единый суффикс перфекта -Н- ведет себя так же, как суффикс сигматического аориста, многие прикорневые суффиксы 2-го типа с сонантным анлаутом и нулевой показатель корневого аориста, а именно: у описанных выше корней CVCV 1-го класса он вызывает апокопу ауслаутного гласного (независимо от шумного либо сонантного исхода корня), корни же 2-го класса ведут себя так же, как при суффиксах 2-го типа со смычным анлаутом.

Ниже приводится таблица сочетаний корней структуры CVCV обоих классов с суффиксами: -Н- (перфект), -σα-, -δ-, -θ- (аорист), -μθ-, -μα(τ)- (суффиксы отглагольных имен) (см. табл. 7).

Кроме перечисленных выше, к суффиксам 2-го типа относятся: -δᾶν-, -δον (суффикс наречий), -σμε- (суффикс инфекта), -ρθ- (суффикс отглагольных имен).

Приведем схему модификации корней двух классов при суффиксах 2-го типа (см. табл. 8)

Условия появления вариантов CCV̄ или CVCV у корней 2-го класса (дополнительная их дистрибуция) описаны выше.

Т а б л и ц а 7

pfc.	-δ- (aor.)	-θ- (aor.)	-μα-, -μθ-	
Корни CVCV 1-го класса				
1	γεγωνα	ἔγεινάμην	ἔγευτο	γένυα
2	ἤργμα	ἤρξα	-	ἄργμα
3	ἔγμα	ἔξον	ἔκτο	-
4	δέδηχα, δέδηγμα	ἔδηξα	-	-
5	-	ἔμεινα	-	-
6	-	ἔκλευσα	-	-
7	-	ἔεργα	-	ἔργμα

Корни CVCV 2-го класса

pfc.	-δ- (aor.)	-θ- (aor.)	-μα-, -μθ-	
1	-	-	-	ἄρωμα
2	τέτληκα	-	ἔτλην	τλήμων
3	ἐβύωκα	ἐβύωσάμην	ἔβύων	-
4	ἐρρύηκα	-	ἔρρύην	-
5	κέκρακα	κρήσαυ	-	-
6	βέβρωκα	-	ἔβρων	βρώμα
7	ἐλήλακα	ἤλασα	-	-
8	-	ἄνα-πτάσαι	*ἔπτην	-
9	ἔσχηκα	-	-	σχῆμα
10	-	ἔμαχισάμην	-	-
11	τετύχηκα	ἐτύχησα	-	-

Т а б л и ц а 8

Ауслаут корня	Корни 1-го класса'		Корни 2-го класса
	при суффиксах со смычным анлаутом	при суффиксах с сонантным либо нулевым анлаутом ⁶	
Сонантный шумный	CVCV	CVC CVC	CCV̄/CVCV

⁶ Суффиксы 2-го типа с гласным анлаутом здесь не рассматриваются.

Суффиксы 1-го типа	Суффиксы 2-го типа
Корни CVCV 1-го класса	
1 ἀρχέτας	ἤρξα, ἤρχα, ἤρχμαι, ἄρχμα, ἤρχθην, ἀρκτός
2 βροχετός	βρέγμα, βρεχμός
3 δάκνω, δάκετος	δέδηχα, δέδηγμα, ἔδακον, εδήχθην, δήξις
4 δέμα	*δέδφοια (δέδδωια, δέδωια), δεῦμα, δεῦμος
5 γαμέτης, γαμέω (*γάμευ)	ἔγημα, γαμετός
6 γείνομαι, γενέτης, γενέθλη γενέθλον, γενετή	γέντο, γέγονα, γενέτωρ, γέννα (*γένμα), ἔγεινάμην, γένεσις, γενέτειρα
7 ἱκνέομαι (*ἱκνω), ικέτης, ικέτις	ἔκτο, ἔξογ, ἔξα, ἔγμα, ἱκτωρ, ἱκέσθαι, ἔξις, ἱκτήρ
8 μελέω (*μέλευ), μελέτη	μέμηλα, μέμβλεται, μελέτωρ

Корни CVCV 2-го класса

1 ἀλετός, ἀλέτης, *ἄλε-τρο- (В ἀλετρόω)	ἀλήλεχα, ἀλήλεμαι, ἀλετρίς
2 (ἔκατη)-βελέτης	ἔβλητο, βέβληκα, βέβλημαι, βλήμα, ἐβλήθη, βλητός, παρα-βλήθην
3 βιοτή, βίотος	ἐβίων, ἐβιωσάμην, βιώσκομαι, βιωτός
4 δαμάω, δαμάω (*δάμαυ), δάμνημι	δέδμημαι, ἐδμήθην, δμησις, ἀδμητος, дμητήρ, δμητειра
5 ἐχέτης, ἐχέτη, ὀχетός	ἔσχηκα, ἔσχημαι, σχήμα, ἔσχεθην, χεσις
6 πελάω, πελάω (*πέλαυ), πύλαμαι, πελάω, πελάτης	ἐπλήμην, πέπλημαι, ἐπλάθην, πλάτος

Таким образом, видно, что общим свойством суффиксов 2-го типа является способность вызывать некое ослабление (реально это синкопа либо апокопа) одного из корневых гласных. У корней 1-го класса такому ослаблению подвергается ауслаутный, у корней 2-го класса - инлаутный гласный. Удлинение ауслаутного гласного корней 2-го класса можно считать компенсаторным. Таким образом, общий вид

корней 1-го класса при суффиксах 2-го типа - CVC(V), корней 2-го класса - C(V)CV ("слабый" гласный заключен в скобки).

Отдельно нужно сказать несколько слов о тематическом аористе (т.е. аористе с суффиксом -ε/-ο-: ἔ-πετ-ο-ν, ἔ-καμ-ο-ν и т.п.). При этом суффиксе 2-го типа с гласным инлаутом корни 2-го класса также имеют характерную модификацию CVCV → CCV, но с двумя особенностями:

а) конечный гласный перед вокалическим началом суффикса отпадает, так что реально корень приобретает вид CC; б) синкопе подвергается лишь инлаутный гласный -ε-; прочие гласные не выпадают.

Примеры: ἔ-σχ-ο-ν, ἔ-πτ-ο-μην (корни σεχε, πета 2-го класса - ср. образования σχῆ-μα, ἔπτα-το), но ἔ-μολο-ν, ἔπετο-ν, ἔκαμ-ο-ν.

В табл. 9 приводятся производные от наиболее продуктивных корней CVCV.

Итак, внутренний морфонологический анализ древнегреческого глагола заставляет нас постулировать два морфонологических класса глагольных корней; ниже будет показано, что это противопоставление отражает противопоставление двух общеиндоевропейских глагольных классов. О некоторых других важных данных древнегреческой глагольной системы будет еще говориться ниже.

1.3. Латинский язык

1.3.1. Глагольные корни с исходом на шумный или сонант

Глаголы с такими корнями могут образовывать следующие виды перфекта: 1) на -s-/-su- (сигматический перфект, ср. сохī, serpsī); 2) удвоительный перфект (cesinī); корневой перфект (fidī); 3) удлинительный перфект (ēgī); 4) перфект на -u- (genuī).

Анализ материала приводит к выводу о том, что исконных корневых перфектов от корней на шумный и сонант в действительности не существует. Формы lambī, prandī, mandī, pandī, scandī, vellī, vertī, volvī, fervī могут быть и старыми удлинительными перфектами (в позиции перед сочетанием "сонант + шумный или сонант + гласный" долгота гласного автоматически сокращается).

Перфекты -hendī, -fendī, -cendī, -culī, -perī, -pergī встречаются только после префиксов, где невозможны удвоительные формы (ср. tetulī, но contulī и т.п.); таким образом, это - либо старые удвоительные, либо удлинительные перфекты (с сокращением гласного).

Перфект bibī - старый удвоительный, а не корневой перфект. Единственное исключение - перфект fidī - по-видимому, является такой же новой парой к исчезнувшему *fidī, как scidī в живой паре scidī/scicidī, и, скорее всего, выделился из префиксального образования.

В некоторых случаях оказываются дополнительно распределены друг с другом также удлинительный и удвоительный перфект: так, только удлинительный перфект образуется от

корней с гласным анлаутом (*egī, emī*) и с анлаутным *v-* (*vēnī, vīdī, vīcī*). Однако полностью распределить дополнительно удлинительный и удвоительный префект пока не удастся, хотя в принципе вторичное развитие удлинительного префекта из удвоительного представляется вполне вероятным.

Префекты на *-i-* образуют, видимо, исконные "двусложные" корни, ауслаутный гласный которых виден, например, в образованиях на *-t-*: *fremī - fremitus, genuī - gemitum, genuī - nātus/genitus, cubī - cubitum* etc.

Оставив в стороне префект на *-i-*, рассмотрим соотношение сигматического, удвоительного и удлинительного префектов.

Обнаруживается очевидная связь между презентными формами с инфиксом *-n-* или суффиксом *-i-* и удлинительным/удвоительным префектом. Корни с упомянутыми презентными аффиксами регулярно образуют удвоительный либо удлинительный префект. Немногие случаи сигматических префектов от корней с презентным инфиксом *-n-*, очевидно, являются поздними инновациями - это видно хотя бы по тому, что такие префекты сохраняют инфиксальный *-n-*, характеризовавший первоначально только основу презенса. Ниже приводится материал (вторичные префекты заключены в скобки)

Презенс	Префект	Значение
<i>finḡō</i>	<i>(finxī)</i>	'касаться; лепить'
<i>minḡō</i>	<i>(minxī)</i>	'мочиться'
<i>pinḡō</i>	<i>(pinxī)</i>	'рисовать'
<i>stringḡō</i>	<i>(strinxī)</i>	'натягивать'
<i>pungḡō</i>	<i>peruḡī (punxī)</i>	'колоть'
<i>scindḡō</i>	<i>scidi/scicidi</i>	'разрывать'
<i>tangḡō</i>	<i>tetigī</i>	'касаться'
<i>tundḡō</i>	<i>tutudī</i>	'разбивать'
<i>frangḡō</i>	<i>frēḡī</i>	'ломать'
<i>fundḡō</i>	<i>fūdi</i>	'лить'
<i>rangḡō</i>	<i>perigī/pēḡī (pānxī)</i>	'вбивать'
<i>rumpḡō</i>	<i>rupī</i>	'рвать'
<i>vincḡō</i>	<i>vīcī</i>	'побеждать'
<i>pariḡō</i>	<i>pererī</i>	'рождать'
<i>co-erīḡō</i>	<i>co-erī</i>	'брат'
<i>faciḡō</i>	<i>fēci</i>	'делать'
<i>fodiḡō</i>	<i>fōdi</i>	'рыть'
<i>fugiḡō</i>	<i>fūḡī</i>	'бежать'
<i>iciḡō</i>	<i>īci</i>	'бить'
<i>iaciḡō</i>	<i>iēcī</i>	'бросать'
<i>capīḡō</i>	<i>cēpī</i>	'брат'
<i>linquḡō</i>	<i>līquī</i>	'оставаться'

С другой стороны, глагольные корни, образующие сигматический префект, никогда не образуют йотового презенса и презенса с носовым инфиксом (за исключением вторичных случаев, разобранных выше). Здесь насчитывается 75 регулярных парадигм с сигматическим префектом и презентными с суффиксом *-e-* (тематическим), *-ē-* либо *-ī-*.

Тематический презенс, презенс на *-ē-* и презенс на *-ī-* могут иметь и глаголы с удвоительным/удлинительным префектом (ср. *scabḡō*, перф. *scabī* при *scribḡō*, перф. *scripsī* и т.п.), следовательно, сами по себе не характеризуют ни один из двух глагольных классов (являются надпарадигматическими). Надпарадигматическим является, видимо, также префект на *-i-*: в случаях дублетных префектов он может служить парой как для сигматического, так и для удлинительного/удвоительного префектов, ср. *canḡō - canū/ceci-nī*, но также *-fricḡō - fricū/frixī*.

Таким образом, противопоставление двух парадигматических глагольных классов для латинского языка можно представить следующей схемой:

Класс	Носовой или йотовый презенс	Сигматический префект	Удвоительный/удлинительный префект
1	+	-	+
2	-	+	-

Есть только 4 исключения из общих правил: это префекты (*con)cussī, (il)lexī, spexī, pīsī* при презентсах (*con)cutiḡō, (il)liciḡō, speciḡō, pinsḡō*. Они, видимо, объясняются вторичным вытеснением исконного удвоительного либо удлинительного префекта более продуктивным сигматическим (последний статистически более многочислен в латыни).

1.3.2. Глагольные корни с исходом на гласный

Такие корни имеют совершенно другой набор парадигматических характеристик по сравнению с корнями на шумный или сонант, а именно: не могут иметь ни носового, ни йотового презенса, а также сигматического префекта. Поэтому разбиение, предложенное для разобранных выше группы корней, здесь неприменимо.

Есть, однако, другой параметр, по которому и эти корни разбиваются на две группы: наличие долгого либо краткого гласного в формах на *-t-* (причастных и т.п.). Ср.:

Тип 1 (долгий гласный в формах на *-t-*)

Презенс	Форма на <i>-t-</i>	Значение
<i>(pol)luḡō</i>	<i>-lūtum</i>	'пачкать'
<i>nḡō</i>	<i>nātum</i>	'плыть'
<i>(ab)nuḡō</i>	<i>-nūtum</i>	'кивать'
<i>(com)pleḡō</i>	<i>-plētum</i>	'наполнять'
<i>pluḡō</i>	<i>plūtum</i>	'идти (о дожде)'
<i>(bibḡō)</i>	<i>pōtum</i>	'пить'
<i>sciḡō</i>	<i>scītum</i>	'знать'
<i>(de)sciḡō</i>	<i>-scītum</i>	'отделять'
<i>spuḡō</i>	<i>-spūtum</i>	'плавать'
<i>(im)buḡō</i>	<i>-būtum</i>	'напоить'
<i>(in)duḡō</i>	<i>-dūtum</i>	'надевать'
<i>(inter)duḡō</i>	<i>-dūtum</i>	'принимать участие'
<i>fḡōr</i>	<i>fātus</i>	'говорить'

(<i>su</i>) <i>fīō</i>	- <i>fītum</i>	'окуривать'
<i>flō</i>	<i>flātum</i>	'дуть'
<i>fleō</i>	<i>flētum</i>	'плакать, струить'
<i>fluō</i>	<i>flūtāre</i>	'течь'
<i>crēscō</i>	<i>crētum</i>	'расти'
<i>quiescō</i>	<i>quiētum</i>	'покоиться'
<i>luō</i>	<i>lūtum</i>	'мыть, течь'
(<i>in</i>) <i>suō</i>	- <i>sūtum</i>	'шить'
(<i>con</i>) <i>suēo</i> , - <i>suēscō</i>	<i>suētum</i>	'привыкать'
(<i>in</i>) <i>trō</i>	- <i>trātus</i>	'входить, проникать'
<i>tuōr</i>	<i>tūtus</i>	'смотреть'
(<i>ex</i>) <i>uō</i>	- <i>ūtum</i>	'снимать'
(<i>vī</i>) <i>vō</i>	<i>vīta</i>	'жить'
<i>ruō</i>	<i>rūtum</i>	'рыть'

Тип 2 (краткий гласный в формах на -t-)

Презенс	Форма на -t-	Значение
<i>dō</i>	<i>datum</i>	'давать'
-	<i>futūrum</i>	'быть'
(<i>g</i>) <i>nōscō</i>	(<i>g</i>) <i>notum, nota</i>	'знать'
<i>eō</i>	<i>itum</i>	'идти'
<i>ciō</i>	<i>citum</i>	'двигать'
<i>cluō</i>	(<i>in</i>) <i>clutus</i>	'слыть'
<i>linō</i>	<i>litum</i>	'мазать'
<i>reōr</i>	<i>ratus</i>	'думать'
<i>ruō</i>	<i>rutum</i>	'валить(ся)'
- <i>ruō</i>	- <i>rutum</i>	'рвать'
<i>serō</i>	<i>satum</i>	'сеять'
<i>sinō</i>	<i>situm</i>	'ставить, класть'
<i>sinō</i>	<i>situm</i>	'допускать, оставлять'
<i>stō</i>	<i>statum</i>	'стоять'

В.А. Дыбо (см. [1]) показал, что глаголам 2-го типа соответствуют, как правило, балто-славянские глаголы подвижной акцентной парадигмы, а глаголам 1-го типа - балто-славянские глаголы неподвижной акцентной парадигмы.

К сожалению, поскольку разбиение глагольных корней на два класса осуществляется в латинском языке в соответствии с совершенно разными принципами для разных фонетических типов корней, мы не имеем возможности на основании внутренних латинских данных отождествить класс 1 корней на шумный /сонант с типом 1 корней на гласный и, соответственно, класс 2 корней на шумный /сонант с типом 2 корней на гласный (в принципе возможно объединение класса 1 и типа 2, класса 2 и типа 1 соответственно; нельзя даже исключить возможность того, что разбиения, проведенные в рассмотренных группах корней, вообще независимы друг от друга и восходят к разным индоевропейским источникам). Решить эту проблему может лишь внешнее сравнение (см. ниже).

1.4. Балтийские языки

В литовском языке непроезводные глаголы могут образовывать четыре типа презенса и два типа претерита. Различаются презенс на *e/o*, презенс на *-j-*, презенс на *-st-* и презенс с инфиксальным *-n-*; претерит на *-ē-* и претерит на *-ō-*. Старолитовский имел еще атематический тип презенса, в настоящее время практически утраченный.

1.4.1. Глагольные пары

Характерной особенностью балтийского глагола является способность образования различных основ презенса (и различных претеритов) от одного и того же глагольного корня. В отличие от древнеиндийского, где разные основы презенса от одного и того же глагольного корня, как правило, не различаются семантически, в литовском между такими основами проводится четкое семантическое разграничение.

Прежде чем разбирать соответствующие пары, необходимо обратить внимание еще на одну особенность литовского глагола, а именно, на дополнительное распределение между презенсами на *-n-* и на *-st-*. Действительно, инфикс *-n-* имеется только у следующих корней:

а) из корней на шумный - только у тех, которые имеют краткий гласный (*i, e, a, o, u*), ср.: *añka, būnda, kiñta, teñka* etc.:

б) из корней на сонант - у всех, кроме корней на *m, n*, ср.: *kliūva, lija, skila, skāra* etc.

Напротив, суффикс *-st-* имеется у следующих корней:

а) из корней на шумный - у корней с дифтонгами и долгими гласными, ср.: *alpsta, miřksta, piksta, rūgsta* etc.;

б) из корней на сонант - у корней на *m, n*, ср. *rimsta, tinstā* etc.

Особый тип составляют корни на фрикативные (*s, š, ž, ʒ*), одновременно имеющие и инфикс *-n-*, и суффикс *-st-*, ср. *dūšta, dūsta, grīsta* etc.

Колелания обнаруживают только некоторые корни на *-u* (ср. *džiūsta/džiūva*), а также на *l, r*. При этом всегда эти два форманта оказываются в свободном варьировании. Единственное исключение - глагол *miršta*, не допускающий варианта *mīra* и имеющий к тому же аномальное *s* вместо *s* в суффиксе.

Таким образом, ниже мы будем рассматривать три типа презенса: презенс на *e/o*, презенс на *j* и презенс на *n/st*. По поводу йотового презенса нужно сделать еще следующее замечание: у глаголов на *-i, -u* этот презенс отсутствует, вместо него используется презенс с суффиксом *-n-*.

Пары литовских глаголов (образованных от одного корня, но имеющих разные парадигмы) разбиваются на следующие типы:

1. Презенс на *-j-* - презенс на *-n-/st-*:

<i>bēnią</i> 'сыпать'	<i>bīra</i> 'сыпаться'
<i>baūdžią</i> 'наказывать'	<i>buīda</i> 'бдеть'
<i>daūžią</i> 'ударять'	<i>dūšta</i> 'разбиваться'
<i>dėngią</i> 'покрывать'	<i>dīngsta</i> 'исчезать'

<i>diegia</i> 'насаждать'	<i>dīgsta</i> 'произрастать'
<i>driēkia</i> 'стлать'	<i>driņka</i> 'растягиваться'
<i>drēskta</i> 'рвать'	<i>drīska</i> 'рваться'
<i>duōbia</i> 'выдалбливать'	<i>duība</i> 'оседать'
<i>dvēsia</i> 'дохнуть'	<i>dūsta</i> 'задыхаться'
<i>dziūna</i> 'сушить'	<i>dziūsta/dziūva</i> 'сохнуть'
<i>gniūzia</i> 'сжимать'	<i>gniūsta</i> 'сжиматься'
<i>grēzia</i> 'поворачивать'	<i>grīzta</i> 'поворачиваться'
<i>grīauna</i> 'валить'	<i>grīūva</i> 'поворачиваться'
<i>jaūcia</i> 'чувствовать'	<i>juhta</i> 'чувствовать'
<i>keičia</i> 'менять'	<i>kihta</i> 'меняться'
<i>kēlia</i> 'поднимать'	<i>kīla</i> 'подниматься'
<i>klaūpia</i> 'стоять на коленях'	<i>klūpa</i> 'спотыкаться'
<i>kleīpia</i> 'искривлять'	<i>klīpsta</i> 'искривляться'
<i>kliāuna</i> 'опираться'	<i>klīūva</i> 'задевать'
<i>kreīpia</i> 'искривлять'	<i>kriīpsta</i> 'кривиться'
<i>lāūzia</i> 'ломать'	<i>lūzta</i> 'ломаться'
<i>leīkia</i> 'гнуть'	<i>liūksta</i> 'гнуться'
<i>lieja</i> 'лить'	<i>lija</i> 'лить (о дожде)'
<i>meīkia</i> 'мочить'	<i>miīksta</i> 'мокнуть'
<i>peīkia</i> 'бранить'	<i>piīksta</i> 'злиться'
<i>plēsia</i> 'рвать'	<i>pliīsta</i> 'рваться'
<i>plēcia</i> 'расширять'	<i>plihta</i> 'расширяться'
<i>rieja</i> 'кусать'	<i>rija</i> 'жрать'
<i>rēmta</i> 'поддерживать'	<i>rimsta</i> 'успокаиваться'
<i>skēlia</i> 'колоть'	<i>skīla</i> 'колотиться'
<i>skleīdzia</i> 'открывать'	<i>skliīnda</i> 'открываться'
<i>smēigta</i> 'вонзать'	<i>smiīga</i> 'вонзаться'
<i>tēgia</i> 'вытягивать'	<i>tīsta</i> 'вытягиваться'
<i>trāukta</i> 'открывать'	<i>triīksta</i> 'открываться'
<i>veīcia</i> 'вертеть'	<i>viīrsta</i> 'опрокидываться'
<i>veīkia</i> 'побеждать'	<i>vīksta</i> 'прибывать'
<i>nēria</i> 'вонзать'	<i>nīra</i> 'вывихиваться'
<i>dziāūgia</i> 'радовать'	<i>dziūnga</i> 'радоваться'
<i>kāria</i> 'вешать'	<i>kāra</i> 'виснуть'
<i>svēria</i> 'весить'	<i>svīra</i> 'виснуть'
<i>svēcia</i> 'светить'	<i>svihta</i> 'сиять'
<i>kreīkia</i> 'сыпать'	<i>kriīka</i> 'сыпаться'
<i>kvēpia</i> 'дышать'	<i>kviīpa</i> 'пахнуть'
<i>plāukta</i> 'плыть'	<i>pluīka</i> 'заливаться'
<i>puīcia</i> 'дуть'	<i>puhta</i> 'вздуваться'
<i>siaūcia</i> 'бушевать'	<i>siūhta</i> 'беситься'
<i>rāugta</i> 'квасить'	<i>rūgsta</i> 'киснуть'
<i>veīkia</i> 'плакать'	<i>viīksta</i> 'заплакать'
<i>veīsia</i> 'плодить'	<i>viīsta</i> 'плодиться'
<i>praūsia</i> 'мыть'	<i>prūsta</i> 'просвещаться'
<i>smāukta</i> 'напяливать'	<i>smiūka</i> 'спадать'
<i>snāudzia</i> 'дремать'	<i>snūsta</i> 'начать дремать'
<i>kaīcia</i> 'греть'	<i>kaīsta</i> 'нагреваться'
<i>siēja</i> 'связывать'	<i>siīja</i> 'связываться'
<i>tveīkia</i> 'прудить'	<i>tviīksta</i> 'нарывать'
<i>skiedzia</i> 'разбавлять'	<i>skīsta</i> 'разжижаться'
<i>šaiīkia</i> 'звать'	<i>šaiīka</i> 'вскрикивать'
<i>ziēbia</i> 'зажигать'	<i>ziīmba</i> 'блестеть'

2. Презенс на *j* - презенс на *e/o*:

<i>bēldzia</i> 'стучать'	<i>bilda</i> id.
<i>braukia</i> 'трепать'	<i>bruka</i> id.
<i>skaudzia</i> 'обижать'	<i>skauda</i> 'болеть'
<i>ziēbia</i> 'зажигать'	<i>ziba</i> 'блестеть'

3. Презенс на *e/o* - презенс на *-n/-st-*:

<i>rēzga</i> 'плести'	<i>riīzga</i> 'переплетаться'
<i>blīzga</i> 'блестеть'	<i>bliīzga</i> 'начать блестеть'
<i>brūzda</i> 'волноваться'	<i>brūzda</i> 'взволноваться'
<i>čiūlba</i> 'щебетать'	<i>čiūlستا</i> 'защебетать'
<i>jūda</i> 'двигаться'	<i>juhta</i> 'задвигаться'
<i>krūta</i> 'шевелиться'	<i>kruhta</i> 'зашевелиться'
<i>klība</i> 'расшатываться'	<i>kliīmba</i> id.
<i>mōka</i> 'платить'	<i>mōksta</i> id.
<i>šneīka</i> 'разговаривать'	<i>šneīka</i> 'заговорить'
<i>skūba</i> 'спешить'	<i>skuīmba</i> 'успевать'
<i>miēga</i> 'спать'	<i>miīga</i> 'засыпать'
<i>ziība</i> 'блестеть'	<i>ziīmba</i> id.
<i>gīeda</i> 'петь'	<i>giīsta</i> 'запеть'

4. Другие случаи:

<i>gēlia</i> 'болеть, жалить'	<i>giīlia</i> 'жалить'
<i>raūsta</i> 'краснеть'	<i>ruhta</i> 'буреть'
<i>skāra</i> 'обдираться'	<i>skūra</i> id.
<i>kāla</i> 'бить, ковать'	(?) <i>kūlia</i> 'молотить'
<i>leīpsta</i> 'млеть'	<i>liīpa</i> 'липнуть'
<i>šaiīsta</i> 'высыхать'	<i>siīsta</i> 'паршиветь'

Самый многочисленный и регулярный класс пар - первый. Здесь, с одной стороны, представлены переходные йотовые глаголы с полной ступенью огласовки, с другой - непереходные *n/st*-глаголы с нулевой ступенью огласовки. Если йотовый глагол является непереходным, соответствующий *n/st*-глагол либо инхоативный (*snāudzia* - *snūsta*, *šaiīkia* - *šaiīka*), либо имеет другие тонкие семантические оттенки (*dvēsia* - *dūsta*, *klaūpia* - *klūpa*, *svēria* - *svīra*, *sviēdia* - *svihta*, *kvēpia* - *kviīpa*).

Надо сказать, однако, что инхоативное значение у глаголов этого класса встречается весьма редко.

Напротив, основная масса *n/st*-глаголов, являющихся парами к *e/o*-глаголам, имеет именно инхоативное значение (*blīzga*, *brūzda*, *čiūlستا*, *juhta*, *kruhta*, *šneīka*, *miīga*).

Таким образом, по семантике *n/st*-глагола, как правило, можно определить не только семантику его йотовой или *e/o*-пары, но и их формальный тип. А именно: если *n/st*-глагол имеет инхоативное значение, то весьма вероятно, что парой к нему служит *e/o*-глагол; если же *n/st*-глагол имеет просто непереходное значение, то весьма вероятно, что парой к нему служит йотовый глагол.

Характерно, что в основной своей массе *e/o*-глаголы не имеют *n/st*-соответствий. Более того, ряд перечисленных выше глаголов с *e/o*-презенсом имеет некоторые особенности, отделяющие их от обычного типа *e/o*-спряжения, а именно инфинитивы на *-ēti*, *-ōti*, свидетельствующие о старой атематичности этих глаголов (см. [20]): *mōka* - *mōkēti*, *šneīka* - *šnekēti*, *miēga* - *miģōti*, *gīeda* - *gīedōti*. Глаголы *miēga* и *diēda* к тому же в старых памятниках засвидетельствованы как атематические: *miģēti*, *ģiēsti*.

Все это позволяет отделить перечисленные выше *e/o*-глаголы от обычных литовских *e/o*-глаголов.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что литовские *n/st*-глаголы всегда являются производными либо от йотовых, либо от (тематизированных) атематических глаголов, либо отыменными (типа *saĩsta* 'стануться сладким' и т.п.). Остаются немногочисленные случаи из классов 2 и 4. Пары *bĩlda* - *bėldžia*, *brũka* - *braũkia* объясняются тем, что к непереходным *e/o*-глаголам были достроены синонимические йотовые соответствия в результате осмысления семантики йотовых глаголов как переходных. Аналогичным образом к непереходным *skaũda* и *ĩiba* были достроены переходные пары *skaũdzia* и *ĩiėbia*. Явная непродуктивность такого типа пар свидетельствует о том, что йотовые глаголы здесь являются новообразованиями.

Очевидными новообразованиями являются глаголы *raũsta*, *leĩpsta*, *saũsta*, *skũra*. Это, по всей видимости, новые непереходные пары к исчезнувшим *raũdzia 'краснить', *leĩpia 'лепить', *saũsia 'сушить' и **skar(i)a* 'обдирать', регулярными парами к которым являются *ruĩnda*, *liĩmpa*, *sũsta*, *skũra*.

Особый случай представляют собой пары *gėlia* - *gĩlia* и *kũla* - *kũlia*. Сюда же можно добавить пару *rieja* - *rĩja*, формально следующую типу 1, но отклоняющуюся от него семантически. Все эти глаголы имеют переходную семантику и внутри пар синонимичны друг другу. Можно предположить, что *gĩlia* и *kũlia* - это новые пары к исчезнувшим *gĩla и *kũla (ср. аналогичную достройку йотовых пар в случаях *skaũda* - *skaũdzia*, *ĩiba* - *ĩiėbia*). Что касается *rĩja*, то этот глагол мог приобрести переходное значение в результате пересмысления конечного *-j* основы как йотового суффикса со значением переходности.

Итак, уже на первом этапе анализа вырисовываются контуры разбиения литовских (и балтийских в целом, поскольку анализ латышских данных дает принципиально то же распределение, что и в литовском) глаголов на два класса. В данном случае к одному классу относятся йотовые глаголы, часть глаголов на *e/o* (тематизированные из старолитовских атематических) и служащие семантическими и формальными коррелятами для этих двух типов глаголов непереходные глаголы на *n/st*. К другому классу относится основная масса глаголов на *e/o*.

1.4.2. Типы балтийских глаголов в зависимости от исхода их корня

1.4.2.1. Корни на шумный

Как известно, в литовском оуществуют следующие правила переноса ударения на приставку в приставочных глаголах:

- 1) в инфинитиве ударение никогда не переносится на приставку;
- 2) глаголы с акутированным гласным или дифтонгом в корне никогда не переносят ударения на приставку;
- 3) глаголы с циркумфлектированным гласным в корне

переносят ударение на приставку в *e/o*-презенте и в йотовом презенте, а также в *e*-preterite; не переносят ударения на приставку в *n/st*-презенте и в *o*-preterite;

4) глаголы с циркумфлектированным дифтонгом в корне переносят ударение на приставку в *e/o*-презенте и в *e*-preterite; не переносят ударения на приставку в йотовом презенте, *n/st*-презенте и в *o*-preterite.

Из последнего правила есть следующие исключения: глаголы *liėka* 'оставлять', *miėga* 'спать', *riėda* 'катиться' и *skaũda* 'болеть' не переносят ударения на приставку в презенте.

Таким образом, все литовские глаголы на шумный распадутся на следующие акцентные парадигмы.

I. неподвижная акцентная парадигма:

а) акутированные корни:

- 1) *e/o*-презент, *o*-preterite (*dũgti*, *bėgti*, *sėsti* etc.),
- 2) *e/o*-презент, *e*-preterite (только *ėsti*),
- 3) *j*-презент, *e*-preterite (*brė̃sti*, *laũsti* etc.),
- 4) *n/st*-презент, *o*-preterite (*lũsti*, *rũgti* etc.);

б) циркумфлектированные корни:

- 1) *e/o*-презент, *o*-preterite (только *liėka*, *miėga*, *riėda*, *skaũda*);
- 2) *n/st*-презент, *o*-preterite (*aũka*, *bũnda*, *liĩmpa* etc.).

II. подвижная акцентная парадигма с переносом ударения на приставку в презенте (но не в preterite) (только циркумфлектированные корни):

1) *e/o*-презент, *o*-preterite (*brũka*, *kĩsa*, *keĩta*, *veĩka* etc.). Сюда же нужно отнести тип *brĩsti/brė̃nda*, *skrĩsti/skreĩnda*, представляющий чередование, аналогичное *kiĩsti/keĩta*, *viĩkti/veĩka*, но с носовым инфиксом.

III. подвижная акцентная парадигма с переносом ударения на приставку в preterite (но не в презенте) (только циркумфлектированные корни):

1) *j*-презент, *e*-preterite (*jaũcia*, *daũzia*, *leĩkia* etc.).

IV. подвижная акцентная парадигма с переносом ударения на приставку в презенте и preterite (только циркумфлектированные корни):

- 1) *e/o*-презент, *e*-preterite (*bė̃da*, *dė̃ga*, *nė̃ša* etc.);
- 2) *j*-презент, *e*-preterite (*krė̃cia*, *kvė̃pia* etc.).

Таким образом, циркумфлектированные корни могут иметь четыре акцентные парадигмы.

Очевидно, что тип II находится в дополнительном распределении с типом IV.1. Как правило, все глаголы, имеющие в корне *-e* или *-a* и презент на *e/o*, следуют последнему типу; глаголы с презентом на *e/o* и с другими типами инлаута следуют первому, т.е. имеют *o*-preterite. Редкие исключения (типа *mũša*, *mũšė*) объясняются колебаниями *e*- и *o*-preterites в пределах этих двух типов (см. также [18, с. 312-313] о частых колебаниях по диалектам *e*- и *o*-preterite в этих двух типах). Таким образом, различие акцентных парадигм здесь связано с более или менее произвольным выбором *e*- или *o*-preterite. Если учесть, что *e*-preterite у циркумфлектированных корней всегда дает перенос на приставку, а *o*-preterite - никогда, то стано-

вится понятным акцентологическое различие этих двух типов.

Из глаголов с неподвижной парадигмой и *e/o*-презенсом три (*liēka, miēga, skauāda*) в старолитовском засвидетельствованы как атематические (*liekti, miegti, skausti*). Характерно, что ни один из *e/o*-глаголов с подвижной парадигмой и дифтонгом в корне как атематический не засвидетельствован.

Таковыми же акцентными характеристиками обладают *n/st*-глаголы, которые, как было показано выше, могут служить непереходными (или инхоативными) парами к тематизированным атематическим глаголам. Они же могут служить парами к *j*-овым глаголам III акцентной парадигмы.

Все перечисленные здесь глаголы имеют общую акцентную характеристику: они не переносят ударение в презенсе на приставку. Перенос ударения на приставку в претерите у глаголов III парадигмы явно обусловлен самим характером *e*-претерита, который, как уже говорилось, при всех циркумфлектированных корнях всегда вызывает перенос ударения.

Таким образом, акцентуационно и формально все циркумфлектированные глаголы разбиваются на два больших класса:

1. Глаголы с презенсом на *e/o* или *j*, имеющие пары на *n/st* и не имеющие переноса ударения на приставку в презенсе. Для некоторых из этих глаголов в старолитовском засвидетельствованы атематические варианты.

2. Глаголы с презенсом на *e/o*, не имеющие пар на *n/st* и имеющие перенос ударения на приставку в презенсе. Для таких глаголов в старолитовском не засвидетельствованы атематические варианты.

Особый случай представляют глаголы типа IV.2 (*j*-овый презенс с переносом ударения на приставку в презенсе). Соотнесение их с первым либо вторым классом затруднительно: формально они распределены с типом III, поскольку *j*-овые глаголы, не переносящие ударения на приставку в презенсе, могут иметь в корне только дифтонг, глаголы же типа IV.2 всегда имеют в корне простой гласный (*e, a* или *u*, ср. *kvēpia, vāgia, tūpia* и т.д.). Более того, эти глаголы могут иметь пары на *n/st*, ср. *drēskia - drīška, dvēsia - dūsta, kvēpia - kvīpa, pučia - puīta*. Однако они, как правило, непереходны (в отличие от основной массы глаголов на *-j-*), ср. *kvēpia* 'дышать', *dvēsia* 'дохнуть', *lėkia* 'лететь' и др.; тем самым наличие у них пар на *n/st* можно объяснить новообразованием (по продуктивной модели образования *n/st*-пар к *j*-овым глаголам). Индоевропейские соответствия этим глаголам часто противоречивы (см. ниже). Скорее всего, нужно считать, что этот тип смешанный, и в нем произошло совпадение исконных корней двух классов (*j*-овых глаголов с корневыми гласными *e, a, u* и исконных глаголов на *e/o*, по каким-то причинам перешедших в *j*-овый класс и навязавших всем глаголам этого подтипа свою акцентуацию - перенос ударения на приставку в презенсе).

Акцентуация причастий в литовском языке подтверждает сделанное выше разбиение глаголов на 2 класса. А именно, глаголы 1-го класса имеют в причастиях настоящего времени накоренное ударение, а глаголы 2-го класса - наконечное. Ср. материалы, приведенные у Эндзелина (14):

1-й класс: *pasi-liėkas, miėgas, ęsas, baūbias, už-draudžias, geĩdžias, neprisi-glaũdžianti, nesi-jaũcias, nu-jėgias, pa-keĩdžias, plaũkias, reĩkia, šaukias, sviė-bias, be-veĩkias, neprisi-veĩdžias, veĩkias, aĩpstas, grĩztas, liĩkstas, pĩkstas, sklĩštastas, tĩrptas, varĩgtas, virĩstanti*.

2-й класс: *šibėas, degėas, kabanti, metėas, nešėas, pa-sekėas, šnekėas, tekėas, blizgėas, judėas, išsi-kisėas, kru-tėas, be-lipė, už-mušėas, sukėas, vedėas, vešėas, pa-šadėas, kalbėas, be-kemsėas, be-kertėas, lendėas, perkėas, slenkėas*.

Причастия от глаголов типа IV.2, как правило, имеют наконечное ударение: *kreĩtiėas* (Kurschat), *kvėpiėas* (ib.), *lėkiėas, puĩtiėas*. Однако засвидетельствованы варианты *krėbiėas* (Leseb.), *kvėpianti*. Таким образом, акцентуация причастий этих глаголов подтверждает вывод об их исконно разнородном составе.

1.4.2.1.1. Акутированные корни

Как указывалось выше, глаголы с акутированным корнем в литовском никогда не переносят ударения на приставку. Однако среди них встречаются глаголы, имеющие те же формальные типы парадигм, что и глаголы с циркумфлектированным корнем, ср.: 1) *augti, auga, augo* как *kĩsti, kĩa, kĩa, kĩa*; 2) *ęsti, ęda, ędę* как *nęsti, nęša, nęšę*; 3) *laužti, laužia, laužę* как *plaukti, plaukia, plaukę*; 4) *lūsti, lūsta, lūšo* как *dusti, dūsta, dūso* etc.). Кроме того, есть некоторые глаголы с сокращением акутовой долготы в презенсе, ср. *slėgti, slėgia*, а также ст.-лит. *dōbti, dabta* (в современном литовском уже с выравниванием *dōbti, dōbia*).

Легко отождествить 3-й и 4-й тип с соответствующими типами у циркумфлектированных корней, т.е. отнести глаголы этих типов к 1-му классу. Однако нельзя это сделать для первых двух типов. Действительно, тип с претеритом на *-ę-* представлен только одним глаголом *ęsti*, для которого к тому же в старолитовском засвидетельствован атематический вариант (3 sg. *ęsti*). Таким образом, формальное сходство парадигмы этого глагола с парадигмой обычных *e/o*-глаголов с *e*-претеритом явно обманчиво (вспомним, что среди этих глаголов отсутствуют старолитовские атематические). Поэтому, если отвлечься от этого нерегулярного случая, типам первому и второму с циркумфлексом соответствует единственный тип (презенс *e/o*, претерит *o*) с акутом. Тем самым в нем могут быть представлены как тематизированные атематические (ср. *raũda* при ст.-лит. *aprausti* (PD); *gieda* при ст.-лит. *giesti* (PD) - как *liėka* при ст.-лит. *liekti*), так и старые тематические глаголы (аналогичные *e/o*-глаголам с циркумфлектированным корнем, типа *nęša, vęša* и т.п.).

Как известно, литовскому акуту в латышском могут соответствовать две интонации: плавная (˘) и прерывистая (ˆ), причем последняя обычно (по крайней мере в имени) соответствует литовской подвижной парадигме. Однако в данном случае (у корней на шумный) мы во всех случаях находим в латышском только прерывистую интонацию, ср.:

Литовский	Латышский
áusti (áudžia)	áust
sprôgti	sprâgt
éngti (éngia)	îgt (соответствие незасвидетельствованной литовской паре *îngti, *îngsta)
áugti (áuga)	áugt
bégti (bēga)	bégt
dîgti (dîgsta)	dîgt
ēsti (ēda)	ēst
jûnkti (jûnksta)	jûkt
kâsti (kânda)	kuôst
sviesti (sviedzia)	sviêkst
sôkti (sôka)	sâkt
sēsti (sēda)	sêst
mēsti (mēzia)	mêst
mēgti (mēgsta)	mêgt
lâusti (lâuzia)	lâust
lêisti (lêidzia)	lâist
sprēsti (sprëndzia)	spriêst
pérsti (pérdzia)	pir̃st (соответствие незасвидетельствованной литовской паре *pir̃sti, *pir̃sta)

Таким образом, латышский здесь не дает никакой со-держательной информации относительно типа парадигм этих глаголов. Некоторые следы различавшихся ранее в глаголах такого типа подвижной и неподвижной акцентных парадигм сохраняют каузативы на -in- (см. ниже).

В итоге о соотношенности тех или иных глаголов с акутированным корнем с 1-м или 2-м классом глаголов, выделенными выше, можно сказать следующее: наиболее вероятно, что, как и среди глаголов с циркумфлектированным корнем, глаголы на n/st и j относятся к первому классу. Что касается глаголов на e/o, то часть из них (глаголы, для которых засвидетельствованы старолитовские атематические формы, а также такие, которые образуют каузативы на -in- с переносом ударения на суффикс - об этом см. ниже) можно уверенно отнести к первому классу, а остальные могут принадлежать как к первому, так и ко второму.

1.4.2.2. Корни на сонант

По видам интонационных характеристик все балтийские глаголы с сонантными корнями разбиваются на следующие группы:

А. Балтийский циркумфлекс

1. Полная огласовка в инфинитиве:

Литовский	Латышский
svērti (svēria)	svērt
beṛti (bēria)	beṛt' (с метатонией)
treṁti (trēmia)	(зап.) treṁt (с метатонией)
leṁti (lēmia)	(Др.) leṁt
siēti (sēja/siēja)	siet
sliēti (slēja/sliēja)	sliet
zerti (žēria)	
peṛti (pēria)	pērt
kriēti (krēja/kriēja)	kriet
skriēti (skrēja/skriēja)	skriet
griēti (grēja/griēja)	
gliēti (glēja/gliēja)	
*kliēti (klēja)	
liēti (liēja)	
skleṁti	
siēti	
eīti (eīna/ēja)	(зап.) iēt (с метатонией)
jaūti (jaūja/jaūna)	jaūt
aūti (aūna)	aūt
	miet
	(диал., Ра.) sērt
2. Нулевая огласовка в инфинитиве:

iṁti (ima/ēma)	(диал.) jeṁt
giṁti (gēna)	dzit
miṛti (miršta)	mirt
dir̃ti (dera)	
miṁti (mēna)	mīt
giṁti (gēma/gimsta)	dzimt

В. Литовский акут - латышская плавная интонация

1. Полная огласовка в инфинитиве:

Литовский	Латышский
nērti (nēria)	nērt
sērtis (sēriasi)	sērties
bārti (bāra)	bārt
kālti (kāla)	kaļt
mālti (māla)	maļt
vēmti (vēmia)	veṁt
vērti (vēria)	veṛt
piāuti (piāuna)	pļāūt
spīāuti (spīauna)	spļāūt
krauti (krauna)	kraūt
liāuti (liāuna)	ļāūt

2. Нулевая огласовка в инфинитиве:
Литовский Латышский

<i>būrti (būria)</i>	<i>būrt</i>
<i>dūrti (dūria)</i>	<i>dūrt</i>
<i>stūmti (stūmia)</i>	<i>stūmt</i>
<i>bīrti (bīra)</i>	<i>bīrt</i>
<i>svīlti (svīla)</i>	<i>svīlt</i>
<i>īrti (īra)</i>	<i>īrt</i>
<i>šīlti (šīla)</i>	<i>šīlt</i>
<i>-žinti (-žista)</i>	<i>-žīt</i>
<i>gīrti (gīria)</i>	<i>dzīrt</i>
<i>minti (mīna)</i>	<i>mīt</i>
<i>skinti (skīna)</i>	<i>škīt</i>
<i>skirti (skīria)</i>	<i>škīrt</i>
<i>trinti (trīna)</i>	<i>trīt</i>
<i>irti (irīa)</i>	<i>īrt</i>
<i>rīti (rīja)</i>	<i>rīt</i>
<i>rimti (rimsta)</i>	<i>riūt</i>
	<i>krūties</i>

C. Литовский акут - латышская прерывистая интонация

1. Полная огласовка в инфинитиве:

Литовский Латышский

<i>ārti (āria)</i>	<i>ārt</i>
<i>kāuti (kāuna)</i>	<i>kaūt</i>
<i>kēlti (kēlia)</i>	<i>ceļt</i>
<i>gēlti (gēlia)</i>	<i>dzelt</i>
<i>zēlti (zēlia)</i>	<i>zelt</i>
<i>tvērti (tvēria)</i>	<i>tvert</i>
<i>skēlti (skēlia)</i>	<i>škeļt</i>
<i>gērti (gēria)</i>	<i>dzeļt</i>
<i>liēti (liēja)</i>	<i>liēt</i>
<i>riēti (riēja)</i>	<i>riēt</i>
<i>vēlti (vēlia)</i>	<i>veļt</i>
<i>bliāuti (bliājuja/-na)</i>	<i>blaūt</i>
<i>dziāuti (dziājuja/-na)</i>	<i>žaūt</i>
<i>kliāuties (kliājujasi/-nasi)</i>	<i>kļaut</i>
<i>rauti (rauja/-na)</i>	<i>raūt</i>
<i>mauti (mauja/-na)</i>	<i>maūt</i>
	<i>smelt</i>

2. Нулевая огласовка в инфинитиве:

Литовский Латышский

<i>līti (līja)</i>	<i>līt</i>
<i>tīnti (tīsta)</i>	<i>tīt</i>
<i>vīnti (vērda)</i>	<i>viūt</i>
<i>gīti (gīja)</i>	<i>dzīt</i>
<i>vīti (vēja)</i>	<i>vīt</i>
<i>pīnti (pīna)</i>	<i>pīt</i>
<i>būti (būva)</i>	<i>būt</i>

Среди глаголов с сонантными корнями мы находим несколько другую систему соотношений между основами презенса, чем среди глаголов с корнями на шумный. Теоретически к

любому глаголу с полной огласовкой корня в инфинитиве может быть образована *n/st*-пара с нулевой огласовкой инфинитива. При этом циркумфлектированные корни приобретают акут, а в латышском инвариантно плавную интонацию (ср. *beīti* - *bīrti*, лтш. *beīt* (вместо *bērt с метатонией) - *bīrt*; *reīti* - *riīti*, лтш. *riīt*). Акутированные корни сохраняют свои интонационные характеристики (ср. *neīti* - *nīrti*, лтш. *neīt* - *nīrt*; *krāuti*, лтш. *krāūt* - *krūties*; *liēti* - *liīti*, лтш. *liēt* - *liīt*). В одном случае (*riēti* - *riīti*, лтш. *riēt* - *riīt*) имеем метатонию в латышском; однако, по-видимому, этого недостаточно, чтобы утверждать, как это делает В.М. Иллич-Свитыч [8, 120], что в латышском нулевая ступень всегда предполагает плавную интонацию, а полная - всегда прерывистую, а многочисленные случаи отклонений объяснять выравниванием по парам.

Надо заметить, что отнюдь не все глаголы с акутированным корнем и нулевой огласовкой имеют *n/st*-презент. При этом глагольные корни на носовой и плавный, не образующие *n/st*-презент, морфологически отличаются от образующих последний. Это различие заключается в том, что глаголы с *n/st*-презентом обнаруживают во многих отглагольных производных краткость корневого гласного, в то время как глаголы с йотовым и тематическим презентом сохраняют долготу. Например, от *kīlti* (*kīla*) 'подниматься' (пара к *kēlti*, *kēlia* 'поднимать') имеем *kilimas* 'повышение', но от *pīlti* (*pīla*) 'сыпать' - *pīlimas* 'насыпь', от *skirti* (*skīria*) 'отделять' - *skīrimas* 'пробор (в прическе)'. Таким образом, существуют глаголы с "первичным" акутом, не имеющие *n/st*-презенса (о производности этого типа презенса см. выше), и глаголы с "вторичным" акутом, образующие производный *n/st*-презент. Глаголы с "вторичным" акутом являются парами к соответствующим глаголам с йотовым и *e/o*-презентом, а также отыменными. Морфологическое различие между типами акутированных глаголов обусловлено исторически, что подтверждается и латышскими данными, где глаголы с "вторичным" акутом всегда показывают плавную интонацию, если являются производными от глаголов с циркумфлектированным корнем.

Таким образом, глаголы с акутированным корнем и нулевой огласовкой инфинитива являются либо первичными, либо производными от глаголов с полной огласовкой инфинитива, и в последнем случае имеют "вторичный" акут. Все сонантные глаголы с акутовой интонацией разбиваются на следующие группы:

1) "первичный" акут:

- а) глаголы с *j*-овым и *e/o*-презентом, имеющие прерывистую интонацию в латышском;
- б) глаголы с *j*-овым и *e/o*-презентом, имеющие плавную интонацию в латышском.

2) "вторичный" акут:

- а) глаголы с *n/st*-презентом, имеющие плавную интонацию в латышском, производные от глаголов с балтийским циркумфлексом;

б) глаголы с *n/st*-презенсом, имеющие плавную интонацию в латышском, производные от глаголов с балтийским первичным акутом;

в) глаголы с *n/st*-презенсом, имеющие прерывистую интонацию в латышском, производные от глаголов с первичным балтийским акутом.

Глаголы 2-й группы могут быть также отыменными и позднейшими новообразованиями (например, звукоподражательными).

Типы парадигм глаголов с полной огласовкой инфинитива (имеющих "первичный" акут), несмотря на кажущееся их разнообразие, сводятся к одному типу, поскольку все находятся в дополнительном распределении. Действительно, из возможных типов презенса тип на *n/st* здесь не представлен (если отвлечься от явно вторичных образований типа *kāra* при *kāria*, заменивших собой старые образования типа **kūrsta/*kūra*). Презенс на *-n-* выступает только у корней на *-i*, *-u* как свободный вариант *j*-ового презенса.

Презенс на *e/o* выступает только у корней на *-al*, *-ar* с балтийским акутом и плавной интонацией в латышском, ср. *bārti* (лтш. *bārt*) - *bāra*, *kālti* (лтш. *kaļt*) - *kāla*, *mālti* (лтш. *maļt*) - *māla*. Во всех остальных случаях выступает презенс на *-j-*.

Остается небольшая группа глаголов с нулевой огласовкой инфинитива при балтийском циркумфлексе. В латышском они имеют либо нисходящую (регулярную) интонацию, либо плавную (в результате вторичного удлинения). Они имеют либо презенс на *e/o* (*ima/ēma*, *gēna*, *dēra*, *mēna*, *gēma*), либо презенс на *-st-*, причем в последнем случае получают акут, а в латышском - плавную интонацию.

По своим акцентным характеристикам этот тип представляет собой полный аналог типа с полной огласовкой корня и балтийским циркумфлексом. Можно поэтому думать, что исконно эти два типа составляли один (по-видимому, с нулевой огласовкой инфинитива, но полной огласовкой презенса). Малочисленность глаголов с нулевой огласовкой инфинитива и полной огласовкой презенса заставляет предположить их архаизм (поскольку, по-видимому, в балтийских языках не было продуктивного процесса, который мог бы обусловить вторичное появление такого типа парадигмы).

Таким образом, балтийские корни на сонант разбиваются на три группы.

1. Балтийский циркумфлекс. Глаголы этой группы имеют циркумфлекс в литовском, нисходящую интонацию в латышском, презенс на *-j-*. От них образуется производное спряжение с презенсом на *n/st*, нулевой огласовкой в инфинитиве, литовским акутом и латышской плавной интонацией (глаголы с "вторичным" акутом). Сюда же относятся небольшое количество глаголов с циркумфлектированным корнем и нулевой огласовкой инфинитива (но полной огласовкой презенса).

2. Литовский акут - латышская плавная интонация. Сюда относятся глаго-

лы с литовским акутом и латышской плавной интонацией, образующие презенсы на *-j-* и *e/o* (о распределении этих двух типов презенса см. выше). Корень в них может иметь полную либо нулевую ступень огласовки, интонация - "первичный" акут. От них также образуется производное спряжение с *n/st*-презенсом. В том случае, если мы имеем *n/st*-презенс такого типа, но не имеем соответствующего парного *e/o-* либо *j*-ового презенса, он может принадлежать как к данной, так и к первой группе глаголов.

3. Литовский акут - латышская прерывистая интонация. Сюда относятся глаголы с литовским акутом и латышской прерывистой интонацией, образующие презенс на *-j-*. Интонация здесь - "первичный" акут. От этих глаголов также образуется производное спряжение на *n/st* с нулевой огласовкой, литовским акутом и латышской прерывистой интонацией.

Внутрибалтийские данные не дают оснований для сведения трех групп глаголов на сонант к двум. Однако необходимо отметить, что глаголы 1-й и 2-й групп имеют много общего (один и тот же тип пар на *n/st*, характер интонации в латышском при вторичном удлинении в глаголах 1-й группы: ср. *beļt*, *jeļt* и т.п.). Поэтому, вообще говоря, можно считать группу 1 вариантом группы 2 с краткостным корнем. Такое разбиение, однако, будет несколько условным, и мы пока будем придерживаться произведенного разбиения на три группы.

Что касается соотносительности групп глаголов с сонантным исходом корня с 1-м или 2-м классом глаголов на шумный, то очевидно, что группа 2 соотносится с классом 1 шумных корней (латышская плавная интонация указывает на исходную неподвижную парадигму), а группа 3 - с классом 2 шумных корней (латышская прерывистая интонация указывает на исконную подвижную парадигму). В группе 1 мы имеем либо вариант группы 2 (= класс 1 шумных) с циркумфлектированным корнем, либо нейтрализацию групп 2 и 3.

1.4.2.3. Корни на гласный ("ларингальные")

Все эти корни акутированные, поэтому в литовском они не имеют переноса ударения на приставку (кроме редуцированного презенса *dēda* с сокращением долготы). Два глагола - *dēti* и *dūoti* - образуют удвоительный презенс (*dēda*, *dūoda*), все остальные имеют презенс на *-j-*. Пар на *n/st* эти глаголы не образуют.

Таким образом, только данные латышских интонаций позволяют разбить и эти глаголы на две группы.

1. Латышская плавная интонация:

Литовский	Латышский
<i>lōti</i>	<i>lāt</i>
<i>mōti</i>	<i>māt</i>
<i>spēti</i>	<i>spēt</i>
<i>sēti</i>	<i>sēt</i>

Ср. класс 1 корней на шумный, группу 2 корней на сонант.

2. Латышская прерывистая интонация:

Литовский	Латышский
<i>klōti</i>	<i>klāt</i>
<i>stōti</i>	<i>stāt</i>
<i>duōti</i>	<i>duōt</i>
<i>dēti</i>	<i>dēt</i>
<i>jōti</i>	<i>jāt</i>

Ср. класс 2 корней на шумный, группу 3 корней на сонорный.

1.4.3. Соотношение типов глагольных парадигм и старолитовских атематических форм презенса

1. К о р н и н а ш у м н ы й. Тематизированные атематические глаголы с корнем на шумный принадлежат к классу 1, ср.:

ст.-лит. *esti* - прич. *ēsqs*

ст.-лит. *be-liekt* - совр. *liēka* без переноса на приставку, прич. *liēkqs*

ст.-лит. *sniēgti* - совр. *sniēga* (сохранилась и форма *sniēgti*)

ст.-лит. *per-žengt* - совр. *žēngia*

ст.-лит. *niešti* - совр. сохранившаяся форма *niešti*

ст.-лит. *skaust(i)* - совр. *skaūda* без переноса на приставку

ст.-лит. *miegt(i)* - совр. *miēga* без переноса на приставку, прич. *miēgqs*.

Сюда же относятся некоторые глаголы с акутированным корнем, которые данные старолитовского позволяют отнести к этому же типу:

ст.-лит. *ēsti* - совр. *ēda*

ст.-лит. *gelbt(i)* - совр. (диал.) *gēlba*

ст.-лит. *kliest(i)* - совр. *klīeda*

ст.-лит. *giest(i)* - совр. *gīeda*

ст.-лит. *ap-raust(i)* - совр. *rāuda*.

2. К о р н и н а с о н а н т. Хотя для корней на сонант в старолитовском очень редки атематические формы, имеющиеся данные позволяют предположить, что тематизированные атематические глаголы относятся к группам 1 или 2 (группа 2 - аналог класса 1 глаголов с корнями на шумный, см. выше):

ст.-лит. *eiti* - совр. *eīna*, лтш. *iēt* (с вторичным удлинением и плавной интонацией)

ст.-лит. *persi-jirt* - совр. *īria*, лтш. *iīt*.

3. К о р н и н а г л а с н ы й. Два засвидетельствованных атематических глагола показывают обратное соотношение по сравнению с двумя предшествующими типами корней, ср.:

ст.-лит. *demi*, *dest(i)* - совр. *dēda*, лтш. *dēt*

ст.-лит. *duomi*, *duost* - совр. *dūoda*, лтш. *duōt*.

Это соотношение, однако, не нарушает общей картины соотносительности типов ларингальных корней с типами корней на шумный и на сонант, что мы надеемся показать ниже.

Поэтому глаголы *dēti* и *dūoti* мы по-прежнему будем причислять к той же группе, что и, например, *klōti*, *stōti*, и будем объединять их с классом 2 корней на шумный и группой 3 корней на сонант.

1.4.4. Каузативы на -in-

От глаголов литовского языка могут образовываться различные каузативы (на *-īti*, *-dīti*, *-dinti*, *-inti*). Из них мы будем рассматривать только каузатив на *-in-*. Он образуется в большинстве случаев от непереходных глаголов, причем если налицо залоговая пара - от непереходного ее члена.

Акцентологически нормальным типом является каузатив на *-in-* с сохранением ударения на корне. Однако в сравнительно небольшом числе случаев акцент переносится на суффикс, который становится акутированным. Каузатив с накоренным ударением образуется от любых выделенных выше типов глаголов (кроме глаголов на гласный, от которых эта форма вообще не образуется) и является надпарадигматическим. Напротив, каузатив с ударным суффиксом четко скоррелирован с определенными выделенными выше парадигматическими группами, а именно: с 1-м классом корней на шумный и с 1-й или 2-й группой корней на сонант.

1. Корни на шумный:

а) циркумфлектированные:

Глагол	Каузатив на -in
<i>ketėti (kēta)</i>	<i>ketinti</i>
<i>alpti (alpstā)</i>	<i>alpinti</i>
<i>dūkti (dūksta)</i>	<i>dūkinti</i>
<i>dvēsti (dvēsia)</i>	<i>dvēsinti/dvasinti</i>
<i>gaišti (gaišta)</i>	<i>gaišinti</i>
<i>gēsti (gēsta)</i>	<i>gesinti</i>
<i>grūsti (grūnda)</i>	<i>graudinti</i>
<i>grūžti (grūžsta)</i>	<i>grūžinti</i>
<i>kabėti (kāba)</i>	<i>kabinti</i>
<i>klīmpti (klīmpsta)</i>	<i>klampinti</i>
<i>lipti (lipa)</i>	<i>laipinti</i>
<i>lėkti (lėkia)</i>	<i>lakinti</i>
<i>līsti (lėnda)</i>	<i>landinti</i>
<i>lipti (liūpa)</i>	<i>lipinti</i>
<i>mīsti (mīšta)</i>	<i>maityinti</i>
<i>nīkti (nīksta)</i>	<i>naikinti</i>
<i>rākti (raūka)</i>	<i>rakinti</i>
<i>siūgti (seūga)</i>	<i>sarginti</i>
<i>slėgti (slėgia)</i>	<i>slōginti</i>
<i>svaigti (svaigsta)</i>	<i>svaiginti</i>
<i>tilpti (tilpsta)</i>	<i>talpinti</i>
<i>tiūpti (tiūpsta)</i>	<i>tirpinti</i>
<i>tvīnkti (tvīnksta)</i>	<i>tvankinti</i>
<i>vīsti (vīsta)</i>	<i>vaisinti</i>

б) акутированные:

<i>bēgti (bēga)</i>	<i>bōginti</i>
<i>brāngti (brāngsta)</i>	<i>branginti</i>

<i>dīgti</i> (<i>dīgsta</i>)	<i>daiginti</i>
<i>drēkti</i> (<i>drēksta</i>)	<i>drēkinti</i>
<i>klīsti</i> (<i>klīsta</i>)	<i>klaidinti</i>
<i>lēsti</i> (<i>lēsta</i>)	<i>laisinti</i>
<i>mēgti</i> (<i>mēgsta</i>)	<i>mēginti</i>
<i>nōkti</i> (<i>nōksta</i>)	<i>nōkinti</i>
<i>plīsti</i> (<i>plīsta</i>)	<i>plaišinti</i>
<i>rūgti</i> (<i>rūgsta</i>)	<i>rauginti</i>
<i>sēsti</i> (<i>sēdā</i>)	<i>sōdinti</i>
<i>slōpti</i> (<i>slōpsta</i>)	<i>slōpinti</i>
<i>sprōgti</i> (<i>sprōgsta</i>)	<i>sprōginti</i>
<i>šōkti</i> (<i>šōka</i>)	<i>šōkinti</i>
<i>trōskti</i> (<i>trōksta</i>)	<i>trōškinti</i>
<i>vēsti</i> (<i>vēsta</i>)	<i>vēsinti</i>

2. Корни на сонант:

<i>gīmti</i> (<i>gīmsta</i>)	<i>gaminti</i>
<i>miṛti</i> (<i>miṛsta</i>)	<i>marinti</i>
<i>nīrti</i> (<i>nīra</i>)	<i>narinti</i>
<i>rimti</i> (<i>rimsta</i>)	<i>raminti</i>

Из приведенного материала видно, что:

а) среди глаголов с циркумфлектированными корнями на шумный каузатив с суффиксальным ударением образуется от глаголов 1-го класса (старая неподвижная парадигма; об исключениях см. ниже); он же образуется от ряда глаголов, парадигматическая принадлежность которых неопределенна (*lēkti*, *dvēsti*, *slēgti*). Акутированные глаголы, имеющие такой каузатив, либо также принадлежат к 1-му классу (что видно по формальным характеристикам их парадигмы), либо имеют неопределенную парадигму (имеются в виду *sēsti*, *bēgti*, *šōkti*); таким образом, подтверждается вывод, сделанный ранее, о нейтрализации двух базисных классов в парадигмах акутированных глаголов с *e/o*-презенсом;

б) среди корней на сонант *nērti/nīrti* и *rimti* имеют плавную интонацию в латышском, *miṛti* и *gīmti* относятся к 1-й группе сонантных корней, которая, возможно, является аналогом 2-й группы с краткостным корнем (неподвижная парадигма), см. выше.

Формально к классу 2 шумных корней принадлежат глаголы *līpti* (*līpa*), *siṛgti* (*seṛga*), *lēsti* (*leṣda*), также образующие данный вид каузатива. Кажется весьма вероятным, что эти глаголы — исконно принадлежавшие к неподвижной акцентной парадигме типа *liṣka*, но перешедшие в подвижную парадигму под влиянием аналогии.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что каузативы на *-in-* с насуффиксальным акцентом образывались только от глаголов неподвижной акцентной парадигмы (группа 1/2 корней на сонант, класс 1 корней на шумный). Что касается каузатива на *-in-* с накоренным ударением, то вполне возможно, что первоначально он образывался от глаголов подвижной акцентной парадигмы (группа 3 корней на сонант, класс 2 корней на шумный), но впоследствии стал продуктивным типом и распространился также и на многие глаголы старой неподвижной парадигмы.

В итоге все балтийские глаголы можно разбить на две большие группы.

1. Тип с неподвижным ударением.

Сюда относятся:

а) глаголы с корнем на шумный, имеющие либо презенс на *e/o* без переноса ударения на приставку (в случае циркумфлектированности корня), либо любой другой вид презенса (*-j-*, *-n/-st-*). Причастие у таких глаголов имеет чакоренное ударение;

б) глаголы с корнем на сонант или гласный, имеющие в латышском плавную интонацию. Здесь нужно особо оговорить те случаи, когда в латышском плавная интонация возникает в результате вторичного удлинения балтийского циркумфлекса (ср. лтш. *beṣt* при лит. *beṣti*), и в таких случаях принадлежность соответствующих глаголов к 1-й группе неочевидна (хотя и вероятна).

Все глаголы, имеющие каузатив на *-in-* с ударением на суффиксе, также относятся к 1-й группе.

Многие глаголы 1-й группы засвидетельствованы в старолитовском как атематические, и этот факт является решающим при отнесении к 1-й или 2-й группе глаголов с акутированным корнем на шумный (типа *gieda*, *rāuda* и т.п.).

2. Тип с подвижным ударением.

Сюда относятся:

а) глаголы с корнем на шумный, имеющие презенс на *e/o* с переносом ударения на приставку (в случае циркумфлектированности корня). Причастия таких глаголов имеют окончное ударение;

б) глаголы с корнем на сонант или гласный, имеющие в латышском прерывистую интонацию.

Все глаголы, относящиеся к этой группе, внутри балтийского являются исконно тематическими. Исключение составляют два глагола (*dēti*, *dūoti*) со старолитовскими атематическими формами.

Кроме двух этих основных групп есть еще некоторые типы глаголов, принадлежность которых к той или иной группе неясна. Так, неясна принадлежность большинства *j*-овых глаголов с циркумфлектированным недифтонгическим корнем с исходом на шумный согласный (см. выше). Неясна также принадлежность к 1-й или 2-й группе большинства глаголов на сонант, имеющих балтийский циркумфлекс (хотя по некоторым параметрам их можно было бы отнести к группе 1). Однако для подавляющей массы глаголов принадлежность к 1-й либо 2-й группе очевидна.

1.5. Славянские языки

Праславянский глагол мог иметь три акцентные парадигмы: колонную баритонированную (парадигма А), колонную окситонированную (парадигма В) и подвижную (парадигма С).

Как показал В.А. Дыбо, праславянская баритонированная (А) и окситонированная (В) парадигмы дополнительно распределены по характеру корневого гласного: глаголы с дол-

гим акутированным гласным и акутированным дифтонгом имеют парадигму А; глаголы с циркумфлектированным (долгим или кратким) гласным и циркумфлектированным дифтонгом – парадигму В. Подвижную парадигму (С) могут иметь глаголы с корнями любого вида.

Рассмотрим, как акцентные парадигмы связаны с другими характеристиками славянских глаголов.

1.5.1. Корни с исходом на шумный согласный

1. Глаголы подвижной парадигмы. Сюда относятся только глаголы с презенсом на *e/o*. Такие глаголы могут образовывать только сигматический аорист (здесь и ниже мы приводим презентную форму и инфинитивы в виде праславянской реконструкции; приводятся аористы, зафиксированные только в старославянском). Ср.:

Презенс	Аорист
*nēsŋ	něsv
*rěŋŋ	rěsv
*věŋŋ	věsv
*bljūŋŋ	bljusv
*velkŋ	vlěsv
*vbŋŋ	vrěsv
*žegŋ	žarsv
*vęzŋ	věsv
*čŋŋ	čisv
*tęŋŋ	těsv
*kvŋŋ	cvisv
*bŋŋ	basv
*męŋŋ	měsv
*tręŋŋ	trěsv (3 pl. tręŋŋ)
*lęŋŋ	lěsv
*gręŋŋ	grěsv

Следует обратить внимание на то, что глаголы с дифтонгом в инлауте корня подразделяются по характеру огласовки презенса на два подтипа: с нулевой огласовкой и с полной огласовкой. Ср., с одной стороны: *vbŋŋ, *žbŋŋ, *čbŋŋ, *čbŋŋ, *kvŋŋ. С другой стороны: *bljūŋŋ, *beŋŋŋ, *velkŋ, *želŋŋ, *sterŋŋ, *strŋŋ, *voldŋ.

Глагол *velkŋ, по-видимому, вторично перешел в тип с полной огласовкой, поскольку он сохраняет нулевую ступень в причастии прошедшего времени на -v (ср. ст.-сл. vŋkŋ) в отличие от остальных глаголов этого подтипа.

Для корней с носовым в инлауте мы, естественно, не можем распознать принадлежность к тому или иному подтипу (поскольку *-en- и *-ŋ- совпали в праславянском *ę). Таковы глаголы: *gręŋŋ, *blęŋŋ, *pręŋŋ, *lęŋŋ, *pręŋŋ, *zvęŋŋ, *zęŋŋ, *sęŋŋ, *gęŋŋ.

2. Глаголы неподвижной парадигмы. Сюда относятся несколько глаголов с *e/o*-презенсом, а также все презенсы на -j- и на -n-. Глаголы неподвижной акцентной парадигмы могли образовывать только тематический аорист, ср.:

Презенс	Аорист
*lězŋ	lězv
*sěđŋ	sěđv
*pādŋ, *pādŋŋ	padv
*vŋrgŋ	vŋrgv
*jěđŋ	jěđv
*lěggŋ	legv
*mogŋ	mov
*jŋđŋ	idv
*rětjŋ	-rětv
*dvŋžŋ, *dvŋgnŋ	dvŋgv
*tŋkŋ, *tvčjŋ	tvkv
*běžŋ, *běgnŋ	běgv
*vŋčjŋ, *vŋknŋ	vykv
*gŋbnŋ	gybv
*zębnŋ	zębv
*kŋsnŋ	kysv
*mŋlknŋ	mlkv
*nikŋ	nikv
*svxnŋ, *svšjŋ	svxv
*čezŋ	ištezv
*topŋŋ	topv
*glŋbnŋ	glŋbv
*užasnŋ	užasv
*nižjŋ, *nbznŋ	nbzv
*svęđŋ	svęđv
*xrvŋŋ	xrvŋv

Между обычными для глаголов неподвижной акцентной парадигмы типами презенса – итеративным йотовым и инхоативным с суффиксом -n- – имеются многочисленные однокоренные пары, ср.: *běžŋ – *běgnŋ, *vŋčjŋ – *vŋknŋ, *dvŋžŋ – *dvŋgnŋ, *stŋžŋ – *stŋgnŋ, *tŋrŋžŋ – *tŋrŋgnŋ, *tvčjŋ – *tvkŋŋ, *dušjŋ – *dvxnŋ и т.п.

Пары с презенсом на -n- образуют также неподвижные *e/o*-презенсы: *pādŋ – *pādŋŋ, *tvkŋ – *tvkŋŋ.

Характерной особенностью неподвижных глаголов является их способность образовывать вторую основу на -a-, обычно скоррелированную с йотовым, но иногда и с *e/o*-презенсом: *tvkŋŋ/tvčjŋŋ – *tvkātŋ etc.

Тематические презенсы подвижной парадигмы лишь в редких случаях образуют итеративные пары с йотовым презенсом (параллельные n-презенсы в этих случаях всегда отсутствуют). Такие йотовые презенсы исконно имели, возможно, подвижную акцентную парадигму, но перешли в неподвижную по морфонологической аналогии (ср. ниже о глаголах с сонантными корнями, итеративные пары для которых сохраняют парадигму производящего глагола). Засвидетельствованы следующие итеративные пары к глаголам подвижной акцентной парадигмы: *męŋŋ – *metjŋŋ, *vŋkŋŋ – *velšjŋŋ, *svŋŋŋ – *šerpjŋŋ, *vęzŋŋ – *vežjŋŋ.

Другого рода случаи представлены следующими парами глаголов с тематическим презенсом подвижной акцентной парадигмы и n-презенсом неподвижной акцентной парадигмы: *bljūŋŋ – *bvđŋŋ, *vęzŋŋ – *vęznŋŋ, *sęŋŋŋ – *sęgnŋŋ. Пара *bljūŋŋŋ –

brodnŏ указывает на то, что здесь, скорее всего, представлен подтип глаголов подвижной парадигмы с полной огласовкой корня. В отличие от последних у глаголов подвижной парадигмы с нулевой огласовкой корня параллельные *n*-презенсы полностью отсутствуют. С другой стороны, в славянских языках отсутствуют глаголы с *e/o*-презенсом неподвижной акцентной парадигмы с полной ступенью огласовки в корне. Интерпретировать все эти факты можно двойным образом: либо в подтипе *bljūdŏ нейтрализовались *e/o*-презенсы обеих акцентных парадигм, либо здесь налицо только глаголы с исконной неподвижной акцентной парадигмой (вторично перешедшей в подвижную), а глаголов с такой огласовкой и подвижной акцентной парадигмой ранее не имелось вообще. Внешние данные подтверждают, видимо, второе предположение (см. с. 325).

1.5.2. Корни на сонант

Здесь представлены глаголы как подвижной, так и неподвижной парадигмы, причем различия в морфологическом оформлении презенса в данном случае отсутствуют.

1. Тип без второй основы на *-a-* (презенс на *-j-* либо на *e/o*):

а) Неподвижная акцентная парадигма: *žbr(j)ŏ, žbrti; tbr(j)ŏ, tbrti; žbn(j)ŏ, žbŕti; mŏnŏ, mĕti; dŏmŏ, dĕti; žpmŏ, žeti; jbmŏ, jĕti; -ŏbnŏ, -ĕti; meljŏ, mĕlŕti; peljŏ, pĕlŕti; borjŏ, bŏrŕti; poljŏ, pŏlŕti; porjŏ, pŏrŕti; koljŏ, kŏlŕti; bŕjŏ, bŕti; šŕjŏ, šŕti; -ĕjŏ, -ĕti; mŕjŏ, mŕti; brŕjŏ, brŕti; krŕjŏ, krŕti; rŕjŏ, rŕti (?); dŕjŏ, dŕti; -ŕjŏ, -ŕti; ĕjŏ, ĕti; nŕjŏ, nŕti.*

б) Подвижная акцентная парадигма: *žbrŏ, žertŕi; stŏrŏ, stertŕi; pŏrŏ, pertŕi; dŏrŏ, dertŕi; skvŏrŏ, skvertŕi; nŏrŏ, nertŕi; mŏrŏ, mertŕi; pŏnŏ, pĕti; tŏnŏ, tĕti; klŏnŏ, klĕti; vŏrŏ, vertŕi; lŕjŏ, lŕti; gnŕjŏ, gnŕti; vŕjŏ, vŕti; pŕjŏ, pŕti; vŕjŏ, vŕti; žŕvŏ, žŕti; žŕjŏ, žŕti; plŏvŏ, plutŕi; rĕvŏ/rŏvŏ, r(j)ŕti; slŏvŏ, slutŕi; trŏvŏ, trŕti; kŏvŏ, kŕti; snŏvŏ, snŕti; rŕvŏ, rŕti; byti (part. bylŕ); pŏjŏ, pĕti.*

2. Тип со второй основой на *-a-* (итеративы) (презенс на *-j-* и на *e/o*):

а) Неподвижная акцентная парадигма: *ser(j)ŏ, sŏrŕti; stenjŏ, stenŕti; jemjŏ, jĕmŕti; steljŏ, stŕlŕti; ženŏ, gnŕti; soljŏ, solŕti; prĕjŏ, prŕjŕti; pljŕjŏ, plvŕti; sŕjŏ, sŏvŕti; zŕjŏ, zŏjŕti.*

б) Подвижная акцентная парадигма: *žŏvŏ, žvŕti; žĕrŏ, žbrŕti; pĕrŏ, pŏrŕti; dĕrŏ, dŏvŕti; ĕĕrŏ, bŏrŕti; ŏr(j)ŏ, orŕti; kljŕjŏ, klvŕti; bljŕjŏ, blvŕti; trŕjŏ, trovŕti; snŕjŏ, snvŕti; rŕjŏ, rvŕti; lĕjŏ, lŏjŕti; smĕjŏ, smjŕti; žŏvŏ, žvŕti.*

Глаголы типа 2 часто являются итеративными парами к глаголам типа 1, причем акцентная парадигма не меняется, ср.:

а) Неподвижная парадигма:
ženŏ (gnŕti) - žŏnŏ (žĕti)
jemjŏ (jĕmŕti) - jbmŏ (jĕti)

б) Подвижная парадигма:

lĕjŏ (lŏjŕti) - lŕjŏ (lŕti)
dĕrŏ (dŏrŕti) - dŏrŏ (dertŕi)
pĕrŏ (pŏrŕti) - pŏrŏ (pertŕi)
trŕjŏ (trŕvŕti) - trŏvŏ (trŕti).

Интересно отметить тот факт, что корни на *-j-*, *-v* с *e/o*-презенсом могут иметь только подвижную парадигму (ср. *plŏvŏ, rĕvŏ, slŏvŏ, trŏvŏ, kŏvŏ, snŏvŏ, žŏvŏ, žvŕti* etc.). Это позволяет предположить, что исконные глаголы такого типа с неподвижной парадигмой получили вторичную подвижность акцента. Характерно, что инфинитивы подобных глаголов имеют двойную акцентуацию, ср. с одной стороны, *trŕti, kŕti*, с другой стороны - *plutŕi, slutŕi*. Первые имеют итеративные пары *trŕvŕti, kovŕti*, надежно удостоверяющие их принадлежность к подвижной акцентной парадигме; глаголы же *plutŕi, slutŕi* итеративных пар, к сожалению, не имеют (возможно, они показали бы сохранение исконной неподвижной парадигмы). Таким образом, накоренная акцентуация инфинитива глаголов *trŕti, kŕti* указывает на их исконную подвижную акцентную парадигму; накоренная акцентуация инфинитива глаголов *plutŕi, slutŕi* указывает на их исконную неподвижную акцентную парадигму. Такой вывод подтверждается и внешними данными (см. ниже).

Различие в морфологическом оформлении корней подвижной и неподвижной акцентных парадигм мы находим в образовании аориста: 1) глаголы неподвижной парадигмы образуют сигматическо-корневой аорист, причем корни с исходом на плавный получают в аористе нулевую ступень огласовки: *bŕjŏ - bi, *krŕjŏ - kry, **tbr(j)ŏ - tbr*, **žbr(j)ŏ - žbr*; 2) глаголы подвижной акцентной парадигмы образуют сигматическо-дентальный аорист, причем корни с исходом на плавный имеют в аористе полную ступень огласовки: *pŕjŏ - pŕto, *vŕjŏ - vŕto, *mŏrŏ - mrĕto, *pŏnŏ - pĕto.

В очень редких случаях от глаголов подвижной акцентной парадигмы также может образовываться сигматическо-корневой аорист, но при этом корни на плавный сохраняют полную ступень огласовки.

1.5.3. Корни на гласный („ларингальные“)

Данные глаголы могут иметь как подвижную, так и неподвижную акцентную парадигму. Зависимости морфологического оформления от типа акцентной парадигмы нет.

1. Неподвижная парадигма: *grĕjŏ; zrĕjŏ; sprĕjŏ; sĕjŏ; lŕjŏ; tŕjŏ; bŕjŏ; kŕjŏ; tĕjŏ; rĕjŏ; brĕjŏ.*

2. Подвижная парадигма: *blĕjŏ; dĕjŏ; dŕjŏ; ŏjŏ; trŕjŏ; mŕjŏ; gnŕjŏ; stŕjŏ.*

1.5.4. Выводы

Главным признаком двух парадигматических классов глаголов в славянском является акцентная парадигма (1-й класс - неподвижная, 2-й класс - подвижная). С акцентной парадигмой скоррелировано образование аориста, а именно: глаголы 1-го класса (неподвижная парадигма) образуют

тематический аорист, если имеют корень на шумный, и сигматическо-корневой аорист, если имеют корень на сонант; — глаголы 2-го класса (подвижная парадигма) образуют сигматический аорист, если имеют корень на шумный, и сигматическо-дентальный аорист, если имеют корень на сонант. Уже в праславянском данная система несколько модифицировалась: возникла вторичная подвижная акцентная парадигма у глаголов 1-го класса типа *bljūdǫ* (среди корней на шумный) и *plōvǫ* (среди корней на сонант); напротив, ряд итеративных глаголов с *j*-презенсом и корнем на шумный (типа *metjǫ*) получил вторичную неподвижную акцентную парадигму по аналогии с большинством *j*-овых глаголов. Большое распространение получил надпарадигматический аорист от основы на *-a-*.

1.6. Дополнительные парадигматические характеристики глагольных классов

Мы показали, что в большинстве групп индоевропейских языков непроезводные глаголы распадаются на два класса по своим парадигматическим, морфонологическим и акцентным характеристикам. Приводимый ниже материал доказывает, что это деление восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. При этом общеиндоевропейские глаголы 1-го класса отражаются как глаголы 1-го класса (1-й группы) в древнеиндийском, древнегреческом, латинском, балтийском и славянском; соответственно глаголы 2-го класса — как глаголы 2-го класса (2-й группы) в перечисленных языках.

Сравнение конкретных глагольных корней позволяет нам нескрлько дополнить список характеристик глаголов обоих классов во многих подгруппах индоевропейских языков: некоторые парадигматические характеристики, соотношенности которых с тем или иным классом при внутреннем анализе трудно обнаружить и обосновать, получают четкую квалификацию при внешнем сравнении. Перечислим эти дополнительные характеристики.

1.6.1. Древнегреческий язык

К 1-му индоевропейскому классу здесь восходят:

а) глаголы с корнями любого типа, образующие инфект на *-ave-* с носовым инфиксом (*πυ-ν-θάνω*, *λα-μ-βάνω* и т.п.), а также инфект на *-vū-* (*μῦγυῦμι*, *ἄνυμι*);

б) глаголы с корнями структуры CVC, образующие атематический инфект (без *ι*-редупликации), (*εἶμι*, *εἶμι*); инфект на *-ske-* без *ι*-редупликации (*πάσχω*); атематический (простой либо редупликационный) аорист (*ἔλεγμα*, *μῦκτο*); тематический (простой либо редупликационный) аорист (*ἔλιπον*, *τεταγών*);

в) глаголы с корнями структуры CV, образующие нередупликационный атематический инфект (*φημί*);

г) глаголы с корнями структуры CVCV и CV, образующие нередупликационный инфект на *-ske-* (*φάσχω*);

д) глаголы с корнями структуры CVCV, образующие инфект на *-ve-* (*πίνω*, *βάλλω* < **βάλλω*);

Ко 2-му индоевропейскому классу восходят:

а) глаголы с корнями структуры CVCV, образующие инфект на *-vā-* (*κίρνωμι*, *μάρναμαι*);

б) глаголы с корнями структуры CVCV и CV, образующие атематический инфект и инфект на *-ske-* с *ι*-редупликацией (*δίβωμι*, *πίμπρωμι*, *βιβρώσκω*).

1.6.2. Латинский язык

Выше было проведено независимое разбиение на два класса латинских корней с исходом на шумный и на сонант. Внешние данные показывают, что глагольные корни, не сокращающие гласного в формах на *-t-*, восходят к и.-е. 1-му классу, а корни, сокращающие гласный — к и.-е. 2-му классу. Таким образом, можно произвести объединение глаголов 1-го класса с корнями на шумный и на сонант, и глаголов 2-го класса с корнями на шумный и на сонант, что было затруднительно сделать на основании только латинских данных.

Далее, внешнее сравнение показывает, что латинские атематические глаголы восходят, как правило, к и.-е. 1-му классу.

1.6.3. Славянские языки

Здесь к 1-му и.-е. классу, по-видимому, восходят глаголы с чередованием инфинитивного суффикса *-ě-* /презентного суффикса *-i-* (типа *vbrtěti*, *vbrtišb*). Акцентная реконструкция в этой группе глаголов затруднительна из-за унификации акцента в большинстве славянских языков.

Внешние данные подтверждают предположения, сделанные выше, об исконной принадлежности к 1-му классу глаголов типа *bljūdǫ* и *plōvǫ* (см. выше) несмотря на подвижность их акцентной парадигмы.

1.6.4. Балтийские языки

К 1-му индоевропейскому классу, по-видимому, относятся балтийские глаголы на *-ēti* (типа лит. *magēti*, *māga*), несмотря на принадлежность их во многих случаях к подвижной акцентной парадигме (ср. о славянских глаголах на *-ēti* выше). Акцентная парадигма этих глаголов, должно быть, как в балтийском, так и в славянском подвергалась аналогической перестройке.

1.6.5. Германские языки

Германские данные выше не анализировались. Это связано с тем, что образование форм сильных глаголов там в основном подчинено фонетическим закономерностям (см. [15, с. 308-321]) и не дает оснований для какого-либо разбиения глагольных корней на классы.

В германских языках, однако, существует стоящий особняком класс претерито-презентных глаголов. Внешнее сравнение показывает, что такие глаголы, как правило, восхо-

дят к и.-е. глаголам 1-го класса (в то время как остальные глаголы могут восходить как к 1-му, так и ко 2-му и.-е. классам).

2. Ниже приводится материал, демонстрирующий разделение индоевропейских глаголов на два класса.

Приводятся лишь те формы, которые релевантны для установления принадлежности глагола к тому или иному парадигматическому классу. Презенс (в др.-гр. инфект) специально не обозначается. Славянская акцентная парадигма (А, В или С) указывается в круглых скобках. Также в круглых скобках указывается класс (1 или 2) древнегреческих корней структуры CVCV.

2.1. Класс 1

2.1.1. Корни с исходом на шумный согласный

1. *ag- 'гнать, вести': др.-инд. *ájati* (< *ajáti), аор. *ajus* (обычно считается формой перфекта, встречается 1 раз в RV); др.-гр. *ἄγ-*: аор. *ἤγαγον*; лат. перф. *ēgī*
2. *alk- 'жаждать': лит. *álksta*; слав. *ǎlvъr* (А)
3. *āp- 'достигать': др.-инд. *āpnóti* (AV), аор. *āpat*; лат. *co-epio*, перф. *coepī*
4. *aǵh- 'бояться, огорчаться': др.-гр. *ἄχυναι*; гот. (прет.-през.) *ōg*
5. *bheid- 'расщеплять': др.-инд. *bhinátti*, аор. *ábhet*, *bhīdeyam* (AV); лат. *findō*, перф. *fidī*
6. *bhēgñ- 'бежать': лит. кауз. *bōginti*; слав. *bežáti*, *běžito*; *běžjъ* (А)/*běgnъ* (А), аор. *běgo*
7. *bhergh- 'беречь; усиливать': др.-инд. *bṛhati* (AV); слав. *beŕgъ* (С) (1-й класс устанавливается исходя из полной ступени огласовки в корне)
8. *bheudh- 'бодрствовать': др.-инд. *búdhyate* (при вторичном *bódhati*), аор. *ábudhran*, *ábhutsi*; др.-гр. *πευθ-*: *πυθάνω*, аор. *ἔλυθόμην*; лит. *buĩda*; *buĩdžia*; слав. *bljũdъ* (С) (1-й класс устанавливается исходя из полной ступени огласовки в корне; вторичен (обусловлен акцентной парадигмой); аор. *bljusъ*
9. *bheug- 'бежать, избегать': др.-гр. *φευγ-*: *φυγάνω*, аор. *ἔφυγον*; лат. *fugio*, перф. *fūgī*; лит. (диал.) *bugsta*
10. *bheug- 'вкушать, пользоваться': др.-инд. *bhuñkte*, *bhunákti*, аор. *bhójate*, *bhujema*; лат. *fungor* (презентный инфикс *n* распространен на всю парадигму)
11. *bheugh-/*gheubh- 'гнать': др.-инд. *bhujáti*; лит. *gaĩbia*; *gũba*; слав. *gъbnъ* (В), аор. *gъbo*
12. *dā(n)k- 'кусать': др.-инд. *dāgati* (< *dāṅkēti); др.-гр. *δακε-* (1): *δακνω*, аор. *ἔδονξα*, перф. *δεδονχα*
13. *deik- 'показывать': др.-инд. *digati*, аор. *adikṣi*; др.-гр. *δεικμε-* (1): *δεικνυμι*, аор. *ἔδειξανην*, перф. *δέδεικχα*; лат. перф. *didicī* (при вторичном *dīxi*); лит. *teĩgia*
14. *derk- 'смотреть': др.-инд. аор. *dārgat*, *ádrgan*, *adrkṣata*; гр. *δερκε-* (1): перф. *δεβорка*

15. *dyēs- 'дышать': лит. *dvėšia*, (вост.-лит.) *dyšū*, кауз. *dvėšinti*; слав. *dušъ* (В), *дохнъ* (В)
16. *dheugh- 'попадать, достигать': др.-гр. *τυγχάνω*; гот. (прет.-през.) *daug*
17. *dherǵh- 'укреплять, держать': др.-инд. *dṛñhati* (с неясным ударением), *dṛñhantam* (AV), *dṛñya*, лит. *dīršta*; слав. *drъžъ (В); *drъžati*, *drъžito*
18. *dheigh- 'мазать, лепить; строить': др.-инд. *degdhi*, *adihan*; др.-гр. *θει-*: *θειγάνω*, аор. *ἔθειγον*; лат. *fungō* (*fictus*); лит. *žiēdžia*; слав. *zidjъ* (В)
19. *dhers- 'сметь, отваживаться': др.-инд. *dhr̥ṣṇóti*, *dhr̥ṣant*, аор. *dhr̥ṣámāna*; гот. (прет.-през.) *ga-dars*; лит. *dr̥īsta*
20. *ed- 'есть': др.-инд. *átti*, *adāná*; гр. *εδ-*: *ἔδμεναί*; лат. перф. *ēdī* (ср. еще атематические формы *ēsse*, *ēst*); ст.-лит. (атем.) *ēst*, (PD); слав. (атем.) *jědmъ*
21. *eik- 'владеть': др.-инд. *iṣte*, *iṣe* (при вторичном *iṣate*); гот. (прет.-през.) *aih*
22. *es- 'быть': др.-инд. *ásti*; гр. *ἔστι*; лат. (атем.) *sum*, *est*, *esse*; гот. (атем.) *im*; ст.-лит. (атем.) *esti*; слав. (атем.) *jesmъ*
23. *ēs- 'сидеть': др.-инд. *āste*, *āsāná*; др.-гр. *ἦμαι* (*ἦσ-μαι)
24. *eugh- 'обдумывать; обещать': др.-инд. *ohate* (3 pl.), *ohāná* (при вторичном *ohate* 3 sg.); др.-гр. *εὐχε-* (1): перф. *πύμαί*, ном. аст. *εὐμα*
25. *euk- 'нравиться; привыкать': др.-инд. *yojati*; лит. *junksta*, кауз. *jaukinti*; слав. *vyъr* (А), *vykнъ* (А), аор. *vyko*
26. *geus- 'пробовать, вкушать': др.-инд. *juṣáte*, аор. *ájusran*, *jóṣat*; др.-гр. *γευσ-*: *γεύμεθα* (< *γευσ-με-θα)
27. *gues- 'гаснуть': др.-инд. *jasyata* (при вторичном *jásamāna* < *jasámāna) лит. *gēsta*; слав. *gāsъ* (А), аор. *gasъ*.
Др.-гр. *σβέννυμι* (корень *σβεσ-* либо *σβεσV-*) неясно фонетически.
28. *ghembh- 'прорасти; прокалывать': др.-инд. *jábhate* (< *jabhate* < *ghmbhétai) (при вторичном *jambhate*); лит. *žembia*; слав. *zěbъ* (А), *zěbnъ* (А), аор. *zěbo*
29. *gñhedh- 'стремиться, желать': лит. *pasí-geĩda*; слав. *žědjъ* (А)
30. *jeug- 'связывать': др.-инд. *yunákti*, *yujé*, аор. *yojam*, *yujāna*, *yujanta*, *ayukṣi*; др.-гр. *ζεύνυμι*; лат. *jungō* (презентный инфикс *n* распространен на всю парадигму)
31. *jōs- 'подполсывать (ся)': др.-гр. *ζωσ-*: *ζώννυμι*; ст.-лит. (атем.) *juosmi*; слав. *jāsъ* (А)
32. *kad- 'падать': др.-инд. аор. *aḡadat* (поздний); лат. перф. *cecīdī*
33. *(s)kaid- 'разбивать, раздирать': др.-инд. *khidáti*; лат. перф. *cecīdī*
34. *kak- 'мочь, быть способным': др.-инд. *ḡaknóti*, аор. *ḡaktam*, *aḡakat*; лит. *kaĩka*

35. *kap- 'брать, хватать': лат. *capio*, перф. *cēpī*; лтш. *kāmpiu*
36. *k/a/rs- 'тащить, пахать': др.-инд. *kṛṣāti* (при вторичном *kārṣati*), аор. *akṛṣat* (Brahm.); лит. *kaṛšia*
37. *k/a/rk- 'быть худым, изможденным': др.-инд. *kṛṣyati*, аор. *akṛṣat* (поздний); лит. *kāršta*
38. *kl/a/g- 'кричать': др.-гр. *κλαγγάνω*; лит. инф. *kle-gėti*
39. *kleik- 'кричать, звучать': лит. *klīnka*; слав. *klī-žę* (A)
40. *leiḡh- 'лизать': др.-инд. *rédhi*, *rihāná*; *leḡhi* (Brahm.), *lihati* (Ер.), аор. *alīkṣat* (Sutr.); лат. *lingō* (презентный инфикс *n* распространен на всю парадигму); лит. *ližšia*; слав. *ližq* (B)
41. *leik- 'оставлять': др.-инд. *riṅakti*, аор. *riktam*, *arīkṣi*, *arīcat* (поздний), др.-гр. *λιμπάνω*; лат. *linquō*, перф. *līquī*; ст.-лит. (атем.) *liekt* (PD); лит. *liēka* (ударение не переносится на приставку)
42. *leip- 'прилипать, мазать': др.-инд. *līpāti* (AV); аор. *alīpsata*, *alīpat* (поздний); лит. *līpra*, кауз. *līpinti*; слав. *lōpnq* (B)
43. *legh- 'лежать': др.-гр. *λεγε*: аор. *ἐλέγημι*; слав. *lēge* (A), аор. *lego*
44. *(s)leizdh- 'скользить': др.-инд. аор. *spīdhat* (при вторичном през. *srédhati*); др.-гр. *ὀλισθαίνω* (*ὀλισσ-θάνω); лит. *slīsta*
45. *leug- 'разрушать, ломать': др.-инд. *rujāti*, аор. *rok*; лит. *laužia*; *lūžta*
46. *leugh- 'лгать': лтш. *lūdzū* (*lugiō); слав. *lvžq* (B)
47. *m/a/gh- 'быть большим; одаривать; мочь': др.-инд. *mahe* (*mṅghai) (при вторичном *mānhate*); гот. (прет.-през.) *mag*; лит. инф. *magėti*; слав. *mogę* (B), аор. *mogo*
48. *meik- 'мешать': др.-гр. *μειγνύμι/μείγνυμι*; лит. *miēšia*; *mīsta*
49. *meld- 'быть милостивым; молить(ся)': др.-инд. *mṛḍāti*; лит. *meldžia*
50. *ment(h)- 'помешивать': др.-инд. *mṛthnāti*, *māthati* (AV) (< *mṛthēti) (при вторичном *mānthati*); лит. *meñšia*
- Др.-инд. производное *manthā*, однако, указывает скорее на исконный 2-й класс. Слав. *mětq* (C), аор. *meso* может указывать как на и.-е. 1-й, так и на 2-й класс (поскольку неизвестно, нулевая или полная ступень огласовки в корне).
51. *mers- 'быть невнимательным, забывать': др.-инд. *mṛṣyate*, аор. *mṛṣthās*, *mṛṣanta*; лит. *-miršta*
52. *meuk- 'испускать, освобождать': др.-инд. *miñcāti*, *micānti*, аор. *āmok*, *āmīcat*, *āmīkṣi*, лат. *ē-mungō* (презентный носовой инфикс распространен на всю парадигму); лит. *maūkia*; *miūka*; слав. *mýčq* (A)
53. *morg- 'тереть, вытирать': др.-инд. *mārṣti*, *mṛnjata*; *mṛjati* (AV); аор. *amṛkṣat*; др.-гр. *διόρρνυμι*
54. *neik- 'проникать': лит. *niūka*, кауз. *naikinti*; слав. *nīknq* (A), *nīčq* (A), аор. *niko*

55. *next- 'прыгать, танцевать': др.-инд. *nṛtyati*; лит. *neñcia*
56. *og- 'мазать': др.-инд. *anākti*, лат. *unguō* (носовой инфикс распространен на всю парадигму)
57. *p/e/d- 'падать; идти, двигаться': др.-инд. *pādyaate*, аор. *apadran*, *apatsi*; слав. *padō* (A), аор. *padō*
58. *pāḡ- 'закреплять': др.-гр. *πῆγνυμι*; лат. *rangō*, перф. *perigī/pēgī* (при вторичном *pānxi*)
59. *peik- 'красить': др.-инд. *piñcāti*, аор. *piṣāná*; лат. *pingō* (вторичен перфект *pinxi*, ср. прич. *pic-tus*); слав. *pišq* (B)
60. *peis- 'толочь': др.-инд. *pināṣti*, аор. *apiṣtām* (поздний); лат. *pīnso* (вторичен перфект *pīnsi*, ср. прич. *pīstus*); слав. *pišq* (B)
61. *pezd- 'pedere': лат. перф. *perēdī*; лит. инф. *bezdėti*; слав. *bzdėti*, *bzditi*
62. *r/a/dh- 'достигать, преуспевать': др.-инд. *rādhyate* (AV), аор. *rādhat* (при вторичном аор. *arātsīt* (AV)); лит. *rañda*
63. *reik- 'разрушать, разрывать': др.-инд. *riḡate*; лит. *riēkia*
64. *reug- 'рыгать, блевать': др.-гр. *ῥευγάνω*; лит. *raugia*, *rūgsta*, кауз. *rauginti*, ст.-лит. (атем.) *raugmi*.
- Вторичен поздний лат. перфект *ē-rūxi*.
65. *reup- 'ломать': др.-инд. *lumpāti* (AV), *rupyati* (Brahm.); лат. *rumpō*, перф. *rupī*
66. *seik- 'лить, выливать': др.-инд. *siñcāti*, аор. *asīcat*; слав. *svcāti*, *svciti*
67. *s/a/us- 'сохнуть, сушить': др.-инд. *śūṣyati*; лит. *šūsta*; слав. *svxnq* (B), аор. *svxo*
68. *skeid- 'разрывать, разделять': др.-инд. *chinātti*, аор. *chedma*, *achidat*, *chitsi* (AV); лат. *scindō*, перф. *scicidī/scidī*
69. *sk/ā/k- 'скакать, прыгать': лит. кауз. *šōkinti*; слав. *skāčq* (B)
70. *skeubh- 'дергать, рвать': лит. *pa-skūmba*; слав. *skūbq* (C) (принадлежность к 1-му классу определяется по полной ступени огласовки корня)
71. *sneig- 'идти (о снеге)': др.-инд. *snīhyati* (Ер.); лат. *ninguit*; лит. *snīnga*; (атем.) *sniegti*; ст.-лит. (атем.) *sniegti*
72. *streig- 'сдирать, касаться; стричь': лат. *stringo* (с вторичным перфектом *strīnxi*, ср. прич. *strictus*); слав. *strīgg* (C) (принадлежность к 1-му классу определяется по полной ступени огласовки корня)
73. *steigh- 'шагать; подниматься, достигать': др.-инд. *stighnōti*; лтш. *steidzu* (*steighiō); слав. *stignq* (A), *stižq* (A)
74. *s(t)ergh- 'стеречь': ст.-лит. (атем.) *sergti*; слав. *steṛgq* (C) (принадлежность к 1-му классу определяется по полной ступени огласовки корня)
75. *suep- 'спать': др.-инд. *svāpiti*; *svāptu* (AV) (при вторичном *svāpati*); слав. *svpjq* (B), аор. *svpo*

76. *tens- 'трясти; тянуть': др.-инд. аор. *átasat* (AV) (< *é-tñset, ср. *átatañsatam*) (при вторичном позднем през. *tāñsati*); лит. *tēsia*; *tēsta*
77. *tergh- 'разрывать; дробить': др.-инд. *tr̥ṇedhi*, аор. *atr̥ṇam* (AV); слав. *tbr̥žq* (A), *tbr̥gnq* (A)
78. *tērp- 'насыщать(ся); удовлетворять(ся)': др.-инд. *tr̥ṇōti*, *tr̥ṇpāti*, *tr̥ṇyati*, аор. *ātṛpat*; гот. (прет.-през.) *þarf*; лит. *tārpsta*
79. *teud- 'бить, ударять': др.-инд. *tudāti*, *tundānā* (AV); лат. *tundō*, перф. *tutudī*
80. *weldh- 'владеть': ст.-лит. атем. *ap-wītst* (PD); слав. *volǫdъ* (C) (принадлежность к 1-му классу определяется по полной ступени огласовки корня)
81. *weid- 'видеть; знать': др.-инд. *vetti*, *vidati*, *vin-dāti*, аор. *ávidat*, *avitsi*; др.-гр. *εἶδε* (1) : перф. *οἶδα*, аор. *εἶσα*; лат. перф. *vīdī*; гот. (прет.-през.) *wait*; лит. *vīsta*; ст.-лит. (атем.) *vėizdmi*; слав. *vīdeti*, *vīditō*; *vėdmō*
82. *weik- 'входить, достигать': др.-инд. *viṣāti*, аор. *áviṣran*, *ávikṣmahi*; др.-гр. *ἤεικε* (1): аор. *ἔκτο*, *ἔξο*; лат. *vincō*, перф. *vīcī*; лит. *veĩkia*
83. *werg- 'поворачивать; толкать; притеснять, прижимать': др.-инд. *vṛṇákti*, аор. *vark*, *ávṛkta*, *avṛkṣmahi*, *avṛk-ṣat*; др.-гр. *εἰργυνμι* (*εἰεργυνμι); слав. *vbr̥gъ* (A), аор. *ubrgv*
- Вторичен поздний лат. перф. *versī*.
84. *wert- 'вертеть': др.-инд. *vavartti*, *vartti* (при вторичном *vartate*); аор. *avart*, *avrtat* (AV), *avrtsata*; лат. перф. *vertī*; лит. *veĩčia*; *vīrsta*; слав. *vbr̥tē-tī*, *vbr̥tītō*
85. *wes- 'одевать, носить (одежду)': др.-инд. *váste*; *uśānā*, *uśāntāna* (RV) (при более позднем *vāsāna*); др.-гр. *ἐννυμι* (*εἶσο-ννυμι)
86. *wre(i)ǵ- 'резать, ломать': др.-гр. *ῥήγνυμι*; слав. *rǫžъ* (A); лит. *rieĩžia*
87. *teks- 'тесать': др.-инд. *tákṣati* (3 pl.) (при вторичном *tákṣati* 3 sg.); слав. *tesъ* (B)

2.1.2. Корни с исходом на сонант

88. *ai- 'брать, хватать; принуждать': др.-инд. *inóti*; др.-гр. *αἵνυμαι*
89. *bhor- 'бить, ударять; бороться': лтш. *baĩt*; слав. *borjъ* (B)
90. *dheu- 'дуть': др.-инд. *dhūnóti*, аор. *adhūṣta*; лат. суп. (*zuf*)-*fūtum*; слав. *dūjъ* (A)
91. *ei- 'идти': др.-инд. *éti*; др.-гр. *εἶμι*; ст.-лит. (атем.) *eĩmī*; лтш. (зап.) *iēit*
92. *em- 'брать, хватать': лат. перф. *ēmtī*; слав. *jemъ* (B), *emjъ* (B); лтш. (диал.) *jemt*
93. *gem- 'жать; быть нагруженным': др.-гр. аор. *γέντο* (от корня *γεμ- либо *γεμε- (1)); слав. *žvmpъ* (B)
94. *gen- 'рождать': др.-инд. аор. *ajan* (Sutr.). На принадлежность данного глагола к 1-му классу указывает производное *jāna* 'человек, народ'; аор. *ajaniṣ-*

- ta*, по-видимому, вторичен. Др.-гр. *γενε-* (1) : аор. *ἔγενονην*, перф. *γένουα*
95. *ger- 'хвалить, прославлять': др.-инд. аор. *gūrta* (нерегулярен през. *gṛṇāti* наряду с нормальным *gurá-te*); лтш. *dziĩrt*; слав. *žvr̥q* (A)
96. *gʰem- 'идти, приходиться': др.-инд. *gáchatī*, аор. *ágan*, *gamét*, *agasmahi*; лат. перф. *vēnt*
97. *gʰhen- 'бить': др.-инд. аор. *ahaṇat* (Brahm.); praes. *hánti*; др.-гр. *θεν-*: аор. *ἔθενον*, *ἔκτενον*; слав. *žvr̥q* (B), *ženq* (B)
98. *kʰeu-/*kʰey- 'двигать': др.-инд. аор. *acyoṣta*; др.-гр. аор. *ἔσοεα*, *ἔσουτο*; лтш. *saĩt*; слав. *sūjъ* (A)
99. *kel- 'колоть': лат. перф. (*per*)*culī*; лтш. *kaĩt*; *kuĩt*; слав. *koljъ* (A)
100. *kʰen- 'ранить, убивать': др.-инд. *kṣaṇóti*, аор. *akṣata* (поздний), *kṣaṇiṣthās* (AV); др.-гр. *κτεν-* : аор. *ἐκτανον*, *ἐκταν* (3 pl.)
101. *kam- 'работать до усталости, трудиться; быть спокойным': др.-инд. аор. *aṣamat* (Brahm.), *aṣamiṣthās*; др.-гр. *κάρνω* (вторична модификация корня в перф. *κέρνωκα*)
102. *kēx- 'лежать': др.-инд. *śéte*; др.-гр. *κλυ-* : *κλυμαι*
103. *kleu- 'слышать; слыть': др.-инд. *gr̥ṇóti*, аор. *ágr̥rot*; др.-гр. *κλεφε-* (1): аор. *ἔκλυον*; слав. *slouq* (C), *sluti* (о вторичности подвижной парадигмы у глаголов такого типа см. с. 323)
104. *kʰeǵ- 'платить': др.-инд. *cinóti*, аор. *acet* (аор. *cayīṣtam* нужно считать вторичным); др.-гр. *τίνυμαι*
105. *kʰer- 'делать(ся)': др.-инд. *kr̥ṇóti*, аор. *ákar*, *akarāt*; лтш. *kuĩt*
106. *kreu- 'крыть': лтш. *kraĩt*; слав. *krūjъ* (A)
107. *leu- 'резать, разрезать; отделять': др.-инд. *lunó-ti* (но есть также форма *lunāti*); лат. прич. *-lūtus*; лтш. *ļaiūt*
108. *men- 'мять': лтш. *mĩt*; слав. *mōnъ* (A)
109. *men- 'думать, помнить': др.-инд. *manuté*, аор. *amata*, *amañsta*, *māñsate*; лат. перф. *meminī*; гот. (прет.-през.) *man*
110. *mel- 'молоть': лтш. *maĩt*; слав. *meljъ* (A)
111. *or- 'двигать, поднимать': др.-инд. *raḥati*, *ṛṇóti*, аор. *ār̥ta*, *ārat*; др.-гр. *ορε-* (1): *ορνυμι*, аор. *ορτο*
112. *pel- 'толкать, качать': др.-гр. *παλ-*: аор. *πάλτο*, *πέκαλον*; лат. перф. *perulī*; слав. *poljъ* (A)
113. *(s)ptieu- 'плевать': лат. прич. *spūtus*; лтш. *spļa-ūt*; слав. *pljūjъ* (A)
114. *pleu- 'плыть': др.-инд. аор. *aploṣta*; лат. прич. *plūtus*; слав. *plouq* (C), *pluti* (подвижная парадигма в данном случае указывает на класс 1, см. с. 323)
115. *pster- 'чихать': др.-гр. *πταρνυμαι*, аор. *ἐπταρον*; лат. *sternuo*, перф. *sterī*
116. *sen- 'совершать, достигать': др.-инд. *sanóti*, аор. *asanam*, *sāniṣanta* (при вторичном *asāniṣam*); др.-гр. *γενε-* (1) : *ἀνώω*, гот. *ānw* < *ānw (формы предполагают незасвидетельствованный инфект *ānwī < *synwī-)

117. *sieu- 'шить': лат. прич. *sūtus*; лтш. *šūt*; слав. *šiti* (A)
118. *stel- 'стлать': др.-инд. *strnoti*, аор. *ástar*; слав. *steljǫ* (B)
119. *ten- 'тянуть': др.-инд. *tanóti*, аор. *átan*, *átata*, *atanát*; др.-гр. *τάνωται*
120. *ter- 'тереть': др.-гр. *τόρνυμι*, аор. *ἔτορον*; слав. *tvr(j)ǫ* (A)

Принадлежность данного корня к 1-му классу, возможно, подтверждают и суффиксальные образования:

- лат. прич. *trītus*, лтш. *trīt* (= лит. *trinti*).
121. *uel- 'хотеть; выбирать': др.-инд. аор. *avṛta*, *avṛṣi* (при нерегулярном през. *vrñité*); лат. атем. *vult*, *velle*; ст.-лит. атем. *-velli*; лтш. *vilt*
122. *reu- 'рыть': лат. прич. *rūtus* (в выражении *rūta et caesa* 'вырытое и срубленное'); слав. *ryjǫ (A).
- Вариант *ryjǫ (C), также представленный в слав., представляет собой результат контаминации с *ryjǫ (см. 4).
123. *gen- 'знать': гот. (прет.-през.) *kann*; лтш. *-žīt*.
- Более распространенный вариант данного корня **gnō-* относится ко 2-му классу, см. ниже.

2.1.3. Корни с исходом на гласный (ларингал)

124. *bhā- 'говорить': др.-гр. *φημί*; лат. прич. *fātus*; слав. *bājǫ* (A)
125. *ghīā- 'зевать, зиять': лат. прич. *hiātus*; слав. *žejǫ* (A)
126. *lā- 'лаять': др.-инд. *vāyati*; лтш. *lāt*; слав. *lājǫ* (A)
127. *spē- 'тучнеть, спеть, поспевать': др.-инд. *sphāyate*; лтш. *spēt*; слав. *spějǫ* (A)
128. *trā- 'спасать': др.-инд. *trāyate*, аор. *trāsate*; лат. прич. *-trātus*
129. *yē- 'веять': др.-инд. *vāyati*; др.-гр. *ἄημι* (*ἄφημι); слав. *vějo* (A)
130. *snē- 'ткать': лат. прич. *nētus*; др.-гр. *νῆμι (прет. инф. *ἔννῆν*)

2.2. Класс 2

2.2.1. Корни с исходом на шумный согласный

1. *dhegh- 'жечь': др.-инд. *dāhati*, *dhāksi*, аор. *adhāk*, *adhākṣīt*; лит. *dėgti*, *dėga*; слав. *žegǫ* (C), аор. *žaxo*
2. *eus- 'жечь': др.-инд. *ósati*; лат. перф. *ussī*
3. *gēbh- 'futuere': др.-инд. *yābhati* (AV); слав. *žebǫ* (C)
4. *kerp- 'срезать, срывать': лат. перф. *carpsī*; лит. *kiūpti*, *kepra*; слав. *čerpǫ* (C) (вторичен итератив *čerpjǫ* B)
5. *jeudh- 'бороться; приказывать': др.-инд. *yódhati* (AV), *yotsi* (вторичным нужно признать през. *yādhyate*); лат. перф. *iussī*

6. *keit- 'знать, воспринимать': др.-инд. *cétati*, аор. *cítāna*, *acāit*; слав. *čětǫ* (C)
7. *leuk- 'светить': др.-инд. *rócate*; аор. *rucāná*; лат. перф. *lūxī*
8. *melǧ- 'дойти': лат. перф. *mulsi*; лит. *milžti*, *mélža* (вторична парадигма: *mélžti*, *mélžia*); слав. *mьlǫ* (C)
9. *met- 'мести, бросать; жать': лат. перф. *messuī* (*messī); лит. *mėsti*, *mėta*; слав. *mětǫ* (C) (вторичен итератив *metjǫ* B)
10. *mezg- 'мыть, окунать': лат. перф. *mersī*; др.-инд. *mājati*; лит. *mėgzati*, *mėzga*
11. *pekū- 'печь': др.-инд. *pacati*, аор. *pákṣat*; лат. перф. *coxī*; лит. *kėpti*, *kėpa*; слав. *pěkǫ* (C)
12. *plekt- 'плести': лат. перф. *plexī*; слав. *plětǫ* (C)
13. *rad- 'резать; рыть': др.-инд. *rādati*, *rātsi*; лат. перф. *rāsī*
14. *s/a/p- 'следовать, служить': др.-инд. *sāpati*; др.-гр. *ἠελε-* (2): аор. *ἠελε-*
15. *seǧh- 'завладевать, иметь': др.-инд. *sāhate*, *sakṣi*, аор. *sahāná*, *sakṣat*; др.-гр. *ἠελε-* (2): *ἰσχω*, аор. *ἔσχω*
16. *sekū- 'следовать': др.-инд. *zācate*, аор. *sacāná*, *sakṣat*; др.-гр. *ἠελε-* (2): аор. *ἔσπομην*; лит. *sėkti*, *sėka*
17. *serbh- 'пить, хлебать': лат. перф. *sorpsī*; слав. *svǫbǫ* (C)
18. *seup- 'сыпать': лит. *sūpti*, *sūpa*; слав. *svǫpǫ* (C)
19. *skreibh- 'скрести, царапать': лат. перф. *scrīpsī*; слав. *skrǫbǫ* (C)
20. *tep- 'бить, мазать': лит. *tėpti*, *tėpa*; слав. *těpǫ* (C)
21. *tres- 'трясти(сь)': др.-инд. *trāsati*; слав. *trěsq* (C), аор. 3 pl. *trēsę*
22. *uedh- 'вести': лит. *vėsti*, *vėda*; слав. *vědǫ* (C), аор. *věsv*
23. *ueǧh- 'везти': др.-инд. *vāhati*, *vakṣi*, аор. *āvāt*, *vākṣat*, *āvākṣīt*; лат. перф. *vexī*; лит. *vėžti*, *vėža*; слав. *vězǫ* (C), аор. *věsv*
24. *uelk- 'волочить, тащить': лит. *vilkti*, *veika*; слав. *vělkǫ* (C) (*vělkǫ* вместо *vьlkǫ, ср. сохранившее нулевую ступень огласовки ст.-сл. причастие *vьlkv*). Ср. также авест. *fra-varčaiti*; в др.-инд. ему соответствовал бы през. *pra-vārcati.
25. *serp- 'ползти': др.-инд. *sārpati*; лат. перф. *serpsī*

2.2.2. Корни с исходом на сонант

26. *ar- 'пахать': др.-гр. *ἄρο-* (2): аор. *ἤροσα*, ном. акт. *ἄρομα*; лтш. *art*; слав. *orǫ* (C)
27. *bher- 'нести; брать': др.-инд. аор. *abhār*, *bharṣat*; др.-гр. *φερε-* (2): *πύρρον*, аор. *-ἔρρον*; слав. *berǫ* (C)
28. *bheu- 'расти, быть': др.-инд. аор. *ábhūt*, *ábhuvat*; лат. прич. *futūrus*; лтш. *būt*; слав. прич. *bǫlv* (C)

29. *bhleu- 'переполняться; лить; болтать': лат. перф. *flūxī*; лтш. *blāūt*; слав. *bljūję* (C)
30. *der- 'драть, раздирать': др.-инд. *dr̥nāti* (Brahm.), аор. *dārṣat*; слав. *děrq* (C), *děrq* (C)
31. *gheiy- 'жить': др.-инд. аор. *ajīvīt*; лат. перф. *vīxī*; др.-гр. βειο- (2): аор. ερωσαην; лтш. *dzīt*; слав. *živę* (C)
32. *gker- 'глотать, пожирать': др.-инд. *gr̥nāti*, аор. *gārīt*; др.-гр. βορε- (2): βιβρώσκω, аор. έβρων; лтш. *dzeīt*; слав. *žbrę* (C)
33. *gheu- 'звать': др.-инд. аор. *áhūmahi*, *áhvat*; слав. *zōvę* (C)
34. *ker- 'мешать; рассыпать': др.-инд. аор. *kārīṣat*; др.-гр. κερα- (2): κίρνημι, аор. κήρησα
35. *keu- 'ковать': лтш. *kaūt*; слав. *kōvę* (C), *kūję* (C)
36. *ker- 'резать, отделять': др.-инд. *gr̥nāti*, аор. *agrārīt*, *agrārīt* (AV); лтш. *aižkaūt*
37. *kkel- 'крутиться, вращаться': др.-инд. аор. *acārīt*; др.-гр. κελα- (2): κίλναμαι, аор. έκλον, κλήτο; лтш. *celt*
38. *leḡ- 'лить, течь': др.-инд. *riṇāti*; лтш. *liēt*; *līt*; слав. *lěję* (C); *lōję* (C)
39. *m/a/r- 'разрушать; сражаться': др.-инд. *mṛṇāhi*; др.-гр. μάραμαι
40. *ner- 'нырять': лтш. *nīrt* (Drusti); слав. *nbrę* (C)
41. *pel- 'наполнять(ся)': др.-инд. *pr̥nāti*; др.-гр. π(ε)λε- (2): πί(μ)πλημι, аор. έπλήτο. Производный корень *plē- также, по-видимому, относится ко 2-му классу (ср. др.-инд. аор. *aprās*); лат. прич. *plētus* (вместо ожидаемого *pletus) - видимо, результат выравнивания по аналогии с *plēnus* 'полный'
42. *pen- 'натягивать, плести': лтш. *pīt*; слав. *pěnję* (C)
43. *per- 'проходить, переправляться': др.-инд. аор. *parṣat*, *pārīṣat*; слав. *pěrq* (C)
44. *reu- 'рвать, разрушать': др.-инд. аор. *rāvīṣam*; лат. прич. *rutus*; слав. *rōvę* (C), *rūję* (C); лтш. *raūt*. Этот корень следует отличать от *reḡ- 'рыть' (см. с. 332), поскольку они противопоставлены как фонетически, так и семантически в латыни и в славянском.
45. *smeḡ- 'смеяться': др.-инд. *smāyate* (не очень доказательная форма, поскольку отсутствуют формы аориста); лтш. *smiēt*; слав. *směję* (C)
46. *srey- 'течь': др.-инд. аор. *asrāvīs* (Brahm.); др.-гр. ρεφε- (2): аор. έρβύονν, έρβύονσα
47. *ster- 'простира́ть': др.-инд. *str̥nāti*, аор. *astarīs* (AV); др.-гр. στορε- (2): аор. έστρωσα, перф. έστρωμαι; слав. *stbrę* (C)
48. *ten- 'бить, рубить': лтш. *tīt*; слав. *tōnję* (C)
49. *veḡ- 'вить': др.-инд. аор. *avyat* (по типу = *abhvat*, *ahvat*); лтш. *vīt*; слав. *vōję* (C)
50. *vel- 'валить; теснить': др.-гр. Феλε- (2): аор. έάληνν (*εγάληνν); лтш. *velt*
51. *reḡ- 'реветь': др.-инд. аор. *ārāvīt*; слав. *rěvę* (C)

52. *uer- 'кипеть': лтш. *viāt*; слав. *vbrę* (C)
53. *pō(i)- 'пить': др.-инд. аор. *apāt*, *pāsta*, praes. *pībati*; др.-гр. πιῖωμι; слав. *pīję* (C)
- Долгота в лат. прич. *pōtus*, по-видимому, обусловлена невозможностью сокращения и.-е. долгого дифтонга.

2.2.3. Корни с исходом на гласный („ларингал“)

54. *dō- 'давать': др.-инд. *dādāmi*, аор. *ādāt*, *dāsat*; др.-гр. δωη-: εἰδωμι, аор. εδωκα, лат. прич. *datus*; лтш. *duōt*; слав. *dāję* (C)
55. *drā- 'бежать, убежать': др.-инд. аор. *drāsat*; др.-гр. δρᾱ-: διδρασκω
56. *dhe- 'класть': др.-инд. *dādāmi*, аор. *ādāt*, *dhāsus*; др.-гр. θηη-: τίθημι; лтш. *dēt*; слав. *děję* (C)
57. *gā- 'идти': др.-инд. *jīgāti*, аор. *ágāt*; др.-гр. βα-: βίβημι
58. *ghā- 'достигать; покидать' др.-инд. *jáhāti*, аор. *ahāt* (Brahm.), *ahās*, *hāsiṣam*; др.-гр. χα-: κίχημι
59. *jā- 'идти': др.-инд. аор. *ayāsam*, *ayāsiṣam*; лтш. *jāt*
60. *stā- 'стоять': др.-инд. през. *tīsthāti*, аор. *ásthāt*; др.-гр. στα-: ἵστημι; лат. прич. *status*; лтш. *stāt*; слав. *stāję* (C) (старая подвижная парадигма сохраняется в приставочных образованиях; в бесприставочной форме налицо вторичная неподвижная акцентная парадигма).
61. *gnō- 'знать': др.-инд. *jānāti*, аор. *ājñāsam*, *ajñāsiṣam*; др.-гр. γνω-: γινώσκω; лат. *nota* с краткостью (в форме прич. *nōtum* - позднее выравнивание долготы по *nōscō*); лтш. *zināt*; слав. *znāję* (C) (как и в случае со *stajo*, старая подвижная акцентная парадигма лучше сохраняется в приставочных формах).
62. *mā- 'махать': лтш. *māt*; слав. *māję* (C).

2.3. Нерегулярности и случаи, требующие специальных комментариев

К и.-е. 1-му классу нужно, по-видимому, отнести еще следующие корни:

1. *kueit- 'светить, рассветать'.
Ср. лит. *šviēšia*; *švišta*; слав. *svbtņę* (B). Данный корень необходимо отличать от и.-е. *kueit-, представленного в слав. *kvbtę* (C), аор. *eviso* 'цвести' и др.-инд. *ḡvetate*, аор. *ḡvitānā*, *agvāt* 'быть светлым'. Последний корень, судя по слав. подвижной парадигме и принадлежности его в др.-инд. ко 2-му классу, должен был относиться в общиндоевропейском ко 2-му классу (хотя в др.-инд., по-видимому, оба корня подверглись контаминации).
2. *nak-/*ank-(?) 'достигать'.
Ср. др.-инд. *agnōti*, аор. *akṣa*, *agema* 'достигать'; гот. (прет.-през.) *ga-nak* 'достаточно'; лат. *nanciscor*. Этот корень нужно отделять от и.-е. *nek-, представленного в др.-инд. *nakati* 'достигать', лит. *nešti*, *nėša* 'нести', слав. *něsę* (C), аор. *něst* 'нести'. Последний

корень, несомненно, относится ко 2-му и.-е. классу. Как и в предыдущем случае, фонетическая близость этих двух корней приводит к их контаминации в языках-потомках.

3. *sed- 'сидеть'.

Ср. слав. *sědъ* (A), аор. *sědъ*; лат. перф. *sēdī, sīdī*; греч. *ἕδεε-* (1); лит. кауз. *sōdinti*. Все эти формы указывают на принадлежность корня к 1-му классу. Отклоняется однако др.-инд. парадигма *sīdati, sītsi*, аор. *sītsat*. Скорее всего, переход данного корня во 2-й класс - вторичное явление (по аналогии с *tiṣṭhāti* 'стоять?'): на это указывает даже собственно др.-инд. производное *sādā* 'сидение (на коне)', акцентуация и значение которого предполагают принадлежность производящего глагола к 1-му классу.

4. *skend- 'прыгать; подниматься'.

Ср. лат. перф. *scandī*; лит. *skęsta*. Отклоняется др.-инд. през. *skāndati*, указывающий на 2-й класс; скорее всего, однако, это вторичная форма ввиду наличия корневого аориста *askan*.

5. *(s)pek- 'смотреть'.

Ср. др.-инд. *pāyati*, аор. *āspaṣṭa*. Др.-инд. парадигма указывает на и.-е. 1-й класс; в латыни, однако, наличие сигматического перфекта *spēxī*. Последняя форма, скорее всего, является вторичной ввиду йотового презенса *speiō* (по-видимому, более продуктивный сигматический перфект вытеснил более старую форму типа *spēcī, наличие которой предполагает през. *speiō*).

6. *segk- 'хватать; примыкать; прилепать'.

Ср. др.-инд. *sājati* (< *sygkēti, ср. перф. *saṣaṅja*), аор. *āsakta*; слав. *sěgnъ* (A). Отклоняется лит. *segti, sęga* 'застегивать', указывающее на 2-й класс. Однако очень возможно, что лит. корень необходимо соотносить с другим славянским материалом, ср. слав. *stegati* (соотношение начальных согласных здесь в точности такое, как в случае слав. *steǣgъ* - лит. *sęgti*).

7. *lenk- 'гнуть'.

Ср. лит. *leñkia, liñksta*; слав. *lękъ* (C). Слав. подвижная парадигма в данном случае предположительно связана с полной ступенью огласовки в корне (см. выше о глаголах типа *bljūdъ*), хотя при срединном -e- этого и нельзя с точностью утверждать. Отклоняется опять-таки лат. сигматический перфект *lēxī*. Как и в случае со *spēxī* (см. выше), наличие йотированного презенса *licio* заставляет считать этот перфект вторичным.

8. *ker- 'отпирать; запирасть'.

Ср. др.-инд. *vrñoti*, аор. *āvar, avrta*; лтш. *veřt*. Противоречит отнесению корня к 1-му классу акцентуация слав. *vbrъ, verti* (C); однако в данном случае реконструкция праславянской акцентной парадигмы не вполне надежна.

К и.-е. 2-му классу нужно отнести следующие корни:

1. *kyeit- 'быть светлым, цвести' - см. выше, с. 335,

2. *nek- 'нести, достигать' - см. выше, с. 335,

3. *ghrebh- 'хватать; грести'.

Ср. слав. *grěbъ* (C), аор. *grěsv*. Др.-инд. парадигма *grbhñati*, аор. *agrīham, agrbhnan* указывает на 1-й класс.

Однако в др.-инд. имеется две пары производных имен: 1) *grāhā* 'хватание; хищный зверь'; *grāha* 'то, что можно погрузить в сосуд'; 2) *grābhā* 'столько, сколько можно схватить'; *grābha* 'захват, хватание силой'. Судя по акцентуации и семантике производных, производящий глагол для первой пары должен был относиться к 1-му классу, а производящий глагол для второй пары - ко 2-му классу. Весьма вероятно, таким образом, предположение о наличии двух исходных корней, противопоставленных фонетически (и, возможно, семантически), сконтаминировавшихся в одной глагольной парадигме в др.-инд., но продолжающих различаться в производных. Слав. *grěbъ* непосредственно соотносится с производными *grābha, grābhā*.

4. *pet- 'летать'.

Ср. др.-инд. *pātati*; др.-гр. *πετα-* (2) : аор. *ἔπετον*. В др.-инд., вероятно, совпало два корня - ср. еще др.-гр. *πετο-* (1) : *πέτω*, аор. *ἔπετον* 'падать'. Судя по др.-гр., корень **pet-* 'летать' принадлежал ко 2-му и.-е. классу, а корень **pet-* 'падать' - к 1-му (в др.-инд. *pātati* имеет как значение 'летать', так и значение 'падать').

5. *yerǵ- 'вязать, привязывать'.

Ср. слав. *vrъzъ* (C). Противоречит отнесению данного корня ко 2-му классу литовская парадигма *veřsti, veřzia*. Есть, однако, основания полагать, что это - вторичная модификация исходной парадигмы типа **viřsti, *veřza* (ср. при наличии старой парадигмы *mīlsti, mēlza* 'доить' вторичную безаблаутную парадигму *mēlsti, mēlzia* - см. выше, с. 333).

6. *yerp- 'рвать; прять'.

Ср. слав. *vbrъpъ* (C). В литовском опять-таки вторичная парадигма *veřpti, veřpia* вместо ожидаемого *viřpti, veřpa* - такой же случай, как и предыдущий.

7. *telk- 'толочь, бить, толкать'.

Ср. слав. *tolъkъ* (C). И здесь (как и в предыдущих двух случаях) литовский заменил старую непродуктивную парадигму **tiļkti, *telka* на более распространенный тип *teļkti, teļkia*.

8. *dhē(i)- 'доить, сосать'.

Ср. лтш. *dēt* - прерывистая интонация указывает на 2-й класс. Этому как будто бы противоречит др.-инд. презенс на -ya- (*dhayati*) (выше, с. 281, говорится о том, что у глаголов с корнями на гласный презенс на -ya- в др.-инд. указывает на их принадлежность к 1-му классу). Однако в данном случае -y-, очевидно, не показатель презенса, а часть корня. Др.-инд. аорист *adhāt* не противоречит отнесению данного корня ко 2-му и.-е. классу.

Перечислим теперь известные нам отклонения от нормальных правил соответствий:

1. *sē- 'бросать, сеять': др.-гр. *ἤηη-* : *ἔηηε*; лат. прич. *satus*; лтш. *sēt*; слав. *sějъ* (A).

Лат. и др.-гр. формы указывают на 2-й класс, балтийская и славянская - на 1-й.

2. *syād- 'быть сладким; подслащивать': др.-инд. *svādati/svādāte* (класс 2); лат. перф. *suāsī* (класс 2); др.-гр. *ἀνδάω* (класс 1)

3. *tek- 'течь, бежать': др.-инд. *takti* (класс 1); лит. инф. *tekėti* (класс 1); слав. *těko* (C) (класс 2)
4. *bhedh- 'бодать': лит. *bėsti, bėda* (класс 2); слав. *bōdq* (C) (класс 2); лат. перф. *fōdī* (класс 1)
5. *kert- 'резать': др.-инд. *kṛntāti, aor. ákṛtas* (класс 1); лит. *kiřsti, keřta* (класс 2); слав. *čvřtq* (C) (класс 2)
6. *reġ- 'исправлять, выправлять': др.-инд. *ṛñjāti, ṛjyate* (класс 1; вторичным отыменным производным является *rājati*); др.-гр. *ὀριγνάω* (класс 2; имеется также през. *ὀρέγνυμι*, но он, по-видимому, вторичен); лат. перф. *rēxi* (класс 2)
7. *plāk- 'бить; бить себя в грудь, оплакивать': др.-гр. *πλάγνυμι, aor. ἐπέπληγον* (класс 1); лат. *plangō* (класс 1); слав. *plāčq* (A) (класс 1); лит. *plākti, plāka* (класс 2)
8. *plat(h)- 'быть плоским; расстилать, распространять': др.-инд. *práthate, aor. prathāná* (класс 2); лит. *plāsti, plānta* (класс 1)
9. *mer- 'умирать': др.-инд. аор. *amṛta* (класс 1); лтш. *mīrt*; лит. кауз. *marinti* (класс 1); слав. *mьrġ* (C) (класс 2)
10. *sten- 'кричать, стонать': др.-инд. аор. *astānīt* (AV) (класс 2). Ввиду того, что форма засвидетельствована только в Атхарваведе, отнесение данного глагола к кл. 2 не вполне надежно. Слав. *stenjġ* (B) (класс 1)
11. *meu- 'мыть(ся)': лтш. *maūt* (класс 2); слав. *myjġ* (A) (класс 1)
12. *prē- 'сушить, жечь': др.-гр. *πέμπρωμι* (класс 2); слав. *prějġ* (A) (класс 1)
13. *bhle- 'кричать, плакать, блять': лат. прич. *flētus* (класс 1); лтш. *blēt* (класс 2); слав. *blějġ* (C) (класс 2).

3.1. Заключение

Отвлекаясь от семантической характеристики двух индоевропейских глагольных классов, можно попытаться дать их формальное описание.

3.1.1. Фонетика

Кардинальное фонетическое различие между глаголами обоих классов, по-видимому, заключалось в их акцентуации. Наиболее отчетливо это прослеживается в балто-славянском, где неподвижная акцентная парадигма 1-го класса противопоставлена подвижной акцентной парадигме 2-го класса. Аналогичным акцентным противопоставлением объясняется сокращение долгот в ряде форм в корнях CV 2-го класса в латыни (при сохранении долгих в аналогичных корнях 1-го класса); элизия инлаутного гласного в ряде форм в корнях CVCV 2-го класса в греческом (при сохранении гласного в аналогичных корнях 1-го класса).

Все это как будто бы указывает на исходную подвижность акцентной парадигмы глаголов 2-го класса и неподвижность акцентной парадигмы глаголов 1-го класса.

Реальная ситуация, однако, вероятно, была сложнее. Действительно, в греко-иранском мы наблюдаем подвижную акцентную парадигму в атематическом спряжении (характерном для 1-го класса) и неподвижную акцентную парадигму (колонную баритонезу) в тематическом спряжении (характерном для 2-го класса) – т.е. картину, диаметрально противоположную описанной выше.

Свести все эти внешне противоречивые факты воедино можно, по-видимому, лишь путем кардинального пересмотра индоевропейской акцентологической реконструкции, что, однако, выходит далеко за рамки настоящей работы⁷.

3.1.2. Морфология

Базисные различия между двумя классами индоевропейских глаголов затрагивают, во-первых, систему презенса (инфекта), во-вторых, систему аориста (в системе перфекта существенных различий как будто не наблюдается).

В системе презенса все обследованные языки более или менее последовательно указывают на наличие в общеиндоевропейском противопоставления:

атематический презенс – 1-й класс глаголов
тематический презенс – 2-й класс глаголов.

Данное противопоставление ни в одной системе уже не представлено в чистом виде в результате очень сильной тенденции к тематизации атематических глаголов. Тематизированные атематические глаголы 1-го класса часто, однако, отличаются от исконно тематических глаголов 2-го класса (в др.-инд. это противопоставление презенсов типа *tudāti* презенсам типа *codati*⁸; в балто-славянском

⁷ Новый этап в развитии индоевропейской акцентологии фактически начался пионерскими работами В.М. Иллич-Свитыча [9] и В.А. Дыбо [1], без работ которого по реконструкции балто-славянской акцентной системы [2; 3; 4] была бы невозможна настоящая работа. Целый ряд фактов индоевропейской глагольной (равно как и именной) систем, по-видимому, должен объясняться с точки зрения теории акцентных парадигм и, далее, морфонологических акцентных валентностей (в конечном счете восходящих к исходной системе тональных противопоставлений). Об общих принципах подхода к подобной проблематике см. [13].

⁸ Лишь в редких случаях наблюдается "полная" тематизация глаголов 1-го индоевропейского класса, что связано с переносом ударения на корень по правилу Соссюра (в таких случаях, как *ájati* < *ajāti); несколько больше таких случаев среди глаголов с сонантными корнями (типа *gámati* < *gamāti).

Особый случай – это греческие презенсы типа *λεβλω*, славянские презенсы типа *bljūdq* (с подвижной парадигмой!), др.-инд. презенсы типа *bódhati* (наиболее распространен этот тип презенса от глагольных корней 1-го класса в греческом, гораздо меньше распространение он имеет в индийском и славянском). Вероятнее всего, мы имеем здесь дело с вторичной тематизацией силь-

при совпадении формальных парадигм сохраняется противопоставление акцентных парадигм). Лишь в греческом и латинском, как правило, нельзя отличить тематизированный атематический презенс от исконно тематического презенса.

Глаголы 2-го класса могли иметь атематический презенс лишь в специфических случаях: а именно, когда имели корень структуры CVCV (ср. греч. $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\omega$, $\tau\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$, предполагающие * $\delta\alpha\mu\alpha$ - $\mu\iota$, * $\tau\epsilon\lambda\alpha$ - $\mu\iota$; др.-инд. *ani-ti* и т.п.) или $\bar{C}\bar{V}$ (ср. греч. $\delta\iota\delta\omega\mu\iota$, др.-инд. *dādāmi* и т.п.); можно думать, что тематический гласный здесь сливался с ауслаутным корневым гласным. (В данном случае неважно, кончался ли корень морфологически на "ларингал" (ср. греч. аор. $\epsilon\sigma\tau\eta\nu$), поскольку выпадение реальных ларингалов в основе презенса произошло достаточно рано.)

Можно думать, что процесс устранения чисто атематической парадигмы презенса начался еще в общеиндоевропейскую эпоху. Однако тематизация атематического спряжения тогда еще была не столь распространена, как впоследствии в отдельных индоевропейских языках. Гораздо большую роль играли различные презентные аффиксы: инфикс/суффикс $-n$ ⁹, суффиксы $-\dot{i}e$ ¹⁰, $-neu-$, $-ske$ ¹¹.

Глаголы 2-го класса, как правило, не имели презентных суффиксов (кроме собственно тематического $-e$ и, возможно, $-\dot{i}e$ (см. сноску 10)). Только презенсы от корней структуры CVCV, бывшие (как говорилось выше) атематиче-

ных форм корневого аориста (т.е. с формами типа др.-инд. аористного конъюнктива, перенесенными в систему презенса).

⁹ Инфикс $-n(e)$ - и суффикс $-ne-$, по-видимому, этимологически единый формант. Доказательство этого, впрочем, выходит за рамки настоящей работы.

¹⁰ С суффиксом $-\dot{i}e$ ситуация довольно сложная. Для корней на шумный он характеризует 1-й класс в древнеиндийском (4-й индийский класс презенса), латыни (тип *capio*), балтийском (тип *baūdžia*), славянском (тип *tъsjǫ*). Аналогично обстоит дело у корней на гласный в древнеиндийском (тип *trāyate*). Однако уже при корнях на сонант суффикс $-\dot{i}e$ может выступать как при глаголах 1-го, так и при глаголах 2-го класса. В древнегреческом йотовый суффикс вообще является надпарадигматическим (может присоединяться к глагольным корням любого класса). По-видимому, в индоевропейском было несколько йотовых суффиксов с разными функциями (и с разными фонетическими характеристиками и синтактикой), сложным образом развивавшихся в языках-потомках (ср., например, в др.-инд., кроме суффикса $-ya-$ 4-го класса презенса, еще суффикс пассива $-ya-$ и каузатива $-aya-$; последние два суффикса имеют явно надпарадигматический характер).

¹¹ В греческом суффикс $-ske-$ присоединяется и к глаголам 2-го класса (случаи типа $\beta\iota\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, $\kappa\iota\lambda\tau\sigma\kappa\omega$, $\beta\iota\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ и т.п.) — но только к редуцированному корню. По-видимому, это вторичное явление, как и сама такая редупликация, см. ниже).

скими, могли по аналогии с глаголами 1-го класса оформляться суффиксом $-n(e)$ - (эти образования дали греч. презенсы типа $\delta\alpha\mu\eta\mu\iota$, др.-инд. презенсы типа *grṇāti*). Глаголы с корнями структуры CV 2-го класса обычно суффиксов не присоединяли¹², но компенсировали свою атематичность путем использования редупликации (ср. формы типа *dādāmi*, *dādāhāmi* и т.п.)¹³.

Что касается аориста, то в целом здесь наблюдается противопоставление:

корневой и тематический¹⁴ аорист — 1-й класс глаголов, сигматический аорист — 2-й класс глаголов.

Именно такая система наблюдается в итальянском (латинский перфект = индоевропейский аорист) и славянском.

В греко-иранском глаголы 1-го класса также получили возможность образования сигматического аориста (это, вероятно, греко-иранская инновация; никаких следов его не сохраняют остальные языки), но, видимо, особый его тип — без удлинения корневого гласного. В греческом этот тип аориста контаминировал со старым сигматическим аористом от глаголов 2-го класса, в результате чего сигматический аорист стал надпарадигматической категорией.

¹² Ср., впрочем, слав. *dājq*, *stājq*, *dějǫ*.

¹³ Это, видимо, единственный тип случаев, для которых редуцированную основу презенса можно восстанавливать в общеиндоевропейском. Глаголы с такой редупликацией сохранили ее практически во всех индоевропейских языках. В греко-иранском такой тип редупликации был распространен также на корни 2-го класса структуры CVCV (ср. др.-гр. $\beta\iota\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, др.-инд. *bibharti* = гр. $\beta\iota\beta\rho\eta\mu\iota$ и т.п.).

Что касается распространенного в древнеиндийском редуцированного презенса у глаголов индоевропейского 1-го класса (др.-инд. 3-й класс презенса), то это, вероятно, индийская (индоиранская) инновация (по-видимому, возникшая под влиянием системы перфекта и редуцированного аориста, а также широко распространеннейшей системы интенсивов), не имеющая надежных индоевропейских параллелей.

¹⁴ Соотношение между корневым и тематическим аористом у глаголов 1-го класса первоначально было, видимо, полностью параллельным соотношению атематического и тематизированного презенсов у этих же глаголов. В связи с этим возникают некоторые сложные и интересные вопросы: различалась ли вообще первоначально у глаголов 1-го класса система презенса и аориста? (При презенсе типа *ed-mi корневого аорист должен иметь вид *ed-m и, в таком случае, ничем не отличаться от имперфекта; то же относится к вторично тематизированным формам типа презенса *ag-e-ti: аор. (= имперф.) *ag-e-t и т.п.) Если нет, то не это ли (стремление к дифференциации основ презенса и аориста) привело к столь широкому распространению различных суффиксальных оформлений основ презенса глаголов 1-го класса? Ответы на эти вопросы должны дать будущие исследования.

С фонетической точки зрения все формы греческого сигматического аориста восходят именно к "новому" греко-иранскому типу, поскольку никаких следов аористной ступени продления греческий не обнаруживает.

В древнеиндийском противопоставление двух сигматических аористов сохранилось, но они распределились по залогам: старый сигматический аорист сохранился в действительном залоге (у глаголов 2-го класса), новый был ограничен медиальным залогом (у глаголов 1-го класса)¹⁵. Недостающие активные формы аориста глаголов 1-го класса и медиальные - глаголов 2-го класса - восполнялись аористами других типов (аорист на *-i*, редупликационный аорист у глаголов 2-го класса; тематический и корневой аорист у глаголов 1-го класса). Именно такую ситуацию мы застаем в Ведах; позднее (уже в Брахманах) несимметричные аористные парадигмы подверглись активному выравниванию.

Глаголы 2-го класса в общеиндоевропейском, как уже было сказано, образовывали сигматический аорист с удлинением корневого гласного (тип др.-инд. *á-vāṭ* = лат. *vēxī* = слав. *věso*). Однако есть следы особых типов корневого и тематического аориста у этих глаголов. Так, при презенсе **keite-ti* (> др.-инд. *śetati*) был возможен аорист **kite-t*. (ср. др.-инд. аористное причастие *śitāná* и редкие аористные парадигмы типа *ávr̥dhāt*, *vr̥dhāná*); при презенсе **bheye-ti*/**bheye-ti* (> др.-инд. *bhāvati*) был возможен аорист **bhū-t*/**bhūye-t* (др.-инд. *á-bhū-t*, *á-bhūva-t*, гр. *ἔ-φῶ-ν*; ср. также лат. *fuī*, слав. *by*)¹⁶. Этот тип аориста, возможно, наиболее архаичен, но уже в общеиндоевропейский период, видимо, активно вытеснялся формами имперфекта и сигматического аориста.

Для конкретной и качественной реконструкции общеиндоевропейского состояния весьма много должно дать привлечение анатолийских фактов (нельзя забывать, что идея о наличии в индоевропейском двух глагольных классов - пусть не вполне совпадающих с описанными в данной статье - была впервые высказана Вяч.Вс. Ивановым [6, 55-138; 7] именно на основании анализа анатолийских *-mi* и *-hi*-спряжений и их связей с глагольными парадигмами других индоевропейских языков). Основную же цель данной работы мы видели в доказательстве правомерности разбиения индоевропейских глаголов на два парадигматических класса и в описании конкретной процедуры такого разбиения.

¹⁵ Такое развитие, по-видимому, связано со стандартным противопоставлением полной ступени огласовки в действительном залоге (в сильных формах) нулевой ступени в медиальном залоге. По аналогии с этим сигматический аорист со ступенью продления стал употребляться преимущественно в активном залоге, а без продления - в медиальном.

¹⁶ Не исключено, что к аористным основам типа **kite-* с нулевой огласовкой восходят славянские (и аналогичные балтийские) презенсы типа *cbtr*, нулевая огласовка которых иначе никак не объяснима (распространенное сопоставление их с 6-м индийским классом презенса явно неприемлемо).

1. Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. - ВСЯ, 1961, вып. 5.
2. Дыбо В.А. Акцентные типы презенса глаголов с *ь*, *ѳ* в корне в праславянском. - ВЯ 1972, № 4.
3. Дыбо В.А. Реконструкция системы акцентных парадигм в праславянском (конспект). - Сборник за филологию и лингвистику, т. XXII/1. Нови Сад, 1979.
4. Дыбо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейской акцентной системы. I. Балто-славянский прототип праславянской акцентной системы. - В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
5. Зализняк А.А. Из древнеиндийской морфологии. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
6. Иванов Вяч.Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
7. Иванов Вяч.Вс. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968.
8. Иллич-Свитич В.М. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение. - ВСЯ, 1961, вып. 5.
9. Иллич-Свитич В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
10. Николаев С.Л. Два класса глагольных корней вида CV(C)CV в древнегреческом. - Конференция "Проблемы реконструкции" (тезисы докладов). М., 1978, с. 112-113.
11. Николаев С.Л., Старостин С.А. Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений. - Там же, с. 114-119.
12. Būga K. Rinkiniai raštai, III. Kirčio ir priegaidės mokslas. Vilnius, 1961.
13. Dybo V., Nikolaev S., Starostin S. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems. - Estonian papers in phonetics 1978. Tallinn, 1978, p. 16-20.
14. Endzelin J. Zur Betonung der litauischen Präsens-stämme. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Bd. 51. Göttingen, 1923, S. 1-17.
15. Kuryłowicz J. L'apophonie en Indo-Europeen. Wrocław, 1956.
16. Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen.
17. Narten J. Die sigmatischen Aoriste im Veda, 1964.
18. Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, t. II. (Nauka o budowie wyrazów). Warszawa, 1965.
19. Saussure F. Memoire sur le systeme primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Paris, 1889.
20. Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966.
21. Watkins C. Indogermanische Grammatik (herausgegeben von Jerzy Kuryłowicz). Bd III. Formenlehre. Erster Teil. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.
22. Whitney W.D.W. The roots, verb forms and primary derivatives of the Sanskrit language. Calcutta, 1885.
23. Stolz Fr., Schmalz J.H. Lateinische Grammatik. München, 1910.
24. Brugmann K. Griechische Grammatik. München, 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>В.Н. Топоров.</i> Древняя Москва в балтийской перспективе.	3
<i>А.А. Зализняк.</i> К исторической фонетике древненовгородского диалекта	61
<i>А.Б. Брейдак.</i> Некоторые особенности фонематической подсистемы согласных в глубинных говорах Латгалии	81
<i>М.И. Лекомцева.</i> К реконструкции фонологических систем языков голяди и днепровско-двинских балтов (II)	88
<i>К.А. Карулис.</i> Из балтийских этимологий	97
<i>В.Н. Топоров.</i> Прусск. <i>reddi</i> и под. как семантическая проблема.	100
<i>Л.Г. Невская.</i> Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре.	106
<i>Н. Велюс.</i> Растения вьяльнуса в литовском фольклоре.	121
<i>Б. Кербелите.</i> Сказочник из Жемайтии.	131
<i>Т.М. Судник, Т.В. Цивьян.</i> О мифологии лягушки (балто-балканские данные).	137
<i>В.Н. Топоров.</i> Др.-греч. <i>βάτραχος</i> и др. (заметка на полях).	155
<i>А.Ю. Айхенвальд, В.Я. Петрухин, Е.А. Хелимский.</i> К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов.	162

II

<i>Вяч.Вс. Иванов.</i> Новый источник для установления индоевропейских акцентуационных парадигм (Клинописные написания с гласными)	192
<i>В.А. Дыбо.</i> Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции).	205
<i>С.Л. Николаев, С.А. Старостин.</i> Парадигматические классы индоевропейского глагола.	261

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 1981

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Н.Н. Барская.* Художник *А.Г. Кобрин.*

Художественный редактор *Т.П. Поленова.* Технический редактор *Г.И. Астахова*

ИБ № 25021

Подписано к печати 26.02.82. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 21,5. Уч.-изд.л. 26,0. Тираж 1550 экз. Тип. зак. 903
Цена 4р. 20 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

4р. 20к.

1981

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

